

**Магия ИННО:
новое в исследовании языка
и методике его преподавания**

Материалы Второй научно-практической конференции

(Москва, 24–25 апреля 2015 г.)

Том 1
Секции 1–4

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

**Магия ИННО:
новое в исследовании языка
и методике его преподавания**

Материалы Второй научно-практической конференции
(Москва, 24–25 апреля 2015 г.)

Том 1
Секции 1–4

Издательство
МГИМО–Университет
2015

УДК 4
ББК 81
М12

Редакционная коллегия:
Е. Б. Ястребова
Е. А. Лукьянченко

Ответственный редактор
Д. А. Крячков

Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания : материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). Т. 1 / отв. ред. Д. А. Крячков ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации — М. : МГИМО–Университет, 2015. — 671, [1] с.

ISBN 978-5-9228-1397-6 (т. 1)

ISBN 978-5-9228-1399-0

В первый том сборника вошли секционные доклады, посвященные научно-теоретическому осмыслению языковых явлений, лингвистическому анализу дискурса и обсуждению актуальных вопросов межкультурной коммуникации.

Сборник включает контактную информацию об авторах, которые приехали на конференцию из российских и зарубежных университетов.

Данный сборник предназначен для преподавателей иностранного языка и исследователей, интересующихся вопросами лингвистики и межкультурной коммуникации.

УДК 4
ББК 81

ISBN 978-5-9228-1397-6 (т. 1)
ISBN 978-5-9228-1399-0

© МГИМО МИД России, 2015

Содержание

Предисловие.....	13
Секция 1	
Современные теории текста и дискурса	15
Дискурсообразующие признаки рекрутинга как сферы межпрофессиональной коммуникации <i>Ю. В. Агеева</i>	17
Возможности критического жанрового анализа для изучения музыкально дискурса <i>Е. В. Алешинская</i>	22
Этимология антропонима в английских фразеологизмах о болезнях как источник имплицитной информации <i>Л. К. Байрамова</i>	28
Лингвосинергетическая трактовка устного разговорного диалога <i>Г. Р. Власян</i>	32
Взаимосвязь текста и дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы <i>Е. А. Гаврюшина</i>	37
Характеристика стратегий делового англоязычного дискурса стран азиатско-тихоокеанского региона на примере туристического дискурса <i>В. В. Дацюк</i>	41
Когнитивная стилистика: исследование стратегии выдвижения в тексте <i>Н. М. Джусупов</i>	46
Социолингвистический аспект делового дискурса английского языка <i>Т. Н. Ефименко</i>	50
Терминологическое поле англо-русского тезауруса по лингвистике текста <i>И. И. Жучкова</i>	54
Лингвокультурные особенности прецедентного жанра “актовая речь” <i>С. В. Иванова</i>	58
Основные категории текста как главной единицы коммуникации <i>А. В. Кокова</i>	64
Установление авторства текста как результат дискурсивного выбора <i>Н. Н. Коноплева</i>	69

Функциональный потенциал языковых афоризмов (на примере текстообразующей функции в текстах американских предвыборных речей) <i>Д. А. Крячков</i>	74
Современный дискурс: социальные реалии и плюрализм элит <i>Э. Г. Куликова</i>	80
Эмотивный дискурс крымских событий: социальный перформанс и его языковые репрезентации <i>И. Н. Литвинчук</i>	84
Системность английской фразеологии на примере заимствований <i>С. В. Мухин</i>	88
Смысловой анализ текста <i>Е. С. Никитина</i>	93
Коммуникативно-прагматические характеристики исторического дискурса <i>О. Г. Плехова</i>	99
Субъектная организация рассказа-повествования о правонарушениях во вторичных речевых жанрах <i>Т. И. Попова</i>	103
Влияние культурной принадлежности на формирование лаудативного дискурса (на примере английского языка) <i>М. Д. Рыжикова</i>	108
Актуализация метасмысла “преувеличение” в полипропозитивных конструкциях (на материале современного русского языка) <i>Н. В. Семёнова</i>	113
Интегральная теория дискурса <i>Т. Н. Хомутова</i>	116
Коммуникативные стратегии развлекательного дискурса <i>С. В. Чернова</i>	121
“Русский акцент” в английской письменной речи <i>Т. Г. Шишкина</i>	126
Orientalisms in Russian Discursive Practice of the 21st Century: Theoretical and Practical Aspects <i>Natalia V. Yudina</i>	131
Секция 2	
Лингвистический анализ политического дискурса	135
Метафора как средство актуализации концепта “чужой” в британском политическом дискурсе <i>Т. В. Алиева</i>	137

Функции метафорического моделирования в политическом дискурсе <i>Т. В. Андриюхина</i>	141
Linguistic Analysis of Political Discourse in Slovakia and in the EU Epitomized in the Respective Speeches of the Slovak Prime Minister Róbert Fico and the German Federal Chancellor Angela Merkel <i>Mgr. Lucia Gibl'áková</i>	146
К вопросу о соблюдении норм речевого этикета в выступлениях иранских политиков <i>Е. Л. Гладкова</i>	152
Искажение реальности в политическом медиадискурсе <i>Э. В. Егорова, О. И. Осетрова</i>	157
Политическая парадигма в историко-мифологическом дискурсе Гора Видала: лингвостилистический аспект <i>О. В. Ермоленко</i>	161
Сила слова: опыт анализа элементов англоязычного политического дискурса на основе электронных запросов пользователей <i>Н. К. Иванова</i>	166
Трактат Джона Мильтона "Об образовании" как политический дискурс. Особенности аргументации <i>Т. Н. Иванова (Шелингер)</i>	171
Лингвокультурный статус телескопических единиц в политическом дискурсе <i>М. В. Крат</i>	176
Языковая игра как средство инвективы (на материале интернет- коммуникации) <i>Э. П. Лаврик</i>	181
Лингвистический анализ политического медиадискурса КНР: теоретические и экспертно-практические измерения <i>Т. Н. Лобанова</i>	186
Исследование политического текста приемами прагмалингвистики <i>Г. Г. Матвеева, И. А. Зюбина</i>	192
Роль вербальных и визуальных зооморфных персонификаций национальных стереотипов в политическом дискурсе <i>А. П. Миньяр-Белоручева, М. Е. Покровская</i>	197
О становлении нового лингвокультурного концепта <i>biodeutscher</i> в немецкоязычном политическом дискурсе <i>О. А. Никитина</i>	202
Синтаксические средства создания образа женщины-политика в англоязычном медиа-политическом дискурсе <i>Е. С. Пронина</i>	207

Концептуальный анализ социально-политического явления “терроризм” в медийном дискурсе Дагестана <i>Н. К. Рамазанова</i>	211
Алгоритм анализа политического дискурса <i>У. В. Смирнова</i>	216
Новостное сообщение: практика дискурс-анализа <i>О. Н. Судакова, Е. В. Баранова</i>	220
Recurrent Constructions, Their Usage, and Translation Strategy in Political Discourse <i>Evgenia V. Terekhova</i>	225
Диалог в различных видах политического дискурса <i>А. А. Тымбай</i>	230
Опыт моделирования концептуально-метафорических оснований политического дискурса в диахронической перспективе <i>Н. А. Чес</i>	235
Деонимизация как способ образования новых терминов в дискурсе СМИ Германии <i>М. А. Чигашева</i>	239
Стратегии дискурса власти в ситуации междискурсивного когнитивного конфликта <i>И. И. Чумак-Жунь</i>	243
Прагматический потенциал квантификаторов <i>muito</i> и <i>poisso</i> в португальском политическом тексте <i>О. А. Шершукова</i>	248
Лексикон российского политического дискурса в английском языке: межкультурный аспект <i>Н. Г. Юзефович</i>	252
Секция 3	
Когнитивно-прагматические аспекты языка и речи	257
Актуальные смыслы и способы их выражения <i>Л. И. Богданова</i>	259
Стратегии сохранения имиджа компании в период кризиса с позиций прагмалингвистики <i>А. В. Галигузова</i>	264
Современная репрезентация культурных традиций: изосемантика и культурная матрица (намаз) <i>Рахилья Гейбуллаева</i>	268
Классификация речевых способов номинации в соответствии с правилами этикета <i>Е. В. Голубкова</i>	279

Языковая игра как способ ведения информационной войны в современном медиадискурсивном пространстве <i>А. В. Гусякова</i>	285
Межъязыковая семантическая ассоциативная связь как когнитивная основа усвоения иностранного языка <i>В. В. Денисова, Е. А. Стародубцева</i>	290
Публичная речь в действии <i>А. А. Джигоева</i>	296
Предикативные основы синтаксической рекурсии <i>Е. Л. Дубовик</i>	301
Прагматика номинативных стратегий англоязычного массмедийного дискурса <i>Г. В. Защитина</i>	306
Языковая составляющая образования: мнение современных студентов <i>Ю. Н. Здорикова</i>	311
Прагматическая пресуппозиция тропеической лексики как феномена современного коммуникативного пространства (на примере профессиональной метафоры и каламбура) <i>О. С. Зубкова</i>	315
Прагмалингвистический аспект речевого портрета <i>И. А. Зюбина, Г. Г. Матвеева</i>	320
Пространственные метафоры сквозь призму когнитивного подхода <i>И. Н. Ивашкевич</i>	325
Юмор в инициации вербального общения в английской лингвокультуре <i>И. И. Икатова</i>	329
Когнитивно-прагматические особенности репрезентации вымысла в тексте <i>Е. Ю. Ильинова</i>	334
Язык как инструмент формирования гендерной картины мира <i>О. В. Кирина</i>	338
Убеждение и доказательство в современной русскоязычной коммуникации <i>Д. В. Колесова</i>	343
Особенности репрезентации топообъекта в британской внутренней туристической рекламе (мультиmodalный аспект) <i>И. А. Кондакова, Ю. К. Романовская</i>	347
Роль лингвистических и нелингвистических факторов в понимании пространственных конструкций монолингвами и билингвами <i>А. В. Крабис, О. В. Драгой</i>	352

Лингвистические перспективы новой лексики в современном английском языке <i>Н. В. Кузнецова</i>	357
Особенности лексики китайских молодежных блогов <i>В. А. Ленинцева, Т. Н. Бурукина</i>	361
Типы инициального семантического компонента в номинализациях с инкорпорированным объектом (на материале английского языка) <i>Е. А. Лукьянченко</i>	367
Онтология художественного концепта и факторы формирования его ассоциативного поля <i>О. А. Мещерякова</i>	371
Реализация коммуникативных интенций говорящего через невербально-просодический комплекс <i>Е. И. Михалева</i>	375
Словообразовательный ансамбль как средство идентификации родственных слов и декодирования радикаоида <i>И. Д. Михайлова</i>	380
Рефлексивный концепт “периметр безопасности” в наивной картине мира <i>Д. А. Морель Морель</i>	384
Лингвопрагматический аспект маркетинговых приемов продвижения товаров народного пользования на рынке (на материале русского и английского языков) <i>Н. А. Наумова</i>	389
Созидательное речевое воздействие в психологии, педагогике и повседневной жизни <i>В. В. Нохрина</i>	393
Социальная сеть как инструмент формирования коммуникативной компетенции студентов бакалавриата <i>О. В. Павлова</i>	398
О типах полисемии английских слов, связанных по конверсии <i>А. Д. Прянишникова</i>	402
Соотношение полипредикативного предложения с паратакиссом и гипотакиссом и текстовых единиц <i>К. И. Ракова</i>	406
Когнитивно-функциональные особенности ономастической номинации <i>В. В. Робустова</i>	410
Морфология числа и семантика количества <i>Н. И. Руденко</i>	416

Концепт “Дом” в контексте английской и русской культуры <i>Е. В. Рязанова</i>	421
Прагматические функции вопросительных высказываний в современной стилизованной английской разговорной речи <i>Л. А. Сапожников</i>	425
Речевое высказывание в контексте ценностно обусловленного дискурса <i>Н. А. Сидорова</i>	430
Перифразирование как показатель авторского стиля в публицистических текстах <i>А. И. Снина</i>	434
Дейксис и маркеры интенциональности контекста <i>Г. П. Смигаренко</i>	438
Способы вербализации лингвокультурного концепта Stiff Upper Lip <i>В. С. Соседова</i>	443
“Фигуры любовной речи” <i>Н. А. Трофимова</i>	449
Диалектизмы и просторечие в тексте художественного произведения: опыт предпереводческого анализа текста (на материале рассказов А. Оуэнс) <i>Я. В. Усачёва</i>	453
Паралогические средства обратной связи в личностном аспекте диалога <i>Т. В. Федосеева</i>	459
Три вариации восприятия движения “мимо” (на примерах значений приставки про- и 过) <i>Т. Цзинь</i>	463
Особенности дистрибуции и семантическое варьирование английских прилагательных вкусообозначения (eatable, edible, palatable, savoury) <i>О. В. Чалей</i>	468
Оценка как составляющая прагматикона языковой личности: триангуляционный подход <i>Е. Б. Чернышова</i>	471
Иллокутивный статус вопроса. Данные японского языка <i>С. В. Чиронов</i>	475
Дискурс как объект исследования в прагматике <i>В. М. Шевцова</i>	482

Сценарии профессиональной и бытовой речевой коммуникации: корпусное исследование на материале повседневной речи жителей Санкт-Петербурга <i>Т. Ю. Шерстинова</i>	486
Когнитивно-прагматический аспект заимствования англо-американских междометий славянскими языками <i>Т. М. Шкапенко</i>	491
Секция 4	
Проблемы межкультурной коммуникации	497
Этническая идентичность в комедии наблюдения (на материале англоязычных шоу 2005–2013 годов) <i>И. А. Алексеева</i>	499
Специфика функционирования общественно-политической фразеологии сквозь призму лингвокультурологического исследования <i>В. С. Арутюнян</i>	503
Один речевой день англичанина в Петербурге: коммуникативные сценарии и их воплощение <i>Е. М. Баева</i>	508
Особенности английского языка в Новой Зеландии <i>А. Р. Бекеева</i>	514
Межкультурная деловая коммуникация и проблемы формирования имиджа современного российского работника (на примере Европейского Севера России) <i>А. А. Богданова</i>	517
Степень передачи лингвокультурной категории “недосказанность (understatement)” при переводе на немецкий и русский языки <i>О. А. Бондарь</i>	522
Лексико-семантическая дивергенция как источник коммуникативных сбоев <i>О. И. Гладких</i>	526
Визуальная коммуникация в пространстве города (на примере Нижнего Новгорода) <i>Т. И. Глухова</i>	530
Особенности создания благоприятной языковой среды в ходе подготовки к Олимпийским играм в Пекине и в Сочи <i>М. Я. Голик</i>	535
Приметы и суеверия в обучении межкультурной коммуникации <i>В. Д. Грищенко</i>	539

Кросс-культурные особенности корпоративного дискурса <i>Н. А. Гулевец</i>	544
Особенности аспектов гражданственности в Нидерландах <i>С. Р. Дворецкая</i>	549
Профессионально-ориентированная технология обучения межкультурной коммуникации <i>Т. А. Дмитренко</i>	552
Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов <i>С. В. Еловская</i>	560
Фрейм как когнитивная основа межкультурной коммуникации: проблема аналогичности и тождественности <i>О. А. Жарина</i>	565
“Положительная тенденция” американизации языка <i>Д. П. Желязкова</i>	569
UNDERSTATEMENT как ключ к пониманию британской лингвокультуры <i>В. Г. Иванова</i>	573
Использование манипулятивных стратегий в деловом презентационном дискурсе <i>Ю. Е. Иванова</i>	579
Влияние учебников английского языка на мировоззренческие и межкультурные представления <i>Е. В. Карпец</i>	584
Кросс-культурная значимость лингвистической коннотации <i>Н. Н. Кислицына</i>	588
О роли культурного контекста в развитии навыков межкультурной коммуникации <i>В. Ш. Курмакаева</i>	594
Названия городов США как зеркало глобализации <i>А. Э. Левицкий</i>	598
Национальная идентичность Китая: что нужно знать о ней для успешной межкультурной коммуникации <i>М. П. Лымарь</i>	603
Старая, добрая ...незнакомая Англия <i>Е. В. Маринина</i>	607
Интервью как технология становления профессионально- творческой компетентности специалиста в межкультурной коммуникации <i>Н. В. Маханькова</i>	612

Стратегии социального взаимодействия в межкультурной коммуникации <i>К. А. Мележик</i>	617
Особенности реализации коммуникативной компетенции <i>Т. Н. Омеляненко</i>	621
Идиомы иностранного языка и их влияние на межкультурную коммуникацию (на примере нидерландского языка) <i>Л. П. Павлова</i>	626
Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации <i>Н. И. Пушкина</i>	630
Межкультурный диалог как ключевой фактор профессиональной подготовки политологов-международников <i>Н. Л. Рябенко</i>	635
Как перезимовать лето? <i>Т. В. Седова</i>	639
О проблеме разграничения понятий “билингвизм” и “диглоссия” в ситуации языковой дисбалансировки в техасском территориальном варианте американского английского <i>Т. В. Скроб</i>	646
Этнокультурные стереотипы в немецком контексте <i>О. А. Степаненко</i>	652
Особенности коммуникации в конфликтном педагогическом дискурсе (по данным кросс-культурного психолингвистического эксперимента) <i>А. Г. Фомин</i>	657
Неологизмы как источник знаний о новой культурной реальности и их роль в образовательном процессе (на материале немецкого языка) <i>Н. В. Фурашова</i>	661
Русский императив глазами иностранца: сложности и пути их решения <i>Ч. Челоне</i>	666

Предисловие

24–25 апреля 2015 г. в МГИМО прошла Вторая международная научно-практическая конференция «Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания», ставшая продолжением традиции, заложенной в юбилейный для факультета международных отношений 2013 г. В работе конференции приняли участие более 350 ученых, представляющих 130 университетов из 22 стран.

Работа конференции была организована в рамках восьми секций:

1. Современные теории текста и дискурса
2. Лингвистический анализ политического дискурса
3. Когнитивно-прагматические аспекты языка и речи
4. Проблемы межкультурной коммуникации
5. Лингводидактика
6. Иностраный язык для специальных и академических целей
7. Электронное обучение иностранным языкам и дистанционное языковое образование
8. Переводоведение

Пленарные и секционные заседания были дополнены семинарами, мастер-классами и круглым столом в формате «Open Space», на которых обсуждались актуальные подходы к изучению лингвистических явлений, а также инновационные технологии и приемы, используемые в языковой подготовке специалистов, профессиональная деятельность которых связана с владением иностранным языком.

В данном двухтомнике собраны материалы секционных выступлений. В Т. 1 включены доклады «лингвистического» блока, посвященные научно-теоретическому осмыслению языковых явлений, лингвистическому анализу дискурса и вопросам межкультурной коммуникации (секции 1-4). В Т. 2 вошли материалы выступлений «методического» блока, связанные с различными лингводидактическими проблемами, и доклады по переводоведению.

Секция 1
Современные теории
текста и дискурса

Дискурсообразующие признаки рекрутинга как сферы межпрофессиональной коммуникации

Ю. В. Агеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация

Автор статьи представляет результаты изучения институционального дискурса (поиск и найм персонала), коммуникативным центром которого является интервью рекрутера и кандидата на должность. Данную коммуникативную сферу можно назвать межпрофессиональной вследствие выявления нижеперечисленных внеязыковых и языковых особенностей. Установлено, что в рамках рассматриваемого статусно-ориентированного дискурса важную роль играет прогнозирование предстоящего контакта как потенциальным адресантом, так и адресатом. В процессе подготовки к собеседованию оба коммуниканта, принадлежащие к разным корпоративным культурам, должны понять специфику той профессиональной сферы (на экстралингвистическом и языковом уровне), которую будет представлять собеседник. Со стороны рекрутера — это составление «профиля должности», со стороны соискателя — сбор информации из разных источников и собственный опыт. При непосредственном общении межпрофессиональный характер коммуникации проявляется только с позиции рекрутера — при использовании дискурсообразующих стратегий и тактик, таких как тактика кейсов и тактика информирования.

Ключевые слова: рекрутинговый дискурс, собеседование, межпрофессиональная коммуникация, профиль должности, термины.

Сфера поиска и найма персонала является коммуникативной средой, которая еще не становилась объектом тщательного изучения лингвистов, хотя, безусловно, имеет большие перспективы, обусловленные своеобразием вербальных и невербальных проявлений. Главным этапом отбора нужного кандидата является собеседование-интервью — «решающий процесс анализа претендента» [6, с. 132]. Материалом для анализа послужили аутентичные записи 42 собеседований.

Известный лингвист-дискурсолог В. И. Карасик, выделяя разные виды дискурса, замечает, что «приведенный список может быть дополнен либо видоизменен», так как «институциональный дискурс исторически изменчив — исчезает общественный институт как особая культурная система и, соответственно, растворяется в близких, смежных видах дискурса свойственный исчезающему институту дис-

курс” [5, с. 194–195]. Таким образом, можно утверждать, что в конце XX века в российской коммуникативной среде появилась новая деловая среда — рекрутинг, и как следствие — новый тип общения — рекрутинговый дискурс.

По своим дискурсообразующим свойствам рекрутинг принадлежит к институциональному типу дискурса, однако, в отличие от других типов (медицинского, политического, педагогического, религиозного и т.д.), данную коммуникативную среду можно считать межпрофессиональной вследствие того, что “агент” и “клиент” представляют разные корпоративные культуры: с одной стороны — специалист в сфере рекрутинга, с другой — специалист из иной области (менеджер по рекламе, руководитель юридического отдела, генеральный директор, редактор политического интернет-издания и т.д.).

В процессе исследования было отмечено, что успешность результатов анализируемой устной межличностной коммуникации во многом зависит от того, насколько ответственно подходят оба участника коммуникации к предстоящему диалогу, что показывает сильное влияние экстралингвистических факторов на протекание рассматриваемого дискурса. Известный ученый О.С. Иссерс, говоря о нерешенных проблемах когнитивной прагматики, замечает, что “на сегодняшний день мы не имеем достоверных представлений о том, как происходит процесс прогнозирования предстоящего вербального (как, впрочем, и невербального) взаимодействия” [4, с. 93–94]. Это, безусловно, касается обычных ситуаций общения, тогда как взаимодействие когнитивных характеристик дискурса с социальными обуславливает тесную связь “аспекта речевого планирования с коммуникативной ситуацией в целом”. Напрашивается вывод, что речевое планирование наиболее осуществимо в статусно-ориентированной ситуации общения, когда его ритуализированный и относительно структурированный характер позволяет максимально спрогнозировать предстоящий вербальный контакт.

Именно на этапе подготовки к собеседованию рекрутер и соискатель “погружаются” в другой профессиональный дискурс. Для того чтобы достичь своей главной цели — найти подходящего кандидата на рассматриваемую вакансию, менеджер по кадрам должен грамотно построить “профиль должности” — сделать тот самый “первый шаг в процессе подбора и оценки персонала” [3, с. 11]. Именно на основании “профиля должности” строится прогнозирование коммуникативных стратегий, которые в последующем могут быть определены как дискурсообразующие стратегии доминирующего коммуниканта.

Сам термин “профиль должности” называет профессиональное понятие, свойственное рекрутингу как сфере подбора персонала. Это “описание компетенций, опыта, а также анкетных данных, необходимых для выполнения данной работы в данной организации” [Там же,

с. 11]. Для того чтобы составить данный документ, не обязательно детально разбираться в специфике рассматриваемой трудовой сферы, однако рекрутеру следует овладеть минимальной понятийной базой чужого дискурса, которая в дальнейшем будет вербализована на уровне речевых тактик и их языковых воплощений.

То, что специалист по кадрам, готовясь к собеседованию, прогнозирует будущую коммуникацию, вполне логично, так как в некоторой степени это является частью его профессиональных обязанностей. Своеобразие данного дискурса заключается еще и в том, что соискатель также должен готовиться к предстоящей беседе. Речь идет, несомненно, о серьезных претендентах, которые заинтересованы в получении должности и обладают рядом положительных качеств. Примеряя на себя “роль” кандидата на рассматриваемую вакансию, потенциальный работник заранее просчитывает, какие будут заданы вопросы или задания и как на них грамотно реагировать. Было установлено, что соискатель погружается в чужой для него рекрутинговый дискурс лишь на этапе подготовки при планировании своего речевого поведения, что вполне логично, так как непосредственно в ходе беседы он должен показать себя как профессионал в своей области, не эксплицируя полученную информацию о специфике речевого поведения интервьюера. Наоборот, его ответы не должны быть открыто социально-желательными, подготовленными. Как и в ситуации с менеджером по кадрам, здесь также присутствует фактор тщательно подготовленной импровизации.

В ходе исследования было отмечено, что эксплицитно выраженное и вербализованное “погружение” в другой дискурс свойственно исключительно интервьюеру. Это обусловлено доминирующей ролью рекрутера, целью которого является оценка кандидата как потенциального работника. С позиции “межпрофессиональности” были выделены две речевые тактики, каждая из которых способствует успешной реализации основных дискурсообразующих стратегий (главной стратегии диагностики соискателя и сопутствующей стратегии окончательного решения [2, с. 49]): тактика кейсов и тактика информирования. Индикаторами данных речевых действий являются прежде всего термины и профессиональные клише той сферы, которой принадлежит вакансия. Использование подобных языковых средств — показатель некой “речевой мобильности” рекрутера.

Тактика кейсов относится к диагностирующим речевым действиям и заключается в следующем: интервьюер вербально воссоздает проблемную ситуацию, которая может возникнуть у потенциального работника в данной должности. Соискатель должен найти и озвучить конкретный выход из этой проблемы. В зависимости от ответов собеседника интервьюер может сделать вывод о его навыках, способностях и мотивации. Например:

Р: — Лилия / представьте себе / что Вы работаете в компании / которая занимается производством бумаги / не только продажей / но и производством // Вы недавно наладили пусконаладочную линию / и Вам теперь необходимо ее активно продавать / потому что процесс пошел // Как Вы будете делать это активно?

“Вербализация данной тактики не требует от рекрутера, чтобы он был специалистом во всех областях, но ему необходимо “быть эрудированным и иметь представление о различных сторонах бизнеса, позволяющее проводить первичную оценку компетенций специалистов различного профиля” [1, с. 298].

Элементарные знания об организации, специфике вакансии и должностных обязанностях необходимы рекрутеру и при использовании речевой тактики информирования. Исследование показало, что в ходе собеседования практически каждый рекрутер (Р) так или иначе информирует соискателя (С) о специфике должности и об организации, в которой предстоит работать. Это происходит исключительно в начале или в конце собеседования.

В начале интервью актуализация тактики информирования имеет целью некую презентацию вакансии, когда коротко озвучиваются особенности организации и должности.

Р: — Людмила Витальевна / добрый день! Спасибо Вам / что Вы нашли время прийти к нам на собеседование // Как Вы понимаете / мы рассматриваем сейчас вакансию “директор отдела продаж” // Ну / буквально несколько слов расскажу Вам о компании на вакансию / на которую мы Вас пригласили // Я представляю оптовую компанию / которая занимается упаковочными материалами // На рынке данная компания больше 5 лет // Компания небольшая // В среднем численность / ну / где-то / наверное / порядка 20 человек //

В заключительной части собеседования интервьюер, реализуя стратегию окончательного решения, использует тактику информирования для объективации своего решения, независимо от того, положительным или отрицательным оно будет.

Р: — Та вакансия / о которой мы говорим — бизнес-аналитик // Это человек / который занимается автоматизацией также бизнес-процессов / формализует это // И работа идет не для своей компании / а для клиентов // Это не будет ли шагом назад?

Таким образом, межпрофессиональность такого типа дискурса, как рекрутинг, обусловлена рядом факторов, проявляющихся как на этапе подготовки к предстоящей коммуникации (прогнозирование), так и непосредственно в процессе собеседования.

Список литературы:

1. Агеева Ю. В. Кейс-технология как коммуникативная тактика в рекрутинге // *European Social Science Journal*. № 4–20. С. 297–303.

2. Агеева Ю. В. Речевое поведение рекрутера в заключительной части собеседования // *XLinguae European Scientific Language Journal*. Volume 7. Issue 1. 2014. P. 46–60.
3. Иванова С. В. Искусство подбора персонала: Как оценить человека за час. М.: Альпина Паблишер, 2012. 269 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 304 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Карташев С. А., Одегов Ю. Г., Кокорев И. А. Рекрутинг. Найм персонала. М.: Экзамен, 2002. 320 с.

Сведения об авторе: Агеева Юлия Викторовна; к.ф.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации, г. Казань, Россия; email: jageeva@yandex.ru

DISCOURSE-FORMING ATTRIBUTES OF RECRUITING AS SPHERE OF INTERPROFESSIONAL COMMUNICATION

Julia V. Ageeva

Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Philology and Intercultural, Kazan; email: jageeva@yandex.ru

Abstract

The article presents the study of institutional discourse (sourcing and recruitment of staff) in which the interview between a recruiter and a job applicant is regarded as a communicative centre. This communicative sphere may be called inter-professional due to identification of extralinguistic and linguistic characteristics listed below. It was found that the forecasting of prospective contact by a potential addressee and an addresser is vital within the reviewed status-oriented discourse.

In preparation for the interview both communicants from different corporate cultures should understand the specifics of the professional sphere represented by the interlocutor (at a linguistic and extra-linguistic level). The recruiter constitutes a job profile while the job applicant gathers information from various sources and shares personal experience. In immediate communication inter-professional communication is revealed only from the perspective of the recruiter with the use of discourse-forming strategies and tactics such as case-tactics and informing tactics.

Key words: recruiting, job interview, inter-professional discourse, job profile, terms.

References:

1. Ageeva, Ju. V. (2014). Kejs-tehnologija kak kommunikativnaja taktika v rekrutinge [Case-technology as a communicative tactics in recruiting] *European Social Science Journal*, 4–20, 297–303.
2. Ageeva, Ju. V. (2014). Rechevoe povedenie rekrutjora v zakljuchitel'noj chasti sobesedovanija [Speech behavior of recruitment officers in final part of interview] *XLinguae European Scientific Language Journal*, 7, 1; 46–60.
3. Ivanova, S. V. (2012). *Iskusstvo podbora personala: Kak otsenit' cheloveka za chas* [Art of personnel sourcing: How to Evaluate a Person for One Hour]. M.: Al'pina Publisher. 269 p.
4. Issers, O. S. (2012). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. M.: Publishing house LKI. 304 p.
5. Karasik, V. I. (2002). *Iazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. 477 p.
6. Kartashev, S. A. & Odegov, Ju. G. & Kokorev, I. A. (2002). *Rekruting. Naim personala* [Recruiting. Sourcing]. M.: Jekzamen. 320 p.

Возможности критического жанрового анализа для изучения музыкально дискурса

Е. В. Алешинская

Национальный исследовательский ядерный университет
“МИФИ”

Аннотация

Опираясь на принципы критического жанрового анализа, предложенные В. К. Бхатиа [4], музыкальный дискурс рассматривается как совокупность определенных жанров, представляющих собой определенные конфигурации внешних и внутритекстовых признаков. Исследование музыкального дискурса включает анализ социального контекста, языка о музыке, языка, сопровождающего музыку, а также разнообразных семиотических элементов, связанных с созданием и восприятием музыки. В результате музыкальный дискурс можно схематично представить в виде определенных жанров на четырех основных стадиях “жизни” музыкального продукта: “создание музыкального продукта”, “готовый музыкальный продукт”, “распространение готового музыкального продукта” и “восприятие / оценка музыкального продукта”. На примере джем-сейшна, текста песни, концертного выступления и рецензии в музыкальном журнале рассматриваются текстовые и контекстуальные особенности музыкального дискурса на всех четырех стадиях “жизни” музыкального

продукта. Комплексное исследование жанров как разнообразных сочетаний внешних и внутритекстовых признаков способствует четкому описанию различных ситуаций в профессиональном общении и позволяет провести четкие границы между жанрами профессионального дискурса.

Ключевые слова: музыкальный дискурс, жанр, критический жанровый анализ, текст, социальный контекст.

Несмотря на растущий в последние годы интерес к исследованию жанров в профессиональном общении, до сих пор не существует четкого развернутого определения жанра с точки зрения лингвистики и не выработаны четкие критерии разграничения жанров [2–3]. Более того, в жанровых исследованиях различных типов дискурса малоизученными остаются такие компоненты социального контекста жанра, как профессиональная культура, социальные роли коммуникантов, типы коммуникации, которые в свою очередь обуславливают внутреннюю специфику текстов, т. е. их структуру, стилистическое своеобразие, функционирование в них профессионально-ограниченной лексики и невербальных элементов и др. В данной статье представлен подход к моделированию и разграничению жанров в современном музыкальном дискурсе, опирающийся на принципы критического жанрового анализа и заключающийся в системном анализе текстовых особенностей жанров в зависимости от их специфических социальных контекстов.

Теоретическую и методологическую базу для настоящего исследования составили принципы критического жанрового анализа В. К. Бхатиа, в рамках которого жанр рассматривается как определенная “конфигурация” текстовых и внешних факторов [4]. При этом внешним ресурсам (социальному контексту) рекомендуется уделять особое внимание, так как они во многом определяют использование текстовых ресурсов. Таким образом, жанровый анализ выходит за пределы лингвистики и помимо текстового анализа предполагает тщательное и многостороннее изучение социального контекста с использованием комплексной методологии, опирающейся на данные социолингвистики, психолингвистики, этнографических исследований и исследований профессиональной культуры.

Исследование музыкального дискурса, таким образом, включает анализ социального контекста, определяющего специфику текстовых характеристик, языка о музыке (т. е. музыкальных журналов, форумов, книг и др.), языка, сопровождающего музыку (т. е. относящегося к процессу производства, записи и представления), и других семиотических элементов, связанных с созданием и восприятием музыки

Таблица. Внешние и внутритекстовые признаки жанров современного музыкального дискурса

	Признак	Джем-сейшн	Текст песни	Концертное выступление	Музыкальная рецензия
ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ (СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ)	1. Тип действия	Создание музыкального продукта	Готовый музыкальный продукт	Распространение музыкального продукта	Оценка музыкального продукта
	2. Коммуникативная технология	Двусторонняя непосредственная	Односторонняя опосредованная	Двусторонняя непосредственная	Односторонняя опосредованная
	3. Уровень формальности	Неформальная обстановка	Неформальная обстановка	Полуформальная обстановка	Формальная обстановка
	4. Тип ситуации	Повседневная	Повседневная	Институциональная	Повседневная
	5. Место и время коммуникации	Не ограничена местом и временем	Не ограничена местом и временем	Концертная площадка, зал, арена, парк и т. п., определенное время, публика осведомлена заранее	Не ограничена местом и временем
	6. Нормативные ожидания	Обусловлены "этикетом" импровизации [2]	Обусловлены принадлежностью к музыкальному жанру	Неформальное поведение музыкантов и зрителей	Описание музыкального текста посредством языка должно быть оригинальным и поэтичным
	7. Социальные роли	Солист, ритм-секция и т.д., в определенный момент любой музыкант может стать лидером	Автор песни, слушатели	Фронтмен, клавишник, басист, ударник и др., зрители	Журналист, читатель

	Признак	Джемсейшн	Текст песни	Концертное выступление	Музыкальная рецензия
	8. Типы коммуникации	Профессионал — профессионал	Профессионал — непрофессионал	Профессионал — непрофессионал	Профессионал — полупрофессионал
	9. Социальные отношения	Горизонтальные / вертикальные	Вертикальные	Горизонтальные, вертикальные / горизонтальные	Вертикальные
ВНУТРЕННИЕ ПРИЗНАКИ (ТЕКСТ)	10. Тип текста	Мультимедальный	Вербальный	Мультимедальный	Преимущественно вербальный
	11. Структура текста	Отсутствие четкой структуры	AAA, ABA, AABA, ABABCB	Блочная	Линейная
	12. Стиль текста	Разговорный стиль + стиль эксперта	Разговорный стиль	Разговорный стиль	Академический + журналистский стиль
	13. Соотношение профессионально-ограниченной лексики	Большое количество профессионально-ограниченной лексики [1]	Отсутствие профессионально-ограниченной лексики	Отсутствие профессионально-ограниченной лексики	В основном широко используемые термины
	14. Наличие невербальных элементов	Музыкальные элементы (мелодия, аранжировка, ритм), язык тела (контакт глазами, жесты, мимика, движения)	Нет	Музыкальные элементы, язык тела, визуальность (декорации, зрительные эффекты, освещение)	Графические объекты (изображение обложки CD, “звездочная” оценка)

(языка тела, изображений, звуков и т. п.) [2]. Материалом данного исследования послужили тексты из четырех жанров музыкального дискурса: 1) видеозапись фрагмента джем-сейшна (<http://www.youtube.com/watch?v=EaiB4-Dizms>); 2) текст песни “Clique” (Kanye West); 3) концертное выступление английской рок-группы “Keane” 17 января 2013 г. в “ACL Live” (<http://www.youtube.com/watch?v=ImzuSU5kw1g>); 4) музыкальная рецензия на альбом американской альтернативной группы “Wilco” в журнале “Rolling Stone” [5].

В ходе исследования жанров профессионального музыкального дискурса было выделено 14 внешних и внутритекстовых жанрообразующих признаков, которые на разных стадиях “жизни” музыкального продукта и в разных сочетаниях дают разные жанры музыкального дискурса [2].

Результаты анализа четырех жанров музыкального дискурса представлены в таблице.

Критический жанровый анализ дает возможности для систематизации знаний о разнообразных дискурсивных жанрах, для более точного и объективного описания их коммуникативных особенностей, а также для расширения представлений о речевых жанрах и методах их исследования в целом. Комплексное исследование жанров как разнообразных сочетаний внешних и внутренних признаков помогает избежать неоднозначностей в описании многообразных коммуникативных ситуаций в музыкальной сфере и позволяет провести четкие границы между жанрами профессионального дискурса.

Список литературы:

1. Алешинская Е. В. Современный американский музыкальный термин : дис. ... канд. филол. наук / НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2008.
2. Алешинская Е. В. Теоретико-методологические основы разграничения жанров профессионального дискурса // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5(31). С. 5–23.
3. Жанры естественной письменной речи: Студенческие граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка / Н. Б. Борисова, Е. Г. Зырянова, Н. Ю. Плаксина, Н. И. Тюкаева. М.: КРАСАНД, 2011.
4. Bhatia V.K. Interdiscursivity in professional communication // *Discourse & communication*. Vol. 21 (1). 2010. P. 32–50.
5. Hermes W. Wilco: iTunes session // *Rolling stone*. Is. 1150. 2012. P. 60.

Сведения об авторе: Алешинская Евгения Владимировна, к.ф.н., доцент, Национальный исследовательский ядерный университет “МИФИ”, Москва, Россия; email: EVAleshinskaya@mephi.ru

POSSIBILITIES OF CRITICAL GENRE ANALYSIS FOR THE STUDY OF MUSICAL DISCOURSE

Evgeniya V. Aleshinskaya

Associate Professor, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia;
email: EVAleshinskaya@mephi.ru

Abstract

Based on V. K. Bhatia's principles of critical genre analysis [4], musical discourse is understood as a number of genres representing particular configurations of text-external and text-internal features. The study of musical discourse encompasses social context, language about music, language accompanying music and other semiotic elements as ways of creating and communicating meaning through music. As a result, musical discourse can be represented as a number of genres referring to the main four stages of 'life' of a musical product: 'creation of the musical product', 'completed musical product', 'distribution' and 'perception / evaluation of the musical product'. By examples of a jam session, song lyrics, a live performance, and a review in a musical journal I analyze textual and contextual peculiarities of musical discourse at all the four stages of 'life' of a musical product. The complex study of genres as various combinations of text-external and text-internal features enables a detailed description of different situations in professional communication and helps differentiate between genres of professional discourse.

Key words: musical discourse, genre, critical genre analysis, text, social context.

References:

1. Aleshinskaya, E. V. (2008). *Sovremennyyi amerikanskii muzykal'nyi termin* [Modern American musical term] : Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Nizhnii Novgorod.
2. Aleshinskaya, E. V. (2014). Teoretiko-metodologicheskie osnovy razgranicheniia zhanrov professional'nogo diskursa [The theoretical and methodological basis of differentiating between genres of professional musical discourse] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 5(31), 5–23.
3. Borisova, N. B. & Zyrianova, E. G. & Plaksina, N. Iu. & Tiukaeva, N. I. (2011). *Zhanry estestvennoi pis'mennoi rechi: Studencheskie graffiti, marginal'nye stranitsy tetraidei, chastnaia zapiska* [Genres of natural written speech: students' graffiti, margins of notebooks, private note]. Moscow: KRASAND.
4. Bhatia, V. K. (2010). Interdiscursivity in professional communication. *Discourse & communication*, 21 (1), 32–50.
5. Hermes, W. (2012). Wilco: iTunes session. *Rolling stone*, 1150, 60.

Этимология антропонима в английских фразеологизмах о болезнях как источник имплицитной информации

Л. К. Байрамова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация

Антропонимы в английских фразеологизмах о болезнях как антиценности нуждаются в расшифровке. Тогда становится понятной имплицитная информация фразеологизма: почему болезнь названа именно так; в чем заключается сущность болезни; кто из ученых исследовал эту болезнь, и другая необходимая информация. В качестве примеров анализируются фразеологизмы: *Bright's disease*, *St. Vitus's dance*, *St. John's devil*, *Yellow Jack* и др. В английских фразеологизмах о болезнях употребляются и вымышленные антропонимы типа: *Dr. Feelgood* — доктор Хорошее Самочувствие. Анализируются литературные герои из американской литературы (Т. Драйзер, “Стоик”), заболевшие определенной болезнью.

Ключевые слова: этимология, антропоним, фразеологизм, болезнь, антиценность, когнитивный, имплицитная информация.

В ряде английских фразеологизмов о болезнях как антиценности используются антропонимы, которые выполняют особую когнитивную функцию, раскрывая имплицитную информацию о фразеологизме. Когнитивная функция антропонима в английских фразеологизмах о болезни неоднозначна.

1. Английские фразеологизмы о болезни, в которых антропоним раскрывает фамилию врача-специалиста по этой болезни.

Например, в основе фразеологизма *Bright's disease* (Брайтова болезнь) лежит фамилия английского врача Ричарда Брайта (1789–1858), “ученого, клинициста. В 1813 году он защитил докторскую диссертацию о заразной роже. Ричард Брайт внес крупный вклад в изучение внутренних болезней, особенно заболеваний почек. Брайт по праву считается основоположником научного изучения патологии почек... Впервые описал клинику и морфологию нефрита, указал причины его развития, разработал принципы лечения и предупреждения ... Однако термин “брайтова болезнь” — понятие собирательное (необходима дифференциация различных форм заболеваний почек), поэтому в настоящее время практически не применяется” [6, с. 363], а используются медицинские термины: *нефрит*, *нефроз*.

Брайтова болезнь описана и в американской художественной литературе: ею заболел, а потом и умер от нее один из героев романа Т. Драйзера “Стоик” (Th. Dreiser, “The stoic”) — Фрэнк Каупервуд. Изнурительная работа без отдыха, переутомление положили начало этому страшному заболеванию почек.

2. Среди английских фразеологизмов о болезнях привлекают внимание фразеологизмы, компоненты-антропонимы которых указывают на святых: *St. Vitas dance*, *St. John's evil*.

Фразеологизм *St. Vitas dance*, мед. — пляска св. Витта, хорей. Фразеологизм является калькой < *lat. chorea Sancti Viti*; по имени святого Витта, от которого больные ждали исцеления во время эпидемии плясового бешенства в Средние века [3, с. 195]. Хорей < греч. *chorea* — пляска. Термин *хорей* предложил Парацельс. Ранее в качестве синонима использовали выражение *пляска святого Витта*, связанное с преданием об излечении больных (страдающих истерическими судорогами) у часовни святого Витта в Цаберне (Франция) [4, с. 97].

Фразеологизмом *St. John's evil* (букв. “болезнь св. Иоанна”; *evil*, устар. — “болезнь”) обозначается эпилепсия. В медицине считается, что эпилепсия была известна за много веков до новой эры. В сочинениях Гиппократ она дана под названием “священной болезни” — *sacred disease; divine disease* — эпилепсия (букв. “божественная болезнь”), ибо в древности считали, что эту болезнь посылают боги.

Писатель У. Пенфилд в романе “The Torch” (“Факел”) в художественной форме пишет об отношении Гиппократ к тому, как древние греки воспринимали эту “священную болезнь” — эпилепсию:

“In the minds of most Greeks nothing is so certain to break an evil spell as spitting into one's bosom, and especially so if an old woman does it for you” [8, с. 130] (“Почти каждый грек твердо верит, что, плюнув себе на грудь, можно разрушить злые чары и что средство это особенно действенно, если за тебя плюнет старуха” [5, с. 157]).

3. Английские фразеологизмы о болезнях включают антропонимы, за которыми не стоит конкретное лицо с данным именем, т. е. антропонимы являются обобщенным именем, прозвищем определенной группы людей, заболевших определенной болезнью. Это, например, фразеологизмы: *Tom o'Bedlam*, *Yellow Jack* и др.

Фразеологизмом *Tom o'Bedlam* (букв. “Том из Бедлама”), устар. — именуют сумасшедшего, безумного человека. Во фразеологизме использовано прозвище сумасшедших, которых отпускали из Бедлама, лондонского дома для умалишенных, просить милостыню [3, с. 769].

Во фразеологизме *Yellow Jack* (букв. “желтый Джек”) антропоним *Jack* не означает конкретного человека, хотя конкретика этого антропонима присутствует, например, в американском фразеологизме: *Jack Armstrong* — герой радиоканала “Джек Армстронг”, американец на все сто [1, с. 465]. Но в целом антропоним *Jack* является обобщенным

и распространенным именем: *Jack Benny*, разг. — сэндвич с ветчиной; *Jack Daniel's* — товарный знак теннессийского виски-бурбона; *Jack Frost* — фольклорный персонаж, который, как говорится в детских сказках, приносит зимние морозы и разрисовывает окна затейливыми узорами [1, с. 465]. В этом ряду стоит и фразеологизм *Yellow Jack* (Желтый Джек) — желтая лихорадка. Семантическая обобщенность антропонима подтверждается и тем, что собственное имя имеет орфографический вариант в виде *yellow jack* [3, с. 414]. Желтая лихорадка является внеациональной болезнью. Так, среди 12 видов лихорадки, обозначаемых в русском языке как *трясея, огнея, ледея, знетя, глухоя, ломая* и др., имеется и желтая лихорадка — *желтея*.

4. В английских фразеологизмах, связанных с темой “Болезни”, употребляются и вымышленные антропонимы типа: *Dr. Feelgood* — доктор Хорошее Самочувствие. Подобные вымышленные имена названы, например, в данном афоризме: *The best physicians are Dr. Diet, Dr. Quit, and Dr. Merryman* (“Лучшие доктора: доктор Диета, доктор Спокойствие и доктор Радость”). Отметим, что вымышленные имена докторов могут быть и нарицательными: *Nature, time and patience are three great physicians* (“Организм (натура), время и терпение — три великих доктора”).

**Работа выполнена при научной и финансовой поддержке Гранта РГНФ 14-04-00195 “Российская и европейская культуры в зеркале аксиологической фразеологии русского, татарского, английского, немецкого и французского языков: эквиваленты, уникалии, лакуны”.*

Список литературы:

1. Americana. Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь / под ред. Г. В. Чернова. М.: Соруригит; Полиграмма, 1996. 1185 с.
2. Драйзер Т. Стоик / пер. с англ. С. Иванько // Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 5. М.: Правда, 1986. 382 с.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 944 с.
4. Маньковский Н. Б. Хорея / Н. Б. Маньковский, М. Б. Цукер, В. А. Моргунов // Большая медицинская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 27. 3-е изд. 576 с.
5. Пенфилд У. Факел / пер. с англ. И. Г. Гуровой. Санкт-Петербург: Северо-Запад, 1994. 416 с.
6. Шульцев Г. И. Брайт Ричард // Большая медицинская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 3. 3-е изд. 584 с.
7. Dreiser Theodore. The stoic. Moscow: Foreign languages publishing House, 1962. 438 p.
8. Penfield W. The Torch. Toronto ; Montreal, 1968. XIV. 370 p.

Сведения об авторе: Байрамова Луиза Каримовна, доктор филологических наук, профессор, Казанский федеральный университет, Россия; email: luiziana08@mail.ru

ETYMOLOGY OF ANTHROPONYM IN ENGLISH IDIOMS ABOUT THE DISEASES AS A SOURCE OF IMPLICITLY INFORMATION

Luiza K. Bayramova

Professor, Doctor of Philology, Kazan Federal University, Russia;
email: luiziana08@mail.ru

Abstract

An anthroponym in English idioms about the diseases as antivalue is needed to be defined. After being defined an implicitly of the idioms became clear; it also become clear why the disease is named by that way; what is the source of the disease; who was studied the disease and another important information also became clear. The examples of the idioms are shown below: *St. Vitus's dance*, *Yellow Jack*, *St. John's devil*, etc. In English idioms reflecting the diseases the fictitious anthroponomy type is also used: Dr. Feelgood — Wellness Doctor. The persons in American literature who became sick with certain type of illness are being analyzed (T. Dreiser. "Stoic").

Key words: etymology, anthroponym, idiom, illness, disease, antivalue, implicitly.

References

1. Chernov, G. V. (Ed.). (1996). *Americana. Amerikana. Anglo-russkii lingvostranovedche-skii slovar'* [The English-Russian language dictionary]. M.: Copyright; Poligramm. 1185 p.
2. Draizer, T. Stoik [Dreiser T. Stoik]. (1986). (S. Ivanko, trans.). *Sobranie sochinenii v dvenadtsati tomakh*. Vol. 5. M.: Pravda publishing house. 382 p.
3. Kunin, A. V. (1984). *Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'* [English-Russian phraseological dictionary]. M.: Russian. 944 p.
4. Man'kovskii, N. B. Khoreia [Horey]. In Mankovsky. N. B. & Tsuker, M. B. & Morgunov. V. A. *Bol'shaia meditsinskaia entsiklopediia* [Big medical encyclopedia]. Vol. 27 (3rd ed.). M.: Soviet encyclopedia. 576 p.
5. Penfiled, U. (1994). *Fakel* [The Torch] (Gurova, I. G., trans.). St. Petersburg: North-west. 416 p.
6. Shul'tsev, G. I. Brait Richard [Brayt Richard] In *Bol'shaia meditsinskaia entsiklopediia* [Big medical encyclopedia] (3rd ed.). Vol. 3. M.: Soviet encyclopedia. 584 p.
7. Dreiser, Theodore. (1962). *The stoic*. Moscow: Foreign languages publishing House. 438 p.
8. Penfield, W. (1968). *The Torch*. Toronto; Montreal. XIV. 370 p.

Лингвосинергетическая трактовка устного разговорного диалога

Г. Р. Власян

Челябинский государственный университет

Аннотация

Изучением процессов самоорганизации открытых и подвижных структур самой различной природы занимается синергетика, которая дает возможность построить концептуально-многомерную модель сложного объекта, отражающую, с одной стороны, его специфические черты, с другой — общие закономерности, характерные для всех сложных систем.

С позиций лингвосинергетики можно выделить следующие принципы организации диалогического дискурса: иерархичность, неустойчивость, нелинейность, эмерджентность, симметричность / асимметричность, открытость.

Ключевые слова: разговорный диалог, самоорганизация, нелинейность, лингвосинергетическая трактовка.

Изучением процессов самоорганизации открытых и подвижных структур самой различной природы занимается синергетика, которая открывает другую сторону мира: его нестабильность, нелинейность и открытость.

Основоположником синергетических идей считается почетный профессор Штутгартского университета, глава Центра синергетики в Институте теоретической физики и синергетики Герман Хакен.

По Г. Хакену, синергетика занимается изучением систем, состоящих из большого числа частей, компонент или подсистем, сложным образом взаимодействующих между собой [7].

С позиций лингвосинергетики можно выделить следующие принципы организации диалогического дискурса:

- иерархичность;
- неустойчивость;
- нелинейность;
- эмерджентность;
- симметричность / асимметричность;
- открытость.

Иерархичность — важнейший принцип структурной организации многоуровневых динамических систем, характеризующий взаимную корреляцию и соподчинение процессов на различных уровнях системы и обеспечивающий ее функционирование и поведение в целом [6].

Основным смыслом структурной иерархии является составная природа вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим: “то, что для низшего уровня есть структура-порядок, для высшего есть бесструктурный элемент хаоса, строительный материал” [2].

С точки зрения иерархичности диалог состоит из микроуровня, который представлен речевым ходом (turn) — минимальной диалогической единицей прагматического плана, и макроуровнем, который представлен диалогическим единством, смежной парой — интерактивной единицей, характеризующейся структурно-семантической, тематической и коммуникативной взаимообусловленностью и взаимосвязанностью. Способность каждого уровня находиться в состоянии относительного равновесия определяется параметрами порядка — факторами, управляющими его функционированием.

Порядок в системах с взаимными связями между элементами возникает вокруг так называемых “аттракторов” (от англ. to attract — притягивать) — “притягивающих множеств, которые помогают создавать и поддерживать устойчивое состояние системы” [1].

Аттрактором в диалоге является интенция говорящего, динамическое напряжение между коммуникантами, некая общая точка притяжения.

Неустойчивость. Согласно Илье Пригожину, архетипом, символом неустойчивости можно считать перевернутый маятник, который готов упасть вправо или влево в зависимости от малейших воздействий извне [8]. Такие состояния неустойчивости принято называть “точками бифуркаций, которые появляются в любой ситуации рождения нового качества и характеризуют рубеж между старым и новым” [3, с. 89].

Любое минимальное изменение на одном из уровней системы может вызвать цепную реакцию появления инноваций на других уровнях, что в конечном счете ведет к нарушению предыдущего равновесия всей системы.

Нелинейность есть нарушение принципа суперпозиции в некотором явлении: “результат суммы воздействий на систему не равен сумме результатов этих воздействий” [2]. Идея нелинейности в своем мировоззренческом ракурсе может быть эксплицирована посредством идеи многовариантности, выбора из данных альтернатив.

В силу своей имманентной нелинейности и неустойчивости диалогическая среда интерпретируется как непредсказуемая, всегда готовая породить новые версии смысла.

Дж. Серль считает, что диалог нужно рассматривать как “выражение разделенной интенциональности (shared intentionality)” иного типа, а не суммы индивидуальных интенций участников [9, с. 93].

Динамическая иерархичность (эмерджентность). Это основной принцип прохождения системой точек бифуркации, ее становления,

рождения и гибели иерархических уровней [2]. Этот принцип описывает возникновение нового качества системы по горизонтали, то есть на одном уровне, когда медленное изменение управляющих параметров высшего уровня приводит к бифуркации, к неустойчивости системы на всех предыдущих уровнях и перестройке его структуры.

Диалогический дискурс представляет собой образец эмерджентного (от emergent — “неожиданно возникающий”) образования. Термин “эмерджентность” означает самопроизвольное возникновение таких свойств, которые присущи некоторому образованию в целом, но не свойственны ни одному из его элементов в отдельности.

Современная модель диалога — не просто модель взаимодействия. Она акцентирует активное участие обеих сторон в построении общего смысла, который может быть неожиданным и незапланированным, так как оба участника диалога открыты взаимному влиянию и общаются на равных. Общая стратегия диалога — достижение общего, разделенного (shared) понимания.

К вышеперечисленным принципам можно добавить еще один — принцип *симметричности / асимметричности*. Симметрия и асимметрия как диалектическое единство повторяющегося и различного обладают универсальностью на всех известных современной науке масштабных уровнях организации систем. Элементы языка также способны “взаимодействовать на разных уровнях организации как симметричные или асимметричные. При этом факт симметричности какого-либо проявления структуры или функции позволяет квалифицировать его как стандартный и малоинформативный. Асимметрия несет высокоинформативное разнообразие” [5, с. 61].

По мнению Ю. М. Лотмана, диалог подразумевает асимметрию, которая выражается в различии семиотической структуры (языка) и в попеременной направленности сообщений. Без семиотического различия диалог бессмыслен, а при абсолютном различии он невозможен [4, с. 268].

Незамкнутость (открытость) системы означает, что между ней и окружающей средой постоянно происходит обмен энергией, веществом, информацией, а поэтому для такой системы характерна постоянная изменчивость, стохастичность.

Существование любой системы есть динамическое состояние. Наиболее общим средством обеспечения динамического равновесия системы, сохранения через изменения выступают флуктуации.

Иногда отдельная флуктуация или комбинация флуктуаций могут стать (в результате положительной обратной связи) настолько сильными, что существовавшая прежде организация не выдерживает и разрушается. В этот переломный момент, обозначаемый как точка бифуркации, принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие.

По нашему мнению, каждый диалог является точкой бифуркации, а в диалоге каждая реплика — результат выбора индивидом одного из множества вариантов.

Сущность диалога сводится к его конститутивной роли в познании и самопознании: в диалоге происходит не обмен готовыми, ранее сложившимися внутренними смыслами, а вовлечение в процесс совместного созидания нового общего смысла, который преобразует и участников процесса, и их жизненный мир.

Список литературы:

1. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки // URL : <http://spkurdyumov.ru/what/sinergetika-kak-fenomen-postneklassicheskoy-nauki/> (дата обращения: 05.09.2014).
2. Буданов В. Г. Синергетика: история, принципы, современность // URL : <http://spkurdyumov.ru/> (дата обращения: 10.11.2014).
3. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. 240 с.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
5. Манаков Н. А., Москальчук Г. Г. К основаниям текстосимметрии // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы : материалы второй школы-семинара / под общ. ред. В. А. Пищальниковой. Барнаул: Издательство ААЭП, 2001. С. 57–63.
6. *Новая философская энциклопедия / под редакцией В. С. Степина. 4 т. М.: Мысль, 2001. 2806 с.*
7. *Онтология и эпистемология синергетики [Электронный ресурс] / отв. редактор В. И. Аршинов. М.: Институт философии РАН, 1997 159 с. URL : http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/1997/Ontolodiya_sinergetiki_1.pdf (дата обращения: 21.01.2015).*
8. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991, № 6. С. 46–57.
9. Searle, J. R. (On) Searle on Conversation. Amsterdam: John Benjamins, 1992. 153 p.

Сведения об авторе: Власян Гаянэ Рубеновна, к. ф. н., доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия; email: vlasyanr@yandex.ru

LINGUOSYNERGETIC INTERPRETATION OF SPOKEN DIALOGUE

Gayane R. Vlasyan

PhD in Linguistics, Chair of Theory and Practice of the English Language
Department, Chelyabinsk State University, Russia;
email: vlasyanr@yandex.ru

Abstract

The study of spoken dialogue as open nonlinear self-developing system has become possible due to the Bertalanffy's idea of open systems, which is widely used in humanities.

Synergetics is an interdisciplinary science explaining the formation and self-organization of patterns and structures in open systems far from thermodynamic equilibrium. It gives the opportunity to build conceptual multidimensional model of a complex object that reflects, on the one hand, its specific features, on the other — the general mechanisms common to all complex systems.

Dialogic view of communication is best explained by the principles of self-organization. We want to highlight the following principles of organization of a spoken dialogue:

- hierarchy;
- instability;
- non-linearity;
- emergence;
- symmetry/asymmetry;
- openness.

Dialogue creates some new understanding, a shared meaning which may not have been in the starting point at all.

Key words: spoken dialogue, self-organization, nonlinearity, linguo-synergetic approach.

References:

1. Arshinov, V.I. *Sinergetika kak fenomen postneklassicheskoi nauki* [Synergetics as a phenomenon of postnonclassical science], from <http://spkurdyumov.ru/what/sinergetika-kak-fenomen-postneklassicheskoi-nauki/>
2. Budanov, V.G. *Sinergetika: istoriia, printsipy, sovremennost'* [Synergetics: history, principles, modernity], from <http://spkurdyumov.ru/>
3. Kniazeva, E.N. & Kurdiymov, S.P. (2005). *Osnovaniia sinergetiki. Sinergeticheskoe mirovidenie* [Foundations of synergy. Synergistic world view]. M.: KomKniga. 240 p.
4. Lotman, Iu. M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphera]. SPb.: Iskusstvo-SPB. 704 p.
5. Manakov, N.A. & Moskal'chuk, G.G. (2001). K osnovaniiam tekstosimmetriki [On foundation of textsymmetrization]. *Lingvosinergetika: problemy i perspektivy* (Pishchal'nikovoi V.A., ed.). Barnaul: Izdatel'stvo AAEP. P. 57–63.
6. Stepin, V.S. (Ed.). (2001). *Novaia filosofskaia entsiklopediia* [New Encyclopedia of Philosophy]. (Vol. 4). M.: Mysl'. 2806 p.
7. Arshinov, V.I. (Ed.). (1997). *Ontologiia i epistemologiia sinergetiki* [Ontology and epistemology of synergetics]. M.: Institut filosofii RAN, 159 p. from: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/1997/Ontolodiya_sinergetiki_1.pdf
8. Prigozhin, I. (1991). Filosofii nestabil'nosti [Philosophy of instability]. *Voprosy filosofii*, 6. P. 46–57.
9. Searle, J.R. (1992). *(On) Searle on Conversation*. Amsterdam: John Benjamins. 153 p.

Взаимосвязь текста и дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы

Е. А. Гаврюшина

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Россия)

Е. А. Гаврюшина

Аннотация

Функционирование термина “дискурс” давно вышло за рамки собственно языкознания, а распространение данного термина в самых различных сферах человеческой деятельности породило многозначность трактовки данного понятия. С лингвистической точки зрения дискурс представляет собой связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, парадигматическими и другими факторами, т. е. текст, взятый в понятийном аспекте. Соответственно, противопоставляя закрытость текста динамичности дискурса, последующий можно определить как лингвокультурное явление, в пределах которого осуществляется вербальная коммуникация в конкретной тематической сфере. Таким образом, возникает новая лингвистическая парадигма — когнитивно-дискурсивная. В рамках данной парадигмы интерпретация любого языкового явления, в том числе текста и дискурса, предполагает выход за пределы собственно лингвистических форм в мир психики человека, в мир его социального положения и целеполагания. Интеграция в современную лингвистику когнитивно-дискурсивной парадигмы происходит различными способами: и как внедрение когнитивистики в коммуникативный анализ, и как проекция коммуникативных исследований на область когнитивистики.

Ключевые слова: дискурс, текст, когнитивно-дискурсивная парадигма, лингвокультурное явление, коммуникация.

Перспектива переориентации языкознания на человека является результатом природы знания и мироощущения. Первым шагом в этом направлении стало взаимодействие лингвистики и других гуманитарных наук, в том числе и философии. Таким образом, интересы лингвистов смещаются в сторону функционального подхода к языку, т. е. реализации коммуникации непосредственно в жизни. Появляются такие направления исследования, как структурная лингвистика, математическая лингвистика, функциональная диалектология, функциональная стилистика, функциональная грамматика, нейролингвистика, психолингвистика, дискурсология, предметом которой является структура, содержание и функции дискурса как

социального феномена. Как следствие возникает новое лингвистическое явление — дискурс.

Современные гуманитарные науки находятся под влиянием когнитивно-дискурсивной парадигмы. Предложенное З. Харрисом в 1952 г. направление исследования сформировалось в самостоятельную дисциплину, которая продолжает развивать идеи о взаимосвязи языка и социума. Дискурсология рассматривается как сложный и перспективный объект исследования и находится в фокусе интересов как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

Проблематика структуры дискурса нашла свое отражение в трудах таких ученых, как: Е. В. Падучева, Т. Гивон, Э. Шеглофф, А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин, М. Минский, А. Сэнфорд, У. Манн, С. Томпсон. Дискурсивный анализ изучают Дж. Сакс, Э. Шеглофф, Г. Джефферсон, Т. ван Дейк, У. Кинч, С. Томпсон, Б. Фокс, С. Форд, Б. Грос, К. Сайднер, Дж. Хиршберг, Дж. Хоббс, Э. Хови, Д. Румелхарт, К. Маккьюин.

Вопрос о соотношении таких понятий, как текст и дискурс, является первостепенным в определении значимости понятия “дискурс”, так как, только сравнивая соизмеримые понятия, можно постичь их сущность. И. Р. Гальперин дает следующее определение текста: “Текст — это произведение речетворческого процесса, обладающего завершенностью, объективированное в виде письменного документа; произведение, состоящее из названия и ряда особых языковых единиц (сверхфразовых единиц), объединенных разными типами лексической, грамматической, стилистической связи, имеющих определенную целенаправленность и прагматическую установку” [1, с. 18–19].

В свою очередь дискурс определяется через понятие “текст”. Так, В. Е. Чернявская отмечает: “Дискурсивный процесс, в центре которого находится текст, может в своей пресуппозитивной части содержать один или более имплицированных прецедентных текстов. Таким образом, прецедентные тексты являются обязательными конституантами дискурса, обеспечивая процессы понимания” [3, с. 19–20]. Опираясь на данное высказывание, можно прийти к предположению о том, что любой дискурс является текстом, но не любой текст — дискурсом.

Текст по отношению к дискурсу может рассматриваться как его фрагмент, как его базовая единица. Следовательно, дискурс представляет собой совокупность объединенных каким-либо признаком текстов (Н. Д. Арутюнова, П. Серии, В. А. Звегинцев, Ю. С. Степанов). Подобной точки зрения придерживается А. Ю. Попов, который в своей работе “Основные отличия текста от дискурса” (2001) разработал следующую систему оппозиций:

- спонтанность дискурса — каноничность формы изложения текста;
- динамичность дискурса — статичность текста;
- нацеленность дискурса на появление реакции собеседника — закрытость текстовой системы;

- ограниченность дискурса во времени — произвольность выбора длины текста автором;
- ориентированность дискурса на живую аудиторию — нацеленность текста на аудиторию абстрактную;
- неограниченность дискурса в выборе вербальных и невербальных средств по сравнению с текстом [2, с. 41–42].

Обобщая представленный выше материал, можно выявить следующие существенные различия между дискурсом и текстом:

1. текст является единицей коммуникации, а дискурс — формой, в которой данная коммуникация протекает. Текст не может существовать независимо от дискурсивной деятельности;
2. текст является лингвистической категорией, в то время как дискурс представляет собой реализацию данной категории в жизни и имеет социальные последствия, которые видны из контекста.

Следовательно, процесс понимания дискурса — это понимание речи или текста в контексте: “understanding text / talk-in-context”. Термин “контекст” понимается Ван Дейком как “окружающая среда”. Данный термин используется всякий раз, когда необходимо подчеркнуть, что явление, событие, действие должны быть рассмотрены или изучены с учетом среды их употребления, которой являются “окружающие” условия или влияния [4, с. 15].

С точки зрения М. Гланцберга, дискурс имеет сегментную структуру: “Discourses naturally come in segments” и не может быть описан как линейная структура: “Discourses cannot be adequately described as linear sequences of utterances”. Элементы данной структуры организованы в иерархическую структуру — “hierarchical structure”. Соотношение между дискурсом в целом и фоновыми знаниями — это так называемые “discourse-global features” дискурса; в то время как соотношения между сегментами, которые приводят к пониманию дискурса, — “utterance localizable features”. Таким образом, комбинация “discourse-global features” и “utterance localizable features” является собой контекст [5, с. 8].

Опираясь на тот факт, что пропозиция — это элемент структуры, а высказывание включает как саму пропозицию, так и социальный контекст его использования, можно прийти к выводу, что подобные отношения повторяются на более высоком уровне — в тексте и дискурсе. Текст и социальный контекст могут быть рассмотрены как две составляющие дискурса, так как данный феномен возникает под влиянием определенных целей и ограничений. Их набор отождествляется с интенциями автора текста, нормами изложения, экстралингвальными условиями, а также архетипами коммуникатов. Таким образом, взаимосвязь текста и дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы проявляется следующим образом: в процессе анализа текстов выявляется набор представлений, с помощью которого участник

коммуникации объясняет и формирует реальность. Так, в анализируемый дискурс включаются не только открыто высказываемые идеи, но и те представления, из которых автор исходит в своих суждениях.

Список литературы:

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. М: КомКнига, 2006. 144 с.
2. Попов А. Ю. Основные отличия текста от дискурса / А. Ю. Попов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 30–45.
3. Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования : сборник научных статей. Рязань: Грамота, 2002. С. 230–232.
4. Dijk, T. A. van. The study of Discourse. In Vol. 2 / T. A. van Dijk (Ed.). Discourse as structure and process. London: Sage, 1997. P. 1–34.
5. Glanzberg, M. Context and Discourse // Mind & Language, 17. 2002. Pp. 333–375.
6. Harris Z. Discourse analysis // Language, 28. 1952. Pp. 1–30.

Сведения об авторе: Екатерина Александровна Гаврюшина, преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов. Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия; email: eka6694@yandex.ru

TEXT AND DISCOURSE INTERRELATION IN THE FRAMES OF COGNITIVE-DISCURSIVE PARADIGM

Ekaterina A. Gavriushyna

Lecturer, Department of Foreign Languages for Science Faculties of Taurida Academy of Vernadsky Crimean Federal University;
email: eka6694@yandex.ru

Abstract

The term discourse has gone far beyond the borders of theoretical linguistics and nowadays it is used in relation to the most diverse spheres of human activity. This fact has led to ambiguous interpretation of the term. From linguistic point of view, discourse represents a coherent text in conjunction with extralinguistic, paradigmatic and other factors; hence, it is a text in a conceptual aspect. Setting the closed nature of a text in opposition to the discourse dynamics, the notion of discourse can be defined as a lingvo-cultural phenomenon, within which the verbal communication is performed in a given subject area. Thus, there is a new linguistic paradigm — cognitive-discursive one. Interpretation of any linguistic phe-

nomenon in frames of this paradigm, including text and discourse, involves overflow of strictly linguistic forms and moving into the world of human psyche, into the world of status and intentions. Integration of cognitive-discursive paradigm into modern linguistics occurs in different ways: both as an introduction of cognitive science in Communication analysis and as a projection of Communication Studies in the area of cognitive science.

Key words: discourse, text, cognitive-discursive paradigm, lingvo-cultural phenomenon, communication.

References:

1. Gal'perin, I. R. (2006). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Text as an object of linguistic research]. M: KomKniga.
2. Popov, A. Ju. (2001). Osnovnye otlichii teksta ot diskursa [Main differences between text of discourse]. *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa*. SPb.: Izd-vo SPbGUJeF. P. 30–45.
3. Cherniavskaia, V. E. (2002). Ot analiza teksta k analizu diskursa [From text analysis to the analysis of discourse]. *Tekst i diskurs: traditsionnyi i kognitivno-funktional'nyi aspekty issledovaniia*. Rjasan: Gramota. P. 230–232.
4. Dijk, T. A. van. (1997). The study of Discourse. In Vol. 2 (T. A. van Dijk, ed.). *Discourse as structure and process*. London: Sage. P. 1–34.
5. Glanzberg, M. (2002). Context and Discourse. *Mind & Language*, 17, 333–375.
6. Harris, Z. (1952). Discourse analysis. *Language*, 28, 1–30.

Характеристика стратегий делового англоязычного дискурса стран азиатско-тихоокеанского региона на примере туристического дискурса

В. В. Дашюк

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии, функционирующие в институциональном деловом дискурсе стран АТР. Обосновывается необходимость формирования моделей коммуникации между представителями восточной и западной культур. Автором выявляется специфика коммуникативных стратегий делового англоязычного дискурса в странах АТР на примере туристического дискурса, в соответствии со спецификой коммуникативных ситуаций, целями функционирования и типом адресата. В статье убедительно доказывается, что для успешной коммуникации в деловом пространстве стран

АТР необходимо применение стратегии формирования культуры-посредника. Автор приводит также анализ речевых тактик, с помощью которых реализуется коммуникативная стратегия формирования культуры-посредника. Автор подчеркивает тот факт, что специфические национальные особенности играют особую роль в деловой риторике стран АТР и оказывают существенное влияние на выбор коммуникативных стратегий участниками коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, деловой дискурс, страны АТР.

В настоящее время во всем мире наблюдается всплеск интереса к странам АТР, в частности, в сфере туристического бизнеса как одного из наиболее активно развивающихся направлений международного сотрудничества. Данная тенденция, как отмечается в ряде работ ученых-лингвистов из Китая, Гонконга, Тайваня, определяет необходимость формирования моделей коммуникации между представителями восточной и западной культуры.

Западные предприниматели отмечают, что представители делового сообщества стран АТР никогда не говорят с партнерами прямо, очень сложно бывает понять, что именно имеет в виду партнер по бизнесу. На поставленные вопросы представители бизнеса стран АТР часто отвечают встречными вопросами, а если и дают прямой ответ, то только после консультаций с коллегами. В частности, китайские деловые люди считают неуважением к себе ситуацию, при которой им приходится вести деловые переговоры с сотрудниками западной компании, занимающими в иерархии своей компании позицию ниже по отношению к позиции их китайских партнеров [5].

Такое поведение представителей деловой среды стран АТР обусловлено, прежде всего, культурными особенностями народов, населяющих данный регион. Важнейшей основой культуры и образа жизни стран АТР, как отмечается в различных исследованиях, является учение Конфуция. Идеалом конфуцианской философии является государство-семья во главе с мудрым и справедливым правителем, опирающимся на честных и благородных чиновников. Опираясь на основные положения конфуцианской философии, стратификация в азиатском обществе происходила по принципу наличия либо отсутствия у человека добродетели [1, с. 155].

Таким образом, исследователи традиционно выделяют такие отличительные черты делового сообщества восточноазиатского социума, как иерархичность, церемониальность, почтительность по отношению к старшим.

Представители АТР практикуют непрямой стиль общения из опасения невольно обидеть собеседника, нарушить принцип гармонии,

принцип “гуанкси” (принцип выстраивания дружеских отношений с партнером), принцип “сохранения лица” [3, с. 11–12]. Страх “потери лица” определяет сдержанность и уравновешенность азиатского коммуниканта.

Важные деловые решения никогда не принимаются азиатскими бизнесменами в одиночку, что является характерной чертой коллективистских культур.

Согласно точке зрения китайского исследователя Инг Хуань, для того чтобы “адаптировать” восточноазиатскую культуру, сделать ее более доступной для понимания западных партнеров, но в то же самое время не потерять национальный колорит и специфику, необходимо сформировать так называемую “третью культуру”, которая содержала бы характерные черты, присущие как восточноазиатской, так и западной картина мира [2, с. 148].

Многие исследователи отмечают, что далеко не всегда выбор коммуникативной стратегии при ведении деловых переговоров у представителей азиатской и западной культур совпадает. В частности, тайваньский исследователь В. Рау указывает, что представитель китайской культуры никогда не начнет деловую встречу с ритуального обмена комплиментами, свойственного представителям западной культуры. Японский переговорщик в случае необходимости отказа партнеру применит стратегию принесения извинений, прежде чем выскажет непосредственно причину отказа, что свойственно японской деловой культуре, а представителей западной культуры применение подобной стратегии приводит в замешательство [3, с. 919]. По мнению лингвиста Мэй Чи Цай, такая разница в применении коммуникативных стратегий вызвана разницей в восприятии окружающего мира представителями разных культур. В частности, в туристическом дискурсе представители делового социума АТР апеллируют к чувствам и эмоциям своих инокультурных партнеров через созерцание всего окружающего пространства, а не только через ознакомление с конкретными точками на карте [4].

В связи с вышесказанным представляется целесообразным выделить еще одну коммуникативную стратегию в рамках ситуации межкультурного общения со странами АТР — стратегию создания культуры-посредника, основанную на следующих тактиках:

1. Тактика “сохранения лица”: *hotel receptionist might tell you an obvious lie when he tells you that they don't have any vacancies. This might be their face-saving way to avoid having to tell you that their hotel doesn't allow foreigners / администратор в отеле может говорить очевидную ложь, уверяя вас в том, что мест в отеле нет. Однако это может быть проявлением тактики “сохранения лица”, используемой в данном случае для того, чтобы избежать объяснений по поводу того, что отель не принимает иностранцев.*

2. Тактика адаптации культурно значимой информации, в частности, применение такого коммуникативного хода, как сравнение. Hong Kong Island easily evokes colourful and fascinating images of a vibrant urban centre where eastern and western cultures merge seamlessly in perfect harmony. This is THE ISLAND where you can enjoy the cosmopolitan flair of Manhattan and the tranquil atmosphere of the French Riviera in half a day / Остров Гонконг представляет собой оживленный мегаполис, в котором, тем не менее, органично уживаются как западная, так и восточная культуры. Это тот самый ОСТРОВ, где пестрая суета Манхэттена запросто уживается с полуденным спокойствием французской Ривьеры.
3. Тактика избегания конфликта. It is believed to make worshippers' wishes come true by placing a colourful strip with wishes written on it in front of this magic tree / Считается, что если положить яркую ленточку с написанным на ней желанием перед "деревом желаний", то оно непременно сбудется. (Ранее ленточки с пожеланиями привязывались непосредственно к веткам волшебного дерева, но в связи с плачевным состоянием этого древнего дерева местное правительство запретило исполнение данного ритуала и для того, чтобы избежать возникновения конфликтных ситуаций с западными туристами, жителям пришлось несколько видоизменить традицию.)

Завершая рассмотрение специфики коммуникативных стратегий азиатского англоязычного туристического дискурса, необходимо отметить, что в процессе исследования были выявлены следующие стратегии и тактики: стратегия создания культуры-посредника, основанная на тактиках "сохранения лица", адаптации культурно значимой информации, избегания конфликта.

Список литературы:

1. Гайсина А. В. Социально-политические аспекты конфуцианства, даосизма и буддизма в Китае // Известия Уральского государственного университета. 2010, № 4 (81). С. 155–162.
2. Huang Y. Chinese Tour Guides' Strategies in Intercultural Communication — Implications for Language Teaching and Tourism Education. Journal of Language Teaching and Research, 2011, (2) (1). P. 146–150.
3. Rau V., Chen Y. Investigating the Complementing Behavior of Chinese speakers of American English. Language and Linguistics 2011, (12) (4). P. 917–950.
4. Tsai M. Ch. Investigating language at the interface. Kaohsiung: Center for the Humanities at National Sun Yatsen University, 2012. P. 213–231.
5. Doing business with China. <http://www.culturewise.net>

Сведения об авторе: Дацюк Василиса Витальевна, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, кафедра английского языка для востоковедов; email: dvasilisa@yandex.ru

THE CHARACTERISTICS OF STRATEGIES OF BUSINESS DISCOURSE IN ASIAN ENGLISH-SPEAKING COMMUNITIES EXAMPLIFIED ON TOURIST DISCOURSE

Vasilisa V. Datsiyk

Senior Lecturer, Saint-Petersburg State University, the Faculty of Philological Studies, the Department of English for Orientalists; email: dvasilisa@yandex.ru

Abstract

This article is focused on communicative strategies applied in business discourse of Asian countries. The author provides the reasons accounting the necessity of the developing of special models of communication between Western and Asian cultures and highlights the specificity of communicative strategies of business discourse being characterized by a communicative situation, a purpose and a recipient type. The author identifies specificity of communicative strategies applied in business discourse of Asian countries. In the article it is conclusively proved that the strategy of culture-mediator is to be applied to achieve the successful business communication in Asia. In the article the analysis of communicative tactics is given as well. The author underlines that the specific national features common for Asians affects immensely the communicative strategies being a subject of choice by communicants.

Key words: communicative strategies, business discourse, Asian countries.

References:

1. Gaisina, A. V. (2010). Sotsial'no-politicheskie aspekty konfutsianstva, daosizma i buddizma v Kitae [Social and politic aspects of Confucianism, daosism and buddism in China]. *Izvestia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (81), 155–162.
2. Huang, Y. (2011). Chinese Tour Guides' Strategies in Intercultural Communication — Implications for Language Teaching and Tourism Education. *Journal of Language Teaching and Research*, 2 (1), 146–150.
3. Rau, V. & Chen, Y. (2011). Investigating the Complementing Behavior of Chinese speakers of American English. *Language and Linguistics*, 12 (4), 917–950.
4. Tsai, M. Ch. (2012). *Investigating language at the interface*. Kaohsiung: Center for the Humanities at National Sun Yatsen University. P. 213–231.
5. Doing business with China. <http://www.culturewise.net>.

Когнитивная стилистика: исследование стратегии выдвижения в тексте

Н. М. Джусупов

Московский государственный гуманитарный университет
им. М. А. Шолохова

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы когнитивно-стилистического исследования стратегии выдвижения в тексте. Основной задачей стратегии выдвижения является креативное использование языковых ресурсов для достижения основной цели — эффекта выдвижения. Выдвижение как универсальное стилистическое явление может быть реализовано в различных сферах функционирования языка как с максимальной, так и минимальной степенью интенсивности. Однако наиболее специфический и разнообразный как по форме, так и по содержанию характер выдвижения проявляется именно в художественном тексте. Вместе с тем активизация целого ряда стилистически значимых процессов в национальных языках во многом объясняется фактом изначального выдвижения языковых девиаций в различных текстах. Именно за счет выдвижения языковых девиаций, а, следовательно, креативности, необычности и новизны, такие формы употребления языка привлекают наибольшее внимание его носителей и с течением времени в результате частотности употребления могут легализоваться в системе языка.

Ключевые слова: выдвижение, теория выдвижения, когнитивная стилистика, текст, языковые девиации, стилистический процесс.

В свете лингвостилистических исследований текста выдвижение традиционно рассматривалось в качестве одного из наиболее дискуссионных и неоднозначных понятий как в плане собственно теоретического осмысления, так и в плане выделения его типологических и функциональных особенностей. Выдвижение как явление стилистического плана интерпретируется исследователями по-разному и главным образом рассматривается как необычное, деавтоматизированное использование языковых средств [4; 2]; художественно мотивированная девиация [7]; мотивированная выделенность [6]; отклонение от норм повседневного языка [10]; стилистическая стратегия [8]; художественные инновации и креативное выражение [9]; способы формальной организации текста [1] и т.д.

Из вышеприведенных определений следует, что выдвижение как общее стилистическое понятие служит для обозначения субъектив-

но обусловленного и мотивированного использования девиантных языковых форм в тексте.

Специфика рассмотрения стратегии выдвижения как важного теоретического конструкта когнитивно-стилистических исследований определяется обусловленностью средств выдвижения когнитивными процессами и структурами, их особой ролью в организации текста и контекстуальной репрезентации информации.

На основе взаимодействия монолингвального и полилингвального / транслингвального аспектов выдвижение разнообразно проявляется не только на уровне художественного текста, но и также на уровне целого ряда сфер функционирования языка. Однако наиболее специфический и разнообразный как по форме, так и содержанию характер выдвижения проявляется именно в художественном тексте.

Например, в произведениях русскоязычного поэта-транслингва О. Сулейменова специфический характер приобретает выдвижение серии образных сравнений, основанных на контекстуальном рефрейминге.

*Ты как мёд,
как вспомню — зубы ноют,
ты как шутка, от которой воют,
я ничтожен, кто меня обидит?
Видал ад, теперь бы рай увидеть...*

*И лягушкой ночью не заплакать,
я люблю тебя,
как любят квакать,
как вдова — кричать,
как рыба — плавать,
я люблю тебя, как слабый —
славу,
как осел — траву,
как солнце — небо.
[5, с. 112].*

Выдвижение в данном примере как результат влияния генетически родного (казахского) языка и культуры определяется тем, что автор создает неожиданные для восприятия художественные сравнения, обусловленные транслингвальным перемещением определенно-го образа мышления в новый когнитивный контекст интерпретации. Отличительная особенность рефрейминга в этом случае заключается в способности разместить образы в новые фреймы и тем самым изменить стереотипную картину интерпретации того или иного явления, процесса или предмета. Вместе с тем аккумулированный характер выдвижения образных сравнений наглядно демонстрирует действие иконического принципа дистанции.

На сегодняшний день как в английском, так и в русском языках можно наблюдать активизацию целого ряда стилистически значимых процессов, обусловленных именно фактом изначального выдвигания языковых девиаций. Именно за счет выдвигания девиантности, а, следовательно, креативности, необычности и новизны, такие формы употребления языка привлекают наибольшее внимание его носителей и с течением времени могут легализоваться в системе языка. Источниками для этих процессов могут быть различные сферы употребления языка, например, медиатексты, рекламные тексты, интернет и др.

В английском языке в качестве наглядного примера выдвигания языковых девиаций можно рассматривать процесс неологизации.

Процесс неологизации в английском языке преимущественно происходит на основе изначального выдвигания в различных текстах девиантных форм словоупотребления, что, в свою очередь, обусловлено действием когнитивного принципа экономии языкового знака. Это объясняется тем, что новые социальные явления и процессы, как правило, нуждаются именно в лаконичной номинации вместо языковых выражений описательного характера, например, *unfriend / defriend, bromance, selfie, staycation, birther, etc.*

В русском языке эффективным средством реализации языковых девиаций может служить деформация фразеологизмов и паремий (*anti-proverbs*) [3], а также названий художественных произведений, кинофильмов и т.д., как особый тип выдвигания лексических, семантических и грамматических девиаций, обусловленный рефреймингом, т. е. преобразованием смысла путем его помещения в новый когнитивный контекст, нарушением стереотипной модели. Данный процесс чаще всего наблюдается в медиатекстах, рекламных текстах и т.д., например, *Время лечит, но за деньги быстрее; Концерт окончен; Мигранты Карибского моря; Слово о пенсиях.*

Таким образом, в заключение необходимо подчеркнуть, что языковые девиации способны внести изменения в язык именно за счет их изначального выдвигания в тексте, способности деавтоматизироваться. Специальное изучение различных форм проявления стратегии выдвигания как в монолингвальном, так и полилингвальном аспектах обеспечивает возможность рассмотрения целого ряда дискуссионных проблем, связанных с нарушением языковых норм, контактированием языков на разных его уровнях и в различных социальных сферах, обновлением лексики, идиостилевыми особенностями, национально-культурной спецификой и в целом влиянием различных социальных факторов на развитие национального языка.

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 5-е изд. М. : Флинта : Наука, 2002.

2. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М. : Прогресс, 1967. С. 338–377.
3. Молчанова Г. Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007.
4. Мукаржовский З. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М. : Прогресс, 1967. С. 406–431.
5. Сулейменов О. О. Определение берега. Алма-Ата : Жазушы, 1976.
6. Halliday M. A. K. Linguistic Studies of Text and Discourse (collected works of M. A. K. Halliday). Vol. 2. London, New York : Continuum, 2002.
7. Leech G., Short M. Style in Fiction: a Linguistic Introduction to English Fictional Prose. 2nd ed. London : Pearson Education, 2007.
8. Simpson P. Stylistics: a Resource Book for Students. London : Routledge, 2004.
9. Stockwell P. Cognitive Poetics. An Introduction. London, New-York : Routledge, 2002.
10. Van Peer W., Hakemulder J., Zyngier S. Lines on feeling: foregrounding, aesthetics and meaning // Language and Literature 2007. № 16(2). P. 197–213.

Сведения об авторе: Джусупов Нурсултан Маханбет улы, к.ф.н., старший научный сотрудник Института перспективных гуманитарных исследований и технологий Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова; email: nursultan79@mail.ru

COGNITIVE STYLISTICS: EXPLORING THE STRATEGY OF FOREGROUNDING IN A TEXT

Nursultan M. Dzhusupov

PhD, Senior Research Fellow at Russian Institute for Advanced Study in Humanities and Technology, Sholokhov Moscow State University for the Humanities; email: nursultan79@mail.ru

Abstract

The article examines theoretical and practical issues concerning the cognitive stylistic analysis of the strategy of foregrounding in different types of text. The main objective of foregrounding is an effective and creative use of language resources for producing the foregrounding effect. Foregrounding as a universal stylistic strategy may be applied in different spheres of speech communication to both minimum and maximum degrees. However, the most specific and varied characteristics of foregrounding in both form and content tend to be manifested in a literary text. In addition, the activation of different stylistically significant processes in the languages is mostly determined by the initial foregrounding of linguistic deviations in the text. Due to their creativity and originality these kinds of modified linguistic forms

may attract the most attention of language speakers and in the course of time can be widely spread and legalized in the language system.

Key words: foregrounding, foregrounding theory, cognitive stylistics, text, linguistic deviation, stylistic process.

References:

1. Arnol'd, I. V. (2002). *Stylistika. Sovremennyyi angliiskii iazyk* [Stylistics. Modern English]. (5th ed.). Moscow: Flinta: Nauka.
2. Havranek, B. (1967). Zadachi literaturnogo iazyka i ego kul'tura [The Tasks of the Standard Language and Its Culture]. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. M.: Progress. P. 338–377.
3. Molchanova, G. G. (2007). *Angliiskii kak nerodnoi: tekst, stil', kul'tura, kommunikatsiia* [English as a Non-native Language: Text, Style, Culture, Communication]. M.: OLMA Media Grup.
4. Mukarzhovskii, Z. (1967). Literaturnyi iazyk i poeticheskii iazyk [Standard Language and Poetic Language]. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. M.: Progress, 1967. P. 406–431.
5. Suleimenov, O. O. (1976). *Opreделение berega* [Definition of the River Bank]. Alma-Ata: Zhazushy.
6. Halliday, M. A. K. (2002). *Linguistic Studies of Text and Discourse (collected works of M. A. K. Halliday)*. Vol. 2. London, New York: Continuum.
7. Leech, G. & Short, M. (2007). *Style in Fiction: a Linguistic Introduction to English Fictional Prose* (2nd ed.). London: Pearson Education.
8. Simpson, P. (2004). *Stylistics: a Resource Book for Students*. London: Routledge.
9. Stockwell, P. (2002). *Cognitive Poetics. An Introduction*. London, New-York: Routledge.
10. Van Peer, W., Hakemulder, J. & Zyngier, S. (2007). Lines on feeling: foregrounding, aesthetics and meaning. *Language and Literature*, 16(2), 197–213.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Т. Н. Ефименко

Московский городской педагогический университет

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме изучения письменного модуля делового дискурса английского языка с точки зрения социолингвистики. Представляя собой один из самых важных инструментов деловой коммуникации в современном мире, электронные письма могут принадлежать к различным классам речевых жанров: инфор-

мативным, императивным (отчеты, просьбы, приказы), этикетным (приветствия, приглашения, поздравления), оценочным (реакция на отчет по функционированию бизнеса и т.д.). В большинстве случаев данная коммуникация носит институциональный (статусно-ролевой) характер, и осуществляется либо симметрично, либо ассиметрично. Речевое общение (в частности статусно-ролевое) основано на ожиданиях того, что языковая личность будет соблюдать речевые нормы. Таким образом, в сознании членов общества формируется представление о том, каким должно быть исполнение той или иной роли для достижения положительной коммуникации. Деловая коммуникация ситуативна, направлена на определенного адресата и обладает определенным специфическим для данной коммуникативной ситуации контекстом. Использование определенных языковых средств и определенных коммуникативных механизмов позволяют достичь необходимого результата коммуникации.

Ключевые слова: деловой дискурс, институциональное общение, социолингвистика.

В данной статье рассматривается один из многогранных и интересных феноменов, каковым является деловой дискурс. Само понятие дискурс характеризуется многообразием значений, описывается и понимается как существование языка в реальной ситуации общения. Несмотря на существование различных концепций, относительно характеристик дискурса, существует несколько объединяющих свойств, которые основываются на динамической природе языка как особой естественной семиотической системе по обработке, накоплению и передаче информации, их динамичной речевой деятельности отдельных носителей языка, направленной на обмен информацией. Дискурс — это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования, это взаимодействие когнитивных и коммуникативных сознаний участников коммуникации.

Описание структуры дискурса предполагает ее объяснение в терминах особенностей социального взаимодействия и социальной структуры, что ведет к описанию способов реализации в структуре дискурса разнообразных отношений, например, влияния, неравенства, доминирования в обществе.

Говоря о социальном взаимодействии участников деловой коммуникации, учитывая их социальный статус, стоит подчеркнуть институциональность ДД. Институциональный ДД представляет собой статусно-ролевое общение, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп и институтов друг с другом, с целью решения определенных задач и установления контактов. ИД явление и лингвистическое и социальное. Эти два аспекта тесно связаны между собой

и влияют друг на друга. Дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух основных ролей — говорящего (адресанта) и адресата. При этом роли участников могут меняться. Общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые рассматриваются в культурном контексте [2, с. 37]. Деловое общение, выполняемое в соответствии с нормами, принятыми в деловом сообществе носит “клишированный” [Карасик 1996 цит. по: 2, с. 73] или “смоделированный” (наш термин) характер.

Деловой дискурс обладает рядом признаков:

1. специфическая цель общения — взаимовыгодная профессиональная деятельность, установление контактов, достижение деловой договоренности между сторонами;
2. специфические участники — руководители в различных областях и сферах бизнеса, предприниматели, люди, оказывающие услуги;
3. специфическая характеристика текста письма. Текст характеризуется индексами социального статуса, представляющего адресата письма, как члена институционального сообщества, а также включает маркеры, свидетельствующие о его (текста) принадлежности именно к профессиональному деловому сообществу [1, с. 2].

Дискурс в целом, и ДД в частности, может быть представлен как в устном, так и в письменном модусе. В качестве примера письменного модуса выступает деловое электронное письмо (e-mail). E-mail является одним из самых важных инструментов деловой коммуникации в современном мире. Любые сферы социального взаимодействия, и деловое сообщество не исключение, обладают определенной спецификой, которая репрезентируется в языке. ДД имеет четкую структуру (или модель) и может включать до 5 основных этапов: установление контакта, ориентация в ситуации, обсуждение вопроса или проблемы и поиск решения, принятие решения и выход из контакта [3, с. 53].

Любое деловое письмо наряду с прямой функцией информирования косвенно выполняет и фатическую функцию — ответ на запрос — это уже желание продолжить совместную деятельность, надежда на установление и развитие взаимоотношений участников бизнес-коммуникации. При использовании эмфатических лексических единиц (*brand-new product, will revolutionised, we are sure that you will be impressed* и т.д.) адресант пытается воздействовать на адресата запланированным образом, вызывая необходимую реакцию.

Письменный модус ДД обладает рядом специфических признаков: специфическая цель общения, специфическая коммуникативная ситуация, специфическая стратегия достижения цели (использование определенной лексики, стиля изложения), участники, ценности, специфические presuppositions (общие знания) коммуникантов, специфические характеристики текстов. ДД следует отнести к специальным видам социальной коммуникации, поскольку она осу-

ществляется благодаря специальным профессиональным знаниям (определенные нормы и коды поведения, общения) и имеет ценность в пределах определенной профессиональной группы.

Структура делового письма подразделяется на 3 основные части, каждая из которых имеет свою определенную цель, репрезентирующуюся клишированными лексическими единицами.

Письменный модус делового дискурса представляет собой двусторонний процесс речетворчества, детерминированный определенной (специфической) социальной (профессиональной) деятельностью, в рамках которой ведущая роль принадлежит “когнитивным пространствам коммуникантов” [2, с. 101], где сфокусированы различные особенности их миров, репрезентирующиеся в этой деятельности. Деловой дискурс — явление и лингвистическое, и социальное. С одной стороны, определенные коммуникативные механизмы позволяют достичь результата за счет использования определенного набора языковых средств, а с другой стороны — этот результат продиктован требованиями делового сообщества.

Список литературы:

1. Рябинская Н. С. Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа — <http://knowledge.isras.ru/sj/sj/sj4-02ryab.html>
2. Ширяева Т. А. Когнитивная модель делового дискурса: Монография. — Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингв. ун-та, 2006. — 256с.
3. Ямшанова В. А. Коммуникация в экономике. — М.: 2003. — 227с.

Сведения об авторе: Ефименко Татьяна Николаевна, к. филол. н., доцент кафедры фонетики английского языка и деловой коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; email: tefimenko@mail.ru

SOCIOLINGUISTIC ASPECT OF ENGLISH BUSINESS DISCOURSE

Tatyana N. Efimenko

PhD in Philology, English Phonetics and Business Communication Department, Institute of Foreign Languages MCTTU; email: tefimenko@mail.ru

Abstract

This article is aimed at the research of English business discourse written mode from the point of sociolinguistics. Being one of the most important tools of business communication in the world today, emails can be of different types of speech genres: informative, imperative (reports, requests, orders, etc.), etiquette (greetings, invitations, congratulations etc.) and appraisive (feedback on the business performance report etc.). Business communication is mostly of institutional character and carried out

symmetrically and dissymmetrically. Speech acts (status-thematic) are based on the linguistic identity expectation to follow certain speech norms. Thus, the members of this or that society form the notion of this or that role performance for achieving successful result of communication. Being of a certain situation, business communication is focused on a particular addressee and possesses a certain context specific for this particular communicative situation. Using of specific language units and communicative tools gives us the opportunity to achieve required result of communication.

Key words: Business discourse, institutional communication, sociolinguistics.

References:

1. Ryabinskaya N.S. Rech kak sotsialnoye deystvie: osnovnye ponyatia discoursivnogo analiza [Speech as a Social Action] — <http://knowledge.isras.ru/sj/sj4-02ryab.html>
2. Shyryaeva T. A. (2006). Kognitivnaya model delovogo discursa [cognitive Model of Business Discourse]: Monographia. — Pyatigorsk: Izd-vo Pyatig.gos.lingv.un-ta. — 256 s.
3. Yamshanova V. A. (2003). Kommunikatsia v ekonomike. [Communication in Economics] — M. — 227 s.

Терминологическое поле англо-русского тезауруса по лингвистике текста

И. И. Жучкова

Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова

Аннотация

В статье рассматриваются базовые понятия, положенные в основу исследования метаязыка англоязычной лингвистики текста. При этом, учитывается знаковая природа исследуемых терминов, с учетом которой моделируются “терминологическая система” англоязычной лингвистики текста (план выражения) и ее “терминологическое поле” (план содержания), которое, в свою очередь, формализуется в виде тезаурусной семантической сети. Определение структуры тезаурусной сети и моделирование тезауруса по лингвистике текста представляется возможным путем выделения взаимосвязей, объединяющих заглавные термины данной предметной области. В целом, использование методики тезаурусного моделирования лингвистических объектов, предусматривающей построение как терминологического поля,

так и терминологической системы определенной предметной области, основанной на информационно-семиотической теории Р. Г. Пиотровского, способствует систематизации и упорядочению английских терминов лингвистики текста, характеризующихся наличием большого числа синонимов, антонимов, омонимов и дублетов.

Ключевые слова: лингвистика текста, тезаурусное моделирование, термин, терминологическое поле, терминологическая система.

Конструирование терминологического поля (терминополья) является одним из основных этапов моделирования тезауруса английских терминов по лингвистике текста. В информационно-семиотической теории основным признаком термина является включение его денотата в систему, представляющую организованную совокупность специальных понятий и связей. Эту систему называют “терминопольем”, которое выступает как системное образование плана содержания. В плане выражения “терминополью” соответствует совокупность лексических единиц, а также словообразовательных морфем и формальных синтаксических приемов, выражающих парадигматические и синтагматические связи между лексическими единицами. Совокупность всех этих средств плана выражения называется “терминосистемой”. Сочетание “терминополья”, или “означаемого”, с “терминосистемой”, или “означающим”, представляет собой двустороннее знаковое образование, которое называется “терминологической лексико-семантической системой (ТЛСС)” [2, с. 70–71].

В терминоведении понятию “терминополье” соответствует некоторое семантическое пространство, которое является лингвистическим аналогом предметной области. В работе Ю. И. Горбунова, посвященной тезаурусному моделированию французской грамматической терминологии, семантическое пространство представляет собой совокупность семантических областей, каждая из которых делится на “семантические поля”, которые, в свою очередь, разбиваются на “семантические микрополя” вплоть до выделения отдельных точек, соответствующих “семантическим признакам” [1, с. 125]. В результате такого многоступенчатого деления получаем иерархическую систему терминополья, терминологические единицы которого связаны сетью семантических отношений, характерных для исследуемой предметной области.

С целью определения терминологической системы предметной области (ПО) “Лингвистика текста” необходимо обратиться к источникам, в которых происходит фиксирование терминов и понятий рассматриваемой ПО. Эта задача может быть решена путем обращения к корпусу научно-лингвистических текстов, включающего в себя лингвистические словари, учебную литературу, монографии, а также научные статьи по лингвистике текста, написанные на английском

языке. Во всех вышеперечисленных источниках особое внимание уделяется определениям или дефинициям терминологических знаков (ТЗ), поскольку в словарных дефинициях заключены те признаки, из которых строится значение слова.

В ходе анализа английских научно-лингвистических текстов было выявлено около 250 лексических единиц, отражающих наиболее употребительные в современном языкознании термины по лингвистике текста. Из всего многообразия выбранных для исследования терминов были определены заглавные термины, обозначающие основные понятия англоязычной лингвистики текста и называющие тему отдельного информационного поиска в разрабатываемом тезаурусе: ТЗ linguistics (лингвистика), basic notions (основные понятия), interdisciplinary perspectives (междисциплинарный обзор), subdisciplines of “Text linguistics” (разделы ПО “Лингвистика текста”), text (текст), textuality (текстуальность), discourse grammar (грамматика текста), cohesion (связность), coherence (цельность), text classification (классификация текстов), text typology (типология текста), text type (тип текста) genre (жанр), register (функциональный стиль), interaction of stylistics and rhetoric (интеграция стилистики и риторики).

Взаимосвязи заглавных терминов в терминологическом поле англоязычной лингвистики текста полностью отражают структуру конструируемого тезауруса (см. рис. 1). Из приведенного ниже рисунка видно, что верхний ярус “лингвистического терминопоя” содержит общенаучные и общелингвистические понятия (ТЗ basic notions, interdisciplinary perspectives, subdisciplines, text, linguistics и др.), которые

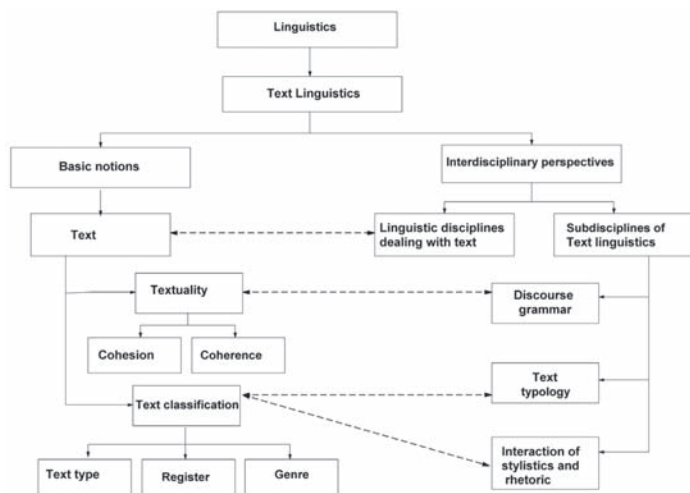

Рис. 1. Терминологическое поле англоязычной лингвистики текста.

впоследствии подразделяются на термины, присущие лишь данной ПО (T3 textuality, discourse grammar, text type, text theme и др.).

Тем не менее, все эти группы терминов оказываются вертикально и горизонтально связаны между собой сетью семантических отношений. Так, T3 text является основным объектом изучения как лингвистики текста, так и других лингвистических дисциплин, изучающих проблемы, тем или иным образом связанные с текстом. Такая же взаимосвязь прослеживается и у T3 textuality с T3 discourse grammar, первый из которых представляет основной объект изучения подобласти лингвистики текста, называемой вторым термином. Таким же образом пересекаются и остальные T3, обозначающие основные понятия лингвистики текста и ее разделы, а именно T3 text classification с T3 text typology и T3 interaction of stylistics and rhetoric.

Стоит отметить, что терминополь, представленное выше, содержит лишь заглавные термины лингвистики текста, которые, в свою очередь, делятся на подклассы или микрополя, а подклассы на более мелкие группы. Подобное деление продолжается до тех пор, пока не будет исчерпана тема.

Итак, перечисленные семантические области “стягиваются” в единую семантическую сеть, представляющую собой семантическое пространство или “терминополь” конструируемого тезауруса. В совокупности данные терминологические поля способны составить основу конструируемого словаря, способствующего систематизации и унификации английских терминов интересующей нас ПО, тем самым полностью отразив систему понятий, которой оперирует современная англоязычная лингвистика текста.

Список литературы:

1. Горбунов Ю. И. Французская грамматическая терминология: Опыт тезаурусного исследования. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. 188 с.
2. Пиотровский Р. Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении): 2-е изд., доп. и испр. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 256 с.

Сведения об авторе: Ирина Игоревна Жучкова, ассистент кафедры английского языка, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск; email: irisha567@yahoo.com

TERMINOLOGICAL FIELD OF THE ENGLISH-RUSSIAN “TEXT LINGUISTICS” THESAURUS

Irina I. Zhuchkova

Junior Professor, Department of the English language, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; email: irisha567@yahoo.com

Abstract

The article deals with the study of English Text linguistics terminological field, which consists of basic notions related to the above mentioned object domain. In this regard, we consider the fact that any linguistic sign comprises the signifier and the signified. The components of the former enable us to model the terminological system and the latter reveals semantic relations among terms and makes it possible to model the terminological field or, in other words, the thesaurus semantic network. In order to identify the structure of the network we should first identify the ties connecting basic terms of the object domain in question. On the whole, the performed detailed investigation of the English Text Linguistics terminological field using the semiotic theory of Piotrovskij and thesaurus approach to the modelling of linguistic objects allowed us to differentiate the meaning of basic terms and systematize the English Text linguistics terminology characterized by a great number of complete and partial synonyms, antonyms, homonyms.

Key words: text linguistics, thesaurus modelling, term, terminological field, terminological system.

References:

1. Gorbunov Iu.I. (2004) Frantsuzskaia grammaticheskaia terminologija: Opyt tezaurusnogo issledovaniia [French Grammatical Terminology: Experiment on Thesaurus Research]. SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena. 188 p.
2. Piotrovskii R. G. (2008) Lingvisticheskii avtomat (v issledovanii i nepreryvnom obuchenii) [Linguistic automat (in research and constant teaching): text edition]: 2d edition. SPb: RGPU im. A. I. Gertsena. 256 p.

Лингвокультурные особенности прецедентного жанра “актовая речь”

С. В. Иванова

Башкирский государственный университет

Аннотация

Актовая речь представляет собой традиционный для американских университетов жанр церемониальной напутственной речи. Актовая речь в рамках американской лингвокультуры имеет статус текста прецедентного жанра. Подобный текст характеризуется как конструктивными особенностями, так и значимостью для представителей определенной лингвокультуры в познавательном и эмоциональном планах. Он хранится в сознании носителей дан-

ной лингвокультуры в виде ментальной структуры — инварианта восприятия, репрезентирующего некую структурированную совокупность минимизированных и национально-детерминированных представлений. Как речевой жанр актовая речь представляет собой относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип текста. Тематически актовая речь строится вокруг жизненных эпизодов, направленных на связь прошлого с будущим. Композиционно она включает благодарность за приглашение выступить, философско-лирические размышления говорящего о жизни, обязательные ссылки на отличившихся выпускников, собственный жизненный опыт говорящего, “смешные ситуации” и пожелания. Стилистически актовая речь сочетает элементы личностного общения (лиричность, задушевность) и подобающей случаю торжественности (возвышенность).

Ключевые слова: прецедентный жанр, речевой жанр, актовая речь, лингвокультура, текст.

Жанр актовой речи представляет собой явление, типичное для американской лингвокультуры. Традиционно это напутственная речь перед выпускниками американских университетов, с которой выступает известная личность из мира политики, шоу-бизнеса, кинематографии и т. п. Актовая речь представляет собой яркий образец прецедентного жанра, то есть жанра, отмеченного национально-культурной спецификой, имеющего для представителей определенного лингвокультурного сообщества безусловную познавательную и эмоциональную значимость и хранящегося в сознании соответствующей языковой личности в виде ментальной инвариантной структуры. Понимание актовой речи как речи, культурологически маркированной, пресуппонирует цель данной работы, заключающуюся в идентификации культурно-ценностного пространства американского лингвокультурного сообщества за счет обнаружения вербализаторов его ценностной парадигмы в рамках актовой речи.

Материалом данного исследования послужили пятнадцать актовых речей, произнесенных в период с 1988 по 2014 год, среди ораторов значатся Иосиф Бродский (1988), Стивен Кинг (2001), Боно (2004), Стив Джобс (2005), Билл Косби (2007), Джоан Роулинг (2008), Элен Дедженерес (2009), Роберт Родригез (2009), Билл Клинтон (2010), Лиза Кудроу (2010), Мерил Стрип (2010), Мишель Обама (2011), Конан О’Брайен (2011), Том Хэнкс (2011), Барак Обама (2011, 2014). Необходимо отметить, что среди перечисленных выше ораторов есть те, кто по параметру родного языка мог бы быть причислен к иным лингвокультурным сообществам, однако представляется, что факт выступления перед американской аудиторией и их биографические

данные позволяют анализировать и их речи как относящиеся к американской лингвокультуре тексты.

Как объект лингвистического исследования актовая речь представляет большой интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, с точки зрения генристики это ритуальный жанр институционального дискурса, представляющий собой монологическое высказывание, скрывающее диалог агента и целевой аудитории, направленное на легитимизацию определенного мировидения и в силу этого отмеченное вербально выраженным ценностным вектором и имеющее четко выраженную ситуативную отнесенность. Во-вторых, с лингвокультурологической точки зрения подобный текст характеризуется как конструктивными особенностями, так и значимостью для представителей определенной лингвокультуры в познавательном и эмоциональном планах. Он хранится в сознании носителей данной лингвокультуры в виде ментальной структуры, которую В. В. Красных определяет как инвариант восприятия, репрезентирующего некую структурированную совокупность минимизированных и национально-детерминированных представлений [2, с. 49, 68].

Как речевой жанр актовая речь представляет собой относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип текста. Тематически актовая речь строится вокруг жизненных эпизодов, направленных на связь прошлого с будущим. Композиционно она включает благодарность за приглашение выступить, философско-лирические размышления говорящего о жизни, обязательные ссылки на отличившихся выпускников, собственный жизненный опыт говорящего, “смешные ситуации” и пожелания [1, с. 59]. Стилистически актовая речь сочетает элементы личного общения (лиричность, задушевность) и подобающей случаю торжественности (возвышенность).

Тематическая, композиционная и стилистическая устойчивость актовой речи как типа текста усиливается факторами ритуальности и культурологической маркированности. Культурологическая маркированность данного жанра как типа текста раскрывается через культурный комментарий как метод лингвокультурологического исследования. Наряду с ним использование таких методов лингвистического анализа, как контекстуальный анализ, дискурс-анализ, дефинитивный анализ, сплошная выборка, количественные подсчеты, анализ содержательно-концептуальной и содержательно-фактуальной информации, позволяет выделить целый ряд ключевых слов, которые служат средством доступа к ценностному пространству американской культуры, вербализованном в текстах актовой речи. Анализ ключевых слов как слов-сигналов, на которых сфокусирована содержательно-концептуальная информация текста, а также эмоционально-оценочные доминанты, дает возможность выделить целый

ряд лексических маркеров ценностной парадигмы американского лингвокультурного сообщества. Эти ценностные векторы могут быть объективированы как в виде лексических единиц, так и единиц более высокого в синтаксическом отношении порядка, таких как словосочетания и предложения. Данный список ценностных доминант американцев, эксплицированных в результате изучения концептуальной информации подвергнутых анализу текстов актовых речей, включает такие концептуально-ментальные области, как *failure, success, purpose, sympathy, change, being true to oneself, the world is not perfect*.

В первую очередь, обращает на себя внимание то, что все ораторы прежде всего останавливаются на неудаче как факторе, способствующем дальнейшему личностному росту: *the benefits of failure; What I feared most for myself at your age was not poverty, but failure; Ultimately, we all have to decide for ourselves what constitutes failure, but the world is quite eager to give you a set of criteria if you let it. So I think it fair to say that by any conventional measure, a mere seven years after my graduation day, I had failed on an epic scale; So why do I talk about the benefits of failure? Simply because failure meant a stripping away of the inessential. I stopped pretending to myself that I was anything other than what I was, and began to direct all my energy into finishing the only work that mattered to me* (Э. Дедженерес); *if you accept your misfortune and handle it right, your perceived failure can be a catalyst for profound re-invention* (К. О'Брайен).

Чрезвычайно любопытна трактовка знаменитостями успеха не как достижения материального благосостояния и публичности или славы. Для них успех это способ найти себя: *If you have been touched by the success fairy, people think you know why. People think success breeds enlightenment and you are duty bound to spread it around like manure* (М. Стрип). *But my idea of success is different today. And as you grow, you'll realize the definition of success changes. For me, the most important thing in your life is to live your life with integrity and not to give into peer pressure to try to be something that you're not, to live your life as an honest and compassionate person, to contribute in some way. So to conclude my conclusion, follow your passion, stay true to yourself* (Э. Дедженерес).

Наличие цели в жизни, которая бы помогала двигаться вперед, цели, понимаемой как поиск себя самого, концептуально объединяет многих ораторов: *I was soul-searching; there must be a purpose* (Э. Дедженерес). *The purpose is to enable you to articulate yourselves as fully and precisely as possible; in a word, the purpose is your balance* (И. Бродский).

Многие выступающие подчеркивают необходимость воспитания чувства сострадания к тем, кто материально незащищен, обделен, кто не преуспел: *Unlike any other creature on this planet, humans can learn and understand, without having experienced. They can think themselves into other people's places. Of course, this is a power, like my brand of fictional magic, that is morally neutral. One might use such an ability to manipulate,*

or control, just as much as to understand or **sympathise** (С. Джобс); *to live your life as an honest and **compassionate** person, to contribute in some way* (М. Стрип).

Безусловно, для американского сообщества чрезвычайно важны открытость и готовность к переменам, что часто находит отражение в подвергнутых анализу текстах: *The moment that you place blame somewhere, you undermine your resolve **to change** anything* (С. Джобс). Эти изменения касаются не столько необходимости изменений в мире, но больше предполагают изменения самого себя, своего личного мира, моделирование и усовершенствование своих личностных характеристик и устремлений: *We do not need magic **to change** the world, we carry all the power we need inside ourselves already: we have the power to imagine better* (Дж. Роулинг).

Одной из самых востребованных ценностей, упоминание которой фигурирует практически в каждой речи, является способность быть и оставаться самим собой, не пасовать перед давлением общества, но идти вслед за зовом своей души: *what the most important thing is, is to be **true to yourself**; follow your passion, stay **true to yourself*** (С. Джобс).

Пожалуй, одной из самых удивительных мыслей, которые передают выступающие, является мысль о несовершенстве мира. Понимание несовершенства мира необходимо для того, чтобы находить в себе силы оставаться в этом мире самим собой: ***The world is not perfect**; the Golden Age never was or will be* (И. Бродский). *The world you are about to enter and exist in **doesn't have a good reputation**. It's been better geographically than historically; it's still far more attractive visually than socially. It's **not a nice place**, as you are soon to find out, and I rather doubt that it will get much nicer by the time you leave it* (И. Бродский).

Таким образом, подводя итог анализу актовой речи на предмет экспликации вербальных маркеров ценностной парадигмы американского лингвокультурного сообщества, можно констатировать, что исследование текстов прецедентного жанра как жанра культурологически маркированного с наибольшей вероятностью и эффективностью способствует выявлению ценностной парадигмы лингвокультурного сообщества, поскольку сам тип текста маркирован культурологически. В связи с этим встает насущная необходимость выявления прецедентных жанров для различных лингвокультурных общностей, ибо такого рода исследования имеют высокий эвристический потенциал как с точки зрения лингвокультурологии, так и смежных с нею дисциплин этнологического плана. Лингвистически несомненный интерес представляет как характер объективации лингвокультурных связей, так и жанровые параметры текстов различных прецедентных жанров.

Анализ подобного рода, кроме того, позволяет проследить динамику ценностной парадигмы общества, востребованные социальные

и личностные характеристики его представителей. Кроме того, тексты прецедентного жанра наглядно манифестируют языковую личность, представляющую то или иное лингвокультурное сообщество.

Список литературы:

1. Иванова С. В. Хитрое слово *leadership*, или Еще раз о национально-культурной специфике // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО “Урал. гос. пед. ун-т”. Екатеринбург, 2014. Вып. 3 (49). С. 58–68.
2. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М.: ИТДГК Гнозис, 2002.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Викторовна, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия; email: svet_victoria@mail.ru

LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF THE PRECEDENT GENRE OF COMMENCEMENT SPEECH

Svetlana V. Ivanova

Doctor of Philology, Professor, Chair of English Philology and Intercultural Communication, Bashkir State University, Ufa, Russia;
email: svet_victoria@mail.ru

Abstract

Commencement speech is a genre of ceremonial encouraging speech at graduation traditional for American universities. Commencement speech has the status of a text of precedent genre. It is characterized by constructive features as well as by its cognitive and emotional significance for a certain linguoculture. At the mental level it is stored as a certain mental structure, i.e. an invariant of perception representing a structured aggregate of minimized and nationally determined representations. As a speech genre commencement speech is a relatively stable thematic, compositional and stylistic text type. Thematically commencement speech comprises anecdotes aimed at the connection of the past with the future. Compositionally it includes the speaker's gratitude for the invitation, philosophical reflections on life, mandatory references to the best graduates, personal experience, funny situations and wishes. Stylistically commencement speech combines elements of personal communication (lyricism and sincerity) and appropriate stateliness (solemnity).

Key words: precedent genre, speech genre, commencement speech, linguoculture, text.

References:

1. Ivanova, S. V. (2014). *Khitroye slovo leadership, ili Yescho o natsionalno-kulturnoy spetsifike* [The curious word Leadership or more about the national and cultural specificity] *Politicheskaya lingvistika*, 3(49). (Chudinov, A. P., ed.); FGBOU VPO "Ural. Gos. universitet". Yekaterinburg. S. 58–68.
2. Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsicholingvistika I lingvokulturologiya* [Ethnio-psycholinguistics and linguoculturology]. M.: ITD GK "Gnozis". 284 s.

Основные категории текста как главной единицы коммуникации

А. В. Кокова

Новосибирский государственный педагогический
университет

Аннотация

Разные подходы и методы исследования текста как лингвистической единицы (формально-структурный, коммуникативно-прагматический и когнитивный) требуют учета его основных категорий — функции текста, коммуникативной ситуации и содержания. На предшествующих этапах развития лингвистики текста внимание в основном уделялось изучению видов и средств когезии текста, типов связи между отдельными предложениями (местоименной, деиктической, логико-семантические отношения). В настоящее время в лингвистике текста акцент ставится на когнитивных особенностях текстов. Отношения между отдельными предложениями в тексте, расположенными как контактно, так и дистантно, на начальном уровне разграничиваются на аддитивные и интегративные. Аддитивные отношения между предложениями характерны, прежде всего, для дескриптивных (описательных) текстов, интегративные отношения охватывают более широкий диапазон текстов других типов.

Ключевые слова: лингвистика текста, функции текста, прагматика, типы текстов, вербальная коммуникация.

Современный период развития лингвистической теории текста характеризуется интересом к его когнитивным аспектам. На предшествующих этапах развития лингвистической теории текста акценты ставились на изучении видов и средств когезии текста, типов связи между отдельными предложениями (местоименной, деиктической, логико-семантические отношения). Предметом рассмотрения были

отдельные сегменты связного текста, состоящие из двух или более предложений, представляемые как компоненты, непосредственно составляющие цельный текст. При этом проблематика структурирования цельного текста как главной единицы коммуникации отходила на второй план.

Интерпретация отдельных примеров касалась поиска адекватных, интенциональных контекстов, в которых рассматриваемые последовательности предложений обладали бы смыслом. Их взаимосвязь обнаруживала разную степень эксплицированности. Так, пример “Идет дождь. Дай мне мой зонтик” воспринимается как осмысленный текст, так как в нем имплицитно выражена причинно-следственная связь между двумя явлениями. В меньшей степени как осмысленный текст воспринимается последовательность “Идет дождь. Дай мне мою библию” [6, с. 38], так как между двумя указанными ситуациями имплицитно выражены по меньшей мере две финитные конструкции (ср. их возможную реконструкцию: “(так как) идет дождь; (моя библия может намочнуть); дай мне мою библию (чтобы я мог укрыть ее от дождя)”.

Поскольку в традиционном понимании текст является завершенной в смысловом и структурном отношении, цельно оформленной коммуникативной единицей, на следующем этапе развития лингвистической теории текста упор был сделан на поиск закономерностей его внутренней организации и делимитации, то есть в определении объективными методами границ текста как лингвистической единицы.

Другое направление в изучении текста — коммуникативно-ориентированная лингвистика текста — рассматривает его не как изолированный, статичный объект, а в рамках коммуникативной ситуации, в которой важнейшими факторами являются автор и адресат с их социальными и ситуативными характеристиками. Данное направление, развиваясь в русле лингвистической прагматики, изучает текст как продукт речевой деятельности, основным компонентом которой является речевой акт.

Представители коммуникативного направления в лингвистике текста, дополняющие системный подход к объекту исследования деятельности, рассматривают текст как продукт речевой деятельности, как многоаспектную единицу, в основу классификации которой должны быть положены разные типы критериев. В русле коммуникативно-прагматического подхода в качестве основных критериев классификации выдвигаются функция текста, коммуникативная ситуация и содержание [2; 3].

Основой при определении функции текста, несмотря на различия в формулировках у разных авторов, является понятие цели, с которой говорящий обращается к адресату посредством текста [3, с. 59; 4, с. 15]. У. Энгель вместо термина “функция” выдвигает

понятие “глобальная цель” (Globalziel) в качестве главного критерия деления текстов на классы [4].

Несмотря на сходство в толковании доминирующего критерия, авторы выделяют неодинаковые по количеству и качеству классы текстов. К. Бринкер выделяет информирующие, апеллирующие, обязывающие, контактоустанавливающие и декларативные; У. Энгель выделяет информирующие, контактоустанавливающие, побуждающие, убеждающие, поучающие, выражающие эмфазу (лирика, причитания, брань и т.д.) [2; 4].

В обеих классификациях присутствуют только два общих класса — информирующих и контактоустанавливающих текстов. То есть реальное многообразие текстов теоретически допускает разную степень детализации при их рубрикации.

С более общих позиций лингвистической прагматики рассматривает типологию функций текста М. Димтер. Исходя из понимания текста как репрезентации речевого действия, он устанавливает в качестве основных интенций говорящего воздействие на знания, оценки и желания реципиента текста. В самом деле, упомянутые выше функции, или цели текста по характеру их воздействия можно свести к данным трем понятиям: посредством информирующих и декларирующих текстов автор воздействует на знания реципиента, на его оценки воздействует апеллирование и убеждение, а на волю — обязывание, побуждение и поучение. Очевидно, что список подобных частных функций в рамках вышеназванных трех общих понятий можно продолжить, так как большинство реальных текстов полифункционально. Так, тексты с обязывающей, поучающей и убеждающей функцией одновременно информируют реципиента о некотором положении дел, связанным с темой текста.

Критерий “коммуникативная ситуация” представляет собой в общем виде модель “автор — канал — адресат” [3, с. 39], являющуюся рамкой, в которой реализуется контакт. Ее релевантными признаками являются: количество коммуникантов, их роли, социальное положение, степень официальности контакта, активность партнеров, вид канала коммуникации (оптический или акустический).

К. Бринкер вместо понятия “текстовой макроструктуры”, или “суперструктуры”, представляющих собой абстрактные логико-семантические схемы, вводит более конкретное и приемлемое для целей практического исследования речевого употребления понятие “формы развертывания темы” (Themenentfaltung) [2, с. 59]. Он выделяет следующие базовые формы: дескриптивную, нарративную, экспликативную и аргументативную. Нетрудно заметить, что названные формы в основном соответствуют тематическим базисам Э. Верлиха [7], но в отличие от последнего К. Бринкер считает не их, а функцию текста главным критерием для разграничения текстов по классам.

На наш взгляд, понятие “формы развертывания темы” более предпочтительно для изучения реальных текстов по следующим соображениям:

1. выделяемые на его основе тематические структуры (дескриптивные, нарративные, аргументативные и экспликативные) являются минимальными фрагментами конкретных текстов, обладающими признаком тематического единства;
2. они легко выделяемы и реконструируемы по определенным моделям;
3. с их помощью учитывается роль коммуникативных и ситуативных факторов.

В качестве примера аргументативного типа с интегративным типом связи между предложениями, рассмотрим следующий текст формально-схематического характера: (слегка измененный пример С. Тульмина):

Тезис: Джон — гражданин Великобритании.

Аргумент: Джон родился в Великобритании.

Правило-доказательство: Если человек родился в Великобритании, он является, как правило, ее гражданином.

Подтверждение: На основании следующих законов...

Модальный оператор: Предположительно Т.

Правило исключения: Родители Джона (мать и отец) иностранцы. [5, с. 105].

Изучение конкретных тематических структур текстов обнаруживает, что функция отдельных предложений в тексте неодинакова. Типы смысловой связи между ними можно охарактеризовать как аддитивные и интерактивные. Аддитивная связь между отдельными предложениями текста характерна, прежде всего, для дескриптивного типа текстов, в котором фреймовая информативная структура развертывается по типу приращения новых смыслов (например: “Политика — (греч. *politiká* — государственные и общественные дела) — сфера деятельности, связанная с распределением и осуществлением власти внутри государства и между государствами. Политика как особая форма социальной деятельности возникает вместе с государством и той иерархической системой власти, которая призвана обеспечить в обществе гражданский порядок на основе четкого разграничения отношений господства и подчинения. Государство, возвысившись над обществом в качестве органа легитимной власти, способной противостоять внешней агрессии и заставлять всех граждан соблюдать законы и не нарушать норм общественной морали, обрело таким образом специфический вид деятельности — политику”) [1].

Интегративный тип связи основан на иерархических отношениях между сегментами текста, выполняющими в нем фиксированную функцию. Так, тезис аргументации в тексте, имеющий форму

утвердительно повествовательного предложения, играет в нем доминирующую роль и интегрирует все аргументы, логические подтверждения и правило исключения.

Когнитивный аспект изучения текста как главной единицы вербальной коммуникации основывается, на наш взгляд, на осознании того, что в основе содержания любого текста лежит некоторый тематический концепт, а соответствующий текст является формой его аргументации.

Итак, структурирование многоаспектной партитуры текста требует учета его разнородных критериев и категорий, прежде всего коммуникативно-прагматических, структурных и когнитивных.

Список литературы:

1. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] / сост. А. А. Грицанов URL: <http://terme.ru/dictionary/175/word/politika> (дата обращения: 28.03.2015)
2. Brinker K. Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt, 2001. 165 S.
3. Dimter M. Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache. Tübingen: Niemeyer, 1981. 144 S.
4. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Groos, 1996. 884 S.
5. Toulmin St. The Uses of Argument. Cambridge: University Cambridge Press, 2003. 262 p.
6. Vater H. Einführung in die Textlinguistik: Struktur, Thema und Referenz in Texten. Stuttgart: UTB, 2001. 221 S.
7. Werlich E. Typologie der Texte. Heidelberg: Quelle&Meyer, 1975. — 140 S.

Сведения об авторе: Александра Васильевна Кокова, д.ф.н., профессор, Новосибирский государственный педагогический университет г. Новосибирск, Россия; email: alnev@mail.ru

BASIC CATEGORIES OF TEXT AS THE MAIN COMMUNICATION UNIT

Aleksandra V. Kokova

Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia;
email: alnev@mail.ru

Abstract

Different approaches to the research of text as a language unit (structural, communicative-pragmatic and cognitive) require taking into consideration its main categories — text function, communicative situation and meaning. In the previous periods the emphasis of text linguistics research

was laid on the types and means of text cohesion, types of connection between certain sentences (pronominal, deictic, logic and semantic relations). At the present point of time text linguistic research is generally accentuated on the cognitive characteristics. The relations between certain sentences in a text, which can be contact or distant, are differentiated at the initial level into additive and integrative.

Additive relations are characteristic of descriptive texts in the first place; integrative relations cover a wider range of text types.

Key words: text linguistics, text functions, pragmatics, types of texts, verbal communication.

References

1. Gritsanov, A. A. (Ed.). *Noveyshiy Filosofskiy Slovar'* [Modern Philosophical Dictionary]. Available at URL: <http://terme.ru/dictionary/175/word/politika> (accessed 28.03.2015)
2. Brinker, K. (2001). *Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin: Erich Schmidt. 165 S.
3. Dimter, M. (1981). *Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache*. Tübingen: Niemeyer. 144 S.
4. Engel, U. (1996). *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Groos. 884 S.
5. Toulmin, St. (2003). *The Uses of Argument*. Cambridge: University Cambridge Press. 262 p.
6. Vater, H. (2001). *Einführung in die Textlinguistik: Struktur, Thema und Referenz in Texten*. Stuttgart: UTB. 221 S.
7. Werlich, E. (1975). *Typologie der Texte*. Heidelberg: Quelle&Meyer. 140 S.

Установление авторства текста как результат дискурсивного выбора

Н. Н. Коноплева

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы, входящие в сферу художественного дискурса. В центре внимания находятся два текстовых эпизода из трагедии В. Шекспира “Макбет”: сцена “Заклятие ведьм” и песня “Come away”. Установление в них авторства до сих пор считается дискуссионным. Поскольку встречающаяся в “Макбете” песня “Come away” принадлежит Т. Мидлтону (пьеса “Ведьма”), то авторство

В. Шекспира в сценах с ведьмами подвергается сомнению. В результате дискурсивного анализа выявлено, что к подобному выводу привела общность предметной сферы этих текстов: в обоих пьесах присутствуют сверхъестественные существа. Коммуникативная составляющая также не имеет существенных различий: так представляли себе современники обоих драматургов религиозную жизнь своего времени. Показано, что расхождения приходится на когнитивную часть дискурса: сцена “Заключение ведьм” относится к традиционно-христианской дискурсивной формации, а песня “Come away” — к религиозно-бытовой, что подтверждается составом нарративных компонентов обоих текстов. На этом основании можно прийти к выводу, что они принадлежат разным авторам, и песня “Come away” является интерполяцией в текст “Макбета”.

Ключевые слова: авторство текста, художественный дискурс, дискурсивная формация, нарративные компоненты, В. Шекспир “Макбет”, Т. Миддтон “Ведьма”.

Соотнесенность текста с дискурсивной формацией в рамках одного дискурса может помочь в установлении авторства сопоставляемых текстов. Материалом исследования послужили два традиционно сравниваемых текста: сцена “Заключение ведьм” из трагедии В. Шекспира “Макбет” (акт IV, сцена 1) и песня “Come away” из пьесы Т. Миддтона “Ведьма” (“The Witch”). Несмотря на то, что в рамках “антистратфордского” направления оба текста рассматриваются как принадлежащие одному автору, Т. Миддтону, дискурсивным анализом это не подтверждается.

Хотя предметная сфера дискурса (тема) совпадает — в обоих пьесах присутствуют сверхъестественные существа (ведьмы), — нарративные элементы, содержащиеся в когнитивной части дискурса, существенно различаются. Можно утверждать, что у Шекспира в содержательном плане они соотносятся с христианской дискурсивной формацией, поскольку под маской ведьм прячутся бесы, в то время как у Миддтона они относятся к сфере народной демонологии, религиозно-бытовой дискурсивной формации. Поэтому в “Макбете” ведьмы представляют собой мистическую, стихийную силу, а в “Ведьме” они более “реалистичны” и легко вписывались в повседневную жизнь Елизаветинской эпохи, в которой магические события были неотъемлемой частью. Коммуникативная составляющая обнаруживает черты общности: так представляли себе современники обоих драматургов религиозный обиход. Дальнейший анализ позволяет выявить нарративные черты, существенно различающие оба текста: характер злых духов, сопровождающих сверхъестественных существ (ведьм), и компоненты колдовского зелья.

Общим для обеих пьес является наличие злых духов, сопутствующих ведьмам. В “Макбете” они предстают в образе кота (Graymalkin) и жабы (Paddock), которые традиционно считались атрибутами колдовства. Malkin и paddock — диалектные слова, по-видимому, шотландского происхождения [4, с. 4]. Важно, что кот и жаба названы словами, отличными от узуального употребления, поскольку имеют в виду не сами животные, а злые духи, принявшие их облик. В “Макбете” все ведьмы, являющиеся, по сути, бесами, действуют, не прибегая к помощи других злых сил, за что навлекают на себя гнев Гекаты — покровительницы мрака и волшебства. В “Ведьме” все злые духи — спутники Гекаты, она отдает им приказания. В примечаниях к пьесе “Ведьма” отмечаются сходные “персонажи”: маленький черный кот (Titty), черная жаба (Pidgin), хотя некоторые персонажи с трудом могут быть идентифицированы.

Расхождения в текстах Шекспира и Миддлтона касаются не только персонажей или содержимого колдовского котла, но и способа существования сверхъестественных сил. У Миддлтона Геката и ведьмы взмывают в небо. В сценических ремарках сказано: “ascending with the spirit” (“поднимаясь вместе с духом”). Из этого можно заключить, что их среда обитания — небо. Шекспир в этом смысле более осторожен: “Hover in the fog and filthy air” (“Зависнем в тумане и смрадном воздухе”). Своей лете никак не может быть присуще Гекате. Мифологически она относится к хтоническим существам, связанным с подземным, но не надземным миром. У Шекспира в сценических ремарках сказано: “enters” (“входит”), “exeunt Hecate and three other witches” (“уходит Геката и три другие ведьмы”), но не более того.

Важной составляющей являются компоненты колдовского зелья. У Миддлтона это кровь летучей мыши (blood of bat). К зелью добавляются травы, самая ядовитая из которых — мандрагора (mandragora). Это символ колдовства, магическая трава, иначе называемая “цветок ведьм” [1, с. 102]. Кроме мандрагоры используется такой сбор трав, который для посвященных, вероятно, имеет сокровенный смысл, но для современного читателя он потерян. Например, “selago” (плаун баранец) в кельтской мифологии был хорошо известен как “талисман против всякой хвори” [2, с. 82]. Общим для обеих текстов является то, что травы собираются ночью: так они более пригодны для использования в магических обрядах: в “Ведьме” — при свете луны, в “Макбете” — при лунном затмении (moon’s eclipse), не очень понятном, а потому пугающем явлении.

Шекспир, опираясь на общие для того времени представления о воздействии того или иного растения на человека, наделяет каждый компонент зелья особым смыслом. Приготовление ведьмами зелья начинается с того, что в него бросают жабу (toad), которая считалась крайне ядовитой и неизменно связанной с колдовством. Для

современных Шекспиру читателей такое зелье, как теперь принято говорить, было знаковым: состав варился, чтобы погубить человека. Отмечается и то противоестественное явление, что, лежа под холодным камнем, жаба изнемогала от зноя. Это приписывается колдовству. После жабы в котел идут части болотной змеи и земноводных. Затем называются существа, обитающие в двух средах: так, летучая мышь связывает мир земной и мир надземный. Хотя большинство летучих мышей абсолютно безвредны, им в народных суевериях присваиваются вампирические свойства.

Конечно, Шекспир использует не научные, а имеющиеся у читателей-современников “наивные” представления, но они трансформируются в тексте в соответствии с авторскими задачами. “Witches’ mummy” (мумия, которую используют колдуньи) тоже неслучайно появляется в тексте: тела, не преданные земле, являются проклятыми и используются нечистой силой.

После животных колдовские действия производятся над растениями, имеющими магические свойства. Непременным атрибутом всякого зелья являлся болиголов (hemlock), который крайне ядовит. Обычно используется наземная его часть, но Шекспир предпочитает упомянуть корень этого растения, потому что такое отступление от магического травничества вызвано семантическими причинами: корень уходит в землю, а в земле лежат мертвые. Если болиголов выкопан темной ночью, то кора с тиса содрана в лунное затмение, еще более усиливающее колдовские свойства растений. В магическом аспекте тис считается кровоточащим деревом, так как из пореза сочится красная, как кровь, смола.

Заклинение вступает в решающую фазу. Появляется рожденный в канаве блудницей и задушенный ею при рождении ребенок. Само по себе это страшный грех, но для темных сил важно, что это дитя не было крещено. Завершает приготовление зелья кровь бабуина (baboon’s blood), которую использовали для охлаждения “варева” — обычная колдовская клятва, подтверждение злых намерений: порча на крови считалась самой сильной и действенной.

Таким образом, наряду с известными всем современникам Шекспира магическими знаниями, им создается новая понятийно-образная художественная реальность, несопоставимая с той, которая присутствует в пьесе Миддлтона.

Список литературы:

1. Мифологический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1991. 736 с.
2. Широкова Н. С. Мифы кельтских народов. М. : Астрель, 2005. 275 с.
3. Middleton Thomas. The Witch. Available at: [http:// tech.org > cleary / witch / html](http://tech.org > cleary / witch / html). Accessed 02.03.2015

4. *New Arden Shakespeare. Macbeth.* London : Methuen & Co, 1957. 207 p.
5. *The Oxford Shakespeare. Macbeth.* Oxford : Oxford University Press, 2008. 249 p.

Сведения об авторе: Коноплева Нина Николаевна, к.ф.н., доцент, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия; email: ninadurinova@yandex.ru

THE TEXT AUTHORSHIP AS THE RESULT OF THE DISCURSIVE CHOICE

Nina N. Konopleva

Associate Professor, Saratov State University, Russia;
email: ninadurinova@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the discursive formation which helps the authorship studies. For the research material two text episodes are selected: “The Witches’ Charm” from W. Shakespeare’s “Macbeth” and the song “Come away” from T. Middleton’s “The Witch”. It is revealed that though the “antistratfordian” theory insists on the author’s identity of both texts, the results of the discursive analysis do not confirm it. The subject of both texts obviously shows common features: in both plays act the supernatural creatures (the witches). The communicative constituent also looks very similar: that was the way the contemporaries perceived the religious custom. Importantly, it is in the cognitive part that the main differences lie. The comparison of the narrative elements makes it obvious that with Shakespeare they are related to the Christian discursive formation and the witches stand for the demons, and with Middleton — to the religious custom, and the witches are part of the popular demonology.

Key words: discourse, text authorship, discursive formation, narrative elements, W. Shakespeare “Macbeth”, T. Middleton “The Witch”.

References:

1. *Mifologicheskii slovar* [The Dictionary of Mythology]. (1991). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia. 736 p.
2. Shirokova, N. S. (2005). *Mify kel'tskikh narodov* [The Myths of the Celts]. Moscow: Astrel. 275 p.
3. Middleton, Thomas. *The Witch*. Available at: <http://www.tech.org/cleary/witch/html>. Accessed 3 March 2015
4. *New Arden Shakespeare. Macbeth.* (1957). London: Methuen & Co. 207 p.
5. *The Oxford Shakespeare. Macbeth.* (2008). Oxford: Oxford University Press. 249 p.

Функциональный потенциал языковых афоризмов (на примере текстообразующей функции в текстах американских предвыборных речей)

Д. А. Крячков
МГИМО МИД России

Аннотация

В статье на материале текстов речей американских политиков, принимавших участие в президентских предвыборных кампаниях в 2002–2012 гг., рассматривается способность языковых афоризмов (ЯА) выполнять текстообразующую функцию. Анализ употребления ЯА для оформления обособленности текста и связности на микро- и макроуровнях позволяет говорить о второстепенности текстообразующей и преобладании прагматической функции.

Ключевые слова: языковой афоризм, текстообразующая функция, прагматическая функция, семантическая значимость.

Отношение исследователей к языковым афоризмам, устойчивым словесным комплексам, характеризующимся устойчивостью, воспроизводимостью и экспрессивностью, варьируется от полного отрицания их значимости в коммуникации до достаточно подробного анализа их функций в различных видах дискурса. В настоящей статье анализируется функциональный потенциал ЯА на примере их роли в текстообразовании.

Несмотря интенсивное развитие лингвистики текста среди лингвистов по-прежнему нет согласия относительно его основных категорий, и даже когда сами выделяемые признаки текстуальности совпадают, их трактовки зачастую рознятся. При рассмотрении роли ЯА в текстообразовании в данной статье сосредоточимся на их участии в оформлении двух признаков текста: 1) обособленности/отдельности (наличия границ текста, позволяющих вычленить его как самостоятельный объект) и 2) связности, проявляющейся в том, что все компоненты текста взаимосвязаны в некоторую структуру. Соответственно, употребление ЯА в текстообразующей функции будет рассматриваться как стремление говорящего придать своему текстовому сообщению завершенность и связность.

В ходе анализа ЯА в предвыборных речах американских президентских кампаний 2000–2012 гг. было выявлено, что в целом ЯА не свойственно участие в оформлении границ текста — его начала и конца. Традиционно в качестве сигналов о границе текста используются только ЯА *God bless America*:

(1) I am as determined — I am more determined than I was in 2008.
I hope you are, too — (applause) — because if you are, we will finish
what we started, and we'll remind ourselves just why it is that this is
the greatest country on Earth.

Thank you, everybody. God bless you. *God bless America.* (Applause.)

Очевидно, этот ЯА может быть отнесен к разряду стандартных речевых формул (*routine formulae*), т.е. выражений, появление которых в речи предсказуемо и обусловлено определенными социальными ситуациями: как отмечается в словарях, это изречение характерно для концовок политических речей. Однако подобное употребление, приближающееся к ритуальному, не превращает ЯА в штамп или в одно из множества средств, оформляющих границы текста. Его употребление во многом обусловлено характеристиками предвыборных речей: необходимостью создать и закрепить эмоциональный подъем в заключительной части, способствующий произведению наибольшего эмоционального воздействия.

Американцы известны как своей религиозностью, так и любовью к своей стране, поэтому уже благодаря сущ. *God* и топониму *America* рассматриваемый ЯА можно отнести к единицам с высокой экспрессивностью для членов данного лингвокультурного сообщества¹. Этому способствуют и ассоциативный ореол ЯА: среди ответов-реакций на ЯА *God bless America*, которые получены в ходе ассоциативного эксперимента, зарегистрированы “patriotism”, “pride”, “divine care”, “good times” [2], ставшие особо актуальными после терактов 11 сентября, когда конгрессмены исполнили источник ЯА песню И. Берлина *God Bless America* на ступеньках Капитолия в память о погибших. Исползованное в конце речи, это изречение призвано демонстрировать патриотизм говорящего и его единение с аудиторией.

Важно отметить соответствие подобного употребления ЯА принципу, получившему в психологии название “эффекта края”: в памяти слушающих, как правило, сохраняются начальная и завершающая части речи, а последствия разговора в большей мере определяются содержанием заключения, чем содержанием вступления [3, с. 123]. Таким образом, функция обозначения границы текста не является главенствующей для данного ЯА; она тесно переплетена с прагматической функцией, и такое наложение функций, суперпозиция, очевидно, показывает, что употребление ЯА — отнюдь не проявление шаблонности или скудости стиля, как утверждают некоторые стилисты.

¹ При этом экспрессивность может быть как положительной, так и отрицательной, о чем, в частности, свидетельствует скандал, разразившийся в одной из американских школ в связи с употреблением этого ЯА в заключение объявлений по школьному радио [1].

При рассмотрении применения ЯА в формировании связности анализируется как участие этих изречений в обеспечении связности на микроуровне, *внутри тем/подтем*, так и способность ЯА связывать между собой темы/подтемы внутри текста, т.е. участие в построении связности *на макроуровне, уровне текста*: во вводе новых (под)тем, соединении разных тематических блоков.

При определении участия ЯА в обеспечении связности на микроуровне на основе ряда критериев определения семантических связей анализируется их семантическая значимость, т.е. степень вовлеченности единицы в передаче *содержательно-фактуальных* сведений.

Анализ материала выявил, что в 80% случаев употребления ЯА обладают относительно низкой семантической значимостью, т.е. могут быть удалены из текста практически без искажения его содержания, поскольку они, как правило, не участвуют в передаче (*фактуальной*) информации. Низкая информативность изречений является результатом взаимодействия семантической специфики самих ЯА и особенностей элементов микроконтекста.

Так, некоторые ЯА обладают неопределенной предметной/ситуативной отнесенностью (например, *First things first* — В первую очередь самое важное; *Easier said than done* — Легко сказать, да трудно сделать) и, следовательно, малоинформативны по своей природе. Информативность многих единиц снижается за счет информативно-коммуникативного дублирования, т.е. объяснений или парафразы, предшествующей или следующей за изречением, как в следующем примере, в котором ЯА используется лишь для усиления уже высказанной мысли:

(2) I stand for what is right not for what I believe is right. The liberals are not that way, consider the current political climate. I am against lying and I am for the TRUTH THE WHOLE TRUTH AND NOTHING BUT THE TRUTH. Some members of the Senate, the House of Representatives, and the mainstream news media go out of their way to promote lying. I am speaking of Republicans and Democrats, Liberals, Conservatives, and Moderates. I would desire that everyone would be independent of their own hidden agendas and go with the Truth than with the group of fools.

В следующем фрагменте речи приводится один из примеров использования ЯА для обеспечения связности на уровне текста: для введения новой подтемы и выражения отношения к сопернику:

(3) One of his favorite phrases is, "YOU AIN'T SEEN NOTHING YET!" And he's right, we haven't seen anything yet. (applause)
The role of a leader is to get results. The role of a leader is to bring people together. The role of a leader is not to see issues as political opportunities, but as opportunities to make the American citizen, regardless of their political affiliation, have a better opportunity in life.
For eight years, we've been wondering where Medicare reform is, but WE AIN'T SEEN NOTHING YET. (applause)

There's an achievement gap in some public schools. We need reform. But WE AIN'T SEEN NOTHING YET. (applause)

The Social Security system needs to be reformed, it needs to be strengthened, but for eight long years, WE AIN'T SEEN NOTHING YET.

There's uninsured workers — uninsured workers in America. We're wondering where reform is for eight years. WE AIN'T SEEN NOTHING YET.

The military's over-deployed and under-trained and under-paid. For eight years, we've been wondering where leadership is. WE AIN'T SEEN NOTHING YET.

Well, folks, we've seen enough. We've seen enough. On November the 7th, we're going to get new leadership for Washington, D. C. (applause)

В рассматриваемом примере Дж. Буш критикует вице-президента А. Гора за несоответствие его предвыборных обещаний политике, которую на деле проводила администрация Клинтона–Гора, находясь у власти. При этом Буш использует один из своих излюбленных приемов: он цитирует своего оппонента, иногда искажая смысл первоначального высказывания, что приводит к комическому эффекту. В данном случае ЯА *We ain't seen nothing yet* (\approx То ли еще будет) завершает, суммирует предыдущий тезис/подтему, содержащий очередное обвинение, и благодаря неоднократным повторам одновременно создает переход к следующему тезису, соединяя разрозненные положения в единое целое.

Однако благодаря этим же повторам текстообразующая роль ЯА отодвигается на второй план: по замечанию С. Московичи повторение — одно из основных условий пропаганды, т.е. это явление прагматического плана. Повтор придает утверждениям дополнительный вес и превращает их в навязчивые идеи; он возводит обязательный барьер против всякого противоположного убеждения посредством возврата — без рассуждений — тех же слов, образов и позиций, придавая им осязаемость и очевидность [4, с. 186]. “По истечении некоторого времени, забыв, кто автор повторяемой сентенции, мы начинаем в нее верить” (Г. Ле Бон, цит. по: [4, с. 187]).

Пример 3 также наглядно демонстрирует, что один и тот же ЯА может употребляться с разными целями. Вице-президент А. Гор использует ЯА *We ain't seen nothing yet*, чтобы представить себя в выгодном свете: даже то, что уже сделано нынешней администрацией и им лично на благо США, не может сравниться с программой, которую он собирается осуществлять, находясь на посту президента. Дж. Буш прибегает к тому же ЯА для дискредитации своего оппонента: перечисляя просчеты в политике действующей администрации, он предсказывает, что в случае победы Гора ситуация в стране значительно ухудшится (см. также [5]). Этот эффект усиливается благодаря саркастическому резюме *We've seen enough*, повторенному дважды, причем, в первый

раз — в сопровождении обращения *well, folks*, подразумевающего не только не-дистантность общения и симпатию к слушающим, но и принадлежность говорящего к числу таких же “простых американцев”, как и его аудитория. Употребляя местоимение *we* и обращение *folks*, Дж. Буш фактически демонстрирует, что оценка деятельности его оппонента, высказанная им как представителем “простых американцев” есть оценка, высказанная самими “простыми американцами”. Действие этого псевдоаксиоматичного аргумента просто и эффективно: раз это общепризнанно, то именно это и истинно.

Таким образом, можно говорить о том, что для ЯА текстообразующая функция вторична, что, впрочем, не превращает их в дисфункциональный, плеонастический элемент — в силу коммуникативно-прагматических особенностей предвыборных речей и семантики самих изречений ЯА полифункциональны, главенствующей функцией при этом является прагматическая.

Список литературы:

1. Starnes, Todd “Student reprimanded for saying “God Bless America”. Available at: <http://www.foxnews.com/opinion/2015/02/11/student-reprimanded-for-saying-god-bless-america.html>
2. Крячков Д. А. Языковой афоризм как средство репрезентации говорящего в американском политическом дискурсе. Дисс. ... к.ф.н. — М., 2002. — 287 с.
3. Панасюк А. Ю. Как убеждать в своей правоте: Современные психотехнологии убеждающего воздействия. — 2-е изд. — М.: Дело, 2002. — 312 с.
4. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. — 480 с.
5. Крячков Д. А. Окказиональное употребление языковых афоризмов в речи американских политиков (на материале избирательной кампании 2000 г.)//Материалы научной конференции “Проблемы английской неологии”, 29 января 2002 г., М., 2002. — С. 65–70.

Цитируемые речи:

(1) Barack Obama Remarks by the President at a Campaign Event, April 05, 2012. Available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/04/05/remarks-president-campaign-event>

(2) M. Wippler “First Amendment”. Available at: <http://www.vote-smart.org>

(3) George W. Bush Campaign Rally at Pittsburgh Airport, April 11, 2000. Available at: <http://www.georgewbush.com>

Сведения об авторе: Крячков Дмитрий Александрович, к.ф.н., заведующий кафедрой английского языка №1 МГИМО МИД России; email: d.a.kryachkov@gmail.com

TEXT FORMING FUNCTION OF SENTENCE-LIKE PHRASEOLOGICAL UNITS IN US PRESIDENTIAL ELECTION CAMPAIGN SPEECHES

Dmitry A. Kryachkov

Head of English Language Department No. 1, MGIMO University;
email: d.a.kryachkov@gmail.com

Abstract

The article considers the text forming function of sentence-like phraseological units in US presidential campaign speeches (2002–2012). The analysis of their use as a marker of the text boundaries and a means to ensure its coherence both at the micro and macro levels reveals that the text forming function is of secondary importance, with the pragmatic function coming to the fore.

Key words: sentence-like phraseological units, text forming function, pragmatic function, semantic importance.

References:

1. Starnes, Todd “Student reprimanded for saying “God Bless America”. Available at: <http://www.foxnews.com/opinion/2015/02/11/student-reprimanded-for-saying-god-bless-america.html>
2. Kryachkov D.A. Iazykovi forizm kak sredstvo reprezentatsii govoriashchego v amerikanskom politicheskom diskurse [Sentence-like Phraseological Units as a Means of Representing the Speaker’s Personality]. Diss. ... k.f.n. — M., 2002. — 287
3. Panasiuk A. Iu. Kak ubezhdat’ v svoei pravote: Sovremennyye psikhotehnologii ubezhdaiushchego vozdeistviia [How to Convince Everyone that You Are Right: Modern Psychotechnologies of Persuasion]. — 2-e izd. — M.: Delo, 2002. — 312 s.
4. Moscovici S. Vek tolpa. Istoricheskii traktat po psikhologii mass [The Age of the Crowd: A Historical Treatise on Mass Psychology]. — M.: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998. — 480 s.
5. Kryachkov D. A. Okkazonal’noe upotreblenie iazykovykh forizmov v rechi amerikanskikh politikov (na materiale izbiratel’noi kampanii 2000 g.) [Creative variations of sentence-like phraseological units in US politicians’ speeches (a case study of the 2000 presidential campaign)] //Materialy nauchnoi konferentsii “Problemy angliiskoi neologii”, 29 ianvaria 2002 g., M., 2002. — S. 65–70.

Cited statements:

(1) Barack Obama Remarks by the President at a Campaign Event, April 05, 2012. Available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/04/05/remarks-president-campaign-event>

(2) M. Wippler “First Amendment”. Available at: <http://www.vote-smart.org>

(3) George W. Bush Campaign Rally at Pittsburgh Airport, April 11, 2000. Available at: <http://www.georgewbush.com>

Современный дискурс: социальные реалии и плюрализм элит

Э. Г. Куликова

Ростовский государственный экономический университет
(РИНХ)

Аннотация

Статья посвящена анализу современной коммуникативной ситуации. Современная коммуникативная ситуация в России обусловлена не только известными социальными реалиями, специфичными для российской действительности, но и общим информационным, коммуникативным или социально-информационным климатом обществ постмодернити.

Новая роль СМИ в задании норм литературного языка. Художественная литература утрачивает свои нормозадающие функции, и функции эти переходят к средствам массовой информации. Но не только объем норм, но и сам характер нормы, заданной СМИ, оказывается достаточно специфичным. СМИ поддерживают нормы специфического информационного койне. Множественность элит, их принципиальная иерархичность, отсутствие среди них той элиты, которую можно назвать языковой, приводит к тому, что искусство говорить и писать правильно перестает восприниматься как нечто ценное.

Лингвистической ценностью становятся успешность (способность добиться мгновенного, пусть кратковременного коммуникативного успеха) и креативность. Способность передать или воспринять тонкие оттенки смысла перестает быть ценностью. Происходит сближение языковых и риторических норм.

Ключевые слова: языковая норма, риторическая норма, СМИ, плюрализм элит.

Попробуем наметить ключевые проблемы, характеризующие современный дискурс. Во-первых, неоднородность и, что еще важнее, бесструктурность языкового сообщества, т. е. отсутствие социально осознанной и институционализованной иерархии в отношении владения языком. Таким образом, владение или невладение литературным языком в современной России не связано жестко с социальной структурой общества, с наличием особо выделенной культурной элиты.

Во-вторых, изменения, которые привели к языковой неряшливости, касаются не только изменений в языке (скажем, в лексической системе), но и, в первую очередь, изменений в преобладающих речевых стратегиях, которыми пользуются носители языка.

В-третьих, выдвижение на первую роль СМИ — самостоятельная и очень важная проблема. Ее глубокая постановка, на наш взгляд, не сводится к проблеме квалифицированных корректоров. Речь должна идти о том, что норма, задаваемая СМИ, — иная по своей природе, чем норма, поддержанная авторитетом художественной литературы. Причем язык интернета, письменных и устных СМИ имеет в этом отношении (в характере задаваемой нормы) свои особенности.

В-четвертых, выстраивая параллели с ситуацией 1917 г., следует все же отметить и ограниченность этих параллелей, а кроме того, выделить факторы, специфичные для российской действительности, от факторов транснациональных, связанных с общими культурными и информационными процессами в современном мире. И те, и другие факторы, бесспорно, влияют на ситуацию с литературной нормой, но они требуют отдельного рассмотрения. Следует заметить, что именно отношение к норме в обществах постмодернити способно объяснить многое из того, что происходит сегодня, и создать ясное представление о том, что мы имеем дело не с техническими проблемами вроде подготовки квалифицированных кадров, а с особой культурной парадигмой. Это выделяет в проблеме отношения к норме вообще проблему отношения к норме в обществах постмодернити. Авторы, отмечающие сдвиги в нормативном процессе, чаще всего связывают их с изменениями, произошедшими в российской обществу вследствие “перестроечных” процессов, т. е. с отменой внешней цензуры, появлением новых реалий и прочими социальными факторами, специфичными именно для российской действительности. Мыслится, что факторы эти стимулировали скорость языковых инноваций, в чем и видится некоторая опасность для “языкового стандарта”. Отмечается также особая роль языка СМИ в формировании норм и представлений о норме, что также ассоциируется со специфическими социальными процессами, если и не только в России, то во всей Восточной Европе как “посткоммунистическом” пространстве.

С нашей точки зрения, частые параллели с историей России после 1917 г. верны лишь отчасти, да и специфика культурной ситуации в сегодняшней России — лишь один из факторов, обусловивших сдвиг в нормативном мышлении носителей языка. Это же относится и к Восточной Европе. Важным фактором является общий контекст культурной эпохи, именуемой постмодернити. Иное дело — наложение этого контекста на специфику нашей культурной ситуации, что, в самом деле, порождает серьезные напряжения в системе функционирования языка.

Совершенно ясно, что в такой ситуации, с одной стороны, это обуславливает индивидуальное языковое экспериментирование, а с другой — снижает ощущение коллективной ответственности за сохранность языка, за гомеостат языка. Отсутствие коллективной ответственности за язык скорее осуждено публицистически, чем осмыслено

научно. Тем самым, во-первых, смешиваются национальная и временная специфика развития языка; во-вторых, игнорируются глубинные культурные процессы. Тем самым в современном описании нормы оказывается упущенным глобальный лингвофилософский аспект.

Все чаще констатируется в наше время, что уровень полученного образования (тем более без учета его качества) является всего лишь формальным критерием, не гарантирующим ни корректности использования литературной нормы, ни тем более принадлежности индивидуума к числу ее носителей. Вряд ли можно оспорить и тот факт, что рост численности действительных носителей литературного языка в настоящее время существенно отстает от роста численности лиц, практически пользующихся этим феноменом, особенно в публичной коммуникации.

Проблему отношения к норме можно рассмотреть в двух аспектах. Первый — риторизация нормы, отношение к языковой норме как к риторической. В русле этого аспекта лежат современные идеи об изменении принципов кодификации нормы, о либерализации нормы, об интенциональных нарушениях нормы — словом, все, что можно обозначить как “господствующие в науке представления об отношении к норме”. Второй аспект связан с языковой небрежностью как новой речевой стратегией и должен быть отмыслен от первого. Сегодня небрежность рассматривается как побочный эффект скорости языковых инноваций, в то время как она составляет вторую, все еще не получившую должного осмысления сторону нового отношения к норме. Сегодня происходит сближение языковых и риторических норм сразу по двум линиям: смешение самих норм и отождествление двух принципиально различных типов нормы, т. е. происходит нечто, что можно обозначить как “риторизация нормы”.

Норма, “варьирующаяся от случая к случаю”, есть языковая норма, которая сначала через представление о стилевой дифференциации, а затем через ситуативную дифференциацию дрейфует в сторону риторической нормы. Ортологический критерий правильности сменяется на риторический критерий эффективности. “Темп обновления” — это не просто скорость инноваций, но, с нашей точки зрения, своеобразное “триумфальное шествие” риторической нормы по уровням языка (от лексики — к грамматике). Варьирующиеся ситуативные нормы оказались ослабленными и “все более вариативными”, что, с нашей точки зрения, не просто меняет стилистические градации, но разрушает саму стилевую дифференциацию. Любопытно отметить и другое: история литературных языков знала и обратный процесс — грамматикализацию риторических норм. В России это особенно заметно в научном творчестве М. В. Ломоносова. Нам представляется, что в обществе сложилась некая коммуникативная стратегия, которую можно сформулировать как “примат новизны и креативности в сочетании со стилевой небрежностью”. Эту стратегию активно поддерживают СМИ.

Процессы, о которых идет речь, достаточно серьезны и ставят ряд проблем, в том числе даже выходящих за рамки языка. Социальный престиж размывается: самые образованные (интеллектуальная элита), самые влиятельные (политическая элита), самые богатые (финансовая элита) и самые известные (артистическая элита) не совпадают в одном сословии. Отсутствие языковой элиты, на роль которой пока реально претендуют только телеведущие, приводит к тому факту, что говорить правильно перестало быть престижным. Даже внутри социальной группы, которую можно назвать “образованные”, имеется множество страт, обладающих своими социальными диалектами, т. е. наблюдается явление, обозначаемое жаргонным словом “тусовочность”. В настоящее время указать на элиту, чей язык признавался бы образцовым, достаточно сложно. Политическая элита не была в этом отношении авторитетной с советских времен. Над речевой манерой “вождей”, т. е. руководителей партии и государства, выступавших в печати, по радио, а затем и по телевидению, втихомолку посмеивались. Эта речь была постоянной темой анекдотов, обыгрывалась в мемуарах, опубликованных в постсоветское время. Авторитетность финансовой элиты также сомнительна в свете многочисленных анекдотов о “новых русских”, где высмеивается все: от речевых манер до жестового поведения (“пальцы веером”). Отсутствие языковой элиты, на роль которой пока реально претендуют только телеведущие, приводит к тому факту, что “говорить правильно перестало быть престижным”. Это в не меньшей степени относится и к письменной речи, и к орфографическим нормам.

Сведения об авторе: Куликова Элла Германовна, д.ф.н., профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия; email: kulikova_ella21@mail.ru

MODERN DISCOURSE: SOCIAL REALITIES AND ELITES PLURALISM

Ella G. Kulikova

Professor, Rostov State University of Economics; email: kulikova_ella21@mail.ru

Abstract

The article is devoted to analysis of modern communicative situation. Modern communicative situation in Russia is characterized not only by known social realities specific to the Russian reality but also by a common informative, communicative or social and informative climate of postmodern societies.

A new role of the Mass Media in forming norms for the standard language. Literature loses its standards forming functions and these functions are transferred to the Mass Media. Not only the volume of norms, but also

the nature of the norms set by the media is rather specific. Mass Media support the norms of some specific information koine.

Multiplicity of elites, their principal non-hierarchical pattern, as well as the lack of that elite, which can be called the language elite, leads to the fact that the art of speaking and writing correctly is no longer perceived as something valuable.

An effectiveness (the ability to achieve an instant, though short communicative success) and creativity become a linguistic value. The ability to express or take the subtle nuances of intention ceases being a value. The linguistic and rhetorical norms coming closer together.

Key words: language norm, rhetorical norm, mass media, elites pluralism.

Эмотивный дискурс крымских событий: социальный перформанс и его языковые репрезентации

И. Н. Литвинчук

Академия строительства и архитектуры Крымского
федерального университета им. В. И. Вернадского

Аннотация

В статье предпринята попытка спроецировать теорию культурсоциологии Дж. Александера на эмотивный дискурс Крымских событий как социального перформанса. В качестве культурных репрезентаций, в соответствии с теорией Александера, рассматриваются эмоции и эмоциональные состояния, которые транслируются в данном дискурсе посредством синтактико-морфологических конструкторов эмотивных текстов. Выяснилось, что коэффициент эмотивности медиатекстов и доминирование в них определенного типа морфолого-синтаксических эмотивных конструкций соотносятся с определенными типовыми ситуациями, репрезентирующими конкретные этапы и мизансцены Крымских событий. Объектом анализа были материалы региональной прессы, цифровых медиа и социальных сетей. Отбор медиаматериалов, отражающих события, так или иначе связанных с присоединением Крыма к России, был осуществлен с ноября 2013 г. по декабрь 2014 г.

Ключевые слова: социальный перформанс, эмотивный дискурс, эмотивные конструкции.

Современная геополитика перенасыщена эмоциями. Политический дискурс зачастую обладает высокой эмотивной прагматикой для

вовлеченных в него субъектов взаимодействия — непосредственных участников событий и их медианно опосредованных свидетелей.

В статье представлены промежуточные результаты пилотажного междисциплинарного исследования эмотивного дискурса феномена так называемых Крымских событий. Объектом исследования были более 1500 страниц региональных периодических изданий (“Крымская правда”, “Слава Севастополя”, “Севастопольская правда” и другие издания с высоким рейтингом читательского интереса) и цифровых медиа (статьи, микроблоги, Facebook). Отбор медиаматериалов, отражающих события, так или иначе связанных с присоединением Крыма к России, был осуществлен с ноября 2013 г. по декабрь 2014 г.

Представляя основные подходы к экспериментальному анализу дискурса, О. Федорова отмечает, что “дискурс, понимаемый как текст в процессе его использования в языковой деятельности, является максимально естественным с этой точки зрения объектом и одновременно предметом лингвистического исследования” [3, с. 3]. При этом “только анализ естественных дискурсов позволяет нам анализировать ‘живые’ языковые факты” [3, с. 3].

Понятие социального перформанса ввел в научный обиход Джеффри Александер, автор концепции культурсоциологии, которая базируется на представлении о влиянии культурных символов и репрезентаций на формирование и изменение социального порядка [5, с. 537]. Александер отмечает, что культурная социология очень интересна в текстовом анализе популярных медиа.

Два важнейших элемента этой теории — базовая метафора перформанса (шоу, драма) и идея о том, что характер и направление развития событий в социуме в значительной степени детерминированы культурными классификациями. По Дж. Александеру, любое исторически значимое событие пронизано эмоционально окрашенными интенциями и целями. В этом свете коллективные и индивидуальные эмоциональные реакции рассматриваются исследователем одновременно как культурные классификации и активные агенты перформанса, детерминирующие такие черты социальной драмы, как неопределенность, окказиональность и открытый финал [4, с. 128].

Явление эмотивности охватывает психосемантическое поле различных дискурсов — от бытового и бытийного до художественного и политического [1, с. 6]. Эмотивная прагматика феномена Крымских событий как социального перформанса нашла отражение в эмотивных текстах, репрезентирующих ключевые этапы и основные мизансцены Крымских событий. При этом эмоции, эмоциональные состояния и реакции, транслируемые в текстах, рассматриваются как культурные репрезентации.

Основные результаты анализа эмотивных текстов, представляющих дискурс Крымских событий, можно представить в виде следующих выводов.

1. Коэффициент эмотивности (КЭ) семантико-синтаксической структуры текстов, представляющих дискурс Крымских событий, неизменно высок по сравнению с политическими текстами других тематических групп. КЭ формально выражается в количественном отношении эмотивных спецификторов — *эмотивных синтаксических конструкций* (ЭК) с различными способами морфолого-синтаксического способа оформления предиката (Ср.: *Люди боятся. — Народ в страхе. — Им страшно подумать о своем будущем. — Страх в толпе.*) — к общему числу предикативных центров в конкретном тексте. КЭ варьирует в текстах в зависимости от типов медиаисточников, в которых представлены эти тексты. Так, КЭ текстов форумов и мини-блогов чрезвычайно высок: это в среднем 0,3–0,4 по сравнению с 0,1 в текстах цифровых медиа. При этом не было выявлено достоверной корреляции между КЭ текстов в этих источниках и тематикой текстов (например, такие темы, как “Крымский кризис”, “Референдум”, “Противостояние под стенами Верховного Совета Крыма”, “День Победы 9 мая 2014 г. в Севастополе” и др.). В то же время в текстах региональных медиа прослеживается тенденция “тяготения” текстов с высоким КЭ к абстрактно-патетическому ярко патриотическому дискурсу (темы “Вместе с Россией”, “Возвращение на родину”, “Путин спасает крымчан” и др.), тогда как описание различных мизансцен Крымских событий в статьях, отражающих темы с эксплицитно позитивным модусом оценочности (“Крым наш”, “Крымская весна”, “Вежливые люди”), продуцирует средний и низкий коэффициент эмотивности текстов (0,08–0,15). Во многом это объясняется фактом превалирования в текстах этих тематических групп ЭК описательного характера.
2. Соотношение эмотивных синтактико-морфологических конструкций, служащих для *описания, называния и выражения эмоций*, таково: в социальных сетях соответственно — 1 (описание) / 2 (называние) / 5 (выражение), в региональных печатных медиа — 3 / 2 / 2, в цифровых медиа — 2 / 3 / 4. Это обусловлено и лаконичностью так называемого “формата Твиттера”, прагматически ориентированного на непосредственную экспрессию ценностей, эмоций и побуждение к действию.
3. В рамках реактивного коммуникативного регистра речи, который в анализируемом дискурсе актуализируется в социальных сетях, функционируют преимущественно субстантивные ЭК, запрограммированные своим морфолого-синтаксическим способом оформления предиката и соответственно — психосемантическими характеристиками — на выражение узко ситуативных, непосредственных, эксплицитных, ярко аффективных реакций. Описание опосредованных, “интеллектуализированных” эмоций и чувств реализуется в рамках репродуктивного и информативного коммуникативного регистров

речи и соотносится с текстами публикаций в цифровых медиа. Называние глобально-общественных, опосредованно-отчужденных чувств-экзистенций осуществляется посредством плана содержания генеритивного коммуникативного регистра речи. Так, в рамках типовой эмотивной ситуации “эмоциональное отношение мировой общественности к событиям в Крыму”, обусловленной конкретными экстралингвистическими условиями, функционируют глагольные ЭК (Ср.: *Запад боится Путина*) и почти не употребляются субстантивно-экзистенциальные ЭК (Ср.: *Страх потерять Крым*).

Список литературы:

1. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
2. Литвинчук И. Н. Прагматика эмотивного текста (психосемантическое экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2000. 19 с.
3. Федорова О. Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 45 с.
4. Титков А. Культурсоциология против фараона: “перформативная революция” в Египте // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 2. С. 122–130.
5. Alexander J. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy // *Sociological Theory*, 2004. 22 (4). P. 527–573.
6. *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual* / Ed. by Jeffrey C. Alexander, Bernhard Giesen, and Jason L. Mast. Cambridge. Cambridge University Press, 2006. 374 p.

Сведения об авторе: Ирина Николаевна Литвинчук, заведующая кафедрой языковой подготовки и специальных дисциплин, Академия строительства и архитектуры КФУ им. В. И. Вернадского; email: irinlitvy@gmail.com

EMOTIVE DISCOURSE OF CRIMEAN EVENTS: SOCIAL PERFORMANCE AND ITS LANGUAGE REPRESENTATIONS

Irina N. Litvinchuk

Head of the Department of Language Training and Special Disciplines, Academy of Building and Architecture of Vernadsky Crimean Federal University; email: irinlitvy@gmail.com

Abstract

This article attempts to project the J. Alexander’s theory of cultural sociology to the emotive discourse of “Crimean events” as social performance.

Emotions and emotional states, which are being translated in the given discourse by means of syntax-morphological constructs of emotive texts, in accordance with Alexander's theory, are being examined in the capacity of cultural representations. It turned out that emotivity factor of media texts, as well as the dominance of the specific type of morphologically-syntax emotive structures in these texts, correlate with certain typical situations, which represent particular phases and mise-en-scènes of "Crimean events". The object of analysis consists of materials of regional press, digital media and social networks. Selection of media-materials, anyhow related to the acquisition of Crimea into Russia, was performed between November 2013 and December 2014.

Key words: social performance, emotive discourse and text, emotive constructions.

References:

1. Karasik, V.I. (2000). O tipakh diskursa [About the types of discourse]. *Iazykovaia lichnost': institucional'nyi i personal'nyi diskurs*. Volgograd, Peremena, 5–20.
2. Litvinchuk, I.N. (2000). *Pragmatika emotivnogo teksta (psikhosemanticheskoe eksperimental'noe issledovanie)* [Pragmatics of emotive text (psychosemantic experimental research)]. Kiev. 19 p.
3. Fedorova, O. (2013). *Eksperimental'nyi analiz diskursa: teoriia i praktika* [Experimental analysis of discourse: theory and practice]. M. 45 p.
4. Titkov, A. (2012). Kul'tursotsiologiya protiv faraona: "performativnaia revoliutsiia" v Egipte [Cultural sociology against the Pharaoh: performative revolution in the Egypt]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 11(2), 122–130.
5. Alexander, J. (2004). Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy. *Sociological Theory*, 22 (4), 527–573.
6. Alexander, J. C. & Giesen, B. & Mast, J. L. (Eds.). (2006). *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press. 374 p.

Системность английской фразеологии на примере заимствований

С. В. Мухин

МГИМО МИД России

Аннотация

Системные отношения характерны для фразеологической системы любого конкретного национального языка. Анализ заимствованной фразеологии английского языка показывает, что у многочисленных иноязычных фразеологических заимствований также обнаружива-

ются системные отношения, возникающие в языке-реципиенте. Такие отношения являются показателем усвоения заимствуемых единиц. Они устанавливаются между каждой отдельной фразеологической калькой (ФК) и другими лексическими и фразеологическими единицами (ФЕ), входящими в лексикон английского языка. Среди таких системных отношений выделяются: включение фразеологизмов в то или иное фразеосемантическое поле, синонимо-антонимические связи фразеологических единиц, а также деривационные связи.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая калька, заимствование, системность, системные отношения.

Системные отношения устанавливаются между каждой конкретной фразеологической калькой (ФК) и другими лексическими и фразеологическими единицами (ФЕ). Под системными отношениями понимаются: включение фразеологизмов в то или иное фразеосемантическое поле, синонимо-антонимические связи фразеологических единиц, а также деривационные связи.

Принадлежность ФЕ к определенному фразеосемантическому полю является обязательным условием существования фразеологизма как части лексико-фразеологической системы языка. Относительно синонимо-антонимических и деривационных отношений можно сказать, что в каждом конкретном случае фразеологического заимствования, как и лексического, а также применительно к исконным языковым единицам наличие таких отношений не является обязательным. Отдельная ФЕ может не устанавливать синонимо-антонимических и деривационных отношений, но присутствие таких отношений внутри системы в целом обязательно.

Включение заимствованной ФЕ в соответствующее фразеосемантическое поле является необходимым условием натурализации. Фразеосемантическое поле понимается как совокупность ФЕ, относящихся к одной концептуальной сфере и характеризующихся определенными системными отношениями между собой. Подобная совокупность единиц структурно организована, т. е. внутри нее возможно выделить ядро, центр и периферию, которые соотносятся иерархически [2, с. 18]. Семантическое поле составляет фразеологическими единицами наряду с лексическими, поскольку семантические группы лексики и фразеологии “сосуществуют”. Вследствие этого представляется вполне реальным построение лексико-фразеологических полей [4, с. 117].

Для английских ФК, как и для большинства ФЕ в целом, характерна антропоцентричность. В большинстве они характеризуют человека, его деятельность, поведение. Условием тому служит способность языковых единиц к символьному прочтению [6, с. 243] и их способность служить эталоном, т. е. образной подменой свойства человека

какой-либо реалией. Соответственно, фразеосемантические поля, в которые входят заимствованные фразеологизмы, относятся к человеку или его деятельности.

Например, ФК, относящиеся к фразеосемантическому полю морально-нравственного облика человека: *Knight without Fear and without Reproach* < *Le Chevalier sans peur et sans reproche* (рыцарь без страха и упрёка); *after us the deluge* < *après nous le déluge* (после нас хоть потоп); *marriage of convenience* < *mariage de convenance* (брак по расчёту); *chevalier of industry* < *chevalier d'industrie* (рыцарь легкой наживы; аферист) и др.

Синонимо-антонимические отношения у ФК достаточно развиты. Так, антонимические отношения фиксируются между самими рассматриваемыми единицами, например *black magic* (черная магия) vs *white magic* (белая магия); *to throw down the gauntlet* (бросить вызов) vs *to pick up the gauntlet* (принять вызов); *heart of gold* (золотое сердце; замечательный человек) vs *black beast* (человек, вызывающий всеобщие ненависть и отвращение) и др.

Антонимические отношения выявляются прежде всего у глагольных ФК, что соответствует положению дел в исконной английской фразеологии, поскольку фразеологические антонимы больше всего наблюдаются среди глагольных фразеологизмов [1, с. 11].

Синонимо-антонимические отношения с исконными языковыми единицами устанавливаются прежде всего между ФК и исконными лексическими единицами, между ФК и исконными свободными словосочетаниями и, наконец, между ФК и исконными фразеологизмами. В качестве примера первого и второго типа связи можно привести ФЕ *house of tolerance* < *maison de tolérance* (дом терпимости), которая образует синонимическую связь с рядом исконных и заимствованных лексем и словосочетаний, становясь частью синонимического ряда.

Различия между ФК и синонимичными им исконными единицами лежат в сфере стилистики. Обычно ФК французского происхождения отличается от исконного синонима более книжной окраской. Например, ФК *appetite comes with eating* < *l'appétit vient en mangeant* (аппетит приходит во время еды) и исконный фразеологизм английского языка *eating and scratching wants but a beginning* (аппетит приходит во время еды; стоит только начать). Исконная единица носит более разговорный характер. Национально-культурные элементы коннотации синонимичных единиц также различны: первая является французской пословицей, а вторая — шотландской.

У приводимых ФК обнаруживаются синонимические отношения с исконными английскими фразеологизмами: *to be in smb's good graces* < *être dans les bonnes grâces (auprès) de qn* (быть в милости у кого-л.) vs *to keep on the right side of smb*; *to make a scene* < *faire une scène* (устроить сцену) vs *to hit the ceiling* и др.

ФК, занимая свое место в определенном семантическом поле и устанавливая внутрисистемные отношения с исконными единицами, могут влиять на “место” последних в системе языка. Например, ФК *to give oneself airs < se donner des airs* (задаваться, важничать), которая вытеснила исконные синонимичные выражения *to pile on lugs* и *to put on side* из определенных сфер употребления. Употребление последних двух выражений в настоящее время ограничено областью сленга, тогда как заимствованное выражение широко используется в литературном стиле [5, с. 144].

Еще один вид семантических отношений — это деривационные отношения. Языковая единица, имеющая деривационные отношения с другой единицей, может реализовывать их в одной из ипостасей: она может являться либо деривационной основой для другой единицы, либо быть дериватом другой единицы. Применительно к заимствованным единицам возможен лишь первый вариант. ФК способны как к лексической, так и к фразеологической деривации.

В качестве примеров способности к лексической деривации можно привести ФЕ *to hold a candle to smb < tenir la chandelle à qn* (нотворствовать кому-либо) и *to give smb a sack < donner le sac à qn* (уволить кого-либо).

ФК *to hold a candle to smb* послужила основой для образования существительного *candle-holder* (нособник). От ФК *to give smb a sack* был образован глагол *to sack* со значением “уволить”. Помимо способности к лексической деривации некоторые ФК проявляют способность к фразеологической деривации, под которой мы понимаем явление вторичной фразеологизации, т. е. образование ФЕ от устойчивых словосочетаний любого типа [3, с. 160]. Например, *to buy a pig in a poke < acheter chat en poche* (купить коша в мешке); *so goes the world < ainsi va le monde* (так устроен мир); *to fish in troubled waters < pêcher en eau trouble* (ловить рыбу в мутной воде); *he laughs best who laughs last < rira bien qui rira le dernier* (хорошо смеется тот, кто смеется последним); *the newly rich < nouveaux riches* (нубориши, новые богатые) и др.

Первая ФЕ послужила основой для образования двух фразеологизмов: *a pig in a poke* (кот в мешке) и *to sell a pig in a poke* (продавать коша в мешке). ФК *so goes the world* образовала фразеологизм *how the world goes* (как обстоят дела). От ФК *to fish in troubled waters* образован фразеологизм *to pour oil on troubled waters* (действовать успокаивающе, умиротворять). От пословицы *he laughs best who laughs last* образован фразеологизм *to have the last laugh on smb* (одержат верх над кем-либо). ФК *the newly rich* послужила деривационной основой и одновременно установила антонимическую связь со своим фразеологическим дериватом *the newly poor*.

Таким образом, ФК устанавливают системные отношения с другими фразеологическими и лексическими единицами английского

языка, что выражается во вхождении заимствованных единиц в определенное семантическое поле, а также в возможности возникновения синонимо-антонимических и деривационных связей с исконными английскими лексемами и фразеологизмами. Данный факт свидетельствует об их натурализации в лексико-фразеологической системе английского языка.

Список литературы:

1. Алехина А. И. Фразеологическая антонимия в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. 23 с.
2. Кириллова Н. Н. Сопоставительная фразеология романских языков. Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1986. 81 с.
3. Кунин А. В. Фразеологическая деривация в английском языке // Вопросы словообразования и фразообразования в германских языках : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1980. Вып. 164. С. 155–162.
4. Ножин Е. А. Англо-русский фразеологический словарь по семантическим группам (Теоретическое обоснование) // Иностранные языки : сб. трудов. М. : ВИИЯ, 1966. Вып. 2. 120 с.
5. Патрушева О. А. Английские фразеологические кальки и закономерности процесса их ассимиляции // Системная организация английской фразеологии : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1986. Вып. 262. С. 141–150.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа “Языки русской культуры”, 1996. 284 с.

Сведения об авторе: Мухин Сергей Владимирович, к.ф.н., МГИМО МИД России, Москва, Россия; email: s.muhin@inno.mgimo.ru

SYSTEMIC CHARACTER OF ENGLISH IDIOMS MANIFESTED IN BORROWINGS

Sergey V. Mukhin

PhD, MGIMO University, Russia;
email: s.mukhin@inno.mgimo.ru

Abstract

Systemic relations are inherent in idioms of any specific national language. The borrowed English idioms under analysis also manifest a variety of systemic relations, which emerge in the recipient language. Such relations are being established in the course of naturalization of the idiom borrowed, thus testifying to the fact of complete acceptance. They set in between every phraseological calque and other lexical and phraseological

units of the English lexicon. The list of systemic relations includes acceptance of idioms into a phraseosemantic field, synonymous and antonymous interaction, derivational status.

Key words: phraseology, phraseological calque, borrowing, systemic character, systemic relations.

References:

1. Alekhina, A. I. (1968). *Frazeologicheskaia antonimiia v sovremennom angliiskom iazyke* [Phraseological Antonymy in Modern English]. PhD thesis. Moscow. 23 p.
2. Kirillova, N. N. (1986). *Sopostavitel'naiia frazeologiiia romanskikh iazykov* [Comparative Phraseology of the Roman Languages]. Leningrad. 81 p.
3. Kunin, A. V. (1980). *Frazeologicheskaia derivatsiia v angliiskom iazyke* [Phraseological derivation in English]. *Voprosy slovoobrazovaniia i frazoobrazovaniia v germanskikh iazykakh*, 164. Moscow. P. 155–162.
4. Nozhin, E. A. (1966). *Anglo-russkii frazeologicheskii slovar' po semanticheskim gruppam (Teoreticheskoe obosnovanie)* [English-Russian Phraseological Dictionary of Semantic Groups]. *Inostrannye iazyki*, 2. Moscow: VILIA. 120 p.
5. Patrusheva, O. A. (1986). *Angliiskie frazeologicheskie kal'ki i zakonmernosti protsessa ikh assimiliatsii* [English phraseological calques and their assimilation]. *Sistemnaia organizatsiia angliiskoi frazeologii*, 262. Moscow. P. 141–150.
6. Telia, V. N. (1996). *Russkaia frazeologiiia. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvo-kul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguo-cultural Aspects]. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". 284 p.

СМЫСЛОВОЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Е. С. НИКИТИНА

Финансовый университет при правительстве РФ

Аннотация

Работа на стыке дисциплин привела к разграничению таких понятий, как высказывание, произведение, текст. Текст в психосемиотической парадигме рассматривается как знак с собственным содержанием. При этом содержание формируется с опорой на три текстовых пространства: бытийное, мыслительное и коммуникативное. В каждом из этих пространственно-временных единств (хронотопов) текст расслаивается на смыслы. Фокусировка смысла может происходить в сюжете бытия, в типологическом поле понятия или же в жанрово-языковой определенности. В каждом фокусе смысл ориентирован либо на сконструированную реальность, либо на другие тексты, либо

на партнера по общению. Принципиально важно, что текст гетерогенен с точки зрения смысловой организации, образуя смысловое поле текста. Через зазор между содержанием и смыслами текста субъект выходит в рефлексивную позицию относительно своего понимания. Осознание себя понимающим направляет человека к изучению процедур понимания. У понимающего человека появляется диалогический взгляд на способы взаимодействий.

Ключевые слова: текст, типы смыслов, морфология понимания текста.

Речь, обслуживая коммуникацию в разных хронотопах (пространственно-временных континуумах), оформляется в различающиеся между собой целостности или организованности. Это могут быть высказывания, произведения или тексты. Высказывания как завершенные целостности диалогического обмена определяются, согласно М. Бахтину, тремя моментами: 1) предметно-смысловой исчерпанностью; 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего; 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения [2, с. 255]. Произведение сохраняет связь с автором, который может его дорабатывать, изменять, продавать. Текст же живет в межкультурном пространстве других текстов, с ними он вступает в диалогические (смысловые) отношения.

2. Текст есть знак с собственным содержанием, и это содержание обрамляется смыслом внутри текстового пространства. Через текст действительность одушевляется. Предметы делятся не только на одушевленные и неодушевленные, но и на одушевляемые предметы. Именно тексты позволяют нам заниматься одушевлением всего существующего. “Заметим, что именно с того момента, когда нам становится известно, что это — текст, когда мы понимаем или пытаемся понять его смысл, мы сразу выходим за пределы непосредственно данного нам в чувственном восприятии. Текст — это централизованная действительность. Текст — это действительность, ориентированная на то, чтобы ее понимали” [3, с. 117]. Пережив автора, текст продолжает существовать в пространстве культуры, не нуждаясь в комментариях своего создателя, но вступая в диалог с иными текстами. Ни один читатель, если только он не эксперт, не смотрит на содержание читаемого им текста как на выражение личности автора. Для него это лишь толика огромного и цельного корпуса знания, которую следует воспринимать как частичку знания, полученного некогда одним человеком от другого. Равным образом и автор, записывая определенное содержание, вовсе не намеревался вызвать у будущих читателей интерес к своей персоне. Субъектность текста (наличие собственного смысла) — результат

упрочения письменности в культуре. Смыслы, накапливаясь в социуме, должны были фиксироваться, сохраняться. Таким средством и выступил текст. Тексты — накопители смыслов.

3. Три пространства обслуживают тело знака. Когда-то греческий христианский теолог и философ Ориген уподоблял текст человеку, состоящему из тела, души и духа — триединому и неделимому началу. И в тексте, согласно Оригену, можно найти три смысла. По аналогии с трехчастным составом человека, в Писании можно усмотреть “телесный”, “душевный” и “духовный” смыслы. В современном, семиотическом варианте эта идея звучит как смысловая множественность текста. Причем эта “множественность текста вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а, если можно так выразиться, *пространственной многолинейностью* означающих, из которых он соткан (этимологически “текст” и значит “ткань”)” [1, с. 417]. Текст объединяет три пространства или три сферы опыта: бытийную, мыслительную и коммуникативную. И каждое из этих пространств может стать областью фокусировки текстового смысла. Принципиально, что текст гетерогенен с точки зрения смысловой организации.

4. Пространство первое — нарративное, смысл нулевой. Чтобы изучить текст как знаковое образование, семиотика в лице Ч. Пирса изобрела три измерения: семантику, синтактику и прагматику. С позиции языкового устройства сознания эти измерения представляют собой как сферы сознания: бытийное, логическое и коммуникативное.

Итак, чтобы именоваться текстом, высказывание должно что-либо изображать, описывать. Без этого слоя, или “сюжета бытия”, по выражению Фазиля Искандера, текст перестает быть смысловым накопителем в культуре. Мир текста — мир созданный, сотворенный, обустроенный и продуманный в деталях. Представители нарративного подхода к анализу сознания утверждают, что каждый человек — всегда рассказчик историй, он живет в окружении историй, своих и чужих, и все, что с ним происходит, видит сквозь их призму. Поэтому текст всегда образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже слышанных или читанных цитат — из цитат без кавычек. “Так мне открылось то, что писатели знали всегда и всегда твердили нам: что во всех книгах говорится о других книгах, что всякая история пересказывает историю уже рассказанную. Это знал Гомер, это знал Ариосто, не говоря о Рабле или Сервантесе” [6, с. 25]. При этом даже самый примитивный рассказ опирается на предзаданную схему, которая состоит как минимум из пяти элементов: Действующего лица (Agent), Действия (Action), Цели (Goal), Обстановки (Setting), Средства (Instrument) — и Трудности (Trouble). Нарративная схема, как правило, только в общих чертах задает содержание пяти названных компонентов, но она же определяет весь спектр возможных рассказов, посредством которых индивид в состоянии понимать данную сферу жизни.

На базе схем можно создавать бесконечное множество нарративов, которые используют, однако, ограниченное число правил конструирования. Нарративная схема действует так, что индивид ожидает появления определенных содержаний, и предлагает правила интерпретации, осуществляющие специфическую категоризацию и интеграцию этих содержаний, в результате чего на основе этой схемы формируется их умственный образ. Нарративная схема является механизмом нарративного конструирования реальности индивидом. Интерпретированный особым образом нарративный мир выступает для нас миром “объективным”. В определенном, характерном для нас понимании реальности мы не замечаем собственного участия, не видим присутствия наших знаний, эмоций, ценностей и культуры, в которой мы воспитаны. Мы не можем познать никакого иного “мира”, кроме того, который узнаем в процессе наших интерпретаций. Джером Брунер [4] обратил внимание на то, что при нарративном способе понимания мира истина опирается не на логику аргументов, а на “жизнеподобие” (lifelikeness) познавательных фактов и, добавим, их подобие той жизни, какую мы имеем в опыте. По аналогии с нулевым знаком можно говорить и о нулевом смысле. Функция у него та же: запуск механизма взаимопонимания. Ведь смысл, в отличие от содержания текста, можно расщепить на иные смыслы.

5. Пространство второе — мыслительное. Смысл тут типологический.

Выделение типологического смысла позволяет совершать многочисленные трансформации и взаимобмены в разных знаковых системах, оставаясь внутри заданного содержания.

Человек рождается в этот мир как в мир типических определенностей и уже на ранних стадиях развития, усваивая язык, научается воспринимать явления, предметы, существа в мире как типы, а не как сочетания уникальных и неповторимых качеств. В этом смысле любое восприятие опосредованно. И точно так же, как при распознавании речевых жанров, люди научаются безошибочно распознавать тип взаимодействия, “угадывая” его по частным признакам, ибо заранее имеют ощущение целого предстоящего взаимодействия, его композиционного строения, типичного начала и завершения и прочих “жанровых” признаков. Наличие типологического смысла позволяет преобразовывать текст: сжимать его, пересказывать “своими словами”, переводить на другие языки и др. И при этом быть уверенным, что мы имеем дело с одним и тем же содержанием. Именно в этом фокусе смысла содержится мыслительное ядро текста. Понимание выполняет здесь функцию культурного смыслового контроля. Без такого контроля смысл — это “несуществующая сущность, поддерживает крайне специфические отношения с нон-сенсом” [5, с. 11].

6. Пространство коммуникативное. Смысл — паралогический.

М. Бахтин отмечал, что всякое реальное целостное понимание активно ответно и является не чем иным, как начальной подготовительной стадией ответа. И сам говорящий установлен именно на такое активно ответное понимание: он ждет не пассивного понимания, дублирующего его мысль в чужой голове, но ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т.д. Понимание возникает в ситуациях “разрыва” коммуникаций, мышления или деятельности, при утере смысловой целостности и через раскрытие характера конфликта ведет к восстановлению целостного смысла, к новому смыслообразованию. Смыслы, поэтому, можно определить и как ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено смысла, изъято из диалога. Актуальный смысл всегда принадлежит не одному, одинокому смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Арбитром в этом споре смыслов или непониманий выступает третий собеседник, формально не участвующий в процессе общения, но играющий роль некой “точки отсчета”, по отношению к которой коммуниканты упорядочивают свои позиции. В разные исторические эпохи такой “наадресат” принимает различные идеологические формы, выступая то как “суд Божий”, или “суд истории”, то как “требования совести” и т.д. Без этого третьего — интерпретанта ситуации встречи разных смысловых позиций — диалог невозможен. Любой текст представляет собой внутренне диалогическую структуру, ибо содержит в себе как явные, так и подразумеваемые апелляции к одним авторам, направлен против взглядов других, опирается на известные факты и положения или подвергает их сомнению. Недialogичный текст, если бы он был возможен, воспринимался бы или как полностью лишенный смысла, или как таковой, которому может быть приписан любой смысл, что практически одно и то же.

7. Процедура извлечения смыслов необходимо обучаться, так как они связаны с технологиями понимания. Еще в XVIII в. русский писатель-сатирик Н. И. Страхов сетовал, что большинство людей по умению понимать книгу остаются “состарившимися младенцами”. Понимание нормативно: оно подчинено не только нормам мыслительным, но и нормам жанровым, и коммуникативным. Выделять нулевой смысл текста, типологический смысл, текстовый замысел, моделировать интерпретационные контексты — вот те навыки, которые должны обеспечивать “понимательные” технологии. Понимание объединяет людей в пространстве и времени. Благодаря пониманию человек способен действовать предусмотрительно.

Список литературы:

1. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Барт Р. ; пер. с фр.; сост. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.

2. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
3. Брудный А. А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие. М. : Лабиринт, 1998. 336 с.
4. Брунер Джером. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. Социальный конструктивизм и нарративный подход. 2005, № 1 (2). Москва. С. 9–30.
5. Делез Ж. Логика смысла. М. : ИЦ “Академия”, 1995. 300 с.
6. У. Эко. Заметки на полях “Имени розы”. СПб., 2003. 92 с.

Сведения об авторе: Никитина Елена Сергеевна, к.ф.н., доцент кафедры “Иностранные языки-2” Финансового университета при правительстве РФ, Москва, Россия; Институт языкознания РАН; email: m1253076@yandex.ru

SENSE ANALYSIS OF THE TEXT

Elena S. Nikitina

Associate Professor at the Department of Foreign Languages-2 at Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; email: m1253076@yandex.ru

Abstract

Work at the intersection of disciplines has led to the delineation of such concepts as statement, product, text. Text in psychosemiotic paradigm is seen as a sign with his own content. The content is generated based on three text space: existential, thought-and communicative. In each of these spatio-temporal unity (chronotopes) text stratifies into senses. Focusing senses can occur in the story of life, in the concept of typological field or in the genre and language definitions. In every focus sense is oriented on the constructed reality, or to other texts, or on the communication partner. It is crucial that the text is heterogeneous in terms of sense organization, forming a sense field of text. Through the gap between the content and sense of the text the subject comes reflexive position with respect to its comprehension. Awareness of self understanding directs to the study of human understanding procedures. Have an understanding person appears dialogical perspective on ways to interact.

Key words: text, types of senses, morphology of text comprehension.

References:

1. Bart, R. (1989). Ot proizvedeniia k tekstu [From Work to Text]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. (Translated from French, edicted by G. K. Kosikova). M.: Progress. 616 p.

2. Bakhtin, M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Esthetics of Verbal Creativity]. M.: Iskusstvo. 424 p.
3. Brudnyi, A. A. (1998). *Psikhologicheskaia germenevtika* [Psychological Hermeneutics]. M.: Labirint. 336 p.
4. Bruner, Dzherom. (2005). Zhizn' kak narrative [Lifa as a Type of Narrative]. *Postneklassicheskaia psikhologiya. Sotsial'nyi konstruktivizm i narrativnyi podkhod*, 1 (2). Moskva. P. 9–30.
5. Delez, Zh. (1995). *Logika smysla* [The Logic of Sense]. M.: Akademiia. 300 p.
6. Eko, U. (2003). *Zametki na poliakh "Imeni rozy"* [Marginal Notes of "the Name of the Rose"]. SPb. 92 p.

Коммуникативно-прагматические характеристики исторического дискурса

О. Г. Плехова

РГПУ им. А. И. Герцена, Гимназия № 32 (Санкт-Петербург)

Аннотация

Данная работа посвящена рассмотрению коммуникативно-прагматических характеристик исторического дискурса. Поднимается вопрос о типологическом статусе исторического дискурса, который понимается как разновидность институционального дискурса, обладающий самостоятельным статусом.

Ориентированный, в первую очередь, на описание исторических событий, исторический дискурс характеризуется взаимодействием с другими видами дискурса, например, политическим, военным, религиозным, педагогическим.

Также рассматриваются такие типологические особенности исторического дискурса, как сфера коммуникации, цели коммуникации, тип коммуникантов.

Исторический дискурс характеризуется повествовательностью, он является способом познания мира и средством формирования личности, ее системы ценностей.

Ключевые слова: исторический дискурс, институциональный дискурс, прагматические характеристики дискурса, историческая картина мира.

В настоящее время вопросы истории тесно переплетаются с проблемой осознания отдельной личностью и обществом в целом роли своего народа в историческом процессе. Единство представлений об

исторических событиях и их оценка в сочетании с общей системой ценностей, единым культурно-языковым пространством важны для национально-культурной идентичности социума и индивидуума.

В фокусе изучения истории как науки находятся события прошлого человечества. Исторические знания отличаются двойственностью, так как, с одной стороны, имевшие место события реальны, объективны и отличаются фактологичностью, с другой стороны, их интерпретация историками, политиками, представителями разных культур может существенно отличаться, характеризуясь неоднозначностью, субъективностью. Среда, в которой существуют, осмысляются и переосмысляются представления о прошлом, есть исторический дискурс, выделяемый в качестве отдельного вида [4, с. 26], по своему типологическому статусу являющийся разновидностью институционального дискурса, так как относится к “образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения” [3, с. 190–191].

Для того чтобы определить типологические особенности исторического дискурса, необходимо рассмотреть его коммуникативно-прагматические характеристики: сферу коммуникации, цели коммуникации, тип коммуникантов (адресата и адресанта).

Сферой коммуникации для исторического дискурса традиционно является взаимодействие членов узкоспециализированного сообщества специалистов-историков и представителей смежных наук, например археологии, этнографии. В настоящее время вопросы истории вызывают чрезвычайно широкий интерес, можно сказать, что имеет место “исторический бум”, обусловивший резонанс не только среди ученых-историков, но и среди специалистов других областей, в том числе политиков, работников СМИ, представителей педагогического сообщества, а также всего общества в целом, в том числе на бытовом уровне. Другими словами, можно говорить о расширении сферы существования исторического дискурса.

Обсуждение вопросов истории возможно среди специалистов-историков, которые работают с первоисточниками, собирают данные, подвергают их осмыслению, обсуждают в профессиональной среде. Продуктом их взаимодействия является знание, которое становится достоянием в первую очередь научного сообщества, затем академического сообщества, и — шире — всего общества в целом. Особенностью коммуникативно-прагматической природы исторического дискурса является то, что один из его компонентов, а именно древние тексты, не являются примером “речи, погруженной в жизнь” [1, с. 136–137] из-за невозможности восстановить их связи с социальной ситуацией [5, с. 99]. При этом анализ, обсуждение, комментирование этих текстов отличаются тесной связью с современной ситуацией, “погруженностью в жизнь”.

Цель коммуникации неразрывно связана с деятельностью адресата и адресанта. Люди говорят не только для обмена информацией, не только, “чтобы выразить мысль, но также чтобы подействовать на других” [2, с. 237], т. е. посредством языка воздействовать на систему представлений адресата. В профессиональной среде, адресатом и адресантом которой являются специалисты-историки, целью взаимодействия является поиск “исторической истины”. В академической среде осуществляется обучение общепринятым, устоявшимся представлениям об исторических событиях наряду с обсуждением положений, еще не ставших общепризнанными. Адресант академической сферы и адресант профессиональной среды могут совпадать, так как историки-исследователи часто занимаются преподавательской деятельностью. Адресатом в академической сфере исторического дискурса могут выступать студенты-историки и студенты других специальностей. Особой сферой существования исторического дискурса является школьная образовательная среда, где адресантом является учитель истории, а адресатом — обучающиеся. Отличительной чертой этой среды является не только образовательная, но и воспитательная цель обучения историческому дискурсу. Данный факт обуславливает интеграцию исторического дискурса с педагогическим.

Важно, чтобы происходила не только циркуляция исторического знания в рамках профессионального сообщества, но и его трансляция (как фактологической, так и оценочной составляющих) в систему образования. Современный подход в образовании предполагает не только передачу знаний, но и развитие умений формирования оценки, отношения к событиям, явлениям, личностям, что в свою очередь, ведет к формированию личности, ее системы ценностей.

В условиях неизбежного межкультурного взаимодействия, особенно в периоды обострения международных отношений, выраженных в первую очередь в идеологическом противостоянии, необходимо уметь выражать и отстаивать свою мировоззренческую позицию как на родном, так и на иностранном языке. Актуальность исследования исторического дискурса определяется его ролью в формировании представлений о прошлом своей страны в контексте мировой истории — исторической картины мира. Как известно, знание прошлого позволяет спрогнозировать вектор развития как своей страны, так и всего мирового сообщества в будущем.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
2. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Соцэкгиз, 1937. 410 с.

3. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. Волгоград ; Саратов: Перемена, 1998. С. 185–197.
4. Мусаева Е. М. Когнитивный анализ способов метафорического представления концепта АМЕРИКАНСКАЯ НАЦИЯ в историческом нарративном дискурсе: На материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1997. 177 с.
5. Селезнева Л. В. Направления и подходы в теории дискурса // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : колл. монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. М.: Флинта: Наука, 2014. 168 с.

Сведения об авторе: Ольга Геннадьевна Плехова, аспирант, РГПУ им. А. И. Герцена; учитель английского языка, Гимназия № 32, г. Санкт-Петербург, Россия; email: plekhova_olga@mail.ru

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF HISTORICAL DISCOURSE

Olga G. Plekhova

Post-graduate student, the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg; Gymnasium 32, St. Petersburg; email: plekhova_olga@mail.ru

Abstract

This article addresses communicative and pragmatic characteristics of historical discourse. One of the questions raised discusses the status of historical discourse as a type of institutional discourse, considering that the former is still viewed as an independent type of discourse.

Focused primarily on the description of historical events, historical discourse is characterized by interactions with other types of discourse, such as political, military, religious, and educational, among others.

It also discusses such typological features of historical discourse as the sphere of communication, the purpose of communication, and the type of communicants.

Historical discourse is characterized by the narrative; it is a way of understanding the world and a means of forming the personality, its system of values.

Key words: historical discourse, institutional discourse, pragmalinguistic characteristics of historical discourse, historical picture of the world.

References:

1. Aroutyunova, N.D. (1990). Diskurs [Discourse] In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiclopedia. 688 p.

2. Vandries, J. (1937). *Iazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriiu* [Language. A Linguistic Introduction into History]. Moscow: Sotsekgiz. 410 p.
3. Karasik, V.I. (1998). O kategoriiakh diskursa [On discourse categories] In *Iazykovaia lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty*. Volgograd ; Saratov: Peremena. Pp. 185–197.
4. Mousaeva, E. M. (1997). *Kognitivnyi analiz sposobov metaforicheskogo predstavleniia kontsepta AMERIKANSKAIa NATsIIa v istoricheskom narrativnom diskurse* [Cognitive analysis of means of metaphoric presentation of the concept of THE AMERICAN NATION in historical narrative discourse in the English language] : Doctoral Dissertation. St. Petersburg. 177 p.
5. Selezneva, L. V. (2014). Napravleniia i podkhody v teorii diskursa [Branches and Directions in the theory of Discourse] In *Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty* (Solganik, G. Y. & Klushina, N. I., & Smirnova, N. V., eds.). Moscow: FLINTA: Nauka, 168 p.

Субъектная организация рассказа-повествования о правонарушениях во вторичных речевых жанрах

Т. И. Попова

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

Вторичные речевые жанры, включающие рассказ-повествование о правонарушении, представляют собой сложный по речевой структуре текст с точки зрения его субъектной организации. Как правило, эти письменные тексты включают пересказ устной речи пострадавшего, ответчика или свидетеля с точки зрения должностного лица или представляют собой текст, где пишущий выступает в двух социальных ролях — участника события и, например, заявителя. В первом случае встает проблема включения “чужого голоса” в текст, во втором — перевоплощения говорящего, перехода в другую речевую сферу.

Таким образом, в докладе рассматривается проблема “многогочия” текста. Результаты наблюдения за субъектной организацией вторичного текста о правонарушении могут быть использованы при обучении многогочию как естественному процессу при адаптации к многообразным социальным ситуациям.

Ключевые слова: субъект повествования, вторичный речевой жанр, правонарушение.

Любой текст многосубъектен по своей природе, так как включает в себя чужую речь или как объект изображения (например, в художественном тексте), или как объект полемики (как это часто бывает в публицистическом стиле), или как авторитетное мнение (например, в научной речи), или как источник достоверной информации (в официальных текстах, например, ссылки на закон). При этом названные функции не являются закрепленными за той или иной сферой общения, они могут пересекаться.

Нас интересует такое явление, как “многоречие”, или “многоголосье”, официального текста, наименее подверженного влиянию чужого голоса, так как официальная сфера предполагает наибольшую объективность и независимость от субъективной точки зрения.

В качестве объекта наблюдения мы выбрали тексты официально-деловой сферы общения, включающие рассказ о правонарушении. Это может быть протокол, акт, заявление в полицию и т.д. Как правило, эти письменные тексты включают пересказ устной речи пострадавшего, ответчика или свидетеля с точки зрения должностного лица или представляют собой текст, где пишущий выступает в двух социальных ролях — участника события и, например, заявителя. В первом случае встает проблема включения “чужого голоса” в текст, во втором — перевоплощения говорящего, перехода в другую речевую сферу.

Перечисленные жанры — протокол, акт, заявление в полицию — представляют собой тексты сложной речевой структуры, в них представлены минимум две ситуации: событие (в нашем случае — правонарушение), произошедшее с Субъектом 1 (участником события), и изложение этого события Субъектом 2 (должностным лицом или самим пострадавшим) с определенной целью — фиксация этого события как факта, заявление об изменившемся положении дел (например, кража паспорта). Эти ситуации принадлежат разным текстovým регистрам (по Г. А. Золотовой): само происшествие — репродуктивному регистру (субъект принадлежит ситуации), а изложение события как факта — информативному регистру (субъект анализирует ситуацию и представляет ее как взаимообусловленные события).

Рассмотрим содержательную структуру рассказа о правонарушении.

С юридической точки зрения, *правонарушение* — это общественно опасное, противоправное, виновное деяние, совершенное деликтоспособным лицом, за которое предусмотрена юридическая ответственность.

Юридический состав правонарушения включает в себя четыре элемента:

- объект правонарушения;
- объективную сторону правонарушения;
- субъект правонарушения;
- субъективную сторону правонарушения.

Объект правонарушения — это общественные отношения, охраняемые правом, которым причиняется вред, либо создается угроза его причинения.

Объективная сторона правонарушения — внешняя характеристика содеянного, проявляющаяся в форме фактически выраженного противоправного действия либо в противоправном бездействии.

Субъект правонарушения — лицо, совершившее противоправное деяние и обладающее правосубъектностью.

Субъективная сторона правонарушения — это внутреннее психическое отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям (например, умысел или неосторожность).

Каждый из этих элементов правонарушения может быть представлен в тексте с точки зрения Субъекта 1 (участника события) или Субъекта 2 (анализирующего событие).

Вопрос отражения / совмещения в речи протокола двух субъектных миров не является однозначным. Так, существует мнение лингвистов и юридическая практика: “Жанр протокола требует, при всей формализованности образующих его структур, документальности в представлении содержания мысли свидетеля, т. е. следователь в идеале должен принять на себя роль летописца, если не пишущего инструмента. На практике же личность протоколирующая всегда привносит в протокол себя, так как всегда находится в роли интерпретатора, который додумывает слово собеседника, уточняет и направляет его в нужное русло. В нашем случае мы фактически имеем модули одного и того же текста-шаблона, в котором различные собеседники автора узнали свои мысли” [2, с. 218].

Обычно официально-деловой текст пишется в информативном регистре, где Субъект пишущий занимает по отношению к происшествию позицию стороннего наблюдателя, анализирующего информацию. При неполном владении нормами жанра в официально-деловой текст могут попадать следы присутствия Субъекта — участника события, в этом случае можно говорить о феномене текстовой интерференции.

Рассмотрим Пример 1.

Вопрос юристу:

Я работаю волонтером в адлерском аэропорту. На днях я залез на крышу аэропорта по пожарной лестнице без каких-либо злых умыслов, просто посмотреть на город с высоты. Как оказалось, эта крыша была запрещенной зоной, хотя никаких препятствий к лестнице на крышу не было (даже предупреждающих надписей). На крыше нас заметил охранник и вызвал полицию. Меня допросили, осмотрели место происшествия с понятыми и отпустили. Сотрудники полиции сказали, что правонарушения нет, так как доступ на крышу визуально

ничем не ограничен. Но об этом происшествии узнало мое начальство и отправило письмо в мой университет. Теперь непосредственно вопрос: могу ли я получить копию протокола, если я не получил ее сразу? Копия мне нужна для того, чтобы в случае необходимости показать ее в университете, чтобы там увидели, что ничего страшного я не совершил.

Юрист: Полагаю, что можете получить копии документов из полиции, так как были участником инцидента [3].

В рассказе присутствуют две линии повествования: изложение событий и их оценка (квалификация) с точки зрения его участника (волонтера) и с точки зрения представителя власти (полицейский, который составлял протокол).

Как мы видим, Субъекту 2 (полицейскому) принадлежат:

- квалификация события как объекта, не подпадающего под правонарушение (передано косвенной речью): *Сотрудники полиции сказали, что правонарушения нет, так как доступ на крышу визуально ничем не ограничен;*
- рассказ об объективной стороне правонарушения (внешняя характеристика содеянного): *крыша была запрещенной зоной, препятствий к лестнице на крышу не было (даже предупреждающих надписей)* (т. н. необозначенная прямая речь);
- квалификация субъективной стороны правонарушения: *без злого умысла* (т. н. необозначенная прямая речь).

Субъект 1 (волонтер) излагает события с точки зрения обыденного сознания:

- самоидентификация: *Я работаю волонтером в адлерском аэропорту;*
- рассказ о событии: *я залез на крышу аэропорта по пожарной лестнице, просто посмотреть на город с высоты. На крыше нас заметил охранник и вызвал полицию. Меня допросили и отпустили;*
- квалификация содеянного: *ничего страшного я не совершил;*
- последствия события: *об этом происшествии узнало мое начальство и отправило письмо в мой университет.*

Благодаря наличию двух субъектов повествования текст имеет диалогический характер, при этом целью диалога является убеждение университетского начальства в собственной невиновности. В этом смысле включение точки зрения второго субъекта носит характер аргументации.

С лингвистической точки зрения представляет интерес способ включения позиции субъекта 2 в нарративный текст. Только в одном случае это косвенная речь, в остальных — это необозначенная прямая речь (или необозначенная цитация).

Интересен и тот факт, что именно передается из позиции субъекта 2 в форме необозначенной прямой речи и косвенной речи. Экспериментально доказано, что факторами, влияющими на выбор способа введения чужой речи, являются: а) сюжетная значимость излагаемого эпизода (более важные моменты, “поступки”, тяготеют к изложению в виде косвенной цитации, поскольку так легче встраиваются в контекст); б) возможность и / или необходимость акцентировать внимание на эмоциональных и психологических характеристиках персонажа (прямое цитирование позволяет это легче, чем косвенное); в) индивидуальные предпочтения говорящего, иногда явно предпочитающего ту или иную стратегию [2, с. 112].

Исходя из этого, использование косвенной речи для введения в текст точки зрения субъекта 2 на квалификацию события, а именно — квалификация данного действия как действия, не попадающего под правонарушение, — можно интерпретировать как главную цель текста.

Таким образом, анализ субъектной организации текста и способов передачи чужой речи может помочь читателю выявить истинный смысл текста. Результаты наблюдения за субъектной организацией вторичного текста о правонарушении могут быть использованы при обучении многоречию как естественному процессу при адаптации к многообразным социальным ситуациям.

Список литературы:

1. Антонова С. М. Протокол как паспорт языкового сознания: опыт двух лингвистических экспертиз // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 452 с.
2. Литвиненко А. О. Стратегии передачи “чужой речи” в рассказах по картинкам (на материале русского языка) // <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/42.pdf>
3. <http://www.9111.ru/questions/q2227457-poluchenie-kopii-protokola.html#statistics-head>

Сведения об авторе: Попова Татьяна Игоревна, д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; email: popova-sakura2005@yandex.ru

SUBJECT ORGANIZATION OF THE NARRATIVE STORY OF THE OFFENCE IN THE SECONDARY SPEECH GENRES

Tatiana I. Popova

Professor, Saint Petersburg State University, Russia;
email: popova-sakura2005@yandex.ru

Abstract

Secondary speech genres, including narrative of the offence, constitute a text, complex in terms of structure of the speech if to look from the point of view of the subject organization. Typically, these written texts include the retelling of the oral speech of the victim, defendant or witness from the point of view of the officials, or represent the text where the writer acts in two roles — the participant of event, and, for example, the applicant. In the first case there is a problem on “foreign voice” in the text, in the second one there is the problem of transformation of the speaker, that is transition to another speech sphere.

Thus, the paper examines the problem of “many voices” of text. The results of the observation of the subject organization of the secondary text of the offence can be used for training “many voices” as a natural process to adapt to diverse social situations.

Key words: the subject of the narrative, secondary speech genre, the offence.

References:

1. Antonova, S. M. (2010). Protokol kak pasport jazykovogo soznaniya: opyt dvuh lingvisticheskikh jekspertiz [The Protocol as a Passport of Language Consciousness: The Experience of Two Linguistic Studies] // *Jurilingvistika-10: Lingvokontologija i jurisprudencija* (Goleva, N. D. & Chernyshovoj, T. V., eds.). Kemerovo; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 452 p.
1. Litvinenko, A. O. (2011). Strategii peredachi “chuzhoj rechi” v rasskazah po kartinkam (na materiale russkogo jazyka) [The Strategies of Translating “Other people’s Speech” in Comics (Based on the Russian Language)] // <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/42.pdf>
2. <http://www.9111.ru/questions/q2227457-poluchenie-kopii-protokola.html#statistics-head>

Влияние культурной принадлежности на формирование лаудативного дискурса (на примере английского языка)

М. Д. Рыжикова

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Аннотация

Исследование лингвокультурных особенностей лаудативного дискурса выявило ряд отличительных характеристик британской и американской лингвокультур. Так, британцы хвалят амбициоз-

ность (с помощью степеней сравнения прилагательных) и увлечение работой (с помощью оценочной лексики). Их похвала является сдержанной и корректной, на что указывает употребление эллиптических предложений и перифразы соответственно. Лаудация британской лингвокультуры является иронической, что подтверждает наличие неотъемлемой черты характера британцев — чувства юмора. Американцы, в отличие от британцев, хвалят дружелюбность (с помощью степеней сравнения прилагательных), коммуникабельность, стремление быть полезным обществу (с помощью оценочной лексики), авантюризм и решительность (с помощью настоящего продолженного времени и оценочной лексики). Общим объектом похвалы для английских лингвокультур являются наличие собственного жилья (с помощью эпитетов), увлечение спортом (с помощью повтора и оценочной лексики) и образованность (с помощью степеней сравнения прилагательных, оценочной лексики и настоящего продолженного времени).

Ключевые слова: лаудация, лаудативный дискурс, лингвокультурный, языковые средства, похвала, культурный фактор.

Актуальность исследования обусловлена интересом лингвистов к изучению разных видов дискурса, в том числе к изучению влияния неязыковых факторов на коммуникацию.

Цель статьи — определить объект похвалы в английском лаудативном дискурсе для британской и американской лингвокультур, а также проанализировать языковые средства его выражения.

Предметом исследования послужил лаудативный дискурс, а объектом — объект и языковые средства выражения лаудации.

Научная новизна заключается в том, что настоящее исследование является первой попыткой выделения лингвокультурных особенностей лаудативного дискурса.

Материалом исследования были английские тексты разных жанров лаудативного дискурса, которые были отобраны из американских и британских источников за период 2000–2008 гг.

Лаудативный дискурс как коммуникативный процесс [10] отображает культурные особенности англоязычных стран мира, которые понимаются как отображение мировоззрения, обычаев, быта, религиозных взглядов, духовной жизни, науки, искусства [11; 6; 1], специфика тезаурусной организации [7; 5]. Исследование свидетельствует о том, что выражение похвалы британцами и американцами отличается друг от друга объектом лаудации.

В Великобритании лаудацией считается выражение стремления достичь в жизни большего, чем человек имеет на настоящий момент. Амбициозность хвалится с помощью степеней сравнения

прилагательных, например: “*I work pretty hard and want a better social life*”. Британцы хвалят свое увлечение работой, на что указывает употребление лексики соответствующей семантики, например: “*The one thing that I am passionate about is my job*”. Похвала британцев является сдержанной, о чем свидетельствует употребление эллиптических предложений (например: “*Crazy about animals. Enjoy the countryside*”).

Американцы, в отличие от британцев, хвалят дружелюбность (например, с помощью степеней сравнения прилагательных: “*Three of my best life-skills: Being a good friend and companion... Finding pleasure and contentment in simple things... Cooking for my family and friends*”), коммуникабельность и стремление быть полезным обществу (с помощью глаголов и фраз соответствующей семантики, например: “*Most people feel comfortable with me and have no problems talking with me about anything*”), авантюризм и решительность (например, с помощью настоящего продолженного времени глаголов: “*I am always willing to learn about and try new things*”, оценочных глаголов и лексики соответствующей семантики: “*I love adventure and having the opportunity to see and explore new things*”).

Общими лингвокультурными чертами, которые хвалятся как британцами, так и американцами, являются следующие: наличие собственного жилья (например, с помощью эпитетов говорящий подчеркивает важность хорошего расположения дома, его необычности и отличности от других: “*I’ve an interesting, challenging job that I enjoy; a well-located, slightly unusual house that I love*”) и увлечение спортом (например, с помощью повтора и употребления оценочного прилагательного: “*I am a keen skier and snowboarder. I’m a keen and regular user of the gym and also running*”). И британцы, и американцы хвалят образованность (например, с помощью степеней сравнения прилагательных: “*The three things that I am most thankful for: family, immediate and extended friends, education*”). Следует отдельно отметить, что человек, который не получил высшего образования сразу же после окончания школы, старается найти средства и поступить в высшее учебное заведение тогда, когда это будет возможным в будущем. Такой поступок заслуживает уважения других людей (на что указывают глаголы соответствующей семантики, например: “*Jason had plans for his life and after much careful thought left his job and went back to school, which must have been a tough decision and one I very much respect him for*” или “*I have worked offshore for the last couple of years as a ROV pilot. But I have taken the big step and decided to go back to Uni*”) и, соответственно, похвалы. Более того, похвала высказывается, если человек, уже имея определенное образование, не останавливается на этом и продолжает всестороннее развитие, например: “*I am always willing to learn about and try new things. I am passionate about learning in general. Three of my best life-skills are: continuing to expand my knowledge and awareness*”. Для выражения похвалы в этом примере используется

настоящее продолженное время глагола (“*am willing*”), указывающее на продолжительность действия, оценочное наречие (“*passionate*”), подчеркивающее стремление к учебе, и превосходная степень сравнения прилагательного (“*the best*”) для того, чтобы подчеркнуть важность определенной черты.

Выражение похвалы отображает также фоновые знания, понимание которых облегчает коммуникацию. Например, упоминание культурных реалий при похвале может вызвать определенные чувства и эмоции без дополнительных объяснений, тогда как для представителя другой культуры такие пояснения необходимы. Так, в примере, взятом из речи почетного свидетеля жениха на свадьбе: “*He is very conscious of his diet though. Every day he eats something from one of the four main food groups — McDonald’s, Burger King, Wimpy and KFC*”, на первый взгляд кажется, что говорящий хвалит обеспокоенность жениха своим здоровьем, но названия ресторанов быстрого питания, которые знакомы каждому представителю английских ливнгокультур, указывают на иронический характер похвалы.

Таким образом, исследование показало, что влияние культурного фактора на выражение лаудации в британской или американской культуре проявляется в выборе объекта похвалы и языковых средств лаудации.

В дальнейшем возможно исследование лаудативного дискурса в других аспектах, в том числе диахронического.

Список литературы:

1. Белл Т. Роджер. Социоллингвистика // Цели, методы и проблемы / под ред. А. Д. Швейцера. М.: Международные отн., 1980. 318 с.
2. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 330 с.
3. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып. 7. М.: Прогресс, 1975. С. 152–216.
4. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973. С. 159–165.
5. Фоменко О. С. Лаудативний дискурс: прагматичний та лінгвокультурологічний аспекти (на матеріалі англійської мови) // Мова і культура. (Науковий журнал). К: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. Вип. 12. Т. VII (132). 360 с. С. 5–12.
6. Швейцера А. Д. Современная социоллингвистика: Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976. 176 с.

Сведения об авторе: Рыжикова Марина Дмитриевна, к.ф.н., доцент кафедры теории языка, литературы и социоллингвистики факультета иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского;
email: marinaryzhikova@yandex.ru

INFLUENCE OF THE CULTURAL FACTOR ON THE FORMATION OF LAUDATORY DISCOURSE (ON THE DATA OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Marina D. Ryzhikova

Associate Professor, Department of Theory of Language, Literature and Sociolinguistics of the Foreign Languages Faculty of Taurida Academy of Vernadsky Crimean Federal University; email: marinaryzhikova@yandex.ru

Abstract

The research of the linguacultural characteristics of laudatory discourse revealed a set of typical features of the British and American cultures. Thus, the British praise ambitions (with the help of degrees of comparison of adjectives), and their enthusiasm for work (with the help of evaluative lexis). Their laudation is restrained and polite, that is proved by the usage of elliptical sentences and periphrasis. British laudation is of ironical character, which is shown by the language means expressing humour. Unlike the British, the Americans laud friendliness (with the help of degrees of comparison of adjectives), sociability and intention to be useful for the society (by evaluative lexis), adventurism and decisiveness (by the Present Continuous Tense and evaluative lexis). Common objects for laudation are the presence of one's own accommodation (with the help of epithets), passion for sports (with the help of epithets and evaluative lexis) and scholarship (with the help of degrees of comparison of adjectives, evaluative lexis and the Present Continuous Tense).

Key words: laudation, laudatory discourse, linguacultural, language means, praise, cultural factor.

References:

1. Bell, R. T. (1980). *Sotsiolingvistika [Sociolinguistics] // Zeli, metody i problemy* (Scheizer, A. D., ed.). M.: Mezhdunarodnie otn. 318 p.
2. Karasik, V. I. (2002). *Iazyk sotsial'nogo statusa [The language of the social status]*. M: Gnosis. 330 p.
3. Labov, W. (1975). *Issledovanie iazyka v ego sotsial'nom kontekste [The language research in its social context] // Novoe v lingvistike, 7*. Moscow. P. 152–216.
4. Lotman, Yu. M. (1973). *O dvukh modeliakh kommunikatsii v sisteme kul'tury [About the two models of communication in the cultural system] // Trudi po znakovym sistemam, 6*. Tartu. P. 159–165.
5. Fomenko, O. S. (2009). *Laudativnii diskurs: pragmatichnii ta lingvokul'turologichnii aspekti (na materiali angliis'koï movi) [Laudatory discourse: pragmatical and linguacultural aspects (on the data of the English language)] // Mova I cultura (Naukoviy zhurnal), 12*. K.: Vydavnychiy dim Dmytra Burago. P. 5–12.
6. Schweizer, A. D. (1976). *Sovremennaja sotsiolingvistika: Teoriia, problemy, metody [Modern sociolinguistics: Theory, problems, methods]*. M.: Nauka. 176 p.

Актуализация метасмысла “преувеличение” в полипропозитивных конструкциях (на материале современного русского языка)

Н. В. Семёнова

Национальный исследовательский ядерный университет
“МИФИ”

Аннотация

В статье предпринята попытка ответа на вопрос, влияет ли наличие в полипропозитивной конструкции лексем, входящих в орбиту метасмысла “преувеличение”, на интерпретацию актуализируемого таксисного значения. В качестве иллюстрации привлекаются примеры с русским словом *буквально*.

Ключевые слова: полипропозитивные конструкции, таксис, модус, оговорки по поводу преувеличения.

Актуализация модусных смыслов в высказывании затрагивает, как известно, разные его параметры, и в частности — может относиться к области модальной квалификации самого предполагаемого высказывания. В этом случае речь идет о метасмыслах, основная функция которых — информация о языке речевого произведения. К такой информации относится метасмысл “преувеличение”. Смысловую парадигму и средства выражения этого метасмысла в современном русском языке блестяще описала Т. В. Шмелева, предложив дифференцированный подход к разным типам случаев [2]. Следуя этому подходу, попытаемся ответить на вопрос, влияет ли наличие в полипропозитивной конструкции лексем, входящих в орбиту метасмысла “преувеличение”, на интерпретацию актуализируемого таксисного значения.

О самом метасмысле Т. В. Шмелева пишет, что тень его постоянно присутствует в сознании говорящего / пишущего. “Но когда оно появляется в высказывании настолько осязаемо, чтобы можно было говорить об обслуживающих его средствах? — задается она далее вопросом. — Когда есть риск преувеличения, и опасения автора, связанные с этим аспектом речевого поведения, приобретают обособанность. Это случается при выражении относительных оценок, существо которых состоит в ‘помещении’ оцениваемого объекта на аксиологической шкале с отметками, фиксирующими ‘количества’ признака или качества: слегка, в меру, не очень, очень, крайне, слишком, чрезвычайно, чересчур и под.” [2, с. 68].

Если мы обратимся к контекстам со словом *буквально*, то обнаружим, что в современном русском языке оно совсем не обязательно

обозначает именно то, что ему приписывается в словарной дефиниции. Более того, окажется, что русское *буквально* — это совсем не “буквально”, т. е. не имеет значения “в прямом смысле, действительно именно так”. Очень часто оно выступает *оговоркой по поводу преувеличения*. “Оговорки, — отмечает Т. В. Шмелева, — бывают двух типов: смысл одних — ‘я преувеличиваю, понимаю это и считаю извинительным / оправданным в данном случае’; других — ‘я не преувеличиваю, ситуация действительно такова’. В соответствии с этим различаются показатели преувеличения и непреувеличения, что определяет их расположение в парадигме. Полюсы составляют слова *пожалуй* и *буквально*, их связывают отношения антонимического типа. Как и положено антонимам, у них есть общая часть — сигнал о возможности увидеть в высказывании преувеличение, и различающая их — признание / непризнание этого факта действительным с точки зрения самого говорящего. Таким образом, *пожалуй* — это знак авторской предосторожности, уклончивости; тогда как *буквально* — знак решительности в данном аспекте речевого поведения” [2, с. 70].

Показатель непреувеличения *буквально*, равный по смыслу метавысказыванию “я не преувеличиваю” или “это не преувеличение”, всегда сопровождает оценки. Но любая оценка — это знак авторского видения ситуации, а следовательно — свидетельство авторского присутствия, субъективного “взгляда на вещи”. Когда я говорю, что “*буквально* во всем себе отказываю” или “школа расположена *буквально* в двух шагах от дома”, это вовсе не обязательно означает, что именно так все и есть. Скорее всего это означает, что я *считаю, полагаю*, что это действительно так и есть, потому высказываюсь иногда так экспрессивно и эмоционально, употребляя даже показатели тотального охвата (*во всем!*) или имитируя точный счет (*в двух шагах*). При этом, я, конечно же, отдаю себе отчет в том, что, мягко говоря, немного грешу против истины, и, чтобы не преувеличить, интуитивно делаю оговорку — *буквально*.

Рассмотрим теперь таксисные примеры, извлеченные из “Национального корпуса русского языка”, в частности, такие как:

1. Уютно было, будто мы собирались то ли пожить здесь, то ли все-таки дальше поехать, то ли нас приглашали, а хозяин ждал-ждал и *отлучился, буквально перед нашим приходом*, и, как всегда, мне здесь, приезжому, неясно: хозяин? он что, сейчас будет или через неделю? — другая жизнь у времени здесь... Память о великом человеке не прервала тут жизни здесь живущих [Андрей Битов. Дом поэта (1975)].
2. Ведь в последний раз *участие этой семьи в управлении* Новгородом ознаменовалось поездкой Михаила Юрьевича на Нарвский съезд в январе 1421 года, *то есть буквально перед самым нападением* неревлян на посадника Андрея [В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... (1975)].

Перед нами две полипропозитивные конструкции, в которых диктумное соотношение однозначно свидетельствует о последовательно осуществляемых разновременных действиях: 1. *Хозяин отлучился / наш приход*; 2. *Участие семьи в управлении Новгородом / нападение неревлян*. Какую же роль здесь играет лексема *буквально*?

В отечественной аспектологии высказывалось одно предположение. Так, В. С. Храковский считает, что в подобных случаях “с помощью наречия *буквально* маркируется такой небольшой интервал между ситуациями P_1 и P_2 , который практически может восприниматься как нулевой” [1, с. 75–76]. На этом основании наречие *буквально* было квалифицировано как специфическое лексическое таксисное средство, специализирующееся на выражении практически контактной разновременности, или контактного следования.

Если мы согласимся с этим предположением, то должны будем исключить из грамматического анализа указанных выше полипропозитивных конструкций модусную рамку, и тогда характеристика актуализируемого здесь таксисного значения будет неполной и неточной. Модус как свидетельство авторского присутствия здесь однозначно оценочный, он очень рельефно выражен *оговоркой по поводу преувеличения*. На наш взгляд, временной интервал *буквально* здесь вообще никак не обозначает. В приведенных контекстах оно со всей очевидностью демонстрирует позицию автора, который не видит никакого преувеличения в том, что последовавшая за ситуацией P_1 была именно ситуация P_2 , а любая другая ситуация, которая могла иметь место в период между этими двумя ситуациями, не является столь важной, чтобы о ней стоило упоминать. Информация том, что период этот не был большим, — функциональная область специализированного временного предлога *перед*.

Таким образом, мы должны согласиться с тем, что наличие в полипропозитивной конструкции лексем, эксплицирующих метасмысл “*преувеличение*”, существенно влияет на интерпретацию актуализируемого таксисного значения. Более того, оно указывает на проявление в высказывании еще одной группы значений — эвиденциальных, ведь знак присутствия автора, каковым и выступает слово *буквально*, недвусмысленно свидетельствует о его оценке ситуации.

Список литературы:

1. Храковский В. С. Таксис следования в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / отв. ред. Бондарко А. В., Шубик С. А. СПб., 2005. С. 29–85.
2. Шмелева Т. В. Средства выражения метасмысла преувеличение // Культура речи : сб. статей и материалов. Великий Новгород, 1998. С. 66–75.

Сведения об авторе: Наталья Владимировна Семёнова, д.ф.н., профессор кафедры русского языка, Национальный исследовательский университет “МИФИ”, Москва, Россия; email: nvsemenova@mail.ru

THE ACTUALIZATION OF THE CONJOINED SENSE FOLLOWING THE CATEGORY OF “EXAGGERATION” IN SEMANTICALLY COMPLICATED CONSTRUCTIONS (BASED ON THE RUSSIAN LANGUAGE)

Natalya V. Semenova

DSc., Professor, National Nuclear Research University “MEPHI”, Moscow, Russia; email: nvsemenova@mail.ru

Abstract

The article attempted to figure out if the availability of the lexemes in semantically complicated constructions involving the category meaning “exaggeration” will influence on the interpreting the sense of the taxis. As an illustration the series of models are exemplified by the Russian word “literally”.

Key words: semantically complicated constructions, taxis, modus, lapsus linguae according to the “exaggeration”.

References

1. Hrakovsky, V. S. (2005). Taksis sledovaniya v sovremennom russkom jazyke [Taxis of sequencing in modern Russian]. *Problemy funkcional'noj grammatiki: Polevye struktury*. St. Petesburg. P. 29–85.
2. Shmeleva, T. V. (1998). Sredstva vyrazheniya metasmysla preuvelichenie [Means of expressing metameaning of exaggeration]. *Kul'tura rechi: Sb. statej i materialov*. Veliky Novgorod. P. 66–75.

Интегральная теория дискурса

Т. Н. Хомутова

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Аннотация

Рассматриваются вопросы определения дискурса и его основных единиц, соотношения дискурса, текста и коммуникации в современной лингвистической парадигме. Приводятся различные подходы

к анализу дискурса. Особое внимание уделяется методологии интегрального подхода к исследованию языковых объектов, в основе которого лежит интегральная модель науки и ее развития К. Уилбера. Представлена разработанная автором интегральная модель дискурса, состоящая из четырех секторов: когнитивного, языкового, социального и культурного, активируемая с помощью механизма речевой деятельности. Исследуется рассредоточенный характер дискурса: это и семиотическая система, и знание, и культура, и общественное явление, и коммуникативная деятельность. Изучается корреляция единиц различных секторов интегральной модели дискурса с целью показать его интегральную сущность. Определяются направления и принципы методологии интегральных исследований, такие как “симультирекинг” и трансформация самих исследователей. Намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: дискурс, текст, коммуникация, интегральный подход, модель.

В последнее время в лингвистической литературе термин “дискурс” употребляется довольно широко, но часто без объяснения его содержания, предлагаются различные определения дискурса, базирующиеся на различных основаниях и подходах, что приводит к размытости данного понятия.

По мнению известного американского ученого Д. Шифрин, разница в определениях дискурса обусловлена существованием в лингвистике разных научных парадигм, в частности, формальной и функциональной [4]. Для формалистов дискурс — это уровень языковой структуры “выше предложения”, при таком структурном подходе понятие дискурса фактически синонимично понятию текста. Для функционалистов дискурс — это “социальное взаимодействие”. В современной лингвистике существуют попытки формально-функционального определения дискурса, например, “высказывание”, “текст плюс ситуация”, “текст и контекст”, которые, тем не менее, не дают полного, системного представления о данной сущности. Поэтому дальнейшие исследования природы дискурса представляют несомненный интерес.

В рамках характерной для современного этапа развития лингвистики коммуникативно-деятельностной парадигмы коммуникативная деятельность рассматривается как ролевое исполнение речевой деятельности.

Очевидно, что речевая коммуникация как непрерывный процесс жизнедеятельности человека и общества в реальной действительности состоит из сменяющих друг друга в линейной последовательности отдельных актов речевой коммуникации. Такие отдельные акты речевой коммуникации в теории Е. В. Сидорова называются дискурсами [1].

Согласно теории Е. В. Сидорова, базирующейся на коммуникативной концепции Р. О. Якобсона, в дискурсе, выделяются три основных компонента: а) первичная коммуникативная деятельность (коммуникативная деятельность отправителя сообщения); б) текст (речевое произведение); в) вторичная коммуникативная деятельность (коммуникативная деятельность адресата). За текстом остается роль центрального звена коммуникативного акта, но сам текст рассматривается как предметно-знаковая модель сопряженных коммуникативных деятельностей общающихся [1, с. 18].

Анализ приведенных выше определений дискурса показал, что все они так или иначе связаны с понятиями текста и коммуникации. Вместе с тем, в современной лингвистике соотношение понятий дискурс, текст и коммуникация трактуется по-разному.

Мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой текст и дискурс являются различными аспектами коммуникации, при этом дискурс вслед за Е. В. Сидоровым мы понимаем как отдельный акт речевой коммуникации, в процессе которого в социокультурном контексте порождается текст, а текст как знаковую модель сопряженных коммуникативных деятельностей общающихся, как необходимое звено и произведение дискурса в единстве его языковых, деятельностных и прочих свойств [1]. Иными словами, текст — это и часть дискурса, и предметно-знаковый аспект коммуникации, а дискурс — это деятельностный аспект коммуникации.

Здесь уместно подчеркнуть, что текст понимается нами как интегральная единица, характеризующаяся полисистемностью. Деятельностный аспект дискурса присутствует в тексте в “снятом” виде, в виде модели сопряженных коммуникативных деятельностей общающихся. Полисистемность текста и обуславливает его отношение к дискурсу и коммуникации.

Можно предположить, что интегральный характер текста как части дискурса, его предметно-знаковой модели, в полной мере характерен и для дискурса в целом. Исходя из этого, мы считаем возможным применить к анализу дискурса разработанный нами интегральный подход, основанный на положениях общей интегральной теории К. Уилбера [5], который ранее был применен нами по отношению к языку и тексту [2].

Интегральный подход представляет собой такой подход, в котором объединяются различные точки зрения на один и тот же объект исследования в целях его целостного, разностороннего, объемного представления, при этом все составные части интегрального подхода являются не простой совокупностью, а объединяются общей идеей, позволяющей определять их взаимосвязь и взаимозависимость при описании и объяснении объекта исследования.

Идея интегральной лингвистики заключается в том, что каждое лингвистическое явление можно рассмотреть с субъективной точки

зрения (или того, как лично я воспринимаю и ощущаю это явление), с интересубъективной точки зрения (или того, как не только я, но и другие воспринимают это явление), с объективной точки зрения (или объективных фактов этого явления) и интеробъективной точки зрения (или социально значимых фактов этого явления).

Основой интегрального подхода является четырехсекторная, многоуровневая модель языка, главным достоинством которой является определение того, как единицы различных секторов и уровней между собой связаны.

В качестве секторов выступают когнитивный (субъективный), языковой (объективный), культурный (интерсубъективный) и социальный (интеробъективный), активируемые с помощью механизма речевой деятельности. Секторы рассматриваются как четыре базовые точки зрения, которые необходимо учитывать в стремлении наиболее полно и точно изучить какой-либо объект. Интегральный подход, учитывая все эти точки зрения, становится тем самым всеохватывающим и эффективным.

Интегральная модель дискурса представляет дискурс как интегральный объект, рассредоточенный по четырем секторам: когнитивному, языковому, культурному и социальному, единицы которых активируются с помощью механизма речевой деятельности. В когнитивном секторе дискурс представляет собой фрагмент знания определенной предметной области. В социальном секторе дискурс — это фрагмент социального пространства. В культурном секторе дискурс как фрагмент культуры базируется на культурных ценностях того или иного народа. В языковом секторе дискурс является фрагментом языка, в котором с помощью языковых категорий и языковых средств выражается знание, культурные ценности и социальные действия. Коммуникативная деятельность как ролевое исполнение речевой деятельности представляет собой стержень, объединяющий все четыре сектора дискурса в единое целое, в котором все аспекты взаимообусловлены и не существуют друг без друга, а разделяются только в исследовательских целях [3].

Между составляющими дискурса существует определенная сеть отношений, которая и позволяет утверждать, что дискурс представляет собой интегральный объект, распределенный по четырем секторам, выделяемым в рамках интегрального подхода. Единицы и категории дискурса как фрагмента когнитивного пространства тесно связаны с единицами и категориями дискурса как фрагмента языкового, культурного и социального пространств. Эта взаимосвязь обусловлена тем, что в качестве основы языкового содержания в него включается мыслительное, культурное, социальное и коммуникативное содержание в преобразованном языковой системой виде. Лексические, грамматические и семантические структуры дискурса не произвольны,

они отражают основные категории и структуры наших моделей познания действительности.

Методология интегральных исследований включает два направления:

- “симультрекинг”, или одновременное отслеживание единиц различных уровней в каждом из четырех секторов, а затем отслеживание корреляций их друг с другом;
- внутренняя трансформация самих исследователей, особенно это касается исследований левосторонних, внутренних секторов.

В заключение отметим, что интегральная теория дискурса позволяет рассматривать это сложное явление как интегральный рассредоточенный объект, процесс сопряжения коммуникативных деятельности представителей определенного социума, в ходе которого вербализуются фрагменты знания, языка, национальной культуры и социального пространства в их глобальном единстве и взаимообусловленности и происходит управление речевой деятельностью коммуникантов. Перспективным направлением интегральных исследований дискурса является контрастивный симультрекинг единиц различных секторов и уровней дискурса на материале различных языков, стилей и жанров.

Список литературы:

1. Сидоров, Е. В. *Онтология дискурса* / Е. В. Сидоров. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 232 с.
2. Хомутова, Т. Н. *Научный текст: интегральный подход* / Т. Н. Хомутова. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. — 333 с.
3. Хомутова, Т. Н. *Типология дискурса: интегральный подход* / Т. Н. Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. — 2014. — Т. 11. — №2. — С. 14–20.
4. Schiffrin, D. *Approaches to Discourse* / D. Schiffrin. — Cambridge, MA: Blackwell Publishers Inc., 1994. — 470 p.
5. Wilber, K. *Sex, ecology, spirituality: The spirit of evolution*. Second edition. — Boston, MA: Shambhala, 2001. — 851 p.

Сведения об авторе: Хомутова Тамара Николаевна, д-р филол. наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); email: khomutovatn@susu.ac.ru

INTEGRAL THEORY OF DISCOURSE

Tamara N. Khomutova

Doctor of Philology, Head of Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, South Ural State University (National Research University); email: khomutovatn@susu.ac.ru

Abstract

The article focuses on the notions of discourse and its basic units, as well as correlation of discourse, text, and communication in the modern linguistic paradigm. Different approaches to the analysis of discourse are described with a special emphasis on the integral approach which stems from Wilber's integral model of science and its development. An integral model of discourse with respect to its speech-activated cognitive, language, social, and cultural quadrants is presented. Discourse is viewed as a distributed object: it is simultaneously a semiotic, cognitive, cultural, social, and communicative system. Correlation of different units of discourse quadrants is studied to reveal its integral character. Directions and principles of integral approach to discourse are formulated, such as "simultracking" and transformation of researchers. Perspectives of further research are outlined.

Key words: discourse, text, communication, integral approach, model.

References:

1. Sidorov, E. V. (2008). *Ontologuija diskursa [Ontology of discourse]* / E. V. Sidorov. — M.: LKI Press. — 232 p.
2. Khomutova, T. N. (2010). *Nauchnyj tekst: integralnyj podhod [Research text: an integral approach]* / T. N. Khomutova. — Chelyabinsk: SUSU Press. — 333 p.
3. Khomutova, T. N. (2014). *Tipologija diskursa: integral'nyj podhod [Discourse typology: an integral approach]* / T. N. Khomutova // Bulletin of the South-Ural State University. Series "Linguistics". — Vol. 11. — №2. — P. 14–20.
4. Schiffrin, D. (1994). *Approaches to Discourse* / D. Schiffrin. — Cambridge, MA: Blackwell Publishers Inc. — 470 p.
5. Wilber, K. (2001). *Sex, ecology, spirituality: The spirit of evolution*. Second edition. — Boston, MA: Shambhala. — 851 p.

Коммуникативные стратегии развлекательного дискурса

С. В. Чернова

МГИМО МИД России

Аннотация

В современном мире мировоззрение и мировосприятие ряда социальных групп населения формирует медиадискурс. С интенциональных позиций его можно разделить на три основных типа: информационный, публицистический и развлекательный. Под

развлекательным дискурсом понимается совокупность тематически и функционально обусловленных текстов со значением развлекательности, направленных на воздействие на духовную, социальную и эмоциональную стороны слушателей (зрителей). Применительно в формате общения развлекательный дискурс можно разделить на обиходный (личный) и институциональный. Обиходный развлекательный дискурс представляет собой спонтанное общение, в ходе которого не придается значение формальной стороне речи. Данный тип дискурса является непубличной коммуникацией, в которой важное место занимают эмоциональность и развлекательность. Функционирование второго типа дискурса обеспечивается рядом социальных институтов, таких как театр, цирк, кино, телевидение и т.д. Существуют определенные коммуникативные стратегии развлекательности в зависимости от сферы функционирования дискурса, которые сводятся к привлечению внимания, поддержанию интриги, соблюдению кульминационного развития сюжета и эмпатическому взаимодействию его агентов и клиентов.

Ключевые слова: медиадискурс, развлекательный дискурс, обиходный дискурс, институциональный дискурс, коммуникативные стратегии.

Главная особенность современности — это резкое увеличение игрового компонента в жизни. Важнейшей характеристикой игровой деятельности и общения, в свою очередь, является категория развлекательности.

Под развлекательным дискурсом понимается совокупность тематически и функционально обусловленных текстов со значением развлекательности, направленных на воздействие на духовную, социальную и эмоциональную стороны слушателей.

Поведение агентов развлекательного дискурса в процессе общения преследует определенные цели, для достижения которых используются специальные приемы, тактики и стратегии.

В данной работе предлагается следующее понимание коммуникативной стратегии: «часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели» [1, с. 33].

Коммуникативные стратегии развлекательного дискурса соответствуют его общей цели — привлечь и удержать внимание аудитории. В. И. Карасик выделяет следующие коммуникативные стратегии развлекательного дискурса: привлекающая, интригующая, кульминационная и эмпатическая [2, с. 254].

В развлекательном дискурсе очень важно, чтобы внимание слушающего было привлечено к говорящему и его сообщению. Кроме того, внимание не должно рассеиваться. Таким образом, перед агентом развлекательного дискурса стоит сложная задача не только по привлечению, но и по поддержанию внимания слушателей (зрителей). Существуют различные механизмы реализации данной коммуникативной стратегии на практике, такие как прием “нейтральной фразы”, прием “завлечения” и “сбора” внимания.

Нейтральные фразы, как правило, не связаны с основной темой выступления, однако по тем или иным причинам представляют огромный интерес для клиентов развлекательного дискурса. Эти фразы имеют особое значение и отражают актуальные ценности и сиюминутные желания присутствующих.

Суть приема “завлечения” внимания заключается в том, что говорящий произносит нечто трудно воспринимаемым для слушающего способом: тихо, громко, невнятно, монотонно, быстро и т.д. Неожиданная форма подачи информации заставляет слушающего лучше сконцентрироваться для того, чтобы понять смысл высказывания.

“Сбор” внимания может достигаться установлением зрительного контакта между агентами и клиентами развлекательного дискурса. Очень многие профессиональные развлекатели пользуются данным невербальным приемом. Пристальный взгляд, фокусировка на одном или нескольких зрителях, неожиданный кивок или подмигивание помогают собрать внимание аудитории.

Привлечение и поддержание внимания аудитории к содержанию того или иного сообщения является обязательным условием успешной коммуникации. Агенты развлекательного дискурса используют яркие, необычные образы и комически абсурдные высказывания, чтобы не только донести информацию до слушателя, но и заставить надолго запомнить свое выступление. Удивляющие, потрясающие и шокирующие фрагменты выступления не забываются, о них хочется рассказывать всем, и нужная информация передается в виде слухов и обрывков разговоров.

Ведущую роль в развлекательном дискурсе играют стратегии сенсационности и эпатажа. Участники общения испытывают высокую степень психологического раскрепощения, высвобождая свои мысли и расширяя границы воображения. Важно отметить, что в развлекательном дискурсе исключаются резкая критика выдвигаемых идей и социальное осуждение в угоду достижения удовольствия от общения.

Следующая коммуникативная стратегия развлекательного дискурса — интригующая. Создание интриги можно рассматривать как эффективный способ достижения коммуникативной цели путем управления интересом и эмоциями слушателей (зрителей).

Специфика манипулятивной коммуникативной стратегии развлекательного дискурса заключается в том, что она не содержит никакого злого умысла и не ставит клиента данного дискурса перед моральным выбором. Интригующее напряжение в выступлении создается при помощи мелких странностей, выбивающихся из привычного положения вещей или последовательного хода событий. Важно помнить, что людей всегда привлекают тайны и природное любопытство, выражающееся в желании разгадывать загадки. Агенты развлекательного дискурса зачастую пользуются тщательно продуманными “тизерами” — сообщениями, выстроеными в виде некоей загадки или головоломки, скрывающими часть интересующей слушателя информации и тем самым создающими интригу.

Следующая коммуникативная стратегия развлекательного дискурса выражается в кульминационном развитии сюжета. По Джеймсу Н. Фрею, “сюжет — это голод, кульминация — насыщение”. Это неоспоримый факт, что любое произведение живет от завязки до кульминации, когда все становится ясно, обличаются все скрытые смыслы. В устных жанрах обиходного развлекательного дискурса нередко многокомпонентный вариант сюжета упрощается до следующей схемы: завязка — действие — кульминация, которая в свою же очередь является и развязкой. Классическая многокомпонентная схема, включающая в себя экспозицию, развитие действия, кульминацию, сворачивание действия и развязку, больше подходит для основательных, медленно развивающихся сюжетов книг, сценарий пьес, глубоких философских фильмов и т.д. Стоит также отметить, что по мере разворачивания сюжета агент развлекательного дискурса может включать несколько кульминационных моментов для каждого относительного законченного отрывка действия.

Особого внимания заслуживает эмпатическое взаимодействие агентов и клиентов развлекательного дискурса. Умение понимать и сопереживать, способность испытывать за другого его чувства — это важнейшая характеристика эффективной коммуникации и межличностных отношений. Талантом профессиональных развлекателей является их способность замечать и предвидеть реакции своих слушателей (зрителей), молчать или говорить тогда, когда это действительно необходимо. Эмпатия подразумевает особую чувствительность к постоянно меняющимся настроениям аудитории и тесную эмоциональную связь между агентами и клиентами развлекательного дискурса.

Дальнейшую перспективу исследования мы видим в выделении новых коммуникативных стратегий и изучении текстового воплощения развлекательного дискурса.

Список литературы:

1. Кашкин В.П. Введение в теорию коммуникации : учеб. пособие для вузов. Воронеж, ВГТУ, 2000. С. 33.
2. Карасик В.И. Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014. С. 248–265.

Сведения об авторе: Чернова Снежана Валерьевна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры английского языка № 1, МГИМО МИД России, Москва, Россия; email: snezhana85@yandex.ru

ENTERTAINING DISCOURSE AND ITS COMMUNICATIVE STRATEGIES

Snezhana V. Chernova

PhD, Senior Lecturer, MGIMO University, Russia;
email: snezhana85@yandex.ru

Abstract

In the modern world the worldview of a number of social groups is shaped by the media discourse which can be divided into three basic types in terms of its intentional positions: informational, journalistic and entertaining. Entertaining discourse refers to a set of thematically and functionally determined texts with the value of entertainment designed to impact on the spiritual, social and emotional sides of the listeners (viewers). Taking into account the communication format entertaining discourse can be subdivided into two major types such as personal (everyday) and institutional. Everyday entertaining discourse is a spontaneous communication act, which doesn't take into account any formalities of speech. This type of discourse is regarded as non-public communication, in which emotional and entertaining components predominate. Institutional entertaining discourse is ensured by a number of social institutions such as theatres, circuses, cinemas, television, etc. There are certain communicative strategies typical of both types of entertaining discourse aiming at attracting attention, maintaining some intrigue, adhering to the climax of the story and maintaining the empathic interaction of its agents and clients.

Key words: media discourse, entertaining discourse, personal (everyday) discourse, institutional discourse, and communicative strategies.

References:

1. Kashkin, V.P. (2000). *Vvedenie v teoriju kommunikacii* [Introduction to communication theory]. Voronezh: VSTU. P. 33.
2. Karasik, V.I. (2014). *Jazykovoje projavlenie lichnosti* [Linguistic manifestation of personality]. Volgograd: Paradigm. P. 248–265.

“Русский акцент” в английской письменной речи

Т. Г. Шишкина

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
Факультет иностранных языков и регионоведения

Аннотация

Явление акцента может наблюдаться не только на фонетическом уровне, но также на всех уровнях письменного перевода. Особенно это ярко выражено в грамматике, на уровне морфологии, поскольку грамматика представляет собой самую стабильную структуру языка. Причиной акцента очень часто является влияние родного языка, приводящее к возникновению ошибок в письменной речи, результатом которого является неадекватный перевод.

Ключевые слова: интерференция, письменный перевод, акцент, ошибки, редакторская правка.

В результате расширения международных контактов, экономических, политических, научных и культурных связей между народами возросла потребность в активном обмене как устной, так и письменной информацией на иностранном языке. В связи с этим большая ответственность лежит на специалистах-переводчиках, особенно занимающихся письменным переводом, поскольку результатами их труда пользуются люди фактически во всем мире.

К сожалению, при переводе с одного языка на другой переводчики часто концентрируются на форме переводимого текста, а не на содержании, что, ввиду влияния интерференции, неизменно приводит к нарушению норм языка, на который делается перевод.

Широкое распространение термин “интерференция”, как известно, приобрел благодаря У. Вайнрайху, который различал интерференцию в языке и интерференцию в речи: “Интерференция в речи подобна песку, несомому ручьем, в языке же она напоминает осадок из песка, отложившийся на дне озера” [2, с. 11].

У. Вайнрайх выделял фонетическую, грамматическую и лексическую интерференцию. Эта классификация как нельзя лучше применима при изучении межъязыковой интерференции и ее результата — акцента в письменных переводах с родного языка на иностранный. С ее помощью можно выявить “русский акцент” на всех языковых уровнях в целях дальнейшего его устранения. Ведь именно акцент и создает ошибки, которые не только мешают вос-

принимать передаваемую переводчиком информацию, но и искажают ее содержание.

Определение акцента можно найти в Словаре лингвистических терминов [1, с. 39].

Акцент — 1. То же, что ударение.

2. Своеобразное произношение, отличающее иностранца и заключающееся в произвольной замене звуками родного языка звуков чужого.

Из приведенных значений акцента видно, что он характеризуется как некая система отклонений, ошибок в основном в звуках, возникающих в результате влияния фонетической системы родного языка на фонетическую систему иностранного. Отсюда следует, что непосредственная область проявления акцента — фонетика. Не стремясь оспаривать этот непреложный факт, попытаемся взглянуть на явление акцента несколько шире.

Акцент — сложное явление, под ним можно понимать и любое значимое отклонение от норм литературного языка. Опираясь на определение В. А. Виноградова, мы вполне можем сделать вывод о том, что **акцент** — “совокупность ошибок в речи человека, говорящего или пишущего на неродном языке, которые обусловлены влиянием системы его родного языка (иноязычный акцент); сравните, например, выражения ‘немецкий акцент’, ‘русский акцент’” [3, с. 16].

Выявление ошибок, нарушающих норму иностранного языка, позволяет нам говорить о существовании такого явления, как **“акцент” в письменной речи**. Данный тезис опирается на то, что особенности интерференции, т. е. влияние одного языка на другой (как правило, родного на иностранный), которое выражается в конечном итоге нарушением нормы или, более широко, системы неродного языка на каком-либо уровне (фонологическом, грамматическом или лексическом), выявленные на материале речевой деятельности группы переводчиков одной национальности, **могут быть экстраполированы на всю их языковую общность, вступающую в контакт с иностранным языком**. Отсюда следует, что, исследуя межъязыковую интерференцию не только в устной речи, но и в письменной, **вполне возможно смоделировать иноязычный акцент целого языкового коллектива, пользуясь другим языком**.

Таким образом, можно сделать заключение, что **интерференция** — это, прежде всего, **процесс**, обуславливающий смешение элементов родного и иностранного языков в лингвистическом сознании индивидуума, вследствие наложения двух систем друг на друга при языковом контакте; **акцент** же — это **результат** или **следствие интерференции**, то есть **ошибки** в речи не только говорящего, но и пишущего (или делающего письменный перевод), которые воспринимаются носителем языка как отклонение от нормы и характеризуются определенной спе-

цифкой, отражающей национально-языковую принадлежность человека. Следовательно, интерференция и акцент далеко не тождественны: если интерференция локализована в говорящем и пишущем, то акцент существует лишь для воспринимающего устную или письменную речь.

Особенно ценным материалом в этом отношении являются ошибки, подвергшиеся редакторской правке носителями языка, на которых делается письменный перевод.

Анализ ошибок позволяет окончательно установить, как же происходит идентификация элементов систем двух языков, и дает ключ к разгадке причины возникновения акцента. Благодаря анализу ошибок, акцент становится предсказуемым.

Рассмотрим некоторые ошибки, допускаемые переводчиками с русского языка на английский на разных уровнях:

1. На морфологическом уровне:

а) злоупотребление предлогом **of** при переводе русского родительного падежа: *headaches of senior citizens* вместо *headaches in senior citizens*; *specialists of technical and economic backgrounds* вместо *specialists with technical and economic backgrounds*, *crisis of the social system* вместо *crisis in the social system* и т.д.;

б) категории глагола переводятся часто прямым эквивалентом. Например, русское не прошедшее время переводится на английский язык так же, не прошедшим временем:

Выбор самого лучшего в этом случае не является задачей преподавателя, гораздо большая польза достигается, когда целая группа решает, кто же был лучшим.

Вариант переводчика:

Choosing the best in such a case is not the task of the teacher — much more use is gained when the whole group decides who was the best.

Вариант редактора:

Choosing the best in such a case was not the task of the teacher — much more use was gained when the whole group decides who was the best.

Или русский действительный залог передается английским действительным залогом:

Однако сегодня это процесс на пути в Восточную Европу необратим: “реальный социализм” дискредитировал себя до такой степени, что сделал его реанимацию невозможной.

Вариант переводчика:

However, the process now in Eastern Europe is irreversible: “real socialism” has discredited itself to the extent of making its reanimation impossible.

Вариант редактора:

However, the process now underway in Eastern Europe is irreversible: “real socialism” has been so discredited as to make reanimation impossible.

И так далее.

2. На лексическом уровне:

а) отождествление лексического значения слова.

Вариант переводчика:

*When I attended the recent funeral of a friend's **babushka**, I was horrified by mild-mannered music teacher's coffin: a gaudy thing upholstered in ruffled red velvet inside and outside, complete with gold threading.*

Используя слово “babushka”, переводчик явно стремился придать тексту аутентичность и национальный колорит. Однако он не учел, что в английском языке слово “babushka” имеет вполне определенное значение — платок, повязанный особым образом: a woman's scarf, often triangular, used as a hood with two of the ends tied under the chin.

б) Смешение лексики различных стилей речи.

Вариант переводчика:

*Ciol is a strong portraitist, but **having photographed people for money for a long time** he came to prefer landscapes and architecture.*

В этом предложении автор использовал два словосочетания, которые свойственны разговорной лексике и не характерны для публицистического текста: *photographed people for money* и *for a long time*.

Вариант редактора:

***Having been a professional portrait photographer for many years** Ciol then chose landscape and architecture as his preferred subject matter.*

В отредактированном варианте оборот *photographed people for money* заменен на *a professional portrait photographer*, что, с одной стороны, лишило текст разговорного оттенка, с другой — придало более глубокомысленное и весомое звучание.

3. На стилистическом уровне: например, игнорирование экспрессивности или эмоциональной насыщенности предложения, его функционально-стилистической окраски.

Вариант переводчика:

***Russian painter of French origin** Nikolay Ge was one of the first expressionists in the country.*

Вариант редактора:

*Nikolay Ge, a **Russian painter of French origin** was one of the first expressionists in the country.*

В приведенном примере редактор изменил лишь порядок слов, однако исходное нейтральное предложение сразу стало более экспрессивным, динамичным и ритмичным. И так далее.

Рассмотренные нами примеры еще раз свидетельствуют о том, что все допущенные в них ошибки чаще всего — результат буквально-го перевода и использования прямых грамматических, лексических, стилистических соответствий. Опора на родной язык ведет переводчиков к интерференции и возникновению “русского” акцента практически на всех уровнях языка.

Исходя из всего вышеизложенного, очевидным является вывод: выявление ошибок, их изучение и анализ позволяют не только очертить области вероятностного проявления акцента в письменной речи, но и дают возможность путем их искоренения способствовать эффективной коммуникации.

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Языковые контакты. Вып. 6. М.: Изд-во иностр. лит., 1972.
3. Виноградов В. А. Акцент // Русский язык. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1979.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999.

Сведения об авторе: Татьяна Гурьевна Шишкина, кандидат филологических наук, доцент ФИЯР МГУ, email: tashishkina@yandex.ru

“RUSSIAN ACCENT” IN ENGLISH WRITTEN SPEECH

Tatiana G. Shishkina

PhD in Linguistics, Associate Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia;
email: tashishkina@yandex.ru

Abstract

Russian “accent” is the phenomenon which can be observed not only in phonetics but also in written translation at all language levels. Especially it is vividly seen in grammar at the level of morphology as it is the most stable structure of any language. The reason of accent is very often native language interference (Russian in our case) which causes mistakes in speech resulting in inadequate translation.

Key words: interference, written translation, all linguistic levels, accent, mistakes, proofreading.

References:

1. Ahmanova, O. S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [A Dictionary of Linguistic Terms]. M.: Sov. Jenciklopedija.
2. Vajnrajh, U. (1972). *Odnodzjazychie i mnogodzjazychie* [On Being Monolingual and Bilingual]. *Novoe v lingvistike. Jazykovye kontakty*, 6. M.: Izd-vo inostr. lit.
3. Vinogradov, V. A. (1979). *Akcent* [The Accent]. *Russkij jazyk. Jenciklopedija*. M.: Sov. Jenciklopedija.
4. Komissarov, V. N. (1999). *Sovremennoe perevodovedenie*. [Modern Translation Studies] M.: JeTS.

Orientalisms in Russian Discursive Practice of the 21st Century: Theoretical and Practical Aspects

Natalia V. Yudina

Financial University under the Government
of the Russian Federation (Vladimir branch)

Natalia V. Yudina

Abstract

The report reviews the problem important for the Russian language of the 21st century and considering the lexical units (orientalisms) borrowed from several Eastern languages and functioning in modern discursive practice. The Eastern languages are relatively denoted in the paper as official languages of the states which are characterised by Eastern traditions, philosophy, religion, and culture, and geographically represented as the Asia region. The author examines over 500 lexemes borrowed from Turkish, Arabic, Japanese and Chinese into Russian in the 21st century. The lexemes, referred to modern Russian discursive practice, are taken from print and audio-visual mass media. The paper suggests some tendencies describing the functioning of the orientalisms in modern Russian lexicographic sources. Besides, the research makes it possible to discover a new “eastern” character of the world linguistic globalization and draw the necessary attention of lexicographers and interpreters to the problems of Eastern borrowings in contemporary linguistics.

Key words: Russian language, discourse practice, lexical units, borrowings, orientalisms.

It is not a secret that foreign borrowings are a highly disputable and particular problem in the newest linguistic literature. Most researchers agree that the basic characteristic of the Russian language at the turn of the 20th — 21st century is the tendency of vocabulary updating by means of foreign borrowings. It should be noted that the majority of such borrowings belongs to the American variant of English. However, the process of borrowing from the so called Eastern languages is still under study and seems to be rather remarkable in recent decades due to specific demographic, cultural and political reasons (See more: [4]).

The paper suggests a review of over 500 lexemes referred to modern Russian discursive practice and taken from present-day Russian mass media between 2004 and 2014. The lexemes are denoted as borrowings into modern Russian from Turkish, Arabic, Japanese and Chinese — the official languages of the states which are characterised by Eastern traditions, philosophy, religion, and culture, and geographically represented as the Asia region.

The orientalisms under study might be relatively divided into the following **focus groups** according to the frequency of their use in Russian:

1) sports words (*сумо, айкидо*); 2) religious words (*хадж, джихад*); 3) everyday-household words (*кайф, лафа*); 4) philosophical words (*дзен, дао*); 5) social and political words (*сэнсей, якудза*); 6) meal words (*суши, васаби, саке*); 7) arts and crafts words (*оригами, кабуки*) и др.

The linguo-geographic approach to the research makes it possible to reveal the following peculiarities: the majority of the modern borrowings (59%) come from Japanese, 19% of the units are from Arabic, 11% each take the groups from Chinese and Turkish. It should be noted that the great plenty of borrowings are represented by the languages of the hypothetical Altaic group (Japanese and Turkish).

It goes without saying that such overwhelming growth of the orientalisms in the Russian language of the 21st century should have been retraced in modern lexicographic resources. This fact makes it possible to examine the peculiarities of the Eastern borrowings (their amount and description) in Russian explanatory dictionaries, as well as the way of their interpretation from the original language. Explanatory dictionaries as the source of the research data might serve a special indicator to distinguish the borrowed units as the entry into Russian vocabulary. The following three Russian explanatory dictionaries were chosen to meet the research goals; cf.: [1; 2; 3]. These dictionaries were compiled at different language and social-political times and are consequently affected by different ideas about the Eastern borrowings in the Russian language.

The study of the lexicographic issues mentioned above made it possible to draw the following conclusions:

1. Several modern Russian explanatory dictionaries do not contain the lexical units borrowed from the Eastern languages; cf.: [3], which have been republished many times and does include multiple borrowings from Greek, Latin, German and French. The lack of the orientalisms in this dictionary might be explained by the time period when it was originally compiled.
2. Part of the lexicographic issues does not have the references to the languages from which an Eastern borrowing has come. However, the dictionaries contain the lexical units of the type, and the dictionary entries have the references to the corresponding cultures; cf.: “ДЖИУ-ДЖИТСУ, нескл., ср. Японская борьба — самозащита и нападение без оружия” [JIU-JITSU. A Japanese way of self-defense and fighting without weapon] [2, p. 123];
3. A number of dictionaries have plenty of information and references to the sources of borrowings from the Eastern languages, as well as special dictionary marks and, in relevant cases, necessary comments inside the dictionary entries; cf.: “АЗАН, -а; м. [араб.]. У мусульман: призыв к обязательной молитве, возвещаемый с минарета муэдзином [ADHAN. The Muslim call to Friday public worship and to the five daily hours of prayer]” [1, p. 30];

4. Several dictionary entries have the so called translation component which refers to the meaning of the word in the original dictionary; cf.: “БАЙХОВЫЙ, -ая, -ое. (от китайск. Бай хуа — название едва распутившихся почек чайного листа). Байховый чай. Рассыпной, непрессованный чай (в отличие от плиточного, прессованного) [РЕКОЕ. (Chinese name of tea leaf hair) Tea of high quality]” [1, p. 55];
5. Part of the lexical units is not included into the explanatory dictionaries due to the fact that such units and the culture-specific concepts, denoted by them, have been recently borrowed; cf.: such words as *васаби*, *суши*, *сашими*, etc.

The research of the Eastern borrowings makes it possible to denote that Russian is getting more flexible and rich through the process of borrowing. It promotes the dialogue of cultures and contributes to the study of various world views. This fact is relatively obvious if we consider the Eastern borrowings as the reflection of the present-day cultural and political dialogue of nations. It should be noted that borrowings reflect ancient development ways of the European civilization, trace the inter-ethnic contacts and mark the unique system of the native language and its creative ways of assimilation. Thus, the process of objection and commenting of the cultural and historical heritage of the borrowed lexical units might serve the development factor of linguo-historical thought of the Russian language society.

It goes without saying that the dynamics of the Eastern influence will prospectively progress and interfere with the English language dominance. This tendency may be determined by extra- and intra-linguistic causes which are the subject of further sufficient research. In this regard, the theoretical research and practical aspects of the “linguistic behaviour” of the orientalisms in the Russian language of the 21st century tents to be extremely important and essential. It will require analyses of a large amount of the newest language data, multiple present-day lexicographic works, as well as lexical units referred to modern Russian discursive practice of the 21st century.

References:

1. Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The Grove Russian Explanatory Dictionary]. St.-Petersburg: Norint.
2. Ozhegov, S. I. (Ed.). (2011). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Russian Explanatory Dictionary]. Moscow: Mir I Obrazovanie, Oniks
3. Ushakov, D. N. (Ed.). (2013). *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Modern Russian Explanatory Dictionary]. Moscow: Adelant.
4. Yudina, N. V. (2010). *Russkii iazyk v XXI veke: Krizis? Evoliutsiia? Progress?* [The Russian Language in the 21st Century: Crisis? Evolution? Progress?]. Moscow: Gnozis.

About the author: Natalia V. Yudina, Doctor of Philology, Professor, Director of the Vladimir branch of Financial University under the Government

of the Russian Federation, Professor of the Department of Philosophy, History, Law and Intercultural communication, email: dr.yudina@mail.ru

ОРИЕНТАЛИЗМЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ XXI ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Наталья Владимировна Юдина

доктор филологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, директор Владимирского филиала, профессор кафедры “Философия, история, право и межкультурная коммуникация”, email: dr.yudina@mail.ru

Аннотация

Представленный доклад посвящен актуальной для русского языка XXI века проблеме заимствования и функционирования в современной дискурсивной практике лексических единиц (ориентализмов) из ряда так называемых “восточных языков”. В настоящей работе под “восточными языками” несколько условно понимаются языки, являющиеся официальными языками стран, которые имеют восточные традиции, философию, религию, культуру, а в географическом плане составляют азиатский регион. Анализу подвергнуто более 500 лексем, заимствованных в русский язык в XXI веке из турецкого, арабского, японского и китайского языков и извлеченных из современной русскоязычной дискурсивной практики на основе анализа печатных и аудиовизуальных средств массовой информации. Проведенное исследование позволило выявить некоторые тенденции функционирования ориентализмов в современных русскоязычных лексикографических источниках. Кроме того, делается вывод о новом “восточном” характере мирового процесса лингвистической глобализации и о необходимости обращения внимания современных лексикографов и специалистов в области перевода на проблемы изучения восточных заимствований в современном языкознании.

Ключевые слова: русский язык, дискурсивная практика, лексика, заимствование, ориентализмы.

Список литературы:

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. 736 с.
3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
4. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010. 293 с.

Секция 2

Лингвистический анализ политического дискурса

Метафора как средство актуализации концепта “чужой” в британском политическом дискурсе

Т. В. Алиева

МГИМО МИД России

Аннотация

В статье рассматривается, как в современной британской прессе используется метафора для формирования образа “врага” и образа “друга” при анализе внешнеполитических событий. Выбор той или иной метафоры обусловлен не только ее способностью разделить зоны “своего” и “чужого”, но и своим оценочным потенциалом: посредством метафоры “чужой” может представляться агрессором или доброжелателем, преступником или жертвой.

Ключевые слова: концепт, метафора, оценка, “свой — чужой”, враг, друг, политический дискурс, британская пресса.

Метафора является одним из самых востребованных средств актуализации оппозиции концептов “свой” и “чужой” в политическом дискурсе. И политики, и журналисты неизменно используют потенциал метафоры для того, чтобы сделать текст более резким, ярким или смешным. Однако, пожалуй, наиболее важная особенность метафоры, которая проявляется именно в политическом дискурсе, — это своего рода оценочная априорность, безапелляционность, которая в ней заложена. Метафора позволяет отбросить логику, апеллируя к той области, в которой оценка уже закреплена и не вызывает сомнения: “насильник, хулиган, вор — это преступник, он должен быть наказан”; “сын, мама, друг — это родные и близкие люди, им рады, они нуждаются в помощи и сочувствии”. Проецируя эти модели, автор манипулирует восприятием читателя. Реальный аргумент подменяется чем-то образным, гипотетическим, но, тем не менее, становится порой более эффективным инструментом убеждения.

Если мы обратимся к аналитическим статьям британской прессы, то обнаружим, что при моделировании оппозиции “свой — чужой” их авторы обращаются к метафорам с такими сферами-источниками, как “пространственные отношения” (в том числе “дом”), “война”, “преступный мир”, “семья”, “игра”. Представляется интересным рассмотреть, каким образом оппозиция “свой — чужой” преломляется сквозь призму этих образов и как они могут влиять на градус оценки в отношении “чужого”. Здесь важно принять во внимание то обстоятельство, что “чужой” может восприниматься нами по-разному: как противник, оппонент, враг, или же просто непохожий на нас самих,

и поэтому нейтрально другой, а, возможно, и вовсе как партнер, даже друг. Так, любое другое государство для нас онтологически чуждо, мы отделены границами, историей, культурой, языком, в то же время это государство может быть нашим политическим союзником или идеологическим врагом.

Неудивительно, что именно ориентационные метафоры наиболее часто привлекаются для актуализации оппозиции “свой — чужой”. Употребление ориентационных метафор позволяет выделить, подчеркнуть дистанцию между “своими” и “чужими”, их раздельность, непохожесть, указать на их границы (между “своими” и “чужими” стена, “свой” на одной территории, “чужие” — на другой, “свои” внутри, “чужие” снаружи). Пространственное соотношение позволяет не только репрезентировать оппозиционность “своего” и “чужого”, но и отнести “чужого” к той или иной отметке на оценочной шкале. Чем больше разногласий между “своими” и “чужими”, чем более непохожи “чужие” на “своих”, чем сильнее “чужие” отклоняются от принятых у “своих” норм и ценностей, тем “чужие” дальше и, наоборот, расстояние между “чужими” и “своими” сокращается, если “чужие” оказываются похожими на “своих”, близкими по духу, по ценностным ориентирам.

Примером использования ориентационной метафоры служит такое высказывание в публикации, анализирующей возможный визит премьер-министра Греции Алексиса Ципраса в Москву во время торжеств, посвященных Дню победы: *Tsipras may well go to Moscow for the festivities in May — another occasion that could underline the distance between Germany and Greece, as Chancellor Angela Merkel has already said she will sit this particular jamboree out.* (The Guardian, 23.03.2015) Здесь буквально указывается на расстояние, дистанцию между Грецией и Германией, что характеризует разногласия, существующие сегодня между этими странами. Более того, отказ Ангелы Меркель от участия в праздновании 9 мая не случайно выражается через фразовый глагол *sit out* (не участвовать). Выбор наречия “*out*” (т.е. находящийся снаружи, вне) обусловлен желанием подчеркнуть идею раздельности — автором имплицитно указывается, что если Россия и Греция внутри, то Германия снаружи, страны оказались по разные стороны, между ними проходит невидимая стена.

Довольно распространенным источником ориентационных метафор является сфера “дом”. Метафора “дом” моделирует такое пространственное расположение, в котором отгороженными от остальных, внутри, “дома”, оказываются “свои”. Оппозиция “свой — чужой” выражается через различные метафорические модели понятийной сферы “дом”: “чужие” приводят дом в беспорядок — “свои” наводят порядок; “свои” строят, “чужие” разрушают; в дом приходят “чужие”, непрошенные гости; “свои” закрывают дом, чтобы не пустить “чужих”, и т.д. Представляется, что эта метафора нагляднее других передает

идею “своего” пространства, заключенного в стенах дома — то, что внутри дома — свое, то, что снаружи дома — чужое. Независимо от оценочного знака, который присваивается в таком высказывании “чужим”, их онтологическая сущность заключается в чуждости по отношению к своему, то есть независимо от того, открывают ли им двери дома, приветствуя их, или запирают дом на засов, они являются, прежде всего, чужими.

Так описывается ситуация на Украине вскоре после подписания минских соглашений о прекращении огня: *Last week's "Minsk 2" cease-fire agreement says Ukraine will regain full control of its eastern frontier with Russia only by the end of this year, and only if it holds elections in and gives constitutional "special status" to the Donetsk and Luhansk regions. It also says the Kiev government must go on paying pensions, salaries and "utility bills" for these regions. Think about it. You only get to lock the back door to your house if you cede your sitting room to someone who is holding a gun to your head — and you must pay his rent. (the Guardian, 16.02.2015)* Создается очень сильный, яркий образ: вооруженный преступник находится у вас дома, в гостиной, более того, он приставил дуло пистолета к вашей голове. Автор отрицательно относится к участию России в украинском конфликте и обращается к метафоре для создания ее крайне негативного образа. Проводя параллель с ситуацией, где преступник сидит у вас в гостиной, автор вынуждает читателя согласиться с тем, чтобы воспринимать реальные события также негативно как и он. Представляется, что апелляция к личному опыту (ассоциация с домом), конкретизация образа (не просто ваш дом, а гостиная, не вообще преступник, а человек, который направил на вас ружье) в какой-то степени сужает аналитическое поле, усиливая эмоциональный компонент, подменяя фактический аргумент.

Приведенный пример реализуют оппозицию “свой — чужой” на стыке двух метафор: “дом” и “преступный мир”. При обращении к криминальной метафоре для оценки “чужого” могут задействоваться различные участники данной метафорической модели: преступник, жертва, полицейский, в зависимости от того знака, которым наделяется “чужой”. Наглядной иллюстрацией здесь служит заголовок одной из статей, опубликованной в газете The Guardian: *THE US: WORLD'S POLICEMAN OR SCHOOLYARD BULLY?* (The Guardian, 14.09.13) Вообще образ полицейского довольно часто актуализируется для обозначения внешней политики США (*world policeman*). Подразумевается, что полицейский обеспечивает порядок и, если это необходимо, вступает в борьбу с преступным миром, поэтому в контексте, который касается войны, инициированной Америкой, полицейский — это США, преступник — страна, подвергавшаяся их нападению. Оценочность в таком контексте не однозначна, так как полицейский помимо обязанности следить за порядком, еще

и ассоциируется с властью, превосходством, правом применять силу. Таким образом, метафорическая модель, актуализирующая слот “полицейского”, имеет два вектора: один направлен на сообщение высказыванию отрицательной оценки (вмешиваться в политику чужой страны с привлечением силы плохо), другой — на умаление отрицательной оценки действий, совершаемых “чужим” (вмешиваться в политику чужой страны, если эта страна совершает преступные действия, оправдано, так как делается в целях обеспечения мирового порядка). Сравнение США с полицейскими является своего рода эвфемизмом, выполняющим оправдательную функцию.

Довольно часто источником метафор, также способных образно представить оппозицию “свой — чужой”, оказывается концептуальная сфера-источник “семья”. Как правило, эта метафора привлекается, когда “чужой” характеризуется как партнер и союзник, и отношения между “своими” и “чужими” воспринимаются как близкие. Чаще всего такие семейные отношения устанавливаются между Великобританией и США. Так, в одной из публикаций автор прибегает к развернутой метафоре: *They also hint that Obama is complicit in this theatrical game because he has formed a partnership with Cameron and, while protocol dictates that no preference be expressed for the outcome of May's election, well, ideological “bros” stick together. // The Thatcher and Reagan revolutions were ideological twins without a sibling in the rest of Europe. // The “specialness” of Britain's position is that it can be Europe's voice in America, and America's first cousin in Europe. (The Guardian, 16.01.15)* Отношения между Великобританией и США так близки, как отношения братьев, близнецов. Как правило, партнерство и близость по духу этих двух стран получают языковое выражение через обыгрывание закрепившегося за ними понятия “special relationship”. Обычно авторы обращаются к метафоре “семья” или “любовные отношения”, которые раскрываются не без иронии. Тем не менее, актуализация именно этих метафор в отношении Америки в конечном счете отражает характер тех самых особых, а именно дружеских, партнерских отношений между США и Англией.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что метафоры позволяют передать противопоставленность “своей” и “чужой” групп, очертить их границы, а также сообщить одному из компонентов оппозиции “свой — чужой” оценочность. Проецируя оппозицию “свой — чужой”, метафорическое выражение задействует те понятия сферы-источника, в которых заложена оппозиционность (внутри — снаружи, далеко — близко, полицейский — преступник), или же оппозиционность которых выводится за счет реконструкции фреймового знания. Выбор той или иной метафоры определяет силу воздействия и интенсивность отрицательной или положительной оценки. Параллель с агрессором или с полицейским относит объект к различным позициям на оценочной шкале — обе позиции со знаком “-”, но ин-

тенсивность оценки разная. Представляется, что манипулятивный потенциал метафоры заключается в том, что образное выражение оценки ведет к тому, что она воспринимается как безапелляционная, априорная. Обращение к той сфере-источнику метафоры, где оценка уже зафиксирована и где оценочные знаки четко расставлены, фактически снимает необходимость аналитического восприятия ситуации.

Сведения об авторе: Алиева Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры английского языка №1 МГИМО МИД России; email: t.alieva@rambler.ru

METAPHORS AS REPRESENTATION OF THE CONCEPT “THEY” IN THE BRITISH POLITICAL DISCOURSE

Tatiana V. Alieva

PhD, Senior Lecturer, MGIMO University;

email: t.alieva@rambler.ru

Abstract

The article analyzes how a metaphor can shape the image of “the enemy” and the image of “the friend” in the coverage of foreign policy events. The choice of a particular metaphor is determined by its ability to divide “them” from “us”, as well as its evaluation capacity. A metaphor can serve as an instrument to present “them” as an aggressor or a well-wisher, as a bully or a victim.

Key words: concept, metaphor, evaluation, “we — they”, enemy, friend, political discourse, British press.

Функции метафорического моделирования в политическом дискурсе

Т. В. Андрюхина
МГИМО МИД России

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые функции метафорического моделирования в политическом дискурсе. Отмечается новая актуальность, которую приобретает изучение концептуальной метафоры в когнитивно-дискурсивной парадигме. Статья рассматривает использование метафоры как средства познания для концептуализации

понятийной области политики, указывающее на системность и универсальность моделей политических метафор в национальных политических дискурсах. В статье также анализируются примеры метафорического моделирования политической повестки отдельных политиков на разных отрезках политического дискурса и способность метафоры конструировать и реконструировать реальное и виртуальное понятийное поле политики, продуцируя оценку. Устанавливается связующая роль метафор в отдельных дискурсивных актах и в разных типах политического дискурса, а также концептуальный механизм эволюции политического дискурса в его исторической перспективе, опирающийся на эволюцию метафорических моделей.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическое моделирование, политический дискурс.

Изучение концептуальной метафоры в когнитивно-дискурсивной парадигме приобретает новую актуальность в свете последних исследований. Интересными представляются те из них, которые более гибко трактуют постулат о регламентированности понятийной сферы-цели сферой-источником, делая акцент на открытости и изменчивости метафорических моделей [2; 3; 7]. Такой подход позволяет увидеть за установлением аналогии между двумя ментальными областями и другие назначения процессов метафорического моделирования в политическом дискурсе.

При трактовке концептуальной метафоры как **средства познания** какой-либо абстрактной сферы ученых интересует, как моделируется данная понятийная область. Исследователи метафоры в политическом дискурсе усматривают системность использования некоторых концептуальных метафор, а именно: война, строительство, дорога, бизнес и др. Анализ рассмотренных примеров указывает также на универсальность политической метафоры в политическом дискурсе США, Великобритании и России [1; 5; 6], например:

- Как строитель могу сказать: мы уже давно прошли “нулевой цикл”, *воздвигли стены, подвели их под крышу...* (Б. Н. Ельцин, 1996).
- We [the UK] come as a brand — a powerful brand. (David Cameron, February 2014).
- *The road ahead will be long. Our climb will be steep. We may not get there in one year or even in one term* (Barak Obama, 2008).

Использование разных метафор позволяет конструировать понятийную область политики по-новому, выстраивая каждый раз новый понятийный каркас в опоре на разные концептуальные метафоры. **Конструирующая** функция метафоры в политическом дискурсе используется для моделирования повестки нового политика, нового этапа политической деятельности и т. п. Так, с именем Рейгана связана

метафора “star wars”; с именем М. С. Горбачева — метафора “перестройка”; с именем Клинтона — метафора “bridge to the 21st century” и т. п.

С конструирующей тесно связана **реконструирующая функция** метафорического моделирования. Так, метафорическая “перекличка” в речах Билла Клинтона и его оппонента Боба Доула основывалась на метафоре “мост”, репрезентирующей более общую темпоральную метафору “ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ”. В речах политиков эта модель по-разному актуализирует слот “направление движения”. В дискурсе президента Клинтона происходит рефрейминг [4] метафоры Доула, актуализирующий слот “движение в будущее”. Благодаря метафорическому рефреймингу в общем предвыборном дискурсе кандидатов создается концептуальный контраст:

1) [...] Age has its advantages. Let me be *the bridge to an America that only the unknowing call myth. Let me be the bridge to a time of tranquility, faith, and confidence in action.* (Bob Dole’s Acceptance Speech August 15, 1996).

2) [...] But with all respect, we *do not need to build a bridge to the past. We need to build a bridge to the future.* (Bill Clinton, 1996).

Моделирующая функция метафоры может состоять также в **конструировании оценки**. Регулярное сопоставление двух понятийных доменов приводит к постоянному выдвиганию одних, но и также к регулярному сокрытию других элементов этих ментальных областей. Так, концептуальная метафора “ПОЛИТИКА — ЭТО СТРОИТЕЛЬСТВО” в речи президента Обамы The New Foundation Address устанавливает устойчивые аналогии между проведением политики и процессом строительства. Между тем в тени остаются негативно окрашенные концептуальные элементы метафоры, а именно возможность наличия сыпучих и неустойчивых грунтов на месте строительства, что в целом указывает на неустойчивость сооружения, то есть слабость политического курса. Примечательно, что в речи президента Обамы этот негативно окрашенный элемент концептуальной метафоры выходит из тени в том отрезке, где политик критикует политику своего предшественника президента Дж. Буша-младшего (on the same pile of sand). При этом все положительно окрашенные концептуальные элементы метафоры относятся к новой политической программе самого Обамы:

We cannot rebuild this economy on the same pile of sand. We must build our house upon a rock. We must lay a new foundation for growth and prosperity. (President Obama, 2009).

Характерной для политического дискурса является функция концептуальной метафоры **моделировать виртуальную политическую реальность**. С этой целью политический дискурс одного политического направления по актуальной теме строится в опоре на такую метафору, которая способна моделировать политическую реальность не во всей ее полноте, а в нужном ключе. В результате ментальная картина

желаемой политической реальности выдается за действительную. Например, в политическом дискурсе консервативной партии накануне референдума о независимости Шотландии была выбрана метафора “семья”, моделировавшая межгосударственные отношения Шотландии и Англии как союз супругов, стремящихся сохранить брак:

A divorce from Scotland would be stupid, wretched and painful. Like a bickering couple, our countries need a counsellor to step in and make us see sense. (Boris Johnson, 24 Nov 2013 the Telegraph).

Очевидно, что метафорическое моделирование выполняет **связующую роль** в текущих дискурсивных актах. Представляется, что процессы концептуального моделирования также способны обеспечивать связность политического дискурса в его исторической перспективе [9] в опоре на эволюционирующие в новом политическом контексте и дискурсе метафорические модели [8]. Представляется, что эволюционирующие метафорические модели могут служить **концептуальной основой эволюции** самого **политического дискурса**. Примером может служить метафора “мост”, которая видоизменяется от одного дискурсивного акта к другому, связывая отдельные отрезки прошлого и настоящего предвыборного американского дискурса:

Hillary Clinton's rickety bridge to the White House

[...] In the absence of new ones [ideas], Mrs Clinton's bridge to the White House looks *rickety* [...]. (The Financial Times, 30 November 2014).

Итак, результаты анализа метафорического моделирования в политическом дискурсе демонстрируют его значительный функциональный потенциал в условиях диалектического взаимодействия его когнитивных и дискурсивных параметров.

Список литературы:

1. Баранов А. Н., Ю. Н. Караулов. Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994. 351 с.
2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2000. 238 с.
3. Barnden, J. A., Glasbey, S. R., Lee M. G., Wallington A. M. Varieties and directions of inter-domain influence in metaphor // *Metaphor and Symbol*. 2004. Vol. 19. № 1. P. 1–30.
4. Benoit W. L. Framing through temporal metaphor: the “bridges” of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses. *Communication Abstracts*, 24(6), 2001. P. 743–793.
5. Koteyko N., Ryazanova-Clarke L. The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? // *Slavonica*, Vol. 15, No. 2. W.S. Maney & Son Ltd, 2009. P. 112–127.
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphor We Live By*. Chicago : University of Chicago Press. 1980, 2003. 256 p.

7. Musolff A. Metaphor and conceptual evolution // *Metaphorik.de*. 2004, № 7. P. 55–75.
8. Musolff A. *Metaphor and Political Discourse: Analogical Reasoning in Debates about Europe*. Palgrave Macmillan, 2004. 224 p.
9. Musolff A. *Metaphor in the Discourse-Historical Approach* / Christopher Hart & Piotr Cap (eds.) // *Contemporary Critical Discourse Studies*. London : Bloomsbury, 2014. P. 45–66.

Сведения об авторе: Андриякина Татьяна Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка № 4 МГИМО МИД России; email: anaitat@yandex ru

FUNCTIONS OF METAPHORICAL FRAMING IN POLITICAL DISCOURSE

Tatiana V. Andryukhina

Associate Professor, MGIMO University, Russia; email: anaitat@yandex.ru

Abstract

The article looks at some functions of metaphorical framing in political discourse. The article notes the importance of cognitive dimension of metaphor as well as the salience of discourse paradigm in cognitive metaphor studies. The article examines metaphor as a device of conceptualizing the domain of politics and makes an observation about the universal character of metaphorical models in national political discourse varieties. Metaphorical framing is used to structure political agendas at different stages of political process. Examples show the potential of conceptual metaphor for constructing and reconstructing the actual and virtual cognitive domain of politics as well as framing assessment. Metaphors are used throughout political discourse performing their cohesive discursive function. The evolutionary nature of metaphorical models in the historical-discourse perspective can serve as a conceptual basis for political discourse evolution.

Key words: conceptual metaphor, metaphorical framing, political discourse, presidential discourse, political mass-media discourse.

References:

1. Baranov, A. N. & Karaulov, Y. N. (1994). *Slovar Russkikh Politicheskikh Metaphor* [Dictionary of Russian Political Metaphors]. M.: Pomovsky i Partnyory.
2. Chudinov, A. P. (2003). *Rossiya v Metaphoricheskom Zerkale: Kognitivnoe Issledovanie Politicheskoi Metaphory (1991–2000)* [Russia in Metaphorical Mirror: Cognitive Study of Political Metaphor]. 248 p.
3. Barnden, J. A., Glasbey, S. R., Lee, M. G. & Wallington, A. M. (2004). Varieties and directions of inter-domain influence in metaphor. *Metaphor and Symbol*, 19(1), 1–30.

4. Benoit, W.L. (2001). Framing through temporal metaphor: the “bridges” of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses. *Communication Abstracts*, 24(6), 743–793.
5. Koteyko, N. & Ryazanova-Clarke, L. (2009). The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? *Slavonica*, 15 (2), 112–127.
6. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980). *Metaphor We Live By*. University of Chicago Press, 256 p.
7. Musolff, A. (2004). Metaphor and conceptual evolution. *Metaphorik.de*, 7, 55–75. Retrieved March 27, 2015, from http://www.metaphorik.de/sites/www.metaphorik.de/files/journal-pdf/07_2004_musolff.pdf
8. Musolff, A. (2004). *Metaphor and Political Discourse: Analogical Reasoning in Debates about Europe*. Palgrave Macmillan, 224 p.
9. Musolff, A. (2014). Metaphor in the Discourse-Historical Approach. In C. Hart & P. Cap (Eds.), *Contemporary Critical Discourse Studies* (45–66). London: Bloomsbury.

Linguistic Analysis of Political Discourse in Slovakia and in the EU Epitomized in the Respective Speeches of the Slovak Prime Minister Róbert Fico and the German Federal Chancellor Angela Merkel

Mgr. Lucia Gibl'áková

University of Economics in Bratislava

Abstract

The objective of this paper is to examine the lexical units chosen by leaders of Slovakia and Germany for their public speeches and the message their choice of vocabulary conveys on grammatical, semantic and psychological, both conscious and subconscious level. The conclusions drawn from the analysis should shed some light on the course of action European Union might embark on under the continued leadership of Angela Merkel, the sentiment of small Member States the Slovakia might be a quintessential representative of and whether the Union is as diverse as it is asserted or whether there is an underlying purpose strong enough to keep it together.

This paper is to offer some insight into the micro climate of Slovak political discourse (and by “micro” I mean Slovakia’s minuteness in comparison to much larger societies) within the context of a larger body of European Union’s grapple with the economic near disaster brought about by the collapse in global markets, bursting of real estate bubbles in several countries on both sides of the Atlantic, economic slump and the euro currency crisis

and sovereign debt crisis which nearly upended the EU altogether while the end of this plight is still not nigh. On the sample of Slovakia, I would like to illustrate the current shifts in popular sentiment of disillusionment over Greek bailout on one hand, whereas Spanish long term unemployment; Muslim extremism in France, etc. have had little impact on Slovak population in general if we are to believe our Prime Minister, Róbert Fico on the other hand. All this should be compared to the context of a larger picture painted by Mrs. Merkel, effectively representing the European Union nowadays, and the extent of alignment of a tiny nation's perceptions and interests with this wider picture should be examined.

Definition of the method

According to Ruth Wodak and Michael Meyer, critical discourse analysis sees language as social practice and considers the context of language use to be crucial. Describing discourse as a social practice implies a dialectical relationship between a particular discursive event and the situation(s), institution(s), and social structure(s) which frame it. The discursive event is shaped by them, but it also shapes them. That is, discourse is socially constitutive as well as socially conditioned — it constitutes situations, objects of knowledge, and the social identities of and relationships between people and groups of people. It is constitutive both in the sense that it helps to sustain and reproduce the social status quo, and in the sense that it contributes to transforming it. Since discourse is so socially consequential, it gives rise to important issues of power. Discursive practices may have major ideological effects.¹ To sum up the task ahead, I would like to take a look at how ideology is conveyed and power imposed through political discourse in the EU.

Power talks

Angela Merkel has emerged as an undisputed leader of the EU averting the Grexit in the first place and possible disintegration of the Eurozone and the European Union in the longer run. Although vigorously criticized (different editorials of the Forbes magazine, just to mention one vocal example) and constantly scrutinized, she has not succumbed to enormous pressures and has not wavered in pursuing her nation's interests, which seem to be inextricably entwined with common interests of the European Union Member States. For the sake of making a point, I have chosen to analyze three of her recent speeches, namely the Speech by Federal Chancellor Angela Merkel to the OECD Conference on February 19, 2014 and the Speech by Federal Chancellor Angela Merkel in London on February 27, 2014 — both made in the heat of Ukrainian sovereignty crisis resulting in Russian annexation of Crimea — and then the Speech by Federal Chancellor Angela Merkel to the Lowy Institute for International Policy made on November 17, 2014 in Australia.

What links all these speeches together is a substantial prevalence of nouns over verbs. For example, in the first seven paragraphs of the last mentioned speech, there are 124 nouns and only 43 verbs, if we do not include 14 copulas, out of 559 words in total. The lexicon consists of the following recurring words and phrases: “sphere of influence”, “contain”, “stability”, “peace and / or peaceful”, “effort”, “economic and / or economically”, “integration”, “conflict”, “dispute”, “diplomacy”, “faith”, “institutions”, “communication”, “dialogue and / or talk and / or speak”, “mutual trust”, “cooperation”, “community and / or common”, “Russia”, “Ukraine”, “law” and “rule” independently of each other or “the rule of law respectively”, “crisis”, “war”, “structural reforms”, “growth”, “value(s)”, “globalization”, “power”, “democracy”, “freedom”, “faith”, “strong and / or stronger”.

At the height of the Ukrainian unrest in February 2014, the two speeches, delivered in short succession one after the other, do not conceal German Chancellor’s indignation at what was happening. The most frequently used word on February 19 was “crisis” or “crises” respectively. After February 21, 2014 when President Viktor Yanukovich fled the Ukrainian capital Kiev, the Ukrainian parliament officially removed him from power the next day, and appointed an interim President, Oleksandr Turchynov, who formed an interim government, the new Ukrainian government was recognized by the United States and European Union but was rejected by Russia, who condemned the Turchynov government as illegitimate and the result of a coup d’état. On 23 February pro-Russian protests were held in the Crimean city of Sevastopol. Beginning on February 26, pro-Russian forces began to swiftly occupy strategic positions and infrastructure across the Crimean peninsula², the speech delivered by Mrs. Merkel on February 27 was a cry for freedom. She says: ‘For me personally, as for millions of people behind the Iron Curtain, the fall of the Berlin Wall in 1989 was a moment of incredible happiness. I learned first-hand: change — change for the better — is possible. ...keeping in with times, Europe can continue to fulfil its promise to ensure peace, freedom and prosperity.’³ Whatever the historical, political, strategic and economic reasons there might be to be cautious to condemn either party too readily, the impression the above quote imprints is the decision about the value system people choose to inhabit should rest with them. Old barriers, once perceived as insurmountable, can be removed. Historical determinants can be thrown out of the window if democratic ideals prevail, however, experience is non-transferable regardless the grandiose invocations.

In the uneasy position of navigating through an ever growing tension between the Russian Federation and the EU, she chooses her words carefully to display the firm stance of the EU as one entity. She mentions European values dear to European citizens 500 million strong. The values many generations fought and died for. Democracy. Rule of law. Friendship.

Cooperation. Integration. Justice. But above all the one value which draws emotional response the best: Freedom.

Then she continues to support her stance by acknowledging that both, the financial and the sovereign debt crises have done their damage, but by surviving the worst, European Union is emerging from the wreckage economically sounder. “When it comes to tackling the crises, it cannot simply be enough just to try to survive somehow. We must set our sights higher. Our aim must be to come out of the crises stronger than we were at the start.” The salience of European economic strength is further underlined: “We in the European Union make up seven percent of the world’s population. We still generate around 25 percent of global economic output.”⁴

“Strength”, “strong” and “stronger” appear throughout this powerful speech, because even though the pitch was to be made to the United Kingdom, the message can be interpreted as saber rattling in the light of what was happening on the eastern Schengen border. So is the call for the “rule of law”. In spite of Mrs. Merkel’s substantial use of “crisis”, “war” and “conflict”, the power she speaks about is the power of reasoning and the strength of arguments. She, however, does not shy away from naming the things as they are. The use of the latter set of words comes in equal proportion to the use of freedom. It is even 18 to 17 mentions respectively. Clearly, the war is on the politicians’ agenda. What the belligerent vocabulary might convey is that Europe could be ready to defend its values and its interests by endorsing, funding and actively engaging in military operations. However, those should be strictly contained.

If the events of the past seven years have had any impact on the course of European politics, it is the resolution of European politicians to adhere to the European project surmounting enormous obstacles in the process. Their resolve has hardened. They themselves have toughened. The electorate has tolerated the policies implemented; the austerity measures have been accepted. If hardship has any universal lesson to teach, then it is a lesson of endurance. If Mrs. Merkel speaks for the EU as its one voice on the international stage, she is truly mandated to do so. A lot has been said about how fragmented we, the EU member nations, are. Notwithstanding, the march of solidarity in Paris on 11th of January 2015 where both, Angela Merkel and Sergei Lavrov took part, was a huge display of our commonness, solidarity and integration in the narrower context and demonstration of the same in the larger context of cultures shaped over the centuries by Christian and Judaic values.

I would like to summarize the Chancellor’s rhetoric by my personal assertion that nouns, unlike verbs, convey inaction. The verbs are mobilizing, the nouns are enticing. The verbs say: “Let’s do it!” the nouns say: “Let’s talk.” Regardless the context in which the speeches were pronounced and notwithstanding the fact the Chancellor, upon mentioning “war” only did so in commemoration of the two World Wars, the words like conflict and

crisis seem to make their way into all three speeches. Thus, the context may be significant to the conscious perception, but the subconscious or the unconscious collective mind of Europeans resonates with these unwelcome concepts. In this extremely precarious atmosphere the arms have been taken up. The blood has been shed. The lives have been lost forever. If we want to avoid escalation, the European Union should start talking peace. In the three analyzed speeches, there is no mention of peace in one. And the word appears only eleven times in the two remaining speeches combined. We should take heed.

Region speaks its own language

If Slovakia's Prime Minister and German Chancellor have anything in common, then these commonalities are reserved to rather a few words: "economic", "economy", "growth", "prosperity" and "crisis". Of course, the differences in position, role and importance of the two political figures are huge, as are their respective responsibilities and varying degree of their enthusiasm about the euro currency. Below the excerpt from the speech delivered by Mr. Fico one year after Slovakia adopted the euro on January 1, 2009: "The historical and unprecedented moment the other countries might have been appreciating much longer was met with the return to new normal rather abruptly. Success is not in in Slovakia. Don't hold a grudge against me if I say it like this, but as soon as we succeed in something in Slovakia, it's over very quickly, it is a matter of three days. People would say that everything is the way it is supposed to be; that things happen automatically and nobody should claim any credit for them. We simply have the euro and that is it. However, those of you who are here know very well it did not go so easily and that it required hard and demanding work to implement the euro. The euro implementation should serve as a means to achieve higher standard of living in Slovakia."⁵

Fast forward to June 24, 2014, the only available speech rendered in writing apart from many televised discourses of the Prime Minister focuses again solely on the euro and Slovakia's ten year long membership in the European Union. "Slovakia's decade in the European Union has been extraordinarily successful and Slovakia has made the best use of potential and tools the membership in this institution has brought along. The membership in the European Union gives our country a perspective. I would recommend any country having this ambition to see it through. It is worth it and Slovakia is a very good example thereof. The funding Slovakia receives from the EU is irreplaceable. Up to eighty percent of the total public investment in Slovakia is covered by these funds."⁶

I think the contrast the speeches underpin could not be more pronounced. On one hand, there is the dominant European economy shouldering responsibility for European foreign policy, strategic alliances, critical negotiations and the future of the European project. On the other

hand, there is a small country rather selfishly pursuing its own vision of material happiness under the apparently benevolent auspices of its big partners, relatively unconcerned about the looming problems ahead, which could be grave for the big and the small alike. As much as Mrs. Merkel appears lofty, so much Mr. Fico appears petty. On the sample of 134 words, Slovakia's Prime Minister used also more nouns than verbs, the respective ratio being 2.5 in comparison with German Chancellor's ratio of 2.9 on a larger sample of 296 words. Where Mrs. Merkel appears cautious and prudent, Mr. Fico appears more action oriented and apart from two major word categories, he is also ample with adjectives praising the work of his government.

This short paper underlines rather divergent paths pursued by very much unequal Member States as is duly reflected in their public utterances. On one hand, some might say how disparate European Union is. On the other hand, it is inconceivable Slovakia could swap roles with Germany. What we have in common, though, is a joint sense of togetherness. Any public speech pronounced by a representative of a Member State simply cannot do without drawing links to our common life, common institutions and common rules. For all our differences we strive for the same. And that same aim is first and foremost sound economy facilitated by being politically on the same page. For all its shortcomings and imperfections, the European project has a widespread support. Like Angela Merkel so Robert Fico are no novices to politics. They speak with confidence backed by popular vote, and that is one of the core strengths of the concept of democracy.

References:

- ¹ Wodak, Ruth & Meyer, Michael. (2009). *Methods for Critical Discourse Analysis*. SAGE Publications Ltd. P. 6.
- ² http://en.wikipedia.org/wiki/Ukrainian_crisis
- ³ <http://www.bundesregierung.de/Content/EN/Reden/2014/2014-02-28-brit-parlament-en.html?nn=709674>
- ⁴ <http://www.bundesregierung.de/Content/EN/Reden/2014/2014-02-28-brit-parlament-en.html?nn=709674>
- ⁵ <http://www.strana-smer.sk/6568/robert-fico-bankova-unia-bude-chra nit-rozpocyt-clenskych-statov-eu>
- ⁶ <http://www.strana-smer.sk/7133/robert-fico-partnerska-dohoda-je-pre-slovensko-zivotne-dolezity-dokument>

Mgr. Lucia Gibláková

University of Economics in Bratislava, School of Applied Languages,
Department of Intercultural Communication & Prešov University,
Philosophical Faculty, Institute of British and American Studies;
email: giblakova@iluminata.sk

К вопросу о соблюдении норм речевого этикета в выступлениях иранских политиков

Е. Л. Гладкова
МГИМО МИД России

Аннотация

Проблема соблюдения норм речевого этикета в высказываниях иранских политиков в целом сводится к вопросу о средствах политической борьбы. Рассматривая эту проблему с позиции агональности, можно сделать вывод, что политики, прибегая к потивопоставлению “свой — чужой”, стремятся повысить собственный авторитет и понизить авторитет оппонента, причем делают это умело, оперируя понятиями “нация” и “народ”, “религиозные ценности”, “соблюдение и несоблюдение духовных, религиозных и международных норм и обязательств”.

Несоблюдение норм речевого этикета со стороны политиков (некорректные высказывания в адрес оппонентов, наклеивание ярлыков, употребление просторечных выражений и т.д.) считается недопустимым с точки зрения культуры политического общения, в частности, и персидского языка в целом, поскольку он является в Иране национальным достоянием. Однако нарушения речевого этикета также используются как инструмент политической борьбы и допускаются в основном с целью оказания максимального воздействия на аудиторию.

Культура речи политиков в последнее время стала предметом для обсуждения в СМИ, что отражает современные тенденции развития языка политики.

Ключевые слова: речевой этикет, иранские политики, агональность, речевая агрессия, персидский язык.

Вопрос о соблюдении речевого этикета политическими деятелями становится предметом обсуждения, поскольку в настоящее время политики самого высокого уровня позволяют себе некорректные высказывания в адрес своих оппонентов не только на внутренней, но и на мировой арене.

Поведение такого рода, которое можно рассматривать как проявление речевой (вербальной) агрессии — “словесного выражения негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой для данной ситуации форме” [8, с. 15], заставляет задаться вопросом: является ли агрессия следствием повышенной эмоциональной реакции, или это продуманный политический ход с целью усилить воздействие на аудиторию?

Современные условия, когда высказывание даже в узком кругу может стать достоянием гласности благодаря интернету и социальным сетям, очевидно, требуют от официальных лиц повышенной ответственности за то, что они говорят. Ибо умение соблюдать речевой этикет в любой ситуации является “показателем сильной языковой личности политика” [6], а проявление ненужных эмоций неизбежно снижает его авторитет.

В Иране существует своего рода “кодекс вежливого поведения”, именуемый *ta'arof*. В словарях современного персидского языка среди многочисленных определений этого широкого понятия находим следующие: *ta'arof* — *re'ayat kardan-e ādāb-o rosum*, *re'ayat-e tašrifāt* — “соблюдение обычаев”, “соблюдение протокола” [1, т. 1, с. 622].

Ta'arof включает также формулы речевого этикета, которые необходимо соблюдать на самых разных уровнях социального общения — от бытового до официального.

Именно поэтому несоблюдение норм речевого этикета со стороны иранских политических деятелей высокого уровня может вызвать значительный резонанс в обществе.

Примеры речевой агрессии можно ярче всего проиллюстрировать, рассматривая выступления политиков с позиции **агональности** — “борьбы двух идей, где ... борьба и победа составляют главную цель общения” [5], а “избираемый способ общения предопределен... как наличием **противоборствующих сторон**, так и наличием **адресата-наблюдателя**” [5], для которого и “разыгрывается представление”.

Политическая борьба в современном Иране, как и во многих других странах, ведется по двум основным направлениям: противостояние **внешним** и **внутренним оппонентам**. При этом внешние оппоненты именуются *taraf-e toqābel* — “противоположная сторона”, в то время, как внутренних оппонентов в основном называют *montaqedān* — “критики”.

Борьба с оппонентами реализуется в основном в рамках тактик “Анализ — плюс” — “Анализ — минус”, т.е. в стремлении повысить собственный статус и понизить статус противника.

В отношении борьбы с **внешними оппонентами** можно привести следующие примеры агональности:

“стойкость” (иранского народа) *esteqāmat, isārgari* — “противостояние диктату и навязыванию” *moqābele bā zurguyi va tahmil*;

“приверженность обязательствам” *pāybandi be ta'hhodāt* — “несоблюдение международных норм” *pāyband nabudan be qavānin-e beyn ol-melali*,

“открытость” *sarāhat* — “неискренность” *harf-e qeyr-sādeqāne*, “прозрачность” *šaffāfiyyat* — “двуличие” *do jur harf zadan*,

“доверие” *e'temād* — “недоверие” *adam-e e'temād* (это противостояние стало особенно популярным после начала переговоров “шестерки” с Ираном по ядерной программе).

В противостоянии **внутренним оппонентам** выделяются следующие позиции:

“верность” *vafādāri* — измена *xiyānat*

“приверженность нормам ислама” *pāybandi be ta'hhodāt-o mavāzin-e dini* — “лицемерие” *moqaddasnamāyi* (букв. “лжесвященничество”).

“доверие” *e'temād* — “недоверие” *ādām-e e'temād* (неслучайно лозунгом наступившего 1394 года стало “солидарность и общий язык правительства и народа” *hamdeli-o hamzabāni-ye dowlat-o mellat*).

Таким образом, политики, пользуясь приемом противопоставления “свой” — “чужой”, стремятся оказать воздействие на аудиторию, при этом возвеличивая не себя лично, а, в первую очередь, страну и народ.

В выступлениях иранских политиков встречаются также такие приемы, как ирония, использование бранных выражений и грубых выпадов, употребление просторечных выражений, осмеяние и насмешка, наклеивание ярлыков.

На первый взгляд, эти приемы недопустимы с позиции “экологии персидского языка” (а персидский язык, как известно, считается в Иране национальным достоянием), и их можно было бы рассматривать как “выражение антинормы, как средство засорения речи, как фактор, оказывающий отрицательное воздействие на адресата...” [7, с. 205].

Однако можно предположить, что проявления речевой агрессии в выступлениях иранских политиков являются политически обоснованными, рассчитанными на реакцию адресата-наблюдателя.

Перечисленными приемами успешно пользовался еще имам Хомейни. В его высказываниях присутствует целый ряд выражений, направленных на дискредитацию оппонентов: иронические — “простофиля” *sādelowh*, насмешливые — “дурак” *ahmaq*, ярлыки — “изменник” *xā'ēn*, метафоры — “сладкоречивые змеи” *mār'hā-ye xo'shatt*, “отравленные слова” *qalamhā-ye masmum*, просторечные — “дать по зубам” *mošt tu-ye dahān zadan*.

В выступлениях Духовного лидера аятоллы Хаменеи нарушения речевого этикета являются следствием намерения сделать речь максимально доступной для широких масс населения и тем самым оказывать наибольшее воздействие на аудиторию. Трудно предположить, что лицо, обладающее неоспоримым авторитетом, может утратить контроль над тем, что он говорит.

Тем не менее, Духовный лидер допускает употребление выражений, несовместимых, на первый взгляд, с культурой политического общения, начиная с наклеивания ярлыков (“дураки и изменники” *ahmaq, xā'ēn* — о внутренних оппонентах, “тупицы” *gardankoloft* — о членах парламента, “бандиты”, невежды” *goldorhā, jāhelhā* — о внешних оппонентах) и кончая вульгаризмами (“оставить в дураках” *kolāh pas-*

e ma'roke bud, “к черту” *be darak*). Присутствуют в его выступлениях также метафоры: “крепко сжатый кулак” *mošt-e mostahkam* — об армии, “бешеные собаки” *saghā-ye hār* — о противниках и т.д.

Среди политических лидеров, известных нарушениями речевого этикета, выделяется президент М. Ахмадинежад (2005–2013 гг.), проводивший жесткую политическую линию и резко полемизировавший со своими оппонентами как на международной арене, так и внутри страны, где в последний срок пребывания на посту подвергался критике.

Нарушения норм речевого этикета допускает и нынешняя политическая элита. Так, в конце августа прошедшего года настоящую бурю в политической среде вызвало высказывание президента Х. Роухани, назвавшего своих оппонентов “политическими трусами” *bozdele-e siyāsi* и предложившего им отправиться “ко всем чертям” (букв. “в ад” *be jahannam*) Особый смысл эпизоду придало то, что Х. Роухани позиционирует себя как “умеренный” *e'tedālgarā* (в противовес “консерваторам” *osulgarāyān* и “реформаторам” *eslāhtalabān*).

Газета “Кейхан” опубликовала статью под заголовком “Дискурс умеренности Роухани проявился в том, что он послал своих оппонентов к черту” [4], а канал BBC, вещающий на персидском языке, разместил на своем сайте критическую статью, подчеркивая, что иранские политические деятели стали употреблять выражения, несовместимые с нормами речевого этикета, после Исламской революции [3].

Президенту пришлось давать объяснения в парламенте. При этом даже его сторонники порекомендовали ему избегать подобных высказываний, т.к. “словесная вражда дестабилизирует общество” [2].

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что нарушения речевого этикета используются как инструмент политической борьбы и допускаются в основном с целью оказания максимального воздействия на аудиторию.

Список литературы:

1. Анвари Х. Краткий словарь персидских слов. В 2-х томах. Тегеран: изд-во Мосаввар, 2006. — 2704 с.
2. Афтаб. 23 мордада 1393 (14 августа 2014). С. 1,6
3. Борзгяр Джамшид. Как говорят руководители ИРИ (на перс. яз). Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/08/140810_jb_iran_leaders_language.shtml
4. Кейхан. 21 мордада 1393 (12 августа 2014 года). Режим доступа: <http://www.persine.com/fa/print/194360>
5. Михалёва О. Л. Политический дискурс: способы реализации агональности. Режим доступа: <http://rus-lang.isu.ru/about/group/mikhaleva/state/2>
6. Рядчикова Е. Н., Тхакушина Ж. Б. Речевой этикет как показатель сильной языковой личности политика. Режим доступа: <http://су->

berleninka.ru/article/n/rechevoy-etiket-kak-pokazatel-silnoy-yaziko-
voy-lichnosti-politika.html

7. Шамне Н. Л., Карякин А. В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер.2, Языкозн. 2011. № 1(13). — с.204–208.
8. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. — М.: изд-во ЛКИ, 2008. — 360 с.

Сведения об авторе: Гладкова Елена Львовна, к. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой индоиранских и африканских языков, МГИМО МИД России; email: egladkova57@gmail.com

ON THE SUBJECT OF SPEECH ETIQUETTE IN IRANIAN POLITICIANS DISCOURSE

Elena L. Gladkova

PhD, Head of the Department of Indo-Iranian and African Languages,
MGIMO University; email: egladkova57@gmail.com

Abstract

In Iran the certain unwritten code of conduct named “ta’rof” is if not strictly obligatory, but highly desirable to follow, especially in high-educated persons’ speech including first of all politicians. Therefore is quite easy to conclude that violation of this code such as using bad language, insults, colloquial expressions, labels etc. is mostly performed deliberately in order to increase the impact on the audience. The methods frequently used by Iranian political leaders are aimed to increase their own authority and decrease the authority of their opponent which comes down either to internal struggle for power within the country or to struggle with opponents on the international level. However the problem of violation of speech etiquette rules has been recently attracting the attention of Iranian political society, because of its concern for the purity of Persian language which is considered to be the national treasure of the rich Persian culture.

Key words: speech etiquette, Iranian politicians, Persian language, word fight.

References:

1. Anvari H. Farhange Feshordeye Farsi. Do jeldi. Tehran: nashriyyate Mosavvar, 1385. — 2704 с.
2. Aftab. 23 mordad 1393 (August, 14 2014). С. 1,6
3. Borzgar J. Rahbarane Jomhuriye Eslamiye Iran chegune harf mizanand? Available http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/08/140810_jb_iran_leaders_language.shtml
4. Keyhan. 21 mordad 1393 (August, 12 2014). Available <http://www.persine.com/fa/print/194360>

5. Mihaleva O. L. Politicheskiy diskurs: sposoby realizatsii agonalnosti. [Political Discourse: the Ways of Drawing Analogies] Available <http://rus-lang.isu.ru/about/group/mikhaleva/state/2>
6. Ryadchikova E. N., Nhakushina Zh. B. Rechevoy etiket kak pokazatel' silnoy yazykovoy lichnosti politika. [Speech Etiquette as a Sign of the Politician's Strong Language Personality] Available <http://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-etiket-kak-pokazatel-silnoy-yazykovoy-lichnosti-politika.html>
7. Shamne N. L., Karyakin A. V. Rechevaya agressiya kak narusheniye ekologichnosti politicheskogo diskursa [Speech Aggression as the Breach of Political Discourse]// Vestnik Volgogr. Gos. un-ta. Ser. 2, Yazykoz. 2011. No.1(13). — с. 204–208.
8. Scherbinina Y. V. Verbal'naya agressiya [Verbal Aggression] / Y. V. Scherbinina. — М. : LKI, 2008. — 360 с.

Искажение реальности в политическом медиадискурсе

Э. В. Егорова, О. И. Осетрова

Ульяновский государственный университет

Аннотация

Работа посвящена формированию лингвоментальной картины политического мира посредством электронных СМИ. Исследование проведено на языковом материале, полученном в результате тематической выборки публикаций на сайте The New York Times с упоминанием слов Ukraine и Russia и охватывающем первый этап украинского политического кризиса. Рассматриваются частотность употребления определенных лексических единиц, случаи эвфемизации и дисфемизации, намеренного искажения слов и другие лексические и словообразовательные манипуляции, влияющие на релевантность представляемой СМИ политической картины мира. Делается вывод о целенаправленном создании параллельной дискурсивной реальности и формировании нерелевантных представлений о событиях на Украине у посетителей сайта The New York Times, а также об активной эксплуатации стереотипа о России как политической преемнице Советского Союза.

Ключевые слова: политическая картина мира, релевантность, информационная война, электронные СМИ.

Одним из основных современных средств формирования лингвоментальной картины политического мира стали электронные СМИ, успешно конкурирующие с телевидением. Как для политического, так

и для медийного дискурса характерна выборочная передача данных, то есть информация фильтруется, некоторая ее часть отбирается, интерпретируется и только затем транслируется адресату. Критерием отбора материала со стороны редактора является требуемая оценка политической действительности адресатом информации. Зачастую параллельно реализуются и другие особенности рассматриваемой сферы коммуникации, например, склонность к тайноречию: имплицитная информация, передаваемая на уровне аллюзий, иносказания, оказывается порой не менее важной, чем эксплицитная.

Все эти аспекты проявляются в манипуляциях на лексическом уровне, что можно наблюдать при анализе языкового материала СМИ, освещающих военные действия на Украине. Намеренное искажение слов (*Путлер, онижедети, Фашингтон, Раишка* и др.), а также эвфемизация и дисфемизация (*антитеррористическая организация — геноцид собственного народа, герои ополчения — пророссийские террористы* и др.) формируют определенное ассоциативное отношение к предмету коммуникации. Описанное явление закрепилось под названием *дегуманизация*, или *расчеловечивание*: такие слова, как *ватники, колорады, путиноиды* — с одной стороны, и *укропы, хохлопитеки, каклы* — с другой — лишают людей человеческого статуса, допуская, таким образом, убийства, пытки, психическое насилие. Как видно из примеров, эффективными методами информационной войны не брезгают ни апологеты единой Украины, ни их противники.

Нами был проведен контент-анализ комплексов публикаций электронной версии популярного американского издания *The New York Times* с упоминанием слов *Ukraine* и *Russia*. Материал охватывает первый этап так называемого украинского кризиса, т. е. период, начавшийся с подготовки к несостоявшемуся подписанию Украиной договора об ассоциации с ЕС в ноябре 2013 года и закончившийся внеочередными выборами президента Украины в мае 2014 года.

Общее количество публикаций по данной тематике на сайте *The New York Times* за указанный период составило 655 текстов, с наименьшим количеством в ноябре (20 публикаций, среднесуточный показатель — 0,7 текста в день) и наибольшим — в марте (240 публикаций, 7,7 текста в день). Очевидно, что календарные колебания публикационной активности связаны с динамикой развития конфликта.

За вычетом дат и инициалов, в публикациях выборки зафиксировано употребление 22 749 слов, в том числе служебных. Общее количество словоупотреблений — 643 920. По частоте использования первые два десятка мест ожидаемо занимают артикли, предлоги, союзы, частицы, вспомогательные глаголы и глаголы-связки, наряду с которыми были зафиксированы только пять значимых слов: *Russia* — 26 298 раз, *Ukraine* — 22 305 раз, *said* — 17 681 раз, *Putin* — 9103 раза и *European* — 8442 раза. Если брать в расчет только значимые слова, то в первую

десятку по частотности употребления войдут также слова: *president* — 6493 раза, *government* — 6457 раз, *union* — 5298 раз (из них 263 раза в составе квазисловосочетания *Soviet Union*), *Kiev* — 4835 раз, *(the) Crimea* — 4713 раз.

В целом для рассматриваемого комплекса публикаций характерно обилие высокочастотной (в рамках данной выборки) лексики, так или иначе связанной с Россией. Помимо упомянутого выше топонима *Russia* очень часто прилагательное *Russian* — 3429 раз (из них в составе квазисловосочетания *Russian Federation* — 51 раз), ср. 1837 употреблений прилагательного *Ukrainian*; этноним *(the) Russians* — 994 раза, ср. 1354 употребления этнонима *(the) Ukrainians*; изредка встречаются и другие производные: *telerussia* — 3 раза, *internetrussia* — 3 раза.

Наряду с уже упомянутым фактом высокой частотности употребления онима *Putin* стоит обратить внимание на появление слов, производных от фамилии президента Российской Федерации, например, *putin|ism* (60 случаев использования), *putin|farce* (3 случая), *putin|versteh* (4 случая). Последний неологизм вызывает особый интерес, поскольку, во-первых, относится к категории германизмов, а во-вторых, дает пренебрежительную оценку феномену, которым в демократических сообществах принято гордиться, а именно — проявлению плюрализма. Вот как описывает этот новый политический термин Диана Джонстоун: “*In Germany these days, very many citizens object to the endless Russia-bashing of the NATO-oriented mainstream media. <...> In Germany, anyone who says thing like that can be denigrated as a “Putinversteh” (a Putin understander). That says it all. We are not supposed to understand. We are supposed to hate. The media are there to see to that*” (В Германии сейчас очень многие возражают против бесконечных нападок на Россию со стороны мейнстримных средств массовой информации, которые во всем поддерживают НАТО. <...> Всех, кто в Германии говорит что-то подобное, могут обзвать “*Putinversteh*” (понимающий Путина). Этим все сказано. Предполагается, что мы не должны понимать. Наше дело — ненавидеть. За этим присмотрят СМИ”. — Здесь и далее перевод мой. — Е. Э.) [2].

По своей частотности и словообразовательной активности со словами *Russia* и *Putin* в нашей выборке может сравниться лишь архаизм *Soviet* (2425 словоупотреблений, из них 263 раза в составе квазисловосочетания *Soviet Union*) со своими дериватами *post-Soviet*, *ex-Soviet*. Достаточно сказать, что это прилагательное встречается почти в полтора раза чаще, чем *Ukrainian*. Зафиксировано употребление слов *Soviets* — 100 раз, *sovieticus* (в составе псевдолатинского термина *Homo Sovieticus*) — 13 раз, глагола *re-Sovietize* — 3 раза, производного от *Sovietize* существительного *sovietization* — 3 раза (последнее выделяется кавычками: *Is this not a revolt against the “Sovietization” of Ukraine? — Разве это не восстание против “советизации” Украины?* [1]). Феномен приязанности авторов рассматриваемых публикаций к данному лекси-

ческому пласту мы понимаем как попытку объяснить все процессы, вольным или невольным участником которых является Российская Федерация, с позиций ее советского прошлого (ср. *Vladimir Putin Clings to the Past — Владимир Путин цепляется за прошлое* [3]). Стремление России наладить со своим партнерами горизонтальные — пространственные — отношения подменяются в большинстве публикаций навязыванием вертикальной — исторической — перспективы.

Рассмотренные факты позволяют говорить о целенаправленном создании у посетителей сайта The New York Times нерелевантных представлений о событиях на Украине. Специфика политической лингвистики, ее преимущественно прикладной характер налагают на ученого дополнительные обязательства по сравнению с другими языковедческими дисциплинами, а именно распространение политической и лингвистической грамотности, популяризация политической науки, ознакомление широких масс с результатами важнейших исследований. Определение степени релевантности транслируемой телевидением или интернетом политической картины мира — задача, требующая как серьезных интеллектуальных усилий со стороны потребителя информации, так и активной просветительской деятельности со стороны академического сообщества.

Список литературы:

1. David M. Herszenhorn Answers Questions on Ukraine // <http://www.nytimes.com/2014/02/21/world/europe/david-herszenhorn-answers-readers-questions-on-the-crisis-in-ukraine.html>
2. Johnstone D. To Understand or Not to Understand Putin // <http://www.counterpunch.org/2014/05/08/to-understand-or-not-to-understand-putin/> // Counterpunch
3. Vladimir Putin Clings to the Past // http://www.nytimes.com/2013/11/20/opinion/vladimir-putin-clings-to-the-past.html?hp&ref=opinion&_r=0

Сведения об авторах:

Егорова Элеонора Валериевна, ассистент, Ульяновский государственный университет; email: egorova.eleonora2014@yandex.ru

Осетрова Ольга Игоревна, к.ф.н., старший преподаватель, Ульяновский государственный университет; email: humanengl@gmail.com

DISTORTION OF REALITY IN POLITICAL E-MEDIA DISCOURSE

Eleonora V. Egorova

Assistant Teacher, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia;
email: egorova.eleonora2014@yandex.ru

Olga I. Osetrova

PhD, Senior Lecturer, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia;
email: humanengl@gmail.com

Abstract

The study is devoted to building the linguoamental view of the world via E-Media. The research is carried out using the language material obtained from the topic-based selection of articles from The New York Times site mentioning Ukraine and Russia and covering the initial period of the current Ukrainian political crisis. Frequency of certain lexical units, euphemization and disphemization, usage of intentionally distorted words and other lexical and derivational manipulations influencing the relevance of the political view of the world are studied. Conclusion on purposeful creating parallel discourse reality and forming irrelevant ideas about what is happening in Ukraine for The New York Times site visitors, as well as on active exploiting the stereotype of Russia as the political successor of the Soviet Union is made.

Key words: political view of the world, relevance, cyberwar, e-Media.

References:

1. David, M. (2014). Herszenhorn Answers Questions on Ukraine. *The New York Times*, Retrieved February 21, 2014, from <http://www.nytimes.com/2014/02/21/world/europe/david-herszenhorn-answers-readers-questions-on-the-crisis-in-ukraine.html>
2. Johnstone, D. (2014). To Understand or Not to Understand Putin. *Counterpunch*. Retrieved May, 8, 2014, from <http://www.counterpunch.org/2014/05/08/to-understand-or-not-to-understand-putin/>
3. Vladimir Putin Clings to the Past. (2013). *The New York Times*. Retrieved November, 19, 2013, from http://www.nytimes.com/2013/11/20/opinion/vladimir-putin-clings-to-the-past.html?hp&rref=opinion&_r=0

Политическая парадигма в историко-мифологическом дискурсе Гора Видала: лингвостилистический аспект

О. В. Ермоленко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Аннотация

Рассматривается многогранность политического дискурса в художественном и публицистическом творчестве Гора Видала, в том числе его лингвостилистическая составляющая. Показано, что лингвостилистический аспект является одним из средств воплощения художественного замысла писателя, а номенклатура лексического

материала в политическом дискурсе является жанрово детерминированной. Раскрываются особенности художественного и публицистического стиля автора, его дискурсивные стратегии и тактики, лингвостилистические приемы, широко используемые современными политическими коммуникациями и технологиями (например, вербальное “уничтожение” политиков, аннигиляция “отцов-основателей” и современных политических деятелей, лексические средства преуменьшения значимости персонажей и т.д.). Определены базовые лексические слои политического дискурса писателя: политические константы, оценочно-маркированные базовые политические термины, “ключевые слова текущего момента” или “слова-хронофакты” в качестве лингвостилистической особенности политических эссе Видала.

Ключевые слова: политический дискурс, Гор Видал, демифологизация, политические константы, лексические слои.

Вопросы истории и политики очень тесно переплетены в многочисленном, многогранном и неоднозначном творческом наследии Г. Видала (1925–2012), ибо история, по Видалу, прочитывается как результат политических интриг, борьбы за власть, а стремление к власти — это одна из движущих сил истории. Пафос большинства историко-политических романов Видала (семь романов “Саги о Золотом веке, 1776–1952”) — демифологизация национальной истории США. Составляющей частью организующего пространства историко-мифологического дискурса Видала являются политические мифы и мифологемы национальной политической истории Америки (мифы о нации, мифы о стране, мифы о национальной идее, личностные мифологемы и т.д., денотатом которых являются выдающиеся личности американской истории и политики).

Политический дискурс в художественных, публицистических, драматургических произведениях Г. Видала (“Вечер с Ричардом Никсоном”, “Самый достойный”), многочисленных интервью на телевидении и радио выступает как “одна из разновидностей существования исторической памяти” (М. Фуко) и прочитывается как дискурс политических амбиций США, дискурс “исключительности” исторических судеб Америки, дискурс американской демократии и т. п., где знаковым статусом обладают ключевые политические фигуры американской политической истории (А. Линкольн, А. Бэрр, Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, А. Гамильтон, Г. Адамс, Д. Мэдисон, Д. Монро, Г. Джексон, Р. Никсон, Р. Рейган и др.). Автор выдвигает на передний план не только определенные черты политических лидеров, но и превращает их в символ американской политической жизни, наделяя их зачастую мифическими чертами с использова-

нием соответствующих лингвостилистических приемов. К примеру, мемуарная форма повествования, характерная для ключевых романов Г. Видала (“Бэрр”, “Юлиан”, “Сотворение мира”), стилистически соответствуют как характеру и личности их авторов, так и духу времени.

Реальная политика (*Realpolitic*) и есть основная видаловская тема историко-мифологического дискурса Г. Видала, в том числе и публицистического. Стилю автора присущи характерные для публицистического творчества открытая тенденциозность, полемичность, скрытая эмоциональность. Нельзя не согласиться с мнением российского исследователя Н. Н. Яковлева о том, что видаловская публицистика отличается отточенным, изящным стилем и тонкостью суждений, интерес к которым не только не пропадает в процессе чтения статьи или эссе, а, напротив, у читателя возникает непреодолимое желание узнать мнение писателя по той или иной проблеме, относительно того или иного события и продолжить чтение других публикаций, поскольку “подкупает” способность Видала апеллировать к здравому смыслу и обладать собственным мнением по поводу любых событий, заслуживающих глубокого анализа или требующих определенных критических оценок, как правило, острых. Одним из характерных примеров служит сборник эссе “Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира” (“Perpetual War for Perpetual Peace. How We Got to Be So Hated”), посвященный анализу причин террористических атак на США в 2001 году. Он стал международной сенсацией, поскольку изначально в США книгу отказывались издавать по цензурным соображениям. В данной работе американский писатель выражает свою гражданскую, заметим, достаточно жесткую, позицию относительно значимых событий в новейшей истории “Соединенных Штатов Амнезии”. Не менее остро, на наш взгляд, звучат размышления Видала в эссе “America the Great ... Police State”. Мир, который изображает Видал, полон глупости и самонадеянности, высокомерия и снобизма. Вся государственная система США сравнивается писателем с “высокоорганизованным зоопарком” и представляется порочным кругом взаимно оправдывающих друг друга обманов и самообманов. По наблюдениям Видала, американская империя буквально погрязла во всех смертных грехах. В одном из интервью британской газете “The Independent” (2005 г.) Г. Видал вновь усомнился в демократических намерениях своей страны, полагая, что сегодня мы получили государство, которое очень далеко от демократии, но мы все равно пытаемся эту демократию везде экспортировать: на практике демократия — это просто красивое слово, мы им пользуемся, как кетчупом, добавляя во все блюда, мы говорим, что несем демократию в Ирак, а в результате опять вечная война за вечный мир. Дело Трумэна живет и побеждает. А кто

будет после войны с Ираном? Россия? Или кто-нибудь еще? Господи, помоги нам не разозлить Китай. Такова политическая парадигма “американской невинности” по-видаловски.

К особенностям как художественного, так и публицистического стиля Г. Видала отнесем характерный лингвостилистический прием — вербальное “уничтожение” политиков, полное разрушение существовавших ранее в сознании читателей образов исторических героев и политиков в целях формирования их отрицательного имиджа (например, аннигиляция “отцов-основателей” в романах “Бэрр”, “1876”) и современных политических деятелей (характерным в этом плане видится ряд эссе, посвященных клану Кеннеди, чете Рейганов).

Дискурсивная стратегия аннигиляции, столь широко используемая современными политическими коммуникациями и технологиями, реализуется автором через тактику принижения (стилистическое снижение, лексические средства преуменьшения значимости, скопление отрицательно-оценочной лексики, оценочно-нейтральная базовая лексика, оценочно-маркированная базовая терминология и т.д.) и тактику отрицания (например, отрицаются “героические” заслуги исторических и политических деятелей США, известные факты их биографий) в целях формирования их отрицательного имиджа (“Бэрр”, “1876”). Но самым показательным с этой точки зрения является, на наш взгляд, имидж самих Соединенных Штатов Америки, созданный пером Видала: диктатура капитала под маской демократии, духовное и интеллектуальное вырождение американского общества, историческое беспамятство “Соединенных Штатов Амнезии” (определение самого Видала) и многое другое.

Лингвостилистической особенностью политических эссе Видала и эссе на социальные темы является наличие трех базовых слоев лексики: политические константы (president, congress, non-Communists, human personality, human race, political danger, sociology, political leader), оценочно-маркированные базовые политические термины (egalitarian society, enslaved mediocrities, half-tamed creatures, a worn-out political system, bland benevolence), “ключевые слова текущего момента”, или “слова-хронофакты” (термин, предложенный З. Е. Фоминой), характеризующие конкретный факт, явление, событие — к ним относят слова, связанные с политическими инициативами, лозунги и лозунговые слова, имена действующих политиков. В силу своей диахронной ограниченности слова-хронофакты могут служить знаками эпохи (Julio-Claudians, Marxian, Freudian, Kingdom of Heaven, Nabokovian nymphets, homosexual, placid land, power for the sake of power, Zeitgeist, Ronald and Nancy Reagan, Orange County, Warner Brothers, the McCarthy era, General Electric). Эти лексемы являются достаточно устойчивыми в политическом языке, однако их коннотативная зона подвержена довольно

частым изменениям, что отражает, по мнению исследователя семиотики политического дискурса Е. Шайгал, динамику политических ценностей политического дискурса и, как следствие, определяет изменчивость наиболее актуальной, наиболее употребительной части политического словаря.

В заключение отметим еще одну характерную стилистическую черту эссе и других выступлений Гора Видала. Писательской манере автора свойственно стремление к декларативности и программности, присущим обычно чисто политическим выступлениям. Это обусловлено, по нашему мнению, принадлежностью Г. Видала к политическим кругам, его опытом политических выступлений и неизменным стремлением влиять на массовое сознание читателя или слушателя. Видал по несколько раз повторяет свои публицистические формулы, имеющие достаточно застывшую форму. К примеру, упомянутую формулу “Соединенные Штаты Амнезии” можно встретить неоднократно в различных публицистических произведениях писателя.

Сведения об авторе: Оксана Владимировна Ермоленко, к.ф.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия; email: gorevidal@yandex.ru

POLITICAL PARADIGME IN GORE VIDAL HISTORY-MYTHOLOGICAL DISCOURSE: LONGVO-STYLISTIC ASPECT

Oksana V. Yermolenko

Associate Professor, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russia; email: gorevidal@yandex.ru

Abstract

The versatile Gore Vidal's fiction and journalism political discourse is considered, as well as its linguo-stylistic component. It is presented that linguo-stylistic component is the means of the artistic concept, and lexical nomenclature of the political discourse is determined by the genre. The peculiarities of fiction and journalism author's style, its discourse strategies and tactics, linguo-stylistic devices as commonly used by the modern political communications and technologies (verbal destruction, annihilation of “founding fathers” and contemporary political statesmen, lexical means of the underestimation) are revealed. The basic lexical stratuses of the author's political discourse are determined (political constants, basic political rank-valued terms, the key current events political terminology) as the linguo-stylistic feature of the political Gore Vidal's essays.

Key words: political discourse, Gore Vidal, demythologization, political constants, lexical stratum.

Сила слова: опыт анализа элементов англоязычного политического дискурса на основе электронных запросов пользователей

Н. К. Иванова

Ивановский государственный химико-технологический
университет

Аннотация

В статье анализируются данные, представленные на ресурсах Американского диалектологического общества (ADS) и электронного словаря Merriam-Webster Online. Анализируются политические реалии, отраженные в пользовательских запросах и комментариях, как реакция на выступления известных политических деятелей, новостные публикации, рассматриваются некоторые особенности американского политического дискурса, зафиксированные в электронных словарях.

Ключевые слова: электронные словари, политический дискурс, речевое воздействие, логосфера английского языка.

Ранее мы уже анализировали “слова года” на некоторых ресурсах и пришли к выводу о “наличии четкой связи между социально-политическими событиями в мире, и в США в частности, и логосферой английского языка, в которой активизируются под влиянием экстралингвистических факторов отдельные слова, принадлежащие к книжному стилю” [1, с. 166]. Был сделан вывод об очевидности лингвистической гегемонии США: вербализация наиболее важных мировых событий осуществляется вначале американскими политиками и журналистами, а затем “подхватывается” СМИ других стран, входит в лексикон читателей, слушателей, пользователей Сети во всем мире. Правильность сделанных выводов подтверждается и новыми данными, полученными по итогам 2014 г. Сейчас очевидно, что даже словари не просто отражают современные политические реалии, а участвуют в формировании определенной точки зрения на события. ИмPLICITно (через дефиниции) и EXPLICITно (через цитаты и иллюстрации) они доносят до пользователей официальное мнение руководства страны на те или иные мировые события. Анализ словарных материалов Merriam-Webster Online показывает, что ключевые политические термины постоянно входят в десятку часто запрашиваемых. Например, “размывание семантики” таких базисных политических понятий, как *socialism*, *capitalism*, *democracy*, *liberal*, *fascism* и др., обусловило активизацию поиска их точных словарных дефиниций. Анализ последних показывает, что

редакторы словаря, которых пользователи все чаще стали обвинять в политической ангажированности, приняли своеобразную практику “двухуровневых” дефиниций: первое определение, предлагаемое пользователю онлайн-словаря, простое и неполное, а второе, получаемое при переходе на другую электронную страницу словаря, является более развернутым и подкрепляется цитатами, текстовыми примерами, которые, в свою очередь, также являются “идеологически заряженными”. Приведем в качестве иллюстрации представление в анализируемом словаре термина **fascism**, к поиску значения которого пользователи словаря многократно обращались в течение 2014 г., в первые месяцы 2015 г., в первые недели апреля и т.д.

Первая дефиниция: fascism:

a way of organizing a society in which a government ruled by a dictator controls the lives of the people and in which people are not allowed to disagree with the government: very harsh control or authority.

Вторая дефиниция:

1. A political philosophy, movement, or regime (as that of the Fascisti) that exalts nation and often race above the individual and that stands for a centralized autocratic government headed by a dictatorial leader, severe economic and social regimentation, and forcible suppression of opposition.
2. A tendency toward or actual exercise of strong autocratic or dictatorial control <early instances of army *fascism* and brutality — J. W. Aldridge>.

Examples of FASCISM

1. The rise of *Fascism* in Europe before World War II.
2. From the first hours of Hitler’s invasion of the Soviet Union, the propagandists on both sides of the conflict portrayed the struggle in stark, Manichaeian language. The totalitarian nature of both regimes made this inevitable. On one side stood Hitler, fascism, the myth of German supremacy; on the other side stood Stalin, communism, and the international proletarian revolution. — Anne Applebaum, *New York Review of Books*, 25 Oct. 2007 [5].

Центральное место на главной странице этого словаря занимают слова, относящиеся к разделу **Trend Watch**, — наиболее часто проверяемые по словарю в связи с их звучанием в СМИ. Таких единиц приводится более 200. О некоторых из них (**rapport, privacy, asylum, caliphate, balkanize, visceral, etc.**) мы уже писали, отмечая их непосредственную связь с текущими политическими событиями в США и остальном мире [1, 2].

В июле 2014 г. на первой странице анализируемого словаря была размещена информация о “пиковом спросе” на слово “изгой” (пария)

в связи с американской риторикой относительно событий на Украине, крушения малазийского самолета и роли России и президента РФ В. В. Путина в этих событиях. Несмотря на отсутствие (до сих пор) выводов международной комиссии о причинах крушения пассажирского лайнера, в дефиниции содержится, со ссылкой на слова министра иностранных дел Британии У. Хейга, обвинение в адрес России и сил самообороны ДНР (“украинских сепаратистов”): <...> “*Russia risks becoming a pariah state*” as a consequence of the attack. Other journalists and politicians referred to Vladimir Putin as a “pariah” as further sanctions against Russia were discussed”. Определение слова **pariah** приводится только после пространной цитаты, а визуально текст поддерживается рисунком Санкт-Петербургского блогера А. Габдуллина (“Я против Путина”) [5].

Летом же прошлого года (17.07.2014) в контексте тех же международных событий популярным стало слово **separatists**. Приводимая в словаре вербальная иллюстрация прямо связывает это понятие, давно существующее в международной практике, с событиями на Украине. Называемые в России *ополченцы юго-востока Украины* в словарной дефиниции трактуются как “пророссийские сепаратисты”. Кроме того, словарная статья называет причины крушения самолета (ракета класса “земля–воздух”), хотя и делается оговорка, что пока неизвестно точно, кем был сбит самолет (“*separatist rebels, the Ukrainian government, or Russia fired the missile*”). Значение слова “сепаратист” объясняется на простом английском языке с краткой информацией о латинском происхождении слова. Сходным образом приводится и дефиниция термина **balkanize**, возникшего в ходе Первой мировой войны, но актуализированного в речи политиков и журналистов летом 2014 г. под влиянием современных геополитических процессов в Европе и на Украине (см. подробнее: [3, с. 154]).

Лексико-стилистический анализ первой десятки слов 2011–2013 гг., ранее проведенный нами по материалам анализируемого словаря [2, 3], показывает, что в США (затем это тиражируется во всем мире) для вербальной характеристики происшедших событий характерен выбор слов официально-делового стиля: “книжных”, терминологических, заимствованных, т. е. тех, которые не всегда понятны среднестатистическому жителю этой мультинациональной и мультикультурной страны, студентам (ср. самые востребованные слова март–апреля 2015 г.: *Sprachgefühl, holistic, et al, hegemony, pedantic, bigot, etc.*). Заметим, что эта тенденция противоположна российской: в наших СМИ официальными лицами и журналистами часто вводятся в оборот экспрессивные, но стилистически сниженные лексические единицы [1].

Среди “слов-чемпионов” поиска словарных дефиниций присутствуют и лексические единицы, относящиеся к внутривнутриполитической

жизни США. Так, последние широко представлены в “лингвистических итогах” 2014 г. (в результате голосования) на сайте ADS — American Dialect Society [4].

Среди слов-номинантов много актуальных лексических единиц, отражающих политическую, социолингвистическую и лингвистическую картину 2014 г., например, **columbusing**, **pairage**, **#icantbreathe**. Поскольку этот год прошел в США под знаком осложнения взаимоотношений между чернокожим населением этой страны и полицией, словом 2014 г. впервые стал хэштэг **#blacklivesmatter**. Это было обусловлено бурным возмущением населения США в социальных медиа после гибели ряда простых афроамериканцев в результате превышения силы со стороны американских полицейских. Этот хэштэг стал своеобразным конденсатором меседжа социального протеста. Не случайно, что “именем года” стал топоним *Ferguson* как признание важного значения этого городка в штате Миссури, местожительства М. Брауна.

Выделение новой категории — хэштэгов — признание общественной силы сетевого общения как средства выражения протеста, собственной гражданской позиции. Это неразрывно связано с проявлением аксиологического аспекта языка, выбором адекватных средств вербализации события. Анализ словарных материалов показал, что даже международные словарные ресурсы являются важными фрагментами языкового отражения текущей политической ситуации, через которые осуществляется речевое воздействие на аудиторию — посредством выбора языковой единицы, через семантику языкового знака, коннотации, подбор цитат и т.д. Одна из задач преподавателя иностранного языка — научить студентов критически относиться к представленной информации, но для этого необходимы социально-культурные, политические и др. знания.

Список литературы:

1. Иванова Н.К. Некоторые лингвистические итоги 2013 г.: “самые-самые” слова английского языка // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2 (март-апрель). Т. 20. С. 166–170.
2. Иванова Н.К. Новообразования в английском языке: итоги 2013 г. (По материалам словаря American Dialect Society) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. Вып. 10. Иваново : ИВГУ, 2014. С. 51–59.
3. Иванова Н.К. Webster’s Dictionary: от истории к современности : монография. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2014. 212 с.
4. ADS’s Word of the Year. [Электронный ресурс] URL: <http://www.americandialect.org/index.php/amerdial/categories>. (Дата обращения 16.04.2015).

5. Merriam-Webster Online. Word of the Year Archives [Электронный ресурс] URL: <http://www.m-w.com/about-us/word-of-the-year-archive>. (Дата обращения 13.04.2014).

Сведения об авторе: Иванова Наталья Кирилловна, доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой иностранных языков и лингвистики Ивановского государственного химико-технологического университета; email: nkiisuct@mail.ru

WORD POWER: EXPERIENCE OF ANALYSING ELEMENTS OF THE ENGLISH LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE ON THE BASIS OF USERS' E-DICTIONARIES RETRIEVALS

Natalya K. Ivanova

PhD, Professor, Head of Foreign Languages and Linguistics Department of Ivanovo State University of Chemistry and Technology;

email: nkiisuct@mail.ru

Abstract

In the paper some data, presented in American Dialect Society and Merriam-Webster Online Dictionary sites, are considered. Their analysis provides information on some political phenomena, reflected in the dictionary users' retrievals and commentaries as the reaction on public figures speeches, web and other mass-media news publications, as well as on some specific features of American political discourse, registered in e-dictionaries.

Key words: e-dictionaries, political discourse, speech impact, the English language logosphere.

References:

1. Ivanova N. K. Some Linguistic Results of 2013: "the most words" of the English Language // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta after N. A. Nekrasov. 2014. № 2. Vol. 20. pp. 166–170 (in Russian).
2. Ivanova N. K. New Formations in the English Language: Results of 2013 (on the materials of American Dialect Society Dictionary) // Teoria i Praktika Inostrannogo yazyka v vysshey shkole. Issue 10. Ivanovo: Ivanovo State University. 2014, pp. 51–59. (in Russian).
3. Ivanova N. K. Webster's Dictionary: from history to contemporary times. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2014. 212 c. (in Russian).
4. ADS's Word of the Year. URL: <http://www.americandialect.org/index.php/amerdiag/categories>. (Accessed 16.04.2015).
5. Merriam-Webster Online. Word of the Year Archives. URL: <http://www.m-w.com/about-us/word-of-the-year-archive> (Accessed 13.04.2014).

Трактат Джона Мильтона “Об образовании” как политический дискурс. Особенности аргументации

Т. Н. Иванова (Шелингер)

РГПУ им. А. И. Герцена

Аннотация

Статья посвящена небольшому и мало исследованному прозаическому произведению великого английского поэта Джона Мильтона (1608–1674). Трактат “Об образовании” (“О воспитании”)¹, написанный в 1644, — это яркий образец и важная составляющая памфлетистики Мильтона, которая изучалась значительно меньше, чем его поэзия, хотя представляет собой богатый исследовательский материал, актуальный для представителей различных наук. В современной Милтону Англии подход к образованию был одним из политических вопросов, и трактат по структуре, по лексике и по системе доказательств написан как политическая речь. Милтон критикует университетскую схоластику, а затем предлагает свою систему университетского образования, отражающую идеи гуманистической педагогики, и выстраивает доказательство в ее пользу. В статье текст Мильтона анализируется с точки зрения диахронической прагматики и теории аргументации. Рассматриваются особенности построения аргументации в поддержку образовательной реформы и характерные лингвистические средства.

Ключевые слова: Джон Милтон, памфлетистика Мильтона, реформа образования, прагматика, политический дискурс, риторика, аргументация, индикаторы аргументации.

Памфлетистика великого английского поэта Джона Мильтона сравнительно мало изучена, несмотря на постоянный интерес к его творчеству и в нашей стране, и за рубежом [см. например 3, 6, 8, 9, 12]. Одним из интереснейших произведений данного жанра является трактат “Об образовании”, в котором Милтон ярко критиковал современную ему систему образования и ратовал за радикальную реформу [5, 10].

Сегодня интерес к прозаическим произведениям Мильтона объясняется следующими факторами: 1) желанием воссоздать реальную

¹ Единственный перевод трактата вышел в 1990 году [5], однако, в литературе встречается как одно, так и другое название. Представляется, что перевод “Об образовании” точнее отражает содержание трактата, поэтому он и используется далее в тексте статьи.

картину творчества великого человека; 2) интересом к сути проблем и исторических событий, к которым относятся прозаические произведения; 3) возникновением и развитием области лингвистики, связанной с политическим дискурсом и ораторским мастерством [например 1, 4, 11] 4) желанием проанализировать языковые особенности риторики XVII века в рамках современных лингвистических воззрений.

Представленный далее анализ примеров из текста трактата “Об образовании” — это только набросок, ограниченный жесткими рамками статьи. Анализ аргументации основывается на теории аргументации Амстердамской школы [2].

Джон Мильтон начинает письмо с обращения к своему другу Сэмюэлю Хартлибу, по просьбе которого он изложил свои взгляды на реформу. Дается также обоснование деятельности, основанной на любви к богу и на пользе для человечества, во имя чего должны быть все слова и дела. Далее автор обосновывает актуальность мыслей об образовании, и необходимости реформы, а также высказывает глубочайшее уважение к Хартлибу. Эти цепочки обоснований построены, как и положено в ораторском выступлении.

“Mr. Hartlib,

*I AM long since persuaded, that to say, or do aught worth memory and imitation, no purpose or respect should sooner move us, than simply **the love of God, and of mankind.*** (1)

Здесь есть невыраженная посылка: то, что делает Мильтон в данном случае, делается во имя Бога и человечества.

*Nevertheless to write now the **reforming of education, though it be one of the greatest and noblest designs that can be thought on, and for the want whereof this nation perishes,** I had not yet at this time been induced, **but by your earnest entreaties, and serious conjurements;*** (2)

В этом примере интерес вызывают индикаторы аргументации, которые используются в таком же качестве в аргументативных речах нашего времени, прежде всего союзы: **nevertheless, though, for, but**, а также оценочные прилагательные в превосходной степени. В то же время Мильтон использует не прямые аргументы, а тактику объяснения, чтобы убедить читателей в важности образования в целом и в необходимости срочных и решительных действий. В следующем высказывании, как это и принято в риторике, данная мысль развивается. Снова используется союз **for** и снова использована тактика объяснения:

*“Brief I shall endeavor to be; **for that which I have to say, assuredly this nation hath extreme need, should be done sooner than spoken**”* (3).

Выражение уверенности автора в своей правоте подкрепляется словами *assuredly, extreme*, содержащими оценку. От вводной части Мильтон переходит к определению цели образования:

“The end then of learning is to repair the ruins of our first parents by regaining to know God aright, and out of that knowledge to love him, to imitate him, to be like him(...)” (4)

Могло бы показаться, что это аллюзия к “Потерянному раю”, но необходимо помнить, что трактат написан более, чем на 10 лет раньше! Снова нет прямых доводов. Однако есть пресуппозиция, которая подразумевает отсутствие данной цели в существующей системе. И есть невыраженная посылка: любовь к Господу искупит грехи. Высказывание “любить Его, вести себя по образу и подобию Божию” (в оригинале это характерное для английской риторики тройственное построение) возвращает мысль читателя к началу, к мысли о том, что дела и слова должны быть результатом любви к Господу.

Далее при переходе к критике рутинной системы образования Мильтон говорит о необходимости быстрой и эффективной учебы, что созвучно высказыванию № 3. Невыраженная посылка: потеря времени — это пагубная ситуация. Средства усиления — уничижительные коннотации слов **meerly** *scraping together*, *miserable*.

(...)first, we do amiss to spend seven or eight years meerly in scraping together so much miserable Latine and Greek, as might be learnt otherwise easily and delightfully in one year. And that which casts our proficiency therein so much behind, is our time lost (5).

В этом высказывании возникают образные контрасты: *miserable* — *easily and delightfully*, *seven or eight years* — *one year*. В пятом примере снова используется тактика объяснения и продолжается описание, построенное на контрастах.

(...)forcing the empty wits of Children to compose Theams, Verses and Orations, which are the acts of ripest judgment and the final work of a head fill'd by long reading and observing... (6)

К такому же контрастному принципу прибегает поэт тогда, когда стремится показать бессмысленность традиционной университетской системы подачи материала:

“(...) they present their young unmatriculated Novices at first comming with the most intellectual abstractions of Logick and Metapysicks.” (7)

Подводя итог рассуждениям первой части, Мильтон обращается с призывом уже не только к Хартлибу, но к согражданам.

“I call therefore a complete and generous education that which fits a man to perform justly, skillfully and magnanimously all the offices both private and public, of peace and war” (8).

Пресуппозиция — призывать можно к тому, что необходимо создать, к тому, чего еще нет. Невыраженная посылка: стране нужны такие разносторонние и образованные граждане, которые умеют и руководить, и воевать.

Подводя итог, мы можем утверждать, что все указанные мотивы трактата характерны для политических речей — опасность бездей-

ствия для страны и народа, борьба за правое дело, необходимость решительных действий, несостоятельность старой системы, призыв к переменам. Характерное построение трактата “Об образовании”, использование определенных пресуппозиций, тактики объяснения в качестве средства убеждения, типичных индикаторов аргументации, невыраженных посылок и оценочной лексики показывает риторический характер данного произведения и его встроенность в систему политических взглядов Дж. Мильтона.

Список литературы:

1. Ван Дейк Т. К определению дискурса. <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
2. Еемеерен Ф. Ван, Гроотендорст Р. Снук Хенкеманс Ф. Аргументация: анализ, проверка, представление. СПб. Изд-во Филологического факультета Санкт-Петербургского госуниверситета, 2012, с. 26–30 и 34–35.
3. Иванов Ив. Совесть в истории одной жизни. //Иванов Ив. Люди и факты западной культуры. М. — 1898, с. 189–234.
4. Левковская Н. А. “Скрытая интенциональность в британском политическом дискурсе: способы обнаружения”//Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников. Изд-во МГИМО–Университет, 2013, т. 2, с. 55–61.
5. Мильтон Дж. Трактат “О воспитании”. Пер. с англ. О. А. Варшавер, комм. и вст. ст. Федорова С. Е.//Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи позднего средневековья и начала нового времени (исследования и материалы): Сб. научн. тр./Под ред. К. И. Салимовой, В. Г. Безрогова. — М. Изд. АПН СССР, 1990. — 200 с. 150–199.
6. Третьякова Е. А. Перевод в диахронии (на материале разновременных переводов поэмы Дж. Мильтона “Paradise Lost”)//Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Выпуск № 149 / 2012 сс. 87–95.
7. Чамеев А. А. Джон Мильтон и его поэма “Потерянный рай”. Ленинград, “Наука”, 1986, 128 с.
8. Festa T. The End of Learning: Milton and Education. New York & London: Routledge, 2006. 238 pp.
9. Loewenstein D. and Turner J. Labouring in the Word. //Politics, Poetics, Hermeneutics in Milton’s Prose. Essays edited by D.Loewenstein and J.G. Turner. Cambridge, 1990.
10. Milton John. Of Education. The Harvard Classics 1909–1914. <http://www.bartleby.com/3/4/1.html>
11. Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere. Greenwood, 1988 с. 212.
12. Young Milton. The emerging author, 1620–1642. Oxford : Oxford univ. press, 2013. XIX, 343 p.

Сведения об авторе: Татьяна Николаевна Иванова (Шелингер), к.ф.н., доцент кафедры перевода Российского государственного Университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия; email: tat.nik.ivanova@gmail.com

JOHN MILTON'S TRACTATE "OF EDUCATION" AS POLITICAL DISCOURSE. THE FEATURES OF ARGUMENTATION

Tatiana N. Ivanova (Szelinger)

Associate Professor of the Department of Translation, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia, email: tat.nik.ivanova@gmail.com

Abstract

The article deals with a small and relatively less known prose work by the great English poet John Milton (1608–1674). His tractate "Of Education", written in 1644, is an excellent example and a vital part of Milton's pamphlets that has been much less studied than his poetry in spite of being a very rich research material, interesting for linguists, pedagogy, historians and those who study politics. In England of Milton's times approach to education was a very much debated political question and the tractate strongly resembles a political speech in his style, lexis and arguments. Milton criticizes the scholastics of the universities, and then introduces his own system of university education, based on humanistic pedagogy, providing arguments for it. The article analyses Milton's text in the framework of diachronic pragmatics as well as argumentation theory. The features of argumentation to support reform are described.

Key words: John Milton, Milton's pamphlets, educational reform, pragmatics, political discourse, rhetoric, argumentation, argumentation indicators.

References:

1. Van Dijk T. K opredeleniiu diskursa [Towards a Definition of Discourse]. <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
2. Eemeren F.van, Grootendorst R. Snuk Khenkemans F. Argumentatsiia: analiz, proverka, predstavlenie[Making a Point, Analyzing, Checking, Presenting]. SPb., Izd-vo Filologicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosuniversiteta., 2012, c. 26–30 i 34–35.
3. Ivanov Iv. Sovest' v istorii odnoi zhizni[Conscience in one Person's Life]. //Ivanov Iv. Liudi i fakty zapadnoi kul'tury. M. — 1898, s. 189–234.
4. Levkovskaia N. A. Skrytaia intentsional'nost' v britanskom politicheskom diskurse: sposoby obnaruzheniia [Hidden Intentionality in British Political Discourse].// Magiia INNO: novye tekhnologii v iazykovoii podgotovke spetsialistov-mezhdunarodnikov. Izd-vo MGIMO–Universitet, 2013, t. 2, s. 55–61.

5. Mil'ton Dzh. Traktat "O vospitanii". Per. s angl. O. A. Varshaver, komm. i vst. ct. Fedorova S. E. // Gumanisticheskaia mysl', shkola i pedagogika epokhi pozdnego srednevekov'ia i nachala novogo vremeni (issledovaniia i materialy) [Humanistic Thought — The Pedagogy of Late Middle Ages]: Sb. nauchn. tr. / Pod red. K. I. Salimovoi, V. G. Bezrogova. — M.: izd. APN SSSR, 1990. — 200 s. 150–199.
6. Tret'iakova E. A. Perevod v diakhronii (na materiale raznovremennykh perevodov poemy Dzh. Mil'tona "Paradise Lost") [Translation in Diachronic Aspect] // Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. Vypusk №149 / 2012 ss. 87–95.
7. Chameev A. A. Dzhon Mil'ton i ego poema "Poteriannyi rai" [Paradise Lost by A. A. J. Milton]. Leningrad, "Nauka", 1986, 128 s.
8. Festa T. The End of Learning: Milton and Education. New York & London: Routledge, 2006. 238 pp.
9. Loewenstein D. and Turner J. Labouring in the Word. // Politics, Poetics, Hermeneutics in Milton's Prose. Essays edited by D. Loewenstein and J. G. Turner. Cambridge, 1990.
10. Milton John. Of Education. The Harvard Classics 1909–1914. <http://www.bartleby.com/3/4/1.html>
11. Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere. Greenwood, 1988 c. 212.
12. Young Milton. The emerging author, 1620–1642. Oxford : Oxford univ. press, 2013. XIX, 343 p.

Лингвокультурный статус телескопических единиц в политическом дискурсе

М. В. Крат

Пятигорский государственный лингвистический университет

Аннотация

В отечественной лингвистике статус телескопии, её растущая значимость подчёркиваются разнообразием исследований, посвящённых отдельным аспектам этого явления: от структурно-семантических характеристик и когнитивных показателей до определения лингвокультурных особенностей. В современном английском языке использование телескопических единиц во многом объясняется особенностями конкретного дискурса: они могут составлять неотъемлемую часть риторических компонентов этого дискурса, либо, наоборот, употребляются очень ограниченно. Понятие "телескопии", актуальное как для российского, так и для зарубежного языкознания, наиболее ярко отражает перемены в политической сфере жизни общества,

раскрывает потребность в обозначении новых реалий и понятий. Чаще всего рассматриваемые явления представляют собой сложные концепты, для репрезентации которых лучше всего подходит метод телескопии. Благодаря своей экспрессивности и информативной ёмкости он позволяет оказывать наибольшее воздействие на адресата. Автор проводит анализ причин появления телескопических единиц в политическом дискурсе.

Ключевые слова: современный английский язык, политический дискурс, телескопия, телескопические единицы.

В современной лингвистике термин “дискурс” является одним из самых распространённых в силу своей многозначности и размытости границ применения. Дискурс входит в сферу интереса сразу нескольких областей гуманитарного знания: лингвистики, культурологии, философии, социологии, психологии. Отсутствие универсального определения подчёркивает высокую степень его функциональности.

Термин “дискурс”, будучи многоаспектным, включает в себя и уточняет традиционные понятия функционального стиля и индивидуального языка. Привычными становятся сочетания: “политический дискурс” [3, 4], “англоязычный деловой дискурс” [1]. В данном случае описывается способ говорения, речь в различных видах дискурса, при этом большее значение имеют не только чисто языковые черты, особенности стиля, специфика тематики, но и идеологическая окраска дискурса, определяемая разнообразными социальными институтами.

Политический дискурс отражает наиболее актуальные, злободневные вопросы и проблемы, с которыми сталкивается современное общество: от политиков, чиновников, журналистов до рядового читателя прессы или зрителя новостного канала. Язык политики — это та особая сфера общения, с помощью которой одна заинтересованная сторона (политик) надеется оказывать воздействие и манипулировать на уровне сознания другой стороной (широкие массы народа), позитивно или негативно реагирующей на его выступление/речь. Эффективность политического дискурса проявляется в способности убедить адресата принять “политически правильное решение” и побудить к действию.

Т. А. ван Дейк ограничивает понятие политического дискурса, определяя его как форму институционального дискурса (“a form of institutional discourse”), которая тесно связана с профессиональной деятельностью политиков, т.е. с парламентскими дебатами, партийными программами или избирательными кампаниями [4, р. 19–22]. Е. И. Шейгал предлагает более широкую трактовку политического дискурса, включая в него как институциональные, так и неинституциональные формы общения, при условии, что к сфере политики относится хотя бы одна из трёх составляющих: субъект,

адресат или содержание общения. Автор считает, что в современных условиях наметилась тенденция к слиянию политического общения с дискурсом масс-медиа, который выступает в качестве основного “проводника” политической коммуникации [3, с. 27–47].

Телескопические единицы являются неотъемлемой чертой современного массмедийного политического дискурса. Он представлен текстами политической тематики, которые написаны журналистами и распространяются с помощью прессы, телевидения, радио и интернета.

В отечественной лингвистике статус телескопии, её растущая значимость подчёркиваются разнообразием исследований, посвящённых отдельным аспектам этого явления: от структурно-семантических характеристик и когнитивных показателей до описания лингвокультурных особенностей. На наш взгляд, наиболее точное определение термина “телескопия” предложено А. Н. Шевелёвой: “Телескопия — это образование номинативной моделируемой единицы из двух слов с усечением как минимум одного из них в месте соединения, с возможным наложением и вставками морфов, а также с сохранением акцентно-слоговой структуры одного из исходных слов, взятого в качестве морфологического образца” [2, с. 5].

Понятие “телескопии”, актуальное как для российского, так и для зарубежного языкознания, наиболее ярко отражает перемены в политической сфере жизни общества, раскрывает потребность в обозначении новых реалий и понятий. Чаще всего рассматриваемые явления представляют собой сложные концепты, для репрезентации которых оптимально подходит метод телескопии. Благодаря своей экспрессивности и информативной ёмкости он позволяет оказывать наибольшее воздействие на адресата.

В данном исследовании мы рассмотрим основные семантические характеристики и причины появления телескопических единиц, функционирующих в рамках массмедийного политического дискурса, на примере известных англоязычных изданий — газет *The Guardian*, *The Independent*:

shampaign < sham + campaign — ‘фальшивая, показная или сбивающая с толку кампания, в частности, предвыборная кампания политического деятеля’.

- Now you can also hit the “*shampaign* trail” by sending in your own mock-ups of the likely presidential candidates [The Guardian, Feb 18, 2004, electronic edition].

Метод телескопии часто используется для передачи новых реалий, вызвавших резонанс в обществе, которые возникают на стыке политической и социальной сфер жизни:

meritocracy < merit + aristocracy — ‘талантливые профессионалы’; ‘теория, согласно которой власть должна осуществляться людьми, от-

личающимися своими достижениями, способностями и профессиональной компетентностью, а не социальным происхождением или приписываемым статусом.

- Equality of opportunity (that is, *meritocracy*), not equality of outcome (that is, egalitarianism), is the gospel according to New Labour [The Independent, Aug 06, 1995, electronic edition].

Последние тенденции в современной политической жизни можно узнать через новостные ленты и электронные версии газет сети интернет, можно буквально услышать “прямую речь” политиков в социальных сетях. Исследованный материал показывает, что многие слова-телескопы в политическом дискурсе напрямую взаимосвязаны с интернетом и информационными технологиями:

netiquette < Internet + etiquette — ‘правила поведения в сети интернет’.

- Internet denizens already know about this process: “*netiquette*” is an example of rules that sprang seemingly from thin air, without any central enforcement body [The Independent, Jun 21, 1999, electronic edition].

В современном английском языке телескопия приобретает статус продуктивного способа словообразования, поскольку некоторые компоненты телескопических единиц становятся популярными и носят серийный характер. В таких случаях усечённый “осколочный” фрагмент больше не соотносится только с исходной лексической единицей, а воспринимается как структурный элемент с определённой функцией и семантикой. Он фактически превращается в полноценную лексику, как, например, -verse (мир, объединение), -rati (знатное общество):

Twitterverse < Twitter + universe — ‘социальная сеть *Twitter* и её пользователи’;

- The *Twitterverse* demands constant attention in the search for the next scoop; his feed curates tweets and links from news sources all over the world and is the first place to hear who’s died, apologized or lied [The Independent, Mar 04, 2015, electronic edition].

belligerati < belligerent + literati — ‘писатели, представители интеллигенции, которые поддерживают войну или империализм’.

- The first Democratic president (Barack Obama) in the modern era to be elected on an anti-war ticket is also, to the relief of neocons and the liberal *belligerati*, a hawk [The Guardian, Jan 27, 2009, electronic edition].

Таким образом, телескопия на данном этапе развития английского языка превратилась в популярный способ словообразования. Наибольшая продуктивность телескопических единиц в политическом дискурсе проявляется среди имён существительных, которые в сжатом экспрессивном виде способны передать сложные концепты, соответствующие современным политическим реалиям, зачастую с оттенком субъективно-оценочной окраски.

Список литературы:

1. Черноусова Ю. А., Ширяева Т. А. Контракты в англоязычном деловом дискурсе: сущность, основные характеристики, типология // Гуманитарные исследования. 2011. №3. С. 104–110.
2. Шевелёва А. Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (На материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 2003. 195 с.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград. 2000. 440 с.
4. Dijk, T. (2002). Political Discourse and Ideology. In *Anàlisi del discurs polític* (Clara Ubaldina Lorda & Montserrat Ribas ed., pp. 15–34). Barcelona: IULA. Universitat Pompeu Fabra.
5. *The Guardian* [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.theguardian.com> (Accessed 21.03.2015)
6. *The Independent* [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.independent.co.uk> (Accessed 21.03.2015)

Сведения об авторе: Марина Вадимовна Крат, кандидат филологических наук, доцент, Пятигорский государственный лингвистический университет; email: maureen_k@mail.ru

THE LINGUISTIC-CULTURAL STATUS OF TELESCOPIC WORDS IN THE POLITICAL DISCOURSE

Marina V. Krat

PhD in Linguistics, Associate Professor, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk; email: maureen_k@mail.ru

Abstract

In Russian linguistics the status of telescoping, its growing importance is emphasized by a variety of the researches devoted to different aspects of this phenomenon: from structural-semantic characteristics and cognitive markers to the definition of its linguistic-cultural features. In modern English the use of telescopic words is largely explained by the peculiarities of a specific discourse: they can make an integral part of rhetorical components of this discourse, or, on the contrary, are used very restrictedly. The concept of “telescoping”, topical both for Russian and foreign linguistics, brightly reflects the changes in the political sphere of the society life, reveals the demand for defining new culture-specific concepts. The phenomena under consideration often represent complicated concepts, the method of telescoping is the most suitable in this case. Thanks to its expressiveness and informative capacity it allows to make the greatest impact on the recipient. The author analyses the reasons for the emergence of telescopic words in the political discourse.

Key words: Modern English, political discourse, telescoping, telescopic words.

References:

1. Chernousova, Iu.A., Shiriaeva, T. A. (2011). Kontrakty v angloiazycznym delovom diskurse: sushchnost', osnovnye kharakteristiki, tipologiya [Contracts in the English Business Discourse: Essence, Main Characteristics, Typology]. *Gumanitarnye issledovaniia*, №3, pp. 104–110.
2. Sheveleva, A.N. (2003). Struktura i semantika teleskopicheskikh proizvodnykh s tochki zreniia kognitivnoi lingvistiki (Na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka) [The Structure and Semantics of Telescopic Derivatives from the Point of View of Cognitive Linguistics (On the Basis of Modern English Language)] (PhD thesis), St. Petersburg. 195 p.
3. Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa [The Semiotics of Political Discourse] (Doctoral thesis), Volgograd. 440 p.
4. Dijk, T. (2002). Political Discourse and Ideology. In *Anàlisi del discurs polític* (Clara Ubaldina Lorda & Montserrat Ribas ed., pp. 15–34). Barcelona: IULA. Universitat Pompeu Fabra.
5. *The Guardian* [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.theguardian.com> (Accessed 21.03.2015)
6. *The Independent* [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.independent.co.uk> (Accessed 21.03.2015)

Языковая игра как средство инвективы (на материале интернет-коммуникации)

Э. П. Лаврик

Северо-Кавказский федеральный университет
(Россия)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности реализации языковой игры в политическом дискурсе на примере интернет-коммуникации. Современная экстралингвистическая ситуация способствовала повышению активности интернет-общения на политические темы. Экспрессивность общения в сети интернет достигается в том числе путем использования языковой игры. Языковая игра в интернет-общении реализуется на различных уровнях языковой системы. Наиболее активные процессы можно наблюдать на лексическом и словообразовательном уровнях. Языковая игра в политическом дискурсе является емким и образным средством передачи смысла, позволяет

закодировать целую ситуацию, понятную участникам коммуникации, и реализует действующий в языке принцип экономии речевых усилий. Степень инвективности рассматриваемых языковых средств различна, что приводит к различной оценке текстов политической интернет-коммуникации с позиции лингвиста-эксперта.

Ключевые слова: политический дискурс, языковая игра, инвектива.

В современной лингвистической науке понимание языковой игры выходит за рамки только стилистического приема и является широким как по набору языковых средств, так и по функциям. Одна из этих функций — инвективная. Инвективность, являясь одной из форм реализации вербальной агрессии, представляет собой совокупность единиц языка, способных приобретать оскорбительный компонент семантики при определенном коммуникативном намерении субъекта инвективы. Определение степени инвективности высказывания является предметом исследования юрислингвистики и находит свое выражение в практике производства лингвистических экспертиз.

В нашем исследовании предпринимается попытка анализа инвективного потенциала языковой игры в политическом дискурсе на примере текстов интернет-коммуникации.

Под “политическим дискурсом” мы имеем в виду корпус текстов “о политике”, функционирующих в интернет-пространстве. Традиционно политическим дискурсом считают речевую деятельность политических субъектов, прежде всего действующих политиков. Однако в определенные периоды активность политических дискуссий возрастает, в сферу обсуждения политических проблем вовлекаются широкие слои общества, и разговоры “о политике” становятся все более частотными в сфере как устной, так и письменной коммуникации. Предвыборные кампании, внешнеполитические и внутригосударственные события становятся предметом активного обсуждения, в том числе в сети интернет.

Интернет-коммуникация (особенно в блогах, чатах, социальных сетях) — это “письменная разговорная речь”, и ей свойственны диалогичность, разговорность, экспрессивность.

Экспрессивность интернет-общения достигается в том числе использованием языковой игры. Языковая игра в силу нестандартности использования арсенала языковых средств сама становится средством создания экспрессии и приводит к возникновению имплицитных смыслов, вступающих во взаимодействие со смыслами эксплицитными, посредством чего возникает второй смысловой план высказывания. Говорящий/пишущий играет со смыслами намеренно, с целью привлечения внимания читателя или слушателя и вовлечения его в процесс распознавания скрытых смыслов высказывания,

и рассчитывает на то, что это игра, что такое использование языка несерьезно. Однако “несерьезность” языковой игры “с лихвой компенсируется ее эффективностью как средства воздействия, практически не попадающего ни под какие юридические ограничения” [1, с. 229]. Языковая игра позволяет завуалировать негативные смыслы высказывания, сделать инвективу имплицитной, при этом негативность номинаций и оценок однозначно воспринимается носителями языка как оскорбление, но не подпадает под юридическую квалификацию данного явления как оскорбления.

Наиболее ярко лингвокреатив в языковой игре проявляется на словообразовательном уровне. Для создания новообразований используются существующие в языке словообразовательные модели.

К регулярно встречающимся в интернете неологизмам русского политического дискурса могут быть отнесены следующие: *майданер, кавказоид, путиноид; пехтинг, путинг, медвединг, путлер, димонизация, жидостан, белоленточник, белогандонник, галстукоед, кремлядь, либераст, фуаграст, православие, монстрация, долбославие, зомбоящик, поцриотический официоз, быдлосование, журнализды, едроня, едросята, едросить, поедросить, селигерыш, укурыш, корруппиада, хамоничики, пармезаничики, Рашистская Федерастия* и др.

Наиболее частотные приемы словотворчества:

- создание агентивных существительных “со значением лица, которому дается характеристика со стороны профессиональной деятельности, рода занятий или качественная характеристика” [2, с. 126] и отвлеченных существительных, чаще с процессуальным значением. Экспрессивная функция здесь является доминирующей: *майданер, кавказоид, путиноид, путинг, селигерыш, свидомиты, поцреоты*, “лидОр;
- словосложение: *жидостан, пиндостан, белоленточник, белогандонник, галстукоед, демшиза, майданобайтер, виртитушки, евромайдауны, майданопитеки*;
- контаминация языковых единиц, порождающая цепь ассоциаций при условии принадлежности пишущего и читающего к одной языковой картине мира, при наличии общего фонда знаний. Например: *кремлядь, либераст, фуаграст, православие, монстрация, долбославие, зомбоящик, поцриотический официоз, быдлосование, журнализды, мовнюки*;
- лексико-синтаксический способ словообразование, в результате которого появляется номинация, образованная путем слияния словосочетания *крымнаши (Крымнаши скоро завоют от голода), щэньэмэрлыкы* (украинские патриоты, исполняющие гимн “Щэ нэ вмэрла Украина...”).

Сознательное нарушение языковой нормы, несоответствие усугублено — и при этом использование существующих в языке словообра-

зовательных моделей — приводит, с одной стороны, к созданию комического эффекта, а с другой — к языковой компрессии. Новообразования по семантической емкости представляют собой “смысловую свертку”: *кремлядь, быдлосование, укросрач, хохлосрач*.

Некоторые из новообразований понятны практически каждому читающему, другие — определенным группам в социальных сетях (Луркоморье, Упячка и др.). Но, зародившись внутри определенных групп, слова иногда выходят за их пределы и становятся употребительными среди более широких групп пользователей. Так произошло со словом “*фуаграст*”, прошедшим путь от “тусовщика” до пренебрежительного наименования “страдающего от санкций”.

Степень инвективности новообразований в интернет-коммуникации различна: от скрытых негативно-оценочных смыслов до прямых инвектив.

Наименьшей степенью инвективности отличаются лексемы, не включающие компонентов с негативно-оценочными смыслами, их негативная составляющая определяется стоящими за ними прецедентными ситуациями: *галстукоед* (о М. Саакашвили), *альфафастерх* (о В. Путине), *вогнегасник* (о В. Кличко).

Большей степенью инвективности отличаются новообразования, в которых одна или обе лексемы из участвующих в контаминации имеет негативный смысл: *майдауны, монстрация, правослабие, долбославие, поцриотический, гейрона, срашка, Поломойск, укронитек, Даунбасс, мовнюки, укросрач* и др.

Использование лексем, построенных по таким моделям, является эффективным средством создания имплицитной инвективы в текстах интернет-коммуникации. Будучи “обидными” для адресата, такие единицы не являются оскорбительными с юридической точки зрения, так как в них нет инвективной лексики.

Наибольшим инвективным потенциалом обладают лексемы, содержащие прямые аллюзии к обсценной лексике в ее инвективной функции: *кремлядь, либераст, фуаграст, белогандонник, “евроб***ь”, “лидОр / лидАр”* и др. Однозначность трактовки таких лексических единиц позволяет говорить уже об эксплицитности инвективы, что часто служит основанием для возбуждения исков не только о защите чести и достоинства, но и об оскорблении, а также об экстремизме. Частотность употребления инвектив в интернет-коммуникации обусловлена еще и опосредованностью, дистантностью и “завуалированностью” общения, участием в политических дискуссиях под “ником”.

Языковая игра в политическом дискурсе является емким и образным средством передачи смысла, позволяет закодировать целую ситуацию, понятную участникам коммуникации, и реализует действующий в языке принцип экономии речевых усилий.

Список литературы:

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие/ А. Н. Баранов. М.: Флинта: Наука, 2007.
2. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы/ С. В. Ильясова, Л. П. Амири. — М: ФЛИНТА: Наука, 2012.

Сведения об авторе: Лаврик Эльвира Петровна, к.ф.н., доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия; email: ellav@rambler.ru

**WORDPLAY AS A DEVICE OF INVECTIVE
(AS EXEMPLIFIED IN INTERNET COMMUNICATION)**

Elvira P. Lavrik

Associate Professor at the Department of Russian Language,
PhD in Philology, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia;
email: ellav@rambler.ru

Abstract

Specifics of wordplay in political discourse, as exemplified in internet communication, are analyzed in the paper. Due to current extralinguistic situation, political discussions online have intensified.

One of the ways to make communication more expressive is to employ wordplay. It is applied at different levels of language system. The process is most active in lexicology and word-formation. Wordplay in political discourse is a succinct and creative technique that allows encoding of an entire situation, comprehensible to all sides of communication, and becomes an embodiment of economy principle in linguistics. Examined language means are invective to a variable degree. From the perspective of linguistic expert, this leads to dissimilar evaluation outcomes when dealing with political texts in internet communication.

Keywords: political discourse, wordplay, invective.

References:

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teorija i prak-tika [Linguistic Study of Text: Theory and Practice] ucheb. posobie/ A. N. Baranov. M.: Flinta: Nauka, 2007.
2. Il'jasova S. V. Jazykovaja igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy [Language Game within the Framweork of Mass Media and Advertising]/ S. V. Il'jasova, L. P. Amiri. — M: FLINTA: Nauka, 2012.

Лингвистический анализ политического медиадискурса КНР: теоретические и экспертно-практические измерения

Т. Н. Лобанова

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация

Усиление роли интернета как источника информации создает новые виды коммуникации. В статье представлены результаты монографического исследования автора. Политический медиадискурс рассматривается как пересечение политического и медийного дискурса в пространстве массовых коммуникаций. Медиатекст и мультимедиатекст китайских массмедиа выступают базовыми единицами исследования. В экспертно-аналитической части вычленяются *специфика политического медиадискурса КНР и языка*, а также феномены языка и речи в китайских медиа в переводческом аспекте.

Ключевые слова: политический медиадискурс, медиатекст, новые медиа КНР, политический язык.

Статья посвящена анализу политического медиадискурса КНР. Цель — политлингвистическое описание системы современного китайского политического дискурса в медиапространстве.

Большинство медиаисследований возникло до цифровой революции и экспоненциального роста сетевых СМИ. В условиях рождения медиа, революционизирующих социум: интернета, цифрового спутникового телевидения, блогосферы, — происходит депрофессионализация журналистики, а участие аудитории в производстве контента — вызов, который сегодня определяет методы борьбы и дискурсы в сфере медиа. Демонстрирует динамичность и языковая норма. Исследовательский акцент сегодня смещается в сторону риторики массмедиа [2; 9]. Лингвосемантический анализ текстов массмедиа является инструментом постижения политического содержания.

В России защищено значительное число диссертаций, посвященных изучению политического медиадискурса и сопряженным с ним вопросам [5; 8; 10], а также изучению внешнеполитических процессов КНР [3; 7]. Политический медийный дискурс является видом институционального дискурса, находящегося в плоскости пересечения политических и медийных коммуникаций. Свойства медиатекстов обуславливают применение интегрированного подхода [2, с. 19].

Обозначенные выше концепции и подходы в приложении к китаезычному материалу обуславливают специфику исследования. Пекин приступил к перестройке мировых реалий в соответствии со своими интересами. Наметились черты “возвышения” Китая, что, очевидно, и спровоцировало “геополитическую истерию” 2014 г.

Обратимся к примерам анализа. Среди популярных медиатопиков, посвященных международной проблематике, — IT-технологии. Формирование *медийной повестки* (на этапе отбора фактов и тем для освещения), связанной с IT-технологиями США, — информационно-коммуникативный прием воздействия макроуровня и мезотехнология одновременно.

Так, в статье под заголовком “iPhone 5,苹果的危机” [11] говорится о “яблочной угрозе”. Обама номинируется как “奥巴马: 互联网总统” — “сетевой президент”; “黑马, 奥巴马” — “темная лошадка Обама”. Подчеркивается, что “помимо создания сайта, Обама практически во всех соцсетях зарегистрировал свою страницу. Facebook, Twitter, MySpace, Digg, и даже такая узко-сегментная сеть, как Pinterest, превратились в его предвыборную площадку и каналы поиска капитала” [11].

Тенденция нарастания медиатопика “США и международные отношения” характеризует медиатопот КНР в 2014–2015 гг. Э. Сноудену посвящены отдельные колонки в центральных печатных и электронных изданиях Китая: “как показала директива, Б. Обама отдавал распоряжение чиновникам составлять списки потенциальных объектов для кибератак” [12]. Актуализировались медиатопики “нарушение норм поведения в международном пространстве и водах” и “военно-политическое противостояние США и КНР” в китайских СМИ. Обратимся к примерам. В статье под названием “社评: 中国侦察船要尽早出现在美国近海” [14] китайского центрального издания “*环球时报*” утверждается следующее: “США заявляют, что не планируют сдерживать Китай, КНР говорит, что не намерен “выдворять” Америку из Азии. Смысл у этих заявлений схожий. У обеих стран просто нет другого выхода: для обеспечения своей безопасности они стремятся достичь совершенно разного соотношения сил. Штаты надеются сохранить абсолютное преимущество над Китаем, Китай, в свою очередь, хочет максимально сократить разницу в силе. Между Пекином и Вашингтоном нет согласия, поэтому необходимо “притереться” друг к другу”.

Примеры, представленные выше, позволяют убедиться в том, что китайцы — мастера метафор и использования других стилистических фигур. Представляется, что основную сложность при переводе являет собой метафора как основное средство создания образности в письменном тексте в целом, а в медиадискурсе,

в частности, как средство передачи эмоциональной и эстетической информации текста. Метафора — это аксиологический центр текста, это фокус авторской оценки. Одна из особенностей современного китайского информационного пространства заключается в высоком уровне метафоризации текста. Китайские метафоры обнаруживают присущие китайскому обществу культурно обусловленные особенности, которые определяют количественные и качественные несовпадения в метафорике языков и трудности при переводе.

В нижеприведенных примерах показано, как при помощи метафор моделируется образ американского государства, не справляющегося с противоречиями, вызванными действиями в рамках внешней политики: *“Сегодня Америка затянула себя сразу в три водоворота острых противоречий. Здесь и полный хаос на арабском Ближнем Востоке, и зыбкая почва мутного стратегического позиционирования в отношениях с Китаем, и охлаждение отношений с Россией, в которых, как и во время холодной войны, температура упала до нуля”* [11]. Абзац насыщен лексикой с негативной оценочностью, а высказывания об отношениях с США и Россией пронизывает образ “холода”: *охлаждение отношений, холодная война, температура упала до нуля*, что подталкивает читателя сделать выводы об общей ситуации на политической арене и недвусмысленно формирует отношение читателя к противнику КНР.

В некоторых случаях анализа и перевода текстов китайских СМИ понять содержание невозможно без смысловой интерпретации его невербальных составляющих — рисунков, схем, фотографий, таблиц и т.д. В китайских новых медиа частотны определенные жанры графики — карикатура, шарж. Примечательно то, что объектом шаржирования у китайцев становятся их собственные лидеры.

Стратегия дискредитации реализуется с помощью следующих языковых средств: употребление слов и словосочетаний с оценочным значением, а также с отрицательными коннотациями; совокупность негативных фактов или действий; обвинение, выраженное имплицитно или эксплицитно, и др. Так, например, на реализацию стратегии дискредитации работает употребление образно-идеологической метафоры в составе антитезы: *“мягкое лидерство” Китая* противопоставлено *“черно-белому мышлению США”* [11].

При анализе китайского медиапространства можно отметить следующее: расширение тематического репертуара и медийной повестки, отход от старых сценариев, использование возможностей языка массмедиа (посты, перепосты, комментарии, интертекстуальность и креативность, присутствие в языке новых стереотипизированных элементов и метафоризация, расширение возможностей медиаряда),

а также такая особенность китайских официальных медиапродуктов, как плагиат западной языковой практики. Отдельные языковые явления с очевидностью объединяются в целостную картину идеологической пропаганды.

Для китайских новых медиа характерны следующие манипулятивные приемы формирования образов геополитических субъектов в медиапотоке “международная политическая жизнь”: подмена аргумента или его отсутствие, использование мифов и статистики, примитивизация информации, включение элементов юмора и сатиры, фразеологизмов, шаржирования и др. Распространенный масштабный рычаг манипуляционного воздействия — формирование медийной повестки. Политическая наука, столкнувшаяся с проблемами методологии, позднее других гуманитарных наук совершила “лингвистический разворот”. Это дает исследователям шанс на поиск нового методологического импульса, позволяющего сквозь призму языка “предугадывать” (в научном плане) практическое развитие современных политических процессов [6].

Список литературы:

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2008. 352 с.
2. Добросклонская Т. Г. Методология анализа конвергентных текстов в условиях конвергентных СМИ // Материалы научно-практической конференции “Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы” (26–27 апреля 2013 г.). М., 2013. С. 18–27.
3. Евдокимов Е. В. Основные направления стратегии внешне-политической пропаганды КНР в отношении США : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Евдокимов Евгений Витальевич. М., 2011. 296 с.
4. Жуков И. В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: особенности освещения северокавказского конфликта 1998–2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Жуков Илья Владимирович. Тверь, 2002. 211 с.
5. Корф О. В. Медiateкст как инструмент формирования дискурса в политическом конфликте: на примере конфликта 1994–1996 гг. в Чеченской Республике: дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Корф Ольга Викторовна. М., 2009. 148 с.
6. Лобанова Т. Н. Политический медиадискурс КНР: теория и методология анализа. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. 175 с.
7. Лоханин А. М. Политика США в отношении КНР (1993–2000 гг.). Проблемы военно-политической безопасности: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Лоханин Антон Михайлович. М., 2006. 24 с.

8. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Михалева Ольга Леонидовна. Иркутск, 2004. 289 с.
9. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2012. 232 с.
10. Уртаева Э. Б. Особенности современного международно-политического дискурса в сфере энергетического взаимодействия государств : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Уртаева Элина Бексолтановна. М., 2011. 22 с.
11. InoСМИ.Ru Все, что достойно перевода. URL: <http://inosmi.ru/>
12. South China Morning Post. URL: <http://www.scmp.com/frontpage/international>.
13. 李开盛: 现在不是嘲讽美国的时候 [Не время смеяться над Америкой]. URL: http://opinion.huanqiu.com/opinion_world/2014-08/5114936.html
14. 社评: 中国侦察船要尽早出现在美国近海 [Китайской разведке необходимо как можно скорее попасть в прибрежные воды США]. URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2014-08/5120314.html>.

Сведения об авторе: Лобанова Татьяна Николаевна, к.п.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск; email: lobanovaty@mail.ru

LINGUISTIC ANALYSIS OF CHINA`S POLITICAL MEDIA DISCOURSE: THEORETICAL AND PRACTICAL EXPERTISE

Tatiana N. Lobanova

Associate Professor, Ph. D. in Pedagogics,
National Pacific University, Khabarovsk, Russia;
email: lobanovaty@mail.ru

Abstract

The article presents the results of monographic studies of the author: the theoretical understanding of the cycle "political and media discourse". The author examines and analyzes political media texts of contemporary China, primarily the genre of information analyst in the new media to identify information and communication technologies' impact on the reader. Applying CDA methods makes it possible to identify the trajectory of ideological variations and governance encoded in Chinese media texts.

Key words: political media discourse, media text, new media in China, political language of contemporary China.

References:

1. Budaev, Je. V., & Chudinov A. P. (2008). *Zarubezhnaia politicheskaiia lingvistika* [Foreign political linguistics]. Moscow: Flinta. 352 p.
2. Dobrosklonskaja, T. G. (2013). Metodologiiia analiza konvergentnykh tekstov v usloviakh konvergentnykh SMI [The methodology of the analysis of texts in convergent media] *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii "Razvitie russkoiazycznego media-prostranstva: kommu-nikatsionnye i eticheskie problem"*. Moscow. P. 18–27.
3. Evdokimov, E. V. (2011). *Osnovnye napravleniia strategii vneshne-politicheskoi propagandy KNR v otnoshenii SShA* [Main directions of the China's foreign propaganda for the US6]. Moscow. 296 p.
4. Zhukov, I. V. (2002). *Kriticheskii analiz diskursa pechatnykh SMI: osobennosti osveshcheniia severokavkazskogo konflikta 1998–2000 gg.* [A critical discourse analysis of print media: press coverage of the North Caucasus conflict of 1998–2000]. Tver. 211 p.
5. Korf, O. V. (2009). *Mediatekst kak instrument formirovaniia diskursa v politicheskom konflikte: na primere konflikta 1994–1996 gg. v Chechenskoj Respublike* [Media text as a tool for the formation of discourse in the political conflict: the case of conflict of 1994–1996 in the Chechen Republic]: candidate dissertation in political science. Moscow. 148 p.
6. Lobanova, T. N. (2014). *Politicheskii mediadiskurs KNR: teoriia i metodologiiia analiza* [China's political media discourse: theory and methodology of analysis]. Khabarovsk: TOGU. 175 p.
7. Lohanin, A. M. (2006). *Politika SShA v otnoshenii KNR (1993–2000 gg.). Problemy voenno-politicheskoi bezopasnosti* [The US policy toward China (1993–2000). Problems of military-political security]. Moscow. 24 p.
8. Mikhaleva, O. L. (2005). *Politicheskii diskurs kak sfera realizatsii manipuliativnogo vozdeistviia* [Political discourse as a sphere of realization of manipulative influence]. Moscow. 298 p.
9. Parshina, O. N. (2012). *Rossiiskaia politicheskaiia rech': teoriia i praktika* [Russian political speech: theory and practice]. M.: Publ. House "LIBROKOM". 232 p.
10. Urtaeva, E. B. (2011). *Osobennosti sovremennogo mezhdunarodno-politicheskogo diskursa v sfere energeticheskogo vzaimodeistviia gosudarstv* [Features of the modern international political discourse in the field of energy cooperation]. Moscow. 22 p.
11. *InoSmi.Ru Vse, chto dostoino perevoda* [=All that is worth translating], available at: <http://inosmi.ru/>
12. South China Morning Post. URL: <http://www.scmp.com/frontpage/international>
13. 李开盛: 现在不是嘲讽美国的时候 [=It's not high time to laugh over America], available at: http://opinion.huanqiu.com/opinion_world/2014-08/5114936.html, accessed 28.10.2014.
14. 社评: 中国侦察船要尽早出现在美国近海 [=Chinese intelligence needs as soon as possible to get into the coastal waters of the United States], available at: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2014-08/5120314.html>, accessed 28.10.2014.

Исследование политического текста приемами прагмалингвистики¹

Г. Г. Матвеева, И. А. Зюбина

Южный федеральный университет

Аннотация

В статье рассматриваются особенности политического текста на примере текстов депутатов бундестага и британского парламента; методы анализа текста функциональной прагматики выделением коммуникативных стратегий и тактик и приемы скрытой прагмалингвистики выделением речевых стратегий и их планов; описываются различия в проявлении в тексте коммуникативных и речевых стратегий по критериям выбора адресантом типа лингвистических единиц (т. е. что выбирается) и по критериям осознанности / неосознаваемости адресантом этого выбора (т. е. как выбирается). Рассматриваемые явления актуальны, так как вопросы политической коммуникации выходят на повестку дня в современном мире, а их решение отличается новизной, так как используется современный антропоцентрический подход, учитывающий в речевом общении человеческий фактор.

Ключевые слова: прагмалингвистика, политическая коммуникация, коммуникативные стратегии и тактики, адресант, адресат.

Цели политического текста ясны и определены — как правило, понравиться слушателю и затем вызвать нужную реакцию. Анализ речей политических деятелей Германии во время выступления в бундестаге и политиков Великобритании в парламенте в рамках обсуждения ситуации на юго-востоке Украины показал, что, продуманно выбирая слова и целенаправленно строя свои высказывания, они формирует свой имидж, пытаясь понравиться адресату и завоевать сторонников. Этот имидж назовем фальшь-имидж, потому что политик формирует его, ориентируясь на интересы и особенности своего среднестатистического слушателя [3, с. 63–69]. Обычно для этого отправитель текста использует коммуникативные стратегии и тактики, в тактиках реализуются иллокуции, т. е. намерения автора. Лингвистическое оформление тактик происходит при выборе адресантом языковых единиц, которые в результате речевого воздействия вызывают у адресата ассоциации.

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14–04–00029 “Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент”).

Направление прагмалингвистики, в котором изучаются коммуникативные стратегии и тактики, назовем функционально-иллокутивным [3, с. 7–22]. В современной лингвистической литературе все прагмалингвистические исследования посвящены именно изучению, классификации и языковому представлению иллокуций.

С другой стороны, психологический механизм выбора языковой единицы может быть ненамеренный или привычный. При частой, массовой реализации какого-то речевого действия его намеренность и целенаправленность уходят в подсознание коммуникантов, и действие становится неосознаваемым ими, можно сказать привычным. Понятие привычки встречается в лингвистической литературе [4]. Под привычкой понимаются “бессознательные индикаторы”, которые относятся к важным чертам личности человека пишущего. Эти важные черты можно зафиксировать в речевом портрете говорящего, когда частый массовый выбор адресантом грамматических категорий становится автоматическим, привычным и неосознаваемым. При этом не осознается ни план выражения, ни план содержания грамматических категорий в речевом общении.

В прагмалингвистике такой выбор изучается вероятностно-статистическим методом модифицированного контент-анализа [2, с. 125–129]. При этом выявляется в изучаемом тексте процентное наличие тех или иных речевых сигналов, свидетельствующих о наличии грамматической категории. Эти процентные величины, собранные в отношении конкретного говорящего, составляют его речевой портрет. Под речевым портретом понимается набор речевых предпочтений конкретного адресанта для воздействия здесь и сейчас на конкретного адресата путем реализации своих конкретных мотивированных

Таблица 1

Речевое поведение немецких и британских политиков по скрытой речевой стратегии “Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии”

Место выступлений	План		
	Личный	Социальный	Предметный
Выступления в бундестаге Германии	18,3%	17,8%	63,9%
Выступления в парламенте Великобритании	18%	16%	66%
Средний речежанровый показатель	18,15%	16,9%	64,95%

намерений и путем актуализации своих скрытых воздействующих стратегий речевого поведения [1].

Мы проанализировали выступления по проблемам Украины немецких и британских политиков по скрытой речевой стратегии “Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии” (см. Таблицу 1 “Речевое поведение немецких и британских политиков по скрытой речевой стратегии ‘Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии’”).

*Таблица 2
Речевое поведение политиков бундестага по скрытой речевой стратегии “Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии”*

Автор \ План		Личный		Социальный		Предметный		Всего МСГ
		МСГ	%	МСГ	%	МСГ	%	
1	Steinmeier	85	27,6	69	22,4	154	50	308
2	Gysi	77	20,6	23	6,1	274	73,3	374
3	R.Mützenich	35	14,8	61	25,8	140	59,4	236
4	A.Schockenhoff	17	7,6	32	14,4	174	78	223
5	G.Erler	13	9	25	17,4	106	73,6	144
6	K.-G.Wellmann	40	16,9	61	25,7	13	57,4	237
7	Thönnies	24	17,8	27	20	84	62,2	135
8	Bergner	29	17,6	27	16,4	109	66	165
9	N.Spinrath	25	18,2	9	6,6	103	75,2	137
10	W. Gehrcke	46	25,3	48	26,4	88	48,3	182
Всего МСГ		391		382		1368		2141
СРП			18,3		17,8		63,9	
Шаг отклонения			4,2		5		7,1	
Доверительный интервал			14,1–22,5		12,8–22,8		56,8–71	

Как видно из таблицы, *стереотипное* речевое поведение групп немецких и британских политиков по данной стратегии существенно не отличается. Обратимся к показателям *индивидуального* речевого поведения и приведем пример исследования речи немецких политиков (см. Таблицу 2 “Речевое поведение политиков Бундестага по скрытой речевой стратегии ‘Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии’”).

Рассмотрим фрагменты индивидуального речевого поведения немецких политиков. Из десяти исследуемых политических деятелей Германии у Ф.-В. Штайнмайера (27,6%) наблюдается процентное превышение верхней границы доверительного интервала личного плана (22,5%). Этот факт позволяет диагностировать у данного политика такие личностные качества, как лидерство, склонность к самовосхвалению, а также важно отметить, что у таких политиков личностные цели превосходят групповые, что подчеркивает самостоятельность их действий. Что касается политиков, у которых процентное соотношение личного плана находится ниже границы доверительного интервала (14,1%): у А. Шоккенхоффа (7,6%) и Г. Ерлера (9%), то данный факт можно проинтерпретировать как отсутствие выраженного индивидуализма у политиков. Они более других не уверены в своих действиях, боятся выразить свое личное мнение.

При анализе социального плана было выявлено, что верхнюю границу доверительного интервала (22,8%) превышают процентные показатели двух авторов, а именно Р. Мютцениха (25,8%) и К.-Г. Веллмана (25,7%). Данный показатель свидетельствует о кооперативном типе речевого поведения. Эти политики ценят коллективистские отношения и контактность. Можно также отметить их способность работать в команде и быть готовым к любому сотрудничеству. Самые низкие показатели социального плана присущи Гизи (6,1%) и Спинрату (6,6%), что свидетельствует об их предпочтении работать в одиночку, а также о полной уверенности в себе за принятие ответственных решений.

Таким образом, мы видим, что исследование политического текста приемами функциональной и скрытой прагмалингвистики вполне возможно и успешно.

Список литературы:

1. Матвеева Г. Г. Объективный прагмалингвистический эксперимент для составления речевого портрета автора // Теория и практика анализа текста в аспекте скрытой прагмалингвистики / Матвеева Г. Г., Бутусова А. В., Ломова О. Е. и др. Ростов-на-Дону : ИУБиП, 2007. 196 с.
2. Матвеева Г. Г. Особенности контент-анализа при обработке данных объективного прагмалингвистического эксперимента в рамках скрытой прагмалингвистики // Язык. Дискурс. Текст. Ростов-на-Дону : РГПУ, 2004. С. 125–129.

3. Матвеева Г. Г., Самарина И. В., Селиверстова Л. Н. Диагностирование языковой личности и речевое поведение политика. Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ. 2009. 156 с.
4. Сепир Э. Общие проблемы языка // Избранные труды по языкознанию и культурологии. www.classes.ru/.../source/worddocuments/8.htm

Сведения об авторах:

Матвеева Галина Григорьевна, д.ф.н., профессор, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; email: gegemat2337633@rambler.ru

Зюбина Ирина Анатольевна, к.ф.н., доцент, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; email: i-r-a-z@rambler.ru

POLITICAL TEXT'S STUDYING BY METHODS OF PRAGMALINGUISTICS

Galina G. Matveeva

Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
email: gegemat2337633@rambler.ru

Irina A. Zyubina

Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
email: i-r-a-z@rambler.ru

Abstract

The article discusses the features of a political text as an example of the texts of Bundestag and the British Parliament; methods of text analysis of functional pragmatics by communicative strategies, tactics and techniques of Implicit Pragmalinguistics, its speech strategies and planes; describes the differences in the manifestation of the text communicative and speech strategies according to the sender's selection of linguistic units criteria type (i.e., what is selected), and according to the criteria of consciousness / unconsciousness of this choice (i.e., how it is selected). This phenomena is very important as problems of political communication are urgent in the modern world and because it uses modern anthropocentric approach that addresses a speech communication human factor.

Key words: Pragmalinguistics, political communication, communicative strategies and tactics, sender, addressee.

References:

1. Matveeva, G. G. (2007). Ob'ektivnyi pragmalingvisticheskii eksperiment dlia sostavleniia rechevogo portreta avtora [Objective Pragmalinguistic experiment for

drawing up a speech portrait of an author]. *Teoriia i praktika analiza teksta v aspekte skrytoi pragmalingvistiki* [Theory and practice of text analysis in the aspect of Implicit Pragmalinguistics]. Rostov-na-Donu: IUBiP. 196 p. : Author.

2. Matveeva, G. G. (2004). Osobennosti kontent-analiza pri obrabotke dannykh ob"ektivnogo pragmalingvisticheskogo eksperimenta v ramkakh skrytoi pragmalingvistiki [Peculiarities of content-analysis in data processing of objective Pragmalinguistic experiment in the framework of Implicit Pragmalinguistics]. *Iazyk. Diskurs. Tekst*. Rostov-na-Donu: RGPU. P. 125–129.
3. Matveeva, G. G., Samarina, I. V., & Seliverstova, L. N. (2009). *Diagnostirovanie iazykovoi lichnosti i rechevoe povedenie politika* [Diagnosing of linguistic personality and speech behavior of a politician]. Rostov-na-Donu: IPO PI IuFU. 156 p.
4. Sepir E. *Obshchie problemy iazyka. Izbrannye trudy po iazykoznaniiu i kul'turologii* [General problems of a language. Selected works on Linguistics and Cultural Studies]. www.classes.ru/.../source/worddocuments/8.htm

Роль вербальных и визуальных зооморфных персонификаций национальных стереотипов в политическом дискурсе

А. П. Миньяр-Белоручева, М. Е. Покровская

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Аннотация

В статье рассматривается роль вербальных и визуальных зооморфных персонификаций национальных стереотипов в политическом дискурсе. Стереотипы, составляющие основу политического дискурса, обусловлены как картиной мира каждого народа, так и сложившейся политической ситуацией в конкретный период исторического времени. Закрепленные за конкретными культурами и территориальными образованиями стереотипы, получившие выражение на вербальном и визуальном уровнях, ассоциируются с их народом и могут неоднозначно восприниматься соседями. Зооморфные вербальные и визуальные персонификации непосредственно связаны с тотемными животными. Однако многие народы в качестве зооморфного символа избирают животных, славящихся своей силой, что приводит к тому, что в качестве зооморфных стереотипов выступают мифические или бурлескные животные, не встречающиеся в природе. В период обострения отношений между странами использование

стереотипов в политическом дискурсе значительно возрастает. Зооморфные вербальные и визуальные персонификации используются политтехнологами как аксиологические символы и прочно ассоциируются с конкретными странами, вызывая определенные чувства, что является одним из наиболее действенных способов манипуляции сознанием масс.

Ключевые слова: политический, дискурс, национальные зооморфные стереотипы, персонификация, манипуляция сознанием масс.

Восприятие человеком окружающего мира через стереотипы, сформированные в предыдущие периоды и охватывающие все сферы его жизнедеятельности, экономит усилия при его интерпретации. Стереотипы это “предвзятые мнения”, обуславливающие восприятие мира и приводящие к созданию устойчивых образов “от истинного индекса до неопределенной аналогии” [5, р. 20].

С конца XVIII века зооморфные стереотипы используются в политическом дискурсе, который является одним из наиболее эффективных инструментов внушения и манипуляции сознанием масс [4]. При выборе зооморфного символа предпочтение отдается животным, известным своей силой. Как правило, зооморфные стереотипы регулярно воспроизводимые, коннотативно окрашенные и устойчивые, становятся идентификационным знаком нации и не поддаются изменениям. Самым популярным символом является лев. За право считать его олицетворением своего государства выступают многие европейские страны.

Лев олицетворяет мужество, силу и величие, вселяя ужас своей жестокостью, но двуликая сущность царя зверей превращала его из благородного зверя в чудовище. Выход был найден: темная сторона льва воплотилась в образе леопарда. Обе лексические единицы “lion” и “leopard” вошли в английский язык в конце XII века, восходя через старофранцузский и латинский к греческому. В этимологии “leopard” соединились два слова “lion” + “pardos” — “male panther”, [6]. В геральдике их можно было различить в зависимости от изображения голов и тел. Льва представляли в профиле, анфас стал титульным образом леопарда. Это имеет значение для карикатурной визуализации их образов в последующие периоды. К фаворитным позам льва относятся “lion couchant” (лев лежит на лапах, голова его поднята), “lion sejant erect” (лев прямо сидящий) и “lion regardant” (лев, смотрящий назад). А леопард изображен в позах “lion passant guardant”, или “leopard”, и “lion guardant” [2].

Это имплицитно проявляется в идиомах и карикатурах. В зависимости от степени передаваемой угрозы льва изображали в про-

филь или анфас в XIX веке. Но облик благородного льва всегда обманчив, поскольку один поворот головы отделяет его от злобного, не ведающего жалости леопарда. Жесткость натуры последнего отразилась в идиоме “a leopard cannot change its spots”. Внутренняя суть льва отражена в следующих идиомах: “lion’s share”, “lion in the path / way”, “to put one’s head in the lion’s mouth”, “to twist the lion’s tail”, которые также визуальны воплощены в политических карикатурах, основу которых составляет объединяющая мысль, подтверждающая существование детерминированного мыслительного конструкта, соединяющего конкретную идею с действительностью, что служит основанием для установления тенденций в картировании реальности [1, с. 3–16].

Автостереотипное восприятие Британии закреплено в идиоме “the lion’s share”, что было проиллюстрировано в журнале Punch в 1876 году. За спиной лежащего в позе “couchant” льва изображен британский премьер-министр Б. Дизраэли, передающий кошелек, набитый деньгами, Исмаилу-Паше, Хедиву Египта [8] за приобретение Британией египетских акций Суэцкого канала. Американская карикатура 1898 года “Lion’s share” критикует притязания Британии на Китай. На ней двуликий зверь в костюме Джона Булля — лев для читателей, которые видят его в профиль, и леопард для его европейских соперников, изображенных в виде русского медведя, германского орла и французского петуха, которые видят его анфас, стоя на карте Китая, требует признать его право, право сильного, на эту территорию [7].

Гетеростереотипное восприятие Британии отразилось в идиоме “Twisting the lion’s tail”. На карикатуре с одноименным названием можно ощутить обреченность Британской империи и усиливающуюся мощь молодого соперника, в момент, когда стареющий, загнанный на маленький остров лев-леопард, подвергается издевательствам со стороны жителей материкового государства [7].

Зооморфные вербальные и визуальные персонификации выявляют взаимоотношения государств на мировой арене на каждом конкретном этапе исторического развития, когда отрицательный гетеростереотип в определенных условиях может изменить свою модальность [3]. Персонифицированные образы животных являются одним из наиболее эффективных инструментов внушения. Зооморфные стереотипы относятся к одному из действенных способов манипуляции сознанием масс.

Список литературы:

1. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — С. 166–205.

2. Книга символов. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=290>
3. Миньяр-Белоручева А. П., Покровская М. Е. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве // Национальный психологический журнал. 2012. № 2 (8). С. 90–94.
4. Миньяр-Белоручева А. П., Покровская М. Е. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы-персонификации и вербальные образы-антропонимы // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2013, № 1, с. 52–65.
5. Lippmann W. Public opinion/ W. Lippmann. — New York: Harcourt, Brace and Co, 1922. — 220 p.
6. Online Etymological Dictionary. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.etymonline.com>
7. Sources and media. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.britishempire.co.uk/media/foreigncartoons/foreign-cartoon25>
8. Tenniel J. The lion's share. Punch, 26.02. 1876. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gettyimages.com/detail/news-photo/satirical-cartoon-showing-the-british-lion-having-secured-news-photo/3375809>

Сведения об авторах:

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; email: ostvera@mail.ru

Покровская Марина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; email: astram1@yandex.ru

THE ROLE OF VERBAL AND VISUAL ZOOMORPHIC PERSONIFICATIONS OF NATIONAL STEREOTYPES IN POLITICAL DISCOURSE

Alla P. Minyar-Beloroucheva

PhD in Philology, Dr. Habil, Lomonosov Moscow State University, History Faculty, the Department of Foreign Languages; email: ostvera@mail.ru

Marina E. Pokrovskaya

PhD in Philology, Lomonosov Moscow State University, History Faculty, the Department of Foreign Languages; email: astram1@yandex.ru

Abstract

The article deals with the role of verbal and visual zoomorphic personifications of national stereotypes in political discourse. Stereotypes that form the basis of political discourse are determined by the *Weltbild* of every nation and the political environment in a particular historical period. Associated with definite cultures and territorial entities, verbalized and visualized stereotypes are ambiguously taken by other nations. Verbalized and visualized zoomorphic personifications of national stereotypes as a rule derive from the totem animals. However, many nations prefer to choose the animals known for their strength and courage but not found in nature. That is why mythical or burlesque animals are commonly used as zoomorphic personifications of various nations. During the periods of growing diplomatic tension, the usage of zoomorphic stereotypes in political discourse considerably increases. Spin doctors use verbalized and visualized zoomorphic personifications associated with particular nations as axiological symbols to evoke certain feelings in the people. This can be regarded as one of the most effective ways of manipulation of the consciousness of the people.

Key words: political discourse, zoomorphic stereotypes, personification, national patterns, manipulation of consciousness.

References

1. Karasik V. I. Kul'turnye dominanty v yazyke // *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Cultural dominants in language / Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. — Volgograd: Peremena, 2002. — S. 166–205.
2. *Kniga simvolov* [A Book of Symbols]. URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=290>
3. Minyar-Beloručeva A. P., Pokrovskaya M. E. Etnicheskie stereotipy v sovremenom yazykovom prostranstve [Ethnic stereotypes in contemporary linguistic space] // *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2012. № 1(8). S. 90–94.
4. Minyar-Beloručeva A. P., Pokrovskaya M. E. Etnicheskie stereotipy v angloyazychnom prostranstve: vizual'nye obrazy-personifikatsii i verbal'nye obrazy-antroponimy [Ethnic stereotypes represented by personifications and anthroponyms created through visual and verbal images in English speaking area] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2013, №1, s. 52–65.
5. Lippmann W. *Public opinion*/ W. Lippmann. — New York: Harcourt, Brace and Co, 1922. — 220 p.
6. Online Etymological Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com>
7. Sources and media. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.british-empire.co.uk/media/foreigncartoons/foreigncartoon25>
8. Tenniel J. The lion's share. *Punch*, 26.02. 1876. URL: <http://www.gettyimages.com/detail/news-photo/satirical-cartoon-showing-the-british-lion-having-secured-news-photo/3375809>

О становлении нового лингвокультурного концепта biodeutscher в немецкоязычном политическом дискурсе¹

О. А. Никитина

Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого

Аннотация

В докладе рассматривается своеобразная траектория развития нового лингвокультурного концепта BIODEUTSCHER от зарождения к приобретению стабильных субстанциональных смыслов и оценочных характеристик и к вхождению в немецкую концептосферу. При этом политический дискурс выступает как среда, в которой в результате отражения и оценки в сознании языковой личности определенного фрагмента мира формируется некое идеальное содержание, способом объективации которого служит изначально описательное сочетание слов. Становясь с определенной частотой топиком дискурса, это идеальное содержание впоследствии в когнитивных и прагматических целях фиксируется в языке в виде различных однословных наименований. Выбор мотива и способа номинации зависит, прежде всего, от возможностей и интенций индивидуальной языковой личности, совершающей словотворческий акт. При этом наличие в качестве автора-новатора сильной языковой личности, пользующейся авторитетом в обществе, способствует распространению и закреплению нового слова в качестве имени концепта.

Ключевые слова: неологизм, лингвокультурный концепт, немецкоязычный политический дискурс, языковая личность.

В начале второго десятилетия XXI века мультикультурализм в Германии — это уже не только популярная идея, но и неизбежная реальность современного общества. Проблема интеграции немцев иммигрантского происхождения и их взаимоотношений с “коренными” немцами является поэтому одной из наиболее обсуждаемых в современном политическом дискурсе Германии. В данной статье речь пойдет о новом лингвокультурном концепте, представленном в по-

¹ Научное исследование проведено в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект № 1706.

литическом дискурсе Германии лексической единицей *Biodeutscher* — ‘немец, национальные, семейные и культурные корни которого находятся в Германии’.

Обозначим вкратце теоретические позиции, на которых базируется проводимое исследование. Мы рассматриваем концепт как дискретную содержательную единицу сознания, имеющую динамическую природу, образующую социально значимую смысловую доминанту в определенный период развития общества и получающую содержательную определенность на уровне дискурсивной реализации. Динамическая природа концепта заключается, с одной стороны, в его способности модифицироваться под воздействием культурно-исторических, социальных и дискурсивных факторов, с другой стороны, в онтогенетическом характере самого его существования в сознании, проявляющемся в вариативности концептуальной структуры и ценностно-смыслового наполнения на разных этапах онтогенеза (от фазы зарождения к фазе угасания, или же — в случае приобретения социально значимых смыслов и ценностных характеристик — к закреплению в концептосфере социума) [ср. 3; 4]. Дискурс есть пространство для актуализации концептов, при этом в значимых для определенного исторического периода типах дискурса отражается “эволюция” (по В. И. Карасику) концептов, проявляющаяся в рекуррентности и динамике их языковой объективации [2, 179].

Временем зарождения концепта *Biodeutscher* следует считать, по-видимому, первое десятилетие XXI века. Именно в этот период стал наблюдаться всплеск дискурсивной актуализации данного мыслительного феномена. Функционирование в политическом дискурсе сочетания *Mitbürger mit Migrationshintergrund*, полшутливого сокращения *Mimimi* и характерного для правопопулистского политического спектра обозначения *Passdeutscher*, обозначающих немцев, предки которых являются выходцами из других стран, на протяжении достаточно длительного времени задавало определенную парадигму противопоставления немцев по национально-культурному происхождению и подготовило вычленение рассматриваемого лингвокультурного феномена для его дальнейшей концептуализации и языковой объективации.

На этапе зарождения рассматриваемый концепт еще не имеет однословной номинации, однако может быть выражен описательно, например, через словосочетания типа *richtiger Deutscher* или *Deutscher ohne Migrationshintergrund*. Становясь с определенной частотой топиком дискурса, это идеальное содержание впоследствии в когнитивных и прагматических целях объективируется в дискурсе в виде различных однословных наименований. Выбор мотива и способа номинации зависит, прежде всего, от возможностей

и интенций индивидуальной языковой личности, совершающей словотворческий акт. Наблюдения над дискурсивной практикой показывают, что впервые словесную объективацию концепт получает в обыденном дискурсе мигрантов в виде оскорбительных, бранных наименований типа *Scheißdeutscher* или *Kartoffel*. В политическом дискурсе также появляется ряд конкурирующих однословных номинаций, например, *Herkunftsdeutscher*, *Naturdeutscher*, *Nativdeutscher*. Тем не менее словесные номинации концепта носят лишь спорадический характер. Лексические единицы, объективирующие концепт, остаются окказионализмами, им не удается закрепиться в системе языка.

Новообразование *Biodeutscher* появляется в политическом дискурсе изначально как один из вариантов вербализации рассматриваемого концепта. Автором инновации считается сопредседатель партии “Союз 90 / Зеленые”, немец турецкого происхождения Джем Оздемир. Вероятно, его словотворческий акт можно рассматривать как попытку в языковом отношении устранить одностороннюю социальную стигматизацию через обозначения типа *Menschen mit Migrationshintergrund* и таким образом перекроить сложившийся фрагмент картины мира путем устранения оппозиции DEUTSCHE vs. MIGRANTEN и установить отношения между осмысляемыми социокультурными феноменами по принципу инклюзии: теперь макроконцепт DEUTSCHE включает концепты BIODEUTSCHE и DEUTSCHE MIT MIGRATIONSHINTERGRUND. Слова *biodeutsch* и *Biodeutscher* распространяются практически инфляционным образом, многократно повторяясь не только в публично-политическом, но и в массмедийном, и в бытовом дискурсе. Причиной тому нужно, по-видимому, считать наличие в качестве автора-новатора сильной языковой личности, пользующейся авторитетом в обществе. Кроме того, распространению и закреплению нового слова *Biodeutscher* в качестве имени концепта способствует и удачный выбор Джемом Оздемиром мотива номинации, не лишенного тонкой иронии. Связанная основа *bio-* используется, как правило, в составе названий экологически чистых продуктов питания, произведенных в Германии (например, *Bioapfel*, *Biobrot*, *Biomilch*, *Bioeier*, *Biokartoffel*, *Biogemüse*), которые считаются более “благородными” и “качественными” и, соответственно, стоят дороже, чем импортные продукты. Таким образом, и “бионемцы” позиционируются как *якобы* более “качественные” немцы по сравнению с остальным населением. Инверсия понятий, смещение фокуса внимания с немецких граждан иммигрантского происхождения на тех, чьи деды и прадеды пережили Веймарскую республику, показывает принципиальную абсурдность и дискриминирующий характер отношения доминирующей культуры ко всем тем, кто

воспринимается как “чужой”, независимо от наличия немецкого гражданства. Внутренняя форма лексической инновации задает не столько аналитический ракурс осмысления концепта, предписывающий, кого считать “настоящим” немцем, сколько представляет собой своего рода персифляцию, тонкую насмешку, искусно замаскированную под комплимент, попытку показать соответствующей части немецкого социума ее “отражение в зеркале”.

Номинация *Biodeutscher*, подобно ключу, открывает доступ к данному концептуальному знанию всем членам немецкоязычного социума. На этом этапе эволюции концепта ярким признаком его дискурсивного освоения становится интенсификация языковой рефлексии говорящих. Метаязыковые рефлексивы [1, с. 81–82] реализуются, с одной стороны, в виде метаязыковых комментариев, подразумевающих толкование (или попытку толкования) нового обозначения, например: “**Bio-Deutscher** [Überschrift] als ich die Überschrift gelesen habe dachte ich sofort an Ernährung. Also an die Deutschen, die auf biologische Kost schwören” (URL: www.info-tunesien.de, 26.04.2012). С другой стороны, часто имеют место метаязыковые интерпретации с преобладанием рациональной или эмоциональной оценки, направленной на собственное отношение к слову, но апеллирующей к мнению адресата, например: “Was ist das denn für eine schwachsinnige zeitgeistige Bezeichnung ‘Biodeutscher’ <...> (gibt es im Umkehrschluß Chemiedeutsche? — oder was ist das Gegenteil von Bio?)?” (Politikforen.net, 09.01.2015). Метаязыковые интерпретации позволяют языковым личностям дистанцироваться от их собственного дискурса и выразить помимо эксплицитной языковой информации аксиологическое понимание нового концепта.

Вербальная фиксация в языке свидетельствует о состоявшейся концептуализации осмысляемого фрагмента действительности, а рекуррентность его объективации — о максимальной коммуникативной востребованности. С помощью культурно-маркированного слова, номинирующего данный концепт, задается определенная система координат, в которой описывается один из основополагающих элементов немецкой языковой картины мира.

Список литературы:

1. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
2. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.
3. Крючкова Н. В. Концепт — Референция — Коммуникация. Саратов : Изд-во “ИП Баженов”, 2009. 412 с.
4. Орлова О. В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : монография. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 354 с.

Сведения об авторе: Ольга Алексеевна Никитина, к.ф.н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия; email: kortschigo@mail.ru

ON THE FORMATION OF A NEW LINGUOCULTURAL CONCEPT BIODEUTSCHER IN THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE

Olga A. Nikitina

PhD in Linguistics, Associate Professor, Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University;
email: kortschigo@mail.ru

Abstract

The report examines the specific trajectory of the development of a new linguocultural concept BIODEUTSCHER from its emergence to the acquisition of some stable substantial meanings and evaluative characteristics and to its integration into the German conceptual sphere. The political discourse acts here as a medium in which, on the basis of reflection and evaluation of a certain fragment of the world performed by the mind of a linguistic personality, a kind of ideal content is formed and named by an initially descriptive phrase. Frequently occurring as a topic of the discourse, this ideal content is subsequently fixed in the language in some one-word names. The choice of the motive and the method of nomination depends primarily on the capabilities and intentions of the language personality who creates this word. Moreover, the fact that the author of the lexical innovation is a charismatic linguistic personality can contribute to the establishment of the new word as a concept name and its wide usage.

Key words: neologism, linguo-cultural concept, German political discourse, linguistic personality.

References:

1. Vepreva, I. T. (2005). *Iazykovaia refleksiiia v postsovetiskuiu epokhu* [Language Reflection in the Post-Soviet Era]. Moscow: OLMA-PRESS.
2. Karasik, V. I. (2007). *Iazykovye kliuchi* [Language Keys]. Volgograd: Paradigma.
3. Krjuchkova, N. V. (2009). *Kontsept — Referentsiia — Kommunikatsiia* [Concept — Reference — Communication]. Saratov: Publishing House "IP Bazhenov".
4. Orlova, O. V. (2012). *Diskursivno-stilisticheskaia evoliutsiia mediakontsepta: zhiznennyi tsikl i miromodeliruiushchii potentsial* [Discursive and Stylistic Evolution of the Media-Concept: its Life Cycle and World-Modelling Potential]. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State Pedagogical University.

Синтаксические средства создания образа женщины-политика в англоязычном медиа-политическом дискурсе

Е. С. Пронина
МГИМО МИД России

Аннотация

Несмотря на провозглашаемое равенство полов и широкое распространение политкорректности, следует признать, что стереотипическое представление о политике идеальном связано с мужчиной. Женщина-политик выступает как отклонение от эталона, что находит отражение в медиа-политическом дискурсе. Об этом не говорят напрямую, но в завуалированной форме дискредитация образа женщины-политика не редкость.

В аналитических статьях английской и американской прессы одним из средств имплицитной оценки образа женщины-политика является использование синтаксических средств, хотя следует отметить, что в большинстве случаев ресурсы синтаксиса привлекаются для создания образа в сочетании с другими языковыми средствами.

Использование средств синтаксиса рассматривается в гендерном курсе: анализируется их эмоционально-экспрессивный и оценочный потенциал и делается вывод о том, каким образом использование тех или иных синтаксических средств отражает гендерную стереотипизацию и служит стратегии дискредитации образа женщины-политика.

Ключевые слова: образ политика, синтаксические средства, медиа-политический дискурс, английский язык, гендерный стереотип, стратегия дискредитации.

Несмотря на провозглашаемое равенство полов и широкое распространение политкорректности, стереотипическое представление многих людей о политике идеальном связано с мужчиной. Женщина-политик выступает как некое отклонение от эталона. Это находит отражение в языке и, в первую очередь, в медиа-политическом дискурсе. На формирование образа женщины-политика существенное влияние оказывают гендерные стереотипы, которые находят отражение в выборе и характере использования языковых средств оценки женщин-политиков в прессе.

Исследование, которое проводилось на материале аналитических статей британской и американской качественной прессы, показало, что женщина-политик рассматривается критически, образ женщины-

лидера в прессе нередко создается отрицательный, особенно если женщина делает только первые шаги на политической арене. Важную роль в актуализации негативной оценки, а, следовательно, в дискредитации образа, играет синтаксическая организация предложения. Среди таких средств отмечаются употребление вопросительных конструкций, цитации, парантетических внесений, отрицания.

Вопросительные конструкции стимулируют внимание читателя и вовлекают его в размышление над ответом. Неслучайно вопросительные предложения нередки в заголовках или в начале статей, в так называемой “сильной позиции” [2]. Например, в заголовке статьи об Ангеле Меркель в Newsweek (30.10.2010) **Germany’s Obama?** автор задается вопросом, похожа ли Ангела Меркель как политический лидер на американского президента.

Вопросы в повествовании в самой статье выполняют ориентирующую функцию, то есть направляют читателя в его следовании за логикой изложения автора. Часто такого рода вопросительные предложения бывают эллиптическими. Эллипсис в вопросе, с одной стороны, придает тексту интонацию живой речи, а с другой — обладает эмоционально-экспрессивным потенциалом. В статье об Ангеле Меркель в журнале Newsweek (20.10.2007) автор статьи задает вопросы (при этом некоторые вопросы представляют собой неполные предложения), а затем дает на них распространенные ответы: **Why the reversal? Does Mrs. Feelgood worry? The message?** Важную роль играет то, как автор использует эти “направляющие”, чтобы направить свою оценку в нужное ему русло. Автор выбирает именно те вопросы, в ответе на которые он может выразить свое отношение к Меркель и в итоге сформулировать вывод о том, что Меркель не соответствует ожиданиям ее соотечественников: **They want a chancellor, not a chairperson.** Иначе говоря, от Меркель ждут большей инициативности, больше лидерских качеств (то есть большего соответствия маскулинному образу идеального политика).

Вопрос также зачастую выражает сомнение в достижениях и положительных качествах деятеля, например, Ангелы Меркель: **Was She Ever Really a Reformer?** (Newsweek, 20.10.07); **Can Angela Merkel hold Europe together?** (The Economist, 10.03.11).

Вопросительная конструкция способна передавать оценку автора в косвенной форме: будучи не такой категоричной, как утвердительное предложение, форма вопроса позволяет автору снять с себя ответственность за то или иное утверждение. Например, статью в журнале The Economist (24.03.07.) сопровождает фото Ангелы Меркель и Ярослава Качинского с подписью **A foreign affair?** В форме утверждения такая подпись звучала бы грубо. В данном случае синтаксические средства сопровождаются игрой слов, иронией: иронически обыгрываются два лексических значения слова **affair**, благодаря чему

отношения между Германией и Польшей метафорически представлены как любовные отношения их лидеров. В данном примере важна и экстралингвистическая составляющая — фотография политиков, которая, как это часто бывает, наравне с лингвистическими средствами участвует в передаче имплицитных смыслов.

Отрицание, как и вопрос, более эмоционально и экспрессивно, чем утверждение. Действительно, заголовки и предложения, содержащие отрицание, привлекают больше внимания, обладают большим стилистическими возможностями и воздействующим потенциалом. В данном случае речь идет о предложениях, содержащих отрицание, выраженное как грамматически, так и лексически посредством употребления лексем с отрицательным значением — *never, nobody, less*:

DILMA ROUSSEFF won Brazil's election last year less because of her own qualities than because her hugely popular predecessor and political mentor, Luiz Inácio Lula da Silva, urged the voters to choose her. Since she had never before held elected office, nobody could be sure what kind of president she would turn out to be (The Economist, 17.02.11).

В приведенном выше примере употребление отрицания лексическими средствами (*less, never, nobody*) приводит к усилению основного посыла — сомнения в компетентности вновь избранного президента Бразилии Дилмы Руссефф. Тем самым отрицание способствует формированию негативного образа.

В парентезах информация подвергается синтаксической компрессии, поэтому текст становится лаконичным, не теряя большой семантической нагруженности [1]. Парантеза призвана внести некую дополнительную, уточняющую информацию и при этом играет большую оценочную роль. В следующем примере парантеза передает косвенную оценку при помощи референции к другому лицу: *A second poll has confirmed that Marine Le Pen, daughter of extreme-right demagogue Jean-Marie Le Pen, is the early leader heading into the first round of France's 2012 presidential battle, reports TIME's Bruce Crumley*. Без парантетического внесения — *daughter of extreme-right demagogue Jean-Marie Le Pen* — предложение не будет содержать отрицательной оценки. Напротив, оценка будет положительной, поскольку Марин Ле Пен предстает лидером президентской гонки во Франции. Однако лексемы *extreme-right* и *demagogue*, обладающие негативной коннотацией, делают суждение отрицательно-оценочным. Дополнительным фактором, понижающим статус этой женщины-политика, служит референция к ее отцу, также известному политику. Тем самым имплицитно, что, возможно, Марин добилась успеха на политическом поприще не без помощи своей звучной фамилии.

Цитация чаще всего применяется для негативной оценки, при этом критика исходит не от самого автора, а приводится со ссылкой на оппонентов. Например: *leftist critics continue to shred Palin as*

a cynical, shallow, ill-informed opportunist; Traditional feminists see Palin's feminism as a joke.

"It's such a contrivance," says Cecile Richards, president of the Planned Parenthood Federation of North America. "There's nothing there. I don't think Sarah Palin is going to change the national scene on choice or on feminism. Her rallying cry is pretty empty if she's against women's rights" (Newsweek, 11.06.10).

В примерах выше ссылка на источник критики позволяет автору выразить эксплицитно негативную оценку, сняв с себя ответственность за высказывания (особенно если это прямое цитирование). Вся ответственность за критические суждения переносится на других: абстрактных критиков из левого лагеря и сторонников традиционного феминизма, как в первом примере, или на конкретное лицо — Сесилию Ричардс, которая находится в открытой оппозиции Саре Пейлин.

Подводя итог, еще раз отметим, что среди ресурсов синтаксиса особую роль в передаче оценки и, следовательно, создании образа играют вопрос, отрицание, парантеза, цитация. Синтаксические средства в одиночку практически не используются, сочетаясь с другими средствами, и нередко служат дискредитации образа женщины-политика.

Список литературы:

1. Иванова К. В. Коммуникативная роль синтаксических средств речевого воздействия в письменных текстах бизнес-тематики (на материале английского языка) <http://psibook.com/linguistics/kommunikativnaya-rol-sintaksicheskikh-sredstv-rechevogo-vozdeystviya-v-pismennyh-tekstah-biznes-tematiki-na-materiale-angliyskogo.html>
2. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2007. 256 с.

Сведения об авторе: Пронина Елена Станиславовна, старший преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России; email: elena.pronina@yahoo.com

CREATING AN IMAGE OF A FEMALE POLITICIAN IN THE ENGLISH MEDIA-POLITICAL DISCOURSE: SYNTACTIC MEANS

Elena S. Pronina

Senior Lecturer, MGIMO University; email: elena.pronina@yahoo.com

Abstract

Despite widespread gender equality and political correctness in the English-speaking countries, one cannot but admit that the stereotype of

an ideal politician is masculine. A female politician is still perceived as a kind of deviation, which is implicitly reflected in the media-political discourse.

British and American analytical media texts convey implicit evaluation through syntactic means, which are employed together with other language means. The use of syntactic means is viewed from the gender angle: the article analyses their emotive and evaluative potential as well as how the use of certain syntactic means can reflect gender stereotyping and contribute to discrediting the image of a female politician.

Key words: image of a politician, syntactic means, media-political discourse, the English language, gender stereotype, discrediting strategy.

References:

1. Ivanova, K. V. (2012). *Kommunikativnaia rol' sintaksicheskikh sredstv rechevogo vozdeistviia v pis'mennykh tekstakh biznes-tematiki (na materiale angliiskogo iazyka)* [Communicative role of syntactic means of linguistic manipulation in written business texts (a case study of the English language)] <http://psibook.com/linguistics/kommunikativnaya-rol-sintaksicheskikh-sredstv-rechevogo-vozdeystviya-v-pis-mennyh-tekstah-biznes-tematiki-na-materiale-angliyskogo.html>
2. Chudinov, A. P. (2007). *Politicheskaia lingvistika* [Political linguistics]: coursebook. Moscow: Flinta: Nauka. 256 p.

Концептуальный анализ социально-политического явления “терроризм” в медийном дискурсе Дагестана

Н. К. Рамазанова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Аннотация

В статье анализируются различные подходы к содержанию понятий “политический дискурс” и “терроризм”. Концептуальный анализ показывает, что концепт “терроризм” включает такие фреймы, как “Объект ТД”, “ТД”, “Субъект ТД”, “Результаты ТД”, “Последствия ТД”, причем первые два являются наиболее частотными, в то время как “Результат ТД” представлен в наименьшей степени.

Ключевые слова: политический дискурс, концепт “терроризм”, фрейм, языковая репрезентация.

Феномен терроризма стал неотъемлемой частью общественно-политического дискурса. Авторы многочисленных работ последних лет (П. Б. Паршина, В. З. Демьянкова, И. М. Кобозева и др.) используют термин “политический дискурс”, вкладывая в него разное содержание. Одни исследователи отказывают ему в наличии лингвистического содержания, сторонники второй точки зрения утверждают, что языку политики, напротив, свойственно специфическое содержание, а не форма, иные используют его наряду с терминами “язык политики”, “политическая коммуникация”, “политический язык” [4, с. 67]. В лингвистической литературе под политическим дискурсом понимается институциональное общение, которое использует определенную систему профессионально ориентированных знаков, то есть обладает собственным подязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией) [3].

Другая проблема, с которой сталкиваются исследователи, это определение самого понятия “терроризм”. На сегодняшний день существует множество определений и восприятий этого термина [6]. “Терроризм, — отмечает А. В. Змеевский, — явление весьма сложное, динамичное и многоплановое. Помимо правовых он затрагивает и целый ряд других проблем — психологические, исторические, технологические. Не случайно международному сообществу так и не удалось выработать единое юридическое определение терроризма, хотя существенно наполнение этого феномена для всех более или менее понятно. Здесь присутствует и противозаконное насилие, как правило, с применением оружия, и стремление запугать широкие слои населения, и невинные жертвы, а применительно к террористическим актам, выходящим за рамки государственных границ, международный элемент” [2].

Современные СМИ Дагестана в наибольшей степени отражают глобальную проблему терроризма. Такие дагестанские издания, как “Дагестанская правда”, “Новое дело” и “Черновик” (2013–2014 гг.) (10 статей) послужили материалом для исследования. Необходимо подчеркнуть, что впервые в практике предпринята попытка произвести анализ феномена “терроризм” в СМИ Дагестана в когнитивном аспекте.

Е. С. Кубрякова определяет концепт как “единицу ментальных или психических ресурсов той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике” [5, с. 90]. В качестве основы для исследования концепта “ТЕРРОРИЗМ” мы используем такое ментально-психическое образование, как фрейм. В современной лингвистике фрейм понимается как объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой “пакет” информации, некоего знания о стереотипной ситуации [1, с. 37].

Террористическая система может быть представлена в виде иерархической структуры, вершиной которой является ячейка “Терроризм”, соответствующая концептуальной макроструктуре. Второй уровень иерархии представлен фреймами “Субъект ТД”, “Террористическая деятельность”, “Объект ТД”, “Результаты ТД”, “Последствия ТД”, при этом каждый из фреймов включает другие, более мелкие компоненты — подфреймы, слоты и подслоты. Остановимся подробнее на их реализации в дискурсе СМИ. Самым репрезентативным фреймом является фрейм “Террористическая деятельность”, составляющий 45% языковых единиц. Сюда входят лексические единицы, являющиеся идентификаторами причин ТД, целей ТД, видов ТД, и непосредственно лексемы, характеризующие сам теракт. Так, например, лексема “угроза” (21) в проанализированном материале является самой частотной.

Гумбетовский район стали перечислять среди районов с неблагоприятной, несущей террористическую угрозу криминогенной обстановкой обществу [8].

“Благодаря эффективной деятельности правоохранительных структур, террористическую угрозу удалось свести к минимуму, но еще остаются группы, которые до конца не ликвидированы”, — заявил Абдулатипов.

Данные примеры иллюстрируют наличие в одной фразе нескольких оценок, что свидетельствует о большом количестве политических языковых единиц в СМИ Дагестана.

Фрейм “Субъект ТД” (25% языковых единиц) включает подфреймы “организация” и “индивидуальный субъект”. В большинстве случаев подфрейм “организация” объективируется названием террористических групп, а также синонимичными лексемами, имеющими собирательный характер: “организация” (3), “группы” (3), “банды” (6).

По имеющимся в республиканском Управлении ФСБ России данным, Лабазанов длительное время оказывал бандитам пособническую помощь, а два месяца назад перешел на нелегальное положение и присоединился к т. н. хасавюртовской банде.

Боевики террористической группировки “Исламское государство Ирака и Леванта” (ИГИЛ) выступили с угрозами в адрес руководства России.

Заблокированная квартира принадлежала лидеру “кизлярской” группировки боевиков Шахбану Гасанову, который в ходе штурма был убит, сообщили в НАК [7].

Примеры показывают, что организации называются в сочетании с топонимами.

В отличие от подфрейма “организация”, подфрейм “индивидуальный субъект” занимает центральное место в составе фрейма “Субъект ТД” как в количественном, так и в качественном плане.

Наиболее многочисленными являются единицы, репрезентирующие слот “вера”: “исламский” (10), “мусульманин” (4), “исламист” (2); слот “национальность”: “чеченец” (7), “аварец” (3) и слот “террорист”: “террорист” (9), “смертники” (6), “боевики” (3). Большое количество лексем, указывающих на религиозную принадлежность террористов и их национальность, свидетельствует о том, что в основе феномена терроризма лежит национальная или религиозная нетерпимость.

*В результате проведенных оперативно-следственных мероприятий на территории Республики Дагестан были задержаны **братья**, причастные к переправке **террористов-смертников** в Волгоград [9].*

Здесь мы можем наблюдать, как автор указывает на фактор родства, а не уточняет фамилии террористов.

В поселке Временный Унцукульского района на месте произошедшего 2 октября боя при разборе завалов дома найлены сильно обгоревшие тела семерых предполагаемых боевиков [9].

Самым малочисленным из всех фреймов является фрейм “Результаты ТД” (8%), где доминирует подфрейм “промежуточный результат” и слот “жертвы”, который объективируется с помощью таких частотных единиц, как “убит(ы)” (7), “нейтрализованы” (4), “мертвый” (2), “раненый” (2).

*В результате последовавшей перестрелки были **нейтрализованы** трое находившихся в автомобиле бандитов — **уроженцев** Махачкалы. [8].* Тут опять автор отсылается к землякам.

Проведенный нами концептуальный анализ показал, что в дискурсе дагестанских СМИ концепт “ТЕРРОРИЗМ” включает фреймы “Субъект ТД”, “ТД”, “Объект ТД”, “Результаты ТД”, “Последствия ТД”, причем первые два являются наиболее репрезентативными, в то время как фрейм “Результат ТД” представлен в наименьшей степени.

Список литературы:

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000. С. 37.
2. Змеевский А. В., Тарабрин В. Е. Терроризм // Международная жизнь. 1996. № 4. С. 14–17. Современные подходы к изучению дискурса.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 389 с.
4. Колесникова С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 67–69.
5. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. С. 90.

6. Мишланова С. Л., Куприянычева Е. А. Особенности репрезентации концепта ТЕРРОРИЗМ в англоязычном дискурсе новостей интернет-ресурсов / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь.
7. Дагестанская правда [Электронный ресурс] : республиканская общественно-политическая газета. 2014. № 6. — <http://www.dagpravda.ru>
8. Черновик [Электронный ресурс] : газета. 2014. № 3. — <http://www.chernovik.net>
9. Новое дело [Электронный ресурс] : российский еженедельник. 2013. № 2. — <http://www.ndelo.ru>

Сведения об авторе: Рамазанова Наида Камильевна, аспирант 2 г/о, МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения; email: naida1912@mail.ru

CONCEPTUAL ANALYSIS OF SOCIOPOLITICAL PHENOMENON “TERRORISM” IN THE DAGESTAN MEDIA DISCOURSE

Naida K. Ramazanova

Post-graduate Student, Lomonosov Moscow State University,
the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow, Russia;
email: naida1912@mail.ru

Abstract

This paper deals with the analysis of different approaches in the study of the terms “political discourse” and “terrorism”. Conceptual analysis shows that the concept TERRORISM includes such frames as “Subject of Assassination”, “Assassination”, “Object of Assassination”, “The results of Assassination”, “Effects of Assassination”. The first two frames are the most verbalized, while the frame “Effects of Assassination” is the least one.

Key words: political discourse, concept “terrorism”, frame, linguistic representation.

References:

1. Boldyrev, N. N. (2000). *Kognitivnaja semantika: kurs lekcij po anglijskoj filologii* [Cognitive semantics: course of lectures in English philology]. Tambov. 37 p.
2. Zmeevskij, A. V., & Tarabrin, V. E. (1996). Terrorizm [Terrorism]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 4, 14–17.
3. Karasik, V. I. (2004). *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Linguistic circle: individual, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis. 389 p.
4. Kolesnikova, S. N. (2011). Osobennosti politicheskogo diskursa i ego interpretacija [The peculiarities of political discourse and its interpretation]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 33. *Philology*. 67–69 p. Chelyabinsk.

5. Kubriakova, E. S., Dem'iankov, V. Z., Pankrats, Iu. G., & Luzina, L. G. (1996). *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Moscow. 90 p.
6. Mishlanova, S. L., & Kuprijanycheva, E. A. (2012). *Osobennosti reprezentacii koncepta TERRORIZM v anglojazychnom diskurse novostej internet-resursov* [The peculiarities of representation "terrorism" in the discourse of English News Online Resources]. Perm.
7. *Dagestanskaia pravda*. (2014). [the Dagestan Truth]. № 6. — <http://www.dagpravda.ru>
8. *Chernovik*. (2014). [the Draft]. № 3. — <http://www.chernovik.net>
9. *Novoe delo*. (2013). [the New Affair]. № 2. <http://www.ndelo.ru>

Алгоритм анализа политического дискурса

У. В. Смирнова

МГЛУ Евразийский лингвистический институт
(Иркутск)

Аннотация

Главным тезисом статьи является положение о том, что политический дискурс является разновидностью манипуляционного дискурса, создание которого следует триаде “манипуляция — технология — симулякр”. Я полагаю, что производство политического дискурса является технологичной процедурой, раскрытие механизма которой требует выявления конструируемых цепочек знаков, представленных симулякрами. Симулякр является знаком, значение которого устанавливается и ограничивается положением внутри технологичной петли знаков. Особое внимание необходимо уделять синтаксису знаков в ритмических конструкциях, так как именно в этих местах сходятся контрапункты симулякров. Помимо процедурного характера построения следует учитывать Время Культуры создания дискурса, т. е. состояние семиозиса в конкретный период времени N, для которого характерны определенная интенциональность социума и система ценностей. Время Культуры ставит серьезные ограничения на то, что может быть сказано. Как следствие, этот инструмент анализа обладает большой объяснительной силой в отношении установившейся практики дискурса и причин сильного перлокутивного эффекта некоторых высказываний. Хотя предлагаемый в статье подход сформулирован преимущественно в лингвосемиотических терминах, он, однако, не исключает понимание когнитивной природы политического дискурса. Когнитивные процессы могут быть объяснены с помощью двух базовых дисциплин — психологии и феноменологии, поэтому использование при анализе терминов этих наук следует признать логичным.

Ключевые слова: манипуляционный дискурс, политический дискурс, технология, стратегия, симулякр.

Задумываясь о природе политического дискурса, мы неизбежно сталкиваемся с рядом определенных противоречий. С одной стороны, бесспорен тот факт, что политический дискурс конструируется согласно определенным законам формирования дискурса власти. Очевидно, что существует некий алгоритм создания готового продукта, основанный на знаниях о системе технологического воздействия. Наиболее масштабная деятельность по разработке подобных технологий ведется, по всей видимости, в США, где в свое время работали два лингвистических образования — Институт общей семантики и Рокридж институт, все усилия которых были сконцентрированы на создании политического новояза, лингвистическом фрейминге и рефрейминге действительности. С другой стороны, есть многочисленные свидетельства того, что большую роль играет интуиция конкретного талантливой спичрайтера, его понимание момента и умение обращаться к опыту успешных политиков.

Я предлагаю учитывать два этих фактора, условно разделяя исследование политического дискурса на технологический и стратегический уровни. Процесс производства политического дискурса носит технологический процедурный характер, и в этом политический дискурс проявляет себя как манипуляционный, т. е. сгенерированный согласно некоторому алгоритму, рассматриваемому безотносительно к тематике и релевантному архиву высказываний. Технологический аспект всецело исходит из синтаксиса знаков, исследуемого с точки зрения сконструированных цепочек, являющихся петлями вращения симулякров. Симулякр — условие генезиса манипуляционного дискурса. Вопреки традиционной трактовке, симулякр не является пустым знаком. Это особое разбалансированное состояние знака, значение которого перестает быть ориентированным на свойства объектов и их естественные отношения между собой. Технологичным средством формирования цепочек симулякров становится процедура организации ритма и круговые операции.

Стратегический уровень — это работа с контекстами интерпретации, подразумевающая распознавание интенциональности социума данного Времени Культуры, реактуализацию другого Времени Культуры посредством рассеивания высказываний и установления вертикальных связей, апелляцию к значимым для данной культуры ценностям и архетипам, выбор репрессивного поэтического образа [1]. Все эти механизмы воздействия, обнаруживающие “генетические” уровни смысла, универсальным образом направлены на исключение других интерпретантов дискурса и блокирование логоса. Особенно эффективным в этой связи является репрессивный образ,

использующий образную силу поэтики для подавления и стереотипизации восприятия.

Приведем возможный пример анализа высказывания политического дискурса Времени Культуры “After 9/11” и проследим технологичные шаги в процессе приобретения значения знаком *this new war*.

This new war is going to take some time. We are in this for the long haul. After all, we defend our nation we love. We defend the values we uphold. We love freedom. We love freedom, we love our freedoms, and we will defend them, no matter what the cost. The work has just begun. And what we have begun, we will finish (G. W. Bush, July 19, 2002).

Война определяется как длительная и имеющая четкую цель “защита Америки / защита американских ценностей”. При наличии связующих глаголов *to love* и *to defend* устанавливается и закрепляется референциальная тождественность знаков *our nation* и *freedom*: наша страна и есть свобода; защищаем страну, значит, защищаем свободу. Очень важным модификатором значения *freedom* становится жертвенность — “мы защищаем свободу любой ценой”.

Говоря о “связующих” глаголах, т. е. тех, что вводят синтаксически параллельные конструкции, стоит заметить, что они здесь наследуют архетипический смысл. Э. Фромм в свое время писал о злокачественной и доброкачественной агрессии. Если первая однозначно связана с деструктивным началом в человеке, независимо от наличия угрозы самосохранению и лежит вне связи с удовлетворением потребностей, вторая является биологически адаптивной и способствующей продолжению жизни [2]. В определенном отношении доброкачественная агрессия может быть возведена к либидо: люблю, значит, защищаю. Следует признать, что в этом вопросе обнаруживаются закономерные исторические соответствия: 1) желание протестантов переселиться в Новый Свет продиктовано миссионерскими и экономическими интересами; они приехали в Америку для того, чтобы отстаивать свою свободу; 2) протестанты защищали себя и свою веру по принципу “кто не с нами, тот против нас”, не гнушаясь физического уничтожения индейцев; 3) конкуренция (Competition), возведенная американцами в ранг одной из шести основных ценностей, тоже является разновидностью доброкачественной агрессии.

И еще один мотив близок к архетипическому. Детерминатив *this* в конструкции *this new war* и определенный артикль *the* с знаком *work* выводят объекты *war* и *work* на единый горизонт интенциональности в поле наблюдения адресата. Идентичное синтаксическое размещение знаков в позиции темы позволяет осуществить слияние объектов и определить “эту новую войну” как работу. Технолог учитывает процедурный характер американской культуры, согласно которому мир представлен в виде дискретных переходов от одного состояния к другому. Процедурной культуре свойственна постановка целей

и четкое завершение этапов, каждый из которых знаменует собой переход к новому состоянию мира. Эта особенность находит отражение в рассмотренном примере: мы начали работу по защите своих ценностей и обязательно ее закончим.

Обратим внимание на то, что в высказывании “This new war is going to take some time. We’re in this for the long haul” отсутствуют маркеры, указующие на инициативу США. А в высказываниях со знаком *the work*, который технологично (т. е. следуя принципу симулякра) заменяет *this war*, уже подразумевается активное участие Соединенных Штатов и идет прямое указание на инициатора работы — мы, американцы: “The work has just begun. And what we have begun, we will finish”. Когнитивные сценарии, стоящие за “нашим, хотя и вынужденным, участием в войне” и “работой по защите свободы” кардинально отличны. Это различие непосредственно касается способности переживания сценария. “Участие в войне” способно переживаться даже теми, кто в армии не служил, но можно только симулировать “работу по защите свободы”.

Суммируя вышесказанное, следует признать, что, хотя очередность шагов в установлении алгоритма анализа намечается только в перспективе, общетеоретическое представление о процедуре конструирования политического дискурса можно считать сформированным.

Список литературы:

1. Соболев Ю. В. Репрессивная поэтика как феномен культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Омск, 2008. 22 с.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2006. 640 с.

Сведения об авторе: Ульяна Викторовна Смирнова, к.ф.н., докторант МГЛУ Евразийский лингвистический институт, г. Иркутск; email: uyanasmirnova@hotmail.com

THE ALGORITHM OF POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS

Uliana V. Smirnova

PhD, postdoctoral researcher, MSLU Eurasian Linguistic Institute (Irkutsk); email: uyanasmirnova@hotmail.com

Abstract

The main thesis of the article is the statement that political discourse is one variation of manipulative discourse, constructed using the following scheme “manipulation — system of techniques — simulacrum”. I claim that the production of political discourse is a procedural business, whose mechanism is revealed through the identification of chains of signs, being

simulacra. Despite the traditional understanding, simulacrum is not an empty sign; it acquires its meaning through the process of *differance* and restricts it predominantly to the technological chain of signs. The main analytical priority is the syntax of signs in the rhythmic structures because they are the counterpoints of simulacra disposition.

Apart from the technological characteristics of discourse production, it is necessary to take into account the Time of Culture of a discourse, which is the number of parameters characterising semiosis at a particular period of time and dependent on the intentionality of the society and its current system of values. Time of Culture N restricts what kind of utterances can be made and as a result, it is a great explanatory force as to why this utterance is produced at this particular moment. It also explains why it resonates with the horizon of intentionality of an addressee so strongly. Although the approach discussed in the article is suggested predominantly in linguo-semiotic terms, it does not contradict the cognitive nature of political discourse. Cognitive processes can be described with the help of psychology and phenomenology, so it is logical to use their terms in the research.

Key words: manipulative discourse, political discourse, discursive techniques, manipulative strategy, simulacrum.

References:

1. Sobolev, Yu. V. (2008). *Repressivnaya pojetika kak fenomen kul'tury* [Repressive poetics as a phenomenon of culture]. Omsk. 22 p.
2. Fromm, E. (2006). *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [The anatomy of human destructiveness]. M.: AST. 640 p.

Новостное сообщение: практика дискурс-анализа

О. Н. Судакова, Е. В. Баранова

Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация

Новостное сообщение, являющееся самым массовым и востребованным видом политического дискурса, традиционно воспринимается обычным реципиентом как информация, заслуживающая доверия и максимально свободная от каких-либо оценок и импликаций. Тем не менее анализ англоязычных исследований, проведенных в рамках успешно развивающегося в гуманитарно-социальных областях критического дискурс-анализа, свидетельствует об обратном. В работах

Р. Фаулера, Б. Ходжа, Г. Кресса, Т. Тру, Т. ван Дейка и др., посвященных анализу новостного дискурса, показано, что идеологические импликации могут создаваться с помощью таких лингвистических средств, как выбор поляризованных лексических единиц (“террорист” / “борец за свободу”, “они” / “мы”), действительного или страдательного залога / безличных конструкций, использование которых приводит к акцентированию или нивелированию действий участников событий. Релевантным фактором является также выбор самих тем новостных сообщений. В результате проведенного аналитического обзора становится очевидным, что новость может выступать не только как источник информации, но и как средство идеологического манипулирования.

Ключевые слова: новостное сообщение, критический дискурс-анализ, “пассивизация”, идеология, импликация, власть.

Политический дискурс стал привлекать к себе значительное внимание как в лингвистике, так и в социальных науках — политологии и социологии, а также на стыке этих наук, в 70–80-х годах прошлого века. Наряду с уже известным и широко практикуемым дискурс-анализом появляется его новая разновидность — “критический дискурс-анализ” (КДА), который особо концентрируется на дискурсе, эксплицитно или имплицитно отражающем идеологию, власть, ее контроль и злоупотребления, различные формы дискриминации, такие как расизм, гендерное неравенство и т. п. Данное направление, получившее название “критическая лингвистика”, стало распространяться как в самой лингвистике, так и в других гуманитарных науках после выхода в 1979 году книги “Language and Control”, авторами которой являются Р. Фаулер, Б. Ходж, Г. Кресс и Т. Тру [3].

Один из ярких представителей направления критического анализа дискурса Т. ван Дейк отмечает, что “критические дискурсивные исследования (КДИ) направлены на изучение связей между дискурсивными и когнитивными структурами, с одной стороны, и дискурсивными и социальными, с другой [1, с. 25]. Критический характер данного подхода заключается не только в идентификации манипуляционных идеологических дискурсов, но также в возможности их критики. Характеризуя КДИ, Т. ван Дейк подчеркивает их направленность на систематическое изучение дискурсивной манипуляции, дезинформации, лжи, слухов, пропаганды и т. п., которые нацелены на нелегитимное управление сознанием и контроль над действиями людей [1, с. 26].

Опираясь на проведенные исследования, Т. ван Дейк выделяет новостное сообщение как самый массовый и востребованный вид политического дискурса, отмечая, что печатный текст воспринимается как более качественный и заслуживающий доверия и играет непосредственную роль в формировании ценностной шкалы у его

реципиентов, влияя на их последующие решения и действия. Дискурс новостного сообщения в современном языковом пространстве оказывает широкое влияние на сферы институционального и личного общения и выступает средством быстрой передачи информации о происходящих событиях [1, с. 76].

Новость на фоне таких оценочно-маркированных жанров дискурса печатных СМИ, как редакционная и аналитическая статья, интервью, политический фельетон, часто воспринимается людьми как объективная констатация событий и фактов, лишенная какой-либо оценочности и коннотации. Однако многочисленные исследования свидетельствуют об обратном. В действительности новости играют роль мощного инструмента воздействия на аудиторию и выступают средством манипуляции общественным сознанием.

Роберт Фаулер отмечает, что язык новостей находится в рамках невидимой идеологии, навязывая реципиентам свои ценности. [4, с. 4] Большое внимание изучению идеологии в дискурсе уделяет Т. ван Дейк. Идеология трактуется им как комплексная когнитивная система, контролирующая формирование, трансформацию и применение других социальных знаний, таких как мнение и оценки, а также социальных репрезентаций, включая и социальные предубеждения [1, с. 55]. В рамках данного направления дискурсивных исследований ставится цель осуществления эксплицитного анализа структур, стратегий и процессов дискурса и его особой роли в воспроизводстве идеологий.

Каковы же основные способы идеологического манипулирования новостным дискурсом? Ссылаясь на целый ряд проведенных исследований, Т. ван Дейк указывает, что информация может стать субъективной за счет селективного ее предоставления в интересах властных структур или за счет ее ограничения, если она противоречит их интересам, а также, в широком смысле, с помощью специфических способов воссоздания социальной и политической реальности [1, с. 56].

В ходе исследования новостного дискурса было установлено, что идеологические импликации могут выражаться:

- в выборе оценочно-коннотативной и стилистически-маркированной лексики, например, “террорист” / “борец за свободу”;
- в выборе и упоминании либо активных, либо пассивных конструкций, что приводит как к актуализации, так и нивелированию ответственности за определенные действия;
- с помощью прономинальной оппозиции “мы” vs “они” (в дискриминирующем дискурсе).

Проведенные дискурс-аналитические работы на основе газетных новостных сообщений (см. обзор [1, с. 78–84]) показывают, что субординированными социальными группами в новостях западных СМИ выступают этнические меньшинства, иммигранты, беженцы и в

целом страны “третьего мира”. Т. ван Дейк констатирует, что “данные аут-группы описываются стереотипно и даже негативно как ‘проблема’, ‘обуза’, ‘угроза’, воспринимаются как достаточно ‘ущербные’ и ‘отсталые’ в сравнении с западными нормами, нуждаются в ‘нашей’ помощи и понимании и исходят из того, что они должны адаптироваться к ‘нашим’ социально-политическим нормам и идеологии” [1, с. 78]. В этом, по выражению Т. ван Дейка, проявляется этноцентричность и стереотипность в западном новостном дискурсе [1, с. 80].

В ранних работах Роджера Фаулера и его коллег [3] впервые было продемонстрировано на материале новостей о волнениях этнических меньшинств в Лондоне, как синтаксическая категория “активный / пассивный залог” может использоваться для выражения имплицитных идеологических смыслов. Авторы пришли к выводу, что, когда власти и полиция ассоциируются с негативными действиями (например, репрессиями, приводящими к жертвам), то указания на них избегаются с помощью пассивных конструкций без упоминания акторов действия. И напротив, этнические меньшинства, когда они изображаются как негативные акторы, традиционно занимают позицию подлежащего. Таким образом, негативные характеристики ин-группы, или элиты, могут быть смягчены, а аут-группы — усилены.

Отметим, что данная идеологически заряженная функция пассива дополняет и расширяет так называемую “пассивизацию” (“passivization”) языка новостей, отмечаемую многими англоязычными исследователями, в частности, Нэнси Бонвилейн [2]. Свойство “пассивизации” новостного текста связывается со стремлением к наиболее объективной подаче информации, а также намеренным дистанцированием производителя новостного текста от его получателя.

В данной связи следует отметить многолетнее исследование медиадискурса так называемых “плохих” новостей, проведенное группой специалистов в области СМИ из университета Глазго [5; 6]. В фокус их внимания попали новости о забастовках, военном конфликте на Фолклендах, СПИДе и т. п., которые освещали СМИ различной политической ориентации. В ходе данного исследования констатировались заметные различия в лингвистическом конструировании ролей участников событий [6, с. 287]. Обнаруженные смыслообразующие отличия на лексическом и морфо-синтаксическом уровнях имеют прямую соотнесенность с тем, что описывалось в нашей статье выше.

Итак, как показывает анализ дискурсивных и, в особенности, критических дискурсивных исследований, новостная статья как особый жанр политического дискурса не лишена оценки и идеологических импликаций. Последние могут проявляться в самом выборе или замалчивании тем новостей, в отборе лексики, отражающей социальную поляризацию, в использовании активных или пассивных синтаксических структур в целях актуализации или де-актуализации роли участников

событий. Наиболее частотные контексты новостей, в которых реализуются идеологические (расистские, сексистские и др.) смыслы включают иммигрантов, этнические меньшинства, гендер, конфликты с властью. Идеологически отмеченная новость помимо информативной функции выполняет также манипулятивную функцию. Таким образом, современный дискурс-анализ выходит за рамки собственно лингвистики, связывая дискурсивные структуры с когнитивными, с одной стороны, и с социальными структурами — с другой.

Список литературы:

1. Дейк, ван Т. Дискурс и власть. М. : URSS, 2013. 344 с.
2. Bonvillain N. Language, Culture and Communication. New Jersey, 1997. 255 p.
3. Fowler R., Hodge B., Kress G., Trew T. Language and Control. L. : Routledge, 1979. 224 p.
4. Fowler R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. L. : Routledge, 1991. 254 p.
5. Glasgo University Media Group (1976, 1980, 1982, 1985) Bad News et al. L. : Routledge et al.
6. Glasgo University Media Group (1993) Getting the Message. [News, Truth and Power]. L. : Routledge. P. 42–55.

Сведения об авторах:

Ольга Николаевна Судакова, к.ф.н., доцент, кафедра теории и практики перевода, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; email: olgsud@yandex.ru

Елена Викторовна Баранова, студентка магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; email: elenita.abc@yandex.ru

NEWS ITEM THROUGH DISCOURSE ANALYSIS

Olga N.Sudakova

PhD in Linguistics, Associate Professor, Department of Translation Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; email: olgsud@yandex.ru

Elena V. Baranova

Post-graduate Student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; email: elenita.abc@yandex.ru

Abstract

A news item is by far the most popular type of political discourse, being always in demand. Normally, it is viewed by its recipients as highly reliable information, totally devoid of connotations and implications. However, this is

not true, which is shown in a review of some key English-language researches over the past forty years based on what is called critical discourse analysis, the latter being successfully applied both in linguistics and in social science.

R.Fowler, B.Hodge, G.Kress, T. Trew, T.van Dijk and others reveal in their discourse analyses that news can acquire ideological implications by means of selecting polarized lexical units, such as “terrorist” / “freedom fighter”, “they” / “we”, as well as by applying active or passive/impersonal constructions to accentuate or conceal some positive or negative actions. The fact of selecting certain news topics and neglecting the others is relevant as well. The reviewed research hugely supported by detailed case studies leads one to the conclusion that the news is not merely a source of information, but it can be (and often is) a means of ideological manipulation.

Key words: news item, critical discourse analysis, passivization, ideology, implication, power.

References:

1. Dijk, van T. (2013). *Discurs i Vlast. Reprezentatsia Dominirovania v Yazyke i Comunicatsii* [Discourse and Power. The Representation of Dominance in Language and Communication]. M.: URSS. 344 p.
2. Bonvillain, N. (1997). *Language, Culture and Communication*. New Jersey. 255 p.
3. Fowler R., Hodge B., Kress G. & Trew T. (1979). *Language and Control*. L.: Routledge. 224 p.
4. Fowler R. (1991). *Language in the News. Discourse and Ideology in the Press*. L.: Routledge. 254 p.
5. Glasgo University Media Group (1976, 1980, 1982, 1985) *Bad News et al*. L.: Routledge et al.
6. Glasgo University Media Group (1993) *Getting the Message*. [News, Truth and Power]. L.: Routledge. P. 42–55.

Recurrent Constructions, Their Usage, and Translation Strategy in Political Discourse

Evgenia V. Terekhova

Russian Academy of Sciences (Far Eastern Branch)

Abstract

The paper discusses set phrases we call recurrent constructions (RC) and their functioning in modern English political discourse. These constructions are a specific type of set idiomatic expressions characterized by innovational, situational, and chronological reference to an objective

event. RCs become recurrent because of their intensive replicability in mainstream media.

Three RC types were isolated: with a nominative, verbal core and composite constructions. Stylistically and idiomatically marked RCs are key players in political discourse. The latter chooses RCs for naming a new idea, verbalizing author's concepts, concise information wording, and due to author's aesthetic and cultural taste or preference.

The paper also focuses on the strategy of RC translation. We define translation as the process of message transferring from one linguistic and cultural milieu into another. Translation into Russian uses semantic, cognitive, linguistic, and cultural approaches. The translation strategies have been developed.

Key words: recurrent constructions, replicability, structural binarity, nominative core, verbal core, composite recurrent constructions.

The constructions under review are called *recurrent*, by which we mean a special type of set idiomatic phrases. They are related to a currently central event innovatively, situationally, and chronologically, becoming recurrent due to their intensive replicability by mainstream media [Терехова, 2010, с. 25]. The concept of recurrence having much to do with RCs functioning in the texts belongs to a political discourse. The latter is characterized by a vital palpating *milieu*, which is responsible for active formation of RCs emerging under the impact of and in close connection with rapidly changing situations and events in political area. Having found their way into political discourse, free word combinations can fall out of usage as such, the mainstream events bind their freedom. E.g., a volunteer *flusher* — the meaning of the marked word *flusher* is “a man who beats up wild animals or foul in the hunting range”, while in a political context it acquires the meaning *a volunteer who drives reluctant voters to ballot station to vote*.

RCs are singularly differentiated by their semantic binary quality with two components: marked and unmarked. The marked ones are nontrivial, nonstandard, or expressive, often with a figurative meaning. Structural binarity falls into three basic types and subtypes: 1) RCs with a nominative core and one marked component, determined or determinative; 2) RCs with a verbal core typically phrased by non-finite verbs; and 3) several types of composite RCs. Unlike idioms, RCs can serve as free expressions in the language, e.g., *power lines*. What makes them difficult to translate is their usage in a political discourse, when the text event binds their freedom. This can be demonstrated by an RC *street money*. “Street money is a disreputable political practice of dispensing cash to local polls, grass-root community leaders, and preachers to get out the vote on Election Day — it's just part of the culture here (Philadelphia)”. The first nominative component in a free word combination — *street money*, when associated with a specific event of

a political discourse — election campaign — acquires a new meaning, with the sense of *immorality* or *inadmissibility* becoming more pronounced. The RC connotation is interpreted as *dirty / unsavory money* changing hands.

The reasons of RC emerging in a political discourse can vary. The basic ones might boil down to but not limited by those given below:

1. The need to name a new concept, which arises at the peak of a particular political event, e.g., *resetting of relations*;
2. Accurate communication or development of author's thoughts and intentions, when usual lexis or free word combinations fail to expand on what the author wants to say, e.g., "We can't *put boots on the ground* in Lybia — but what about *the fins*"?
3. Author's desire to be brief but succinct in formulating ideas or conveying data, with a newly formed construction substitute larger pieces of discourse, e.g. "*the Daddy Party and the Mommy Party*"; and
4. By culturological and aesthetic preferences of the author [Telia, 1988, c. 31], e.g., "*the stump speech*".

Borrowings [Proshina, 2002, c. 187] together with free word combinations are one of the reasons recurrent constructions emerge in political discourse. Such borrowings are found in modern English political discourse not because there are no respective constructions to name certain concepts in the English language. Language contacts between the English and other languages bring about more succinct, vivid, stylistically expressive images in a mainstream political event. Consider *to blitz* the Arabs; or this political *extravaganza*.

Systematizing and grouping linguistic difficulties of translation covers two conventional categories 1) apparent and 2) non-apparent /implicit [Ter-Minasova, 1981, c. 122]. *The apparent language difficulties* include differences in grammar, phonetics, and spelling of the language. *The implicit difficulties* account for extending the meaning of correlated words or units, their stylistic connotations, lexical and idiomatic distributive restrictions, and the phenomenon of misleading words, so called "false friends of a translator" [Lvovskaya, 2008, c. 109]. Also of importance are social and cultural connotations, social and cultural context complying with the usual lexis of translation and precise lexis in translation [Dobrovolsky, 2009, c. 4]. Professional translators or interpreters need to have a command of at least two languages and two cultures to be a success in chosen areas.

Strategy of five mandatory interrelated steps when receiving, sending, and interpreting a text is proposed. E.g., RC literal translation "to unite *red* and *blue* America" is very instrumental in demonstrating how the five-step algorithm works when finding a proper translation. What a translator does includes the following steps:

- Step 1 — defining denotation (a reference);
- Step 2 — defining signification (significative meaning);
- Step 3 — revealing new information for the recipient;

Step 4 — making a decision, which part of the text should be verbalized for a targeted audience and which one should not;

Step 5 — bringing to light all figurative, pragmatic, metaphoric and other linguistic and extra textual means.

When analyzing the original English text and its Russian translation below, the first thing usually observed is the double size of the translation, with untranslatable RC responsible for that. E.g., “Throughout the campaign, Obama was something of a political *Rorschach test*.” There is a RC, *Rorschach test*, with a nominative core and a marked determinative component *Rorschach*. To translate it literally amounts to being lost in translation, as no average readers in the US or in Russia skimming their paper will be able to comprehend to whom the author of the article compares Mr. Obama.

In such situations, translator’s strategy is first to figure out extralinguistic, cultural, and cognitive information of the statement subject. Then he decides, which exactly information is known to a reader. Next step is to verbalize the linguistic, cultural, and socio-cultural statement layers, which the translator intends to interpret and which he leaves for actualization by every specific reader while comprehending the text. The translator brings to light metaphoricity and figurativeness, if any. The example under review represents an extended metaphor, “ОБАМА — это ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕСТ РОШИАХА” with all ensuing consequences of political decisions, he could make.

As the undertaken studies revealed, modern English political discourse uses quite a few recurrent constructions and is the most optimal and receptive milieu for their emergence and replicability by media mainstream. Due to their chronological and cultural markedness, stylistic expressiveness, figurativeness, and innovativeness, RCs related to denotative situations or events unlike any other word combinations are uniquely capable to convey a linguistic taste of the epoch.

References:

1. Dobrovolsky, B. D. (2009). *Leksicheskie trudnosti perevoda v lingvo-kul'turnom aspekte* [Lexical Difficulties of Translation in Linguistic and Cultural Aspect]. M.: MGU, 27 p.
2. Lvovskaya, Z. D. (2008). *Sovremennye problemy perevoda* [Modern Challenges of Translation]. LKI Publishers. 224 p.
3. Proshina, Z. G. (2002). Fonograficheskoe osvoenie orientalizmov v anglijskom jazyke [Phonographic Assimilation of Oriental Words by the English Language]. *Kul'turno-jazykovye kontakty*, 5. Dalnevostochny Gosuniversitet. P. 185–191.
4. Telia, V. N. (1988). Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee jekspressivno-ocenocnaja funkcija [Metaphor as a Model for Meaning Production and Its Expressive and Axiological Phuctions]. *Metafora v jazyke i tekste*. Nauka. 34 p.

5. Terekhova, E. V. (2010). *Rekurrentnye konstrukcii v sovremennom anglijskom politicheskom diskurse. Status i funkcionirovanie* [Recurrent Constructions in Modern English Political Discourse]. Nauka: Flinta. 176 p.
6. Ter-Minasova, S. G. (1981). *Slovosochetanie v nauchno-lingvisticheskom i didakticheskom aspektah* [Phrases in Scientific, Linguistic, and Didactic Aspects]. Vysshaya Shkola. 144 p.

РЕКУРРЕНТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ, ИХ УПОТРЕБЛЕНИЕ И СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Терехова Евгения Викторовна

д.ф.н., зав. кафедрой иностранных языков Дальневосточного
отделения РАН; email: evgeniavlada@gmail.com

Аннотация

Цель и задачи статьи — проанализировать впервые выделенные устойчивые выражения, получившие название рекуррентные конструкции (РК), и описать их функционирование в современном английском политическом дискурсе. Под РК понимается особый тип устойчивых идиоматических выражений, характеризующихся инновационностью, а также ситуативной и хронологической отнесенностью к актуальному событию. Рекуррентными данные конструкции становятся в силу интенсивной тиражируемости в СМИ.

Всего было выделено три типа РК, из которых первые два типа РК с именным и глагольным ядром составляют около 90% относительно третьего типа РК, композитов, как показал анализ выявленных конструкций. Все рекуррентные конструкции часто и охотно используются многочисленными медийными изданиями, так как они эмоционально окрашены, присутствуют в английском политическом дискурсе, играют в нем ключевую роль.

Основными причинами возникновения выявленных устойчивых выражений в политическом дискурсе могут быть следующие. 1) необходимость именованного нового понятия, возникающего на пике политического события; 2) точная передача авторской мысли; 3) стремление автора кратко, но емко сформулировать мысль или информацию: РК может заменить большие по объему отрезки дискурса; и 4) культурологический или эстетический вкус и предпочтения автора.

Важная часть работы — перевод РК. Предлагается стратегия перевода этих конструкций с учетом семантических, когнитивных и лингвокультурологических особенностей текста, снимающих трудности перевода. Лежащие в его основе шаги определяют действия по переносу сообщения из одной лингвокультурной среды в другую.

Ключевые слова: рекуррентные конструкции; тиражируемость; структурная бинарность; номинативное ядро; глагольное ядро, композитные рекуррентные конструкции.

Список литературы:

1. Добровольский Б. Д. Лексические трудности перевода в лингво-культурном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 2009. 27 с.
2. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
3. Прошина З. Г. Фонографическое освоение ориентализмов в английском языке // Культурно-языковые контакты : сб. науч. тр. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. № 5. С. 185–191.
4. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 26–52.
5. Терехова Е. В. Рекуррентные конструкции в современном английском политическом дискурсе. Статус и функционирование. М. : Флинта ; Наука, 2010. 176 с.
6. Тер-Минасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М. : Высшая школа, 1981. 144 с.

Диалог в различных видах политического дискурса

А. А. Тымбай

МГИМО МИД России

Аннотация

Статья посвящена анализу практического материала: аудиозаписей спонтанных диалогов, относящихся к различным видам политического дискурса (бытовой диалог на политические темы, интервью политиков, парламентские дебаты). Автор описывает изменения во внутренней структуре диалога, обращает особое внимание на тип перехода от реплики к реплике, а также сравнивает общение, реализуемое в рамках политического дискурса, с диалогом, не имеющим политической окраски. Соотношение гладкой и негладкой смены говорящего рассматривается как пример реализации участниками диалога собственных коммуникативных стратегий и тактик.

Ключевые слова: мена роли в диалоге, гладкая мена, коммуникативные стратегии, сигналы обратной связи.

Проведенные ранее исследования механизмов мены ролей в диалоге установили основные типы мены роли, выявили и классифицировали коммуникативные тактики говорящих, применяемые как для

захвата, так и для удержания коммуникативной инициативы. Однако предыдущие эксперименты были проведены на спонтанных диалогах без определения их тематической принадлежности или определения статуса говорящего. Задачей нового эксперимента стало сравнение данных, полученных в результате анализа диалогов (назовем их “немаркированными”) и диалогов в рамках политического дискурса.

Первостепенной задачей в ходе исследования для нас стало выделение т. н. “политических” диалогов. Трудность заключалась в том, что практически весь звучащий материал для эксперимента, доступный в интернете, на радио и телевидении, прекрасно укладывался в рамки политического дискурса. Это были диалоги, в которых один или оба участника занимались политикой, или разговоры экспертов и обывателей, тоже касающиеся политических тем. На этом фоне оказалось достаточно сложно найти немаркированную диалогическую речь, да это, в сущности, и понятно, ведь речь человека никогда не звучит просто так, говорящий всегда ставит перед собой те или иные коммуникативные задачи, а значит, убеждает, разубеждает, навязывает или опровергает ту или иную точку зрения. В результате, если канал СМИ не ставит задачу развлечь аудиторию, транслируемые им интервью, прения или беседы, как правило, имеют политическую окраску, где каждый участник в своем речевом сообщении осуществляет структурирование, воздействие и передачу информации через языковые формы, которые он использует в речи.

В современной прикладной лингвистике и политологии политический дискурс понимается как совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников и формирующих конкретную тематику политической коммуникации. Другими словами, политический дискурс состоит, с одной стороны, из совокупности тем, становящихся предметом обсуждения, а с другой — принятых языковых способов обсуждения этих тем (коммуникативных стратегий и тактик).

Справедливости ради стоит отметить, что принятое нами определение достаточно широко. Принимая данное определение за основу, можно установить, что в целом диалог в рамках политического дискурса может включать следующие разновидности:

1. **Институциональный политический диалог**, в рамках которого используются тексты, непосредственно созданные политиками и используемые в политической коммуникации (парламентские дебаты, ответы на вопросы коллег на публичных слушаниях, интервью политических лидеров). Реплики коммуникантов в такого рода общении почти всегда имеют статус официального высказывания и приравниваются по значимости к официальным документам. Сюда же можно отнести так называемые “прямые линии”, или беседы с рядовыми гражданами, которые, не являясь профессиональными политиками или журналистами, эпизодически участвуют

в политической коммуникации. Мы склонны относить диалоги такого плана в эту же категорию, поскольку реплики граждан зачастую рассматриваются политиками как некие стимулы, на которые они делают программные заявления. Реплики-ответы впоследствии часто цитируются СМИ и имеют статусный характер. Это не диалог в чистом виде, так как подобное общение асимметрично по сути.

2. **Неинституциональный политический диалог**, а именно беседа экспертов на политические темы, т. е. посвященные политике тексты научной коммуникации. По сути, в эту категорию входят тексты диалогов политического реагирования. Это может быть бытовой спор о политике, обсуждение разного рода политических событий и др. В рамки этой категории вписываются также условно спонтанные диалоги, реализованные в постановках политических детективов и сериалов на политическую тематику.

Таким образом, анализ содержания диалога (на основе семантической структуры понятия “политика”), равно как коммуникативно-прагматический ракурс рассмотрения диалога, т. е. с точки зрения субъекта речи, или адресанта, — позволяют применить широкий подход к определению политического дискурса и включать в него как институциональный, так и неинституциональный виды дискурса, автором которого является политик или который адресован политике как дискурс реагирования на политические события. Границы между названными разновидностями политического диалога не вполне отчетливы, нередко приходится наблюдать их взаимное пересечение.

Для проведения экспериментального исследования нами были отобраны по два диалога каждого типа.

Институциональный тип был представлен следующим образом:

- дебаты: Final Presidential Debate 2012 Complete — Mitt Romney, Barack Obama on Foreign Policy, Explosive Exchange at Gun Hearing Between Ted Cruz and Dianne Feinstein;
 - интервью политиков: MarrShow: PM David Cameron interviewed (04Jan15), Iran Nuclear Deal: The Obama Doctrine & Iran | EXCLUSIVE FULL INTERVIEW | The New York Times.
- Неинституциональный дискурс:
- BBC World News HARDtalk, Neil Woodford, Fund manager Eurozone probably not viable in current form;
 - House of cards (US TV Series, clips from season 1).

Для проведения анализа нами были выбраны отрезки по 3 минуты длительности каждый. Критерием отбора стало относительно высокое количество моментов смены говорящего, периоды активного обсуждения политических проблем. Общее время звучания составило около 20 минут. Общее количество произнесенных реплик: 312.

Прежде чем представить полученные результаты и выводы по материалу, необходимо охарактеризовать основные типы мены роли.

Типы мены ролей в диалоге зачастую не сводятся к очевидному противопоставлению “смена — удержание коммуникативной роли”, а включают некоторое количество субкатегорий.

Часто разграничение проводится между “гладкой” сменой говорящего, исключающей наложение высказываний, и негладкой сменой. Гладкую смену роли можно определить как смену реплик, протекающую без длительных пауз и наложений. Перебивания партнеров по диалогу, наложения реплик мы относим к негладкой смене роли.

Помимо упомянутых типов смены роли, в диалогах достаточно велико количество реплик, произносимых, но смену роли не составляющих. Данные реплики, хотя и произносятся коммуникантами, не претендуют на захват коммуникативной инициативы, независимо от того, замечаются они партнером или нет.

Основное место среди реплик данного типа составляет явление **обратной связи**, которое состоит из коротких, факультативных по природе высказываний со стороны слушающих, имеющих цель поддержать контакт. Мы не склонны рассматривать явление обратной связи как подкатеорию смены роли, основываясь на том, что в данном случае говорящий не перехватывает право хода и даже не претендует на него, а выражает свое внимание и понимание. Следовательно, в анализе диалогов фактическое количество реплик, как правило, превышает количество осуществленной смены роли.

Из проанализированных 312 реплик смена роли была зафиксирована после 90% реплик.

Смены роли не происходило в следующих случаях:

- сигналы обратной связи — 5%;
- аккомпанирующие вложения — 2%;
- инициативные вложения — 6%.

Таким образом, в 10% случаев реплики коммуникантов не влекли за собой смену роли, поскольку не вызвали реакции партнера. Целью подобных реплик являлось выражение внимания и понимания говорящего слушающим.

Из всех случаев, когда мена роли произошла, подавляющее большинство переходов от реплики к реплике имело гладкий характер (86% реплик). Из них 66% носили характер моментальной смены роли, 4% могут быть отнесены к паузальному типу, а остальные (16%) имели характер наложений или подхватов.

Негладкая мена роли происходила в так называемый разгар диалога (в основном в неинституциональном дискурсе), в момент столкновения мнений или расхождения позиций говорящих, но почти всегда носила кооперативный характер. Самым частым типом негладкой смены роли стали прерывания (10%), далее следуют одновременные старты (4%). Длительные паузы наблюдались всего в трех случаях, что составило менее 1% от общего числа мены роли.

Проведенные наблюдения позволили сделать нам следующие выводы:

1. Огромную роль в выборе техники мены роли играет статус говорящих, что особенно заметно в интервью политиков. Чем выше статус участников, тем выше показатель гладкой мены роли (президента Обаму не прерывают ни разу).
2. Участники институционального дискурса строго соблюдают речевой этикет (даже самые острые дебаты всегда строго регламентированы). Паузы в дебатах не становятся местом захвата инициативы. Коммуниканты всегда дожидаются полной смысловой законченности высказывания собеседника.
3. Неинституциональный дискурс наиболее приближен по показателям мены роли к данным, полученным после анализа немаркированных диалогов (больше количество прерываний и наложений реплик).
4. Говорящие используют периоды одновременного говорения, т. е. одновременные старты и инициативные вложения, как стратегии захвата коммуникативной инициативы и подавления собеседника.
5. Не последнюю роль в выборе типа мены роли имеют личностные характеристики говорящих (характер, темперамент, яркий пример этому — интервью Д. Камерона), а также острота поднятых вопросов.

Сведения об авторе: Тымбай Алексей Алексеевич, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России;
email: tymbay@inbox.ru

DIALOGUE IN DIFFERENT TYPES OF POLITICAL DISCOURSE

Alexey Tymbay

PhD, Associate Professor, MGIMO University; email: tymbay@inbox.ru

Abstract

The report suggests a practical analysis of audio recordings of different types of dialogues which can be referred to a political discourse (amateur discussions of political issues, interviews of politicians, parliamentary debates). The author describes the changes in the inner structure of the dialogues paying special attention to the type of a turn transition. A politically marked dialogue is compared with a neutral one. Smooth — non-smooth transition of a speaker is viewed in the report as an example of participants' communicative strategies.

Key words: turn-taking in a dialogue, smooth transition, speech strategy, backchannels.

Опыт моделирования концептуально-метафорических оснований политического дискурса в диахронической перспективе

Н. А. Чес

МГИМО МИД России

Аннотация

В статье представлены результаты исследования, направленное на изучение динамики развития системы концептуальных метафор, функционирующих в политическом дискурсе англоязычного социума. В рамках данной исследовательской программы метафора рассматривается с когнитивно-дискурсивной точки зрения, то есть как механизм переноса или проекции структурированных знаний с одного ментального пространства на другое в неразрывной связи с языковыми формами объективации этих знаний, а также с учетом определенных условий и целевых установок использования метафоры. Сравнительный анализ концептуально-метафорических моделей разных исторических периодов, структурирующих концептосферу «политика», позволяет сделать вывод о существовании определенного репертуара конвенциональных метафорических концептов, являющихся типичным способом осмысления и репрезентации тех или иных событий и явлений в области политики. Однако в процессе концептуализации новых явлений и событий могут использоваться концептуально-метафорические проекции, задающие аналогии и ассоциации между ранее не сопоставлявшимися областями.

Ключевые слова: политический дискурс, метафорический концепт, концептуальная метафора, концептуально-метафорическая модель, концептуализация, диахронический подход.

Сфера политики включает в себя огромное количество явлений, событий и процессов, которые по своей сути являются ментальными конструктами и не даны человеку в непосредственных ощущениях, что во многом объясняет исключительную «востребованность» концептуальной метафоры в политической коммуникации. Концептуальная метафора, как когнитивный механизм переноса информационной структуры перцептивно воспринимаемой или более знакомой сферы опыта на перцептивно недоступную или менее изученную, «опредмечивает» непредметные сущности, делая их более «реальными» и понятными для сознания человека. В политическом дискурсе посредством метафорической концептуализации формируются не только отдельные единичные понятия, но и целые фрагменты концептосферы «политика».

В фокусе внимания многочисленных современных исследований метафорики политического дискурса, проводимых на материале разных языков, как правило, оказываются метафорические концепты, функционирующие в отдельные исторические периоды, связанные с важными политическими событиями или деятельностью выдающихся политиков. Результаты данных разработок свидетельствуют о существовании определенного репертуара конвенциональных метафорических концептов, являющихся типичным способом осмысления и репрезентации тех или иных событий и явлений в области политики в конкретных временных рамках.

Однако остаются малоизученными вопросы, связанные с исследованием диахронических изменений метафорических концептуальных систем, что обуславливает необходимость сопоставительного рассмотрения и проведения сравнительного анализа концептуально-метафорических моделей, функционирующих в схожих дискурсивных условиях (например, в условиях конфликта или войны) в разные исторические периоды. Исследовательские проекты такого рода, безусловно, будут способствовать более глубокому пониманию процессов категоризации и концептуализации в целом, а также роли концептуальной метафоры как одного из базовых когнитивных механизмов в конструировании концептуальной и языковой картин мира.

В задачи данного исследования входило выявление, систематизация, описание и сравнительный анализ метафорических концептов, функционирующих в дискурсивных условиях масштабного конфликта или войны в американском англоязычном политическом медиадискурсе. Материалом исследования являются статьи, опубликованные в газете *The New York Times* в периоды Второй мировой войны (1939–1945), войны в Персидском заливе (1991 г.) и кризиса на Украине (2013–2014).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в основе концептуализации явлений и событий политической жизни в условиях масштабного конфликта или войны лежат метафорические концепты, использующие в качестве сферы-источника образ-схематические представления, такие как “контейнер”, “движение”, “связь”, “баланс” и др. Следует отметить, что на особый статус данных концептов в общей системе концептуальных метафор указывают как зарубежные, так и отечественные ученые [1; 2].

Как показывает материал исследования, образ-схемы и составляющие их элементы образуют устойчивые комбинации, формируя более сложные ментальные представления. Данные комбинированные схемы или модели в совокупности можно рассматривать как своего рода ментальную “карту” или общую систему координат, в которой политические акторы, события и процессы метафорически репрезентируются как концептуальные аналоги перцептивно воспринимаемо-

го пространства, заполняющих его объектов и связей между ними, и на основе которой могут строиться более конкретные и детализированные представления. Метафорические модели, использующие в качестве сферы-источника образ-схемы, можно считать базовыми, они были зафиксированы в текстах всех рассматриваемых периодов. Их языковые репрезентанты демонстрируют устойчивость к диахроническим изменениям и представлены в основном метафорическими выражениями со стертой образностью.

В результате проведенного анализа удалось установить, что базовые метафорические модели служат основанием для построения более сложных развернутых образов политической картины мира, которые конструируются в политическом дискурсе для передачи смыслов, наиболее адекватно отражающих целевые установки отправителя сообщения в специфических дискурсивных условиях. Переход от максимально обобщенного образ-схематического метафорического концепта к конкретному детализированному метафорическому представлению, отвечающему потребностям определенной коммуникативной ситуации, обеспечивается тем, что концепты, используемые в качестве области-источника метафорического переноса, обладают сложной информационной структурой. Даже базовые образ-схематические представления объединяют некоторый набор элементов и их свойств (например, образ-схема “контейнер” предполагает наличие границ контейнера, внутреннего пространства контейнера, его содержимого, глубины, а также таких параметров, как проницаемость / непроницаемость границ, фиксированность / подвижность границ и т. п.). Являясь комплексными концептуальными структурами, информационное содержание которых представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, метафорические концепты могут “подстраиваться” под конкретные дискурсивные условия, обеспечивая необходимую степень информативности и воздействия. Сопоставительный анализ метафорических концептов и их репрезентантов, присутствующих в текстах трех исследуемых периодов, показал, что в зависимости от политической ситуации и специфики конфликта, а также конкретной прагматической установки, в политическом дискурсе актуализируются различные компоненты информационной структуры одних и тех же метафорических концептов.

В каждом из исследуемых периодов обнаруживаются метафорические концепты, характерные только для данного временного среза. Появление специфических метафорических концептов обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в конкретных исторических условиях могут возникать проблемы, явления, процессы, не типичные для других исторических периодов. В этом случае специфика метафорических концептов определяется спецификой области-цели метафорического переноса. Во-вторых, в случае общности области-

цели ключевую роль при выборе области-источника метафоризации играют идеологические установки и прагматические цели, преследуемые автором сообщения.

Проведенное исследование дает основание полагать, что сопоставительное изучение метафорических концептов, функционирующих в разные временные периоды, может оказаться весьма плодотворным в плане уточнения принципов формирования концептуально-метафорических систем, а также причин, характера и динамики изменений, которые они претерпевают с течением времени.

Список литературы:

1. Беляевская Е. Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии : сб. науч. тр. к 100-летию проф. И. И. Чернышевой / отв. ред. Г. М. Фадеева. М. : ИПК МГЛУ "Рема", 2011. С. 13–30.
2. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What categories reveal about the mind.* Chicago and London : The University of Chicago Press, 1990. 614 p.

Сведения об авторе: Чес Наталья Анатольевна, к.ф.н., доцент, МГИМО МИД России, Москва, Россия; email: natches@yandex.ru

METAPHORICAL MODELS IN POLITICAL DISCOURSE: A DIACHRONIC PERSPECTIVE

Natalia A. Ches

Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia;
email: natches@yandex.ru

Abstract

The aim of present research is to develop a framework for a diachronic analysis of metaphorical models in political discourse. More specifically, the paper seeks to uncover some of the changes that conceptual metaphors have undergone in political communication over time. In line with conceptual metaphor theory that defines conceptual metaphor as a systematic mapping between the target issue and the concrete concept to which it is compared, the study shows that much of our social and political reasoning makes use of an extensive system of key metaphorical concepts that largely remains unaltered. This durable system of conventional metaphors provides the basis for their novel extensions that are used to comprehend and conceptualize new developments in the realm of politics. The data also suggest that the repeated and systematic use of particular metaphorical models does not exclude metaphoric inventions that create new mappings

between conceptual domains and can eventually become a fixed part of the conventional conceptual system.

Key words: political discourse; metaphoric framing; conceptual metaphor; metaphorical model; conceptualization; diachronic perspective.

References:

3. Beliaevskaya, Elena G. (2011). Nominativnyi potentsial kontseptual'nykh metafor (kontseptual'no-metaforicheskaiia reprezentatsiia kak ierarkhicheskaiia sistema) [Generative Potential of Conceptual Metaphor (metaphoric representation as a multilevel conceptual structure)] *Aktual'nye problemy sovremennoi leksikologii i frazeologii*, 13–30.
4. Lakoff, G. (1990). *Women, Fire, and Dangerous Things. What categories reveal about the mind*. Chicago and London: The University of Chicago Press. 614 p.

Деонимизация как способ образования новых терминов в дискурсе СМИ Германии

М. А. Чигашева
МГИМО МИД России

Аннотация

В лингвистике последних десятилетий изучение политического дискурса как сложного коммуникативного явления представляется перспективным научным направлением. В данной статье рассматриваются некоторые языковые особенности политического дискурса СМИ Германии. Особое внимание уделяется деонимизации, т. е. процессу перехода имени собственного в имя нарицательное. При этом лексемы наполняются новым значением и соотносятся с типичной деятельностью именуемого человека или его характерными особенностями. Данный способ словообразования не является новым, но именно в немецком политическом дискурсе последнего времени он получил широкое распространение как выразительное языковое средство. Новые слова образуются от имен действующих немецких политиков, имеют явную отрицательную коннотацию и представлены различными частями речи — глаголами, именами существительными, именами прилагательными. Такие лексические единицы не фиксируются в словарях, они всегда контекстуально обусловлены и требуют от получателя информации дополнительных экстралингвистических знаний. В связи с этим возможно говорить также об ассоциативном потенциале имени собственного и его национальной специфике.

Ключевые слова: политический дискурс, немецкий язык, политический дискурс СМИ Германии, словообразование, деонимизация, ассоциативный потенциал.

В лингвистике последних десятилетий изучение политического дискурса как сложного коммуникативного явления представляется перспективным научным направлением. В современных условиях политическая коммуникация опосредована дискурсом СМИ. Журналисты, выступая посредниками между политиками-профессионалами и массовой аудиторией непрофессионалов, призваны выполнять свою основную задачу — формировать общественное мнение и манипулировать им. Тексты СМИ представляют собой дискурс, они всегда динамичны, отражают актуальные события и воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий.

В данной статье обращается внимание на некоторые лексические особенности немецкоязычных онлайн-СМИ. В настоящее время именно они довольно популярны у читателей благодаря своей доступности, практически неограниченным возможностям поиска нужной информации, а также системе обратной связи. Это удобство для пользователей обусловлено появлением в сфере СМИ коммуникативной модели “pull”, которая иначе представляет массовую коммуникацию, направляя ее не только от СМИ к аудитории, но и обратно [2].

Тексты СМИ содержат специальные термины, сокращения, имена собственные, деонимы, элементы иронии, сарказма, игру слов, идиоматические выражения и т.д. Все эти средства направлены на то, чтобы оказать на получателя информации определенное эмоциональное воздействие и повлиять на формирование его мнения в нужном направлении. Особый интерес среди такого многообразия представляют деонимы. Лексическая система любого языка состоит из двух подсистем, т. е. имен нарицательных (апеллятивов) и имен собственных (онимов). Онимы обозначают единичные предметы, для них характерна произвольность в наименовании, непереводаемость, их называют также лексически неполноценными словесными знаками. Основной их функцией является номинативная. Однако при их переходе в разряд имен нарицательных они получают возможность полностью или частично участвовать в сигнификации. Переход онима в деоним всегда мотивирован экстралингвистическими факторами, потребностью поиска новых наименований и более точного отражения действительности.

Деонимизация может рассматриваться как процесс обогащения словарного состава языка. Наиболее активно деонимизация проявляется во времена идеологических, культурных и демократических преобразований. Огромную роль в процессе деонимизации в настоящее время играют средства массовой информации, потому что именно для дискурса СМИ характерно появление таких необычных

слов и потому что они лучше всего соответствуют стилистическим потребностям языка прессы.

Особенно многочисленную группу среди таких новообразований в немецком языке составляют глаголы, например, *riestern*, *barscheln*, *schrödern*, *genschern*, *wulffen*, *stoibern* и др. Глагол *guttenbergen*, образованный от имени бывшего министра обороны Карла Теодора цу Гуттенберга, обозначает “списывать” и связан с обвинениями в его адрес в плагиате. Сегодня этот глагол занял прочные позиции в молодежном сленге [3, с. 52]. То же самое относится и к глаголу *hartzen* — “жить на пособие по безработице”. Он связан с именем Петера Харца, предпринимателя и экономиста, под руководством которого был разработан пакет мер по реформированию рынка труда. Этот глагол имеет значение “жить на пособие по безработице”, а в молодежном сленге еще и “валять дурака, ничего не делать” [3, с. 54]. Особой популярностью пользуется и действующий канцлер Германии А. Меркель. Так, глагол *merkeln* обозначает “пустословить, не сказать ничего по существу”. В последнее время у этой лексической единицы появилось еще одно значение — “устраивать нагоняй”, и связано это со сложной финансовой ситуацией в ЕС. Словообразовательные возможности немецкого языка позволяют расширить список глаголов с основой “merkeln” — *wegmerkeln* (не замечать чего-то реально существующего), *aufmerkeln* (воспользоваться правом на демонстрацию), *bemerkeln* (говорить о том, что и так понятно), *ausmerkeln* (молниеносно исчезнуть), *übermerkeln* (одурачить), *vermerkeln* (принимать сомнительные решения) и т.д.

Во многих случаях деонимы теряют свою соотнесенность с конкретными персоналиями и употребляются как лексические единицы со вполне самостоятельным значением. Поэтому возможно говорить также об ассоциативном потенциале имен собственных. В любом языке ассоциативным потенциалом обладает огромное количество слов. Под этим термином понимается набор стереотипных признаков, свойственных определенному образу в сознании носителей. С семантической точки зрения ассоциативный потенциал слова включает в себя представления о физических особенностях субъекта, чертах его характера, свойствах, поведении и внешности и т.д. [1]. Ассоциативный потенциал деонимов включает в себя характеристики людей и обладает национальной спецификой, обусловленной объективным (наличием тех или иных реалий) и субъективным (произвольной избирательностью) факторами. В пользу данного утверждения говорит и наличие у новых слов определенной коннотации, в большинстве случаев негативной. Коннотация и ассоциативный потенциал слова могут считаться эквивалентными единицами. Вместе они входят в околоядерное содержание значения деонима и характеризуют отношение адресанта к окружающей действительности, придают слову эмоционально-оценочный компонент. Именно поэтому такие новообразования чрезвычайно популярны в дискурсе СМИ.

Отметим также, что процесс деонимизации носит универсальный характер и встречается во многих европейских языках, в том числе и в русском, где от имен известных политиков образуются новые термины, которые, как правило, также негативно окрашены, например, *горбачевщина*, *жириновщина*, *медведевщина*, *пехтинг*, *мизулинг*, *сердюковщина*. Однако стоит отметить, что подобных деонимов не так много и встречаются они, в отличие от немецкого языка, в твиттере и блогах, а не в официальных изданиях. Объясняется это объективной сложностью, словообразовательными возможностями русского языка, и субъективно, потому что в сознании носителей русского языка такие слова воспринимаются как ненормативная лексика, употребление которой всегда ограничено.

Изучение процесса деонимизация представляется интересным для лингвокультурологии, а также для практики перевода. Такие единицы не фиксируются в словарях, они всегда контекстуально обусловлены и для их адекватного перевода необходимо знание не только языка, но и реалий, актуальных политических событий, возможно, и в историческом контексте.

Список литературы:

1. Малькова В. В. Устойчивые сравнения как средство выявления ассоциативного потенциала русских и немецких слов : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2014.
2. Шевелева И. А. Лингвистические особенности дискурса Интернет-СМИ. Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2010. Вып. 41. 112 с.
3. Шевякова К. В, Чигашева М. А. Немецко-русский и русско-немецкий словарь сленга. Свыше 20 000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений. С транскрипцией. М. : Живой язык, 2015. 224 с.

Сведения об авторе: Чигашева Марина Анатольевна, доцент кафедры немецкого языка МГИМО МИД России; email: mchigasheva@mail.ru

DEONIMIZATION AS A TOOL TO CREATE NEW TERMS IN THE DISCOURSE OF THE GERMAN MEDIA

Marina A. Chigasheva

PhD in Linguistics, Associate Professor of German Department,
MGIMO University; email: mchigasheva@mail.ru

Abstract

In the last two decades, the study of the political discourse as a complicated phenomenon in linguistics is a perspective scientific field. The paper

discusses some linguistic peculiarities of the German media political discourse. The main emphasis is placed on deonimization, i. e. the case where a proper name is converted into a common name, with lexical tokens being filled with a new meaning and associated with a particular activity of a person referred or his or her special features. This process of word-formation is not new, however it was deonomization process, which gained widespread character as a linguistic means of expressiveness in the German media political discourse in the last time. New words are derived from the names of German politicians, have explicit negative connotation and take the form of verbs, nouns, adjectives. Such lexical units are not recorded in dictionaries; they are determined by a context and require a recipient of additional extra linguistic knowledge. In this context, it is possible to talk about the associative potential of a proper name and its national specific character.

Key words: political discourse, German language, political discourse of the German media, word-formation, deonimization, associative potential.

References:

1. Mal'kova, V. V. (2014). *Ustojchivye sravnenija kak sredstvo vyjavenija asociativnogo potenciala russkih i nemeckih slov* [Permanent comparisons as a means of revealing associative potential of Russian and German words]: Avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. M.
2. Sheveleva, I. A. (2010). *Lingvisticheskie osobennosti diskursa Internet-SMI Jazyk, soznanie, komunikacija* [Linguistic peculiarities of the Internet-media discourse. Language, perception, communication]: Sb. statej (Eds. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov). M.: MAKSS Press. Vyp. 41. 112 p.
3. Shevjakova, K. V. & Chigasheva, M. A. (2015). *Nemecko-russkij i russko-nemeckij slovar' slenga* [German-Russian and Russian-German slang dictionary]. Svyshe 20 000 terminov, sochetanij, jekvivalentov i znachenij. S transkripciej. M.: Zhivoj jazyk. 224 p.

Стратегии дискурса власти в ситуации междискурсивного когнитивного конфликта

И. И. Чумаков-Жунов

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Аннотация

Одной из целей политического дискурса является формирование ценностной картины мира адресата. В том случае, когда ценностно-мировоззренческие интенции другого дискурса не совпадают с интенциями дискурса власти, между дискурсами возникает

когнитивный конфликт, причем политический дискурс как более влиятельный воздействует на процесс коммуникации в другом дискурсе. Это регулярно происходит при столкновении дискурса власти и дискурса поэтического. Дискурс власти стремится контролировать этот параллельный мир, в первую очередь, тексты, в которых представлен поэтический концепт “Власть”. Если поэтические смыслы не соответствуют глобальной концептуальной политической картине мира, созданной дискурсом власти, он создает коммуникативные помехи на всех этапах коммуникативного акта — изоляция автора, трансформация текста, нарушение контакта, воздействие на адресата.

Ключевые слова: дискурс власти, ценностная картина мира, дискурсивный конфликт, концепт, коммуникативные помехи.

Ревизия и модификация фундаментальных основ гуманитарного знания осуществляется путем развития идейно и стилистически значимых для определенного времени теорий, к которым сегодня, несомненно, относится теория дискурса. То, что некоторые дискурсы (например, политический) начинают доминировать над другими, является результатом социально-исторических процессов, связанных с оперированием дискурсами. Главной функцией политического языка является борьба за власть, в связи с чем прагматический статус дискурса власти можно определить как стремление к идеологическому контролю над сознанием и языком. Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразуя существующую в сознании человека политическую картину мира. В том случае, когда ценностно-мировоззренческие интенции другого (в нашем случае, поэтического) дискурса не совпадают с интенциями дискурса власти, между ними возникает когнитивный конфликт, причем политический дискурс как более влиятельный воздействует на процесс коммуникации в поэтическом дискурсе.

Язык поэзии, обладающий громадной воздействующей силой на читателя, являющегося одновременно и адресатом дискурса власти, существует параллельно с языком государственной идеологии. Поэт, по словам В. Н. Топорова, “знает всю вселенную в пространстве и во времени, умеет всё назвать своим словом ..., создаёт мир в его поэтическом, текстовом воплощении, параллельный вне-текстовому миру, созданному демиургом” [1, с. 327].

Если дискурс власти имеет вполне четкие прагматические цели, то поэтическое творчество, по крайней мере, в своих лучших (эстетически совершенных) образцах, свободно от утилитарной конкретности и прагматических целей.

Осознавая себя управляющей системой, дискурс власти стремится контролировать этот параллельный мир, в первую очередь, тексты,

в которых представлен поэтический концепт “Власть”. Поэтический концепт, обладающий в силу своей специфики размытой структурой, порождает неожиданные поэтические смыслы, которые в ряде случаев не соответствуют глобальной концептуальной политической картине мира, созданной дискурсом власти. Между дискурсами возникает когнитивный конфликт.

В модели коммуникативного акта дискурсом власти могут быть спровоцированы следующие помехи: изоляция (автор) — трансформация (текст) — нарушение (контакт) — воздействие (адресат):

1. Изменение текста. Для контроля над текстом создан специальный аппарат (система государственного надзора над печатью) — цензура. Функции цензуры определяются специальными текстами — уставами, распоряжениями, указами и т.д. Речевая агрессия по отношению к поэтическому дискурсу в этих текстах выражается лексикой запретительно-императивной семантики. Концепты, которые дискурс власти определяет как подконтрольные цензуре, — “Религия”, “Мораль”, и, в первую очередь, “Власть” (Ср. Цензурный устав 1865 года).

Цензурой строго отслеживаются все вербальные репрезентации поэтического концепта “Власть”. В том случае, когда в поэтическом тексте возникают смыслы этого концепта, которые, по мнению цензора, можно истолковать как негативные, текст подвергается трансформации. В пушкинских поэтических текстах из описания власти цензура исключает действительные или мнимые указания:

- на конкретных представителей действующей власти (вместо *Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа* — *Вознесся выше он главою непокорной Наполеонова столпа*);
 - на несправедливость современного правления (вместо *Что в мой жестокий век восславил я свободу И милость к падшим призывал* — *Что прелестью живой стихов я был полезен И милость к падшим призывал*);
 - на возможные пороки власти (не пропущены цензурой слова *Царствуй лежа на боку*);
 - на возможность перенесения описания действий власти из параллельного мира поэтического дискурса в реальную действительность (не пропущены цензурой слова *Сказка ложь да в ней намек, добрым молодцам урок*);
 - на угрозу для власти (не пропущен цензурой фрагмент: *О горе! о безумный сон! Где вольность и закон? Над нами Единый властвует топор. Мы свергнули царей. Убийцу с палачами Избрали мы в цари. О ужас! о позор!*).
2. Нарушение контакта. С помощью цензуры и книгоиздательского механизма, которые выступают своего рода идеологическим фильтром в процессе коммуникации, регулируется потребление поэтических

текстов. В таком случае нарушается контакт — “физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию” [2]. Созданный текст может быть просто не представлен читателям как напечатанное произведение. Так, из цензурных соображений читателю были недоступны произведения Пушкина, в концептуальное пространство в которых включался поэтический концепт “Власть” (“Памятник”, “Песни о Стеньке Разине”, “Во глубине сибирских руд...” и т.д.). Контроль дискурса власти может распространяться не только на концептуальную, но и на фактуальную и эмоциональную информацию, заложенную в поэтических текстах. Тексты А. Ахматовой в 50-е годы не были доступны читателю, а ее творчество в целом было охарактеризовано как безыдейное, пессимистическое и упадочническое. При этом дискурс власти в императивной форме ориентирует непосредственных исполнителей на действия, нарушающие поэтический контакт: *Обязать редакцию журнала “Звезда”, Правление Союза советских писателей и Управление пропаганды ЦК ВКП (б) ... обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратив доступ в журнал произведений Зощенко, Ахматовой и им подобных* (Постановление ЦК ВКП(б) “О журналах “Звезда” и “Ленинград” 1946 года).

3. Воздействие на получателя. Информация, сформулированная в виде определенных посылок, субъективных, а иногда и откровенно ложных, содержится в средствах массовой коммуникации. Основная коммуникативная стратегия подобных текстов, действующих на сознание получателя, — открытая агональность. Так, речевое поведение авторов статьи “Окололитературный трутень” (“Вечерний Ленинград” 29 ноября 1963 года) по отношению к поэту И. Бродскому можно определить как активно-агрессивное. Характеризуя поэта, авторы открыто выражают свою оценку, используя лексику с ярко выраженной негативной окрашенностью, вплоть до оскорбительной: *самоуверенный юнец; мировоззрение автора ущербно; подражал поэтам, проповедовавшим пессимизм и неверие в человека.*
4. Изоляция автора. Для поэтического текста характерна глубоко личная трактовка переживания. Я-концепт является обязательным концептом текстовой концептосферы, и когда в дискурсивном пространстве возникают отношения противопоставленности между Я-концептом и концептом “Власть”, следствием действий дискурса власти, как правило, является физическое или психологическое воздействие на автора. Изгнание А. С. Грибоедова, ссылка А. С. Пушкина, ссылка М. Ю. Лермонтова, арест и смерть Н. С. Гумилева, арест, ссылка и смерть О. Э. Мандельштама, эмиграция И. А. Бунина и И. А. Бродского, самоубийства С. А. Есенина, В. В. Маяковского, М. И. Цветаевой, негласный запрет на имя

А. А. Ахматовой и т.д. — все это прямые или косвенные последствия действий власти.

Таким образом, при возникновении когнитивного конфликта между дискурсами более “сильный” дискурс может повлиять на процесс коммуникации в “подчиненном” дискурсе, создавая различные помехи, которые нарушают акт коммуникации. Основной коммуникативной стратегией сильного дискурса в ситуации конфликта является речевая агрессия, которая может быть направлена на руководство процессом изменения текста, на нарушение контакта, на восприятие текста читателем и, наконец, на самого создателя текста.

Список литературы:

1. Топоров В.Н. Поэт // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 327–328.
2. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “за” и “против”. М., 1975. С. 193–230.

Сведения об авторе: Чумак-Жунь Ирина Ивановна, д.ф.н., профессор кафедры филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; email: chumak@bsu.edu.ru

STRATEGIES OF POWER DISCOURSE IN THE CONDITION OF CROSS-DISCURSIVE COGNITIVE CONFLICT

Irina I. Chumak-Zhun

Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia;
email: chumak@bsu.edu.ru

Abstract

The paper is about strategies of power discourse in the condition of cross-discursive cognitive conflict. One of purposes of the political discourse is to create a value picture of the world in the recipient's mind. If the discourse of power “meets” some other discourse with the opposite values and aims inside, they come into conflict. Political discourse has more power, thus it has an influence on the communication process of the other discourse. It is usual when the discourse of power and the poetical discourse confront. Political discourse realizes itself as a controlling system, so it tries to control the intractable world of poetry, especially those texts, which are representing the concept “Power”. Poetical concept has a fuzzy structure, it creates unexpected senses. Sometimes this poetical senses contradict that global conceptual political picture of the world that the discourse of power created. To prevent “poetical influence”, the discourse of power makes barrier in front of readers and creates a communication noise.

Key words: discourse of power, values-based picture of the world, discursive conflict, concept, communication noise.

References:

3. Toporov, V.N. (1980) Poet [The poet] Mify narodov mira: Entsiklopediia. M., 327–328.
4. Jakobson R. Lingvistika i pojetika (1975) [Linguistics and Poetics] Strukturalizm: “za” i “protiv”. M., 193–230.

Прагматический потенциал квантификаторов *muito* и *poiso* в португальском политическом тексте

О. А. Шершуква

Дипломатическая академия МИА

Аннотация

В статье анализируются различные способы передачи прагматического значения через количественные характеристики. Основное внимание уделяется выражениям с квантификаторами неопределенно большого количества *muito* и неопределенно малого количества *poiso*. Квантификаторы *muito* и *poiso* в португальском языке могут передавать как значение числа, т. е. счетного множества, так и величины, т. е. недискретного количества. Данные квантификаторы в составе количественных конструкций могут относиться к различным частям речи, поэтому при переводе с португальского на русский язык необходимо базироваться на передаче количественного смысла конкретного словосочетания или смысла всего высказывания с учетом сочетаемости лексических единиц в русском языке. При сочетании с различными именами (конкретными, абстрактными, собирательными, вещественными) португальские квантификаторы *muito* и *poiso* могут передавать не только количественную характеристику, но и оценочную. Эти свойства квантификаторов активно используются в португальской политической прессе в целях создания положительной или отрицательной оценки.

Ключевые слова: количественное значение, квантификаторы, числовые формы, прагматический, политический текст.

Неослабевающий интерес лингвистов к проблематике количественных отношений в языке обусловлен многообразием средств выражения языковой категории количественности. Данная категория является, пожалуй, “самой” универсальной, поскольку отображает

количественную определенность объектов как мира реального, так и идеального. Посредством количественных показателей в естественном языке передаются различия в мощности множеств, однако от внимания исследователей порой ускользают коммуникативные и прагматические моменты. По мнению А. Д. Шмелева, прагматический тип квантификации характерен для кванторных выражений, когда говорящим дается оценка множеству “по сравнению с некоторым стереотипом — тем количеством, которое говорящий ощущает нормальным для данной ситуации” [1, с. 194]. В частности, это хорошо видно на функционировании антонимической пары португальских количественных слов (квантификаторов, квантитативов) **muito** “многий, много” и **pouco** “немногий, малый, мало, немного”, обозначающих, соответственно, неопределенно большое и неопределенно малое количество или степень проявления признака, независимо от их частеречной принадлежности (прилагательные, местоимения, наречия, существительные) или синтаксической функции, которую они выполняют в предложении. Это свойство активно используется в политическом дискурсе, основу которого составляют абстрактные имена, которые составляют “лицо” политической лексики.

В качестве материала для исследования прагматического потенциала квантификаторов **muito** и **pouco** нами взяты примеры из газетного корпуса португальской общенациональной газеты “Público” [2]. Корпусный анализ позволяет нам не только проанализировать большое количество фактического материала, но и увидеть ряд тенденций и явлений, не столь заметных при анализе отдельных статей.

В первую очередь хотелось бы привести интересное наблюдение: в газетном корпусе обозначения неопределенно большого количества в различных морфологических формах употребляются в среднем в три раза больше, чем аналогичные обозначения неопределенно малого количества: **muitos 58082 — poucos 19632, muitas 40464 — poucas 9480, muito 228484 — pouco 86188, muita 18178 — pouca 6161**. В первую очередь это указывает на явное превалирование в политическом дискурсе квантификатора большого количества над квантификатором малого количества, что свидетельствует о большей прагматической значимости понятия большого количества в португальском медиапространстве. Перефразируя поэта, можно сказать, что много — это хорошо, а мало — плохо, даже если квантификатор **muito** используется в отрицательных конструкциях: ...o eleitor britânico **não tem muita escolha** / “...у британского избирателя **нет большого выбора**”. Если бы данное высказывание было представлено в утвердительной форме, то логичнее было бы употребить квантификатор **pouco**.

По всей видимости, можно сделать вывод, что имеется определенная магия слов “много” и “мало”. Сочетаясь с существительными различных лексико-грамматических разрядов и согласуясь с ними

в роде и числе, квантификаторы **muito** и **pouco** формируют квантифицируемые именные группы, при этом при употреблении с абстрактными именами либо усиливают или, соответственно, ослабляют признак, либо количественно характеризуют абстрактный объект, при этом сама оценка является в большинстве своем субъективной: Os sindicatos da estiva têm **muita força** / “Профсоюзы портовиков представляют **значительную силу** ”; ...se viu **muita emigração** para essa Europa / “...в этот регион Европы едет **много эмигрантов** ”; Tem **pouca preparação política...** / “У него **недостаточная политическая подготовка** ”; O papel dos bispos zairenses, com pouca **intervenção no conflito** , não escapou ao olhar do padre David / “Позиция заирских священников, которые **практически не вмешивались в конфликт** , не ускользнула из поля зрения отца Давида”.

Употребление абстрактных имен во множественном числе, относящихся к Singularia tantum, указывает на их дискретное представление: a oposição se queixou de muitas **irregularidades** / “оппозиция жаловалась на **многочисленные нарушения** ”; O século XXI tem-nos trazido **muitas desgraças** / “XXI век несет **многочисленные несчастья** ”; as **poucas munições** dos inspectores têm **pouca força** / “ **плохая амуниция** инспекторов не может дать **большого эффекта** ”; a Feira convida países do Terceiro Mundo com **poucas possibilidades** de se deslocarem a Frankfurt / “на Лиссабонскую ярмарку приглашаются страны третьего мира, у которых **мало возможностей** принять участие во Франкфуртской ярмарке”. Интересно, что для перевода **muito** и **pouco** в количественных конструкциях не всегда могут быть использованы их русские эквиваленты, хотя и имеют ту же семантическую и функциональную природу, поскольку количественно-оценочные характеристики выражаются с помощью других определений.

Отметим, что положительная или отрицательная оценка квантифицируемому множеству может определяться семантикой ядерного существительного ИГ: TV fala-nos de **muita Bósnia, muita fome em Moçambique, muita guerra em Angola** / “Телевидение показывает нам **много сюжетов из Боснии (“много Боснии”), о голоде в Мозамбике (“много голода”) и о войне в Анголе (“много войны”)** ”. Однако абстрактными именами в сочетании с **muito** и **pouco** могут передаваться и количественные значения, если те концептуализируются как дискретные события, явления, ситуации, при этом на русский язык они будут переводиться в соответствии с политическими клише: depois de **muita pressão popular** e de uma economia em ruínas, que o seu único caminho era a demissão / “... **после массовых выступлений трудящихся** и в ситуации, когда экономика развалена, оставался единственный выход — уйти в отставку”; Washington tem **muita dificuldade** em impor os seus pontos de vista ao mundo / “Вашингтон испытывает **большие трудности** , пытаясь навязать миру свою точку зрения”; Navia forte luta a um

quilómetro do hospital da cidade, com **muita destruição e muitas baixas** / “В километре от городской больницы шли ожесточенные бои, которые привели к **большим разрушениям и многочисленным потерям**”.

В португальском политическом тексте можно встретить использование количественных выражений, характерных для разговорной речи, в частности, квантификаторы **muito** и **pouco** употребляются в ИГ с исчисляемыми именами в единственном числе, что невозможно в русском языке: Mas aquele insólito e ameaçador martelo vai permanecer a reverberar, de forma estranha, em **muita cabeça de tele-eleitor** / “Но все это отзовется невероятным образом в головах **многих теле-избирателей** (“**многая голова теле-избирателей**”)”; Se se confirmar o papel de Pinzon, **muito livro de história** terá de ser modificado / “Если подтвердится роль Пинзона, то **многие исторические книги** (“**многая книга**”) будет необходимо переписать”; A emissão da manhã ganhará uma nova dinâmica, com **muita reportagem** e um convidado todos os dias, disse ao Público Rui Pego / “Утренняя программа обретет новую динамику за счет увеличения **числа репортажей** (“**многий репортаж**”) и каждый день будет новый приглашенный, заявил газете Público Руй Пегу”. Появление данных употреблений в политическом тексте свидетельствует либо о намерении автора сохранить колорит устной разговорной речи, либо о желании за счет данного языкового средства “демократизировать” политический текст.

В силу ограниченности объема статьи мы остановились лишь на квантифицируемых ИГ с абстрактными именами. Однако совершенно очевидно, что в политическом тексте более значимыми являются прагматические и коммуникативные характеристики.

Список литературы:

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Школа “Языки русской культуры”, 1997. 574 с.
2. <http://linguateca.pt/CETEMPUBLICO/>

Сведения об авторе: Оксана Андреевна Шершукова, к.ф.н., заведующая кафедрой романских языков, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; email: okshera@yandex.ru

PRAGMATIC POTENTIAL OF QUANTIFIERS MUITO AND POUCO IN THE PORTUGUESE POLITICAL TEXTS

Oxana A. Shershukova

PhD in Linguistics, Head of the Department of Romance Languages,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia;
email: okshera@yandex.ru

Abstract

The article analyzes different ways of transferring the pragmatic value through quantitative characteristics. The author focuses on expressions with quantifiers of large quantity *muito* (much, many) and of small quantity *pouco* (few, little). Quantifiers *muito* and *pouco* in Portuguese can express both the meaning of the number (i. e. multitude plural/ or countable multitude) and the quantity (i. e. indiscrete number). These quantifiers as parts of quantitative constructions can refer to different parts of speech. Thus, the way the meaning of quantity of certain word combinations or the meaning of the whole phrase are expressed, being translated from Portuguese into Russian, should be based on compatibility of lexical units in the Russian language. When combined with different names (concrete, abstract, collective and mass nouns) the Portuguese quantifiers can transmit not only the quantitative characteristics, but also estimating value. These properties of the quantifiers are actively used in the Portuguese political press in order to create a positive or negative estimation.

Key words: the quantitative meaning, quantifiers, the number forms, pragmatic, political text.

References:

1. Bulygina, T. V. & Shmelev, A. D. (1997). *Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russoj grammatiki)* [The Language Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow: Shkola "Jazyki russoj kul'tury". 574 p.
2. <http://linguateca.pt/CETEMPUBLICO/>

Лексикон российского политического дискурса в английском языке: межкультурный аспект

Н. Г. Юзефович

Дальневосточный государственный гуманитарный
университет

Аннотация

Лексикон российского политического дискурса анализируется в межкультурном аспекте в сопоставлении с англоязычными вариантами. База данных включает кодифицированные русизмы, выделенные методом сплошной выборки из англоязычных словарей, и частотные в коммуникативной практике единицы: англоязычная историография, научные тексты, мемуары и тексты СМИ. Анализ

функционирования лексических единиц в разных контекстах, сопоставление англоязычных номинаций с их этимонами позволяют утверждать, что российский политический лексикон на англоязычной почве нередко отличается идеологически обусловленной вариативностью, что препятствует эффективности межкультурного общения.

Ключевые слова: этимон, идеологически обусловленная (языковая) картина мира, вариативность.

В статье представлены отдельные результаты многолетнего исследования политического дискурса, который понимается в широком смысле как идеологизированная сфера, где пересекаются массово-информационный, художественный, научный, научно-популярный, историографический и пр. дискурсы, и отражено воздействие институционального политического дискурса на социум и мировоззрение отдельного человека.

Такая трактовка основана на концепции Е. И. Шейгал: “Разговоры о политике ...вносят вклад в формирование политического сознания, в создание общественного мнения, что в итоге может повлиять на ход политического процесса” [2, с. 23].

Акцент в исследовании был сделан на анализе средств обозначения феноменов российской политической действительности в “интерлингвокультурных текстах” [3]: англоязычных публикациях разных жанров (историография, публицистика, мемуары, беллетристика) и в словарях. При этом отбирались те произведения билингов, где российская политическая действительность представлена как инолингвокультура и родная лингвокультура (авторы — носители русского языка).

Целью исследования было выявление лексико-семантических “помех”, возникающих при восприятии российской действительности “другими” глазами, через призму английского языка, что будет способствовать снятию идеологических барьеров в межкультурном общении.

Термин *интерлингвокультурный* выделяет посредническую функцию английского языка, связывающую контактирующие лингвокультуры. Социально-исторический контекст отображен как макроистория (описание политической активности деятеля) или микроистория (политическое воздействие на социум и индивида в описании их жизнедеятельности). В микроистории раскрывается воздействие идеологии на “маленького человека” (*a “little person”*) в терминологии Ш. Фицпатрик, которая подчеркивает, что “повседневные взаимодействия в той или иной степени включают участие государства” [1, с. 9].

В выборке номинаций “культурной грамотности” представлены политические советизмы и русизмы [4, с. 152–215], что подтверждает значимость политики в картине западного мира.

Политический лексикон массового политического дискурса включает политические термины, в том числе инокультурные, идеологизированную лексику, номенклатурные обозначения, прецедентные высказывания, эвфемизмы и дисфемизмы, прагматические варианты, политическую ономастику, идеологизированные термины смежных сфер.

Особое место занимают советизмы, которые функционируют как историзмы и прецедентные номинации, актуализирующие, главным образом, пейоративные коннотации (КГВ) и термины стран Тихоокеанского региона: *Politburo*, *five-year plan*, *AK-47*, *azito* (< *agitpunkt*) и т. п.

Препятствие межкультурной коммуникации нередко обусловлено прагматическими вариантами, т. е. номинациями явления, которые традиционно используются в западном или отечественном дискурсе, различаясь при этом прагматически, концептуально или семантически: *Fascism* и *Nazism*, *The Great Patriotic War* и *the Second World War*, *peaceful coexistence* и *détente* и т. п.

Одной из современных тенденций адаптации русизмов является использование их в новом контексте, в частности, для деградации имиджа Обамы: *Not Obama's Czars but His Commissars* [*The American Thinker* July 20 2009]. *Obama has appointed three-dozen so-called “czars”, super aids* [*Front Page Magazine* May 16 2011].

В результате анализа коммуникативной востребованности кодифицированных русскокультурных номинаций и, учитывая тип словарей, была разработана следующая классификация.

1. Универсальные: зарегистрированы практически всеми словарями, функционируют как номинации феноменов различных лингвокультур: *monolith*, *personality cult*, *troika*.
2. Прецедентные: в словарях малого объема, без экспликации: *Sputnik*, *AK-47* = *Kalashnikov*, *War and Peace*.
3. Специальные: в академических и терминологических, в специальной литературе, эксплицируются: *Stavka*, *sharashka*, *stilyaga*.
4. Специализированные: в глоссариях научных изданий, историографии: *Soviet man*, *red directors*.

Границы между данными группами весьма подвижны и обусловлены политической ситуацией, изменением информационного пространства, что требует их постоянного изучения для достижения эффективного межкультурного общения.

Список литературы:

1. Фицпатрик Ш. Введение // Повседневный сталинизм ; пер. с англ. Л. Ю. Пантина. М. : РОССПЭН, 2008. С. 7–10.

2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004.
3. Юзефович Н. Г. Интерлингвокультурный двуязычный словарь политического лексикона: системный подход // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XII. С. 564–575.
4. Hirsch, E. D. Jr. *Cultural Literacy. What Every American Needs To Know*. Boston, 1987.

Сведения об авторе: Наталья Григорьевна Юзефович, доцент кафедры английского филологии, Дальневосточный государственный гуманитарный университет; email: yuzefovich_2005@mail.ru

RUSSIA'S POLITICAL LEXICON IN ENGLISH: INTERCULTURAL CONTEXT

Natalia G. Iuzefovich

Associate Professor English Philology Department, Far Eastern State University for the Humanities; email: yuzefovich_2005@mail.ru

Abstract

The paper aims at classifying the English language means used to name Russia's political lexicon concentrating on codified Russianisms and Sovietisms, those common for western historiography (150 texts) and memoirs of interpreters. The intercultural comparison of Russian etymons and their English names shows that there are certain variations (denotative, connotative, pragmatic) which can be explained by differences in ideology-based worldview and world mapping, as well as social changes. Interlocutors should be aware of the mechanisms of variability especially in ideologically unstable context. The paper presents examples to illustrate the main points.

Key words: Russian etymons, variations, ideology-based worldview / mapping.

References:

1. Fitzpatrick, Sh. (2008). *Introduction. Everyday Socialism*; translated from English by L. Iu. Pantina. M.: ROSSPEN. P. 7–10.
2. Sheigal, E. I. (2004). *Semiotics of Political Discourse*. M.: Gnozys.
3. Iuzefovich, N. G. (2012). *Interlinguacultural Dictionary of Political Lexicon: Systematic Approach // Cognitive Research of the Language XII*, 564–575.
4. Hirsch, E. D., Jr. (1987). *Cultural Literacy. What Every American Needs To Know*. Boston.

Секция 3
**Когнитивно-
прагматические аспекты
языка и речи**

Актуальные смыслы и способы их выражения

А. И. Богданова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена одной из наиболее важных задач современной когнитивной лингвистики — проблеме выявления семантических зон, феномены и отдельные характеристики которых не вербализованы в том или ином языке, проблеме функционального назначения новых слов, их способности заполнять языковые лакуны. В ходе исследования этой проблемы рассматривается процесс активизации под влиянием СМИ новых лексико-фразеологических единиц терминологического характера (преимущественно заимствованных). Новые слова и значения используются для обозначения важных для современной жизни смыслов, среди которых особое место занимают такие, как интерес к будущему, потребность в долгосрочном планировании и поиске его инструментов (*форсайт, дорожная карта, мозговой штурм* и др.), потребность в осмыслении понятия успешности / неуспешности (*успешный, востребованный, лузер, хромая утка*) и др. Проведенный анализ позволяет говорить о состоянии неустойчивого равновесия между познавательным и оценочным компонентами значений рассматриваемых номинаций.

Ключевые слова: актуальные смыслы, английские заимствования, новые слова, обозначение будущих событий, когнитивная информация.

Проблема языкового обозначения актуальных смыслов, исследованию которой посвящена настоящая статья, в современной науке признается чрезвычайно важной, так как ее изучение помогает осмыслению сложного взаимодействия между феноменами реальной жизни и словами, ее обозначающими. Появление новых слов и словосочетаний, развитие новых значений у старых слов — это реакция языка на перемены общественно-политической и экономической жизни общества, обусловленные временем.

К актуальным смыслам, с неизбежностью выражающимся в языке, относится **время** вообще и **будущее** в частности. Эти понятия, безусловно, включаются в систему ценностей. Дж. Лакофф и М. Джонсон показали, что людям свойственно ощущать и понимать время как сущность, которую можно потратить впустую или с пользой, сохранить (сэкономить) или потерять, растратив [3]. Однако необходимо отметить, что в английском языке метафорический концепт ВРЕМЯ —

ДЕНЬГИ (TIME IS MONEY) “представлен более последовательно, чем в русском языке” [1, с. 145–146]. По-русски невозможно *инвестировать время* во что-либо, невозможно *занять* или *одолжить* какое-нибудь количество *времени* (ср. англ. *He is living on borrowed time*). Призыв к тому, что надо *прибыльно использовать время*, звучал бы по-русски не очень естественно (ср. англ. *You don't use your time profitably*). По-видимому, некоторую асимметрию в вербализации данного метафорического концепта в русском и английском языках можно объяснить тем, что представление о времени как об экономической ценности сформировалось на русской почве значительно позднее, чем на Западе.

В русском языке получает отражение идея невозможности планирования будущих событий: *Хочешь рассмешишь Бога — расскажи ему о своих планах; Человек предполагает, а Бог располагает*. Несмотря на отраженное в пословицах нежелание планировать свою жизнь, последнее время стало модно заниматься прогнозированием. Многие ученые, журналисты, специалисты-практики взяли на вооружение такие термины, как *форсайт* (*foresight*), *дорожная карта* (*roadmap*), *мозговой штурм* (*brainstorming*) и др.

По мнению специалистов в области экономики и форсайта, *дорожная карта* связана с долгосрочным планированием и предполагает вариативный характер развития; это наглядное представление пошагового сценария развития определенного объекта — отдельного продукта, класса продуктов, целой отрасли, индустрии и даже плана достижения политических, социальных и др. целей, например, урегулирования международных конфликтов и борьбы с особо опасными заболеваниями [6].

Исследование употребления словосочетания *дорожная карта* в современном образовательном дискурсе (ср. *дорожная карта образования, дорожная карта университета* и т.д.) показывает, что этот термин несет очевидные “семантические потери”, утратив не только компонент “вариативность развития”, но и даже “долгосрочный характер планирования” (ср. *дорожная карта кафедры на 2015 год*). Предпочтительное использование словосочетания *дорожная карта* вместо привычных и слегка надоевших словосочетаний типа *план развития* или *план мероприятий* нередко диктуется правилами языковой моды, тем представлением, что новые слова отражают новое мироощущение. В этом смысле показательно одно из достаточно популярных и частотных слов современного научного экономического дискурса — *форсайт* (от англ. *foresight* — предвидение). Как отмечают экономисты, будущее в современной цивилизации перестало быть абстракцией, пространством фантазий и субъективных прогнозов, постепенно оно превращается в экономический инструмент. Ср. употребление слова *форсайт*: *Операторы будущего — кто занимается форсайтами в России?* [7].

Одним из известных методов экспертного оценивания, формирующим будущее, является **мозговой штурм** (от англ. brainstorming). Данное понятие, определяемое как оперативный метод решения сложной проблемы на основе стимулирования креативной активности группы участников, стало известно русскому обществу еще в XX веке, однако активизировалось в последнее время в связке *форсайт — дорожная карта — мозговой штурм*. И это тоже не случайно, так как будущее нуждается в новых людях с креативным мышлением, способных порождать не только новые идеи, но и создавать новые объекты, в людях успешных во всех отношениях. В интернет-ресурсах по запросу можно найти разнообразные ответы на вопрос, как стать успешным. Ср.: *10 правил, как стать успешным, как стать успешным и богатым, как стать успешным видеоблогером, как стать успешным риэлтором, как стать успешной женщиной* и т.д. И. Б. Левонтина определяет понятие *успешный человек*, используя другое модное современное выражение — *жизненный проект*: “Успешный человек — это тот, кто успешно осуществил свой *жизненный проект* [4, с. 8]. Исследователи отмечают также, что в конце XX века слово **проект** и в русском, и в других языках стало приобретать значение процесса, протекающего во времени, работы, ведущейся на протяжении нескольких лет: книжная серия, цикл телевизионных передач, большая выставка — все это можно назвать проектами [5]. Важный семантический компонент значения слова *проект*, связанный с ориентацией на будущее, постепенно может быть утрачен.

Успешный человек, формирующий будущее, является **востребованным**. Именно с этим связана активизация слова *востребованный* в современном дискурсе. Как отмечает В. И. Новиков, “всякий, кто не востребован, достоин сочувствия: будь то талантливый актер, не имеющий роли, или ученый, лишенный возможности применить свои знания...” [5]. Невостребованного человека можно считать **неудачником**. Надо отметить, что и слово *неудачник* за последние годы изменило свой коммуникативный потенциал. В современном дискурсе, особенно молодежном, это слово приобретает резко отрицательное значение, приближаясь по оценке к заимствованному слову *лузер* и жаргонному *лох*.

В семантическое поле “неуспешности” входит и такое заимствованное понятие, как **хромая утка** (англ. lame duck) — государственный деятель, политик, утративший былой авторитет в глазах общественного мнения, электората. Так, например, экс-президент СССР Михаил Горбачев назвал действующего президента США “хромой уткой” и признался, что окончательно разочаровался в нем: (17.11.2014) “Обама — хромая утка. Заканчивать свою работу нельзя так бездарно” [8].

Значение “неуспешности” выражает и фразеологическая единица **сбитый летчик**. Ср.: *Этих людей называют “сбитыми летчиками”, что звучит, наверное, ужасно обидно. Еще совсем недавно их песни звучали из каждого магнитофона и поклонники готовы были порвать кумиров на сувениры. После такого забвение — самое страшное, что может произойти. Одни пытаются оставаться на плаву, выступая в шоу. ...Другие смирились и опустили на самое дно [9].*

Основываясь на наших наблюдениях, можем сделать вывод о частичном обновлении фрагмента русской языковой картины мира, связанного с ориентацией на будущее, с процессом формирования этого будущего успешными, востребованными людьми, представителями креативного класса. Новые слова, “являясь необходимым инструментом познания мира”, нуждаются в адекватном описании [2, с. 65]: актуальные компоненты значения должны найти отражение в словарных толкованиях с тем, чтобы когнитивная дефиниция слов предоставляла информацию, необходимую обществу для осознания своих целей и задач по формированию будущего.

Список литературы:

1. Богданова Л. И. Концептуальная метафора в аспекте обучения иностранным языкам // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2005. № 1. С. 141–148.
2. Богданова Л. И. Когнитивная информация для толковых словарей // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 65–70.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : УРСС, 2004. 256 с.
4. Левонтина И. Б. Русский со словарем. М. : Азбуковник, 2010. 368 с.
5. Новиков В. И. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М. : АСТ-Пресс Книга, 2012. 256 с.
6. Что такое дорожная карта? // Образовательный журнал. Новые знания on line <http://novznania.ru> (дата обращения: 16.06.2014).
7. URL: <http://www.prdesign.ru/text/2013> (дата обращения: 16.02.2015).
8. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1459789/> (дата обращения: 8.04.2015).
9. URL: <http://persona.rin.ru/news/139563/f/sbitye-letchiki> (дата обращения: 8.04.2015).

Сведения об авторе: Людмила Ивановна Богданова, д.ф.н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; email: libogdanova1@mail.ru

ACTUAL MEANINGS AND THE METHODS OF THEIR EXPRESSION

Liudmila I. Bogdanova

Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia; email: libogdanova1@mail.ru

Abstract

The article deals with one of the most important tasks of modern cognitive linguistics, with the bringing out semantic zones which phenomena and separate characteristics are not verbalized in this or that language, with the actual detection problem of the functionality of new words and their ability to complete language lacunas. During the study of this problem the process of activation of new lexico-phraseological units of terminological character influenced by mass media is considered. New words are used for the determination of the meanings which are important for the modern life, among them the special place is taken by those such as the interest to the future, the necessity of the long-term planning and the research of its instruments: *форсайт* (*foresight*), *дорожная карта* (*dorozhnaya karta* — roadmap), *мозговой штурм* (*mozgovoy shturm* — brainstorming) etc., the demand of the comprehension of the term successfulness / unsuccessfulness etc. The analysis lets declare about the state of the unstable balance between the cognitive and the evaluative compounds of the meanings of the considered nominations.

Key words: actual meanings, English linguistic borrowings, new words, determination of future events, cognitive information.

References:

1. Bogdanova, L. I. (2005). Konceptualnaya metafora v aspekte obucheniya inostrannym yazykam [Conceptual Metaphor in Terms of Foreign Language Teaching]. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhy Narodov. Ser. Russkij i Inostrannye Yazyki i Metodika ix Prepodavaniya*, 1, 141–148.
2. Bogdanova, L. I. (2012). Kognitivnaya informaciya dlya tolkovyx slovarj [Cognitive Information for Dictionaries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2, 65–70.
3. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metaforj, kotorymi my zhivjom* [Metaphors We Live By]. M.: URSS. 256 p.
4. Levontina, I. B. (2010). *Russkij so slovarjom* [Russian with the dictionary]. M.: Azbukovnik. 368 p.
5. Novikov, V. I. (2012). *Slovar' modny'x slov. Yazykovaya kartina sovremennosti* [Dictionary of trendy words. Language picture of modernity]. M.: AST-Press Kniga. 256 p.
6. Chto takoe "dorozhnaya karta"? [What is 'a road map'] *Obrazovatel'ny'j zhurnal. Novye znaniya on line* <http://novznania.ru> (16.06. 2014).
7. URL: <http://www.prdesign.ru/text/2013> (16.02. 2015)
8. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1459789/> (8.04. 2015).
9. URL: <http://persona.rin.ru/news/139563/f/sbitye-letchiki> (8.04. 2015).

Стратегии сохранения имиджа компании в период кризиса с позиций прагмалингвистики

А. В. Галигузова
МГИМО МИД России

Аннотация

Статья посвящена анализу стратегий кризисного дискурса, применяемых компаниями для сохранения / восстановления собственного имиджа в период возникновения кризиса и после него. В статье будет дано определение кризисной ситуации, рассмотрены особенности кризисной коммуникации, проанализированы прагмалингвистические стратегии, направленные на сохранение “репутационного капитала” компании. Особое внимание будет уделено метафоризации как эффективной стратегии представления кризисных ситуаций, благодаря которой компании сглаживают свою вину за произошедшее и представляют кризис как стихийный, неуправляемый процесс, возникновение которого практически невозможно предугадать.

Ключевые слова: стратегии кризисного дискурса, кризисная коммуникация, сохранение / восстановление имиджа, метафоризация, управление кризисными ситуациями.

Репутация компании является одним из ее важнейших нематериальных активов. В настоящее время деловая репутация рассматривается не только как совокупность оценочных представлений целевой аудитории о компании, но в первую очередь как реальная составляющая ее стоимости, репутационный капитал, который компания стремится сохранить и преумножить. Во многих исследованиях термины “имидж” и “репутация” используются взаимозаменяемо, но за А. Чумиковым и М. Бочаровым мы будем проводить разграничение между данными понятиями и рассматривать имидж как заявленную (идеальную) позицию, преднамеренно созданную и продвигаемую компанией для воздействия на целевую аудиторию, а репутацию — как воспринятую аудиторией (действительную) позицию. В идеале любая компания заинтересована в идентичности данных понятий, но на практике они различаются [3]. Спланированному конструированию имиджа может помешать любая кризисная ситуация; в этом случае компания должна быть готова эффективно использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства для сохранения положительного имиджа. Одним из таких средств является создание собственного дискурса.

Говоря о кризисном дискурсе и его стратегиях, необходимо вначале дать определение понятию “кризис”. Выделить объективные онто-

логические критерии, которые определяли бы его, довольно сложно. Кризис “конструируется” в процессе социального взаимодействия и может рассматриваться как таковой тогда, когда он находит отражение и “переосмысливается” в языке. Однако можно говорить об определенных характеристиках кризисных ситуаций, в первую очередь, об их спонтанности, нестандартности, высокой степени неопределенности и скорости развития, а также о потенциальных угрозах и возможностях, заложенных в каждой из них. Данные характеристики определяют особенности кризисной коммуникации.

Ключом к разработке эффективных стратегий сохранения имиджа является прогнозирование реакции целевой аудитории. Как отмечает создатель теории восстановления имиджа профессор Уильям Бенау, самыми распространенными видами реакции на возникновение кризиса являются: 1) обвинение компании в совершении определенного действия; 2) присвоение данному действию статуса оскорбительного. Причем для репутации компании важно не столько то, совершала ли она это действие или является ли оно на самом деле оскорбительным, а считает ли целевая аудитория компанию виновной, а действие — оскорбительным. Стратегии кризисного дискурса направлены именно на формирование желаемой реакции целевой аудитории.

Исследователи выделяют самые разные виды стратегий, используемых компаниями для управления кризисными ситуациями, — от классической “пятерки” У. Бенау (отрицание вины, уход от ответственности, снижение степени оскорбительности действия, обещание исправить ситуацию, признание вины и извинение) [4] до относительно недавно сформулированных стратегий легитимизации, интерпретации, ориентации, мотивации, демонстрации контроля, интеграции и агональности [2], а также стратегии гуманизации имиджа, конструирования дискурса “общего дела”, апелляции к авторитету [1] и др. Общей чертой вышеперечисленных стратегий является репаративность, т. е. нацеленность на восстановление имиджа компании, пострадавший в результате кризиса. Эту же функцию выполняет и метафоризация кризисного дискурса, которая позволяет компаниям сгладить свою вину и представить кризис как стихийный процесс, возникновение которого невозможно предугадать.

В ходе нашего исследования, проводившегося на материале годовых отчетов американских банков за период кризиса 2008–2009 годов, было выявлено, что в кризисном дискурсе данного типа преобладают три группы метафор, а именно метафоры стихийного бедствия, войны и болезни.

Ключевым является сопоставление кризиса со штормом, причем не обычным, а “идеальным” (the perfect storm, one-in-a-generation storm). Ситуация на финансовых рынках крайне нестабильная (financial sector is in turmoil), встречный ветер (stiff headwinds) не позволяет

двигаться вперед, поток кредитов иссяк (the flow of lending dried up), и весь финансовый сектор, взмыв на гребень волны (on the surge), обрушивается в пучину (collapses). Компании, которым удалось выжить (survive), всплывают, подобно кораблям, устоявшим перед натиском непогоды (emerge from the economic storm). Подобное описание кризиса в метафорах природного бедствия наводит читателя на мысль о том, что кризис — это нечто, не поддающееся контролю, происходящее само по себе, катастрофическое и разрушительное. Следовательно, банки репрезентируют себя не как виновников, а как потерпевших, тем самым снимая с себя ответственность за произошедшее. Благодаря метафорическим и метонимическим моделям происходит концептуализация нового фрагмента действительности (экономического кризиса) по аналогии с уже сложившейся системой понятий (стихийное бедствие, катастрофа, хаос).

К аналогичному выводу приводит и анализ группы метафор, связанных с болезнью. Кризис уподобляется вспышке заболевания (an outbreak of an illness), он токсичен (toxic combination), разрушает здоровье финансовой системы (disrupting the health of financial system), приводит к боли и страданиям (pain and suffering). Выживают только жизнеспособные (viable) и здоровые (healthy and vibrant) банки; именно для них возможно дальнейшее гармоничное развитие (healthy and organic growth). Очевидна аналогия: как заболевшего человека не винят в том, что он заболел, так и банки не виноваты в сложившейся экономической ситуации. И здесь вновь прослеживается стремление последних обезопасить себя от критики и обвинений.

Третья группа метафор описывает кризис в терминах войны. Банки занимают оборону (to circle the wagons), сложившаяся ситуация принуждает их к соблюдению дисциплины (to pressure into discipline), они борются за выживание (to fight through a very tough environment, under a lot of fire), проводя переоценку своих достижений (recalibrating), поднимаются навстречу “врагу” (rise to the challenge) и несут потери (collateral damage). Крупные банки и компании уподобляются флагманским кораблям (global flagships), они пытаются справиться с колоссальными трудностями (grapple with enormity of issues). И есть такие, которые, заняв выгодную позицию (well-positioned) и правильно наметив стратегические цели (long-term strategic fit), смогли с честью выдержать испытание (pass the stress test with flying colors). То есть действия банков в период кризиса интерпретируются как активная защита государства и простых людей, а необходимость объединиться перед лицом общего врага оттесняет на второй план желание выявить и наказать виновников.

Таким образом, в период кризиса широко применяется стратегия метафоризации дискурса, с помощью которой компании апеллируют к уже имеющимся у реципиентов опыту и знаниям относительно

но таких явлений, как природные катастрофы, война или болезнь, что позволяет им сгладить свою вину за произошедшее и вывести на первый план стихийный, неуправляемый характер кризиса и его неизбежность. Данную стратегию можно рассматривать в рамках более общей стратегии “ухода от ответственности” по классификации Бенуа, а также как составную часть стратегий гуманизации имиджа компании, интерпретации и ориентации. В целом она обладает большим прагматическим потенциалом, так как позволяет “запрограммировать” реакцию целевой аудитории благодаря созданию ярких образов и проведению аналогий.

Список литературы:

1. Иванова С. В., Конова М. А. Антикризисные манипулятивные стратегии в профессиональных PR-текстах // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 165–171.
2. Рядовая Н. С. Сопоставительный анализ аргументативных стратегий политического дискурса в кризисной ситуации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Островская. Москва, 2013. 28 с.
3. Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Связи с общественностью: теория и практика : учеб. пособие. М. : Дело, 2003. С. 99.
4. Benoit, William L. Image Repair Discourse and Crisis Communication [Эл. ресурс] // *Public Relations Review*, 1997. Режим доступа: http://embanet.vo.llnwd.net/o18/USC/CMGT502/Week11/docs/CMGT502_w11_ImageRepair.pdf

Сведения об авторе: Галигузова Анна Вадимовна, преподаватель МГИМО МИД России; email: anna-galiguzova@yandex.ru

IMAGE-RESTORATION STRATEGIES AT TIMES OF CRISIS: A PRAGMALINGUISTIC PERSPECTIVE

Anna V. Galiguzova,

Language instructor, MGIMO University;
email: anna-galiguzova@yandex.ru

Abstract

The paper discusses crisis discourse strategies used by financial companies at times of crisis as a means of image repair. The article defines a crisis, describes specific characteristics of crisis communication, and analyses pragmalinguistic strategies employed by companies to restore their reputation capital. Special attention is paid to metaphORIZATION as an effective strategy of presenting crisis situations to the public, which helps the companies to shift the blame and portray a crisis as something elemental and extremely hard to manage which can hardly be predicted.

Key words: crisis discourse strategies, crisis communication, image repair / restoration, metaphorization, crisis management.

References

1. Ivanova, S. V. & Konova, M. A. (2010). *Antikrizisnye manipuliativnye strategii v professional'nykh PR-tekstakh* [Anti-Crisis Manipulation Strategies in Professional PR-Texts]. *Politicheskaja lingvistika*, 2, 165–171.
2. Riadovaia, N. S. (2013). *Sopostavitel'nyi analiz argumentativnykh strategii politicheskogo diskursa v krizisnoi situatsii* [Comparative Analysis of Argumentative Strategies of Crisis Political Discourse]. Moscow.
3. Chumikov, A. N. & Bocharov, M. P. (2003). *Sviasi s obshchestvennost'iu: teoriia i praktika* [Public Relations: Theory and Practice]. Moscow: Delo. P. 99.
4. Benoit, W. L. (1997). Image Repair Discourse and Crisis Communication, *Public Relations Review*. Retrieved April 22, 2015 from http://embanet.vo.llnwd.net/o18/USC/CMGT502/Week11/docs/CMGT502_w11_ImageRepair.pdf

Современная репрезентация культурных традиций: изосемантика и культурная матрица (намаз)

Рахилия Гейбуллаева

Бакинский славянский университет

Аннотация

Пласты семантической типологии в словах, являясь одновременно и культурными пластами, привлекают внимание, с одной стороны, архетипичностью, общностью символами, и с другой стороны, приобретенными новыми локальными особенностями и традициями. Общности в различных культурах, как сюжета, образы, ритуалы, лексические или иные, имеют различные научные названия и теории, как например, архетип, изоморфизм, инвариант, вариант, ностратика, геном, мем, ризом.

В предложенной работе рассматривается “биография” современной национальной и культурной идентификации слова (намаз) и обозначаемого им ритуала, через метод восстановления : атрибуция к современной культуре, территориально-региональный принцип, абджаз алфавит, этимология семантики, трансформации и ответвления.

Ключевые слова: изосемантика, культурная матрица, трансформация, транслация, чело, намаз.

Представленная работа является частью нашего спецкурса “Сравнительная культура и культурная матрица”. Это исследование о куль-

турной матрице, в данном случае конкретно “намаз”, появилось как часть проекта истории и биографии слов и их семантики, которая может неожиданно объединить самые разные и отдаленные по времени и географии явления. Прежде чем реконструировать биографию этого понятия-традиции, вкратце обозначим ключевые слова, вынесенные в заглавие.

- Репрезентация — повторная презентация, представление информации, поэтому рассматривается и как история образов, представлений
- Презентация — представление о чем-то, изображение чего-то
- Изосемантика — наличие принципиального и порой детального сходства семантики сходных, параллельных вещей (ср.: изоморф — наличие принципиального сходства)
- Матрица — форма для отливки стереотипов печатания
- Намаз — современная атрибуция к культуре — одно из пяти основных требований ислама

“Всякая разумная мысль уже приходила кому-нибудь в голову, нужно только постараться еще раз прийти к ней” — И. В. Гете. Перефразируя эту мысль, можно сказать, что любая информация так или иначе была представлена в разное время и в разном пространстве, иначе говоря, ре+презентирована. Ученые по визуальной культуре, считающие слово визуализацией мысли в визуальном культурном ряду, рассматривают визуальную культуру как “историю образов”, идентифицируемую с семиотической категорией “репрезентация”¹. Интерес к “истории образов” стал причиной возникновения на современном этапе предмета визуальная культура. Образы, например, “социальные категории — ремесленники, купцы, женщины, евреи — меняются от места к месту, от эпохи к эпохе”². И эти образы не только приводят к ковке общего языка, который использует общие концепции и термины, как “культура”, “практика”, “дискурс” и “нарратив” (повествование), которые многие дисциплины считают вразумительным. (Bonnell and Hunt, 1999)³, но и к **маршрутизации слов, отражающих базовую семантику.**

Пример восстановления культурно-исторической матрицы слова и ритула

Для реконструкция современной традиции, аккумулированной на слове и ритуале “намаз”, предполагаем два типа методологии: лексико-словесные и визуальные таксономии⁴, которые включают как от-

¹ См.: Nicholas Mirzoeff. *An Introduction to Visual Culture*. Routledge, 1999, p. 121.

² Margarita Dikovskaya. *Visual culture: the study of the visual after the cultural turn*. MIT press, 2005, с. 48

³ Цитирую по книге: Margarita Dikovskaya. *Visual culture: the study of the visual after the cultural turn*. MIT press, 2005, с. 49

⁴ Таксоному-схема классификации

носителем современных, так и древних прародителей. И так, первая интерпретация-ассоциация — традиция современных мусульман, которая является одним из пяти основных обязательств в исламе. Компонентами матрицы ритуала-действия, его геномом являются человек (кто молится), причина (почему молится), манера исполнения ритуала (как), где исполняется (мечеть, святыня, дом).

Часть 1. От интерпретации к таксономии лексико-семантической культурной матрицы

Таксономия молитвы и атрибуция к мудрости

Эта таксономия включает в кладистику следующие основные слова: **namas-te** (vizuality-действие), **chelo** (vizuality — честь тела — лоб) и **bindi**¹ (отметина круглой точкой на лбу у индусов), **azzan** (звук — музыка).

Namaz — один из пяти основных предписаний для мусульман².

Namas-te — (от **namas** — поклонение), приглашение на молитву (санскрит); сравним: русское нама(з)жьте [na+maj [ж] +te] с корнем maz'+ать — хлеб (маслом), красить (**маз+ня**)

Namas-te — в переводе: поклониться божественному в вас (кого встречаем), поиск добра (божественного) в приветствуемом человеке. Это жест — *granam-asana* или *anjali mudra* — *mudra* — обычное приветствие или прощание, сохранившееся в Южной Азии, восходящее к индийской культуре, при котором слегка наклоняется голова, открытые ладони одного и того же человека прессуются друг с другом на уровне сердца. Жест открытых ладоней присущ фактически молящимся всех верований, у европейцев заменен пожатием ладоней обоих приветствующих. Еще одной репрезентацией можно считать амулет “рука Фатимы” — открытую ладонь в мусульманстве.

Namas-te — также касание ног родителей или гуру (учителя, мастера) и Девы (индуистского Бога).

Namas-te, где **-te** — это суффикс, который перешел в русский язык (например, идем-те) для обозначения совместного действия, взаимости (добра в индуизме и буддизме)³.

¹ Бинди нередко сочетается с вермиллион (как и слово вермишель, происходит от слова червь или чрево “*vermiculus*” — ярко-красной линией, которая соединяет линию пробора волос с челом, подчеркивая ее замужний статус.

² If to take into account matrix principle of research, here is another comparative line: **Namaz** — one of 5 *pillars* (orders) for Moslems; in Judaism it is 6 *pillars*, called as **sis(h) sedar**. Sedar means pillars, orders to fulfill. Compare: *sədr* — *sədar-ət*; *sədar* — **sdr** root (as in *səfir-səfarət-səfər* — **sfr** abjad root)

³ Janetti Marotta. *Namaskara*. June 2, 2014. <http://janettimarotta.com/namaskara-mudra/>

Maz — **Maz+da** — имя зороастрийского бога Ahura (Хозяин) **Maz-da** (Мудрость)

Мазь (мазать) — [maz', mazat'] — русское слово, восходящее индуйзму. К этой семиотике примыкает слово **помазать** (на царство).

Миропомазание — “*таинство, состоящее в том, что христианин через помазание миром (в византийском обряде) и / или возложением рук епископа (в лат. обряде) получает дар Духа Святого, т. е. миропомазание есть как бы личная Пятидесятница христианина; миропомазание может быть преподано только крещёному, а в лат. обряде лицу, достигшему сознательного возраста (ок. 14 лет) и прошедшему углублённую катехизацию*”¹.

Таксономия мольбы, мудрости, место для совершения молитвы

Три сопутствующие этой таксономии слова: **secde** (поклонение), **mæscid** (мечеть; также samī — мечеть), **mæktəb** (школа)

Sec(e)de (Azerbaijani) — поклонение божественному — по абджаг² кластеру **scd** (Semitic)

Mesjid (Azerbaijani) — место — дом для молитвы мусульман, лексическое обозначение по абджаг кластеру **scd** (Semitic); mü- (mo-) Semitic префикс, обозначающий существительное.

Mosque (English) — мечеть, английский вариант mesjid

C(j)ami (Turkish) — мечеть; **cem** — собираться

Mə-ktəb (Azerbaijani) — (место для обучения и преподавания) — абджаг кластер **ktb**, mə (ü) — префикс

Kitab (Azerbaijani) — **book** — абджаг кластер **ktb** — (Semitic root),

Ketubim (Hebrew) — писание, **book** (**книга**) — абджаг кластер **ktb**

Mə-drəsə — абджаг кластер **drs** (Azerbaijani) — **теологическая школа у мусульман**³ — абджаг кластер **drs**.

Dərs (современный — Azerbaijani) — урок — абджаг кластер **drs**. Аналог **drs(h)** — искать, изучать (семантическая матрица сохранилось в современном турецком как tart+ıřma — спорить, азерб. dara+ma — причисывание, а также с слове тарик — история).

Tədris (Azerbaijani) — учеба, обучение — абджаг кластер **drs**; tə — префикс.

Mudriy — мудрый (англ. wise)

Mudra-прессованные ладони, приветствие namaste (добро, великодушные, божественный дух в приветствуемом человеке).

¹ *Миропомазание*. Academic dictionaries and encyclopedias. <http://translate.academic.ru/Миропомазание/ru/en/1>

² *Абджаг алфавит* — финикийский алфавит из согласных букв, который был заимствован у остальных народов региона как основа.

³ Pre-Soviet, Soviet and post-Soviet *Mə-ktəb* (analogue for Russian school) replaced them and are schools for non-religious subject, teaching all sciences without theology.

Midrash — абджат кластер **dr (s)** — урок; — *midra* — во мн. числе **midrash** от древнего сочетания **darash** (искать, как в слове **PeRDesh** — P-pesh (просто; сравним: *peshka*) — R-remz (символ) — D-arash (изучать, искать). Таким образом в **drs r** — это *remez*, d-искать.

Также в современном слове **mi(d)ras** — наследие

Midrashim — “коллекция проповедей, сочиненных между 400 и 1200 гг. до н.э.”

Mü-əllim lm — абджат кластер **lm; Ta+lm+ud, təlim** (учение), **elm** (наука)

Таксономия “приглашение на молитву”

Сопутствующие этой таксономии слова и аллеломорф¹ **azan (əzan)**

Ритуал намаз включает также приглашение на молитву, как упоминание о времени его совершения. В религиях Евразийского региона имеет различные названия, как *namas-te*, *azan (əzan)*, которых можно обозначить как аллеломорфы.

Azan — абджат кластер **(h)z**.

Azan (əzan) — **(a[dh]an)** — имеет два варианта из-за произношения арабского **[dh]**, который в русском варианте отразился как [д], в азербайджанском как [z] как в переводах слов *arud* и *aruz*, *gamadan* и *ramazan*), сохранился также в литературном английскомском по всей вероятности через перевод Библии на английский.

“**Hazanu**,” “**hazannu** (Assyrian, Akkadian dialect of Sumerian) — контролер, директор, управляющий² (который сопоставим с функцией дирижера оркестра). Этим можно объяснить роль озана Деде Коркуда в жизни озузского общества, которая отличается от роли ашуга: хотя оба слагают стихи, статус озана явно выше.

(H)Azzan — аналог с турецким **(h)ozan, ashıq**; который соответствует в тюркских языках образу старого мудреца — озан Деде Коркуд.

Hazzan — также **chazzan** (еврейский), **Hassan** (Ladino) — “кто читает молитвы”³. В иудаизме певчий-лидер, который должен был обла-

¹ Аллеоморф, или *alele* — один из генов, определяющих развитие того или иного признака

² “*hzy* — Central Semitic, to see. *chazan*, from Mishnaic Hebrew and Jewish Aramaic *hazzān*, superintendent, cantor, from Akkadian *hazannu*, administrator, mayor, perhaps from earlier **hāziyānum*, overseer, active participle of Proto-Akkadian verb **hazāyum*, to see.”

Semitic roots. Web. Derived 26 April 2015. http://www.thefreedictionary.com/_/roots.aspx?type=Semitic&root=%E1%B8%A5zy

³ “*The hazzan who recited the prayers*.” *Hazzan*. Jewish Encyclopedia. The unedited full-text of the 1906 Jewish Encyclopedia. — Web. Derived 4 September 2014. <http://www.jewishencyclopedia.com/articles/7426-hazzan>

дать красивым голосом, который своим мелодичным голосом доносит прихожанам молитву, в католической церкви также кантор¹. В Талмуде “**hazzan**” обозначает надзирателя, контролера (за нравами)². **Həzin, hüüzün** (обычно о мелодии) — покой, а также петь заунывным или спокойным голосом, как подобало певцу при (**h**)**azan**.

Həzz — приятное; **həzz almaq** (Azerbaijani) — чувствовать приятное.

Отметим кластер ответвления от **hazanu**:

Помимо лексического логического кластера, объясняющего культурную матрицу современной мусульманской традиции намаз, существует еще одна важная структура, которая связана с визуальностью этого ритуала, вызывающего пререкания со стороны немусульманского населения. Это поза с прилипанием чела к земле. Итак, вторая часть данной работы связана с таксономией **визуального кластера намаз** и его аналогами в других вероисповеданиях и культурах.

Часть 2. Визуальный кластер

Таксономия “chelo (лоб)” для ритуала молитвы и его семиотика: chelobitnya, на лбу написано, просветление, bindi, Ash Wednesday, Shashanka asana

Эта таксономия, помимо визуальности открытых ладоней, о котором говорилось в связи намаз-те, включает в кладиристику визуальности следующие основные слова: **chelobitnya, на лбу написано, bindi, Ash Wednesday**, а также **третий глаз** из мифологии и биологии. Фразеологизм **на лбу написано** присутствует во многих языках, в том числе в тюркских (**alin yazısı**), является очевидным в русской традиция **chelobitnya** (грамота с прошением о чем-либо или с жалобой на имя царя или местных властей в XV–XVIII вв.). Помимо этого, отметина на лбу **bindi** в индуизме, встречается в христианской традиции западных христиан **Ash Wednesday** (День посыпания пеплом).

Итак, во время мусульманского намаза, как и во время Namaste для гуру и родительней, чело кладется на землю.

Чело [Chelo] (Russian) — чела — ученик гуру, а в русском языке — лоб, с которым связано несколько идиом и метанимий, выражающие этот же акт, действие у разных народов:

бить **челом** кому-л. —

chelobitnya (Russian) —

Cielo (Italian) — celestial (bodies) — sky

¹ *Hazzan Jewish Encyclopedia*. The unedited full-text of the 1906 Jewish Encyclopedia. — Web. Derived 4 September 2014. <http://www.jewishencyclopedia.com/articles/7426-hazzan>

² *Hazzan Jewish Encyclopedia*. The unedited full-text of the 1906 Jewish Encyclopedia. — Web. Derived 4 September 2014. <http://www.jewishencyclopedia.com/articles/7426-hazzan>

Celo (Latin) — утаивать (сравним: cell, cellular — клетка — элементарная единица живого организма в биологии), современное **seal** — печать (на английском stamp, как и на семитском)

Село [celo] (Russian) — деревня, округ; а также — ящик, жилище для членов общества, также семьи (челядь).

Челобитная (челядь [chel'ad'], child) — член семьи — общины — челядь

Alın yazısı (Azerbaijani and Turkish) — на лбу написано (на английском — на лице написано writ large on one's face). Сравним: поклониться божественному в Namaste.

Чело (Russian) — на лбу (contemporary word for чело) написано

Chela — ученик гуру (мастера); для сравнения: божественное (небо) — в значении общения с сакральным, мудрым. Используемое неоднократно выражение в эпосе “Китаби Деде Коркут” герои (ханы и беки) “кладут на землю белый лоб” (“ağ alını yerə qoydular”) вполне может быть проекцией-репрезентацией понимания с открытым лбом (на азерб.: alni ağ və ya açıq olmaq) — безупречный, с чистой совестью.

Chelo-vek (Russian) — чело+век; лоб+вечность) — время, вечность — век человека (на земле), что написано на лбу, на челе.

Bindi — индуистская традиция раскрашивать точку посередине лба (в Риг-веде винду) между бровями точкой показывает статус человека, этапы его жизни, например, например, замужняя, у вдовы — черная точка. В современности он приобретает черты искусства раскрашивания. Сравним: на лбу написано. Место бинди — межбровье на лбу в древних Ведах называлось чакрой для третьего глаза, место гуру или ажна-чакрой. Ставить лоб при поклонении означало поклонение Интеллекту, Высшему Скрытому Разуму (вспомним русское выражение “уму не постижимо”), которым назывался Ом¹ на санскрите в Упанишадах (русский ум, английский Omnipresence). Круглая точка бинди символизировала *biḥa* или основу-слог². Это напоминает помазание (сравним: намажьте) при жертвоприношении у евреев и мусульман, при котором принято отметить межбровье кровью принесенного в жертву животное. Считалось, что этим отмечается достижение разума, а также для концентрации энергии. Круглый камень из пыли, который ставится на пол, чтобы класть чело при совершении намаза, используется в некоторых шиитских конфессиях мусульманства.

¹ In contemporary English there are derivations of this Semiotics as *omni* (all and everywhere), *omnipresence* (presence any time at any place at the same time, which is attribution of deity), *omnipotent* (all powerful)

² A syllable may be symbol for syllable or “is a unit of organization for a sequence of speech sounds. For example, the word water is composed of two **syllables**: wa- and -ter”

Такая ритуальная визуализация имеет биологическую почву, а именно: сосновидное железо (париетальный или внутренний глаз) находятся как раз посередине лба в форме маленькой сосновидной шишки, которыми обычно украшается голова медитирующего Будды.

Сосновидное железо на лбу было известно и в древнем Китае, как регулятор дневного и ночного цикла и используется по той причине как символ двойственности¹, изображая две части (дня). Две части цветка лотоса фиолетового цвета или темно-голубого в индуизме символизируют лва полушарии мозга, как и два глаза, лве ноздри, две конечности².

Только после достижения просветления, интеллекта может наступить самореализация. Третий глаз в христианской архитектуре трансформировался в большой купол церкви, как всевидящий глаз, *Besiret gözü* (глаз духовности) в мусульманстве. В философии Рене Декарта сосновидная железа рассматривается как место души³.

Ash Wednesday и предки ash в индуизме

Еще один элемент таксономии чела существует в традиции у некоторых западных христиан, *dies cinerum* — **Ash Wednesday** (День Золы)⁴. Он визуализируется посыпанием пепла на голову и отмечается в виде маленького креста в межбровье на лбу как благословение, вместо круглой точки бинди. Оба производные из дерева, при индуизме из сандалового дерева (его и рис приносили в жертву), при христианстве из ветви пальмы (в честь раскрытия-приветствия пальмовых ветвей при вхождении Иисуса). Совершается в первый день Великого Поста в среду (по имени скандинавского-германского бога Одина/ Водина *Woodin's day*), за 46 дней до Пасхального Воскресенья. Благословение во время церковной церемонии посыпанием пеплом на голову и чело делается из прошлогодних зажженных пальмовых ветвей на Пальмовое воскресенье⁵.

¹ Circadian rhythms — from roots *circa-cycle* and *day*, and means biological shifting (endogenous or self-in) rhythms during 24 hours. Even they are characteristic to any individual, but have a big impact of daylight for producing melatonin and serotonin hormones.

² *Ibid.*

³ *Descartes and the Pineal Gland. First published Mon Apr 25, 2005; substantive revision Wed Sep 18, 2013. Stanford Encyclopedia of Philosophy.*

⁴ “Ash Wednesday, originally called *dies cinerum* (day of ashes) is mentioned in the earliest copies of the Gregorian Sacramentary, and probably dates from at least the 8th Century” — Richard P. Bucher. *The History and Meaning of Ash Wednesday*. Web. Retrieved 15 September 2014. <http://www.orthodox.com/html/ash.htm>

⁵ Matthew 21:1–11, Mark 11:1–11, Luke 19:28–44 John 12:12–19.

В современном азербайджанском языке эта традиция сохранилась в идиоме “kül başına” (буквально — пепел на голову глупому человеку, как десакрализация. Еще один потомок этой когниции на азербайджанском — *odun* (дерево) и *od* (огонь), а также название еды *ash*, которую так и не вытеснило популярное персидское название плов (*pilaw*) — оба названия отмечают еду из риса (*rice* — что вырастает), который готовится в кипящей воде и процеживается (на азербайджанском — *aş+ırmaq*). Рис приносился в жертву в агрихорте. Сохранился статус элитарной еды для гостей с двумя названиями.

Возвращаясь к *Ash Wednesday*, эта традиция, хотя не упоминается в сакральных книгах, символизирует покаяние, как символ о том, что человек создан из песка (вспомним аналогичный круглый камешек для совершения намаз), и песком и станет как пишется в первой книге Ветхого Завета Бытие — “Генезисе”¹.

Еще один визуальный элемент, напоминающий намаз — это *shashanka asana* из йоги, которая также называется асаной сосноводной железы. “*Shashanka*” в переводе с санскрита означает “луна” или “поза сидячего зайца”: “*shash*” — заяц, “*ank*” — колени. Эта асана призвана успокоить нервы и достичь покоя².

Выводы

Ре-презентация культурной традиции представляет интерес в смысле ее сути и составляющих, аналогично анатомии и биологии человека. Элементы таксономии мусульманского ритуала “намаз”, помимо собственного интерпретируемого ряда, выявили неинтерпретируемые на первый взгляд призмы, как ресурс кросс-культурного изучения оригинальности культурной матрицы слова *namaz*, точнее, как было отмечено в начале, маршрутизацию составляющих не только слова, но и ритуала. Изосемантикой оказалось чело с соотетствующими семантическими кластерами. Можем сделать вывод о том, что *Ash Wednesday* имел корни в сакральных традициях индуизма, как сжигание дерева как сакрального предмета, *Wednesday* как день дерева в скандинавской мифологии, чело как знак судьбы, напоминающий также чакру просветления — постижения Ома, который объединяют намаз, бинди, *Ash Wednesday*.

Лексические и визуальные составляющие традиции оказались функционально тесно переплетенными между собой на различных ярусах истории и регионах.

¹ Genesis 3:19 — English Standard Version. Web. Retrieved 15 September 2014. <http://biblehub.com/genesis/3-19.htm>

² Hare Pose Health Benefits & Variations <http://www.yogawiz.com/yoga-poses/hare-pose.html#continued>

Список литературы:

1. Bucher, Richard P. The History and Meaning of Ash Wednesday. Web. Retrieved 15 September 2014. <http://www.orlutheran.com/html/ash.htm>
2. Descartes and the Pineal Gland. *First published Mon Apr 25, 2005; substantive revision Wed Sep 18, 2013. Stanford Encyclopædia of Philosophy.*
3. Dikovskaya, Margarita. Visual culture: the study of the visual after the cultural turn. MIT press, 2005, c. 48
4. Erlich, Micahel J. Apuzzo. The pineal gland: anatomy, physiology, and clinical significance. — Journal of Neurosurgery. September 1985/ Vol. 63/ no. 3/pp. 321–341.
5. Genesis 3:19 — English Standard Version. Web. Retrieved 15 September 2014. <http://biblehub.com/genesis/3-19.htm>
6. Hazzan. Jewish Encyclopedia. The unedited full-text of the 1906 Jewish Encyclopedia. — Web. Derived 4 September 2014. <http://www.jewish-encyclopedia.com/articles/7426-hazzan>
7. Hare Pose Health Benefits & Variations/ <http://www.yogawiz.com/yoga-poses/hare-pose.html#continued>
8. Mirzoeff, Nicholas. An Introduction to Visual Culture. Routledge, 1999, p. 121.
9. Matthew 21:1–11, Mark 11:1–11, Luke 19:28–44 John 12:12–19.
10. Utiger, Robert D. Pineal gland. — Encyclopedia Britannica. <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/460967/pineal-gland>.
11. Shashankasana : Shashanka Asana — The Moon Yoga Pose. <http://the-holisticcare.com/yoga-pose/367-shashankasana-shashanka-asana-the-moon-yoga-pose.html>

CONTEMPORARY REPRESENTATIONS OF CULTURAL TRADITIONS: ISOSEMANTISM AND CULTURAL MATRIX

Prof. Dr. Rahilya Geybullayeva

Head of Azerbaijani Literature Department, Baku Slavic University and ADA University; email: rahilya_g@hotmail.com

Abstract

Words, representing reflexions of archetypal plots and symbols, and with the acquisition of local features and traditions, are somehow carriers of cultural layers. This paper will consider these similarities as cultural nostra-ti-fication through reconstruction of semantics, which we coined as a cultural matrix. Being the key term of Comparative Culture and Cultural Strata course at ADA and Baku Slavic University, cultural matrix helps to explain to look the root of the words, reconstruct cultural strata through biography of words from ancient (Semiotic languages or Sanskrit,) before and after. For this we follow and highlight research methods in this order:

- Attribution to contemporary national identity (to culture) of modern-day nation
- Territorial-regional principle
- Abjad alphabet
- Etymology/ Translation
- Transformation (gaining local-modern day features)

Following above mentioned research methods, this paper deals with isomorphism of cultural matrix on an example of assignment — sample of reconstruction of contemporary cultural tradition, accumulated on word and rite namaz, which is not only translation of the word, but changing interpretations of the word and rite.

This paper focuses on modern interpretation, biography and matrix of word and rite namaz. We reconstructed taxonomies of contemporary cultural tradition, accumulated around namaz, one of the fifth pillars of Islamic culture, which us brought to the thought of the conversion of religious tradition rather than on the religious conversion of people. It looks at how, through translation and interpretation, these patches influence the formation of new religious symbols and identities.

Key words: Iosemantics, cultural matrix, transformation, translation, chelo, namaz.

References:

1. Bucher, Richard P. The History and Meaning of Ash Wednesday. Web. Retrieved 15 September 2014. <http://www.orldutheran.com/html/ash.htm>
2. Descartes and the Pineal Gland. First published Mon Apr 25, 2005; substantive revision Wed Sep 18, 2013. Stanford Encyclopedia of Philosophy.
3. Dikovskaya, Margarita. Visual culture: the study of the visual after the cultural turn. MIT press, 2005, c. 48.
4. Erlich, Micahel J. Apuzzo. The pineal gland: anatomy, physiology, and clinical significance. — Journal of Neurosurgery. September 1985/ Vol. 63/ no. 3/pp. 321–341.
5. Genesis 3:19 — English Standard Version. Web. Retrieved 15 September 2014. <http://biblehub.com/genesis/3-19.htm>
6. Hazzan. Jewish Encyclopedia. The unedited full-text of the 1906 Jewish Encyclopedia. — Web. Derived 4 September 2014. <http://www.jewishencyclopedia.com/articles/7426-hazzan>
7. Hare Pose Health Benefits & Variations/ <http://www.yogawiz.com/yoga-poses/hare-pose.html#continued>
8. Mirzoeff, Nicholas. An Introduction to Visual Culture. Routledge, 1999, p. 121.
9. Matthew 21:1–11, Mark 11:1–11, Luke 19:28–44 John 12:12–19.
10. Utiger, Robert D. Pineal gland. — Encyclopedia Britannica. <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/460967/pineal-gland>.
11. Shashankasan: Shashanka Asana — The Moon Yoga Pose. <http://theholisticcare.com/yoga-pose/367-shashankasana-shashanka-asana-the-moon-yoga-pose.html>

Классификация речевых способов номинации в соответствии с правилами этикета

Е. В. Голубкова
МГИМО МИД России

Аннотация

В данной статье рассматриваются способы создания речевых единиц номинации тех предметов действительности, точнее, их идеальных денотатов, которые по правилам речевого этикета принято представлять в речи непрямо, альтернативными средствами номинации. При этом идеальный денотат — это фиксируемые в сознании отраженные признаки объекта, на которые направлена познавательная деятельность говорящего субъекта. В конечном итоге можно выявить две базовые разновидности репрезентации идеального денотата в процессе речепроизводства, то есть способов создания речевых альтернативных единиц: собственно обозначающий и отсылочный. В первом случае денотат репрезентируется на основе собственного значения речевого наименования, во втором — на основе “чужого” значения.

Собственно обозначающий способ, в свою очередь, подразделяется на экспликативный, когда все признаки репрезентируемого денотата четко представлены в субстанциональном значении речевого наименования, и имплицативный, при котором признаки репрезентируемого денотата представлены в значении речевого наименования частично или вообще не представлены. Формально экспликативный способ имеет вид свободных словосочетаний или предложений, в которых признаки репрезентируемого денотата представлены совокупно в разных, связанных между собой единицах номинации. Имплицативный способ именованного денотата формально имеет вид слова или устойчивого словосочетания, которое переосмысляется в данной конкретной ситуации. Переосмысление происходит с опорой на те семантические признаки, которые представлены в значении речевого наименования. Но это всегда не все, а лишь некоторые признаки репрезентируемого идеального денотата, обеспечивающие его узнаваемость.

Что касается отсылочного способа, то он осуществляется дейктическими словами, выступающими в анафорической функции, которые как бы заимствуют репрезентируемые идеальные денотаты у своих антецедентов, их собственное значение служит лишь указательной стрелкой, с одной стороны, на референт, с другой — на денотат антецедента.

Помимо “чистых”, используются также смешанные способы, например, имплицативно-отсылочный.

Ключевые слова: номинация, речевые единицы номинации, импликация, экспликация, дейктические знаки, речевой этикет.

Каждому из нас известно из собственного опыта и из наблюдений за речью других людей, что в процессе общения, подчиняясь социальным нормам, люди часто заменяют одно средство наименования предмета реальной действительности другим, альтернативным. Для этого они используют как системные (существующие в языке) номинативные единицы, так и речевые (создаваемые ими на данный случай непосредственно в процессе общения). В связи с речевым способом именования возникает важный вопрос: каким образом говорящие создают эти альтернативные единицы?

Отвечая на поставленный вопрос, необходимо отметить, что мы имеем в виду только те случаи, которые представляют собой стандартные ситуации общения, в которых говорящим нужно соблюдать правила речевого этикета и выполнять его главную функцию — быть вежливым. А вежливость, в свою очередь, подразумевает соблюдение “элементарного приличия”, “приличия”; проявление “деликатности”, “уважительности”, “ненавязчивости”; отсутствие “категоричности”. При этом важно также пояснить, что имеется в виду под “именованием предметов реальной действительности”. Речь идет о представлении (репрезентации) в речи идеального денотата, то есть фиксируемых в сознании отраженных признаков объекта, на которые направлена познавательная деятельность говорящего субъекта [3, с. 62–63].

Как показывает анализ выборки из современной художественной литературы, репрезентация идеального денотата может быть осуществлена двумя основными способами: **собственно обозначением** и **отсылкой к обозначению**. В первом случае репрезентация осуществляется посредством соотнесения денотата с именем, репрезентирующим его на основе своего собственного значения. Во втором случае репрезентация осуществляется посредством использования единицы в функции внутривидового указания, то есть единицы, отсылающей к обозначению денотата в другом месте высказывания.

В свою очередь, собственно **обозначающий речевой способ именования** заключается в том, что единицы номинации, создаваемые непосредственно в процессе речепроизводства и выполняющие функцию вежливости, возникают на основе уже имеющихся в языке единиц номинации либо путем их объединения в свободные словосочетания или предложения, либо путем придания номинативным средствам новых для них, не зафиксированных в языковой системе, значений. В первом случае мы имеем дело с экспликативным (1), а во втором — с импликативным (2) способами.

При *экспликациях* (1) все признаки репрезентируемого идеального денотата представлены в субстанциональном значении речевого наименования четко, ясно и недвусмысленно.

Since the letter is personal in nature, I am not at liberty to divulge its contents, except to say that Mr. O'Malley is fully cognizant of the fact that his actions with respect to the Kennedy memorial sports arena did not conform to the standard of ethical conduct as announced by this administration shortly after the inauguration [6, p. 59].

“Not conform to the standard of ethical conduct” эксплицирует денотат, обозначаемый в системе единицей “immoral”. Такая экспликация денотата позволяет говорящему представить его как совокупность определенных признаков, выражаемых отдельными словами, и избежать эмоционально более сильного средства именования, а тем самым выполнить одно из требований этикета — не проявлять категоричности.

При *импликациях* (2) признаки репрезентируемого идеального денотата представлены в субстанциональном значении речевого наименования частично или вообще не представлены.

Your hands, she says, are always dank with moisture. I explained, of course, that you couldn't help your personal characteristics. She seemed inclined to disagree [7, p. 8].

Речевое наименование *personal characteristics* имплицитно денотат, обозначенный в системе единицей *defects*, при этом не представленными в значении речевого наименования оказываются семы “недостаточность”, “несовершенство”, они подразумеваются, имплицитно. Имплицитное номинативное средство здесь выполняет функцию деликатности.

Более подробно мы разбирали имплицитную номинацию, выявляя в ней четыре степени в зависимости от того, какие именно (с точки зрения их иерархии) семы репрезентируемого денотата представлены в субстанциональном значении речевого наименования [2].

Теперь перейдем к **отсылочному способу**. Одной из наиболее распространенных функций внутрисконструктурного указания является анафорическая — отсылка к предыдущему элементу высказывания. Для анафорических средств характерно то, что они непосредственно соотносятся только с этим предыдущим элементом высказывания и его референтом (объектом, взятым во всей совокупности своих признаков), в то время как денотат (признаки референта, на которые направлена познавательная деятельность говорящего и о которых сообщается в высказывании) обозначается антецедентом. “Анафорическое указание относит данный акт речи к другому акту речи, у которого есть общий с ним референт, и строится на соотношении трех элементов — двух языковых обозначений, из которых по крайней мере одно представляет собой

дейктический знак или включает дейктический показатель, и референта, к которому относятся оба эти обозначения. Поэтому анафору часто называют кореферентностью или кореферентным указанием” [1, с. 6]. Дейктически слова, выступающие в анафорической функции, как бы заимствуют репрезентируемые идеальные денотаты у своих antecedентов, а их собственное значение служит лишь указательной стрелкой, с одной стороны, на референт, с другой — на денотат antecedента. В качестве анафорических средств могут употребляться указательные местоимения, местоимения третьего лица, слова широкой семантики, имеющие дейктические указатели, и некоторые другие.

I’m a bit embarrassed, though I don’t know why because it’s his book, not mine, and I say with a little laugh, “This is a bit hot, isn’t it? I didn’t know they let’m print stuff like this” [4, p. 103].

Like this отсылает слушающего к antecedенту “hot” / sexually exciting /, выполняя функцию приличия. При этом “hot” как альтернант исходной “sexy” также служит для варьирования репрезентации денотата по причинам этикета.

Отсылочный способ репрезентации денотата всегда есть речевой, поскольку он обходится без закрепленных за данным денотатом в системе языка средств его именованя (исходного и альтернативных). То, что в данном месте высказывания данный денотат репрезентируется при помощи данного отсылочного средства, есть ситуативно обусловленный факт речи.

Таблица 1.

<p>Собственно обозначающий Денотат репрезентируется на основе собственного значения речевого наименования</p>		<p>Отсылочный Денотат репрезентируется на основе “чужого” значения, речевое наименование только указывает на обозначение, отсылает к нему</p>
<p>Экспликативный Все признаки репрезентируемого денотата четко представлены в субстанциональном значении речевого наименования</p>	<p>Имплицативный Признаки репрезентируемого денотата представлены в субстанциональном значении речевого наименования частично или вообще не представлены</p>	

Помимо основных, “чистых”, способов применяются также смешанные. Мы нашли достаточно много примеров способа создания речевых имен, который можно назвать “импликативно-отсылочным”. При этом способе используется дейктический знак, указывающий на отсутствующий, но подразумеваемый по умолчанию антецедент.

“...Haven't I said that I want us to marry — as we arranged to before” — he hesitated — “before this happened?” [5, p. 302].

“This” репрезентирует денотат, обозначаемый в системе языка единицей “amputation”, и выполняет функцию деликатности.

Итак, в конечном итоге существуют три основные разновидности способов создания речевых альтернативных единиц номинации: экспликативный, импликативный и отсылочный.

Общая классификация основных способов репрезентации денотата, дающих возможность варьировать его именование по правилам этикета, можно представить следующим образом: см. Таблицу 1.

Список литературы:

1. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М. : Наука, 1974. 224 с.
2. Голубкова Е. В. Импликативная номинация как средство речевого этикета // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. М. : Издательство “МГИМО–Университет”. 2015. № 56.
3. Голубкова Е. В. Сферы, факторы и семантические особенности эвфемизации английских наименований // Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения. Одиннадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению, 10–11 июня 2013 г. : сб. науч. ст. в 2 ч. Часть I : Языки в аспекте лингвострановедения. М. : Издательство “МГИМО–Университет”. 2014. С. 61–72.

Литературные источники:

1. Barstow S. A Kind of Loving. Lnd. : Micharl Joseph, 1960. 286 p.
2. Hailey A. The Final Diagnosis. N. Y. : Doubleday and Company, Inc., 1959. 348 p.
3. Knebel F. Night of Camp David. N. Y. : Harper and Row Publishers, 1965. 336 p.
4. Trevor W. Miss Gomez and the Brethren. Lnd. : Triad / Panter Books, 1978. 256 p.

Сведения об авторе: Елена Владимировна Голубкова, к.ф.н., доцент, профессор кафедры английского языка №8 МГИМО МИД России;

email: elenavg07@gmail.com

PATTERNS USED TO CREATE AD HOC NOMINATIVE UNITS IN ACCORDANCE WITH SPEECH ETIQUETTE

Elena V. Golubkova

Associate Professor, MGIMO University; email: elenavg07@gmail.com

Abstract

This article examines the patterns used to create speech nominative units for those objects of the real world or, to be more exact, denotations, which, according to the rules of etiquette are not supposed to be represented in speech directly, but should be referred to by alternative means. A denotation is the essential features of the object actually referred to and which are at the center of the speaker's cognition. There are basically two ways to represent a denotation in the act of speech, or, in other words, to create alternative nominative units (ad hoc names) for denotations that already have their names in the language system. The first one is performed by denoting proper, the second — by deixis. Denoting proper can be realized on the basis of the meanings of the ad hoc names. Deixis is understood as anaphoric reference, and, as such employs anaphoric means that only point to the meanings of the names which were previously used.

When a speaker resorts to denoting proper, they can create ad hoc names either by explication or by implication. Explication takes place when all the necessary features of the denotation are represented in the meanings of ad hoc names. Implication takes place when only some, but never all the essential features are represented in the meanings of ad hoc names. Formally explication takes shape of a free collocation or a sentence, whereas implication materializes as words or set collocations in the meanings other than their own, however, such that enable the listener to recognize the target denotation.

Apart from pure patterns, there may be mixed ones, for example, deixis is sometimes combined with denotation proper.

Key words: nomination, speech nomination units / ad hoc names, implication, explication, deixis, speech etiquette.

References:

1. Vol'f, E. M. (1974). *Grammatika i semantika mestoimenij (na materiale ibero-romanskih jazykov)* [The Grammar and Semantics of Pronouns (based on Iberian Romance Languages)]. M.: Nauka. 224 p.
2. Golubkova, E. V. (2015). Implikativnaja nominacija kak sredstvo rechevogo jetiketa [The Implicative Nomination as Means of Speech Etiquette]. *Filologicheskie nauki v MGIMO. Sbornik nauchnyh trudov*. M.: Izdatel'stvo "MGIMO-Universitet". № 56.
3. Golubkova, E. V. (2014). Sfery, factory i semanticheskie osobennosti jevfemizacii anglijskih naimenovanij [Spheres, Factors and Semantic

Peculiarities of Eufemisation of English Proper Names]. *Lingvostranovedenie: Metody analiza, Tehnologija obuchenija. Odinadcatyj mezhdunarodnyj seminar po lingvostranovedeniju 10–11 ijunja 2013 g.* Sbornik nauchnyh statej v 2 chastjah. Chast' I: Jazyki v aspekte lingvostranovedenija. M.: Izdatel'stvo "MGIMO-Universitet".

Fiction Sources:

1. Barstow, S. (1960). *A Kind of Loving*. Lnd.: Michael Joseph. 286 p.
2. Hailey, A. (1959). *The Final Diagnosis*. N. Y.: Doubleday and Company, Inc. 348 p.
3. Knebel, F. (1965). *Night of Camp David*. N. Y.: Harper and Row Publishers. 336 p.
4. Trevor, W. (1978). *Miss Gomez and the Brethren*. Lnd.: Triad / Panter Books. 256 p.

Языковая игра как способ ведения информационной войны в современном медиадискурсивном пространстве

А. В. Гусякова

Московский педагогический государственный университет

Аннотация

Языковая игра — это динамичное функционирование и множественное воздействие форм и средств языка, призванных служить определенным целям и следовать точно установленным правилам. Языковые игры как нельзя лучше, органичнее “вписываются” в медиадискурсивное пространство, соответствуя его динамичной природе. Данный симбиоз языковой игры и медиасреды есть лучший инструмент ведения информационной войны независимо от временных или пространственных факторов. Ключевое правило языковой игры — это завладеть вниманием целевой аудитории и создать необходимые психологические установки и поведение по отношению к определенному новостному событию. В современном медиадискурсивном пространстве наиболее популярными лингвистическими приемами ведения информационных войн являются такие стилистические языковые средства (лексические, фонетические, синтаксические), как антитеза, аллюзия, аллитерация, версификация, риторический вопрос, метафорические и метонимические переносы, олицетворение, ирония, а также эллиптические конструкции. Данные тенденции в функционировании феномена языковой игры характерны не только для российского медиадискурса, но и для медиадискурсивного пространства французских и англо-американских СМИ.

Ключевые слова: языковая игра, информационная война, медиадискурс, медиадискурсивное пространство, концепт, антитеза.

Понятие “информационная война” (“information warfare”) уже давно не является чем-то новым или необычным в своем звучании для человека, живущего в нынешнюю эпоху цифровых технологий. Будучи детищем предыдущих столетий, информационные войны, смысл которых заключается в психологическом воздействии без применения насилия в любом его проявлении, постоянно требуют новых способов и форм выражения, а также эффективного места расположения для достижения мгновенного результата.

Ядром любой информационной войны является язык, а языковая политика есть “сильнейшая технология влияния на целые народы” [1]. По мнению российского исследователя М. Е. Костюк, за последние десятилетия возросло значение масштабных языковых манипуляций в медиадискурсивном пространстве [Там же]. Эту же идею разделяют и в зарубежных СМИ, утверждая, что медиасреда — это не что иное, как “военная операция” (“a military operation”), в которой писатели и продюсеры рассматриваются в качестве солдат (“...writers and producers are soldiers”) [3].

В современную эпоху, в которой происходит перекраивание геополитических карт и жестокое противостояние между однополярным и многополярным мирами, роль и значение языка во всех его видах и формах усиливается, особенно в контексте информационных войн.

Упоминая столь значимые для информационной войны характеристики, как способ и форма ее выражения, а также место ведения информационных баталий, выделим неотъемлемый лингвистический феномен современной информационной войны — языковую игру — и рассмотрим ее реализацию в медиадискурсивном пространстве.

Игра (так же как и война) — это своего рода состязание между ее участниками за право выигрыша и получения приза.

Уникальность языковой игры как лингвистического феномена заключается в том, что она затрагивает все уровни языка: фонетический, лексический, морфологический и синтаксический. Смешение языковых уровней позволяет задействовать все возможные варианты представления информации в медиадискурсивном пространстве, в особенности когда речь идет об информационном противостоянии.

Принципы и способы ведения любой войны тесно связаны с некоторыми языковыми представлениями воюющих сторон. Это, прежде всего, концепты *войны, мира, жизни и смерти, победы, чести, борьбы за человеческие права и свободы*. Поэтому неотъемлемым компонен-

том языковой игры в контексте информационного противостояния являются *антитезы*, используемые в медиадискурсивном пространстве как российских, так и зарубежных СМИ.

E.g. “The main question many Russians want answered is who ordered the brazen assassination of Mr. Nemtsov, a former deputy prime minister, in central Moscow on Feb. 27. Given the fact that the shooting took place within sight of the Kremlin, among the most heavily guarded sites in Moscow, **opposition figures** have accused **the government** of complicity in the crime, which it has denied”. (New York Times, 8.03.2015)

“Вирус Эбола:

Биологическое **оружие** или **мечь** природы?” (Комсомольская правда, 9.09.2014)

“**Война** или **Мир**? Нужна ли Европе своя “Сирия””. (Аргументы и Факты, 11–17.02.2015)

Подобным образом звучит заголовок к статье “Войне конец? Что будет с Донбассом и конфликтом РФ с Западом”, размещенной в российском периодическом издании “АиФ” [2]. Данная статья освещает последние события на Украине и, в частности, встречу в Минске “нормандской четверки”.

Французское медиаиздание “Либерасьон” (“Libération”) представляет иную точку зрения на революцию в Украине. В целом ее можно озаглавить как “хаос” (chaos) и “странная война” (la drôle de guerre). Языковые средства, подбираемые во французском медиадискурсе, целенаправленно создают “образ врага”, а не миротворца в лице Российского государства: “attaque cynique contre les accords de Minsk” (“циничная атака вопреки минским соглашениям”), les soldats de l’armée ukrainienne (“солдаты украинской армии”); des rebelles, les séparatistes (“сепаратисты”, то есть пророссийски настроенные войска ДНР и ЛРН).

Отношение к украинскому военному противостоянию Киева с Юго-Востоком Украины в англо-американском медиадискурсе во многом совпадает с политическим настроением французских СМИ. Языковая оппозиция “Ukrainian soldiers” — “pro-Russian forces”, “rebels”, “separatists” прослеживается как в британском, так и в американском медиадискурсах.

E.g. The main **Russian-backed rebel organization** in eastern Ukraine said it would begin moving heavy weaponry away from the front lines on Sunday... (New York Times, 23.02.2015)

Информационная война двух цивилизаций — российской и англо-саксонской, — которую можно наблюдать сегодня в медиадискурсивном пространстве, — это, прежде всего, создание имиджа политической правящей элиты. Поэтому каждый участник данного конфликта представляет свой собственный образ “врага” в данной ситуации.

В англо-американском медиадискурсе восприятие России ассоциируется с “мрачным призраком” (“gloomy shadow”), который не хочет оставить Украину в покое.

Е.g. “When the people of Ukraine made their move to get out from under **Russia’s gloomy shadow**, Putin first stole Crimea and then sent secret agents, soldiers and heavy weapons to foment rebellion in the eastern half of Ukraine.” (Los Angeles Times, 10.02.2015)

В российском медиадискурсе американский президент также представлен крайне иронично.

“**No Drama Obama**”. Барак Обама — флегма или невроз? (Комсомольская правда, 27.06.2012)

Изгой, или Как Америка разлюбила Обаму. (Аргументы и Факты, 20.10.2014)

Из вышеперечисленных примеров видно, что языковая игра может также удачно включать версификацию и аллитерацию, тем самым отражая фонетический уровень ее реализации. В данном случае аллитерация создается за счет заимствования из английского языка. На синтаксическом уровне феномен языковой игры часто реализуется путем использования односоставных предложений (эллипсов), что также очевидно из выше приведенных заголовков.

Таким образом, языковая игра продолжает оставаться мощной информационной силой, формирующей воображение и призывающей свою целевую аудиторию к активным социальным действиям. Ключевые функции языковой игры (аттрактивная, смыслообразующая, характерологическая, комическая, развлекательная, гедонистическая, выразительная и эстетическая) полноценно реализуются в медиадискурсивном пространстве. В результате можно наблюдать зарождение нового, “эстетического” медиадискурса, нелинейная структура которого пробуждает скрытые и явные смыслы, причудливо играя с их оттенками и формами, тем самым существенным образом влияя на жизнедеятельность каждого человека и на все стороны жизни социума в целом.

Список литературы:

1. Костюк М. Е. Языковые войны. Западные политические технологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2009. № 4. С. 93–100.
2. Цепляев В. Войне конец? Что будет с Донбассом и конфликтом РФ с Западом // Аргументы и Факты. № 7. URL: http://www.aif.ru/euro-maidan/prediction/chto_budet_s_Donbassom_i_konfliktom_Rossii_s_USA_i_ES (дата обращения: 11.02.2015).
3. Gerth J. Military’s Information War Is Vast and Often Secretive. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2005/12/11/politics/11propaganda.html?pagewanted=all&r=0> (дата обращения: 11.02.2015)

Сведения об авторе: Гусякова Алла Викторовна, к.ф.н., доцент Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия; email: a_v_guslyakova@rambler.ru

LANGUAGE GAME AS A METHOD OF INFORMATION WAR IN MODERN MEDIA DISCOURSE SPACE

Alla V. Guslyakova

Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; email: a_v_guslyakova@rambler.ru

Abstract

Language game is a dynamic performance of multiple language forms and instruments, designed to serve a particular purpose and follow definite rules in the society. Modern language games naturally “fit” in the media discourse space, corresponding to its dynamic nature. This symbiosis of language games and media environment introduces the best tool of information warfare, regardless of time or spatial factors. The key rule of the language game is to draw the attention of the target audience and create the necessary attitudes and behavior in relation to a specific news event.

In today’s media discourse space the most popular methods of linguistic information warfare are such stylistic language tools as antithesis, allusion, alliteration, versification, rhetorical question, metaphor and metonymy, personification, irony and ellipsis. These trends in the language game functioning are not unique to the Russian media discourse, but also for the French media discourse space as well as the Anglo-American media.

Key words: language game, information warfare, media discourse, media discourse space, concept, antithesis.

References:

1. Kostyuk, M. E. (2009). Jazykovye vojny. Zapadnye politicheskie tehnologii [Language wars. Western political technologies]. *MSU Vestnik. Series 12. Political Science*, 4, 93–100.
2. Tseplyaev, B. (2015). Vojne konec? Chto budet s Donbassom i konflikt-tom RF s Zapadom [End of war? What will happen to Donbas and the conflict between the Russian Federation and the West?] *Argumenty i Fauty*, 7. Retrieved from http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/chto_budet_s_Donbassom_i_konfliktom_Rossii_s_USA_i_ES.
3. Gerth J. (2005). Military’s Information War Is Vast and Often Secretive. *The New York Times*. Retrieved from: http://www.nytimes.com/2005/12/11/politics/11propaganda.html?pagewanted=all&_r=0

Межъязыковая семантическая ассоциативная связь как когнитивная основа усвоения иностранного языка

В. В. Денисова, Е. А. Стародубцева
Курский государственный университет

Аннотация

В статье описываются когнитивные основы процесса усвоения лексики в ситуации учебного двуязычия. Акцентируется важность конструирования ситуативного контекста как механизма формирования устойчивых связей между языковой единицей и ситуацией ее отработки, что впоследствии активирует в ментальном лексиконе обучаемых необходимый образ иноязычного слова.

Раскрывается роль межъязыковых проксонимов, в качестве которых рассматриваются межъязыковые аналогизмы, индивидуальные семантические соответствия и другие лексические эквиваленты, увязываемые с когнитивными способностями обучаемых.

Ключевые слова: проксоним, проксимация, межъязыковой проксоним, образ, ситуация, усвоение иностранного языка.

Современный мир, внутренние границы которого “стерты” глобализацией, едва ли может обойтись без основного средства коммуникации — языка, в данном случае — иностранного языка, владение которым обеспечивает эффективность мультикультурной коммуникации. Данный факт обуславливает неугасающий интерес представителей различных научных направлений ко все более детальному изучению аспектов многогранного явления “иностранный язык”, в том числе особенностей его усвоения. На сегодняшний день хорошо известно, что для обеспечения надлежащего усвоения любого языка обучаемыми педагогу недостаточно просто владеть преподаваемым языком и использовать в работе корректные методические приемы. Необходимо учитывать индивидуальные психологические особенности человеческого сознания и психические механизмы, ответственные за весь процесс восприятия входящей языковой информации, ее усвоения, хранения, последующего извлечения и вербализации. Педагог должен быть знаком с устройством ментального лексикона, принципами работы внимания, восприятия, памяти, мышления и т.д., поскольку каждый корректный методический прием имеет психолингвистическую основу.

При произнесении любого слова в нашем сознании возникает образ определенной реалии, и наоборот, при необходимости материала

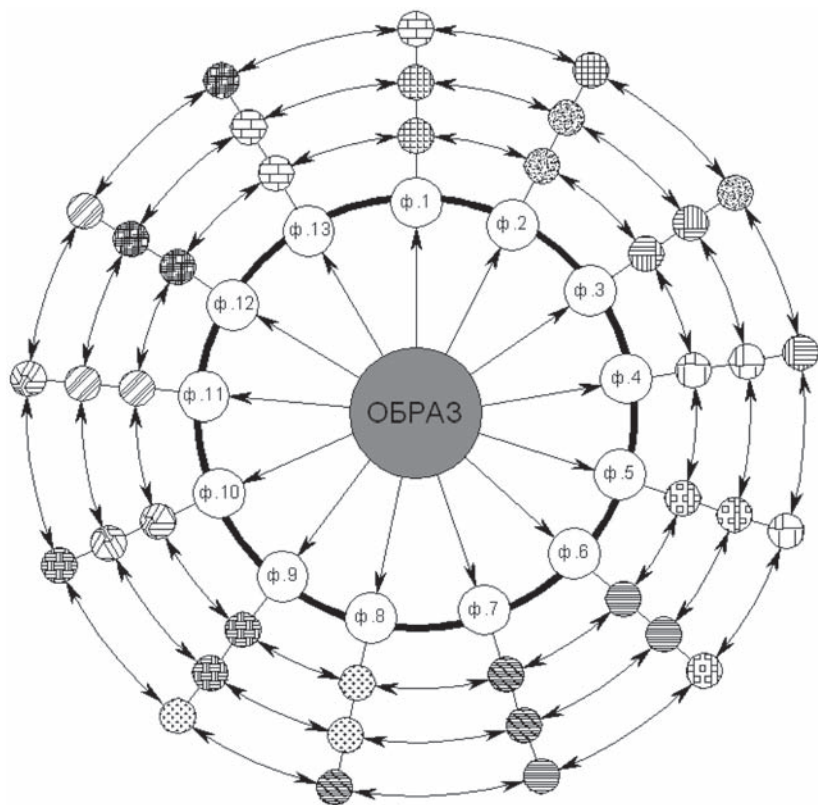
лизовать какой-либо предмет / явление в речи сознание выдает нам образ соответствующего слова [1; 2; 5; 6; 7;]. Любой объект именованья — это, прежде всего, элемент объективной действительности, представленный в виде чувственно-наглядного образа.

Отмечается, что индивидуальное сознание находится в непрерывном процессе внутреннего сравнения-переживания, регламентируемом внешним ситуативным контекстом, актуальным в текущий момент времени [4]. Сравнение-переживание отражает сущность когнитивного процесса *проксимации*, под которым С. В. Лебедева, автор теории проксиматики, понимает установление семантической близости лексических единиц с опорой главным образом не на словарные дефиниции, а на перцептивно-когнитивно-эмоциональную сферу человека [4]. В рамках данной теории *проксонимом* может считаться “любая языковая единица, сигнализирующая близость значения слов ‘здесь и сейчас’, результат процесса проксимации” [4, с. 191]. Проксонимами могут выступать любые слова, между которыми, на первый взгляд, трудно найти что-то общее, так как данное явление носит индивидуальный, субъективно- и ситуативно-обусловленный характер. При соприкосновении нескольких языковых систем формируется межъязыковая семантическая ассоциативная связь, результатом которой являются межъязыковые проксонимы. Общность или смысловое сходство обусловлено общностью различных фрагментов образа мира или ментального пространства (термин Б. М. Величковского) обучаемых. Вероятно, наиболее эффективно усвоение иностранной лексики и иностранного языка происходит с опорой на ситуацию, в результате проживания которой в сознании человека формируется образ слова, словосочетания и даже целой фразы и, как следствие, происходит присваивание значения этого слова. Образный потенциал иностранного слова оказывает влияние на легкость запоминания и прочность его усвоения и является одним из определяющих факторов овладения языком.

Предполагается, что каждое слово у человека связано с ментальной репрезентацией. Информацию, закодированную в ментальной репрезентации, можно представить в виде такой металлической структуры, как фрейм. Обычно система находится в статичном, “спящем” состоянии. Акт проксимации приводит в действие весь механизм индивидуальных знаний, стимулирует человека к поиску исходного образа, основания для сравнения. Система оживает при предъявлении лексем и возникновении образной репрезентации. Процесс активации модели зависит от степени субъективного сходства, в основе которого лежит сравнение-переживание.

На рис. 1 представлена модель, визуализирующая как образную репрезентацию вербального знака, так и вербализацию образа.

Рис. 1. Модель образной репрезентации вербального знака / вербальной репрезентации образа.

Центральным компонентом является образ, с опорой на который происходят как процессы восприятия и усвоения новой информации, так и извлечения хранящихся в ментальном лексиконе и памяти знаний. Образ активизирует фреймы и соотносимые с ними слоты. Фреймы — статичные единицы системы, а слоты подвижны, не закреплены за конкретным фреймом и могут соотноситься с различными фреймами в зависимости от ситуации. Фреймы и слоты образуют сеть информационного поиска. Универсальными видами (типами) фреймов, лежащих в основе процесса проксимации, являются: “фрейм ситуация”, “фрейм фрагмент ситуации”, “фрейм действие, или процесс”, “фрейм субъект деятельности”, “фрейм объект деятельности”, “фрейм причина деятельности”, “фрейм результат / продукт деятельности”, “фрейм эмоции”, “семантический фрейм”,

“предметно-семантический фрейм”, “специфицирующий фрейм”, “фрейм расстояние”, “индивидуально-обусловленный фрейм”.

С опорой на данную модель можно проиллюстрировать особенности формирования различных образов в индивидуальном сознании людей, изучающих иностранный язык. Например, обратимся к “образу ресторана”. В целях нашего исследования был проведен пилотажный эксперимент, в котором приняли участие 30 студентов 1–3 курсов Курского государственного университета и 30 студентов американского колледжа Westfield Vocational Technical High School. Испытуемым предлагалось описать на родном языке свой последний поход в ресторан. При анализе полученных рассказов были выявлены наиболее частотные и значимые для респондентов моменты посещения ресторана (например, бронирование столика, встреча с друзьями, обсуждение меню и т.д.). Мы полагаем, что эти действия соотносятся с ключевыми фреймами, содержащими знания по рассматриваемой тематике.

При усвоении информации по этой тематике вышеперечисленные фреймы активизируются следующим образом. “Фрейм ситуация” и “фрейм фрагмент ситуации” являются самыми объемными, следовательно, слоты, относящиеся к другим, менее объемным фреймам, например, “фрейму действие, или процесс” (изучение меню, заказ блюд и др.), “фрейму субъект деятельности” (друзья, семья, пришедшие в ресторан, официант, принимающий заказ и т.д.), “фрейму эмоции” (обсуждение предпочтений блюд и отзывы о еде), могут входить также и в их состав. Это обусловлено когнитивно-коммуникативной асимметрией фрейма, заключающейся в отсутствии жесткой коррелятивной зависимости между определенным фреймом и конкретными слотами.

Этапом, предшествующим введению материала, является установление сходств и различий одного и того же образа в разных системах языка. В нашем понимании “образ ресторан” представлен в сознании носителей русского и английского языков сходными по смыслу фреймами. Однако, с учетом культурных особенностей, смысловая наполняемость фреймов — набор слотов — будет отличаться. Анализ рассказов русских и американских студентов показал, что основные этапы реализации сценария “поход в ресторан” во многом одинаковы. Это облегчает усвоение фрагментов альтернативной языковой реальности, в том числе за счет общности образов, а также схожести в звучании и написании (как в словах *restaurant* — *ресторан*, *menu* — *меню*, *reservation* — *резервирование*, *chef* — *шеф-повар*).

Проиллюстрируем особенности введения темы “Ресторан”. Для активизации когнитивной системы и фреймово-слотовой сети необходимо создать целостный образ ситуации, предъявить обучаемым весь сценарий, в результате чего в сознании активизируется необходимая

область знаний, представленная определенным набором фреймов. Мы предлагаем студентам видеоряд, содержащий основные этапы сценария “Ресторан”, сопровождаемый фразами или комментариями преподавателя на иностранном языке. После этого просим студентов произнести соответствующие фразы на родном языке. Таким образом формируется первичное когнитивное сходство и субъективная межъязыковая связь. Впоследствии при многократном разноплановом повторении материала, сопровождающегося аудиовизуальными материалами, ролевым проигрыванием ситуации, включающим различные виды деятельности, как вербальной, так и невербальной, межъязыковые соответствия упрочиваются и закрепляются в сознании обучаемых. Необходимо отметить, что образ, увязываемый с тем или иным словом / ситуацией, преломляется в индивидуальном сознании через многогранный внутренний контекст. У разных людей в разные периоды времени и в разных ситуациях будут превалировать разные составляющие образа, что необходимо учитывать в процессе изучения иностранного языка.

Проиллюстрируем сказанное примером фрагмента “фрейма действие, или процесс”, а именно *заказ блюд*. Сначала мы выделяем ключевые фразы, соответствующие данной ситуации, такие как “*What are you going to have / drink / eat?*”, “*I think I’ll have...*”, “*I’d like to have...*”, “*I haven’t decided yet*”. Алгоритм предъявления следующий: контекст микроситуации, далее ключевые фразы отрабатываются альтернативными способами, не только проговариваются, но и, например, “пропеваются” в песне. В итоге усвоенный материал “разыгрывается” обучаемыми в ситуациях, приближенных к реальным условиям действия в представленной ситуации. Затем студентам можно еще раз предложить тот же видеоряд или видео, которое они должны озвучить самостоятельно, другими словами “проассоциировать” фразы на иностранном языке, связанные с предъявляемой ситуацией.

Таким образом, для формирования межъязыковой ассоциативной связи как когнитивной основы усвоения иностранного языка необходимо формирование мысленного образа предмета или ситуации, поскольку именно посредством данного психического образования осуществляется взаимодействие между человеком и внешним миром.

Список литературы:

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.
2. Выготский Л. С. Психология. М. : Эксмо-пресс : Апрель-пресс, 2002. 1008 с.
3. Залевская А. А. Психолингвистические исследования: слово, текст. М. : ГНОЗИС, 2005. 543 с.
4. Лебедева С. В. Близость значения слов в индивидуальном сознании : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2002а. 311 с.

5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Наука, 1975. 260 с.
6. Лурия А. Р. Язык и сознание. М. : Наука, 1979. 230 с.
7. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности "Рус. яз. и литература". М. : Просвещение, 1977. 335 с.

Сведения об авторах:

Денисова Вера Валерьевна, к.ф.н., Курский государственный университет, г. Курск, Россия; email: veravdenisova@gmail.com

Стародубцева Екатерина Александровна, к.ф.н., Курский государственный университет, г. Курск, Россия; email: e.starodubtseva@mail.ru

**INTERLINGUISTIC SEMANTIC ASSOCIATIVE BOND
AS A COGNITIVE BASIS OF FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION**

Vera V. Denisova

Associate Professor of Department of Foreign Languages and Professional Communication of Kursk State University, Kursk, Russia;
email: veravdenisova@gmail.com

Ekaterina A. Starodubtseva

Associate Professor of Department of Foreign Languages and Professional Communication of Kursk State University, Kursk, Russia;
email: e.starodubtseva@mail.ru

Abstract

The paper describes the way interlinguistic proxonims develop while students learn a foreign language. The paper defines *proxonim* and *proximation* and reveals the connection between these linguistic notions and learning foreign words in the context of situation.

Introduction and understanding of new words are closely connected with creation of the relevant situational context which is similar to the conditions of vocabulary acquisition in native language. It makes the connection between the words and the situation extended which results in activation of the relevant part of mental lexicon.

This process creates interlinguistic proxonims, individual semantic correlations and etc. which are connected with cognitive abilities of students.

Key words: proxonim, proximation, interlinguistic proxonim, image, context, foreign language acquisition.

References:

1. Vygotskij, L. S. (1999). *Myshlenie i rech'* [Cognition and Language]. M.: Izd-vo "Labyrinth". 352 p.

2. Vygotskij, L. S. (2002). *Psichologija* [Psychology]. M.: Jeksmo-press: Aprel'-press. 1008 p.
3. Zalevskaja, A. A. (2005). *Psiholingvističeskie issledovanija: slovo, tekst* [Psycholinguistic Research]. M.: GNOZIS. 543 p.
4. Lebedeva, S. V. (2002a). Blizost' znachenija slov v individual'nom soznanii [The Similarity of Word Meaning within the Individual Consciousness]: dis. ... d-ra filol. nauk. Tver'. 311 p.
5. Leont'ev, A. N. (1975). *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity Cognition Personality]. M.: Nauka. 260 p.
6. Lurija, A. R. (1979). *Jazyk i soznanie* [Language and Cognition]. M.: Nauka. 230 p.
7. Shmelev, D. N. (1977). *Sovremennyj russkij jazyk. Leksika* [Contemporary Russian language and Lexicon]. M.: Prosveshhenie. 355 p.

Публичная речь в действии

А. А. Джигоева

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
МГИМО МИД России

Аннотация

Значимость публичной речи в современном мире невозможно переоценить. Актуальность владения данным навыком очевидна во всех областях жизни — политике, бизнесе, науке, коммуникативистике вообще. Где бы вы не жили, работали или учились, вам так или иначе придется один или несколько раз выступать публично. Это может быть бизнес презентация или участие в политических дебатах, медийное интервью или спонтанное выступление, прощание с коллективом или приветственное слово, получение награды или произнесение тоста. Во всех этих случаях вам будет важно выступить публично и, при этом, сделать это успешно. Глобальность и значимость данного навыка сопровождается адекватной подачей данного курса на глобальном английском языке. Авторский курс проф. Джигоевой А. А. именно об этом. Он дает описание наиболее выдающихся речей в истории, политике и жизни вообще, а также иллюстрирует ключевые навыки и методики публичного выступления в целом. Все перечисленные типы публичных речей подробно разработаны и представлены в мастер-классе и соответствующем курсе.

Ключевые слова: презентации, дебаты, интервью, тосты, спонтанные выступления.

Мастер-класс в рамках “Магии ИННО-2015” ставит целью знакомство и иллюстрацию авторского курса “Public Speaking in Action” (“Публичная речь в действии”), основанного на фундаментальной разработке проблемы и изложенного в признанной в России и за рубежом книге “Fundamentals of Public Speaking” (“Фундаментальные основы публичной речи”). М.: Айрис-пресс, 2010.

Целью курса “Публичная речь в действии” является обеспечение студентов навыками риторики, отвечающие требованиям публичной коммуникации XXI века и соответствующими уровню мировых стандартов.

Реализация этой цели предполагает решение следующих, связанных с нею задач:

1. Освоение содержательной, риторической, лингвистической и остальной значимой информации относительно ключевых основополагающих положениях риторики;
2. знакомство и тщательное изучение выдающихся образцов англосаксонской и мировой риторики, их особенностей и закономерностей построения с целью максимального обогащения студентов опытом и искусством владению речью;
3. детальное изучение основополагающих принципов публичной речи, изложенных в теории Аристотеля, и их последующая реализация и воплощение в современной риторике;
4. изучение и овладение всеми видами современной публичной речи, начиная с инаугурационных речей и кончая прощальными речами, включая медийное интервью, спонтанные выступления, дебаты, произнесения тостов, презентации и т.д.;
5. изучение культурологических аспектов произнесения публичных речей — аспект, наиболее востребованный в современном глобализирующемся мире и исключительно актуальный для студентов факультета глобальных процессов;
6. изучение с целью обогащения навыками публичной речи сопутствующих особенностей спикеров и их деятельности, таких как роль личности или значение эмоций в публичной речи;
7. освоение базовых основ риторики, начиная с правил структурирования речи, обусловленных культурными особенностями аудитории спикера, и кончая особенностями манипулирования вопросом-ответной частью процедуры выступления с речью;
8. освоение базовых основ владения особенностями невербальной коммуникации и главным образом, языка жестов;
9. являясь курсом по освоению глобального навыка, курс публичной речи основан глобальном языке *lingua franca* как языка международного общения, а именно на современном английском языке. Именно поэтому он ориентирован преимущественно на англосаксонскую риторику и предполагает дальнейшее совершенствование знаний по новейшему английскому языку. Вместе с тем, курс

предполагает освоение знаний риторики в остальных культурных пространствах — Китае, Японии, России и т.д.

Курс разработан во время пребывания автора в Гарвардском Университете, США в рамках программы по обмену учеными им. У. Фулбрайта. Написанная по курсу книга нашла высокую оценку среди профессоров университета Гарвард, в частности специалистов, читающих данный курс. Вот одна из характеристик:

Доктор Мери Данцигер, профессор Гарвардского университета, Школа государственного управления им. Дж. Кеннеди:

“I can imagine that this wonderful book would have many readers in Russia and I am hoping that it has brought you much deserved recognition and academic success. It’s a truly impressive piece of work”.

Давая общую характеристику курсу “Public Speaking in Action” и, соответствующей ей книге, хотелось бы свести эту задачу к ответам на три кардинально важных коррелирующих вопроса:

1. Почему данная область знаний столь актуальна в мировой коммуникативистике и в жизни вообще?
2. Что делает подобный курс и книгу необходимыми для российского студента и, шире, читателя вообще?
3. В какой степени книга “Fundamentals of Public Speaking” и читаемый по ней курс отвечает требованиям, удовлетворяющим указанному выше запросу, и является, таким образом, адекватным уровнем мировых стандартов, предъявляемых в XXI веке?

Отвечая на первый вопрос о том, почему public speaking столь значим в жизни современного человека, отметим, прежде всего, что умения и навыки построения публичной речи и выступления с ней ценились уже в древности. Ещё Аристотель, заложивший основы риторики, выделил и сформулировал её основные принципы, лежащие в основе современной науки о построении речи.

Многие видные деятели истории, представители общества и просто люди достигали жизненных и творческих вершин именно благодаря своему умению успешно выступать с речью. Гай Юлий Цезарь, Наполеон Бонапарт, Уинстон Черчилль, Мартин Лютер Кинг, Джон Кеннеди прославились в мировой истории в том числе, а может быть и прежде всего, благодаря своему таланту в красноречии.

И сегодня значимость публичной коммуникативистики не только продолжает оставаться весомой, но и всё более и более развиваться и совершенствоваться, отвечая духу времени. Не преуменьшая роль всех способов человеческой коммуникации, начиная с музыки, искусства и кончая языком жестов, в очередной раз подчеркнём “особую роль человеческого языка, как важнейшего средства человеческого общения”. (В.И. Ленин) Причём именно устная форма общения, вершиной которого является публичная речь, оказывается наиболее адекватной требованиям коммуникации.

Неважно, в какой области социальной жизни вы, современные студенты и будущие специалисты, не планировали бы свою жизнь: в политике, в бизнесе, в университете или в средней школе, — Вам так или иначе придётся один или несколько раз в жизни выступать с публичной речью. Это может быть инаугурационная речь или прощание с коллективом, в котором вы провели долгое время, телевизионное интервью или тост на торжественном мероприятии, политические дебаты или презентация вашего исследования. Во всех этих и в десятках других ситуаций вам нужно будет говорить на публике.

Став успешным спикером, вы, таким образом, значительно приблизите ваш успех в политике, бизнесе, в обществе и, вообще, в жизни.

Всё сказанное является частично ответом и на второй из поставленных выше вопросов, а именно — почему данные курс и книга необходимы российскому студенту и российскому читателю вообще?

В дополнение к сказанному отметим, что при всех достижениях отечественной науки в области речеведчества и филологии вообще роль публичной речи, как предмета преподавания, относительно низка. Особенно сильно игнорируется *public speaking* в методике преподавания иностранных языков. Между тем сегодня, когда открыты границы между государствами, когда глобализация становится всеобъемлющим явлением в мировой цивилизации, необходимость приобретения навыков и умений выступать на публике и при этом выступать на языке изучаемого языка становится для российского студента делом первостепенной важности.

Будущим специалистам: бизнесменам, политикам, учёным и т.д., — часто приходится выступать на международных презентациях, переговорах, конференциях. Английский язык, как *lingua franca*, оказывается в этих условиях наиболее востребованным и актуальным. Именно поэтому и по ряду многих других причин книга “Фундаментальные основы” и предлагаемый курс оказываются наиболее адекватными требованиям современного российского студента.

И, наконец, третий вопрос: в какой степени “Fundamentals” и данный курс удовлетворяют потребностям студента и читателя XXI века?

Ответом на этот вопрос служат следующие доводы:

- a) Структура курса, представленная в двух частях, охватывает практически все обозримые аспекты изучения публичной речи. Первая часть представляет собой наиболее выдающиеся речи известных политиков, учёных, юристов: М. Л. Кинга, Дж. Кеннеди, У. Черчилля, Елизаветы I, Р. Оппенгеймера и т.д.

Вторая часть курса посвящена конкретным аспектам построения публичной речи. В ней анализируются и подробно изучаются инаугурационные речи, прощальные речи, интервью, спонтанные выступления, презентации, дебаты и т.д.

- б) Даны образцы построения всех перечисленных типов речи, даются закономерности их структурной организации, отрабатывается методика их построения, вокабуляр, контентный анализ текстов. Важной частью приведённых видов работы являются письменные задания на построение речи, объясняемые пониманием письменной речи, как варианта и часто предшественника речи устной. Завершается каждый новый раздел (Unit) предложением построить свою собственную речь по заданной проблематике.
- в) Помимо всех разновидностей публичной речи автором разработаны и такие важные аспекты риторики, как роль личности в публичных выступлениях, эмоции в публичной речи, структурное построение речи, вопросы и ответы, как важная часть публичного выступления, Аристотелевская теория публичной речи и т.д., и т.д.
- г) Основываясь преимущественно на материале англоязычных выступлений, учебник и читаемый по нему курс при этом даёт много русскоязычной информации и оказывается, таким образом, востребованным для приобретения и совершенствования общих основополагающих навыков публичной речи, могущих быть полезными и вне англоязычной аудитории.
- д) Вместе с тем курс “Public Speaking in Action”, читаемый на глобальном английском языке, ориентирован одновременно на повышение общего уровня владения английским языком. Всё сказанное позволяет охарактеризовать “Public Speaking in Action” как материал, адекватный требованиям и потребностям современности.

Автор курса убеждён, что обучение публичной речи не сводится к и не достигается путём чтения лекций о том, как выступать. Путь актуализации публичной речи самим говорящим, начиная с самых простейших вариантов и совершенствуясь с каждым новым выступлением, представляется нам более перспективным с точки зрения успешности обучения. Сказанное, однако, не исключает возможности соединения обоих путей.

Завершая данное послание, хотелось бы подчеркнуть, что не будет преувеличением сказать, что, в конечном счёте, человек становится настолько успешным, насколько высоки его коммуникативные способности. Мы искренне надеемся и желаем, чтобы курс “Public Speaking in Action” и излагаемая его книга помогли вам преуспеть в жизни.

Список литературы:

1. Джиоева А. А. Фундаментальные основы публичной речи. М.: Айрис, 2011.

Сведения об авторе: Алеся Александровна Джиоева, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор МГИМО МИД России; email: alecia28@yandex.ru

PUBLIC SPEAKING IN ACTION

Alecia A. Jioeva

Full Professor: Lomonosov Moscow State University; Part-Time Professor:
MGIMO University; email: alecia28@yandex.ru

Abstract

The value of a public speaking skill in a modern reality can hardly be overestimated. This seems obvious in any sphere of life: politics, business, science, communicology in general. Wherever one might be living, working or studying they will inevitably have to speak publicly at least once or several times. This can be a business presentation or political debates, a media interview or an impromptu speech, accepting an award or making a toast. In each of these one will have to speak in public and, above this, make the speech a success. Being a global and a most essential skill the public speaking course needs to be delivered in a global language which nowadays is English. It is all this that Prof. Alecia Jioeva's authored public speaking course is about. The latter gives a perfect illustration of the most outstanding speeches in history, politics and life in general. At the same time the course illustrates the key methods and skills of public delivery. All the possible types of public speeches are elaborated and accordingly represented in both a master class and a related course.

Key words: presentations, debates, interview, toasts, impromptu speeches.

References:

1. Jioeva, Alecia. Fundamentals of Public Speaking. M.: Iris Press, 2011.

Предикативные основы синтаксической рекурсии

Е. Л. Дубовик

Белорусский государственный университет

Аннотация

В статье рассматривается предикация как основообразующее свойство предложения в рамках семантико-синтаксического подхода. Предикация определяется через отношение структуры предложения к структуре события, описываемого этим предложением. Структура события предопределяет синтаксическую структуру предложения и всегда состоит из трех элементов (субъект — акция — объект), следовательно, и структура предложения должна состоять минимум из трех элементов (подлежащее — сказуемое — прямое дополнение).

Предложения, где наблюдается сложная синтаксическая рекурсия (употребление предикативного сочетания знаков вместо какого-либо члена предложения), называются сложнорекурсивными. Таким образом, рекурсию членов предложения можно определить как способ образования сложных предложений. Семантико-синтаксический подход, органично дополняющий существующие подходы к определению предикации, помогает уточнить представление о механизмах реализации предложением своего семантического потенциала.

Ключевые слова: выделенный фрагмент модели мира, предикация, предложение, роль индивида, роль знака, рекурсия.

Способность к предикации как основообразующее свойство предложения изучалась лингвистами с различных концептуальных позиций: логической, синтаксической, семантической, прагматической, каждая из которых по-своему отвечала на вопросы, связанные с предикацией. Данные подходы к определению предикации описывают ее отдельные проявления, но не дают ответа на вопрос, какие механизмы позволяют предложению реализовывать свою способность к предикации.

Наиболее точное представление о сущности предикации дает семантико-синтаксический подход. Семантический синтаксис изучает отношение структуры предложения к структуре модели мира (т. е. структуре события, описываемого данным предложением) [5] и определяет предикацию как “металингвистическую операцию, установление однозначного соответствия между синтаксисом и семантикой, при котором каждая роль части языка в предложении отображается в каждую роль индивида в выделенном фрагменте модели мира” [1, с. 14].

Все, что нас окружает, мир вокруг нас без ограничений в пространстве и во времени воспринимается органами чувств человека. Из сформированной органами чувств копии мира человеческий интеллект вычленяет и кодирует определенные повторяющиеся элементы — стереотипы, которые образуют в нашем сознании модель мира — архитектуру стереотипов, т. е. упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие [2, с. 32–35]. Выделенный фрагмент модели мира представляет собой отдельную ситуацию, кусочек действительности, в которой взаимодействуют индивиды.

Минимальное количество семантических составляющих любой ситуации — три: субъект (S), объект (O) и акция (A). Субъект и объект являются ролями индивидов в модели мира, акция — это отношения, в которые вступают субъект и объект [5]. Путем рекурсии субъекта и объекта, т. е. разложением целого на множители (составные части) [6, с. 152; 4, с. 18], получают инструмент и медиатор. Ло-

кус — L представляет собой еще один семантический компонент ситуации. Причем локус может быть временным и пространственным. Временной локус размещает ситуацию во временном пространстве, а пространственный — в физическом.

Фрагмент модели мира:	Почтальон принес письмо нам
Структурная формула:	S-A-O-L
Возможные реализации в речи:	<p>Письмо пришло.</p> <p>Письмо принесли.</p> <p>Письмо было доставлено.</p> <p>Почтальон принес письмо.</p> <p>Письмо было доставлено почтальоном.</p> <p>Письмо дошло.</p> <p>Мы получили письмо.</p> <p>Письмо достигло своего адресата.</p>

При передаче смысла этой ситуации на иностранный язык можно использовать любой из предложенных вариантов высказываний. Выбор будет зависеть от субъективного взгляда говорящего.

Структура ситуации предопределяет грамматическую структуру предложения, но может быть не полностью в ней отражена, что обусловлено правилами комбинаторики знаков в том или ином языке, а также правом выбора говорящего грамматической конструкции или структуры предложения. Минимальное количество составляющих какого-либо события — три: субъект, объект и акция. Следовательно, и структура предложения должна состоять минимум из трех компонентов. “Синтаксис определяется набором отношений его единиц (слов)” [7, с. 15]. Чтобы эксплицировать отношения между единицами, необходимо применить процедуру преобразования, которая возможна только в случае, если сочетание знаков трехчленно [7, с. 15]. Любое простое предложение представляет собой как минимум трехчленную цепочку [8, с. 29]. Такая цепочка должна содержать члены предложения, отображающиеся в субъект (S), объект (O) и акцию (A): а именно подлежащее, прямое дополнение и сказуемое [3, с. 20], которые могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно.

Черета каких-либо событий представляет собой набор выделенных фрагментов, в которых отображаются роли знаков сложного или осложненного предложения. Сознание говорящего связывает определенным образом отдельные фрагменты, и индивиды подвергаются рекурсии (разложению на составные части), но неустойчивой, так как она зависит от восприятия событий говорящим. Например, предложения

Приглашенные гости пили чай; Приглашенные хозяевами гости пили чай; Гости, которых пригласили хозяева, пили чай поддерживают следующую структуру выделенных фрагментов модели мира:

хозяева S	пригласили A	гостей O	и	гости S	пили A	чай O
---------------------	------------------------	--------------------	---	-------------------	------------------	-----------------

Между этими фрагментами, очевидно, существует скрепляющее их звено, и это — общий индивид *гости*.

хозяева S	пригласили A	гости(ей) O / S	пили A	чай O
---------------------	------------------------	---------------------------	------------------	-----------------

Однако индивид *гости* может быть определен и через другую ситуацию: *Гостей, которые пили чай, пригласили хозяева*.

Авторы предложений *Приглашенные хозяевами гости пили чай* (рекурсия субъекта) и *Гости, которые пили чай, были приглашены хозяевами* (рекурсия объекта), несмотря на то, что оперируют одинаковыми описаниями ситуации действительности, по-разному их соотносят.

Предложения реализуют рекурсию индивидов выделенного фрагмента модели мира через синтаксическую рекурсию членов предложения. Например, структура:

	инженеры S	строят A	дома O
и	инженеры S	закончили A	строительство O

может быть реализована в предложениях следующих видов: *Инженеры-строители закончили работу*, где в роли подлежащего выступает номинативное сочетание знаков, или *Строившие инженерные сооружения завершили работу / Те, кто строил инженерные сооружения, завершили работу*, где в роли подлежащих выступают предикативные сочетания знаков.

Рекурсия члена предложения есть разложение его на составные члены, образующие простую (номинативное сочетание знаков) или сложную (предикативное сочетание знаков) структуру. Предложения со сложной рекурсией называются сложнорекурсивными. Таким образом, рекурсию членов предложения, вызванную семантической рекурсией индивидов в выделенном фрагменте модели мира, можно определить как способ образования сложных предложений.

Определение предикации в рамках семантического синтаксиса, понимание предикации как процесса установления соответствия между ролями знаков в предложении и ролями индивидов и акциями той или иной ситуации действительности дает возможность правильно интерпретировать смысл высказывания, составленного на одном языке, и передать его при помощи выразительных средств другого языка.

Список литературы:

1. Гордей А. Н. Лингвистическая и металингвистическая операции // Чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова (Минск, БГУ, 17 марта 2007 г.): сб. материалов. Минск: Изд. центр БГУ, 2007. С. 12–18.
2. Гордей А. Н. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularium* : сб. науч. тр. по лексикографии. Гродно, 2005. С. 32–35.
3. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск : Бел. гос. ун-т, 1998. 156 с.
4. Гордей А. Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. : в 2 ч. Минск: Белорусский Дом печати, 2011. Вып. 5. Ч. 1. С. 18–26.
5. Гордей А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс. Минск, 2007. (рукопись, аудиокурс).
6. Мартынов В. В. В центре сознания человека. Минск : БГУ, 2009. 272 с.
7. Мартынов В. В. Категории языка. Семиологический аспект. М. : Наука, 1982. 192 с.
8. Harris Z. S. *String analysis of sentence structure*. The Hague : Mouton, 1962. 70 p.

Сведения об авторе: Екатерина Леонидовна Дубовик, старший преподаватель, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь; email: katsiaryna@mail.ru

PREDICATIVE BASIS OF SYNTACTIC RECURSION

Katsiaryna L. Dubovik

Senior Lecturer, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

email: katsiaryna@mail.ru

Abstract

The article considers predication as the main property of a sentence in the framework of the semantic-syntactic approach. Predication is defined through the sentence structure relation to the structure of the event described in this sentence. Event structure determines syntactic sentence structure and always contains three elements (subject — action — object), therefore sentence structure must as well include at least three elements

(subject — predicate — direct object). Sentences with complicated syntactic recursion (the use of a predicative combination of signs instead of a single sentence part) are called recursion complicated sentences. So the recursion of sentence parts can be defined as the means of formation of complex sentences. The semantic-syntactic approach successfully supplements the existing approaches to the predicate definition and helps to specify the idea of the mechanisms a sentence employs to realize its semantic potential.

Key words: a selected piece of the world model, predication, a sentence, a role of an individual, a role of a sign, recursion.

References:

1. Gordej, A. N. (2007). Lingvisticheskaia i metalingvisticheskaia operacii [Linguistic and metalinguistic operations] *Chtenija, posvjashhennye pamjati professora V. A. Karpova*. Minsk: Izd. centr BGU. Pp. 12–18.
2. Gordej, A. N. (2005). Osnovaniia kombinatornoj semantiki [Fundamental Principles of the Combinatory Semantics] *Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium*. Grodno. Pp. 32–35.
3. Gordej, A. N. (1998). *Principles for calculating semantic subject fields*. Minsk: Bel. gos. un-t. 156 p.
4. Gordej, A. N. (2011). Rekonstrukcija i rekursija v sintaksicheskom analize predlozhenija [Reconstruction and recursion in sentence analysis] *Karpovskije nauchnyje chtenija: sb. nauch. st. v 2 ch.* Minsk: "Belorusskij Dom pečati". Issue 5. Part 1. Pp. 18–26.
5. Gordej, A. N. (2007). *Theoretical Grammar of Oriental Languages: lectures*. Minsk: (manuscript, audio course).
6. Martynov, V. V. (2009). *In the center of human consciousness*. Minsk: BGU. 272 p.
7. Martynov, V. V. (1982). *Language categories. Semiological aspect*. M.: Nauka. 192 p.
8. Harris, Z. S. (1962). *String analysis of sentence structure*. The Hague: Mouton. 70 p.

Прагматика номинативных стратегий англоязычного массмедийного дискурса

Г. В. Зашитина

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению способов и средств реализации массмедийным дискурсом его основных прагматических задач, таких как воздействие и манипулирование. В статье отмечается, что роль дискурса СМИ на современном этапе не ограничивается лишь репрезентацией действительности, что ярко проявляется в самом факте

активного привлечения стилистических средств непрямой номинации для реализации в дискурсе СМИ номинативных стратегий косвенной идентификации и атрибутирования; в статье рассматривается, как в массмедийном дискурсе реализуются прагматические интенции продуцента, затрагиваются некоторые дискурсивные стратегии, присущие СМИ, а также анализируются пути реализации номинативных стратегий с помощью перифраза с целью оптимизировать достижение медиадискурсом прагматических целей. Когнитивные и дискурсивные особенности перифраза помогают медиадискурсу реализовать потребность в интимизации отношений между коммуникантами, конструируя реакцию адресата в соответствии с прагматическими установками как непосредственно адресанта, так и самого медиа жанра.

Ключевые слова: медиадискурс, прагматика, СМИ, номинативные стратегии, перифраз.

Внимание к дискурсу СМИ и различным вербальным средствам, задействованным в массмедийной коммуникации, делает актуальным рассмотрение номинативных стратегий и тактик, с помощью которых реализуются основные прагматические задачи дискурса СМИ, объяснить которые можно стремлением к установлению и поддержке разнообразных отношений в обществе.

Учитывая такие особенности массмедийного дискурса, как масовость аудитории, одноразовость, стандартизированность, смысловая незавершенность, а также интертекстуальность и полиреферентность, не прямое взаимодействие коммуникантов, следует признать, что язык СМИ может по праву считаться средством формирования коллективной идентичности представителей того или иного языкового сообщества. При этом триада основных задач медиадискурса — “информировать”, “убеждать”, “развлекать” — именно в такой последовательности казавшейся неизменной на протяжении долгого времени, в настоящий момент дает повод полагать, что порой даже в “качественных” изданиях налицо частое перемещение задачи информирования на второе, а в случае многих массовых медиаизданий — и на третье место. При этом компонент “убеждать” часто трансформируется в “манипулировать”.

Основная цель дискурса СМИ — создать такие условия протекания коммуникации, которые способствовали бы сближению с адресатом или “интимизации” отношений между коммуникантами. Последнее невозможно без придания процессу предоставления информации диалогического характера, где определенный набор языковых средств или их организация в тексте будет способствовать решению ряда общих и частных прагматических задач СМИ, одной из которых

является создание эффекта присутствия в пространстве события не только адресанта, но и адресата. При этом в процессе коммуникации продуцент придает интеракции статус когнитивного процесса, где кванты мира соотносятся с объемом знаний адресата и с его планируемыми оценками.

Существует точка зрения о том, что налицо смена не только социальной миссии современных СМИ в сфере представления информации, но и значительная корректировка системы воздействия адресанта и адресата, когда “СМИ отказываются от своей социальной миссии и все больше становятся продавцами новостей” [3]. Данному утверждению есть вполне логичное объяснение. В условиях жесткой конкуренции СМИ оказываются вовлеченными в борьбу за внимание потенциального адресата, что проявляется в “вытеснении содержательной основы журналистики стилистическими экспериментами”, при том что “форма становится превалирующей ценностью для изданий”, а “оригинальность авторского стиля является преимуществом в условиях информационного общества, в котором СМИ делают бизнес на потреблении информации” [3]. Таким образом, адресант дифференцирует себя в процессе массмедийной коммуникации как “заказчик”, а СМИ — как “исполнитель”, которому, с одной стороны, приходится в значительной мере считаться с потребностями и вкусами адресата, что может проявляться в создании легко воспринимаемого, выразительного, запоминающегося, оригинального текста, с другой — в процессе коммуникации адресант также должен решить ряд прагматических задач, стоящих перед ним как перед журналистом, в частности, оказать речевое воздействие, когда коммуникантов связывают отношения равноправного сотрудничества, а не отношения субординации.

Деятельность журналиста всегда мотивирована конкретной целью, и на первый план остро выходит потребность в выборе эффективных номинативных стратегий и номинативных средств, отличающихся информативностью и суггестивностью. Все это, а также учет основных законов восприятия информации и умение целенаправленно их использовать помогают журналистам воздействовать на аудиторию, создавая при этом иллюзию независимости, дистанцированности в процессе интерпретации материала получателями. Под номинативными стратегиями мы понимаем выбор адресантом из совокупности средств именованья как отдельных элементов картины мира, так и ее фрагментов [1]. Одним из таких средств реализации номинативных стратегий косвенной идентификации и косвенного атрибутирования в медиадискурсе, на наш взгляд, является перифраз.

В качестве иллюстрации того, как вышеназванные цели и стратегии реализуются в медиадискурсе, были отобраны несколько случаев использования перифраза в публикациях англоязычного “массового”

издания “The London Evening Standard” от 9 апреля 2015 года. Нашей целью было рассмотреть, насколько перифраз эффективен как в реализации номинативных стратегий в СМИ, так и в решении их прагматических и дискурсивных задач. В избранных статьях перифраз функционирует как альтернативное наименование знаменитостей, а характер его использования, выбор признака-основы для создания номинаций, особенности расположения перифрастических конструкций в тексте позволили увидеть в этом определенную закономерность или даже шаблонность:

1. **Tom Cruise** flashed his bright white smile as he made his way through a line of fans ...

The Mission Impossible star was making his way back to his hotel after hanging out in Soho when a huddle of fans spotted **the Hollywood actor**...

Dressed down in a grey jumper and faded jeans, **the 52-year-old star** looked to be in good spirits...

The Top Gun actor has been filming on and off in London since late last year for Mission: Impossible 5.

2. **Taylor Swift** has shared the sad news...

The Shake It Off singer announced the news on her official Tumblr...

3. **Channing Tatum** looks set to produce, and star in an all-male Ghostbusters.

The 22 Jump Street actor may star in Sony’s male counterpart to the recently announced all-female Ghostbusters.

Как видно из примеров, выделенные перифрастические номинации объединяет их расположение в тексте — в начале нового абзаца и в постпозиции к единицам первичной идентификации объекта, что, на наш взгляд, способствует привлечению внимания. Характер признаков, ставших основой для образования данных перифразов, также обнаруживает абсолютное сходство: ими выступают наиболее недавние (а значит и свежие в массовом сознании) или значимые (по мнению журналистов) достижения знаменитостей, а также их возраст и пр. Цель выбора признака прагматична: помимо желания привлечь внимание (расчет на то, что названия песен и фильмов известны адресату), здесь отчетливо видна реализация стремления к достоверности, а актуализируемые признаки отражают интенции, знания и представления адресанта. При этом очевидно, что журналист ориентирован на адресата: актуализированные признаки общеизвестны и не затрудняют акт однозначной референции и идентификации.

Обобщая сказанное выше, отметим, что перифраз, как средство вербализации в дискурсе СМИ номинативных стратегий косвенного атрибутирования и идентификации, в большей степени способствует передаче информации сквозь призму стереотипных представлений собственных знаний адресата и может рассматриваться как средство воздействия и манипуляции.

Список литературы:

1. Гришаева Л. И. О взаимодействии номинативных и дискурсивных стратегий в тексте и дискурсе // Мат-лы XXXV Междунар. филол. конф. СПб., 2006. Вып. 9. Ч. 1. С. 12–17.
2. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография. М. : Ин-т языкознания РАН; Волгоград, 2003. 656 с.
3. Клушина Н. И. Трансформация стилистических и типологических характеристик российского медиадискурса новейшего времени. URL:<http://www.hling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/N.I.Klushina.pdf> (дата обращения: 02.02.2015).

Сведения об авторе: Защита Галина Викторовна, к.ф.н., Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; email: galina.zashchitina@gmail.com

PRAGMATICS OF NOMINATION STRATEGIES IN ENGLISH MASS MEDIA DISCOURSE

Galina V. Zashchitina

PhD, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; email: galina.zashchitina@gmail.com

Abstract

The article looks at the analysis of ways and means that can help mass media discourse to achieve such pragmatic aims as those of influencing and manipulating the audience. The author focuses on the fact that the task of modern mass media discourse cannot be narrowed down to merely presenting the world. That is apparently revealed through the use of stylistically charged nomination means being actively employed to trigger the nomination strategies of indirect identification and description. The paper also deals with the way periphrasis can contribute to mass media discourse's attempts to achieve addresser's pragmatic aims as well as to use some mass media discourse and nomination strategies to the full. The cognitive and discourse peculiarities of periphrasis also assist media discourse in an addresser's attempt to reach out to the addressee and to foresee, to determine the reaction of the latter in accordance with the pragmatic intentions of both the author and the media genre.

Key words: media discourse, pragmatics, mass media, nomination strategies, periphrasis.

References:

1. Grishaeva, L. I. (2006). O vzaimodeistvii nominativnykh i diskursivnykh strategii v tekste i diskurse [On Interaction Of Nomination and Discourse Strategies In Text

And Discourse]. XXXV International Filological Conference Papers. SPb. (9th ed.). Vol. 1. P. 12–17.

2. Zheltuhina, M. R. (2003). *Tropologicheskaiia suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeistviia tropov v iazyke SMI* [Tropological Suggestivity Of Mass Media Discourse: On Speech Influence Problem in Mass Media]. Monograph. M. Inst. Of Language Studies RAS, Volgograd. 656 p.
3. Klushina, N. I. (2013). *Transformatsiia stilisticheskikh i tipologicheskikh kharakteristik rossiiskogo mediadiskursa noveishego vremeni* [Transformation Of Stylistic and Typological Features Of Modern Russian Media Discourse]. Retrieved February 02, 2015, from URL:<http://www.hling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/N.I.-Klushina.pdf>

Языковая составляющая образования: мнение современных студентов

Ю. Н. Здорикова

Ивановский государственный химико-технологический
университет

Аннотация

В статье проводится анализ мнения современных студентов о языковой составляющей гуманитарного образования в техническом вузе. Выбор респондентов неслучаен: именно молодое поколение как активная социальная группа способно определять перспективы развития общества в целом. В статье приводятся данные о состоянии русского языка наших дней, путях улучшения речевой культуры, степени грамотности современного общества с точки зрения современных студентов. Делается вывод о необходимости языкового образования в технических вузах.

Ключевые слова: современный русский язык, студент, система ценностей, культура речи, бережное отношение к языку.

В системе высшего образования сегодня значительная роль отводится речеведческим дисциплинам. Курс “Русский язык и культура речи”, преподаваемый студентам Ивановского государственного химико-технологического университета, преследует своей целью формирование умений и навыков эффективного использования средств родного языка при устном и письменном общении в жизненно актуальных сферах деятельности (прежде всего, в учебно-профессиональной и научно-исследовательской), овладение нормами речевого

поведения в различных ситуациях общения и направлен на формирование бережного и внимательного отношения к родному языку.

Современное студенчество сегодня воспринимается как активный, социально значимый слой общества, от которого зависит будущее общества и страны. “Завтрашний день России во многом определяется уровнем образования и профессиональной подготовки молодого поколения, его мировоззренческой позицией, желанием и способностью активно участвовать в жизни страны”, — отмечает Т. М. Кононова [2, с. 48]. Неслучайно выявление ценностного потенциала современной молодежи представляет в социалингвистических исследованиях первоочередную задачу: “Изучение ценностных ориентаций молодежи дает возможность выявить степень ее адаптации к новым социальным условиям и ее инновационный потенциал. От того, какой ценностный фундамент будет сформирован, во многом зависит будущее состояние общества” [2, с. 47].

Ценностные установки современного молодого поколения связаны и с его отношением к родному языку как носителю культурных ценностей, выразителю менталитета народа. Что же думают сегодняшние студенты о современном русском языке? Каково их мнение о необходимости преподавания языковых дисциплин в вузе? В данном исследовании представим результаты, полученные в ходе анализа анкет студентов вузов города Иваново, в основном ИГХТУ, в возрасте 18–20 лет.

По нашим наблюдениям, современное состояние русского языка расценивается сегодняшними студентами как *плачевное, пагубное, плохое, критическое, нестабильное, изменчивое*. Студенты отмечают преобладание в речи сниженных языковых элементов, сквернословия, жаргона. Как было отмечено в одной из анкет, “из языка постепенно уходит доброта, уважение”. Респонденты наблюдают частое нарушение в речи фонетико-орфоэпических норм: *звóнит, катáлог, газопрóвод*, ошибки, связанные с неразличением паронимов *надеть — одеть*, неправильное произношение слов, использование просторечных, жаргонных вариантов (не *что*, а *чё*), речевые ошибки, нарушение лексической сочетаемости (в спортивных передачах, например: *одержать первенство* вместо *одержать победу* или *завоевать первенство*), неправильное употребление степеней сравнения (*Это яблоко более лучише*), низкий уровень грамотности. Студенты отмечают в современной речи рост неологизмов, большое количество заимствованных слов, большое число агнонимов (*брифинг, дистрибьютор*). С одной стороны, русский язык сегодня, по мнению опрошенных, имеет большую свободу, раскрепощенность, а с другой — налицо негативные тенденции. Однако такое взаимное сосуществование позитивных и негативных тенденций в языке связано с состоянием самого общества, и поэтому нам очень импонирует мысль академика В. Г. Костомарова об органичной связи языка и нашего мышления: “Язык каким-то сокровенным образом

связан со всеми нашими действиями, с нашими мыслями, с нашими чувствами, с нашими обидами, радостями... И поэтому, когда я слышу разговоры о том, что наш язык портится или уже испортился, надо его спасать, я думаю, что это неправильно. На самом деле надо спасать нас с вами, заставляя думать о хорошем, полезном” [3, с. 58].

На вопрос о необходимости преподавания языковых дисциплин в вузе большинство респондентов дали положительный ответ. С их точки зрения, за молодежью — будущее страны, а будущее не должно быть безграмотным; нужно знать **родной** язык; необходимо знать правила, чтобы уметь составлять документы. Во главу угла поставлены критерии правильности и точности языковой нормы: *необходимо избегать ошибок в речи, развивать культуру речи, стремиться четче выражать свои мысли*. Часть опрошенных считает, что нет необходимости изучать русский язык именно в вузе, поскольку основы даются в школе, а в университет приходят сформировавшиеся люди.

Осознание того, что язык нужно беречь, связано в представлении респондентов с перспективами развития общества в целом (*молодежь — будущее России*), с чувством национальной гордости (*все родное нужно беречь*), патриотизмом (вот одно из мнений: *“Я горжусь своим языком. Не люблю использовать в речи иностранные слова. Мне не нравится, когда, извиняясь, человек говорит: ‘Сори’, как будто англичанин извиняется. В русском языке есть слова ‘прости’, ‘извини’. Я считаю, что засорение иностранными словами русской речи — это неуважение к своей нации, Родине, к людям, которые здесь живут”*), пониманием необходимости трансляции знаний от поколения к поколению. Современные студенты предлагают значительный арсенал путей улучшения речевой культуры: чтение книг, в первую очередь классической литературы, изучение значений русских слов, в том числе устаревших, систематическая самостоятельная работа по изучению языка, контроль речи на экране и в СМИ, более глубокое изучение норм и правил на занятиях в школе и в вузе, пропаганда бережного отношения к родному языку, введение штрафов за нецензурную лексику в общественных местах, обеспечение библиотек новыми словарями, отказ от ориентации на западную культуру, увеличение количества часов на преподавание дисциплины “Русский язык и культура речи в вузе”, акцент на практику в преподавании дисциплины.

Респонденты приходят к выводу, что преподавание дисциплины “Русский язык и культура речи” в вузе — насущная необходимость.

Список литературы:

1. Бондаренко М. А. Приемы активизации учебно-познавательной деятельности студентов в процессе изучения русского языка и культуры речи // Речевая коммуникация в современной России : Материалы III Международной конференции : в 2 томах / под ред. О. С. Иссерс. Омск, 2013. С. 421–429.

2. Кононова Т. М. Формирование ценностных ориентаций молодежи на этапе высшего образования // Академический вестник. 2009. № 3. С. 46–50.
3. Костомаров В. Г. Выступление на 10-летию кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина // Встречи с Костомаровым. К юбилею русиста: ученого, педагога, учителя. М., 2015. 76 с.
4. Фомченкова Г. А. Состояние и развитие взглядов на молодежь как социальный феномен // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 56–59.

Сведения об авторе: Юлия Николаевна Здорикова, к.ф.н., доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия; email: ulia_zdor@mail.ru

THE LANGUAGE COMPONENT OF EDUCATION: A REVIEW OF CONTEMPORARY STUDENTS

Yuliya N. Zdorikova

Candidate of Philology, Associate Professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russia; email: ulia_zdor@mail.ru

Abstract

The article analyzes the views of modern students of the language component of liberal education in a technical university. Selection of respondents accidental: the younger generation as an active social group is able to determine the prospects for the development of society as a whole. The article presents data on the status of the Russian language of the day, ways to improve speech culture, the degree of literacy in modern society from the viewpoint of today's students. The conclusion about the necessity of language education in technical universities.

Key words: Modern Russian language, student, values, culture of speech, respect for the language.

References:

1. Bondarenko, M. A. (2013). Priemy aktivizatsii uchebno-poznavatel'noi deiatel'nosti studentov v protsesse izucheniia russkogo iazyka i kul'tury rechi [Methods of stirring up students' educational-cognitive activity in the process of study of the Russian language and the speech standard]. *Rechevaia kommunikatsiia v sovremennoi Rossii*. Omsk. P. 421–429.
2. Kononova, T. M. (2009). Formirovanie tsennostnykh orientatsii molodezhi na etape vysshego obrazovaniia [Formation of value orientations of youth at the stage of higher education]. *Akademicheskij vestnik*, 3, 46–50.

3. Kostomarov, V.G. (2015). Vystuplenie na 10-letii kafedry russkoi slovesnosti i mezhkul'turnoi kommunikatsii Gosudarstvennogo instituta russkogo iazyka im. A. S. Pushkina [Speech at the 10th anniversary of the Department of Russian Literature and Intercultural Communication of Pushkin Federal State Budget Educational Institution]. *Vstrechi s Kostomarovym. K iubileiu rusista: uchenogo, pedagoga, uchitelia*. Moskva. 76 p.
4. Fomchenkova, G. A. (2011). Sostoianie i razvitie vzgliadov na molodezh' kak sotsial'nyi fenomen [Status and development of views on youth as a social phenomenon]. *Theory and practice of social development*, 2, 56–59.

Прагматическая пресуппозиция тропеической лексики как феномена современного коммуникативного пространства

(на примере профессиональной метафоры и каламбура)

О. С. Зубкова

Курский государственный университет

Аннотация

В статье представлены некоторые результаты эмпирического исследования тропеической лексики с использованием номотетической методики. Доказывается, что прагматическая пресуппозиция профессиональной метафоры и каламбура представляет собой неотъемлемую часть современного коммуникативного пространства.

Ключевые слова: профессиональная метафора, каламбур, троп, лингвосемиотика, номотетическая методика.

Человек — продукт комплекса взаимодействующих начал (индивидуальных, чувственных, рациональных), находящихся во взаимодействии и отражающихся на менталитете, поведении отдельно взятой личности. В каждом социуме (культуре) существует определенная система норм и оценок, влияющая на формирование и восприятие того или иного явления человеком, основываясь на которой можно говорить о семиотическом потенциале профессиональной метафоры и каламбура. Семиотика профессиональной коммуникации наиболее рельефно актуализирована в метафорах и каламбурах как особых знаках профессионального семиотического континуума, являющихся результатом коннекции между индивидом и его опытом, предоставляющих определенный алгоритм понимания профессиональных феноменов.

Тропеическая лексика профессиональных языков семиотизирует профессиональную ситуацию, соединяя прогностический, суггестивный и акциональный аспекты, обеспечивающие ее экстерьерную идентификацию внутри континуума. Вместе с тем исследуемые феномены объективируют уже имеющееся знание о мире, сопоставляя “готовые” значения при расшифровывании культурного кода и вызываемые ими ассоциативные представления, а также являются отправной точкой формирования всей грамматики коммуникации [1; 2].

Употребление, например, профессиональной метафоры, являющейся отправной точкой коммуникативного взаимодействия, преследует, по нашему мнению, следующие цели:

- ориентирование работника (индивиду легче понимать и интерпретировать зафиксированную в письменном виде форму);
- “подсказка” свойств отсутствующих частей описания профессионального феномена путем интерполяции и экстраполяции;
- возможность не уточнять сопутствующие элементы в академических источниках, основываясь на культурном или профессиональном знании;
- осуществление профессиональных манипуляций, естественно вытекающих из самой профессиональной метафоры, без дополнительных консультаций;
- формирование чувства психологического комфорта при узнавании чего-то знакомого.

Для проверки этих предположений нами был продолжен лонгитюдный эксперимент, осуществляющийся на протяжении 4 лет. Эксперименты были проведены в двух частных клиниках Бостона и Нью-Йорка, в двух частных клиниках Парижа и Лиона и в двух стационарных лечебных учреждениях г. Курска. Нашей приоритетной исследовательской задачей был поиск основных черт семиозиса лексики с высоким индексом образности, которые в дальнейшем возможно экстраполировать на более сложные семиотические процессы.

Однако мы столкнулись с отсутствием удовлетворяющего нашим намерениям и предположениям экспериментального метода исследования, лишённого эклектических переменных. Поскольку на современном этапе психолингвистика активно использует эвристичную когнитивную методологию и экспериментальной психологии, то мы посчитали возможным представить свою методику исследования, названную нами номотетической методикой, не претендующую, однако, на абсолютность. Особенностью нашего эмпирического исследования является исключение взаимодействия исследователя с испытуемыми. Оно предполагает осуществление экспериментальной деятельности в реальном эксперименте.

По результатам анализа эмпирических данных мы пришли к выводу, что в профессиональном общении возникновение и использо-

вание, например, метафор в языковом поле обусловлено интенцией адресанта, направленной на формирование аттитудно-релевантной информации у адресата, формулирующего субъективные интерпретативные смыслы профессиональных феноменов. Метафора образует такой тип категоризации, критерии организации которой вскрывают субъективное отношение человека к окружающей действительности. Профессиональная метафора, как особый вид метафоры, в профессиональном семиотическом континууме указывает не на “статическое”, правдоподобное повествование предмета / явления (как он есть на самом деле), а представляет описание, с помощью которого мир или некоторый его фрагмент преобразуется в предмет профессионального дискурса. Иными словами, профессиональная метафора — это приблизительно верное отражение профессиональной действительности, а не сама действительность, что совсем не означает абсолютной оторванности от окружающего мира. Исследуемый феномен “предписывает”, как нужно понимать или объяснять профессиональные явления и факты.

Это приводит к выводу о том, что прагматическая пресуппозиция профессиональной метафоры как феномена современного коммуникативного пространства зависит, в первую очередь, не от характеристик метафоры как элемента языка, а от взаимодействия носителя языка с окружающим миром. Наблюдение за тем, что стоит за метафорой у носителя языка, и полученные нами с помощью номотетической методики экспериментальные данные [1; 2; 3; 4] показывают, что за метафорой “стоит” система связей по линии как энциклопедических, так и языковых связей, сопровождаемых эмоционально-оценочным маркированием. Например: “*albatross*” — хронически больной пациент, который боится расстаться с лечащим врачом, покидая медицинское учреждение, “*челюскинцы*” (пациенты отделения челюстно-лицевой хирургии).

Анализируя эмпирические данные, полученные с помощью номотетической методики от французских исследователей, можно констатировать очевидный знаковый характер не только метафоры, но и каламбура, реализующийся в профессиональном дискурсе. При этом осуществляется идентифицирующая референция индивидом самого себя относительно конкретной профессиональной группы и конкретной социальной личности, а также формируется аттитудно-релевантная информация об ингерентных коннотациях в спектре полиморфности общения. Например: “*Pneumonique — elle est aussi crevée qu’un pneu Monique*” (при обсуждении состояния пациента с кожными высыпаниями на приеме у дерматолога. — О. 3.).

В семиотическом континууме профессионального языка каламбур является важным лингвосемиотическим элементом формирования психологического комфорта, опорным компонентом понятийной

компрессии, что доказывает очевидность его прагматической пресуппозиции. Например: *“Depenser — Une femme a des pensées pour un homme jusqu'à ce qu'il ait dépensé pour elle”* (при обсуждении состояния клиента на приеме у психоаналитика. — О.З.).

Однако прагматическая пресуппозиция может иметь место не только в речевом акте, но и осуществляться в семиотическом поле, не имея своей целью адресовать каламбур слушающему. Как нам представляется, в этом случае ее целью является понимание и ассимиляция концептуализированного предмета из одних перцептивных доменов в другие, более приемлемые для конкретного индивида и устраняющие трудности идентификации.

Из сказанного выше очевидно, что изучение метафоры и каламбура в профессиональном семиотическом континууме не может вестись сегодня без принятия в расчет ментального пространства и отражения в нем языка.

Иными словами, формирование и восприятие этих феноменов не может абстрагироваться от когнитивных оснований, эксплицируемых в аффективный, перцептивный, познавательный, этнологический, социокультурный, учредительный опыт индивида, являющихся продуктом смысла.

Согласно нашим наблюдениям, прагматический потенциал профессиональных метафор и каламбуров в конкретном семиотическом континууме позволяет специалисту выходить на “типичный” для него контекст, поскольку в любом, даже самом отвлеченном мышлении, всегда сохраняются и развиваются генетические связи с чувственным содержанием, выступающим в виде обобщенных образных представлений, интуитивных схем и т.д. При отсутствии внешнего контекста предшествующий опыт специалиста определяет необходимый “угол зрения” для установления связи между словоформами профессиональной метафоры или каламбура и хранящейся в памяти как профессиональной, так и иной информацией.

На основе вышеизложенного можно констатировать, что в профессиональных метафорах и каламбурах как лексике с высоким индексом образности вербализуется сжатое представление, к которому обращаются с целью формирования на его основе нового знания, вследствие чего исследуемые феномены предстают как результат культурной фиксации в искусственном семиозисе. Показательно, что расшифровка подобной тропеической лексики предполагает не только знание языка профессии, но и знание мира, окрашенного прагматическими коллокациями.

Обладая к тому же сильной креативной потенцией, исследуемые феномены вносят свой уникальный вклад в более дифференцированное и мультipersпективное понимание окружающего мира, частью которого является любой индивид.

При этом каждый из участников профессиональной коммуникации опирается на культурные модели категоризации объектов и явлений окружающей действительности, характерные для конкретной культурной общности и объективирующиеся в индивидуальном лексиконе и в языковых классификациях. Вместе с тем все большее значение в профессиональном языке приобретает прагматическая пресуппозиция профессиональной метафоры и каламбура как необходимая составляющая индивидуальной речевой деятельности профессионала.

Список литературы:

1. Зубкова О. С. Эволюция развития представлений о метафоре и метафоризации в истории науки : монография. Курск : Изд-во КГУ, 2011а.
2. Зубкова О. С. Метафора в профессиональной семиотике : монография. Курск : Изд-во КГУ, 2011б.
3. Зубкова О. С. Номотетическая методика vs. методика живой речи // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. 1 (11), Курск, 2012. <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/011-004.pdf>
4. Зубкова О. С. Метафорическая категоризация пространства профессиональных языков как рефлексия характера восприятия // Когнитивные исследования языка. № 19(19). Научный рецензируемый журнал. М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. С. 237–245.

Сведения об авторе: Ольга Станиславовна Зубкова, д.ф.н., профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Курский государственный университет; email: olgaz4@rambler.ru

PRAGMATIC PRESUPPOSITION OF TROPICAL LEXIS AS THE PHENOMENON OF MODERN COMMUNICATIVE SPACE (THE CASE OF PROFESSIONAL METAPHOR AND PUN)

Olga S. Zubkova

Doctor of Philology, Professor of Foreign Languages and Professional Communication Department, Kursk State University; email: olgaz4@rambler.ru

Abstract

The article depicts some results of empirical study of tropical lexis using nomothetic method. It proves that pragmatic presupposition of professional metaphor and pun is the essential part of modern communication.

Key words: professional metaphor, pun, trop, lingvosemiotics, nomothetic method.

References:

1. Zubkova, O. S. (2011a). *Evolyuciya razvitiya predstavlenii o metafore i metaforizacii v istorii nauki* [Evolution of development of ideas of a metaphor and metaforization in the history of science]. Kursk: Izd-vo KGU.
2. Zubkova, O. S. (2011b). *Metafora v professional'noi semiotike* [Metaphor in professional semiotics]. Kursk: Izd-vo KGU.
3. Zubkova, O. S. (2012). *Nomoteticheskaya metodika vs. metodika zhivoi rechi* [Nomothetic methodic vs. life speech methodic]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Nauchnyi zhurnal*, 1 (11). Kursk. <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/011-004.pdf>
4. Zubkova, O. S. (2014). *Metaforicheskaya kategorizaciya prostranstva professional'nyh yazykov kak refleksiya haraktera vospriyatiya* [Metaphor categorizing of the professional language space as the reflaction of perceptual pattern]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 19(19). *Nauchnyi recenziruemyi zhurnal*. M.: In-t yazykoznaniya RAN; Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G. R. Derzhavina. P. 237–245.

Прагмалингвистический аспект речевого портрета¹

И. А. Зюбина, Г. Г. Матвеева

Южный федеральный университет

Аннотация

Статья посвящена вопросам создания речевого портрета, описанию личностных качеств человека на основании результатов прагмалингвистического эксперимента. Прагмалингвистический речевой портрет представляет собой идентификацию социального лица (“портрета”) говорящего. Портрет, который получается при этом, уникален и присущ только одному индивиду, как уникальны отпечатки пальцев и прочие индивидуальные физиологические, социальные, поведенческие признаки-сигналы. Интерпретация речевого портрета приводит к идентификации индивидуальных черт говорящего, а их интерпретация — к диагностированию его личностных черт, типа уверенный / неуверенный, лидерствующий / кооперативный / отстраненный тип и др. Для изучения такого неосознаваемого речевого поведения говорящего разработана система прагмалингвистических экспериментов, основанная на так называемых речевых стратегиях скрытого воздействия и их планах актуализации.

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00029 “Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент”).

Ключевые слова: прагмалингвистика, речевой портрет, категория выбора, речевой сигнал, адресант, адресат.

Понятие речевого портрета возникло в связи с появлением и формированием такого нового направления в современной лингвистике, как прагмалингвистика. Прагмалингвистика — это третий аспект семиотики, науки о знаках, которые нас окружают в повседневной действительности. Нас интересуют только языковые знаки. Прагматический аспект представлен в науке о языке в виде прагмалингвистики (а также лингвопрагматики, лингвистической прагматики).

Анализируя речь человека, мы исследуем его речевое поведение, из чего вытекает, что главной категорией речевой деятельности является категория “выбора”. Каждый конкретный автор в конкретной ситуации выбирает при создании конкретного текста набор конкретных речевых сигналов определенных форм грамматических категорий, хотя конкретный речевой сигнал грамматической категории не представляет интереса с точки зрения его воздействия. Можно говорить о воздействующем проявлении *набора* речевых сигналов некоторой грамматической категории. Эти наборы речевых сигналов свидетельствуют об индивидуальности автора текста, так как отражают его речевой опыт. Этот речевой опыт накоплен автором с возрастом, с получением образования, с профессиональной деятельностью, с кругом общения, с традициями семьи, с национальными традициями, социальным статусом и ролями и т.д. и т.п. Такой опыт актуализируется в предпочтительном выборе набора речевых сигналов определенной грамматической категории. Учет и оформление картины речевых сигналов в виде таблиц и представляет собой фрагмент прагмалингвистического речевого портрета автора. Так что прагмалингвистический речевой портрет — это картина уподобления человека речевым условиям его интеллектуального, волевого, эмоционального, социального, биологического развития [1, с. 273].

Виды речевого поведения называются скрытыми стратегиями речевого воздействия автора текста на своего получателя. Скрытые речевые стратегии подразделяются на группы: эмотивно-ориентированные и конативно-ориентированные [2, с. 96–262]. В нашем исследовании в рамках прагмалингвистического эксперимента речевое поведение представителей палаты лордов парламента Великобритании анализируется в соответствии с эмотивно-ориентированной стратегией “Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии”. Данная стратегия реализуется в трех планах: личном, социальном и предметном. Используя личный план, автор актуализирует участие в речевом событии либо отправителя текста, либо его получателя. Социальный же план показывает нам, что в акте коммуникации автором задействованы оба участника общения — и отправитель, и получатель текста. И, наконец, в предметном

плане внимание получателя текста акцентируется его отправителем на объективности протекания речевого события, независимо от участия / неучастия участников речевого общения.

Изучается речевое поведение говорящего вероятностно-статистическим методом, в частности, методом модифицированного контент-анализа. При этом выявляется в изучаемом тексте процентное наличие тех или иных речевых сигналов, свидетельствующих о наличии грамматической категории. Эти процентные величины, собранные в отношении конкретного говорящего, составляют его речевой портрет (см. Таблицу 1 “Фрагмент речевого поведения парламентариев-женщин по скрытой речевой стратегии ‘Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии’” и Таблицу 2 “Фрагмент речевого поведения парламентариев-мужчин по скрытой речевой стратегии ‘Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии’”). Были проанализированы выступления парламентариев-мужчин и парламентариев-женщин в палате лордов британского парламента по проблемам Украины [3].

В результате эксперимента мы подсчитали, что средний речежанровый показатель личного плана в палате лордов у женщин равен 23%, у мужчин — 18%. Представители с самыми высокими показателями личного плана — это лидеры по натуре (Baroness Falkner of Margrave — 35% и The Lord Bishop of Coventry — 27%). Высокие показатели личного плана свидетельствуют о властности, независимости, смелости и самоуверенности. Такие люди могут даже игнорировать социальные условности, жить по собственным законам, активно отстаивать свою самостоятельность. Представители палаты лордов женского пола несколько чаще актуализируют личный план стратегии “Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии”, проявляя склонность к более авторитарному типу речевого поведения.

Что касается социального плана, то средний речежанровый показатель у мужчин (16%) вдвое превышает тот же показатель парламентариев-женщин (8%). Скорее всего, это связано с пропорциями личного плана, о которых мы уже говорили, поскольку средние показатели предметного плана почти равны (66% и 69% соответственно). Мы можем лишь отметить, что мужчины чаще актуализируют кооперативный тип речевого поведения, демонстрируя собеседнику открытость, вовлекая последнего в диалог. Представители палаты лордов с самыми высокими показателями социального плана (Baroness Stowell of Beeston с 16% у женщин и Lord Williams of Baglan (CB) с 24% у мужчин) больше других способны устанавливать и поддерживать эмоциональные контакты с участниками общения. Актуализируя социальный план, им удается заручиться дружественной поддержкой со стороны слушающих, которые на уровне подсознания начинают понимать, что адресант, как минимум, близок им по убеждениям и жизненному опыту, и начинают ему доверять.

Таблица 1

Фрагмент речевого поведения парламентариев-женщин по скрытой речевой стратегии “Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии”

Представитель палаты лордов	Личный план	Социальный план	Предметный план
Baroness Royall of Blaisdon (Lab)	14	12	74
Baroness Stowell of Beeston	18	16	66
Baroness Symons of Vernham Dean (Lab)	24	5	71
Baroness Falkner of Margravine (LD)	35	0	65
средний речежанровый показатель	23	8	69

Таблица 2

Фрагмент речевого поведения парламентариев-мужчин по скрытой речевой стратегии “Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии”

Представитель палаты лордов	Личный план	Социальный план	Предметный план
The Lord Bishop of Coventry	27	17	56
Lord King of Bridgwater (Con)	16	3	81
Lord West of Spithead (Lab)	17	20	63
Lord Williams of Baglan (CB)	12	24	64
Средний речежанровый показатель	18	16	66

Высокие показатели предметного плана свидетельствуют о том, что всем парламентариям присуще стремление к концентрации на объективных обстоятельствах дела, на главном. Они обладают логичностью, организованностью и четкостью в выступлении.

Таким образом, интерпретация речевого портрета автора приводит к идентификации индивидуальных черт говорящего, а их интерпретация — к диагностированию его личностных черт.

Список литературы:

1. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г. Речевой портрет государственного обвинителя: прагмалингвистический аспект // Язык и речь в синхронии и диахронии. Таганрог : Изд-во Таганрог. Ин-та им. А. П. Чехова. 2014. С. 271–276.
2. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица (“портрета”) говорящего : автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 1993. 322 с.
3. *Ukraine (Shooting Down of MH17) and Gaza. Statement.* <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldhansrd/text/140721-0002.htm#14072118000102>

Сведения об авторах:

Зюбина Ирина Анатольевна, к.ф.н., доцент, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия;
email: i-r-a-z@rambler.ru

Матвеева Галина Григорьевна, д.ф.н., профессор, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия;
email: gegemat2337633@rambler.ru

PRAGMALINGUISTIC ASPECT OF SPEECH PORTRAIT**Irina A. Zyubina**

Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
email: i-r-a-z@rambler.ru

Galina G. Matveeva

Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
email: gegemat2337633@rambler.ru

Abstract

The main subject of the article is showing the creation of a speech portrait, so the work is devoted to the description of human personal qualities on the grounds of pragmalinguistic experimental results. Pragmalinguistic speech portrait is a speaker's social “portrait” identification. Such a portrait, which is produced in this case, is unique and inherent only to one individual, it is like unique fingerprints and other individual physiological, social and behavioral signs-signals. Interpretation of a speech portrait leads to identification of individual traits of a speaker, and their interpretation — to diagnosing his personal traits, such as “certain” / “uncertain”, “leader” / “cooperative”, etc. In order to study this unconscious speech behavior of a speaker a system of pragmalinguistic experiments, based on the so-called speech strategies of implicit influence and their planes of actualization, was designed.

Key words: Pragmalinguistics, speech portrait, category of choice, speech signal, sender, addressee.

References:

1. Zyubina, I. A. & Matveeva, G. G. (2014). Rechevoi portret gosudarstvennogo obvinitel'ia: pragmalingvisticheskiy aspekt [The Speech Portrait of a State Prosecution Counsel: The View of Language Pragmatics] *Iazyk i rech' v sinkhronii i diakhronii*. Taganrog: Izd-vo Taganrog. In-ta imeni A. P. Chekhova. Pp. 271–276.
2. Matveeva, G. G. (1993). Skrytye grammaticheskie znachenii i identifikatsiia sotsial'nogo litsa ("portreta") govoriashchego [Hidden Grammar Meanings and the Social Identification of the Speaker (Making the Social "Portrait")]: diss. ... doktora filol. nauk. SPb. 322 p.
3. Ukraine (Shooting Down of MH17) and Gaza. Statement. <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldhansrd/text/140721-0002.htm#14072118000102>

Пространственные метафоры сквозь призму когнитивного подхода

И. Н. Ивашкевич

Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)

Аннотация

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как средство доступа к ментальной деятельности человека. Одной из когнитивных функций метафоры является создание новых языковых единиц на основе перцептивного опыта и знания человека. Рассматриваются различные аспекты метафорического моделирования как когнитивного метода вторичной репрезентации знания, поскольку он позволяет установить реальные связи между когнитивными структурами и их языковыми коррелятами, демонстрируя креативный характер человеческого мышления. В семантике имен, репрезентирующих домен "Природные реалии", вербализованы различные типы перцептивных и пространственных категорий, которые различаются по своему удельному весу и значимости. Данные категории играют важную роль в когнитивных процессах метафоризации, являясь универсальной эмпирической основой для переноса в область абстрактных представлений. Изучение пространственных метафор дает представление о том, что язык, восприятие и мышление взаимосвязаны.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, пространство, пространственная реалья, метафора, перцептивный признак, репрезентация знания, когнитивное моделирование.

Изучение метафоры как важнейшей когнитивной структуры, в которой упорядочен опыт человека, находится в фокусе повышенного внимания исследователей. Один из главных постулатов когнитологов состоит в том, что знания, полученные человеком в ходе предметно-познавательной деятельности по познанию мира, организованы с помощью определенных когнитивных моделей, которые отвечают за категоризацию информации (полученной по разным перцептивным каналам) как в сознании человека, так и в языке. Данная постулат находит свое выражение в теории идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа, в сценариях Р.Шенка и Р. Абельсона, во фреймовой семантике Ч.Филмора, ментальных моделях Ф. Джонсон-Лэрда, когнитивной грамматике Р. Лангакера, генеративной теории лексикона Дж. Пустейовского и др. В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания процесс метафоризации представлен как когнитивный процесс, который заключается в категоризации окружающей действительности, результатом которой является новое выводное знание. “Категоризация мира — это результат когнитивной деятельности человека, итог классификации (таксономии) окружающего мира и вычленения отдельных единиц (таксонов) в проведенной классификации, когда конечным итогом указанной деятельности оказывается формирование особой категории, позволяющей увидеть мир в главных атрибутах бытия и функционирования [1, с. 307].

В настоящей статье акцент сделан на выявлении когнитивного базиса для метафорических переносов в онтологическом домене “Природные реалии” как части английской языковой картины мира. Данный домен представляет собой древнейший слой лексики, концепты которого характеризуются разнообразной комбинаторикой перцептивных и других признаков в их первичных значениях. Это, прежде всего, горизонталь, вертикаль, большой размер пространственной протяженности, объем, местоположение, движение, характер поверхности, граница, локативность, форма и др. (ср. river ‘a natural flow of water that continues in a long line across land to the sea / ocean’). Данные признаки превращают исследуемые концепты в комплексные когнитивные образования или “кванты структурированного знания”, в исходной семантике которых вербализован экологический, социальный и историко-культурный опыт английского социума, Эти “кванты знания” образуют определенные комбинации в семантике первичных имен, которые активно вовлечены в когнитивный процесс вторичного знакообразования, и могут быть представлены как когнитивные модели: 1) размер+форма; 2) размер + движение; 3) движение+место-

положение; 4) размер+форма+граница; 5) движение+форма+локатив; б) размер+форма+цвет+направление движения и др.

Пространственные метафоры, сферой-источником которых выступают природные реалии, вербализуют абстрактные понятия **неопределенного количества, времени, научного знания, социального и внутреннего мира человека, событий** и пр. В когнитивный процесс моделирования вовлечены как зрительные, так и тактильные признаки для передачи сложнейшего абстрактного содержания. Однако ведущим типом перцептивной информации являются зрительно воспринимаемые свойства. Различия в удельном весе перцептивных и пространственных характеристик связаны с неоднозначной ролью восприятия в процессе познания мира.

Одним из продуктивных метафорических переносов в рамках рассматриваемого домена является ПРИРОДНЫЙ ОБЪЕКТ → НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО, который представлен КВАНТИТАТИВНЫМИ МЕТАФОРАМИ. Как известно, КОЛИЧЕСТВО — это исчисляемая величина, число. Природные же реалии во вторичном знакообразовании вербализуют неясные, расплывчатые множества, которые активно используются носителями английского языка для обозначения таких неопределенных количественных импликаций, как “большое количество”, “малое количество”, “неисчислимо количество”, “неопределенное множество” и др., в целом, давая **качественную оценку** квантитативным метафорам (a torrent of abuse; stream of people; milk lake; rivers of tears, a forest of television aerials, a trickle of visitors в и др.). Так, во вторичном значении концепт JUNGLE имплицитирует следующие количественно-оценочные смыслы: 1) большого количества лишенных упорядоченности объектов (a jungle of alleys): 2) множество проблем, сложных для понимания, разрешения, например, неразбериха, лабиринты (законодательства, административной системы и т.д.): What a worldwide jungle of red tape! — Что за бесконечные дебри бюрократических проволочек! В основе метафорического переноса — пространственные признаки (джунгли — это большие пространства), характер расположения объектов, а также тактильная перцепция (thick ‘густой; impenetrable ‘непроходимый’).

Система метафор, номинирующих большое количество, где сферой-источником является водное пространство, более репрезентативна. Так, количественным значением во вторичной номинации обладают многие концепты водной семантики (ocean, sea, river, torrent, cataract, spate, surge, influx, reservoir, confluence, flow, etc), отражая специфику языковой концептуализации знаний о количестве в семантике субстантивов. Для метафорической референции “малое количество” объекты природные пространства используются нечасто. Так, данным метафорическим значением обладают концепты DROP, TRICKLE, DRIPPLE. Ср. концепт DROP в метафорической проекции

получает импликацию ‘чрезвычайно малый’; ‘незначительный’; a drop in the ocean ‘капля в море’. There isn’t a drop of jealousy in her. — В ней нет ни капли зависти. Хотя в исходном значении концепта вербализована комбинация перцептивных признаков размера, формы и массы (drop ‘small quantity of liquid that forms or falls in a spherical or pear-shaped mass’), именно признак малого размера ‘small’ является доминантным и проецируется во вторичное значение имени, означая ментальную сферу ‘ничтожно малое количество’. Это свидетельствует о “семантической сопряженности” базовых категорий ПРОСТРАНСТВА, КОЛИЧЕСТВА и КАЧЕСТВА в процессах вторичной номинации. Предметное же имя можно представить как матрицу, в которой инкорпорирован перцептивно-пространственный опыт конкретного социума.

Список литературы:

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

Сведения об авторе: Ивашкевич Ирина Николаевна, к.ф.н., доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь; email: Ivashkevich@bsu.by

SPATIAL METAPHORS IN THE LIGHT OF COGNITIVE APPROACH

Irina N. Ivashkevich

Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
email: Ivashkevich@bsu.by

Abstract

Metaphor in the light of Cognitive Approach is considered to be an access to cognitive activities of a person. One of the basic cognitive functions of metaphor is the production of new language units on the basis of perceptual experience and knowledge. The paper deals with the study and proposes an explanation of different aspects of metaphorical modeling as a cognitive method of indirect knowledge representation which helps to establish close links between mental models and their linguistic analogues. This cognitive process is a vivid manifestation of the creative work of the human mind. A special emphasis is made on revealing a cognitive basis for regular metaphorical shifts within the basic ontological domain ‘Natural Space Objects’ as a part of the English language world picture. All types of perceptual and spatial categories which differ in their proportion and salience are embedded within the lexical meaning of English Natural Space

Objects. These perceptual categories play a significant role in the processes of indirect nomination in English. Certain perceptual features become a universal empirical basis for different space metaphors which play an important role *in* the representation of *abstract* concepts. Investigation of spatial metaphors (by the examples of metaphoric modelling of English natural space objects) provides a coherent schema for understanding how language, perception and mind are interrelated.

Key words: cognitive linguistics, space, natural space object, metaphor, perceptual feature, representation of knowledge, cognitive modeling.

References:

1. Kubryakova, E. S. (2004) *Yazyk i znanie: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya*. [Language and Cognition] *Rol' yazyka v poznanii mira*. M.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. — 560 p.

Юмор в инициации вербального общения в английской лингвокультуре

И. И. Икатова

Брянский государственный университет

Аннотация

Статья анализирует прагматику юмора в ситуации возникновения угрозы лицу обоих коммуникантов. Несмотря на то, что норма считается главной предпосылкой для успешной коммуникации, представители индивидуалистской лингвокультуры английского среднего класса наполняют стереотипные по форме реплики креативным содержанием. В статье в целях выявления закономерностей эффективной инициации общения рассматривается начальная диктема, содержащая юмор. Выявлено сложное взаимодействие стереотипности и оригинальности, социальных и личностных факторов в анализируемом высказывании.

Ключевые слова: юмор, начальная диктема, стратегии негативной и позитивной вежливости, угроза лицу, рубрики информации.

На примере стандартной коммуникативной ситуации возникновения угрозы лицу обоих коммуникантов данная статья анализирует прагмалингвистический аспект юмора в инициации вербального общения незнакомых между собой представителей английского среднего

класса¹. В качестве единицы наблюдения выбрана начальная “диктема” [1, с. 65]. Юмор определяется как “особый вид комического, сочетающий насмешку и сочувствие, внешне комическую трактовку и внутреннюю причастность к тому, что представляется смешным” [2, с. 1563].

Общение внутри одной культуры предполагает использование прецедентных текстов, которые реализуются в типовых для данной культуры ситуациях речевого общения, когда говорящий предполагает знание собеседником конвенций. Культурная обусловленность коммуникативного поведения подразумевает также приблизительно общие установки на понимание и сопереживание смешного, включая градацию уместности.

Представители английского среднего класса обычно хорошо образованны [3, с. 155] и принадлежат к так называемому индивидуалистскому типу, где потребности, ценности и цели индивида превалируют над потребностями, ценностями и целями группы [5, с. 33].

При социальном взаимодействии англичане:

- прибегают к юмору;
- придерживаются умеренности в оценках и поведении;
- скрывают истинное мнение и чувства, чтобы не обидеть или не смутить собеседника [4, с. 401–413].

Отметив, что главной иерархической составляющей контекстной интерпретации является культура, и выделив, в связи с этим, релевантные особенности языковой личности “представитель английского среднего класса”, обратимся теперь к конкретному примеру инициации вербального общения и проведем анализ основного комплекса информации, передаваемой адресантом.

Описание ситуации: на узком тротуаре парень и девушка одновременно несколько раз делают шаг в одну и ту же сторону, пытаясь уступить друг другу дорогу. Парень улыбается девушке и говорит:

- Nice morning for a dance!
- (Девушка улыбается в ответ.) Yes, beautiful... (inaudible)

Анализ рубрик информации диктемы, начинающей общение, показывает следующее:

1. Коммуникативно-установочная информация диктемы в форме ситуативного комментария позволяет слушающему интерпретировать ее как приглашение к общению.
2. Фактуальная информация общего типа сообщает собеседнику очевидный факт: прекрасное утро для танцев.
3. Фактуальная информация специального типа отражает статус говорящего: в данном случае это коммуникант, принадлежащий английскому среднему классу.

¹ Пример взят из корпуса, включающего 832 диалога между представителями английского среднего класса, записанного автором статьи с 2003 по 2011 г. Класс коммуникантов определялся по их акценту (стандартное английское произношение).

4. Интеллективная информация демонстрирует креативность говорящего: он оригинально интерпретирует ситуацию, прибегая к юмору.
5. Эмотивная информация передает отношение говорящего к тому, что он говорит. Выражение положительных эмоций носит объединяющий характер, приглашая собеседника посмеяться над комичностью ситуации.
6. С точки зрения синтаксической конструкции начальная диктема представляет собой утвердительное предложение.
7. Анализ регистровой информации выявляет нейтральный стиль диктемы.
8. Рубрика социально-стилевой информации позволяет отнести ее к жанру фатического общения со всеми его жанровыделяющими признаками: отсутствие угрозы лицу (комментарий носит положительный характер), создание уз общности (смех, положительные эмоции обычно объединяют), взаимная признательность (слово “танец” относится к обоим коммуникантам).
9. Диалектно-признаковая информация показывает, что говорящие придерживаются общепринятого национального стандарта.
10. Реакция девушки (улыбка и быстрый ответ) свидетельствует о достаточной импрессивности начальной диктемы.
11. Что касается образности, то адресант в прагматических целях прибегает к метафоре, то есть называет совершаемые действия с целью уступить дорогу собеседнику “танцем” в силу их синхронности и ритмичности. Подобная образность демонстрирует способность мужчины к ассоциативному мышлению, позволяет ему подчеркнуть свою индивидуальность.

Какие же факторы обеспечивают эффективное межличностное взаимодействие?

В данном случае юноша предпочитает вербально прореагировать на ситуацию. При этом угроза лицу может смягчаться эксплицитно (например, как извинение за то, что адресант оказался на пути девушки) и имплицитно. Молодой человек выбирает имплицитный нейтральный вариант, не затрагивающий лица обоих коммуникантов.

Далее следует отметить многоцелевую природу начального высказывания. Рубрика фактуальной информации общего типа всего лишь констатирует следующие факты: утро прекрасное, и оно хорошо подходит для танцев. На имплицитном уровне — говорящий приглашает собеседника к вербальному сотрудничеству, смягчает угрозу лицу обоих собеседников, сообщает о статусе адресанта, эмоциональном настрое, уровне коммуникативной компетенции, устанавливает психологическую дистанцию, демонстрирует определенные личностные качества, проявляет внимание к девушке.

Более того, в нем объединяется ряд стратегий позитивной и негативной вежливости. Как нейтральный ситуативный комментарий, он, во-первых, незначительно изменяет психологическую дистанцию между говорящим и слушающим, заботясь о негативном лице коммуникантов. Во-вторых, синтаксическая конструкция комментария в отличие от вопроса исключает импозитивность: утверждение можно оставить без ответа. В-третьих, метафора позволяет дистанцировать обоих коммуникантов от неловкой ситуации. Среди стратегий позитивной вежливости можно отметить следующие: положительная оценка отражает вежливость сближения, демонстрируя заинтересованность и доброжелательность. Комментарий носит также объединяющий характер: мы вдвоем в это прекрасное утро танцуем. Подобное сочетание личностных и межличностных целей позволяет обеспечить социально-ожидаемое поведение в соответствии с ситуацией и, следовательно, достижение коммуникативного комфорта для обоих участников.

И, наконец, нужно отметить, что, с одной стороны, адресант не выходит за пределы общепринятых конвенций, а с другой — юмористическая интерпретация ситуации позволяет говорящему подчеркнуть свою индивидуальность. Подобная специфика речевого поведения “я — свой, но другой” является маркером высокообразованного английского среднего класса.

Таким образом, на основе анализа начальной диктемы можно сделать следующие выводы о прагматике юмора в инициации вербального общения.

1. Юмор выступает в качестве культурно-специфической константы, позволяющей кодировать многочисленные ценностно-смысловые сигналы, посылаемые отправителем получателю.
2. Благодаря своей позитивности, юмор служит прекрасным вербальным средством смягчения / устранения угрозы лицу в неловкой ситуации.
3. Многоплановость юмора (“насмешка — сочувствие”, “внешняя комическая трактовка — внутренняя причастность к сказанному”) позволяют говорящему достигать выполнения многочисленных коммуникативных целей, избегая языковой избыточности.
4. В репликах, содержащих юмор, соотношение эксплицируемого — имплицитруемого резко сдвинуто в сторону последнего, что обеспечивает комфортность (адресат “читает” высказывание на “своем” уровне) и вместе с тем высокую когнитивную сложность общения.
5. Юмор позволяет продемонстрировать креативность и оригинальность говорящего, тем самым подчеркивая его высокий личный статус.
6. Положительные эмоции объединяют, не нарушая при этом социальную дистанцию между собеседниками.

Все эти перечисленные свойства позволяют диктемам, содержащим юмор, выступать эффективным средством адресации речи в английской лингвокультуре.

Список литературы:

1. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67.
2. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 1600 с.
3. Crompton R. Class and stratification. An introduction to current debates. 2nd edition. Polity Press, 1998. 154 p.
4. Fox K. Watching the English: the hidden rules of English behavior. London : Hodder & Stoughton, 2004. 424 p.
5. Gudykunst W.B. Cultural variability in communication. An introduction // Communication Research, 1997 (24). P. 327–348.

Сведения об авторе: Икатова Инна Ивановна, старший преподаватель Брянского государственного университета, г. Брянск, Россия; email: Inna_Ikatova@rambler.ru

HUMOUR IN SPEECH OPENERS IN ENGLISH CULTURE

Inna I. Ikatova

Senior Lecturer, Briansk State University, Briansk, Russia;
email: Inna_Ikatova@rambler.ru

Abstract

The article explores pragmatic aspect of humour in the situation of face threat for both interactants. Though complying with norms and conventions is seen as essential for successful communication, English middle class representatives of the individualistic culture enrich conversational formulas with complex cognitive meaning. The article deals with speech opening dichtemas to research the mechanism of successful initiation of casual conversation. When analyzing information layers, complex interaction of the individual and social, innovative and structural is revealed.

Key words: humour, speech opening dichtema, positive and negative politeness, face threat, information layers.

References:

1. Blokh, M. Y. (2000). Dichtema v urovnevoy structure yazyka [Dichtema in the language system hierarchy]. *Voprosy Yazykoznanija*, 4, 56–67.
2. Prokhorov, A. M., ed. (1983). *Sovetsky Entsiklopedichesky Slovar* [Soviet Vocabulary Encyclopedia]. M.: Sov. entsiklopediia.

3. Crompton, Rosemary. (1998). *Class and stratification. An introduction to current debates*. 2nd edition. Polity Press. 154 p.
4. Fox, K. (2004). *Watching the English: the hidden rules of English behavior*. London: Hodder & Stoughton. 424 p.
5. Gudykunst, W.B. (1997). Cultural variability in communication. An introduction. *Communication Research*, 24, 327–348.

Когнитивно-прагматические особенности репрезентации вымысла в тексте

Е. Ю. Ильинова

Волгоградский государственный университет

Аннотация

Статья посвящена анализу прагматических функций вымысла как разновидности креативной речемыслительной деятельности, основанной на намеренной логической рассогласованности между характеристиками референта из мира реального и приписываемыми ему характеристиками в контексте новой текстовой реальности. Опираясь на различия в интенциях при искажении логики пропозиции, автор объясняет различия между манипулятивной, эвристической и эстетической разновидностями вымысла: при намерении ввести партнера в заблуждение аргументативная часть пропозиции становится основой манипулятивной стратегии информирования, неточности при характеристике субъекта пропозиции могут быть вызваны отсутствием достоверных знаний о субъекте, что отражает эвристические стратегии мышления, на смысловых искажениях мира реального строятся фикциональные миры в художественном тексте. В статье обосновывается значимость эвристического приема конструирования вымысла в тексте, рассматриваются приемы конструирования вымышленных смысловых гибридов, создающих эффект квазиреальности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (основной конкурс, проект № 15–04–00134 “Историческая дискурология: проблемы, методология и перспективы развития”). 130

Ключевые слова: вымысел, правда, текст, креативность, когнитивная стратегия.

Изучение креативного аспекта коммуникативного поведения личности относится к актуальным проблемам лингвистики и включает анализ форм речемыслительной деятельности, основанной на ког-

нитивных стратегиях вымысла. Вымысел традиционно рассматривают как намеренное искажение истины (правды), в первую очередь, с целью дезинформировать, ввести в заблуждение. Однако когнитивно-дискурсивный анализ понятийного и ценностного содержания данного концепта показывает, что своих отдельных проявлениях он выходит за рамки оппозиции *правда :: неправда* [2], и воображением (творческим сознанием личности), конструирующим новую реальность для ее репрезентации в тексте.

С точки зрения логики высказывания вымысел представляет собой разновидность речемыслительной деятельности, связанной с когнитивной стратегией отклонения от истины, т. е. подменной референциальных признаков субъекта мысли — предмета или ситуации, выделенных в мире реальном, мотивированная стремлением человека при конструировании мира с помощью ментальных операций порождать новые образы и понятия [1, с. 5]. Воображение позволяет личности предугадывать логику развития событий и далее создавать образ конечного или промежуточного результата деятельности в случае, когда “образ не программирует активную деятельность, но замещает ее” [5, с. 222]. Креативное сознание формирует “не изолированные, автономные образы, а систему ментальных конструкторов, которая совместима с объективно существующим миром и может быть “добавлена” к нему в процессе когнитивной деятельности человека” [3, с. 61].

Исследование, проведенное с опорой на когнитивно-прагматический взгляд на проявления вымысла дискурсивно-текстовой деятельности, позволило нам выявить ряд интенций обращения к вымыслу как намеренному искажению логической пропозиции высказывания и выделить три разновидности вымысла: 1) *манипулятивный вымысел*, соотносимый с намеренным отклонением от истины (правды) с целью сокрытия или искажения информации, введения реципиента в заблуждение (это неправда, вранье, ложь); 2) *эвристический вымысел*, нацеленный на постижение неизвестного, нового знания с опорой на уже познанное; ассоциативные свойства мышления проявляется в интеллектуальной деятельности с целью объяснения не вполне понятных явлений в окружающем мире; 3) *эстетико-художественный вымысел* как процесс текстопорождения, при котором намеренные отклонения от истины мотивированы эстетическими потребностями человека в эмоционально-образном описании мира с помощью нестандартных образов, выражении глубинного смысла в различных композиционно-жанровых формах художественного текста [2, с. 74].

Представляется, что значимой для процесса формирования вымысла является когнитивная стратегия эвристичности, позволяющая осуществлять ментальные операции поиска и вербального выражения нового знания. Она связана со способностью человеческого сознания творчески воспринимать и переосмысливать представления о среде

своего существования, опираясь на уже известное, пытаться понять новое, неизвестное, заблуждаясь, приходиться к не вполне правильным выводам, принимать на веру научно необоснованные данные.

В понятии *эвристичности* заложена идея продуктивной деятельности человеческого сознания, направленной на нахождение нового, ранее неизвестного о среде своего существования, при этом человек пытается осмыслить новые явления, опираясь на ассоциации, неполные или неточные данные, которые он выбирает интуитивно. При эвристическом способе используются индуктивные приемы постижения нового с опорой на старое, известное [8, р. 292–293]. Индуктивный тип мышления, основанный на эмпирических гипотезах о мире, которые могут оказаться позже ошибочными, неверными, позволяет выделить вероятностные свойства некоторых объектов, т. е. эвристика мышления упрощает способы поиска знаний или решения нестандартной проблемы: человек получает возможность максимально быстро и с минимальными усилиями принимать, если не правильные или оптимальные, то в большинстве случаев удовлетворительные способы решения поставленных задач

Понятие эвристики сегодня активно осмысливается в когнитивно-дискурсивной лингвистике, в частности, при изучении языковых приемов конструирования фантазийного мира в тексте. Эвристическим считается описание вымышленного времени и пространства, создающее нереальную картину бытия и нарушающую все запреты реальности [4, с. 264]. Отдельные исследователи используют это понятие при обосновании синкретичности вымысла как вторичного (фикционального) мира, конструируемого в тексте литературного произведения. Так, рассматривая фикциональный мир как гетерогенный ментальный конструкт, объединяющий в себе двоemiрие жизнеподобного и нежизнеподобного вымысла, они выделяют приемы репрезентации единой цельности и достоверности фикционального мира как прогностические сценарии в английской волшебной литературной сказке, полагая, что вымысел “носит имитативный характер и создает иллюзию подобия”, аттестуют вторичный эвристический вымысел как метод моделирования квазиреальности, в границах которой “экзистенциально нереализуемые элементы воспринимаются как возможные” [3, с. 345], тем самым повышая степень правдоподобия вымышленного мира.

Представляется, что успешной реализацией указанной выше задачи способствует когнитивная стратегия гибридации, основанная на слиянии нетождественных способов представления объекта мысли. В результате создается новое смысловое целое, не имеющее референта в мире реальном, но получающее вербализацию в знаках языка. Номинацию объектов и фрагментов вымышленного мира обеспечивает семантическая адаптация как приспособление категориальной семантики слов к меняющимся условиям речевой деятельности, в ходе которой разрешается вечное противоречие между конвенциональностью

ограниченного набора языковых единиц, имеющихся в распоряжении человека, и постоянной потребностью творчески использовать их для обозначения новых идей и мыслей. Адаптация предполагает мышление нечеткими множествами — концептуальными единствами с открытыми границами, что облегчает задачу одновременной актуализации некоторого количества разнородных и ассоциативно далеких категориальных признаков в одной точке смысловой организации фикционального текста, где они образуют новые концептуальные бленды, эвристически представляющие фрагменты жизнеподобного и нежизнеподобного вымысла. Благодаря эвристичности мышления, любые, самые нежизнеподобные объекты, свойства, процессы могут получить вербальное выражение в тексте, описывающем мир ирреальный.

Список литературы:

1. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк. М.: Просвещение, 1991. 93 с.
2. Ильинова Е. Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008. 508 с.
3. Клейменова В. Ю. Языковые формы репрезентации реальности и вымысла в английской волшебной литературной сказке : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 — германские языки. Санкт-Петербург, 2015. 424 с.
4. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Едиториал УРСС, 2002. 368 с.
5. Петровский А. В. Введение в психологию. М.: Издательский центр "Академия", 1996. 496 с.
6. Dunbar K. Problem Solving // A Companion to Cognitive Science. Oxford: Blackwell, 1998. Pp. 289–298.

Сведения об авторе: Ильинова Елена Юрьевна, д.ф.н., профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный университет; email: ilynov@vistcom.ru

REPRESENTATION OF FIGMENT IN THE TEXT: COGNITIVE AND PRAGMATIC DISTINCTIONS

Elena Yu. Ilynova

Professor, Volgograd State University, Volgograd, Russia;
email: ilynov@vistcom.ru

Abstract

An interpretation of functional pragmatics of the figment is viewed in the article as a kind of creative mental and speech activity based on intended logical mismatching between some characteristics of the real world

referent and those being allocated in the new textual environment. Having distinguished variations in intentions to distort logics of the proposition the author explains difference between manipulative, heuristic, and aesthetic types of the figment: an argumentative part of the proposition is used to manipulate or mislead a partner; the lack of exact data about the subject results in some inaccuracy of characterization and is viewed as an heuristic strategy of thinking; figments of fictional worlds are constructed with some logical distortion of the knowledge about the real world. The article justifies importance of the heuristic means to construct fiction, specifies some means of figment hybrid synthesizing which helps create the effect of false reality. The research is financed by RGNF (major, project No. 15–04–00134 “Historical discoursology: issues, methodology, perspectives).

Key words: figment, heuristics, creativity, cognitive strategy, text.

References:

1. Vygotskii, L. S. (1991) *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste: psikhologicheskii ocherk*. [Imagination and Creativity of Children] M.: Prosveshchenie. 93 p.
2. Il'ina, E. Iu. (2008) *Vymysel v iazykovom soznanii i tekste*. [Fiction in Language Cognition and Text] Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo. 508 p.
3. Kleimenova, V. Iu. (2015) *Iazykovye formy reprezentatsii real'nosti i vymysla v angliiskoi volshebnoi literaturnoi skazke* [Language Forms of Representing Reality and Fiction in English Fairy Tale]: diss. ... d-ra filol. nauk : 10.02.04 — germanskije iazyki. Sankt-Peterburg. 424 p.
4. Papina, A. F. (2002) *Tekst: ego edinitcy i global'nye kategorii*. [Text: Its Units and Global Categories] M.: Editorial URSS. 368 p.
5. Petrovskii, A. V. (1996) *Vvedenie v psikhologiiu*. [Introduction into Psychology] M.: Izdatel'skii tsentr “Akademiia”. 496 p.
6. Dunbar, K. (1998) *Problem Solving // A Companion to Cognitive Science*. Oxford: Blackwell. Pp. 289–298.

Язык как инструмент формирования гендерной картины мира

О. В. Кирина

Тамбовский государственный технический университет

Аннотация

Статья посвящена изучению проблемы взаимосвязи языка как средства построения и поддержания определенной картины мира и гендера как системы межличностного взаимодействия. Лингвисти-

ческая гендерология, исследующая способы манифестации гендера в языке и механизмы его построения в коммуникативном поведении мужчин и женщин, рассматривает гендер как конвенциональный, культурно и социально обусловленный конструкт. Совокупность гендерных представлений и отношений составляет гендерную картину мира, в которой “женственность” и “мужественность” выступают в качестве динамических концептов, подверженных социальному моделированию. Роль языка как средства объективации гендерной картины мира и как инструмента воспроизводства гендерных смыслов раскрывается в понятии позиционирования и осуществляется с помощью языковых единиц всех уровней. Связь между конкретной языковой формой и гендерным аспектом ее значения носит опосредованный характер и может быть описана в терминах неограйсовской прагматики.

Ключевые слова: гендер, язык, гендерная асимметрия, когнитивный подход, гендерная картина мира.

В соответствии с когнитивным подходом в современной лингвистике язык рассматривается не только как средство передачи информации и осуществления референции к объективной действительности, но и служит для ориентации субъекта в его познавательной деятельности. В связи с этим возрастает значение индивидуальных характеристик личности, среди которых важнейшую роль играет гендер. Лингвистическая гендерология изучает гендер как конвенциональный конструкт при помощи понятийного аппарата языкознания.

На начальных этапах развития в центре внимания лингвистической гендерологии находится понятие андроцентризма, подразумевающее конструирование средствами языка картины мира, основанной на мужской точке зрения. Выделяются характерные признаки гендерной асимметрии, такие, как отождествление понятий “человек” и “мужчина”, производность имен существительных женского рода от форм мужского рода, стандарт языкового выбора мужской формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола, порядок элементов высказывания, исходящий из концепции “превосходства” мужского над женским. Вводятся понятие гендера как социокультурного конструкта с целью подчеркнуть общественный характер отношений между полами. Понимание языка как инструмента стратификации приводит к переосмыслению и изменению языковых норм.

В современной науке гендер рассматривается не только как конвенциональный, культурно и социально обусловленный фактор, но как динамический конструкт, меняющийся под воздействием общественной и политической жизни социума. Различная степень

акцентуации гендера в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации и намерений субъектов позволяет говорить о нем как о “плавающем” параметре.

Согласно утверждению Е. С. Гриценко, “языковое конструирование гендера представляет собой когнитивную деятельность имплицитивно-инференционного характера, в основе которой лежит соотнесение языковых форм / сигналов с гендерными представлениями (ассоциациями, стереотипами, идеалами и пр.), являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной культуры” [1, с. 12]. При этом язык является как средством объективации гендерных стереотипов, так и инструментом воспроизводства гендерных смыслов в процессе коммуникации. Мужественность и женственность выступают в качестве динамических концептов, подверженных социальному моделированию, характерной особенностью которых является их существование только в виде вариантов: гендерная идентичность создается в процессе коммуникации теми самыми средствами, которые понимаются как ее результаты. Производителем и передатчиком гендерного дискурса является гендерная языковая личность.

Многообразие репрезентаций гендерных представлений и отношений составляет гендерную картину мира, которую О. В. Рябов определяет как “совокупность представлений, составляющих такое видение человеком реальности, где вещи, свойства и отношения категоризируются при помощи бинарных оппозиций, стороны которых ассоциируются с мужским или женским началом” [2, с. 17]. Функционирование гендерной картины мира обусловлено способом концептуализации реальности при помощи бинарных оппозиций и антропоморфизмом. Основным способом категоризации гендерной картины мира является гендерная метафора, причем гендер может выступать и в качестве источника, и в качестве темы метафоры. Так, для английского языка характерно соотнесение лексемы *hurricane* с местоимением *she*, что соответствует метафоре “*Mother Nature*”. В свою очередь, несовпадения новых образов со стереотипными представлениями о мужественности и женственности концептуализируются также с помощью метафоры: *мужик в юбке, Lone Wolf Woman*.

Роль языка как инструмента формирования гендерной картины мира, по мнению Е. С. Гриценко, раскрывается с помощью понятия позиционирования, которое включает в себя самопозиционирование, позиционирование адресата и предмета сообщения и осуществляется с помощью языковых единиц всех уровней [1, с. 14].

Исследования речевых ситуаций показывают, что мужчины и женщины могут использовать как разные коммуникативные стратегии для достижения одних и тех же целей, так и одинаковые стратегии для достижения разных целей. В частности, расчлененные вопросы, способные выполнять в диалогах как эмоциональную, так и модальную

функции, чаще используются женщинами для установления контакта и облегчения коммуникации (“*Andrew, this is our new neighbour, Frank. Andrew has just changed jobs, haven't you?*”), в то время как в мужской речи расчлененный вопрос в большинстве случаев означает запрос или просьбу о подтверждении информации (“*You work in a bank, don't you?*”).

Дж. Холмс сформулировала ряд социолингвистических универсалий, в числе которых следующие:

1. Женщины и мужчины формируют различные модели использования языка.
2. Женщины чаще склонны фокусироваться на эмоциональных аспектах взаимодействия, чем мужчины.
3. Женщины склонны взаимодействовать таким образом, который способствует установлению и усилению солидарности.
4. Женщины стилистически более гибки, чем мужчины [3, с. 462–475].

Гендерная вариативность в языке традиционно объясняется с точки зрения двух основных гипотез — **различия** и **доминирования**. Если первая связывает особенности речевого поведения женщин с особенностями развития мозга и ранним овладением речью, то последняя интерпретирует женские речевые стратегии как поведение более уязвимого участника коммуникации, который вынужден искать защиты у субъекта, обладающего более высоким социальным статусом, каковым зачастую является мужчина.

Однако современные исследования опровергают утверждение о константности различий между мужским и женским речевыми стилями и исключительной роли гендера в выборе коммуникативных стратегий. В когнитивной лингвистике внимание фокусируется на процессе смыслообразования и том влиянии, которое оказывает гендер на этот процесс. Когнитивно-прагматическая модель конструирования гендера может быть описана с помощью формулы С. Левинсона:

“S имел в виду Z, говоря U тогда и только тогда, если:

(I) S был намерен оказать воздействие Z на получателя H;

(II) S был намерен достичь (I) путем узнавания реципиентом H этого намерения” [4, с. 16].

Так, высказывание “ты же мужчина”, обращенное к маленькому мальчику, побуждает ребенка создать значение “ты не должен плакать”, что полностью соответствует интенции говорящего.

Связь между конкретной языковой формой и ее значением конвенциональна, социально и ситуативно обусловлена. Эту закономерность необходимо учитывать при переводе, так как различные языки обнаруживают различную степень гендерной асимметрии. Так, если в русском языке использование местоимения *он* на метагендерном уровне является общепринятым, то в англоязычном обществе употребление *he* в значении *he and she* может быть неправильно истолковано.

Таким образом, в современной науке гендер рассматривается как конвенциональный, динамический конструкт, выстраиваемый в ходе коммуникативного взаимодействия. Наделение лингвистических форм гендерными значениями носит опосредованный характер. При этом язык играет двойную роль, выступая как средство объективации гендерной картины мира и как инструмент воспроизводства гендерных смыслов.

Список литературы:

1. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2005. 405 с.
2. Рябов О. В. “Магушка-Русь”: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М. : Ладомир, 2001. 202 с.
3. Holmes, J. Women's Talk: The Question of Sociolinguistic Universals // Coates, J. (Ed.). Language and Gender: A Reader. Oxford University Press, 1998. P. 461–483.
4. Levinson, S. Pragmatics. Cambridge University Press, 1983. 420 p.

Сведения об авторе: Ольга Викторовна Кирина, аспирант, Тамбовский государственный технический университет;
email: kirinaolga@gmail.com

LANGUAGE AS A TOOL OF GENDER WORLDVIEW FORMATION

Olga V. Kirina

Postgraduate student, Tambov State Technical University;
email: kirinaolga@gmail.com

Abstract

The interconnection between language seen as a means of constructing and maintaining a certain worldview and language as a system of interpersonal interaction is studied in the article. Linguistic genderology, which studies gender aspects of language and communication, considers gender to be a conventional, culturally and socially conditioned construction. The variety of gender conceptions and relations form gender worldview where femininity and masculinity serve as dynamic concepts modified by society. Language plays an ambivalent role in gender worldview formation providing the means of its objectification and serving as a tool of producing gender meanings. Gender positioning is exercised through the use of linguistic units of all levels. The relation between language forms and gender aspects of meaning is described in terms of neo-Gracian pragmatics.

Key words: gender, language, gender asymmetry, cognitive approach, gender worldview.

References:

1. Gritsenko, E. S. (2005). *Iazyk kak sredstvo konstruirovaniia gendera* [Language as a Means of Gender Construction]: Diss. ... d-ra filol. nauk. N. Novgorod. 405 p.
2. Riabov, O. V. (2001). "Matushka-Rus": *Opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noi identichnosti Rossii v otechestvennoi i zapadnoi istoriosofii* ["Mother Russia": The Experience of Gender Analysis of Searching for Russia's National Identity in Russian and Western Istoriosophy]. M.: Ladomir. 202 p.
3. Holmes, J. (1998). Women's Talk: The Question of Sociolinguistic Universals. *Language and Gender: A Reader*. Coates, J. (Ed.). Oxford University Press. P. 461–483.
4. Levinson, S. (1983). *Pragmatics*. Cambridge University Press. 420 p.

Убеждение и доказательство в современной рускоязычной коммуникации

Д. В. Колесова

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

В статье ставится вопрос: чем могут руководствоваться преподаватели русского языка как иностранного в процессе обучения иностранцев жанрам речи, в которых реализуются регулирующие интенции (в частности, для умения участвовать в дискуссии, писать деловые и личные письма с советами, создавать убедительные эссе и тезисы). Обращение к фрагментам аргументативных текстов, порождаемых участниками телевизионных ток-шоу, позволяет уверенно говорить о том, что даже те люди, которые не являются носителями высокой речевой культуры, успешно вербализуют традиционную трехчастную структуру аргументации (тезис — аргументы — вывод) и активно пользуются внелогическими способами убеждения. Делается вывод о необходимости учета этих фактов в процессе преподавания РКИ, чтобы носители русского языка смогли принять точку зрения говорящего (поскольку большинство иностранцев, пользуясь привычными им схемами аргументативных текстов, опираются лишь на факты и на логику, что не приносит им ожидаемого успеха ни на тесте, ни в реальной коммуникации).

Ключевые слова: аргументация, регулирующие интенции, убеждение, паралогика.

Среди интенций, которые должен уметь вербализовать человек, владеющий иностранным языком на продвинутом уровне, большое

место занимают регулирующие интенции. Что такое современный убеждающий текст? Чем должен руководствоваться преподаватель, желая научить иностранца создавать убедительные для носителя русского языка тексты?

Один из функционально-смысловых типов текста — рассуждение. Одним из видов рассуждения является доказательство (совокупность логических приемов обоснования истинности тезиса). Доказательства должны основываться на данных науки и общественно-исторической практики, на фактах и объективных данных, убеждения же могут быть основаны на вере, на предрассудках, на неосведомленности людей, на видимости доказательности. Для рассуждения используется аргументация. Аргументация со времен Аристотеля подразумевает диалог, потому обычно шире логического доказательства (которое безлично и монологично). Риторы и философы рекомендуют обратить внимание на факты (используемые как аргументы), на тактики речевого воздействия, на этические и моральные ценности (на которые опираются аргументы), на структуру и общее построение (рекомендуется дедуктивный вывод). Аргумент бессилён изменить мысли реципиента, но если говорящий направит его мышление с помощью интерпретации приведенного факта или примера, композиции своего текста, то такой автор речи может убедить. Несомненным примером убедительных текстов являются речи политиков.

И. В. Култышева рассмотрела эти тексты и пришла к выводу, что «логика является естественной почвой для доказательства, паралогика — естественной почвой для убеждения. Паралогические средства воздействия в предвыборных листовках представлены на всех уровнях русского языка: лексическом и фразеологическом, морфологическом, синтаксическом. Неисчерпаемый источник речевой экспрессии представляют тропы, где самое частое явление — использование метафоры». [1, с. 4].

Где же найти речевые образцы?

Нам кажется, что подобные тексты можно поискать среди выступлений на телевизионных ток-шоу. Мы посмотрели различные ток-шоу, посвященные разным темам и адресованные различным целевым аудиториям. Скажем о том, что объединяет эти разные речевые продукты и потому может считаться типологической характеристикой.

1. Главный убеждающий эффект создается в рамках целой передачи. Зритель не слышит целых монологов гостей — они прерываются ведущим в студии и обрезаются режиссером при подготовке передачи. Мы не можем быть уверены даже в том, что видим ту последовательность реплик, которая была в реальности. Тезис, промежуточные выводы и окончательный вывод — в руках ведущего. Все реплики гостей — лишь аргументы или даже иллюстрации к фразам ведущего.

2. Все выступающие, вне зависимости от уровня своей речевой культуры, пользуются структурой аргументативного текста (тезис — аргументы — вывод). Ни тема, ни время выступления, ни уровень конфликтности в студии, ни провокации ведущего — ничто не мешает говорящему продемонстрировать, насколько учение Аристотеля продолжает быть актуальным.

Рассматривая фрагменты различных передач (“Что делать?” 100ТВ, “Время покажет” Первого канала), мы видим, что первое предложение является общим утверждением. Далее следуют аргументы (это факты, которые преподносятся в публицистически заостренной манере, с использованием языковой игры). Последняя фраза — вывод, вытекающий из доказательства (факты в логической последовательности) и убеждения (намеренное использование окказионализмов, вненормативная лексическая сочетаемость).

В тех случаях, когда выступающие строят свою речь как относительно самостоятельный текст, мы можем выделить три части аргументации и развернутое убеждение, даже если этот текст разрывается репликами других участников.

Бывают и такие случаи, когда в выступлении нет тезиса и / или вывода, то есть фактически есть только аргументы. Теряет или приобретает оратор от такой организации?

Возьмем фрагменты ток-шоу, рассчитанные на другой круг зрителей и, соответственно, с приглашенными спикерами иного типа (“Все будет хорошо” НТВ и “Открытая студия” Пятого канала). Здесь нередко говорящие, скорее всего, интуитивно, используют одну из сильных убеждающих тактик — включение слушателей в свой круг (с помощью прямых обращений: *посмотрите... поверьте...*). Слушатель встает на сторону говорящего, оказываясь с ним вместе против потенциального противника, и высказывание оказывается убедительным, несмотря на отсутствие логики и объективных фактов. В этих же передачах говорящие довольно часто не произносят вывода, хотя он полностью ими подготовлен, и это отсутствие становится убеждающим средством (зритель додумывает вывод сам).

Таким образом, анализ выступлений различных ораторов перед разнообразными аудиториями показывает, что современный носитель русского языка активно пользуется классической структурой аргументативного текста. Вывод может не вербализовываться, если говорящий полагает, что его аргументы очень сильны и последовательны, так что провести линию от тезиса через аргументы к выводу сможет в своем сознании каждый слушатель.

Человек, использующий в своем аргументативном тексте лишь доказательство, рискует не убедить собеседников. Необходимы паралогичные средства воздействия, чтобы быть более уверенным в успехе своей речи. 3. Общая культура говорящего проявляется скорее

в избранных тактиках убеждения и в подборе аргументов, чем в построении. Чем опытнее и профессиональнее оратор, чем разнообразнее и объективнее его аргументы.

Наш опыт показывает, что иностранцы склонны продуцировать доказательства и не всегда понимают, почему собеседники не принимают их точку зрения. Использование паралогичных средств воздействия кажется и западным, и восточным студентам запретным приемом из арсенала черной риторики, в то время как мы привыкли именно к такому методу аргументации. Следовательно, подобные средства должны войти в программу нашей работы на продвинутом уровне, и фрагменты ТВ ток-шоу могут оказать нам в этом большую помощь.

Список литературы:

1. Култышева И. В. Убеждение и доказательство в современной российской предвыборной листовке как жанре агитационного дискурса : автореф. дис. ... к.ф.н. Нижний Тагил, 2010. Режим доступа: URL: <http://www.dissercat.com/content/ubezhdenie-i-dokazatelstvo-v-sovremennoi-rossiiskoi-predvybornoi-listovke-kak-zhanre-agitats#ixzz3WXR1vOzV>.

Сведения об авторе: Колесова Дарья Владимировна, доцент, СПбГУ, филологический факультет, кафедра русского языка как иностранного и методика его преподавания; email: dkolessova@gmail.com

PERSUASION AND PROOF IN MODERN COMMUNICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Daria V. Kolesova, PhD

Candidate of philological Sciences, Associate Professor of Russian as a foreign language and the methods of its teaching of the St. Petersburg State University, Faculty of Philology; email: dkolessova@gmail.com

Abstract

The article raises the question: what can help teachers of Russian as a Foreign Language to train their students in speech genres where regulatory intentions are implemented (in particular, the ability to participate in discussions, to write business and personal letters of advice, to create convincing essays and theses). Analysis of the fragments of argumentative texts created by the participants of TV talk shows allows us to conclude with confidence that even people who don't have high speech culture successfully verbalize traditional three-part structure of argumentation (Thesis — Arguments — Conclusion) and actively use non-logical methods of persuasion. One should consider these facts in teaching Russian as a For-

eign Language so that Russian speakers are able to take the point of view of the speaker (since most of foreigners use the patterns of argumentative texts know to them and therefore only utilize facts and logic, which does not yield the expected results neither at any test nor in real-life communication).

Key words: argumentation, regulatory intentions, conviction, paralogic.

References:

1. Kultysheva, I. V. (2010). *Ubezhdenie i dokazatel'stvo v sovremennoy rossiyskoy predvybornoy listovke kak zhanre agitacionnogo diskursa* [Persuasion and proof in modern Russian election propaganda leaflet as a genre of discourse], available at: <http://www.dissercat.com/content/ubezhdenie-i-dokazatelstvo-v-sovremennoi-rossiiskoi-predvybornoi-listovke-kak-zhanre-agitats#ixzz3WXR1vOzV>.

**Особенности репрезентации топообъекта
в британской внутренней туристической рекламе**
(мультимодальный аспект)

И. А. Кондакова

Вятский государственный гуманитарный университет

Ю. К. Романовская

ОАО "ВМП Авитек", г. Киров

Аннотация

В работе рассматривается мультимодальный (вербально-визуальный) аспект британской внутренней туристической рекламы. Анализ выразительных средств выявил сдержанность языка: метафоры и сравнения низкочастотны, преобладают мелиоративные эмотивные эпитеты. Закономерно отсутствие иронии и каламбура. В целом копирайтеры избегают излишней выразительности и стилистических средств, требующих "напряжения" при декодировании. Визуальная часть рекламы представлена английскими пасторальными пейзажами, часть которых включает жилые строения; только на четверти изображений можно встретить людей; преобладают природные, натуральные цвета. В целом британская внутренняя туристическая реклама базируется на таких особенностях английского национального характера, как важность личного пространства (человек-остров), английская сдержанность, любовь к животным и природе, приверженность традиционным семейным ценностям.

Ключевые слова: топоним, рекламный дискурс, внутренняя туристическая реклама, мультимодальный (вербально-визуальный) аспект, английский национальный характер.

Мультимодальный (полимоделный) аспект в изучении рекламного дискурса является одним из активно разрабатываемых направлений в когнитивной лингвистике, в особенности в метафорологии. Изучение данного аспекта берет начало в работах М. Уайта и Ч. Форсвиля. Трактовка полимодальности в когнитологии основывается на широком представлении о модальности как о способе восприятия и обработки информации (вербальном, визуальном, тактильном и др.) [1, с. 64].

Рекламный текст мультимодален. В печатной рекламе вербальный (текстовый) компонент дискурса сочетается с визуальным (формат, цвет, иллюстрации). Комплекс вербальных и визуальных элементов “создает единое семантическое целое” [2, с. 9].

В исследовании рассматривается вербально-визуальный аспект репрезентации топообъекта в рекламном дискурсе на примере британской внутренней туристической рекламы. Исследованы способы создания привлекательного образа топообъекта для жителей Британских островов, которые являются целевой аудиторией этого вида рекламы.

Рассмотрено 100 туристических рекламных объявлений. В ходе исследования отмечена общность, преемственность как вербальных, так и визуальных приемов, способствующих созданию благоприятного образа топообъекта. Такого рода преемственность в англоязычной терминологии обозначается термином “sustainability” [5].

При создании благоприятного образа топообъекта в первую очередь необходимо выявить, какие качества объекта представляют наибольшую ценность для целевой аудитории, что определяется ее менталитетом, в данном случае — менталитетом жителей Британских островов.

С точки зрения визуальной репрезентации топообъекта выделены такие аспекты, как цвет и изображение. В цветовой гамме преобладают естественные оттенки зеленого (цвет травы, листья), синего (цвет моря, неба), коричневого (цвет земли, строений, скал) и желтого (цвет солнца, цветов). Цветовая гамма рекламного объявления оказывает определенное психологическое воздействие на аудиторию. Коричневый цвет символизирует отдых, покой. Синий цвет ассоциируется с гармонией, внутренним спокойствием. Зеленый цвет уравновешивает, символизирует свежесть и естественность. Желтый цвет способствует восприятию нового [6]. Слишком яркие, кричащие, “кислотные” оттенки отсутствуют. Природные цвета создают у реципиента рекламного текста положительные эмоции, погружают его в состояние покоя и отдыха.

Изображения представлены цветными фотопейзажами, на которых представлены местные природные или, преимущественно, искусно созданные рукотворные ландшафты. 37% изображений представляют собой картины природы и не содержат более ничего. В 28% примеров на рекламных изображениях можно обнаружить строения, главным образом замки или дома-музеи. Четверть плакатов включают изображения людей, преимущественно детей или семей с детьми. 10% рассмотренных объявлений содержат изображения животных на фоне ландшафта, чаще овец, реже — лошадей.

То есть визуальный компонент рекламы отражает такие важные черты британского менталитета, как сдержанность (*English reserve*), любовь к природе, к животным, потребность в личном пространстве (*privacy*) и традиционные семейные ценности.

В работах по рекламному дискурсу отмечается использование в англоязычной рекламе широкой палитры языковых средств [2, с. 10]. Однако следует отметить, что внутренняя туристическая реклама Британских островов далека от калейдоскопичного применения стилистических приемов. Вербальная стилистика этого вида рекламы вполне созвучна с визуальной.

Наиболее востребованным стилистическим приемом оказался эпитет. В составе 100 рекламных текстов выделено 174 употребления мелиоративных эпитетов. Наиболее частотны эпитеты *beautiful* (11% всех эпитетов), *great* (8%), *magnificent* (6%), *unique* (5%), *herbaceous*, *amazing*, *breathhtaking* (по 3%). Также отмечены эпитеты *archetypal*, *attractive*, *award-winning*, *charming*, *clean*, *comfortable*, *deep-blue*, *delightful*, *dramatic*, *elegant*, *exceptional*, *exotic*, *fantastic*, *fascinating*, *finest*, *flower-filled*, *fragrant*, *glorious*, *grand*, *idyllic*, *impressive*, *intriguing*, *life-affirming*, *life-changing*, *light-filled*, *lovely*, *magic*, *magical*, *majestic*, *memorable*, *mesmerizing*, *on grand scale*, *picturesque*, *romantic*, *secluded*, *secret*, *spectacular*, *stunning*, *scented*, *sweeping*, *tantalizing*, *unmissable* и *wonderful*. Перечисленные эпитеты относятся к разряду эмотивных, метафорические эпитеты представлены единичными примерами (*life-affirming*, *award-winning*). Причем сочетания эпитета с топонимом в рекламе редки, эпитет, как правило, сочетается с именами нарицательными — названиями объектов-атрибутов того или иного места или названиями видов деятельности.

Метафоры в исследованном материале содержатся лишь в 7% рассмотренных рекламных объявлений. Так, в рекламе, призывающей посетить Брэндон-Хилл (*Brandon Hill*) и Кабот-Тауэр (*Cabot Tower*), башня Кабот-Тауэр представлена как “визитная карточка”, отличительная черта бристольского ландшафта: *the icon of Bristol's skyline*. Эта метафора является неофициальным названием этой знаковой достопримечательности Бристоля.

Еще пример — реклама, приглашающая посетить замок Харлек:

*Harlech is, fundamentally, one of **Edward I's** 'iron ring' of castles — a formidable construction built to defend the power of one of England's most vindictive kings. It's **a real strong-hold of power and security.***

*When you witness Harlech for yourself, you can't help but be amazed at the sheer height and thickness of the castle walls. Whereas other castles may have been built for looks, there can be no mistaking the fact that Harlech is **a strapping, military beast.***

В данном примере представлена “нисходящая метафора” — конкретный объект концептуализируется как абстрактное понятие: башня Харлек, построенная во времена Эдуарда I из прочного непробиваемого камня, представлена как материальное воплощение силы и безопасности — *a real strong-hold of power and security*. С помощью бестиальной метафоры башня анимируется, репрезентируется как дикий зверь — *a beast*: метафора демонстрирует всю мощь укрепленный замок Харлек.

Ирония, традиционно характеризующаяся как истинно британский стилистический прием [3, с. 96], отмечена в единичном примере. Ирония как способ высмеять, выставить в невыгодном свете, мало совместима с прагматической установкой рекламного текста создать привлекательный образ чего-либо. Однако в отдельных случаях ирония может найти применение в рекламе. Обратимся к примеру:

Winnats Pass, Peak District, Derbyshire

*It's fun to drive the steep A6187 right through it — **beware stray sheep!***

Стоит отметить, что пасущиеся овцы являются неотъемлемым атрибутом британского ландшафта. В данном примере ирония “*beware stray sheep*” служит предупреждением не нанести вреда животным, нежели наоборот: овца традиционно олицетворяет кротость и безобидность [4, с. 650].

В целом анализ британской внутренней туристической рекламы выявил умеренность, сдержанность как на визуальном, так и на вербальном уровне. Представляется, что непереносимое сочетание естественной природной цветовой гаммы пасторальных пейзажей с эмоциональными эпитетами-мелиоративами в значительной мере отражает черты, традиционно приписываемые английскому национальному характеру: сдержанность, любовь к природе, к животным, приверженность традиционным семейным ценностям, высокая ценность личного пространства.

Список литературы:

1. Ирисханова О.К. Полиmodalность в социокогнитивном освещении: семиотика плаката. Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; Ин-т языкознания РАН. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 63–66.

2. Тумский С. В. Концептуальное картирование эксплицитных и имплицитных средств воздействия в рекламном тексте (на материале англоязычной мультимодальной печатной рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 23 с.
3. Филиппова М. М. Ирония и сарказм в английском языке и культуре. М. : МАКС Пресс, 2005. 102 с.
4. Knowles E. Oxford Dictionary of Phrase and Fable. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. 805 p.
5. Krasovska E. Metonymy and figurative thinking: A Cognitive Stylistic Approach. A Summary of Doctoral Thesis for acquisition of the PhD Degree in Arts, Theory of Culture. Riga : Latvian Academy of Culture, 2013. 90 p.
6. <http://sunhi.ru/psihologiya/psihologiya-cveta-v-reklame-znachenie-vospriyatiya>

Сведения об авторах:

Ирина Александровна Кондакова, к.ф.н., доцент, Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров, Россия; email: irinakondakova@mail.ru

Юлия Константиновна Романовская, переводчик, ОАО “ВМП Авитек”, г. Киров, Россия; email: julie-romanovskaya1991@yandex.ru

THE WAYS OF INTRODUCING A PLACE UB BRITISH INNER TOURISTIC ADVERTISEMENT (MULTIMODAL VIEW)

Irina A. Kondakova

Associate Professor, Vyatka State University of Humanities, Kirov, Russia; email: irinakondakova@mail.ru

Julia K. Romanovskaya

JSC “VMP Avitek”, Translator; email: julie-romanovskaya1991@yandex.ru

Abstract

The ways of representing a place to visit in the British inner tourist advertisement are shown from the multimodal, verbal-visual viewpoint. As for the verbal part, the language of the texts is reserved, the texts are not overloaded with stylistic devices, of which ameliorative emotive epithets characterizing either the place, or the activities possible there, prevail; metaphors are not quite common; what is natural, the “positively charged” texts lack such deprivation means as irony or pun. The pictures feature authentically English pastoral landscapes, some with castles, country- and farm houses, nothing too exotic or loud, only about a fourth of the pictures is peopled; the colours are naturally mild. On the whole British inner tourist advertisement appears to be very British-target-audience-oriented, reflecting the basic features of Englishness, such as sense of privacy (a man is an island), English reserve, love for nature and animals, traditional family values.

Key words: advertese; inner touristic advertisement; place-name; stylistic devices; multimodal (verbal-visual) aspect; English national character.

References:

1. Iriskhanova, O. K. (2012). *Polimodal'nost' v sociokognitivnom osveshhe-nii: semiotika plakata. Kognitivnye issledovanija jazyka*. [Socio-cognitive approach to multimodality: semiotics of posters]. N. N. Boldyrev (ed.); In-t jazykoznanija RAN. Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G. R. Derzhavina. P. 63–66.
2. Tumskii, S. V. (2015). *Konceptual'noe kartirovanie jeksplicitnyh i im-plicitnyh sredstv vozdeystvija v reklamnom tekste (na materiale anglojazyčnoj mul'timodal'noj pečatnoj reklamy)* [Conceptual Mapping of Explicit and Implicit Means in Advertisement (in English multimodal print advertisement)]. Avtoref. ... kand. filol. n. Moskva. 23 p.
3. Philippova, M. M. (2005). *Ironija i sarkazm v anglijskom jazyke i kul'tu-re. Moskva* [Irony and Sarcasm in the English Language and English Culture]. M.: MAKSPress. 102 p.
4. Knowles, E. (2006). *Oxford Dictionary of Phrase and Fable*. 2nd ed. Oxford. Oxford University Press. 805 p.
5. Krasovska, E. (2013). *Metonymy and figurative thinking: A Cognitive Stylistic Approach*. A Summary of Doctoral Thesis for acquisition of the PhD Degree in Arts, Theory of Culture. Riga: Latvian Academy of Culture. 90 p.
6. <http://sunhi.ru/psihologiya/psihologiya-cveta-v-reklame-znachenie-vozpriyatiya>

Роль лингвистических и нелингвистических факторов в понимании пространственных конструкций монолингвами и билингвами

А. В. Крабис, О. В. Драгой

Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”,
лаборатория нейролингвистики

Аннотация

Данное исследование рассматривает степень влияния моторных стереотипов на понимание лингвистически реализованных пространственных отношений в группе монолингвов и билингвов. Например, в конструкции “положить сумку в коробку” — прямой порядок слов и прямой моторный стереотип (“взял сумку, положил в коробку”), а в “положить в коробку сумку” — непрямой порядок слов и непрямой моторный стереотип. Испытуемым предлагалось

выбрать на экране компьютера рисунок, который правильно изображал ситуацию в предъявляемом на слух предложении. Результаты исследования выявили различия в стратегиях обработки подобных пространственных конструкций у монолингвов и билингвов. В то время как монолингвы в большей степени опирались на моторный стереотип для выбора правильного рисунка, билингвы в большей степени опирались на порядок слов.

Ключевые слова: воплощенное сознание, пространственные конструкции, порядок слов, моторный стереотип, билингвизм.

Введение. В основе данного исследования лежит представление о том, что понимание языковых конструкций может быть обусловлено как лингвистическими, так и нелингвистическими факторами. С лингвистической точки зрения более легкими для понимания будут конструкции, которые являются базовыми (каноническими) для данного языка: например, с прямым порядком слов (SVO) для русско- или англоязычных людей [9]. С другой стороны, обработка и интерпретация языковой информации может определяться такими нелингвистическими факторами, как знание контекста коммуникативного акта, прошлый опыт собеседников, прагматическая ситуация. Физические свойства окружающего мира тоже могут влиять на интерпретацию языковых форм. Например, исследования с детьми показывают, что они интерпретируют инструкции “положить какой-либо предмет *на*, *в* или *под* какой-либо другой предмет”, основываясь на знании о физических свойствах и функциях данных предметов (например, если предмет имеет гладкую, ровную поверхность, дети чаще ставят другой предмет на него независимо от инструкций) [3; 4].

Идея о мотивированности языковой формы нелингвистическими факторами находит отражение в теории “воплощенного сознания” (англ. — *embodied cognition*), согласно которой языковые репрезентации образуются и укрепляются в сознании в процессе взаимодействия человеческого организма с окружающим его миром посредством органов чувств [1; 2]. Таким образом, результирующие языковые репрезентации — мультимодальны и имеют прямую соотнесенность с сенсомоторным опытом человека, с одной стороны, и ситуативно-контекстным знанием об окружающем физическом мире — с другой [1; 2; 6]. Механизм доступа к таким репрезентациям осуществляется путем умственного моделирования ситуации, в ходе которого люди воспроизводят перцептивные, моторные, эмоциональные состояния, с ней связанные [1; 6]. Например, при чтении глаголов, обозначающих действия руками, ногами или лицом, у испытуемых активируются группы нейронов в премоторной области мозга, задействованные непосредственно в реализации соответствующих действий [5; 8].

Данное исследование посвящено частному случаю обозначенной научной проблемы, а именно изучению степени влияния лингвистических (порядок слов) и нелингвистических (моторный стереотип) факторов на понимание пространственных отношений в русском языке. Под моторным стереотипом понимается прототипическая, наиболее естественная и частотная последовательность действий-операций с предметами окружающего мира. Особенность данного исследования связана с тем, что в русском языке прямой порядок слов (ПС) в предложении может соответствовать или не соответствовать моторному стереотипу (МС). Например, в предложной конструкции “положить сумку в коробку” — прямой ПС и прямой МС (“взял сумку, положил в коробку”), а в “положить в коробку сумку” — непрямым ПС и непрямым МС; в инструментальной конструкции “накрыть шляпу шарфом” — прямой ПС и непрямым МС (“сначала взял шарф, потом накрыл им шляпу”), а в “накрыть шарфом шляпу” — непрямым ПС, но прямым МС. Сравнение данных в группах испытуемых с нормативным (здоровые русскоязычные монолингвы, $n = 34$) и ненормативным (русско-американские билингвы, $n = 28$) владением русским языком должно помочь выявить: 1) какие факторы — лингвистические или нелингвистические — являются определяющими для интерпретации пространственных конструкций в зависимости от характера и уровня владения языком; 2) является ли опора на моторные стереотипы базовой стратегией языковой обработки или компенсаторной стратегией в условиях неоптимального владения языком. Испытуемым предлагалось выбрать на экране компьютера рисунок (один из двух), который правильно бы изображал ситуацию, соответствующую предъявляемому на слух предложению. Стимульные предложения были разделены на два презентационных листа, каждый из которых включал 24 критических предложения описанного типа и 24 отвлекающие пробы.

Результаты исследования выявили различия в стратегиях обработки пространственных конструкций у монолингвов и билингвов. В то время как прямой МС помогает монолингвам быстрее интерпретировать пространственные конструкции при выборе подходящего рисунка ($t = 2,05$, $SE = 190$, $p < .05$), он не имеет значимого эффекта на ответы билингвов ни в анализе времени реакции, ни в анализе правильности ответов. Наоборот, при интерпретации пространственных конструкций билингвы опираются на ПС, особенно билингвы с более низким уровнем владения русским языком ($t = 2.26$, $SE = 375$, $p < .05$). Таким образом, обработка пространственных конструкций с прямым порядком слов осуществляется билингвами быстрее ($t = 2.58$, $SE = 256$, $p < .05$) и с меньшим количеством ошибок ($t = 2.46$, $SE = 0.52$, $p < .05$), чем конструкций с непрямым порядком слов. Наибольшие трудности

для билингов с низким владением русским языком вызывают конструкции типа “накрыть шарфом шляпу” (непрямой ПС / прямой МС). Это может быть связано с тем, что они приписывают тематические роли существительным, опираясь не на грамматические маркеры, а на порядок слов. Таким образом, первое существительное воспринимается как объект, а второе — как локус. Это свидетельствует об утрате билингвами чувствительности к грамматическим маркерам и сужению падежной системы в русском языке [7].

Исследование осуществлено при поддержке РГНФ (грант №15–04–00518).

Список литературы:

1. Barsalou L. W. Grounded cognition // *Annual Review of Psychology*. 2008. Vol. 59. P. 617–645.
2. Barsalou L. W. Grounded cognition: past, present, and future // *Topics in Cognitive Science*, 2010. Vol. 2. No. 4. P. 716–724.
3. Bernstein M. E. Non-linguistic responses to verbal instructions // *Journal of child language*. 1984. Vol. 11. No. 2. P. 293–311.
4. Cook N. In, on and under revisited again // *Papers and Reports on Child Language Development*. 1978. Vol. 15. P. 81–88.
5. Hauk O., Johnsrude I., Pulvermuller F. Somatotopic representation of action words in human motor and premotor cortex // *Neuron*. 2004. Vol. 41. No. 2. P. 301–307.
6. Myachykov A., Scheepers C., Fischer, M. H., Kessler K. TEST: a tropic, embodied, and situated theory of cognition // *Topics in cognitive science*. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 442–460.
7. Polinsky M. Incomplete acquisition: American Russian // *Journal of Slavic Linguistics*. 2006. Vol. 14. No. 2. P. 191–262.
8. Pulvermuller F., Shtyrov Y., Ilmoniemi R. Brain signature of meaning access in action word recognition // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2005. Vol. 17. No. 6. P. 884–892.
9. Slobin, D. I., Bever T. G. Children use canonical sentence schemas: A crosslinguistic study of word order and inflections // *Cognition*. 1982. Vol. 12. No. 3. P. 229–265.

Сведения об авторах:

Анна Витальевна Крабис, PhD, старший научный сотрудник, Лаборатория нейролингвистики, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва; email: achrabaszcz@hse.ru

Ольга Викторовна Драгой, к.ф.н., заведующая лабораторией, Лаборатория нейролингвистики, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва; email: odragoy@hse.ru

THE ROLE OF LINGUISTIC AND NONLINGUISTIC FACTORS IN THE PROCESSING OF SPATIAL CONSTRUCTIONS BY MONOLINGUAL AND BILINGUAL SPEAKERS

Anna Chrabaszcz

PhD, Neurolinguistics Laboratory, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; email: achrabaszcz@hse.ru

Olga Dragoy

PhD, Neurolinguistics Laboratory, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; email: odragoy@hse.ru

Abstract

The present study is based on the idea of “embodied cognition”, which assumes that linguistic forms may be determined by nonlinguistic factors. In particular, we are interested in the role that motor stereotypes (the sequence of performed actions with the objects of the surrounding world) play in the processing of linguistically encoded spatial relations by monolingual and bilingual speakers. Four types of Russian linguistic constructions are examined: prepositional (with direct word order (WO) — direct motor stereotype (MS) and indirect WO — indirect MS) and instrumental (with indirect WO — direct MS and direct WO — indirect MS). The results reveal differences in the processing strategies between monolinguals and bilinguals: while monolinguals prefer direct MS for comprehension of the above linguistic constructions, bilinguals seem to rely on direct WO, and not MS, to a greater extent.

Key words: embodied cognition, space, word order, motor stereotype, bilingualism.

References:

1. Barsalou, L. W. (2008). Grounded cognition. *Annual Review of Psychology*, 59, 617–645.
2. Barsalou, L. W. (2010). Grounded cognition: past, present, and future. *Topics in Cognitive Science*, 2(4), 716–724.
3. Bernstein, M. E. (1984). Non-linguistic responses to verbal instructions. *Journal of child language*, 11(02), 293–311.
4. Cook, N. (1978). In, on and under revisited again. *Papers and Reports on Child Language Development*, 15, 81–88.
5. Hauk, O., Johnsrude, I., & Pulvermuller, F. (2004). Somatotopic representation of action words in human motor and premotor cortex. *Neuron*, 41(2), 301–307.
6. Myachykov, A., Scheepers, C., Fischer, M. H., & Kessler, K. (2014). TEST: a tropic, embodied, and situated theory of cognition. *Topics in cognitive science*, 6(3), 442–460.
7. Polinsky, M. (2006). Incomplete acquisition: American Russian. *Journal of Slavic Linguistics*, 14(2), 191–262.

8. Pulvermuller, F., Shtyrov, Y., & Ilmoniemi, R. (2005). Brain signature of meaning access in action word recognition. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 17(6), 884–892.
9. Slobin, D.I., & Bever, T.G. (1982). Children use canonical sentence schemas: A crosslinguistic study of word order and inflections. *Cognition*, 12(3), 229–265.

Лингвистические перспективы новой лексики в современном английском языке

Н. В. Кузнецова

Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС

Аннотация

Рассматриваются проблемы прогнозирования процессов неологизации собственно лингвистического и экстралингвистического характера. Исследуются перспективы выживания новой лексики с учетом *fudge-factor*, комплекса признаков, способствующих вхождению и закреплению единицы в языковой системе (частотность употребления, разнообразие пользователей и ситуаций употребления, деривативные возможности и способность развивать новые значения, выживаемость концепта, “ненавязчивость” внешней формы). В качестве дополнительных признаков выделяются: а) участие в словарной дефиниции более позднего по времени образования; б) употребление в качестве компонента нового фразеологизма. Выделяются зоны неонаттракции, сферы языковой и внеязыковой картины мира, “притягивающие” новые наименования (бренд-номинации, аксиологическая амбивалентность, синтагматическая неологизация, ретрономия, замена иноязычных заимствований, “технологизация” устной речи как следствие развития современных средств связи и получения информации, заполнения языковых и неязыковых лагун). Исследование универсального и сложного концепта “новое”, средств его языковой реализации, оформление метааппарата лингвистического описания в русле лингвопрогнозирования рассматриваются в качестве перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: коннотация новизны, лингвистические перспективы, неологизм, *fudge-фактор*.

Появление значительного количества новых слов в английском языке новейшего периода стимулирует интерес неологов к изучению лингвистических перспектив новых слов и прогнозированию процессов (лингвистических и экстралингвистических), способствующих их возникновению в языке / речи. Существует обширная исследовательская

база по неологизмам современного английского языка, что не отменяет потребности в новых идеях, приемах и методах исследования [6]. Идентифицированию, описанию и классифицированию новой лексики посвящено значительное количество работ как в отечественном, так и зарубежном языкознании. Синхронизация и интеграция исследований в области исторической лингвистики и лингвопрогнозирования, как представляется, может стать необходимым условием развития неологии, объектом изучения которой является гетерогенный с точки зрения структуры, семантики и функций слой лексики, элементы которого находятся в постоянном движении от периферии к центру и в обратном направлении и, что немаловажно, выпадают из сферы внимания языкового сообщества, чтобы снова вернуться. Значительное количество работ по неологии, выполненных в русле лингвистической семантики, дополняются междисциплинарными исследованиями в силу сложности и зачастую невозможности прояснить многие проблемы неологии с использованием сложившихся к настоящему времени приемов и методов. Неопрогностика (термин автора работы) как раздел неологии позволит объединить усилия дескриптивных лингвистов, неологов и лексикографов. Исследование концепта “новое”, феноменов “коннотация новизны” и “деактуализация коннотации новизны” сможет способствовать оформлению мета-аппарата лингвистического описания в русле неопрогностики.

Традиционное понимание неологизма как слова / сочетания слов нового по форме, либо по содержанию, либо и по форме и по содержанию можно было бы признать удовлетворительным, если бы в сферу лингвистического не вмешалось расплывчатое неязыковое хронологическое понятие “новое”. Примиряющим представляется понимание неологизма как языкового феномена, возникшего на памяти одного или двух поколений.

В работе предпринимается попытка сформулировать некоторые идеи лингвистического прогнозирования, т. е. условий выживания нового слова / словосочетания и его вхождения в лексическую систему языка. Отдельные аспекты лингвистического прогнозирования исследуются при решении более общих (или частных) проблем неологии [1; 2]. Спорадические замечания находим в работах зарубежных авторов [3–7]. Попытку систематизировать признаки, влияющие как на лингвистическую перспективу, так и лингвистическое “забвение” неологизма, предпринимает А. Меткалф, вводя понятие “FUDGE factors”: 1. Frequency of use. 2. Unobtrusiveness. 3. Diversity of users and situations. 4. Generations of other forms and meaning. 5. Endurance of the concept [7, p. 149–167]. В качестве дополнительных критериев выживаемости нового слова автор работы предлагает рассматривать: а) участие слова в словарной дефиниции; б) употребление слова в качестве компонента фразеологизма (вторичная номинация).

Анализ неологизмов современного английского языка позволяет выделить определенные сферы как внеязыковой, так и языковой картины мира, которые в рабочем порядке называем зонами неонаттракции:

1. Бренд-наименования. Являясь симбиозом языковой и неязыковой реальности, они обязаны своим появлением попаданию на рынок новых товаров и услуг, чей рост неуклонно увеличивается. Лингвистические перспективы брендов напрямую связаны с охраной интеллектуальной собственности и возможностью перехода бренд-наименований в джинерики (e. g., Kleenex, walkman, band aid, Xerox).
2. Аксиологическая амбивалентность. Существует неослабевающая тенденция у языковых единиц с негативной коннотацией менять знак оценки на протоположный: “This is a recurring feature of English, where again and again, in many contexts, people have taken on insults and turned them into badges of pride...” (e. g. hack, bugger — once an insult, it now routinely used by young men expressing good will) [4, p. 273–274].
3. Синтагматическая неологизация. “Германизмы” (в традиционной классификации “syntagmatic compounds”) находятся в противоречии с самим духом и строем английского языка (e. g., easy-to-read books). Считая “германизмы” инородным телом, К. Амис, однако, допускает мысль, что они небесперспективны [3, p. 87].
4. Ретронимия. Обозначает процесс вынужденной вторичной номинации ранее именованных денотатов (известная форма используется для обозначения известного содержания): regular mail or snail mail — ретрономиния вследствие появления неологизма e-mail. Возникает потребность в новой номинации в силу того, что существовавшая ранее требует дифференциации [5, p. 479].
5. Замена иноязычных заимствований (liberty sandwiches for hamburgers, liberty cabbage for sauerkraut, Freedom fries for French fries, Freedom kiss for French kiss).
6. “Технологизация” средств массовой коммуникации (интернет, телевидение, радио, киноиндустрия). Аббревиация и акронимия стали продуктивным способом словообразования с изобретением новых средств связи [6].
7. Заполнение лакун. В современном английском языке существует новая тенденция давать новые наименования, интегрирующие в семантике несколько дифференцирующих признаков: e. g., shipper — человек, “лелеющий надежду”, что двое людей (реально существующие или вымышленные персонажи) вступят в романтические отношения.

Несмотря на значительное количество работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных неологизмам английского языка, многие проблемы еще ждут своих исследователей, и изучение перспектив новой лексики представляет интерес как для лексикографии, так и для теории неологии в целом.

Список литературы:

1. Кузнецова Н. В., Вахрамова Е. Н. К вопросу о лингвистических перспективах неологизмов компьютерной сферы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6–2. С. 270–275.
2. Кузнецова Н. В., Лебедева А. Н. Лингвистическая реализация концепта “environment” в английском языке (на примере экологических новообразований) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1–2. С. 380–383.
3. Amis K. The King’s English. The Guide to Common Usage. New York : St. Martin’s Griffin, 1997. 270 p.
4. Bragg M. The Adventure of English. The Biography of a Language. New York : Arcade Publishing, 2011. 322 p.
5. Curzan A., Adams M. How English Works. A Linguistic Introduction. Glenview : Longman, United States, 2012. 544 p.
6. Mair Ch. Twentieth-Century English. History, Variation and Standardization. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 244 p.
7. Metcalf A. Predicting New Words. The Secrets of Their Success. Boston : Houghton Mifflin Company : New York. 206 p.

Сведения об авторе: Нина Васильевна Кузнецова, к.ф.н., доцент, Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия; email: kuznets-1349@yandex.ru

LINGUISTIC PROSPECTS OF NEW WORDS IN THE PRESENT-DAY ENGLISH LANGUAGE

Nina V. Kuznetsova

Associate Professor, Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Civil Service, Nizhny Novgorod, Russia; email: kuznets-1349@yandex.ru

Abstract

The author focuses on scientific prognostication of both linguistic and extralinguistic processes encouraging the formation of new words. The prospects of neologisms are investigated by making use of the fudge-factors, a set of indicators promoting the success or failure of new words (frequency of use, unobtrusiveness, diversity of users and situations, generations of other forms and meanings, endurance of the concept). New additional criteria are introduced — a) neologism as a component of the dictionary definition, b) neologism as a component of a new idiom. Spheres of neo-attraction are defined (brand-nominations, syntagmatic neologisms, retronymy, substitution of borrowings, technologization of the spoken word as a result of profound changes in different means of communication, etc). The study of the universal concept “newness”, the means of its linguistic

realization within the framework of linguistic prognostication and the development of the meta-apparatus of linguistic description could contribute a lot to the further investigation into the problems discussed.

Key words: connotation of novelty, linguistic prospects, neologism, fudge-factors.

References:

1. Kuznetsova, N. V. & Vahramova, E. N. (2009). On linguistic perspectives of English neologisms in the field of computers. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 6–2, 270–275.
2. Kuznetsova, N. V. & Lebedeva, A. N. (2012). Linguistic realization of the concept “environment” (illustrated by English neologisms in the field of ecology). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 1–2, 380–383.
3. Amis, K. (1997). *The King’s English. The Guide to Common Usage*. St. Martin’s Griffin. New York. 270 p.
4. Bragg, M. (2011). *The Adventure of English. The Biography of a Language*. Arcade Publishing. New York. 322 p.
5. Curzan, A. & Adams, M. (2012). *How English Works. A Linguistic Introduction*. Longman, United States. 544 p.
6. Mair, Ch. (2014). *Twentieth-Century English. History, Variation and Standardization*. Cambridge University Press. 244 p.
7. Metcalf, A. *Predicting New Words. The Secrets of Their Success*. Houghton Mifflin Company. New York. 206 p.

Особенности лексики китайских молодежных блогов

В. А. Ленинцева

Московский городской педагогический университет

Т. Н. Бурукина

Российский университет дружбы народов

Аннотация

В работе представлен анализ речевого поведения молодого поколения КНР на страницах интернет-блогов, анализ разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи, и выявлены характерные особенности языка интернет общения как разновидности сленга. Дана классификация по способу возникновения лексических единиц в интернет-

языке Китая. Результаты анализа показали, что интернет-язык является разновидностью сленга и представляет собой синтез профессионализмов и общеупотребительной лексики.

Ключевые слова: речевое поведение, молодежный блог, сленг, заимствования, пополнение словаря, интернет-общение.

В данной работе представлен анализ речевого поведения молодого поколения КНР на страницах интернет-блогов, анализ разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи, и выявлены характерные особенности языка интернет-общения как разновидности сленга. Согласно полному словарю лингвистических терминов, термин “сленг” чаще употребляется применительно к молодежному жаргону [2, с. 420]. Рассмотрим характерные особенности китайского интернет-языка на отдельных уровнях.

Фонетические заимствования состоят, как правило, из трех и более слогов, являются одной морфемой, и в этих словах значение слова в целом не выводится из значений иероглифов, которыми слово записывается. Такие слова не поддаются структурному анализу. Например, 厄尔尼诺 (исп. El Niño) — особое состояние погоды и необычное явление на море, 开词米 (англ. cassimere) означает высококачественную козью шерсть, 蒲式耳 (англ. bushel) — это мера емкости и т.д. [1, с. 100].

На морфологическом уровне пополнение словарного состава китайского языка происходит в основном за счет лексико-семантических изменений [3, с. 102]. Формоизменение слабое, происходит за счет аффиксации, например: добавление суффикса -ing (показателя настоящего времени): 聊天ing liáotiāning — разговариваю; -ly (преобразует прилагательное в наречие): 可爱ly kěàily — мило. Также в интернет-языке присутствуют полусуффиксы: 客 kè — обозначает деятеля или человека, любящего заниматься каким-то делом: 维客 wéikè — человек, любящий использовать Википедию, 博客 bókè — блогер [4, с. 109].

На лексическом и семантическом уровнях постоянное пополнение словаря также происходит по нескольким каналам:

1. Калькирование (в основном слов английского языка):
 - а) сложнопереводимые слова английского языка: modem, Java;
 - б) аббревиатуры: LOL — laughing out loud — “громко смеяться”; AFAIK — as far as I know — “насколько я знаю”; GF — girlfriend; BF — boyfriend; BTW — by the way — между прочим; Q — cute — симпатичный:
小王长得好Q。 [xiǎowáng zhǎng dé hǎo Q] — Сяо Ван очень симпатичная.

2. Заимствование с уподоблением заимствующему языку:
 - а) фонетическое: 比特 bǐtè — beta, 拷贝 kǎobèi — copy;
 - б) фонетическое заимствование + китайская морфема: 因特网 yīntèwǎng — internet;
 - в) китайская морфема + фонетическое заимствование: 黑客 hēikè — hacker, 脱口秀 tuōkǒuxiù — talkshow;
 - г) семантическое: 附件 fù jiàn — attachment, 在线 zàixiàn — on-line [3, с. 218].
3. Появление новых слов в связи с возникновением новых объектов реальности или понятий: 度娘 dùniáng — система интернет-поиска “baidu”, 小白 xiǎobái — посетитель форума, не знающий элементарных правил приличия, грубиян и др.
4. Употребление лексических единиц языка с новым значением: 寒 hán — первоначальное значение “ледяной, холодный”, в интернет-языке может обозначать “бояться, пугаться”; 倒 dǎo, dào — “падать, разворачиваться”, в интернет-коммуникации может употребляться отдельно, обозначая “падать в обморок”.

Синтаксический уровень и пунктуация

Главной особенностью китайского интернет-языка на этом уровне является отход от пунктуационных и синтаксических норм: допускается использование неограниченного количества точек, восклицательных и вопросительных знаков для выражения эмоций, отсутствии запятых.

В данной работе мы представим несколько другую, на наш взгляд, более понятную классификацию по способу возникновения лексических единиц в интернет-языке Китая.

1. Инициальные сокращения. Лексические единицы этой группы образованы путем сложения первых букв латинской транскрипции китайского языка (пининь):
 - а) для замены бранных слов;
 - б) для упрощения ввода некоторых слов на компьютере, для людей, которые используют исключительно англоязычную клавиатуру. MM — сокращение от 妹妹 mèimèi или 美眉 měiméi, обозначает девушку, молодую женщину; GG — 哥哥 gēgē — парень, мужчина.
2. Омонимы — одинаково звучащие слова, не имеющие общих элементов смысла (сем) и не связанные ассоциативно [6, с. 345]. Пользователи интернета активно используют омонимы для придания шутливой или саркастической эмоциональной окраски. 木有 mù yǒu — омоним 没有 méi yǒu — нет.

— 你家里有木有打印机? [nǐ jiā lǐ yǒu mù yǒu dǎyìnjī ?] — У вас дома есть принтер? — 神马 shén mǎ омоним 什么 shénme — что, всё.

- 神马都是浮云。shénmǎ dōu shì fúyún — популярная фраза интернет-языка — не стоит и упоминать, роптать на судьбу.
3. Неологизмы — лексика, недавно появившаяся в языке, активно используется в интернете и постепенно ассимилируется в разговорной речи.
 火星人 huǒxīng rén — дословно “марсианин”. Метафорично о человеке, который только что спустился на Землю с другой планеты, ничего не знает [5, с. 180].
4. Цифровые омонимы. Лексические единицы данной группы образовались вследствие схожести произношения со звучанием цифровых обозначений.
 0 — 零 líng схожее звучание с 你 nǐ — ты;
 1 — 一 yī — один, 要 yào — нужно;
 2 — 爱 ài — любить, 饿 è — голодный и т.д.
 Примеры: 520 — 我爱你 wǒ ài nǐ — я тебя люблю;
 7456 — 气死我了 qì sǐ wǒ le — разозлил меня.
5. Сочетание иноязычной и китайской частей с образованием новой лексической единицы:
- а) иноязычные заимствования: 嗨皮 hāipí — happy — радостный, может также употребляться в качестве глагола “повеселиться, порадоваться”:
 — 这个项目做完了，我们嗨皮一下吧。[zhègè xiàngmù zuòwán le, wǒ men hāipí yíxià ba] — Этот проект завершен, давайте порадуемся;
- б) смешанное использование: Hold住 — удержаться, стерпеть;
 — K歌 — глагол — пойти в KTV петь песни;
 郁闷 yù mèn — грущу, тоскую — суффикс *-ing*, как и в английском языке, выражает действие, происходящее в момент речи;
- в) заимствования из японского языка:
 控 kòng — человек, которому что-то очень нравится, фанат. Заимствование по звучанию: 短发控 duǎnfākòng — фанат коротких стрижек.
6. Специфическая интернет-лексика по большей своей части происходит из английского языка: 蓝牙 lányá — Bluetooth — дословный перевод с английского. 个人网页 gè rén wǎng yè — личная страница; 木马 mù mǎ — дословно “деревянная лошадь” — троянский конь. Вредоносная программа или компьютерный вирус.
7. Особые иероглифы интернет-языка. Эти иероглифы можно условно разделить на следующие группы:
- а) усеченные и расподобленные иероглифы. Нередко от иероглифа остается одна графема, передающая его звучание, или из одного иероглифа образуется сразу несколько путем расподобления его на отдельные графемы:

弓虽 — расподобленный иероглиф 强 — сильный;

心门 — 闷 — скучный, душный;

б) слияние двух или более иероглифов в один:

囊 biáo — то же, что и 不要 — не надо;

— 大人说话, 小孩子囊插嘴。 [dàrén shuōhuà, xiǎoháizi biáo chā zuǐ] — Когда говорят старшие, дети не должны перебивать;

в) древние иероглифы с новым значением. Новое значение иероглиф приобретает пиктографическим или идеографическим способом:

罍 méi — устаревший вариант написания 梅 — дикая слива. Свое современное значение получил, так как состоит из двух частей 呆 — глупый, обозначает “очень глупый”;

г) редко используемые иероглифы, получившие новую жизнь:

𠵹 jiào — громко кричать, идеограмма — “кричать на четыре стороны”.

Итак, в работе рассмотрен и проведен анализ интернет-коммуникации китайских блогеров как разновидности сленга. Показаны его особенности на лексическом и синтаксическом уровнях и на примерах доказывается, что возникновение интернет-лексики может осуществляться различными методами: сокращение по первым буквам транскрипции; использование омонимов для придания шутилой или саркастической эмоциональной окраски; использование неологизмов, которые ассимилируются в разговорной речи; образование новой лексической единицы методом сочетания иноязычной и китайской частей; образование цифровых омонимов вследствие схожести произношения со звучанием цифровых обозначений.

Список литературы:

1. Куй Чжу. Kui Zhu. On Chinese-English Language Contact through Loanwords. English Language and Literature Studies, 2011. С. 100–105. 19. 3.
2. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 576 с.
3. Семенас А. Л. Лексика китайского языка. М. : Восток-Запад, 2007. 288 с.
4. 网络语言语法与语用研究/张云辉著.—上海 : 学林出版社, 2010.1 (257 с.) Чжан Юньхуэй. Исследования по грамматике и прагматике интернет-языка. Шанхай : Сюэлинь чубаньшэ, 2010. 257 с.
5. 网络信语漫谈/余志伟, 陈立明编著.—北京 : 中国社会科学出版社, 2013.6 (195 с.) Ю Чживэй, Чэнь Лимин. Заметки об интернет-языке. Пекин : Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2013. 195 с.
6. Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Сведения об авторах:

В. А. Ленинцева, к. культ., доцент, Московский городской педагогический университет; email: vallenin@mail.ru

Т. Н. Бурукина, старший преподаватель, Российский университет дружбы народов; email: t.burukina@mail.ru

CHINESE YOUTH BLOGS' LEXICAL PECULIARITIES

Dr. Valentina A. Lienintseva

Associate Professor, Moscow City Teacher Training University;
email: vallenin@mail.ru

Tatyana N. Burukina

Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia;
email: t.burukina@mail.ru

Abstract

This paper analyses lexical behavior of PRC youth in internet blogs. It offers the conversational lexical analysis, representing hillbilly-rude and somewhat humorous attitude towards the topic discussed. It details linguistic peculiarities of internet communication as types of slang. There is a classification according to the ways new lexical units appear in the Chinese internet language. The results of the analysis showed that internet language is a type of slang, synthesized from professional jargon and common lexicon.

Key words: lexical behavior, youth blog, slang, loan words, dictionary replenishment, internet communication.

References:

1. Kui, Zhu (2011). On Chinese-English Language Contact through Loanwords. *English Language and Literature Studies*. 100–105. 19. 3.
2. Matveeva, T. V. (2010). *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov* [Unabridged dictionary of linguistic terms]. Rostov na/D.: Feniks. 420 p.
3. Semenas, A. L. (2007). *Leksika kitaiskogo iazyka* [Vocabulary of the Chinese language]. M.: Vostok-Zapad 102 p.
4. 网络语言语法与语用研究 / 张云辉著. — 上海: 学林出版社, 2010.1 (257 c.) Zhang Yunhui. (2010). Grammar and pragmatics analysis of internet language. Shanghai: "Xuelin chubanshe", 109.
5. 网络信语漫谈 / 余志伟, 陈立明编著. — 北京: 中国社会科学出版社, 2013.6 (195 c.) Yu Zhiwei, Chen Liming. (2013). Notes about internet language. Pekin: "Zhongguo shehui kexue chubanshe, 195.
6. Yartceva, V. N. (1998). *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Big encyclopedic dictionary]. M.: Big Russian encyclopedia. 685 p.

Типы инициального семантического компонента в номинализациях с инкорпорированным объектом (на материале английского языка)

Е. А. Лукьянченко
МГИМО МИД России

Аннотация

Номинализации с инкорпорированным объектом — это сложные существительные структуры N + V + er, их особенностью является семантическая связь компонентов внутри композита (это не просто сложные существительные, а образец прототипического инкорпорирования в неинкорпорировующем языке). Данная статья рассматривает инициальный компонент с точки зрения его семантической нагрузки (от прототипического объекта к периферии категории) и пытается проследить степень интегрированности объектов разного типа в событие, вербализуемое номинализациями с инкорпорированным объектом.

Ключевые слова: семантика, номинализации с инкорпорированным объектом, инкорпорирование, сложные слова, композиты.

Номинализации с инкорпорированным объектом — это сложные существительные, номинирующие деятеля или деятельность через свернутую пропозицию, содержащуюся в их структуре. Эти композиты построены по модели: “основа существительного + основа глагола + агентивный или процессуальный суффикс”.

Инициальный компонент может представлять прототипический объект, а может быть на периферии категории. Интегрированность объекта в событие также связана с близостью к прототипу. Она зачастую определяется не только типом объекта, но и отношениями агенса и объекта, выраженными через действие, направленное на него, или состояние, ассоциируемое с ним.

В когнитивной лингвистике было много попыток классифицировать типы объекта, его микророли. Например, М. Ф. Шацкая выделяет Пациент, Делибератив, Интеллектив, Информатив, Перцептив, Объектив, Результатив, Эврикатив, Тему, Обладаемое [1].

На основе изучения номинализаций с инкорпорированным объектом мы выделили следующие типы объектов согласно типам событий, представленным в существительных исследуемого типа:

1. Модификатив — тип объекта, один из самых близких к прототипу. Неодушевленный объект, подвергающийся изменению

в результате активного вмешательства агенса. Когнитивную модель подобного события можно представить следующим образом:

- vase-breaker (ACTOR-MODIFY with the manner of BREAK-OBJ);
- stone crusher (ACTOR MODIFY with the manner of CRUSH-OBJ);
- diamond cutter (ACTOR-MODIFY with the manner of CUT-OBJ).

Модификатив отличается тем, что эффект воздействия виден, а также виден сам процесс воздействия, поэтому связь агенса и объекта не подвергается сомнению.

Интересно, что в номинализациях с инкорпорированным объектом на ментальном уровне происходит интеграция объекта в обобщенном значении, то есть зачастую это не один конкретный объект, а множество подобных объектов, подвергающихся подобному воздействию.

2. Результатив — неодушевленный объект, являющийся порождением деятельности агенса. Когнитивную модель события данного типа можно представить следующим образом:

- barrel maker (ACTOR-CREATE — OBJ);
- boatbuilder (ACTOR-CREATE through BUILD — OBJ);
- cakebaker (ACTOR-CREATE through BAKE — OBJ).

В случае с Результативом объект является делом его рук, и деятельность по его производству можно также наблюдать, что позволяет сделать вывод о неразрывной связи объекта и агенса. Между тем здесь объект интегрирован в событие в наиболее общем значении, и он проходит интересный этап интегрированности до того, как был создан, — то есть ожидания объекта на уровне цели. Вначале объекта не существовало. Он появился как результат осмысленной и целенаправленной деятельности агенса.

3. Транслокатив — неодушевленный объект, изменивший свои пространственные характеристики вследствие направленной на него деятельности агенса. Для данного типа когнитивная модель события данного будет следующей:

- bomb thrower (ACTOR-MOVE with the manner of THROW — OBJ);
- water-carrier (ACTOR-MOVE with the manner of CARRY — OBJ);
- earth mover (ACTOR-MOVE — OBJ).

Перемещение конкретного объекта также наблюдаемо визуально, то есть действие над объектом не подвергается сомнению. Однако этот тип влияния не модифицирует объект.

4. *Трехместные* номинализации с инкорпорированным объектом (в событии как минимум три участника) представлены в основном Трансактиватами со следующим типом события:

- book crosser (ACTOR-ACTOR2-EXCHANGE — OBJ);
- book peddler / seller (ACTOR-ACTOR2-SELL — OBJ).

Акт передачи объекта зачастую также наблюдаем невооруженным глазом.

5. Аквизитивы — объекты завладения. Здесь акт приобретения объекта не всегда наблюдаем как процесс, но логическая связь прослеживается четко:

— Award winner (ACTOR-ACQUIRE through WIN — OBJ);

— book stealer (ACTOR-ACQUIRE through STEAL — OBJ).

6. Консумативы — продукты потребления, инкорпорируют объект через разрушение его в целях потребления:

— beer drinker (ACTOR-CONSUME with the manner of DRINK — OBJ);

— sweet eater (ACTOR-CONSUME with the manner of DRINK — OBJ);

— cigar smoker (ACTOR-CONSUME with the manner of DRINK — OBJ).

7. Перцептивы — объекты восприятия, созерцания, отличаются тем, что прямого контакта с объектом нет, он интегрируется деятельностью по восприятию:

Star gazer (ACTOR-PERCEPT with the manner of GAZE — OBJ);

Train watcher (ACTOR-PERCEPT with the manner of WATCH — OBJ).

8. Поссесивы — объекты обладания:

Bondholder (ACTOR-POSSESS — OBJ);

Book-keeper (ACTOR-KEEP — OBJ).

Связь подобных объектов с агенсом почти умозрительная, она в основном закреплена через официальные законы и неписанные правила человеческого общества. Тем не менее невозможно представить себе событие обладания без объекта.

9. Объекты состояния — особенно интересная группа, так как связь агенса и объекта просматривается только на концептуальном уровне и не может быть видна буквально:

Book lover (ACTOR-LOVE — OBJ);

Cheese hater (ACTOR-HATE — OBJ).

На самом деле это не совсем состояние как таковое, а, скорее, наш вывод, сделанный из наблюдения за поведением человека, его деятельностью. Например, тот, кто любит книги, определено: 1) много читает; 2) покупает и хранит их в доме и т.д.

Кроме того, объект может быть далек от прототипа по параметру собственной семантики, не связанной с направленной на него деятельностью. Так, встречаются:

10. абстрактные объекты (advice giver, war-hater, truth seeker);

11. фиктивные (вымышленные) объекты (mermaid hunter, ghost buster);

12. одушевленные объекты — животные, люди (animal lover, women hater).

Таким образом, типы объекта в рамках номинализаций с инкорпорированным объектом затрагивают большое количество объектов действительности, разнообразное и дающее почву для дальнейших когнитивных исследований в данном направлении.

Список литературы:

1. Шацкая М. Ф. Функционирование актантов объектного типа в условиях языковой игры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, № 1, 2009. [Электронный ресурс] <http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-aktantov-obektnogo-tipa-v-usloviyah-yazykovoy-igry> (дата обращения 12.04.2015)

Сведения об авторе: Е. А. Лукьянченко, к.ф.н., преподаватель, МГИМО МИД России, кафедра английского языка № 1; email: sixwings@inbox.ru

TOWARDS AN UNDERSTANDING OF INITIAL COMPONENT TYPES IN NOMINALS WITH AN INCORPORATED OBJECT IN THE ENGLISH LANGUAGE

Ekaterina A. Lukyanchenko

PhD, Lecturer, Department of English №1,
MGIMO University, Moscow, Russia;
email: sixwings@inbox.ru

Abstract

English nominals with the incorporated object are N + V + er-structured compound nouns. Their peculiarity is the semantics, as they are the prototype of traditional noun-incorporation in a supposedly non-incorporating language. The article deals with the initial component of these nouns and looks at it from the point of how close the semantic ties between the components are and how integrated the object is in the event structure, which makes the noun closer or farther from the prototype.

Keywords: nominals, incorporated object, compound nouns, semantics.

References:

1. Shatskaya, M. F. (2009). Funktsionirovanie aktantov ob"ektnogo tipa v usloviakh iazykovoi igry [The Functioning of Actants of Object Type in Conditions of Language Play]. *Vestnik Aдыгейского gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie, 1*. Electronic source: <http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-aktantov-obektnogo-tipa-v-usloviyah-yazykovoy-igry> (accessed 12.04.2015)

Онтология художественного концепта и факторы формирования его ассоциативного поля

О. А. Мещерякова

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Аннотация

Развитие когнитивной лингвистики стимулировало формирование когнитивного направления в изучении художественного текста, с чем было связано появление научного термина “художественный концепт”. Существуют разные мнения об онтологических свойствах художественного концепта, о том, какому сознанию или чьей концептосфере принадлежит художественный концепт. Обобщая спорные мнения, высказанные по этим вопросам в научной литературе за последнее десятилетие, считаем необходимым говорить об амбивалентной природе художественного концепта, которая обусловлена текстовой / дискурсивной деятельностью. Поэтому художественный концепт как смысловая категория может быть изучен в разных аспектах. Для автора статьи исходным положением является признание обусловленности содержания художественного концепта художественной когницией, на основании чего устанавливаются факторы, которые необходимо учитывать при моделировании содержания ассоциативного поля авторского художественного концепта.

Ключевые слова: концепт, художественный концепт, перцептивный художественный концепт.

В современной когнитивной лингвистике многие понятия находятся в стадии осмысления. Считавшиеся традиционными научные направления по анализу художественного текста (стилистика, язык художественных произведений и т. п.) постепенно “переводятся” в когнитивное русло, что влечет за собой активное формирование когнитивной поэтики. Это когнитивно-дискурсивное направление, обусловленное “дихотомией когниции и коммуникации” [1, с. 67]. Для когнитивной лингвистики ключевым выступает понятие “концепт”; для когнитивной поэтики таковым будет “художественный концепт”. Не случайно в названиях как языковых, так и литературоведческих диссертаций последних лет активно используется данный термин. Однако смысловое наполнение его часто существенно различается от работы к работе, что говорит о становлении термина и о сложности того явления, которое стоит за ним.

Как смысловая категория, художественный концепт рассматривается в разных аспектах. Это ведет к различным точкам зрения на

многие проблемы, к примеру, на то: 1) какому сознанию (автора или читателя), какой концептосфере (национальной или индивидуаль-но-авторской) он принадлежит; 2) в какой соотнесенности с языком находится художественный концепт.

Обобщая спорные мнения, считаем необходимым говорить об амбивалентной природе художественного концепта, которая обусловлена текстовой / дискурсивной деятельностью. Наличие внутри нее таких “компонентов”, как автор, текст, читатель, действительность и язык, обуславливает то, что художественный концепт проявляет себя как продукт авторского познания мира и одновременно читательского, которое осуществляется еще и под воздействием текста. Амбивалентность природы художественного концепта проявляется в том, что он одновременно принадлежит сознаниям разных участников коммуникации, средством общения между которыми выступает художественный текст.

Рассматривая вопрос о принадлежности художественного концепта национальной или индивидуальной концептосфере, нужно также говорить о его двойственной природе как результате его развития. В художественной когнитивности писатель или поэт сначала усваивает совокупность знаний, которая уже составляет основу национальной концептосферы, но затем автор делает новые, индивидуальные шаги в познании мира. Новые знания выражаются им с помощью текста, в силу чего одни признаки художественного концепта отражают общее, узуальное, другие отражают индивидуальное, окказиональное. Корреляция национального и индивидуального также свидетельствует об амбивалентной природе художественного концепта.

Множественность трактовок не касается ментальной природы художественного концепта, именно на этом основании устанавливается связь понятий “концепт” и “художественный концепт”. Однако связь языка художественного произведения и художественного концепта очень сильная. Так, в текстовой деятельности само художественное познание опосредовано языком в гораздо большей степени, чем в других видах творчества или обыденной жизни. Основой художественной когнитивности являются знания о вербальной характеристике предмета, внутренней форме слова и т. п. Не случайно многими русскими писателями велись дневники, цель которых — словом запечатлеть увиденное и услышанное.

В некоторых исследованиях, посвященных художественному концепту, можно наблюдать не только осознание связи между когнитивным и языковым, но и некое смешение языкового и когнитивного уровня при их описании. Так, на наш взгляд, не совсем корректно говорить, что “в лингвистике особое место занимают исследования концептов и, в частности, художественных концептов, формирующихся в пространстве художественного текста в рамках определен-

ной национальной языковой картины мира” [3, с. 3], так как пространство текста имеет вербальную природу, а концепт — ментальную. Следовательно, концепт *отражается* в языке и в тексте, но не “формируется” в нем.

Подчеркивая амбивалентную природу художественного концепта как проявление его онтологической сущности, считаем необходимым напомнить о том, что концепт — это не только ментальное образование, которое существует в сознании, но еще и исследовательская модель. Этот конструкт создается в когнитивной поэтике, “где возможно описание процесса порождения и декодирования индивидуально-авторских смыслов” [2, с. 122] для системной реализации этих целей.

Таким образом, различное содержательное наполнение термина проявляет не только сложность и многогранность самого художественного концепта, но и направление исследовательского подхода, за которым стоят приоритеты самого ученого. Они имеют свою ценность и позволяют увидеть изучаемое когнитивное явление с разных сторон.

В нашем изучении художественного концепта мы выбираем в качестве главного постулата положение о связи содержания и структуры художественного концепта с характером художественной когниции автора. Ее специфику, на наш взгляд, определяет не только субъективно-эмоционально-эстетический характер процесса “познавания” (он влияет на информационное содержание художественного концепта), не только интуитивно-образно-ассоциативный способ отражения действительности (под его влиянием формируется “картинка”, наглядное представление информационного содержания), но и панобъектная направленность познания, под влиянием которой существенно обогащается ассоциативная часть содержания концепта. На основании установления влияния художественной когниции на содержание концепта мы осуществляем его моделирование не посредством описания его полевой структуры, а посредством структуризации его частей, выделения из структуры образа, информационного содержания, ассоциативной зоны. Именно последняя составляющая подвергается наибольшему содержательному изменению в ходе художественной когниции. Изучая панобъектную направленность художественного познания, выделяем те области знания, которые способствуют формированию ассоциативных смыслов. Так, исследуя художественный перцептивный концепт, устанавливаем, в силу каких знаний, существующих в авторском сознании, перцептивные лексемы, обозначающие зрительное, слуховое и пр. ощущения, объективируют не-перцептивные смыслы. Например, в рассказе И. Бунина “Начало” в качестве репрезентанта художественного концепта “цвет” выступает лексема *гелиотроповый*: *Она... задремала: гелиотроповые, но женски-молодые губы с темным пушиком над ними слегка приоткрылись...* Использование прилагательного, образованного от фитонима *гелиотроп*, связано не только

с поиском нестандартной формы для выражения признака “цветовой оттенок”, но и для объективации ассоциативных признаков концепта “цвет”. Гелиотроп — цветок, который был весьма распространен в русских дворянских усадьбах в начале XX века. Под влиянием бытового знания в авторском сознании концепт “цвет” обогащается ассоциативными признаками “тонкий запах”, “изысканность”, “утонченность”, “аристократизм”. Использование лексемы *гелиотроповый* в описании губ молодой женщины, на которую с восхищением смотрит рассказчик-подросток, ориентирует не только на цвет, но и на эмоциональные и оценочные компоненты ассоциативного поля этого концепта.

К факторам, формирующим ассоциативное поле художественного концепта, помимо бытового, относим и другие типы знаний: гносеологическое, психологическое, аксиологическое, мифологическое, национально-культурное, социально-культурное, философское. При выявлении содержания художественного концепта названные факторы необходимо учитывать, так как благодаря им формируется та “ассоциативная запредельность” (С. А. Аскольдов), которая трансформирует концепт обыденный или научный в авторский художественный концепт.

Список литературы:

1. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. С. 63–78.
2. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира: методологическое обоснование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 120–128.
3. Подкопаева А. А. Вербализация художественного концепта “home / house” в произведениях английских писателей XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 28 с.

Сведения об авторе: Ольга Александровна Мещерякова, д.ф.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина; email: lameo56@yandex.ru

THE ONTOLOGY OF THE LITERARY CONCEPT AND FORMING FACTORS OF ITS ASSOCIATIVE FIELD

Dr. Olga A. Meshcheryakova

Prof. Yelets State University Named after I. A. Bunin, Yelets, Russia;
email: lameo56@yandex.ru

Abstract

Cognitive linguistics development stimulated the cognitive approach in the literary text study, involving formation of the scientific term “literary concept”. The literary concept as a semantic category is considered in dif-

ferent aspects. The article presents the review of different opinions to the nature of the literary concept and creates connection between the terms “literary concept” and “concept”. Examination of ontological properties of the literary concept enables to distinguish whose perception or whose sphere of concepts (author, reader, character) the literary concept belongs to. In the classification of literary concepts closer attention is paid to the perceptual concept. It illustrates which forming factors are to be considered while modelling the content of the associative field of the author’s literary concept.

Key words: concept, literary concept, perceptual concept.

References:

1. Kubriakova, E. S. (2012). V poiskakh sushchnosti iazyka [In search of essence of language: cognitive researches]. V *poiskakh sushchnosti iazyka: Kognitivnye issledovaniia*. Moscow: Sign. P. 63–78.
2. Maslova, J. N. (2011). Poeticheskaia kartina mira: metodologicheskoe obosnovanie [Poetic picture of the world : methodological basis]. *Voprosy kognitivnoi lingvистики*, 1, 120–128.
3. Podkopaeva, A. A. (2010). Verbalizatsiia khudozhestvennogo kontsepta “home / house” v proizvedeniakh angliiskikh pisatelei XIX–XX vv. [Verbalization of literary concept “home / house” in works of the English writers of XIX–XX cc.]. Stavropol. 28 p.

Реализация коммуникативных интенций говорящего через невербально-просодический комплекс

Е. И. Михалева

Московский городской педагогический университет

Аннотация

В статье описывается исследование, доказывающее, что в речи действует единый поведенческий комплекс, объединяющий в себе как вербальные, так и невербальные средства языка, формирующие поведение участников коммуникации. В рамках статьи рассматривается социокультурный аспект как один из основополагающих при влиянии на различия в коммуникативном поведении представителей разных культур. Материалом для исследования послужили британские реалити-шоу, компаративный анализ проводился на основании гендерного фактора. В работе выявляются конкретные ситуативные характеристики, включающие в себя набор просодических

и невербальных средств, используемых носителями британского варианта английского языка. Результаты исследования доказывают, что для каждого конкретного типа высказывания есть свой набор интонационных моделей и невербальных элементов, конкретизирующих тот или иной прагматический тип, и, несмотря на использование элементов невербальной семиотики, просодия в реализации замысла говорящего является более точным сигнализатором его коммуникативных интенций и превалирует над областью невербального общения.

Ключевые слова: невербальное поведение, просодия, гендер, коммуникативные интенции, социолингвистика.

В свете интенсивных исследований в области теории коммуникации, а также в сферах психолингвистики, социолингвистики и культурологии изучение процесса взаимодействия вербальных и невербальных элементов в коммуникации становится основополагающим аспектом, позволяющим объяснить специфику протекания коммуникативного акта, разработать методики для анализа и диагностики различных коммуникативных ситуаций. На практике результаты таких исследований широко применяются в современной психологии, криминалистике, в культуре делового общения, а также в теории коммуникации для разработки систем, позволяющих изучающим иностранные языки быстрее овладеть основными коммуникативными моделями, типичными для представителей данного языка.

Национальный этикет и культура оказывают большое влияние на частотность использования тех или иных компонентов просодии и невербальной семиотики, являясь экстралингвистической базой, формирующей вербальную и невербальную системы языка.

С этой позиции представим некоторые наблюдения, касающиеся особенностей просодических и невербальных характеристик, сопровождающих процесс речепроизводства носителей британского варианта английского языка и являющихся сигнализаторами интенций говорящего.

Приводимые здесь данные получены в ходе аудитивного анализа видеофрагментов британских реалити-шоу — такого вида неформальной коммуникации, в котором направление жеста и его семантика наименее подвержены контролю, но обладают конкретными функциями, дополняющими намерения говорящего. Основным аспектом, позволяющим проводить сопоставительный анализ просодии и невербальной семиотики, был выбран гендерный фактор.

Исследование показало, что в целом невербальное поведение мужчин в процессе спонтанной коммуникации практически не отличалось от поведения женщин, за исключением того, что участники поль-

зовались жестами не столько для усиления эмотивности высказывания, сколько для сокрытия собственных психологических сигналов, способных выдать их истинные намерения, побуждения или оценки.

Однако невербальная составляющая коммуникации активизировалась, в основном, в моменты крайнего эмоционального напряжения, в стрессовых и конфликтных ситуациях, когда наиболее часто использовались жесты запрещения, защиты, закрытости, сомнения, избегание прямого визуального контакта с партнером.

В стрессовых ситуациях англичане более замкнуты и закрыты, они демонстрируют отстраненность как с помощью голосовых интонаций (нисходящие интонационные модели, приглушенный тон голоса), так и с помощью защитных поз и жестов, например, демонстрирующих собеседнику внутреннюю сторону ладони, тем самым не позволяя вторгнуться в собственное личное пространство и указывая на желание не продолжать конфликт дальше. Женщины более раскованны и склонны к эмоционально-нестабильным состояниям, позволяют себе активно жестикулировать, резко менять интонационный фон в ходе коммуникации в зависимости от эмоционального состояния и оценочной реакции как на получаемую информацию, так и на сообщения, которые передают они сами. Жесты, носящие агрессивный характер, вроде направления указательного пальца в грудь собеседника, достаточно распространены именно среди женской половины участников шоу.

Дистинктивность просодии в выражении коммуникативной интенции более очевидна. Просодическая выделенность фраз меняется в зависимости от типа коммуникативной ситуации. Несмотря на склонность англичан к использованию исключительно нисходящих интонационных моделей в речи (мужчины предпочитают подавлять конфликты на начальной стадии), в спонтанной коммуникации, особенно в диалогическом общении, они способны демонстрировать достаточное разнообразие ровных и восходящих тонов, а в молодежной речи, где прослеживается четкий ориентир на систему вербально-невербального поведения представителей американской культуры, участвуют высокие восходящие тона в сочетании со скользящими шкалами. С увеличением высоты тона ускоряется и темп речи, а также увеличивается жестовая активность говорящего, что тоже чаще присуще молодежной культуре речевого поведения, демонстрируемой и пропагандируемой в реалити-шоу.

Носители английского языка позволяют себе использование восходящих и скользящих интонационных моделей в речи лишь в моменты крайней эмоциональной напряженности ситуации, при проявлении наиболее сильных эмоций и чувств. Женщины, в силу определенных психофизиологических особенностей, прибегают к использованию таких моделей чаще, чем мужчины.

Интенция говорящего	Реплика	Просодические характеристики	Направление жеста	Семантика жеста
Скрыть свои эмоции по поводу обсуждаемого человека	She's weak, / but / personally / it's gonna be very hard to lose her.	Low Fall + Mid Fall + Stepping Head + Low Fall	Пальцы скрещены вместе, взгляд опущен	Скрытность, замкнутость, нежелание вступать в дальнейшее обсуждение
Попытаться оправдать себя и других участников в лице объекта обсуждения и в лице зрителей	We do NOT / dislike her, / she's just annoyed / one or two of us.	Low Fall + Low Fall + Stepping Head + Low Fall.	Взгляд беглый, постукивает пальцами по коленям	Отсутствие уверенности в собственных суждениях, дискомфорт при разговоре на данную тему
Принять сложное решение, ожидание поддержки со стороны	I feel / it'll be the best / for the team spirit.	Low Rise + Low Fall + Low Fall	Почесывание подбородка, взгляд сфокусирован в одной точке	Принятие сложного решения
Ожидается прояснение ситуации со стороны	She said/ that I was / the nicest person / which is / strange / since she's voted me out.	Low Fall + Low Rise + Law Fall. Быстрый темп речи	Руки плотно прижаты к телу, взгляд беглый, брови приподняты	Недоумение и удивление исходом ситуации
Скрыть свою точку зрения по обсуждаемому вопросу	I / really... / really don't know what to think of all this...	Low Fall, Falling Head, приглушенный тон	Рука прикрывает рот во время говорения	Скрытность, сомнение
Показать уверенность в оценке ситуации и собственной точке зрения	I can jump from one side to another, / but I'm not just going / to use people	Stepping Head, Mid Falls, Быстрый темп речи	Подбородок приподнят, взгляд уверенный, сфокусирован на партнере	Уверенность в себе и в собственной точке зрения, искренность в изложении

В проанализированном материале просодическая выделенность в большинстве рассмотренных случаев сопровождается невербальными сигналами, хотя доминирование вербальных элементов в реализации коммуникативных интенций носителей британского варианта английского языка, безусловно, очевидно. Невербальный язык англичан гораздо скуднее по сравнению с тем количеством интонационных моделей, которые с различной степенью частотности используются ими в спонтанной речи. Однако специфические условия коммуникативной среды и экстралингвистические факторы, влияющие на протекание коммуникации извне, вынуждают англичан, пусть и не слишком охотно, прибегать к помощи жестов и поз для демонстрации как собственного отношения к сообщаемой партнеру или получаемой от него информации, так и для более ясной передачи замысла говорящего.

В таблице приведены сопоставительные данные жестов и интонационных моделей с примером высказывания, которое сопровождается этими характеристиками, на основе видеоматериалов реалити-шоу "Survivor".

В заключение отметим, что исследование взаимосвязей между различными компонентами вербально-невербального комплекса, анализ их взаимодействия в речи, а также исследование результативности реализации интенций участников коммуникации, использующих приемы просодии и невербальной семиотики в ходе протекания речевого акта, — все это позволяет более полно оценить коммуникативный процесс в целом, выявить такие особенности и нормы коммуникативного поведения, специфичные для конкретного языкового сообщества, которые способствовали бы успешному ведению межкультурного диалога во всех сферах деятельности.

Сведения об авторе: Елена Игоревна Михалева, к.ф.н., доцент, Московский городской педагогический университет, Москва; email: emikhaleva@gmail.com

IMPLEMENTATION OF COMMUNICATIVE INTENTIONS OF THE SPEAKER THROUGH A COMPLEX OF NON-VERBAL AND PROSODIC CHARACTERISTICS

Elena I. Mikhaleva

Associate Professor, Moscow City Teacher Training University;
email: emikhaleva@gmail.com

Abstract

The paper highlights some results of the phonetic survey which support the idea that a single complex of verbal and non-verbal semiotics

functions in the language. A sociocultural aspect is considered to be one of the basic factors which affects the communicative behavior of people from different cultures. The research is based on the material of British reality shows, gender factor is accepted as the key for carrying out the comparative analysis. The article presents certain situational characteristics which include a set of prosodic and non-verbal means used by the native speakers of English. Results prove that despite active use of non-verbal communication by the speakers of English prosodic features play a greater role in realizing communicative intentions of the speaker.

Key words: non-verbal semiotics, prosodic features, gender, communicative intentions, sociolinguistics.

Словообразовательный ансамбль как средство идентификации родственных слов и декодирования радикаоида

И. Д. Михайлова

Московский городской
педагогический университет

Аннотация

Двусторонне связанный корень с процессуальной семантикой — радикаоид русского происхождения — находится в производном слове в слабой позиции. Такое положение корня затрудняет выявление его значения на современном этапе развития русского языка, нарушает единство объединений родственных слов с одним корнем, осложняет определение структуры отдельных слов и их мотивационных связей как у носителей русского языка, так и у тех, для кого русский язык является неродным, иностранным. Признание разных типов корней и восстановление разрозненных словообразовательных гнезд (СГ) в единые комплексные единицы (например, словообразовательные ансамбли с центром-радикаоидом) может облегчить распознавание производных с радикаоидами и их осмысленное усвоение. Под словообразовательным ансамблем мы понимаем объединение СГ, имеющих в своем составе общие сложные слова, аббревиатуры или вершины-связанные корни. Связанным называем корень, который ни в одной форме ни одного родственного слова не равен основе, всегда употребляется вместе с префиксом и/или суффиксом, с другим корнем. Некоторые корни

с чередованием на современном этапе являются связанными. Таким образом, решение этой проблемы одновременно направлено и на орфографические задачи. Демонстрация компенсаторных механизмов презентации данных корней, выявление всего многообразия морфов каждого конкретного радикаоида, публикация закрытого списка подобных единиц и подготовка словаря радикаоидов необходима для оптимизации процесса обучения русскому языку, а также может быть полезна для анализа русского текста через показ развертывания СГ-ансамбля в художественном пространстве конкретного произведения.

Ключевые слова: радикаоид, словообразовательное гнездо, ансамбль, декодирование.

В значительной группе русских слов с процессуальной семантикой встречаются корни, сложно поддающиеся идентификации. Речь идет о двусторонне связанных корнях (радикаоидах), которые ни в одной форме ни одного из однокоренных слов не равны основе: ...у... 'облачать ноги для защиты их при ходьбе' (*обувать, разувать*), ...де... 'закрывать тело материей' (*раздеть — надеть*), ...бав... 'присоединить к имеющемуся' (*прибавить — убавить — добавка*), ...вык/выч... 'понятное, устойчивое, удобное действие' (*привыкнуть, отвыкнуть, отвыкание, навик*), ...лаг/лож... 'размещение на горизонтальной поверхности' (*излагать, предложить*), ...лук/луч... 'нежеланное расстояние, дистанция на неопределенное время' (*разлука — отлучить*), ...стиг/стич... 'стремительно и неожиданно догнать' (*настигнуть, достигнуть, постигнуть*), ...мык/мк/мыч... 'плотно соединять отделенные друг от друга части' (*примыкать — отмыкать — замыкать*), ...верг/верж... 'насильственное действие, нежелательное движение под давлением' (*подвергнуть — низвергнуть — отвергнуть*), ...каз... 'сформулировать требование или решение' (*отказать — приказать — указать*), ...ник... 'попасть вглубь' (*вникнуть, проникнуть*) и подобные. По происхождению данные корни являются исконно русскими. Некогда они были свободными корнями русских глаголов: ср. яти — ...ня... 'брать, взять' (*принять — занять*). В современном русском языке они функционируют лишь в сочетании с префиксами, суффиксами в структуре простого слова или с другими корнями в составе сложного слова. Сам корень находится в слабой позиции, вследствие чего затруднена его семантизация: приведенные выше значения корней мы выделили после вычета значения аффиксальных морфем, сравнив и сопоставив значения одноструктурных родственных слов. Надо заметить, что в большинстве толковых словарей данные лексические единицы толкуются синонимическим способом через отсылку к слову со

связанным же корнем. Вторая сложность заключается в том, что радикалоиды вследствие компенсаторных механизмов имеют большое количество морфов (...ня... — 12 морфов), что затрудняет их выделение в составе слова.

Третья сложность идентификации подобных корней обусловлена существующей системой справочных изданий, словарей и учебных пособий для русских школьников и иностранцев, изучающих русский язык. Большинство из них основывается на представлении о наличии в русском языке лишь одного типа корней — свободных, подбирая соответствующий иллюстративный материал, относительно слов со связанными корнями никаких комментариев не дается. Более того, одно из самых авторитетных лексикографических изданий, построенных по гнездовому принципу, — “Словообразовательный словарь...” А. Н. Тихонова [2] — различающиеся префиксами однокоренные слова представляет в разных словообразовательных гнездах (СГ), таким образом утверждая их неродственность, считая неоднокоренными. А. Н. Тихонов за начальный элемент гнезда берет исходное слово. Глаголы типа *принять, отнять, занять, поднять, перенять* оказываются в разных СГ, префикс и корень объединяются и рассматриваются как большое корень, а само слово как подвергшееся процессу опрощения. Но живые словообразовательные связи на современном этапе развития языка ощутимы, а потому более перспективной следует признать идею И. А. Ширшова, предложившего за исходный элемент СГ брать “вершину”, в качестве которой может выступать и непроемное слово со свободным корнем, и радикалоид (отточие с двух сторон фиксирует деформированность подобного корневого элемента на современном этапе), и даже два слова, о чем дериватолог написал в предисловии к словарю и проиллюстрировал материалами лексикографического издания для учителей [3].

Проведя анализ, сравнение и сопоставления отдельных СГ со словами, имеющими связанный корень, мы сделали вывод о необходимости их объединения. Но это будет не просто техническое слияние нескольких СГ. Полученное образование значительно отличается от обычного СГ первой ступенью деривации, которая является абсолютно гомогенной, однотипными цепочками, состоящими в основном из синтаксических и грамматических дериватов, что говорит о периферийности подобных комплексных единиц словообразования, большим числом производных. Данная специфика вызвала необходимость искать для описания восстановленных объединений родственных слов другое определение. Мы предлагаем считать их словообразовательными ансамблями — объединениями СГ, имеющими в своем составе общие сложные слова, аббревиатуры или вершину — связанный корень [1].

Так как в методике преподавания русского языка большую роль играют корни, актуальной научной задачей является составление словаря радикасоидов с указанием морфной парадигмы, всех производных первой ступени деривации, формулированием значения данного корня, презентацией текстового и иллюстративного материала с повторяющимся радикасоидом для демонстрации знакового функционирования подобных единиц в художественном пространстве всего произведения.

Список литературы:

1. Михайлова И. Д. Принципы объединения словообразовательных гнезд в ансамбли // I Congreso Intenacional de Russistica “Lengua, Vision del mundo y texto”. Universidad de Granada, 2011. 1040 pp. P. 238–245.
2. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Т. I / А. Н. Тихонов. М.: Русский язык, 1985. 856, [2] с.
3. Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка / И. А. Ширшов. М.: АСТ: Астрель: Русские словари: ЗАО НПП “Ермак”, 2004. 1022, [2] с.

Сведения об авторе: Ирина Дмитриевна Михайлова, к.филол.н., доцент, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; email: m_irina17@list.ru

DERIVATIONAL ENSEMBLE AS A MEANS OF IDENTIFICATION OF RELATED WORDS AND DECODING A RADIXOID

Irina D. Mikhaylova

PhD (Philology), Associate Professor of Russian Language, Moscow City Teacher Training University, Moscow, Russia; email: m_irina17@list.ru

Abstract

A bilateral associated root of the procedural semantics — a radixoid of Russian origin — is in a weak position in a derivative at the present stage of development of the Russian language. Due to such position it is difficult to identify the meaning of the root, it violates the unity of associations of related words of one root, it causes confusion regarding the structure of individual words and their motivational relations as for carriers of the Russian language, as well as for those for whom the Russian language is not native one, but foreign language. Recognition of different types of roots and restoration the disparate derivational nests in a single integrated unit. For example, derivational ensembles with nest-radixoid can facilitate recognition of derivatives with radixoids and their compre-

hensive learning. We consider a derivational ensemble like a combination of the derivational nests consisting of common complex words, abbreviations or associated root tops. A root is called an associated root if it is not the same basis in neither any form nor any related word, that always used with prefix and/or suffix with a different root. Some interleaved roots are associated roots at the present period of time. Thus, the solution to this problem is both directed to spelling problems. Demonstration of presentation compensatory mechanisms of these roots, revealing the whole variety of morphs of each specific radixoid, the publication of the closed list of similar units and preparation of radixoid dictionary can be useful for the analysis of the text by showing deployment derivational nest-ensemble in art space of a particular work.

Key words: radixoid, derivational nest, ensemble, decoding.

References:

1. Mikhaylova I. D. (2012) *The principles of association of derivational nests into ensembles* // I Congresso Intenacional de Russistica “Lengua, Vision del mundo y texto”. Universidad de Granada. P. 238–245.
2. Tikhonov A. N. (1985) *Word-formation Dictionary of Russian language: 2 volums*. V. 1. M.: Russkiy jazyk. 856, [2] p.
3. Shirshov I. A. (2004) *Word-formation Explanatory Dictionary of Russian language*. M.: AST: Astrel: Russkije slovarei: ZAO NPP “Ermak”. 1022, [2] p.

Рефлексивный концепт “периметр безопасности” в наивной картине мира

Д. А. Морель Морель

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет

Аннотация

В статье рассматривается структура рефлексивного концепта “периметр безопасности” (термин А. Леруа-Гурана), который, с одной стороны, рамочно объединяет ряд базовых, универсальных концептов, а с другой — выступает своеобразной системой координат, структурирующей антропоцентрическую картину мира. Он может быть представлен в виде системы концентрических колец, расходящихся от “Я-центра”, которые соответствуют участкам окружающего пространства с разным уровнем освоенности и, со-

ответственно, безопасности, а также референтным группам разного масштаба. Далее идет анализ и сопоставление структуры и системных связей конститuentов данного концепта (“безопасность”, “уют”, “семья”, “город”, “дом”, “одежда”, “пища” и т. п.) в наивной картине мира русских и англичан, для чего привлекаются данные “Edinburgh Word Association Thesaurus” и “Русского ассоциативного словаря”. Кроме того, сопоставление материалов последнего с результатами аналогичного авторского ассоциативного эксперимента позволяет выявить динамику соответствующего фрагмента русской картины мира за последние десятилетия.

Ключевые слова: концепт, наивная картина мира, периметр безопасности, ассоциация, ассоциативное поле.

Термин “периметр безопасности” для обозначения замкнутого пространства, обеспечивающего душевный и физический комфорт за счет ограждения (в том числе и символического) от хаоса окружающего мира и включения индивида в обжитое, групповое пространство и ритмы, предложил французский историк и этнограф А. Леруа-Гуран [7, с. 139–140].

В отечественную лингвистику данный термин ввела О. А. Михайлова, упомянувшая его в контексте анализа базового уровня наивной картины мира [1, с. 20].

На наш взгляд, предложенный термин обладает высоким эвристическим и интегративным потенциалом, который не до конца раскрыт современной наукой. Востребованность же его на нынешнем этапе развития научной мысли и общества в целом представляется очевидной и привязывается к изучению и решению широкого спектра проблем.

С одной стороны, “периметр безопасности” может рассматриваться как рефлексивный концепт — искусственный конструкт, созданный для нужд когнитивного исследования [4, с. 100]. С другой — развитие тезиса о концентрическом характере картины мира оседлых народов, городских жителей [7, с. 155–163] позволяет трактовать “периметр безопасности” как своеобразный рубрикатор картины мира. Он может быть представлен в виде полярной координатной сетки с “Я-центром”, накладываемой на наивную картину мира и разбивающей ее на концентрические зоны с убыванием степени личной обжитости пространства и, соответственно, ощущения безопасности и комфорта: “Я” → мое личное пространство → мое жилище → мое поселение → мой край (малая родина) → моя страна → мой мир (цивилизация) → Ойкумена.

При этом анализ значительного объема языкового материала, привлечение данных исследований других авторов [3] и обращение

к многоаспектному анализу его внутренних и внешних связей свидетельствуют об объективном и системном характере последних, что подтверждается их устойчивостью и регулярной воспроизводимостью на разных уровнях. Упомянутые связи концепта мы условно подразделяем по способу их выявления на логические, выстраиваемые на логико-философском, онтологическом уровне; ассоциативные, определяемые по результатам ассоциативных экспериментов; деривационные, выделяемые в ходе анализа лексических средств репрезентации концепта; дискурсивные, обнаруживаемые при анализе различных видов дискурса.

Так, анализ семантико-деривационной активности английских наименований ЛСГ “house”, “utensils”, “food”, “drink”, “clothes”, “furniture” и “amulet”, репрезентирующих базовые составляющие “периметра безопасности”, выявляет устойчивые двунаправленные связи между ними, формирующие компактную семантическую сеть [2].

Ценную информацию об организации концепта и его роли в навигной картине мира дает выявление и анализ его ассоциативных связей, в нашем случае — соответствующих связей его составляющих. Материалом исследования послужили данные “Edinburgh Word Association Thesaurus” [6], “Русского ассоциативного словаря” [5] и авторского эксперимента, проведенного в 2013–2014 гг. по аналогичной процедуре.

Ассоциативные поля слов-стимулов *безопасность / security, уют / comfort, семья / family, город / city / town, дом / home / house, одежда / clothes, мебель / furniture, посуда / utensils, пища / food, напиток / drink* обнаруживают достаточно сложную внутреннюю организацию (семантический гештальт). Выявляемые в их структуре кластеры репрезентируют релевантные для языкового сознания когнитивные признаки одноименных концептов и объективируют внутренние и внешние системные связи последних. При этом аналогичные русские и английские ассоциативные поля вполне сопоставимы по количеству и частично — по набору выделяемых кластеров, что обусловлено универсальностью, наднациональностью соответствующих концептов. Национальная же специфика прослеживается не только на качественном (несовпадающие кластеры), но и на количественном уровне. Основные отличия заключаются в суммарной частотности реакций, составляющих кластеры, что позволяет делать выводы об отличиях в степени релевантности соответствующих когнитивных признаков для национальных языковых сознаний.

Сопоставление данных “Русского ассоциативного словаря” (их сбор проводился в 1988–1990 гг.) и авторского эксперимента позволяет выявить трансформации, которые за прошедшую четверть века претерпел “периметр безопасности” как система

(изменения конфигурации связей между его составляющими) и объединяемые им концепты (изменения наборов актуализируемых когнитивных признаков и степени их релевантности), а также сделать выводы об эволюции картины мира и мировоззрения молодежи в целом. Так, обнаруживается устойчивая тенденция к сокращению количества и релевантности актуализируемых ассоциативными полями когнитивных признаков, элиминации агентивных ассоциаций, вырождению многообразия ответов респондентов к формуле “*стимул* [существительное] — это *реакция* [существительное]”, что свидетельствует о некотором упрощении и фрагментации картины мира.

Таким образом, “периметр безопасности” можно представить в виде фрейма, который, с одной стороны, интегрирует ряд универсальных концептов, с другой — сам прочно интегрирован в картину мира.

Он универсален на онтологическом уровне, имеет во многом сходную организацию как в английской, так и в русской картинах мира, при этом средства его репрезентации демонстрируют достаточный уровень национальной специфичности. “Периметр безопасности” является также динамическим образованием, эволюционирующим вместе со всей картиной мира.

Список литературы:

1. Михайлова О. А. Ограничения в лексической семантике русского слова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998. 30 с.
2. Морель Морель Д. А. Виды семантической деривации и проявления интеграционной активности концептов // Вестник СОГУ. Общественные науки. 2010. № 4. С. 132–138.
3. Морель Морель Д. А. Междисциплинарный характер концепта “периметр безопасности” // Язык и ментальность. СПб. : СПбГУ, 2010. С. 459–463.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки, 2001. 191 с.
5. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>. (Дата обращения: 10.07.2014).
6. Edinburgh Word Association Thesaurus [Electronic Resource]. URL: <http://www.eat.rl.ac.uk>. (Дата обращения: 13.04.2012).
7. Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. P.: A. Michel, 1965. V. 2. 285 p.

Сведения об авторе: Морель Морель Дмитрий Александр, к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия; email: morel@bsu.edu.ru.

REFLEXIVE CONCEPT “SECURITY PERIMETER” IN THE NAÏVE PICTURE OF THE WORLD

Dmitriy A. Morel Morel

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of foreign languages and professional communication, Belgorod National Research University, Russia; email: morel@bsu.edu.ru

Abstract

The article shows the structure of “security perimeter” concept (term by A. Leroi-Gourhan) which is a framework compound of some basic, universal concepts on the one hand and a specific coordinate system structuring the anthropocentric picture of the world on the other. It could be represented as a system of concentric rings extending from the “I-center” which correspond to ambient zones with different levels of assimilation, and consequently safety, and to reference groups of different levels. Then follow the analysis and comparison of structure and relations of constituents of this concept (“security / safety”, “comfort”, “family”, “city / town”, “home”, “clothes”, “food” etc.) in Russian and British naïve pictures of the world involving data of “Edinburgh Word Association Thesaurus” and “Russian Associative Dictionary”. Besides, comparing materials of the latter with the results of author’s association experiment lets reveal dynamics of the corresponding fragment of the Russian picture of the world for the last decades.

Key words: concept, naïve picture of the world, security perimeter, association, associative field.

References:

1. Mikhailova, O. A. (1998). *Ogranicheniia v leksicheskoi semantike russkogo slova* [Restrictions in the lexical semantics of a Russian word]. Unpublished doctoral dissertation. Yekaterinburg.
2. Morel’ Morel’, D. A. (2010). Vidy semanticheskoi derivatsii i proiavleniia integratsionnoi aktivnosti kontseptov [Kinds of semantic derivation and manifestations of concepts’ integration activity]. *Vestnik SOGU. Obshchestvennyye nauki*, 4, 132–138.
3. Morel’ Morel’ D. A. (2010). Mezhdistsiplinarnyi kharakter kontsepta “perimetr bezopasnosti” [Interdisciplinary nature of concept “security perimeter”]. In *Iazyk i mental’nost’* (pp. 459–463). Saint-Petersburg: SPbGU.
4. Popova, Z. D. & Sternin, I. A. (2001). *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh: Istoki.
5. *Russkii assotsiativnyi slovar’* [Russian associative dictionary]. (2009). Retrieved July 10, 2014, from <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>
6. *Edinburgh Word Association Thesaurus*. (2008). Retrieved April 13, 2012, from <http://www.eat.rl.ac.uk>
7. Leroi-Gourhan, A. (1965). *Le geste et la parole* [Gesture and speech] (Vol. 2). Paris: A. Michel.

Лингвопрагматический аспект маркетинговых приемов продвижения товаров народного пользования на рынке

(на материале русского и английского языков)

Н. А. Наумова

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Владимирский филиал

Аннотация

Представленный доклад посвящен рассмотрению особенностей лингвопрагматического нарушения языковых норм в рекламном дискурсе и сопутствующих маркетинговых приемах как механизме привлечения потребительского спроса на рынке товаров народного пользования, и в частности, продуктов питания. Предметом исследования являются различные стилистические языковые ошибки в текстах современных реклам, рекламных слоганов и наименований продукции, представляющие собой ряд намеренных маркетинговых приемов. Анализу подвергнуто около 150 примеров (80 и 70 рекламных единиц на русском и английском языках соответственно), извлеченных из современных русско- и англоязычных рекламных сообщений в печатных и аудиовизуальных средствах массовой информации. Попытки классифицировать речевые стилистические ошибки в собственно языковых ярусах доказывают, что принципиальные и динамичные нарушения языковых норм происходят на самых подвижных и чувствительных уровнях — лексическом, семантическом и визуально-графическом. С одной стороны, с помощью таких изменений у реципиентов быстрее всего формируется нужный образ “привлекательного” товара, который, с другой стороны, позволяет рекламодателям достичь желаемого эффекта.

Ключевые слова: рекламный текст, языковая норма, выразительные средства языка, маркетинговые технологии и приемы, лингвопрагматический аспект.

На рынке потребительских товаров и услуг наиболее эффективным видом продвижения является реклама, стимулирование сбыта и формирование общественного мнения. Рекламный текст как разновидность массовой коммуникации, основанной на использовании выразительных возможностей средств языка всех уровней, оказывает значительное влияние на формирование различных стереотипов потребителей, создание образа “идеального” товара и определение стратегии поведения и мировоззрения в данном ключе.

Актуальность темы вызвана развитием и формированием в России новой коммуникационной среды в последнее десятилетие XX столетия, мощное развитие рекламного бизнеса и, соответственно, необходимости анализа, описания и систематизации стилистических особенностей рекламного текста. Первоначальное использование достижений зарубежных разработок по маркетингу и креативному решению тех или иных рекламных кампаний в последнее время резко сменилось тенденцией к разработкам собственного, отечественного креатива.

Целью настоящей статьи является рассмотрение особенностей стилистического нарушения языковых норм в рекламе, а также сопутствующих маркетинговых приемов и механизмов привлечения потребительского спроса на рынке товаров народного пользования, в частности, продуктов питания. Предметом исследования являются различные намеренные языковые ошибки в текстах современных реклам, рекламных слоганов и наименований продукции, которые составляют общий корпус исследования и насчитывают 150 примеров (80 и 70 рекламных единиц на русском и английском языках соответственно).

В достижении целей рекламы, ее успешного психологического воздействия рекламный текст играет огромную роль. Маркетологи отмечают, что рекламное сообщение — это сочинение нехудожественной литературы [4, с. 38]. Цели рекламного текста определяются следующим образом: довести до сведения потенциального клиента информацию о наличии товара, услуги; склонить клиента к мысли о необходимости приобретения этого товара или услуги, приводя соответствующие доводы в пользу претворения этой мысли в жизнь; заставить клиента желать этот товар, услугу, побудив мечтать о нем, мысленно представляя его [2, с. 43].

В связи с этим особое значение при рассмотрении специальных текстов внутри рекламного дискурса приобретают *принципы композиционного построения рекламного текста*, понятие *языковой нормы* и маркетинговые приемы *стилистического нарушения* лексико-грамматических норм в целях привлечения внимания потребителей.

1. *Рекламный текст* должен быть безукоризненным с точки зрения художественного восприятия потребителем. Он должен быть “читабельным” во всех отношениях, изложен образным, привлекательным языком, с требуемым вкусом [4].

Исследователи говорят о существовании *структуры рекламного текста*, его композиции. Она может включать в себя следующие части: слоган (краткий рекламный девиз), зачин (расшифровка слогана), информационный блок (мотивация покупателя), справочные сведения (адреса, телефоны), эхо-фразу (повторение слогана) [5].

Очевидно, что не каждое рекламное обращение содержит все перечисленные элементы. Целесообразность включения в сообщение каждого из них определяется исходя из конкретных сложившихся условий.

2. Кроме своей особой структуры, рекламный текст обладает необходимыми графическими, лексическими и грамматическими особенностями, связанными с понятием *языковой нормы*.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре *языковая норма* представлена как совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации [3].

Стоит отметить, что понятия нормы в грамматике и стилистике не совпадают. Стиль является специфической чертой подязыка, а именно одного из вариантов реализации общенародного языка, используемый ограниченной группой его носителей в условиях как официального, так и неофициального общения. Язык рекламы является отклонением от литературной нормы [6]. Его отклонения проявляются в нарушении лексико-грамматических норм (транспозиций) [1].

3. Арсенал средств для привлечения внимания, пробуждения доверия и убеждения весьма разнообразен. Попытки классифицировать речевые стилистические ошибки в собственно языковых ярусах доказывают, что принципиальные и динамичные нарушения языковых норм происходят на самых подвижных и чувствительных уровнях — лексическом, семантическом и визуально-графическом, с помощью которых у реципиентов быстрее всего формируется нужный образ, помогающий рекламоделателям достичь желаемого эффекта.

Представляется возможным предложить следующую классификацию *маркетинговых приемов стилистического нарушения лексико-грамматических норм* (соответственно частотности их употребления в рекламных текстах примеров):

1) окказионализмы:

- от названия брендов и продуктов (*Лимонадно-буратинит, Тархунизирует, Максимизируйся!*; *Thornetto, Jell-O*);
 - с помощью элементов звукоподражания (*Молочная му-рёна, Агуша, Нямик; Miaow-Miaow, Ice Cream Brrrrger*);
 - от слов тематической группы объекта рекламы (*Вкусландия, Ломтишка, Восхрустительно вкусно, Хрустающий Тук; Chicken corsage, Pizza Hut, Mint Ogre-load*);
- 2) аллюзии на известные культурологические феномены (*Беспечный едок, Кекс-Пекс; Ben & Jerry's, Pulp Kitchen*);
- 3) графическое оформление:
- в русском языке использование слов-основ английских слов или слов, в написании которых используется латиница (*Хрустят, Kostostars, Сыр ball*);
 - в английском языке использование сокращений и курсивно-выделительных приемов (*Mac n'cheese, M&M's, Whole Grain — Like a Bo\$\$*);
- 4) каламбуры (*Спелёнок; AlphaBits*).

В XXI веке рекламное дело находится в стадии теоретического и этического самосознания, что является необходимым условием его творческой зрелости и культурного самоопределения. Этим объясняется неослабевающий интерес к дальнейшему изучению специфики рекламы, описанию используемых в ней приемов, стратегий и методов воздействия на потребителя, а также анализу лингвопрагматических средств их выражения.

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М. : Флинта ; Наука, 2002. 384 с.
2. Дейян А. Реклама. М. : Сирин, 2002. 144 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / сост. и гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
4. Мосеев Р. Н. Язык рекламы // Секретарское дело. М. : Интел-Синтез, 2005. № 2. С. 36–40.
5. Ромат Е. В. Реклама. Киев, Харьков : НВФ “Студцентр”, 1999. 480 с.
6. Скрёбнев Ю. М. Основы стилистики английского языка. М. : Астрель, 2003. 221 с.

Сведения об авторе: Наумова Наталья Александровна, к.ф.н., доцент кафедры “Философия, история, право” Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации”; email: natasha_nau@list.ru

LINGUO-PRAGMATIC ASPECT OF THE MARKETING METHODS OF GOODS PROMOTION AT CONSUMER MARKET (RUSSIAN AND ENGLISH ADS REVIEWED)

Natalya A. Naumova

PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Philosophy, History, Law at the Vladimir branch of Financial University under the Government of the Russian Federation;
email: natash_nau@list.ru

Abstract

The report reviews the peculiarities of the advertising discourse and the related marketing methods which serve the linguo-pragmatic factor to provoke the break of the language norm as a special mechanism to draw the consumer’s demand at the consumer food market. The research is focused on different stylistic language mistakes in today’s advertising texts, advertising slogans, tags, mottoes and goods names. Such mistakes are generally combined and represented as several intentional marketing tricks. The author examines about 150 advertising examples (80 Russian

and 70 English advertising units) taken from present-day Russian and English advertising messages in print and audio-visual mass media. The attempts to classify stylistic speech mistakes in proper language layers make it possible to denote that fundamental and dynamic breaks of the language norm appear at the most flexible and changeable levels. On the one hand, the changes on lexical, semantic and graphical levels help to produce and suggest the recipients the necessary image of the goods, and on the other hand, let the advertisers achieve the expected result.

Key words: advertising text, language norm, stylistic devices, marketing technologies, methods and tricks, linguo-pragmatic aspect.

References:

1. Arnol'd, I. V. (2002). *Stilistika sovremennogo angliiskogo iazyka* [Stylistics of Modern English]. Moscow: Flinta, Nauka.
2. Deiiian, A. (2002). *Reklama* [Adverticement]. Moscow: Sirin.
3. Iartseva, V.N. (Ed.). (1990). *Lingvisticheskie entsiklopedicheskie slovar'* [Linguistic Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
4. Moseev, R. N. (2005). *Iazyk reklamy* [Advertisement language]. *Sekretarskoe delo*, 2. P. 36–40.
5. Romat, E. V. (1999). *Reklama* [Advertisement]. Kiev, Khar'kov: NVF "Studtsentr".
6. Skrebnev, Iu. M. (2003). *Osnovy stilistiki angliiskogo iazyka* [Stylistics of the English Language]. Moscow: Astrel'.

Созидательное речевое воздействие в психологии, педагогике и повседневной жизни

В. В. Нохрина

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Вопрос речевого воздействия, как правило, сводится к обсуждению манипулятивных техник воздействия на сознание слушателя с тем, чтобы приобщить его к убеждениям говорящего, принудить к действию, необходимому говорящему, или извлечь любую другую выгоду. Однако, поскольку воздействие является одной из основных функций речи, но не всякое воздействие манипулятивно, следует различать и созидательное речевое воздействие, направленное на развитие личности слушающего, его способности к рефлексии,

ответственности — его субъектности, что особенно важно для психологии и педагогики, но актуально также и для повседневного общения.

Ключевые слова: речевое воздействие, субъектность, рефлексия.

Сознание создается посредством знаков.
Л. С. Выготский

Человеческая речь — это уникальная способность, не только отличающая человека и выделяющая его из мира живой природы, но и, находясь в отношениях созависимости с мышлением и сознанием, дающая невероятные возможности развития, неподвластные никаким другим существам.

Вильгельм фон Гумбольдт считал, что “сущность мышления состоит в рефлексии, то есть в различении мыслящего и предмета мысли” [2, с. 301], а язык, в свою очередь, возникает “с первым актом рефлексии”, когда человек “пробуждается к самосознанию” [Там же] и начинает отделять себя от внешнего мира, субъект от объекта. Так, речь, будучи индивидуальным, субъективным проявлением объективного языка, существующего вне зависимости от сознания субъекта, представляет собой инструмент созидания рефлекслирующего сознания.

Основной функцией речи А. А. Леонтьев называет воздействие [5, с. 244], и, хотя речевому воздействию посвящено огромное количество литературы, не все аспекты этого воздействия принимают во внимание. Так, Е. Ф. Тарасов определяет речевое воздействие в широком смысле, как “любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, это речевое общение, описанное с позиции одного из коммуникантов, когда он рассматривает себя как субъект воздействия, полагая своего собеседника объектом” [7, с. 5]. Субъект в данном случае вполне соответствует своему определению как индивида, познающего внешний мир (объект) и воздействующего на него в своей практической деятельности [9], но его собеседник лишается необходимых человеку качеств, поскольку объект не имеет модификаций, подобных тем, какие можно обнаружить у субъекта, утрачивает свою неповторимость и приравнивается ко всем другим объектам, в то время как субъект обладает индивидуальностью [3, с. 107, 148]. Очевидно, что если мы отказываем собеседнику в обладании индивидуальностью, то речь идет о манипулятивном воздействии, все методы которого направлены на склонение собеседника к действию в наших интересах. Однако восприятие не является пассивным приемом и запечатлением получаемой информации, а предполагает активную деятельность слушающего, в сознании которого получаемая информация преломляется в связи с его собственными личностными смыслами и жизненным опытом.

Поскольку “сознание включено в познавательную активность людей, которая начинается с процесса восприятия, приводящего к конструированию чувственного образа объекта восприятия, и продолжается процессом сознания, где чувственный образ становится объектом рефлексии субъекта познания” [8, с. 27], что, кстати, происходит при непосредственном участии языка, выраженного в речи, очевидно, что собеседник, воспринимающий речь, также является субъектом деятельности.

Так, М. С. Каган настаивает на необходимости понимать общение как субъект-субъектное взаимодействие, при “котором участники единого действия выступают как равно активные и равно свободные партнеры, ориентирующиеся друг на друга именно как на инициативно-самодействующих субъектов, каждый из которых должен вносить свою лепту активности, целенаправленности, сознания и самосознания, избирательности и свободы в достижение общего результата не как объект, пассивно выполняющий чужую волю, команды и указания, получаемые извне, а как субъект, свободно избирающий линию своего поведения и относящийся к своим сотрудникам, соавторам, партнерам как к субъектам же” [3, с. 128–129]. То есть воспринимая собеседника как субъекта, мы признаем его активность, осознанность, ответственность и рефлексивность, которые являются не только качествами субъекта, но и высшим уровнем развития личности [1, с. 168]. В этом и состоит понятие субъектности.

Так, имея в виду субъект-субъектные отношения, следует предполагать возможность созидательного речевого воздействия, целью которого будет пробуждение субъектного (активного, ответственного, рефлексивного) отношения собеседника к себе и миру, поскольку “для человека как субъекта сознания особенно существенно, что именно в ходе рефлексии он формирует и развивает свои цели, т. е. цели деятельности, общения, поведения, созерцания и других видов активности. При этом он осознает хотя бы частично некоторые из своих мотивов, последствия совершаемых действий и поступков и т.д.” [6, с. 46].

Признание в собеседнике субъекта, а также понятие субъектности не являются чем-то новым для психологии, где человек в рамках акмеологии рассматривается на высшем для него уровне активности, целостности, автономности” [Там же], то есть как субъект, обладающий такими качествами, как целеустремленность, рефлексивность, свобода, предполагающая ответственность за последствия выбора, развитие, поскольку, только развиваясь, субъект способен действовать в изменяющейся среде [Там же, с. 48].

Однако, как пишет А. С. Костомаров, “субъект первоначально не имеет доступа к своей субъективности, она есть та форма, которой он должен овладеть и которую он должен освоить. Поэтому субъект-

тивность изначально существует как неявная, скрытая по отношению к субъекту. В то же время подчеркивается, что целостность, конкретность бытия дается субъекту именно через обнаружение, овладение своей субъективностью» [4]. Остается добавить, что через такое овладение своей субъективностью, посредством дальнейшей рефлексии, возможно и достижение субъектности как высшего уровня развития личности. Такую возможность дает межсубъектное взаимодействие — общение, при котором оба общающихся субъекта видят друг в друге не объект воздействия, а другого субъекта.

Если для психологии подобное видение, благодаря гуманистическому подходу Карла Роджерса, уже не ново, то для педагогики оно только начинает приобретать популярность среди педагогов, которые видят в своих учениках и студентах не объекты воспитания и обучения, а хотят вырастить из них полноценную личность, обладающую субъектностью. Совершенно очевидно, что подобный подход к воспитанию необходим не только педагогам и психологам, но и родителям.

Особенный интерес, однако, представляет сфера повседневного, бытового общения, обладающая в этом плане невероятным потенциалом, поскольку каждый субъект, принимая в собеседнике другого субъекта, может уже на этапе речепорождения проявлять свою субъектность, осознанно выбирая такие языковые средства, которые будут выражать именно то, что он намеревается сказать, ответственно принимая последствия своей речи, того, как его речь будет воспринята собеседником.

Список литературы:

1. Бодалев А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М. : Флинта : Наука, 1998. 168 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М. : ОАО ИГ “Прогресс”, 2000. 400 с.
3. Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М. : Политиздат, 1988. 319 с.
4. Костомаров А. С. Субъективность как бытие от первого лица // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 8/1 (99).
5. Леонтьев. А. А. Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. М. : Наука, 1974.
6. Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М. : Когито-Центр, 2009. 208 с.
7. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука, 1990. 240 с.
8. Тарасов Е. Ф. Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4 (22). С. 26–35.
9. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004.

Сведения об авторе: Влада Валерьевна Нохрина, специалист по учебно-методической работе, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; email: vlada.nokhrina@gmail.com

CONSTRUCTIVE SPEECH INFLUENCE IN PSYCHOLOGY, TEACHING AND EVERYDAY LIFE

Vlada V. Nokhrina

Methodologist, Lomonosov Moscow State University;
email: vlada.nokhrina@gmail.com

Abstract

One of the main functions of speech is influencing the listener; however, the influence may be either manipulative or constructive and the manipulative one — aimed at the speaker's interests — is mostly discussed in literature while the constructive one stays almost invisible for researchers. Hence, the constructive influence of speech, which is aimed at a listener's personal development and thus is most important for psychology and teaching but is also crucial for everyday life, seems to be a quite promising topic for further investigation.

Key words: speech influence, personal development, subjectivity, reflexion.

References:

1. Bodalev, A. A. (1998). *Vershina v razvitii vzroslogo cheloveka: harakteristiki i uslovija dostizhenija*. [The paramount point of personal development: characteristics and conditions of achievement]. M.: Flinta: Nauka.
2. Humboldt, W. fon. (2000). *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected works on language studies]. M.: Progress.
3. Kagan, M. S. (1988). *Mir obshhenija: Problema mezhsob'ektnyh otnoshenij* [The problem of intersubjective relationships]. M.: Politizdat.
4. Kostomarov, A. S. (2010). Sub'ektivnost' kak bytie ot pervogo lica. [Subjectivity as first person being] // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8/1 (99).
5. Leont'ev, A. A. (1974). Funkcii i formy rechi [The functions and forms of speech] // *Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti*. M.: Nauka.
6. Lepskij, V. E. (2009). *Sub'ektno-orientirovannyj podhod k innovacionnomu ravitiiju* [The subject oriented approach to innovational development]. M.: Kogito-Centr.
7. Tarasov, E. F. (1990). Rechevoe vozdejstvie: metodologija i teorija [Speech influence: methodology and theory] // *Optimizacija rechevogo vozdejstvija*. M.: Nauka.
8. Tarasov, E. F. (2014). Prolegomeny k teorii jazykovogo soznaniija. [Prolegomena to the theory of language consciousness] // *Voprosy psiholingvistiki*, 4 (22), 26–35.
9. Ivin, A. A. (Ed.). (2004). *Filosofija: Jenciklopedicheskij slovar'*. [Encyclopedic dictionary of philosophy]. M.: Gardariki. Pod redakciej.

Социальная сеть как инструмент формирования коммуникативной компетенции студентов бакалавриата

О. В. Павлова

Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Аннотация

Учитывая существующую практику пребывания студентов в социальных сетях значительную часть своего учебного и свободного времени, преподавателем были созданы студенческие сетевые сообщества на базе нескольких факультетов СГУ им. Н. Г. Чернышевского с несколькими целями: образовательной и научной. Образовательная цель включает в себя задачу овладения иностранным языком, а научная — изучение формирования коммуникативной компетенции студентов в сети интернет. До начала проекта и во время его внедрения автором проводились наблюдения, беседы, анкетирование студентов. В статье приводятся результаты исследования, а также даются методические рекомендации по взаимодействию преподавателя и студентов в социальной сети.

Ключевые слова: социальная сеть, сетевые сообщества, студенты бакалавриата, коммуникативная компетенция.

В современном образовании, использующем проверенные традиционные подходы в обучении и воспитании молодого поколения, новые информационные технологии бросают вызов, который педагоги вынуждены принять, иначе социокультурная связь между ними и их студентами может так и не установиться. Как гармонично сочетать классические культурные ценности и высокотехнологичное информационное пространство, которое является по сути своей эклектичным и поликультурным? Как педагогу установить диалог со студентами новой формации? Возможно ли эффективное обучение и воспитание в рамках нового цифрового поля? [1, с. 118].

Интернет-технологии становятся частью образовательной среды. Ресурсы социальных сетей также привлекают педагогов, и они начинают включать их в свою практику.

Нами также была принята идея использовать социальные сети в качестве инструмента при формировании коммуникативной компетенции студентов бакалавриата. Учитывая существующую студенческую практику пребывания студентов в социальных сетях значительную часть своего учебного и свободного времени, мы на

базе факультетов компьютерных наук и компьютерных технологий (КНиИТ) и экономического факультета создали студенческие сетевые сообщества с несколькими целями: образовательной и научной. Образовательная цель включает в себя задачу овладения иностранным языком, а научная — изучение формирования коммуникативной компетенции студентов в сети интернет. До начала проекта и во время его внедрения нами проводились наблюдения, беседы и анкетирования со студентами и преподавателями. Результатами этих методов исследования стали интересные факты. Например, 100% респондентов среди студентов бакалавриата являются пользователями социальных сетей. Основные цели использования соцсети: личное общение, обмен различной информацией: новости, музыка, кинофильмы и т. п. Среди преимуществ социальных сетей студенты видят возможность круглосуточной связи, скорость, бесплатные сервисы, психологическую и операциональную комфортность.

Для большинства студентов бакалавриата (около 98%) социальная сеть — это всего лишь продолжение общения в виртуальной среде с друзьями и знакомыми, контакт с которыми был установлен ранее в базовой реальности. Также было установлено, что 98% респондентов-студентов все-таки считают сетевое общение неполноценным, среди ответов на вопрос полноценности / неполноценности общения в Сети характерны такие высказывания, как: “ты не видишь этого человека вживую, а вдруг он террорист?”, “я не вижу собеседника”, “общение должно быть живым”, “ты не видишь эмоций и жестов человека”, “это не заменит встречу и общение с человеком вживую”, “живое общение всегда лучше”, “нужен личный контакт”. Есть и уточнения по поводу общения в Сети: один из респондентов написал, что всё зависит от собеседника, и с некоторыми из них лучше общаться в Сети.

Социальная сеть “ВКонтакте” позволила нам создать в ней сообщества студентов СГУ им. Н. Г. Чернышевского, изучающих английский язык. В проекте участвовали студенты первого и второго курсов факультета компьютерных наук и информационных технологий и экономического факультета. Главная цель проекта: формирование коммуникативной компетенции студентов бакалавриата в сети интернет.

Группа может быть закрытой и открытой. Мы рекомендуем создавать закрытые группы, так как открытые группы подвержены активному воздействию “случайных” пользователей и различного рода спама.

Формирование коммуникативной компетенции в интернете предполагает готовность вести диалог, формулировать свои высказывания, аргументировать свою точку зрения, полемизировать. Благодаря сервису “Обсуждения” можно обсудить заданную руководителем сообщества тему.

Участие в образовательном сетевом сообществе также приводит студентов к осознанию того, что ошибки в письме ярко заявляют

об уровне грамотности отправителя. Они начинают ответственнее и тщательнее подходить к составлению письменного сообщения, повышая, таким образом, свой уровень грамотности.

Так как имеющиеся сервисы позволяют загружать материалы разнообразных форматов, то их можно использовать для размещения проектных работ, таких как видеоролики студентов, презентации, эссе, посты и др. Здесь же участникам группы можно оставить комментарий по поводу просмотренного материала и оценить работу.

Не все студенты открыты для общения с преподавателями в социальной сети. Результаты анкетирования показали, что чуть более 20% респондентов не испытывают потребности взаимодействовать с преподавателями в соцсети; 60% готовы общаться, но не со всеми педагогами; и около 20% готовы к взаимодействию с педагогами в пространстве социальной сети.

Отвечая на вопрос “Что вам дает общение / взаимодействие с преподавателями в социальной сети?”, подавляющее большинство студентов сказали о возможности получения оперативной и точной информации от педагога о пройденном материале, домашнем задании и студенческих мероприятиях. Сама социальная сеть, в частности “ВКонтакте”, и ее структура и сервисы настраивает на демократичное общение, которое иногда не удается осуществлять “офлайн”. Некоторые студенты отмечают, что сетевое взаимодействие помогло им улучшить общение с преподавателем в актуальной реалНельзя забывать и о том, что сам преподаватель является объектом изучения для студентов. Осознавая, что информация, размещенная на странице его профиля, просматривается студентами, которых он обучает, преподаватель должен иметь своего внутреннего цензора, отбирающего материал в соответствии с этим обстоятельством.

Взаимодействие со студентами в социальной сети имеет свои особенности. Преподаватель должен иметь готовность к открытому общению, это требует от него определенных психологических установок: установки на демократичность общения, на некоторое смещение временных рамок, оперативность обратной связи, следование принципу актуальности предоставляемой информации, творческий подход к созданию контента и др. Преподавателю следует выстроить так виртуальное общение со своими студентами, чтобы взаимный коммуникативный стиль не упрощался.

Также особое внимание следует уделить такому вопросу, как оценка контента, создаваемого студентом в социальной сети. Результаты анкетирования показали, что примерно половине (47%) респондентов важна оценка их творчества в Сети и они регулярно просматривают комментарии и количество “лайков”, другие 45% не придают большого значения оценке другими пользователями, но просматривают комментарии. И лишь 7% студентов не важна посторонняя оценка

своего контента, и одной из причин такого отношения к обратной связи является отсутствие желания проявления творческой деятельности в Сети: страницы профиля таких пользователей обычно пусты.

Формирование навыков письма на иностранном языке “Writing” осуществляется также на страничках группы при публикации студентами своих эссе, научных статей, мнений и комментариев на заданную педагогом тему (политика, новости науки, case-study — ситуационное обучение).

Таким образом, создание сообщества на базе социальной сети, в частности “ВКонтакте”, решает ряд важнейших задач образовательного процесса:

- консолидация студентов и преподавателя;
- развитие общезыкового и иноязычного навыков и умений;
- управление преподавателем учебной деятельностью студентов и самоуправление, осуществляемое студентами;
- развитие творческих и исследовательских навыков и умений;
- социокультурное формирование личности студента;
- формирование общей коммуникативной компетенции студента в сети интернет.

Список литературы:

1. Павлова О. В., Капичникова О. Б. Формирование коммуникативной компетенции студентов в сети Интернет // *Alma Mater. Вестник высшей школы*. 2013. № 11. С. 117–119.

Сведения об авторе: Ольга Вячеславовна Павлова, преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и лингводидактики, Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия;
email: oliapavl2013@yandex.ru

SOCIAL NETWORK AS A TOOL OF FORMING OF BACHELOR STUDENTS` COMMUNICATIVE COMPETENCE

Olga V. Pavlova

Teacher, Chernyshevskii National Research Saratov State University, Faculty of Foreign Languages and Language Teaching Methods, Department of English Language and Intercultural Communication, Saratov, Russia;
email: oliapavl2013@yandex.ru

Abstract

Taking into consideration the current practice of students` stay in social networks a significant part of their leisure and study time the teacher

created student online communities on the basis of several faculties of Saratov State University with educational and research goals. Educational goal includes the task of mastering the foreign language; the research goal is the study of forming of students' communicative competence on the Internet. Before the project and during its implementation the author carried out observations, interviews, and questionnaires of students. The article presents the results of the research and provides methodical recommendations for the interaction of the teacher and students in the social network. The creation of an online community solves a number of the most important tasks of the educational process: consolidation of students and the teacher, the development of common language and foreign language skills; socio-cultural forming of students' personality; forming of students' common communicative competence on the Internet.

Key words: social network, online communities, bachelor students, communicative competence.

References:

1. Pavlova, O. V., Kapichnikova, O. B. (2013). Formirovanie kommunika-tivnoi kompetensii studentov v seti Internet [Forming of students' communicative competence on the Internet]. Alma Mater. *Vestnik vysshej shkoly*, 11, 117–119.

О типах полисемии английских слов, связанных по конверсии

А. Д. Прянишникова

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Работа посвящена проблеме полисемии английских слов, связанных в словарной паре с помощью конверсии. Изучение различных аспектов проявления многозначности при взаимодействии словообразовательной и лексической полисемии в связанных по конверсии английских лексемах *lecture* и *carpet* с помощью когнитивно-лингвистического подхода показывает варьирование принадлежности этих слов к лексико-семантической группировке и связь проявления типов полисемии и выражаемой в данных словах точки зрения на мир. Комплексное рассмотрение данной проблемы способствует интенсификации и результативности процесса преподавания при чтении учебной лекции по английскому словообразованию студентам и аспирантам гуманитарного вуза.

Ключевые слова: тип полисемии, лексическая полисемия, словообразовательная полисемия, лексико-семантический вариант, лексема, номинация, точка зрения.

Данная работа посвящена изучению проблемы взаимодействия типов полисемии в английских словах, связанных по конверсии. Тип полисемии понимается в статье как семантическое отношение между двумя попарно взятыми лексико-семантическими вариантами многозначного слова. Лексико-семантический вариант (ЛСВ) трактуется как вариант слова, то есть двусторонняя единица языка.

Аналогия как особый тип полисемии, характерный для слов, связанных по конверсии, выделена М. Бреалем [1]. Г. Стерн, анализируя такие типы семантических изменений, как номинация и смена точки зрения, показывает, что слово может изменять значение, в частности с помощью иронии [2, с. 336–339].

В соответствии с теорией лексической полисемии А. Д. Кошелева любой перенос значения происходит на основе прямого значения слова. При этом референт осмысливается как состоящий из двух сущностей. Если называемое словом предметно, то референт слова существует как физический наблюдаемый объект и как его предметный прототипический представитель в ситуации своего физического нахождения и физически воспринимаемых действий с ним. При этом человек может или хочет произвести какое-то действие с референтом. Информация о возможном использовании референта помещена в семантическое ядро. Соответственно, метафорический перенос конкретного прямого обозначения происходит при замене прототипического референта на другой, обладающий тем же качеством (пример “тарелка” — плоская). Метафорический перенос абстрактного имени происходит на основе ядра: пример “цель” — любое желаемое [3, с. 123–154].

В данной статье анализ типов полисемии в лексемах *lecture* и *carpet* проводится на основе онлайн-ового учебного словаря Макмиллан.

Существительное *lecture* по своему прямому значению входит в группу социальных коммуникативных действий. Первый ЛСВ в свободном значении относится к ситуации учебного занятия: *The course will be taught through a series of lectures and seminars*. Время проведения действия, которое выражено в существительном *lecture* в приведенной словарной иллюстрации, может быть интерпретировано как фоновое. В связанных значениях первый ЛСВ существительного *lecture* относится к общественному или учебному событию: *a lecture on Dickens*. *Tomorrow she will be giving a lecture at London University*. В данных примерах выражаемое в слове время воспринимается как актуальное.

При актуализации второго ЛСВ существительное *lecture* относится к ситуации личного речевого взаимодействия: *I don't need any lectures from you about being late!* В приведенной иллюстрации

выражаемое существительным *lecture* время действия воспринимается как актуальное.

Первый ЛСВ глагола *lecture*, по данным словарной статьи указанного словаря [4], демонстрирует связанное значение: *She lectures on Greek Literature at the Sorbonne*. При этом глагол *lecture* относится к ситуации учебного занятия. Выражаемое глаголом *lecture* время в процитированном примере — фоновое. Второй ЛСВ глагола *lecture* относится к ситуации личного речевого взаимодействия: *My doctor's been lecturing me on the dangers of not getting enough exercise*. Выражаемое глаголом *lecture* время воспринимается как актуальное.

Сопоставление полученных результатов выявляет аналогию лексической полисемии двух слов и подводит к вопросу, какое из этих слов было первым употреблено в функции иронического эпитета. Обращение к этимологическому словарю [5] показывает, что ухудшение значения претерпел глагол, а существительное, напротив, первоначально выявило смену ролей в сторону повышения социального статуса участника: ученик => учитель.

Анализ словообразовательной полисемии ставит вопрос о том, как образовался второй ЛСВ глагола *lecture*: только лексическим путем или при этом было и образование глагола по конверсии от существительного. Этот вопрос кажется правомерным потому, что словообразовательные значения двух лексико-семантических вариантов глагола *lecture* отличаются друг от друга. Это соответственно: N => V [Ag-means-loc] (DO, SAY), как в примере *She lectures on Greek Literature at the Sorbonne*, и N => V [Ag-instr-Pat] (DO, SAY- LISTEN + BAD), как в примере *My doctor's been lecturing me on the dangers of not getting enough exercise*. Второй ЛСВ существительного *lecture* образован в результате реконверсии от второго ЛСВ глагола *lecture*: V => N [Ag-action (process)].

Между первым и вторым ЛСВ существительного *carpet* есть отношение метафоры на основе объективных тактильно воспринимаемых признаков предмета *thick* и *soft*. Обозначаемое видимое пространство расширено. Но в связи с тем, что второй ЛСВ более абстрактен по значению, возможно, что в переносе участвует и ядро, а именно: признак использования предмета в целях создания уюта не актуализирован. Между первым и вторым ЛСВ глагола *carpet* собственно лексической полисемии установить не удается.

Анализ словообразовательной полисемии лексемы *carpet* выявляет существенное расхождение в семантике: N => V [Ag-means / instr] (do, use) (to cover the floor with a carpet) и N => V [experiencer-loc] (feel) (to criticize very severely).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что лексемы *lecture* и *carpet* имеют межсловную словообразовательную полисемию радиального типа и лексема *lecture* выявляет лексическую полисемию по аналогии.

Список литературы:

1. Breal M. Semantics: studies in the science of meaning. New York : H. Holt, London : Heinemann, 1900.
2. Stern G. Meaning and Change of Meaning. Gotenborg : Elanders Boktryckeri Aktiebolag.
3. Кошелев А. Д. О референциальном подходе к лексической полисемии // Язык и мысль. М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 123–154.
4. <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/>
5. etymonline.com›Etymology dictionary

Сведения об авторе: Алла Дмитриевна Прянишникова, к.ф.н., доцент, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; email: a.d.prianish252@yandex.ru

ON TYPES OF POLYSEMY OF ENGLISH WORDS RELATED BY CONVERSION

Alla D. Prianishnikova

PhD, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; email: a.d.prianish252@yandex.ru

Abstract

The paper deals with polysemy of English words related by conversion in a dictionary pair of words. The analysis of different manifestations of polysemy where lexical and word-formative polysemy interacts in the English lexemes “lecture” and “carpet” shows the variability of lexical semantic reference of the lexemes and the connection of polysemy manifestation and point of view expressed in these lexemes. A complex consideration of the problem can contribute to the efficiency of teaching English word formation to a college undergraduate and postgraduate students.

Key words: type of polysemy, lexical polysemy, word-formative polysemy, a lexical semantic variant of a word, a lexeme, nomination, point of view.

References:

1. Breal, M. (1900). Semantics: studies in the science of meaning. New York: H. Holt, London: Heinemann.
2. Stern, G. Meaning and Change of Meaning. Gotenborg;Elanders Boktryckeri Aktiebolag.
3. Koshelev, A. D. (2015). O referentsial'nom podkhode k leksicheskoi po-lisemii [O referentsialnom podhode k leksicheskoi polesimii (On the Referential approach to Lexical Polysemy)]. *Iazyk i mysl'*. M.: Yaziki slavianskoj kulturi. P. 123–154.
4. <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/>
5. etymonline.com›Etymology dictionary

Соотношение полипредикативного предложения с паратаксистом и гипотаксистом и текстовых единиц

К. И. Ракова

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Аннотация

Статья посвящена соотношению полипредикативного предложения с паратаксистом и гипотаксистом как единицы формально-грамматического уровня и текстовых единиц на материале произведений британских и американских авторов. Результаты исследования показали, что в основном полипредикативное предложение выступает частью минимальной текстовой единицы, но в единичных случаях может представлять минимальную текстовую единицу. Автор выявляет зависимость формальной организации, темпоральности и модальности от коммуникативных интенций автора и смысловой организации минимальной текстовой единицы. В ходе исследования было установлено, что для полипредикативных предложений, функционирующих в текстах художественной прозы, типичны такие явления, как симплификация структуры анализируемых конструкций, мономодальность или мономодальность. Специфической особенностью полипредикативного предложения с паратаксистом и гипотаксистом является реализация нескольких иллокуций в рамках конструкции.

Ключевые слова: полипредикативное предложение, паратактический комплекс, гипотактический комплекс, темпоральность, модальность.

В процессе речепорождения функционирует механизм объективации мысли в определенную языковую форму. Выбор оптимальной единицы, зависящей от коммуникативной целеустановки, происходит в системе вариативных рядов синтаксических моделей. Одной из таких единиц является полипредикативное предложение с паратаксистом и гипотаксистом. Исследование процесса реализации иллокутивных целей в больших и малых текстовых фрагментах весьма релевантно, поскольку лингвистика призвана, по словам Р. Барта, “проследить те формы и коды, через которые идет возникновение смыслов текста” [1].

Цель статьи — определить соотношение полипредикативного предложения с паратаксистом и гипотаксистом как единицы формально-грамматического уровня с текстовыми единицами на материале произведений британских и американских авторов.

В ходе исследования было выявлено, что в большинстве случаев полипредикативное предложение выступает частью минимальной текстовой единицы, однако ряд примеров свидетельствует о том, что анализируемая конструкция может функционировать как самостоятельная минимальная текстовая единица.

Полипредикативные конструкции различаются по количеству конститuentов, набору связей и их различной аранжировке, характеру взаимодействия между предикативными единицами. В соответствии с этими параметрами полипредикативное предложение с паратаксистом и гипотаксистом реализуется в шести типах: ядерной конструкции и в конструкциях с расширенными конститuentами [4, с. 159–160].

Выбор модели полипредикативного предложения с паратаксистом и гипотаксистом диктуется коммуникативным намерением автора:

She stood there like one paralyzed, staring at the man's head and the great curved hunch of his body under the clothes. When she began to think she thought very quickly, and all her thoughts worked together. The first vivid realization was that it wasn't the man's fault; it was her fault. She was in the wrong room [5].

Данный пример представляет собой минимальную текстовую единицу (по терминологии М. Я. Блоха — диктему), состоящую из четырех компонентов. Анализируемое предложение, занимающее срединное положение в диктеме, имеет ядерную структуру. Рассматриваемая диктема передает реакцию главной героини рассказа, которая по ошибке попала в соседний номер отеля. Автор привлекает внимание читателя к деталям, облекая их в отдельные предложения, которые, словно кадры фильма, рисуют описываемую ситуацию. Автор намерен разложить ситуацию на составные части, подчеркивая в той или иной степени содержательную значимость каждого из них, поэтому он использует несколько самостоятельных грамматических конструкций, среди которых ядерное полипредикативное предложение.

Если писатель желает подчеркнуть целостность ситуации или явления, единство объекта, всех его сторон и частей, он выбирает емкую конструкцию, обладающую большим текстовым потенциалом:

The man had a way of making her feel that she was altogether a rather remarkable woman, a person of subtle and exotic talents, fascinating beyond measure; and what a very different thing that was from the dentist husband at home who never succeeded in making her feel that she was anything but a sort of eternal patient, someone who dwelt in the waiting room silent among the magazine, seldom if ever nowadays to be called in to suffer the finicky precise ministrations of those clean pink hands [7].

Рамки представленного семичастного предложения и диктемы совпадают, что бывает довольно редко в художественной прозе. В предложении-диктеме сравнивается отношение двух мужчин к миссис Бигсби — полковника и ее мужа. Автор более четко концентрирует

внимание читателей на причинно-следственных связях и отношениях персонажей рассказа. Видимо, писатели осознанно или неосознанно пользуются аналитико-синтетическими операциями в творческом процессе, предполагающими соответствующие структурно-функциональные единицы художественного текста.

Следует отметить, что полипредикативное предложение с паратакисом и гипотакисом обладает большим коммуникативно-прагматическим потенциалом. Изучение функционирования полипредикативного предложения в различных типах текста, в частности в сценариях видеополфильмов, выявляет способность данных конструкций аккумулировать несколько иллокуций [2, с. 14], например:

I wanted to meet with my parents but can a human forgive the offense they have done to me, well I rather doubt [8].

В этом полипредикативном предложении переплетены репрезентатив (информация о том, что Энтони хотела встретиться с родителями) и вопросительная интенция; при этом запрос информации получает непосредственную реализацию в форме ответа (герой задает вопрос, можно ли забыть о детских обидах, и сам отвечает, что сомневается).

Любой компонент текстовой единицы вместе с другими компонентами строит ее континуум и модальность, в чем проявляется действие интеграции, основной категории текста, которая, “объединяя смыслы отдельных СФЕ, содержания отдельных главков, глав и пр. в единое целое, <...> нейтрализует относительную автосемантию этих частей и подчиняет их общей информации, заключенной в произведении” [3, с. 124].

В подавляющем большинстве случаев полипредикативное предложение с паратакисом и гипотакисом соответствует темпоральным и модальным параметрам текстовой единицы. Концептуальное или событийное время скрепляет содержательно-фактуальную информацию диктемы, реализованную в сфере определенного времени его конституентов. Увеличение числа предикативных единиц вызывает уменьшение количества темпоральных планов, порождая монотемпоральность и способствуя упрощению видовременных форм.

Анализ модальности полипредикативных предложений с сочетанием паратакиса и гипотакиса показал, что подавляющее большинство подобных предложений являются мономодальными и что увеличение количества предикативных единиц вызывает уменьшение числа модальных планов в предложении.

Таким образом, формальная организация полипредикативного предложения с паратакисом и гипотакисом в значительной степени детерминирована как коммуникативно-прагматическими характеристиками речевого произведения, так и особенностями смысловой организации текста.

Список литературы:

1. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По. http://adhdportal.com/book_2182_chapter_63_Tekstovojj_analiz_odnojj_novelly_ENHdgaraPo.html
2. Волошина Т. Г. Структурные особенности киносценарных текстов // Филология и проблемы преподавания иностранных языков. М. : Пресс Медиа, 2011. Вып. 8. С. 12–14.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Едиториал УРСС, 2004. 144 с.
4. Ракова К. И. Типы полипредикативного предложения с сочинением и подчинением в современном английском языке // Научная мысль Кавказа. Приложение 10. Ростов-на-Дону, 2004. С. 157–167.
5. Aumonier S. Miss Bracegirdle Does Her Duty: <http://www.bibliomania.com/0/5/85/1869/34897/1/frameset/html>
6. Andrus, M. As Good as It Gets / M. Andrus, J.J. Brooks // English online / abc-english-grammar.com. Haifa ; Israel, 2002–2011 : <http://abc-english-grammar.com/1/scripts.htm>.
7. Dahl R. Mrs. Bixby and the Colonel's Coat : <http://www.docstoc.com/docs/77785600/Mrs-Bixby-and-the-Colonels-Coat>

Сведения об авторе: Ксения Ивановна Ракова, к.ф.н., профессор, НИУ “БелГУ”, г. Белгород, Россия; email: xenia57@mail.ru

CORRELATION OF MULTIPLE COMPOUND-COMPLEX SENTENCES WITH TEXTUAL UNITS

Ksenia I. Rakova

Professor, National Research University, Belgorod, Russia;
email: xenia57@mail.ru

Abstract

The article focuses on the correlation of Multiple Complex-Compound Sentence as a unit of Formal Grammar with textual units based on the stories and novels by British and American writers. The results have shown that Multiple Complex-Compound Sentence is a constituent of a Minimal Textual Unit in most cases or may rarely serve as a Minimal Textual Unit. The author determines structural, temporal, modality dependence of Multiple Complex-Compound Sentences on semantic representation of texts and the writer's communicative intentions. Our findings seem to indicate that the phenomena of structure simplification, mono-modality and mono-temporality are quite typical for Multiple Complex-Compound Sentences used in fiction texts. One of the peculiarities of Multiple Complex-Compound Sentences is the combination of several illocutions within the construction.

Key words: Multiple Sentence, paratactic and hypotactic units, temporality, modality.

References:

1. Bart, R. *Tekstovoi analiz odnoi novelly Edgara Po* [The textual analysis of a story by Edgar Poe] http://adhdportal.com/book_2182_chapter_63_Tekstovojj_analiz_odnoj_novelly_EHdgaraPo.html
2. Voloshina, T. G. (2011). Strukturnye osobennosti stsenarnykh tekstov [The Structural peculiarities of Movie Scripts]. *Filologiya i problemy prepodavaniia inostrannykh iazykov*, 8, 12–14.
3. Galperin, I. R. (2004). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [The text as an object of linguistic research]. Moscow: Editorial URSS. 144 p.
4. Rakova, K. I. (2004). Tipy polipredikativnogo predlozheniia s sochineniem i podchineniem v sovremennom angliiskom iazyke [The types of Multiple Compound-Complex Sentences in Modern English]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza*, 10, 157–167.
5. Aumonier, S. Miss Bracegirdle Does Her Duty: <http://www.bibliomania.com/0/5/85/1869/34897/1/frameset/html>
6. Andrus, M. & Brooks, J. J. (2002–2011). *As Good as It Gets*. English online. Abc-english-grammar.com. Haifa, Israel : <http://abc-english-grammar.com/1/scripts.htm>
7. Dahl R. Mrs. Bixby and the Colonel's Coat : <http://www.docstoc.com/docs/77785600/Mrs-Bixby-and-the-Colonels-Coat>

КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В. В. Робустова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу когнитивных механизмов, лежащих в основе ономастической номинации, а также особенностям функционирования ономастической лексики в современном дискурсе. Ономастический анализ проводится на материале рассказа “The Bottom Line and the Sharp End” Fay Weldon. Ономастические единицы, использованные в рассказе, исследуются с точки зрения смысловой нагруженности, рассматриваются особенности их реализации как на системном, так и на дискурсивном уровнях. Освещаются этапы номинативного процесса, когнитивный механизм “профиль — база”, используются понятия “когнитивная ономастика”, “ономастическое пространство” и “ономастический концепт”. Выделяются и анали-

зируются функции ономастической лексики, а также прагматический аспект ее использования. Затрагивается вопрос особенностей вербализации ономастического знания, его декодирования разными реципиентами. Подчеркивается роль коммуникативного контекста и фоновых знаний для адекватной интерпретации информации, представленной именем собственным. Показаны особенности развития информационного потенциала ономастической единицы, ее реализация в дискурсе.

Ключевые слова: когнитивная ономастика, дискурс, ономастическое знание.

Когнитивный подход в лингвистике продолжает сохранять свою небывалую популярность и мотивировать все больше и больше исследований в когнитивном ключе. Какой только языковой материал не изучался с точки зрения когнитивистики, что в большинстве случаев оправдано невозможностью раскрыть те или иные аспекты с помощью традиционных методов лингвистического анализа. Имена собственные не являются исключением. Исследовательские работы в русле ономастики не отличаются массовостью, однако характеризуются постоянным интересом ученых к процессу номинации и имени как результату данной деятельности.

Цель настоящей статьи — показать особенности когнитивно-функциональной установки ономастических единиц в дискурсе на примере рассказа “The Bottom Line and the Sharp End” Fay Weldon, тем самым наметить перспективы ономастических исследований в рамках когнитивно-функционального подхода. Изучение имен собственных с точки зрения когнитивного подхода открывает возможность проследить, как представлена и упакована информация в конкретном ониме, какие когнитивные механизмы используются для кодирования и транслирования информации. Изучением данных вопросов занимается когнитивная ономастика, которую можно определить как научное направление, изучающее способы представления, хранения и передачи информации / знания в именах собственных [1, с. 41].

В когнитивной ономастике выделяются три основных направления исследований:

- 1) изучение ономастических концептов (концепт “Mr Chips”);
- 2) изучение концептов, объективированных именами собственными (концепт “учитель” — Miss Jean Brodie, Mr Chips, Chiron, Wackford Squeers);
- 3) изучение когнитивных механизмов построения ономастической номинации: характер когниции, абстрагирование и фильтрация информации, упрощение, ассоциирование, комбинирование и реорганизация, интерпретация информации.

Когнитивная ономастика ставит перед собой следующие задачи: выявить и изучить модели построения онимов, специфику закрепления в них информации, расширение этой информации, ее конкретизацию, особенности воплощения информации (значения) в имени собственном, рассмотрение преимуществ использования ономастической лексики перед другими формами актуализации информации (значений).

Когнитивная ономастика апеллирует такими терминами, как ономастическое знание, ономастическое пространство и ономастический концепт. В качестве методов изучения и интерпретации ономастических единиц можно использовать основные подходы, используемые в когнитивной семантике, а именно прототипический подход (Э. Рош) для изучения структуры ономастического концепта; когнитивный механизм “фигура — фон” (Л. Талми) или “профиль — база” (Р. Лангакер) для анализа деривации семантической составляющей онима; понятие “активная зона” (Р. Лангакер) для выделения причин смещения фокуса внимания номинатора и последующего анализа семантических приращений онима, особенности его актуализации в конкретных коммуникативных контекстах; теорию метафоры (М. Джонсон, Дж. Лакофф) для выявления особенностей конструирования и репрезентации информации в ономастическом концепте и т.д.

Перейдем к анализу когнитивно-функциональных особенностей ономастической номинации в рассказе Fay Weldon “The Bottom Line and the Sharp End”. На первом этапе проведем этимологический анализ имени одной из главных героинь рассказа. “**Avril**” происходит из латинского языка и имеет значение “раскрываться”, оно также дается как французский вариант названия месяца апреля. Анализируемое имя имеет связь с древнеанглийским женским именем *Averil*, которое означает “*Everild — eofor + hild — wild boar + war, fight*” [2, с. 43]. Выявленные значения объективируют одну из двух смысловых доминант имени — изменение (раскрытие, борьба). Этот факт подтверждается и фамилией героини — *le Ray*. Фамилия *Ле Рэй* относит нас к Жаку Донасьену *Ле Рэй де Шомону*, служившему при дворе Людовика XVI и отправленному в Америку в 1776 г. для налаживания франко-американских отношений. Его часто называют французским отцом американской революции.

Вторым ключевым смысловым компонентом имени является красота, так как апрель считался месяцем римской богини красоты *Венеры*, которая отмечала свой день рождения в первый день месяца. Предполагается, что *Aprilis* восходит к *Aphrillis*, что является эквивалентом имени греческой богини красоты *Aphrodite*. Часто имя *Avril* ассоциируется с образом *Avril Lavigne*, широко известной современной певицы, что неверно, так как рассказ был издан в 1994 году, когда *Avril Lavigne* не была еще популярна.

Одной из основных функций имен собственных является функция компрессии, основанная на законе экономии в языке. Мы провели ономастический анализ произведения, где с помощью 15 ономастических единиц передан смысл 11 страниц текста. Рассмотрим три ключевые группы онимов, репрезентирующих образ и судьбу героини рассказа *Avril*.

Топонимы: *Shaftesbury Avenue — Soho alley*.

Названия объектов культурно-развлекательной индустрии: *The National Theatre — Whitehall Revue — a Kurt Weill opera*.

Персоналии: *the Godiva look — the Doris Day look — the Elizabeth Taylor look — the Twiggy look; Hedda Gabler; Humphrey Lauren u Bacall; Avril — Helen*.

Топонимическая оппозиция дается в начале рассказа и отражает смысловую доминанту произведения — “путешествие” *Avril* от успеха к падению. “*Avril, the night club singer, once perhaps Shaftesbury Avenue with associated West End Theatre and champagne cocktails, but now of some Soho alley, complete with live sex-shows and heroine-pushers*” [3, с. 189]. “*Shaftesbury Avenue*” репрезентирует образ жизни, социальный статус героини, уровень ее таланта. Она представляется успешной и востребованной певицей. *Shaftesbury Avenue* ассоциируется с центром театральной жизни Лондона, с театрами Вест-Энда. “*Soho*” представляет собой район развлечений, который большую часть XX века имел репутацию, связанную с секс-индустрией ночной жизни.

Проанализируем подробно образ героини, вербализованный персоналиями. “*After the Godiva look, the Doris Day look, the Elizabeth Taylor look, then the Twiggy look ... just plain bald might work wonders for a girl’s career*” [3, с. 197–198]. Каждая персоналия конструирует определенный социокультурный стереотип. Вся жизнь героини отражена в анализируемых именах. Неудачная любовная история юности наложила отпечаток на весь образ героини и на дальнейший жизненный путь. “*I played Lady Godiva in the town pageant. I was in love with this boy and he said if I wanted to prove I loved him I would sit on the horse naked*” [3, с. 192]. Героиня понимала, что ее решение — проехать обнаженной или в костюме телесного цвета — было основным жизненным решением, которое и определило всю ее дальнейшую судьбу. **The Doris Day look** отсылает читателя к образу американской певицы и актрисы, за свою карьеру снявшейся в более чем 40 фильмах и записавшую 45 музыкальных альбомов. Вокальный талант Дорис Дэй и ее привлекательная внешность имеют мало соперников и сегодня. *Avril* носила такую же прическу, как актриса, и пела в Национальном театре.

The Elizabeth Taylor look воссоздает образ королевы Голливуда, обладательницы трех премий “Оскар”. Непревзойденный талант актрисы также сочетается с ее бурной личной жизнью. Именно это

характеризует Avril в период выступлений в **Whitehall Revue**. Цвет волос и прическа в то время напоминали Элизабет Тейлор, талант и стиль жизни были созвучны.

The Twiggy look относит читателя к образу Лесли Хорнби, английской супермодели, актрисы и певицы. В имени профилируется сразу несколько характеристик образа: хрупкость (тонкость) фигуры, трагический образ, короткая прическа и большие глаза. Avril примерила на себя лишь короткую прическу и трагический образ. В этот период жизни она поет в ночных клубах.

В результате комплексного (как системного, так и дискурсивного) анализа имен собственных, конструирующих образ одной из главных героинь рассказа Fay Weldon “The Bottom Line and the Sharp End”, были получены следующие результаты:

1. Ономастические номинативные единицы строятся на основе когнитивного механизма “профиль — база”. Для реконструкции образа адресант выделяет наиболее яркие черты личности, ищет их реализацию у существующих носителей имен собственных, профилирует данные черты путем погружения ономастической номинации в дискурсивный контекст. Таким образом, с одной стороны, достигается выделение одной конкретной черты героя, а с другой — расширение и углубление образа, так как черты, оставшиеся в базе единицы, не исчезают, а лишь затемняются.
2. С помощью использования ономастической лексики достигается реализация функций компрессии, оценочности, парольности, экономии языковых средств. Весь комплекс имен, использованных в рассказе, помогает конструировать многогранный образ героини, насыщает его коннотативным потенциалом, как бы оживляя его. Все имена подчинены одной установке — формированию образа героини у читателя. Следует подчеркнуть, что смысловые доминанты имени Avril (раскрытие, борьба и красота) совпадают с профилированными чертами других ономастических единиц в дискурсе — красота в образах the Godiva look, the Doris Day look, the Elizabeth Taylor look, the Twiggy look и борьба в Shaftesbury Avenue — Soho alley — Mayfair. Отметим, что героиня после неудачной попытки изменить цвет волос потеряла их полностью. И именно этот неожиданный образ помог признанию ее таланта, она вновь обрела популярность. “A month later **Avril le Ray** was billed on **Mayfair**, not **Soho**, on really quite tasteful posters” [3, с. 198]. Данный журнал появился в Великобритании в 1965 году и позиционируется как мужской журнал. Он сохраняет свою популярность уже много лет и остается самым тиражируемым журналом данной категории в Великобритании.

Имена собственные позволяют не только создать многогранный образ героя, степень проникновения в который зависит от фоновых

знаний реципиента, но и воплотить в нем социокультурные коннотации поставленной автором проблемы. Имена представляют собой ключи к социальным стереотипам, прототипическим символам и социокультурному контексту. Онимы являются свертками смысла, за которыми стоят многотомные исторические и социальные романы, истории, понятные тем, кому интересно проникнуть в глубины смысловой нагруженности дискурса, а не просто прочитать рассказ.

Список литературы:

1. Робустова В. В. К когнитивной ономастике // Вестник Московского университета. Серия 19. 2014. № 1. С. 41–49.
2. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. М. : Астрель, 2000. 222 с.
3. Weldon Fay. The Bottom Line and the Sharp End // Contemporary British Stories. London : Perspective Publications, 2009. P. 188–198.

Сведения об авторе: Робустова Вероника Валентиновна, к.ф.н., доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова; email: nikarbs@yandex.ru

ONOMASTIC NOMINATION: COGNITIVE AND FUNCTIONAL APPROACH

Veronika V. Robustova

Ph. D., Associate Professor, Lomonosov Moscow State University;
email: nikarbs@yandex.ru

Abstract

Cognitive mechanisms, which form onomastic nomination, and functions of proper names in modern discourse are analyzed in the article. The direct and indirect onomastic nominations are studied. The peculiarities of using proper names for conceptualization and categorization of reality are underlined. The stages of the nomination process are analyzed with the help of such terms as “cognitive onomastics”, “onomastic concept” and “onomastic knowledge”. The analysis is based on the story “The Bottom Line and the Sharp End” by Fay Weldon. The names are studied from the angles of etymology, formation cognitive mechanism “profile — base”, discourse functions (compression, economy), aspects of meaning representation, problems of encoding and decoding information presented in proper names. The interpretative potential of onyms and the role of culture specific information are highlighted.

Key words: onomastic nomination, cognitive mechanisms, communicative context.

References:

1. Robustova, V. V. (2014) К когнитивной ономастике [Cognitive Onomastics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 19, (1), 41–49.
2. Rybakin, A. I. (2000). *Slovar' angliiskikh lichnykh imen* [The Dictionary of English Personal Names]. Moscow: Astrel. 222 p.
3. Weldon, Fay (2009). The Bottom Line and the Sharp End. *Contemporary British Stories*. London: Perspective Publications. P. 188–198.

Морфология числа и семантика количества

Н. И. Руденко

Белорусский государственный университет

Аннотация

Семантическая категория количества не имеет своим прямым коррелятом морфологическую категорию числа. Во-первых, не все знаки имеют числовую парадигму, но все знаки обладают той или иной количественной семантикой; во-вторых, категория числа некоторых знаков не связана с их семантикой и служит лишь целям согласования; в-третьих, категория числа не всегда верно отражает количественный аспект явления, обозначенного той или иной лексемой; в-четвертых, категория количества, в отличие от категории числа, применима в анализе всех языков. Для описания количественности обозначаемых лексемами явлений нужны семантические, а не морфологические категории. В комбинаторной семантике на основании семантической категории количества знаки языка делятся на одноместные (обозначают один индивид или признак индивида) и многоместные (обозначают множество индивидов или признаков индивидов), последние, в свою очередь, на интенсивные (обозначают многое как единое (недискретная семантика) или и многое, и единичное (дискретная семантика)) и экстенсивные (обозначают многое как многое).

Ключевые слова: число, семантика, одноместность, многоместность, интенсивность, экстенсивность.

Семантическая категория количества не имеет своим прямым коррелятом морфологическую категорию числа, несмотря на то, что последней дается следующее определение: число — грамматическая категория, выражающая количественные характеристики предметов мысли [5, с. 583].

Во-первых, не все греко-латинские части речи имеют парадигму единственного и множественного числа, а семантическая категория количества отражается во всех знаках языка.

Во-вторых, для некоторых частей речи морфологическая категория числа не связана с их семантикой. Множественное число чаще всего характеризует количественный аспект существительных, личных местоимений, остальные греко-латинские части речи лишь согласуются с соответствующей лексемой в числе.

Знак *деревянные* имеет форму множественного числа, однако обозначает только одно свойство (множества индивидов), знак *пестрый* имеет форму единственного числа, но обозначает некоторую совокупность свойств. Аналогичное расхождение морфологии и семантики можно продемонстрировать и для знаков с процессуальной семантикой, например, *умерли, стучал: умерли* — обозначает единократный процесс (в котором участвует множество индивидов), несмотря на морфологическую форму множественного числа, *стучал* — обозначает многократный процесс, несмотря на единичность участвующего в нем индивида.

В-третьих, даже для лексем, которые обозначают индивидов, а не процессы и свойства, морфологическая категория числа не всегда верно отражает количественный характер этих индивидов: знак *Афины* имеет форму множественного числа, однако обозначает один индивид, в то время как знак *толпа*, имеющий форму единственного числа, служит для обозначения некоторого множества индивидов, для знаков же *горы, сады* морфологическая и семантическая категории совпадают [4, с. 74].

В-четвертых, применение морфологической категории числа в лингвистическом анализе осложняется также тем, что для аналитических языков, например, китайского, данная категория нерелевантна. Однако невозможно согласиться с тем, что идея единичности / множественности чужда этим языкам и потому не нашла в них своего отображения, поскольку данная идея имманентна модели мира¹ и, следовательно, неизбежно проявляется в языке.

Способы и средства выражения количественности могут быть различными и определяются особенностями языкового типа и конкретного языка [6; 9; 10]. Определенные же семантические структуры присущи любому конкретному языку и языку вообще. Следовательно, необходимо выделить такие языковые категории, которые бы опирались не на морфологию, а на семантику.

¹ Модель мира — архитектура стереотипов, т. е. упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие. Стереотип — закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира, под которой понимается отображение мира органами чувств [2].

В комбинаторной семантике (по этому поводу см. работы А. Н. Гордея [1; 2; 3; 4]) на основании семантической категории количества знаки языка подразделяются на **одноместные** и **многоместные**, последние, в свою очередь, делятся на **интенсивные** и **экстенсивные**. **Одноместные** знаки языка обозначают один индивид (*дерево*) или один признак индивида¹ (*черный, стукнул*), **многоместные** знаки языка — множество индивидов (*лес, деревья*) или множество признаков индивидов (*красивый, премилый, стучал, бегал-бегал*). **Интенсивные** знаки языка обозначают многое как единое (*лес, зверье, дорогой, плыл*) или и многое, и единичное (*пальто, сани, дорожке, плавал*). В первом случае интенсивные знаки обладают **недискретной** семантикой, а во втором — **дискретной** [7; 8]. **Экстенсивные** знаки языка обозначают многое как многое (*деревья, леса, красивый-красивый, дорожный, стучал-стучал, хаживал*). Для знаков, обозначающих процесс, экстенсивность означает многократность и / или большую длительность процесса. Для знаков, обозначающих свойство, экстенсивность означает бóльшую степень выраженности этого свойства.

Схема 1

Представленный семантический подход позволяет более полно и верно по сравнению с морфологической точкой зрения описать отображение количественного аспекта модели мира в языке, решить ряд вопросов семантики и синтаксиса, а также сократить категориальный аппарат лингвистического анализа.

¹ В комбинаторной семантике выделяются две части языка: **тайгены** — обозначают индивидов, и **ёгены** — обозначают признаки индивидов, в том числе постоянные признаки, т. е. свойства индивидов, и переменные признаки, т. е. процессы, в которых индивиды участвуют [2]

Список литературы:

1. Гордей А. Н. *Метасемантика языковых категорий* // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова : сб. материалов. Минск, 2008. С. 19–24.
2. Гордей А. Н. *Основания комбинаторной семантики* // Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularium* : сб. науч. тр. по лексикографии. Гродно, 2005. С. 32–35.
3. Гордей А. Н. *Принципы исчисления семантики предметных областей*. Минск : БГУ, 1998. 156 с.
4. Гордей А. Н. *Части языка и процедуры их разграничения* // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. Минск, 2006. Вып. 1. Ч. 1. С. 69–75.
5. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М. : Сов. энцикл., 1990. 682 с.
6. Реформатский А. А. *Число и грамматика* // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.-Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 384–400.
7. Руденко Н. И. *Языковые категории интенсивности и экстенсивности в процедуральном представлении* // Вестник БГУ. Научно-теор. журнал. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. 2006. № 2. С. 94–100.
8. Руденко Н. И. *Языковые категории интенсивности и экстенсивности (на примере китайского языка)*. Минск : РИВШ, 2010. 178 с.
9. Хачатурьян М. Л. *Категория именного числа в маню (южные манде)* // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 97–121.
10. Corbett G. G. *Number*. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 358 p.

Сведения об авторе: Руденко Наталья Ивановна, старший преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока, факультет международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь; email: guoliqi@yahoo.com.

THE MORPHOLOGY OF NUMBER AND THE SEMANTICS OF QUANTITY

Natallia I. Rudenko

Senior Lecturer, Department of Oriental Linguistic and Country Studies, Faculty of International Relations, Belorussian State University, Minsk, Belarus; email: guoliqi@yahoo.com.

Abstract

Semantic category of quantity does not directly correlate with morphological category of number. Firstly, not all of language signs have the paradigm of number, but each of them has the certain semantic of

quantity. Secondly, for some language signs morphological category of number is not related to their semantic, since it is only needed for coordination. Thirdly, the morphological category of number does not always correctly reflect the quantity of signified things. So, to describe the quantitateness of the phenomena, signified by le-xemes, we need semantic categories, not morphological ones. In combinatory semantics according to the semantic category of quantitateness language signs are divided into single-pointed (signify one individual or individual's attribute) and multi-pointed (signify multiplicity of individuals or individual's attributes), latter, in its turn, is divided into intensive (signify many as one (indiscrete semantics) or many and each (discrete semantics)) and extensive (signify many as many).

Key words: number, semantics, single-pointness, multi-pointness, intensiveness, extensiveness.

References:

1. Gordej, A. N. (2008). Metasemantika jazykovyh kategorij [Metasemantic of the Linguistic Categories] *Vtorye chtenija, posvjashhennye pamjati professora V. A. Karpova: sb. materialov*. Minsk. P. 19–24.
2. Gordej, A. N. (2005). Osnovanija kombinatornoj semantiki [Fundamental Principles of the Combinatory Semantics]. *Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium: sb. nauch. tr. po leksikografii*. Grodno. P. 32–35.
3. Gordej, A. N. (1998). *Printsipy ischisleniia semantiki predmetnykh oblastei* [Principles of Topical Areas' Semantics' Calculation]. Minsk: BSU. 156 p.
4. Gordej, A. N. (2006). Chasti jazyka i procedury ih razgranichenija [Parts of Language and the Procedures of their Delimitation]. *Puti Podnebesnoj: sb. nauch. tr.* Minsk, issue 1, vol. 1. P. 69–75.
5. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. (1990). Moscow: Soviet Encyclopedia. 682 p.
6. Reformatskij, A. A. (1960). Chislo i grammatika [Number and Grammar]. *Voprosy grammatiki. Sbornik statej k 75-letiju akademika I. I. Meshhaninova*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Press. P. 384–400.
7. Rudenko, N. I. (2006). Jazykovye kategorii intensivnosti i jekstensivnosti v procedural'nom predstavlenii [Linguistic Categories of Intensiveness and Extensiveness in Procedural Presentation]. *Vestnik BGU. Nauchno-teor. zhurnal. Serija 4. Filologija. Zhurnalistika. Pedagogika*, 2. P. 94–100.
8. Rudenko, N. I. (2010). *Iazykovye kategorii intensivnosti i ekstensivnosti (na primere kitaiskogo iazyka)* [Linguistic Categories of Intensiveness and Extensiveness (in the Context of Chinese Language)]. Minsk: RIHE. 178 p.
9. Hachatur'jan, M. L. (2014). Kategorija imennogo chisla v mano (juzhnye mande) [The Category of Nominal Number in Mano (Southern Mande)]. *Voprosy jazykoznanija*, 5. P. 97–121.
10. Corbett, G. G. (2000). *Number*. Cambridge: Cambridge University Press. 358 p.

Концепт “Дом” в контексте английской и русской культуры

Е. В. Рязанова

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

Аннотация

Автор опирается на структуру концепта, предложенную Ю. С. Степановым, и выделяет его три основные составляющие — внутреннюю форму или этимологию концепта, исторический слой и новейший слой концепта, который представляет собой некое коллективное достояние современной культуры.

“Дом” представляет собой один из базовых концептов человеческой культуры. Этимология концепта отражает представления о жилище как центре мироздания, характерные для древнего сознания. Рассматривая исторический слой концепта, где нашли свое отражение древнее мышление, мифология, фольклор, обряды и табу, правила поведения, автор предлагает две концептуальные модели дома, основанные на проведенном тезаурусном описании ключевых лексем модели “дом” в языке английских и русских народных баллад.

В работе прослеживается влияние исторических традиционных смыслов и их трансформаций на современное восприятие концепта, что во многом объясняет различия в двух культурах.

Ключевые слова: концепт, дом, этимология, фольклор, тезаурусное описание.

В рамках современной когнитивной лингвистики связь языка и культуры рассматривается через концептуальную картину мира, представляет собой набор концептуальных понятий, выраженных как вербально, так и опосредованно. Согласно Ю. С. Степанову, “концепт — это основная ячейка культуры в ментальном мире человека, это “пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово...” [3, с. 43].

В нашей работе мы опираемся на структуру концепта, предложенную Ю. С. Степановым, который выделил три основные составляющие в его структуре — внутреннюю форму или этимологию концепта, пассивный или исторический слой, и новейший слой концепта, который представляет собой некое коллективное достояние современной культуры.

Концепт “Дом” представляет собой один из базовых концептов человеческой культуры в целом. Мы будем рассматривать дом как

жилище, в данном исследовании не затрагивается значение слова “дом”, означающее любой строительный объект. Дом как жилище является в коллективной памяти не только центром семьи, но и центром мироздания, неким микрокосмом, защищенным пространством, противостоящим макрокосму, внешнему миру, чужому, неосвоенному пространству, часто таящему опасность.

Если обратиться к исторической составляющей концепта в английской и русской культурах, то можно увидеть, что этимология концепта отражает данные характеристики. “Дом” для древнего сознания — это не столько жилище, сколько своего рода центр мира, защищающее пространство, обеспечивающее выход вовне и контакты с внешним миром. Ср.: и.-е. *Kerd* — середина, лат. *Cor* — сердце, середина, др.-англ. *Hus* — дом; др. сев. *Heimr* — вселенная, англ. *home* [1, с. 266–257].

Первоначально дом представлял собой храм. Английское *house* этимологически связано с др.-англ. *husel* — жертвоприношение, и индо-европейским *keus* — прятать, скрывать [2, с. 177].

Для концепта “дом” актуально значимой оказывается оппозиция “свой — чужой”, однако концептуальная и языковая реализация пространственных представлений оказывается не одинаковой в разных культурах. Одним из мощных источников информации о концепте является фольклор, так как именно в фольклорных формах дошли до нас представления о мире, свойственные нашим предкам.

В результате проведенного нами исследования ключевых лексем, связанных с организацией семантического пространства дома в английской и русской народной балладе, были выявлены некоторые сходства и различия в концептуализации и лексико-семантическом оформлении данного концепта в фольклорной модели мира двух культур.

В английской народной балладе дом предстает в виде замка (*castle*), который представляет собой защищенное закрытое пространство. Функционально значимыми при переходе из “чужого” в “свой” мир оказываются пограничные локусы (*castlewalls, gates, door*). Особая роль принадлежит частным локусам (*bower, chamber, room*), которые обозначают индивидуальное личное пространство владельцев замка. Общение с представителями *чужого* мира носит избирательный характер и происходит за закрытыми дверями дома, чаще всего в пространстве *hall*, а также с помощью визуального и слухового контакта через окно (*window*). Пространство двора в английской балладе эксплицитно не выражено.

Русский дом в балладе (*терем*), напротив, характеризуется функционально значимым медиаторным пространством двора и крыльца, и менее значимыми, в отличие от английских, частными локусами, которые в русском варианте не имеют ярко выраженных границ.

Двери и окна в *горницах* и *светлицах* практически не упоминаются, в то время как в английской балладе обязателен ритуал стука в дверь частного локуса *bower*. Ограда двора, играющая важную роль в семиотическом пространстве английского дома, эксплицитно не выражена в текстах русских баллад, *ворота* не всегда являются преградой на пути в дом, они часто оказываются растворенными или открываются сами, встречая путника.

В результате исследования было выявлено, что для английского концепта важными когнитивными составляющими являются защищенность и закрытость дома от окружающего мира, а также закрытость границ частных локусов внутри дома, что перекликается с современным понятием *privacy*, связанным с неприкосновенностью частной жизни.

При сопоставлении исторических смыслов с новейшим слоем концепта в двух культурах можно наблюдать слияние старых, переживших века представлений о доме с новыми, сравнительно недавними наслоениями смыслов. Для современного англичанина дом не перестает быть центром семьи и мироздания (*'Home, sweet home'*). Дома в Англии имеют свои названия, этимология которых различна (топонимика, флористика, имена бывших владельцев и т.д.). Престижно иметь дом с историей, дом, не лишенный своей индивидуальности. (*The Coach House, Orchard House, Woodlands, Ivy Cottage, The Willows, The Barn, The Stables* и т.д.) Ср. с русскими названиями домов многоквартирного типа: *сталинка, хрущевка, многоэтажка, монолитка*.

В то же время дом для англичанина не перестал быть крепостью (*'My home is my castle'*). Из анализа бытовой культуры и поведения современных англичан, проведенного антропологами, видно, что неприкосновенность частной жизни сегодня не менее актуальна, чем это было представлено в фольклорном варианте концепта “дом” в народной балладе. Исследовательница современного английского социума Кейт Фокс назвала эту особенность “правилом крепостного рва с подъемным мостом” [4, с. 138–139].

Если рассматривать концепт дома как часть современного коллективного бессознательного, то можно убедиться, что древние архаичные представления, отраженные в мифологии и фольклоре, актуальны и сегодня. Например, кошка, которую пускают в дом первой при переезде, — это пережиток ритуала принесения строительной жертвы; ритуальные действия у порога, такие как “через порог не прощаются и руки не подают”, напрямую связаны с пересечением границ “своего” и “чужого” мира; “подкова над дверью” как символ отпугивания злых духов и нечисти также актуализирует важность защищенности пространства дома от внешних нежелательных вторжений из “чужого” мира.

Границы “своего” индивидуального частного пространства по-прежнему важны в современном английском доме. Из анализа текстов объявлений о продаже домов и квартир видно, насколько большее значение в английской культуре отводится частным локусам (при оценке жилья считается количество спален, а не общее число комнат, как это принято в России). Сравните:

Английское объявление: *A larger than average **three bedroom double fronted semi**, completely refurbished in the last five years...*

Русское объявление: *½ дома г. Ржев Тверская обл. 100 кв. м 10 соток, дом в хорошем состоянии, **4 комнаты**...*

При сравнении семантических рядов слов, обозначающих виды жилья в Англии и России, можно также увидеть, что в английском концепте на первый план выходит сема отдельности, обособленности дома от окружающего мира (*detached, semi — detached*), в то время как в русских понятиях *полдома, дом на две семьи* прослеживается ориентация на возможность коммуникации с окружающим миром.

Список литературы:

1. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. 416 с.
2. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. М., 2000. 416 с.
3. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
4. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М., 2008. 512 с.
5. Энциклопедия суеверий. М. : Локид ; Миф, 1997. 560 с.

Сведения об авторе: Елена Васильевна Рязанова, к.ф.н., доцент, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия; email: e.v.ryazanova@mail.ru

THE CONCEPT OF “HOUSE” IN THE CONTEXT OF ENGLISH AND RUSSIAN CULTURE

Elena V. Ryazanova

Saratov State University, Saratov, Russia; email: e.v.ryazanova@mail.ru

Abstract

The paper is based on the structure of a concept offered by Y. S. Stepanov considering its three main parts—the inner form or etymology, historical background and modern perception, which is viewed as collective cultural heritage.

“House / home” is one of the basic cultural concepts. The etymology of the concept reveals the ancient notion of a house being a centre of the

universe. Applying to the historical background of the concept which reflects ancient primitive thinking, mythology and folklore, rituals, taboo and social behavior, the author offers two conceptual models of “house”, based on the describing the thesaurus network of the key lexemes in the language of English and Russian traditional ballads.

The author traces the influence of the historical traditional meanings and their transformations on the modern perception of the concept, which mostly explains differences in two cultures.

Key words: Concept, house, etymology, folklore, thesaurus network.

References:

1. Makovskii, M. M. (1996). *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropeiskikh iazykakh* [The Comparison dictionary of mythological symbols in Indo-European languages]. Moscow: Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr VLADOS. 416 p.
2. Makovskii, M. M. (2000). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo angliiskogo iazyka* [The history and etymology dictionary of Modern English language]. Moscow: Izdatel'skii dom DIALOG. 416 p.
3. Stepanov, Iu. S. (2001). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constanta: Dictionary of Russian culture]. M.: Akademicheskii Proek. 990 p.
4. Foks, K. (2008). *Nabliudaia za anglichanami. Skrytye pravila povedeniia* [Watching the English. The hidden rules of English behaviour]. Moscow: RIPOL klassik. 512 p.
5. *Entsiklopediia sueverii* [The Encyclopedia of superstitions]. (1997). Moscow: Lokid, Mif. 560 p.

Прагматические функции вопросительных высказываний в современной стилизованной английской разговорной речи

Л. А. Сапожников

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Аннотация

Профессиональное владение иностранным языком предполагает умение корректно интерпретировать прагматически транспонированные высказывания и активно использовать их в речи. Косвенные речевые акты характеризуются расхождением формы и содержания высказывания. Представители коммуникативно-прагматического направления в изучении языковых явлений используют понятие прагматического транспонирования, то есть употребления предло-

жений в несвойственных им прагматических функциях. Для современного английского характерна стабильность норм литературного языка. В XX веке происходит демократизация норм речевого этикета, взаимодействие социальных слоев и, как следствие, взаимопроникновение норм литературного и разговорного языков. Новые средства коммуникации обуславливают использование гораздо более лаконичных средств при обмене информацией. Среди включающих вопросительные высказывания диалогических единств, представляющих собой косвенные речевые акты, наибольший интерес в языке драмы XX века представляют речевые акты побуждения, а также речевые акты, включающие в себя риторические вопросы, которые могут передавать чувства персонажей, их душевные переживания.

Ключевые слова: разговорная речь, вопросительное высказывание, косвенный речевой акт, прагматическое транспонирование, моноинтенциональное высказывание, полиинтенциональное высказывание.

Среди высказываний особое место занимают **косвенные речевые акты**, характеризующиеся расхождением формы и содержания [7, с. 141]. В работах по стилистике и функциональной грамматике [1, с. 165–173; 3, с. 37–44; 8, с. 140] данное явление рассматривается в плане транспозиции предложения. Значительное внимание в них уделяется **риторическому вопросу**, служащему эмфатическим утверждением: *Isn't it too bad?* Высказывания типа *Am I tired!* рассматриваются как транспозиция вопросительных предложений в восклицательные [1, с. 166, 169], *Can you open the door?* — как транспозиция вопросительного предложения в побудительное [7, с. 141].

Представители коммуникативно-прагматического направления используют понятие **прагматического транспонирования**, то есть употребления предложений в несвойственных им прагматических функциях. Лингвисты выдвигают требование дифференцированного подхода к косвенным речевым актам, но в нашем исследовании целесообразно оставить термин “косвенный речевой акт” за всеми высказываниями, имеющими хотя бы минимальные расхождения между формой и содержанием, иллокутивной функцией [7, с. 144], то есть особенностью воздействия на собеседника [6, с. 27].

Следует дать характеристику современного английского подпериода. Он является периодом зрелого литературного английского языка. В XIX веке намечается тенденция к сближению литературно-книжного языка с живыми разговорными нормами, а к середине XX века “она достигает небывалых масштабов”. Это проявляется

в раскованности словоупотребления, меньшей строгости в грамматике [2, с. 137].

Грамматические тенденции в XIX и XX веках также развиваются при усилении влияния форм разговорной речи. Происходит сокращение средней длины предложения, усиление эллиптических конструкций. С эллипсисом связано опущение некоторых элементов, например, союза *that* в придаточных предложениях и в сочетании *so that* [5, с. 125].

Можно сделать вывод, что влияние форм живого разговорного языка усилилось на всех языковых уровнях. Язык кажется достаточно стабильным, но события в стране отражаются в речи. Эффективность и лаконичность влияния на слушателя становятся целью высказывания, его актуальными признаками.

Перейдем к анализу фактического материала. Часто встречаются вопросы, транспонированные в побудительные предложения, они выступают руководством к действию. Среди них особое место занимают высказывания-предложения (приглашения). Следующий пример иллюстрирует это явление:

Hangman: ...Will you have a drink?

W. Regan: I'm afraid we've got to be off now [9, p. 87].

Обратим внимание, что высказывание строится при помощи оборотов, характерных в современном английском только для побудительных предложений: конструкции типа *will you?*, *can't you?*, *what about?* выражают побуждение. Здесь можно говорить о **моноинтенциональных высказываниях**, о типовых образованиях, фактически утративших связь с тем речевым актом, с которым они формально сходны, в современном английском они не используются в иллокутивной функции, соответствующей их форме [7, с. 145]. Приведем пример **полиинтенционального высказывания**:

Ben: Who's the senior partner here, me or you?

Gus: You [10, p. 119].

Такое высказывание само по себе может выражать вопрос, но в контексте оно используется с иной функцией. Показана высокая степень уверенности говорящего, очевидна его раздраженность действиями собеседника.

Поскольку исследование затрагивает вопросительные высказывания, важно, обратим внимание на **риторический вопрос**. Встречаются вопросы, не требующие ответа и как такового его не имеющие. Состав диалогического единства формально отсутствует, отсутствует реплика-ответ. Приведем пример:

Prisoner D: How can there be proper discipline between warder and prisoner with that kind of familiarity? [9, p. 74].

В примере показаны рассуждения персонажа, реплика содержит оттенок возмущения, недовольства происходящим.

На основании исследования мы делаем вывод, что самыми популярными в драме XX века являются речевые акты побуждения и речевые акты с риторическими вопросами, передающие переживания персонажей.

Поскольку профессиональное владение иностранным языком предполагает умение корректно интерпретировать транспонированные высказывания и активно использовать их в речи [4, с. 162], а вопросы в беседе выполняют контактоустанавливающую функцию, данное исследование является актуальным и имеет перспективы развития.

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М. : Флинта : Наука, 2009. 384 с.
2. Беркнер С. С. Проблемы развития разговорного английского языка в 16–20 вв.: на материале драматургических и других литературных жанров. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1978. 230 с.
3. Блох М. Я. Категория оппозиционного замещения. Вопросы теории английского языка : сб. трудов / отв. ред. М. Я. Блох. М., 1973. С. 37–44.
4. Васильева Э. П. Прагматическое транспонирование предложений в английском языке // Феномен границы в языке и литературе : междунар. сб. науч. ст. Самара: Самарский университет, 2009. С. 157–163.
5. Орлов Г. А. Современная английская речь. М. : Высшая школа, 1991. 240 с.
6. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. 424 с.
7. Поспелова А. Г. Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. С. 141–153.
8. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 175 с.

Источники фактического материала:

1. V. Behan. The Quare Fellow // Plays of the Modern Theatre. Л. : Просвещение, 1970. 210 с.
2. H. Pinter. The Dumb Waiter // Plays of the Modern Theatre. Л. : Просвещение, 1970. 210 с.

PRAGMATIC FUNCTIONS OF INTERROGATIVE UTTERANCES IN MODERN LITERARY ENGLISH LANGUAGE

Leonid A. Sapozhnikov

Post-graduate student, Samara State University of Architecture and Civil Engineering; email: leo2568@yandex.ru

Abstract

Language proficiency presupposes the ability of interpreting pragmatically transposed utterances correctly and use them actively in speech. Indirect speech acts are characterized by the difference of form and sense of utterance. The representatives of the communicative pragmatic school use the concept of pragmatic transposing, or the use of sentences in the pragmatic functions which are not typical of them. Modern English is characterized by the stability of language norms. The democratization of norms of the speech etiquette, the interrelation of social layers and, as a consequence, the diffusion of literary and spoken languages. New means of communication determine the use of more laconic means for information interchange. Among the dialogical unities including interrogative utterances as indirect speech acts the acts of order and the speech acts including rhetorical questions which can reflect the feelings and emotions of characters are the most interesting ones.

Key words: spoken language, interrogative utterance, indirect speech act, pragmatic transposition, monointentional utterance, polyintentional utterance.

References:

1. Arnold, I. V. (2009). *Stylistics of Modern English*. M.: Flinta : Nauka. 384 p.
2. Berkner, S. S. (1978). *Problems of Spoken English in 16–20 Centuries: on the Material of Drama and other Literature Genres*. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo universiteta. 230 p.
3. Blokh, M. Y. (1973). Kategoriiia oppozitsionnogo zameshcheniia [The Category of Oppositional Substitution]. *Voprosy teorii angliiskogo iazyka : sb. trudov / otv. red. M. Y. Blokh*. M. P. 37–44.
4. Vasilyeva, E. P. (2009). Pragmaticheskoe transponirovanie predlozhenii v angliiskom iazyke [Pragmatic Transposition of Sentences in the English Language] *Fenomen granitsy v iazyke i literature : mezhdunar. sb. nauch. st. Samara: Samarskii universitet*. P. 157–163.
5. Orlov, G. A. (1991). *Modern English Speech*. M. : Vysšaya Škola. 240 p.
6. Austin, J. L. (1986). Slovo kak deistvie [How to do Things with Words] *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17. Teoriia rechevykh aktov*. M. : Progress. 424 p.
7. Pospelova, A. G. (1988). Kosvennye vyskazyvaniia [Indirect Utterances] *Spornye voprosy angliiskoi grammatiki*. L. : Izd-vo Leningr. un-ta. P. 141–153.
8. Skrebnev, U. M. (1975). *Essay on the Theory of Stylistics*. Gorky. 175 p.

Sources of Factual Material:

1. B. Behan (1970). *The Quare Fellow*. Plays of the Modern Theatre. L. : Prosveshchenie. 210 p.
2. H. Pinter (1970). *The Dumb Waiter*. Plays of the Modern Theatre. L. : Prosveshchenie. 210 s.

Речевое высказывание в контексте ценностно обусловленного дискурса

Н. А. Сидорова

Военный университет Министерства обороны РФ

Аннотация

Исследования речевой коммуникации предлагается проводить в аспекте ценностной детерминации речевого общения: ценности рассматриваются в качестве регулятивного и существенного, определяющего фактора речевой коммуникации. Применение алгоритма ценностного анализа речевого произведения в определенном дискурсе позволит представить основания личности для выбора альтернативных способов действия с учетом адресации высказывания.

Ключевые слова: речевая коммуникация, ценности, речевое высказывание, алгоритм ценностного анализа, дискурс.

Цивилизация, представленная ее позитивными и негативными аспектами, требует постоянного одушевления человеком говорящим. Совершенно очевидно, что и решение различных проблем, и развитие позитивных начал в общественной жизни, и влияние на глобальные общечеловеческие процессы человеческой цивилизации можно осуществить только и прежде всего в речевой коммуникации. Именно феномен речевой коммуникации является универсальным средством интерактивного взаимодействия людей, мощным глобальным средством их взаимовлияния.

Исходя из убеждения, что ценность — это важнейшая часть внутреннего мира индивида, культуры, мы считаем, что ценности, свойственные индивиду, влияют на его поведение и, в частности, на его речевое поведение. Ценность — это то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением [2]. Имея в виду речевую коммуникацию, мы рассматриваем ценности как универсальную детерминанту речевого общения.

Наличие множества человеческих потребностей и способов чувствования объясняет существование разнообразия оценок: то, что для одного имеет большую ценность, для другого — малую или вообще никакой. Следует пояснить, что в основе формирования оценки всегда находится ценность. Именно в коммуникации напрямую (эксплицитно) либо косвенно (имплицитно) мы обнаруживаем ценности коммуниканта. В лингвистике ценности

обычно изучаются в связи с проблемой оценочной модальности, коннотативного значения. Однако возможности изучения ценностно обусловленного дискурса далеко не исчерпаны. Мы рассматриваем ценности в качестве регулятивного фактора речевой коммуникации, как существенный определяющий фактор речевой коммуникации.

Данный тезис открывает широкие перспективы для осознания основ речевой коммуникации. Мера эффективности решения проблем речевой коммуникации зависит от многих факторов, но все-таки главным среди них является то, каким образом и в какой степени сформированы базовые ценности личностей (*базовые ценности личностей коммуникативной реальности входят в состав аксиологического базиса речевой коммуникации*) в коммуникативном процессе. Для многих ученых формирование базовых ценностей традиционно является психологической или педагогической задачей, реже социологической. Для нас проблема формирования базовых ценностей личностей в коммуникативной реальности представляется одной из центральных, поскольку ценностное содержание коммуникативной реальности в конечном счете и определяет успешность или неуспешность взаимодействия общающихся личностей.

Исследуя ценностный механизм речевой коммуникации, необходимо ввести понятие *аксиологического базиса речевой коммуникации* как особого измерения коммуникации, включающего сферу ценностей, которыми оперируют коммуниканты в отдельном акте речевой коммуникации. Ценности образуют существенно значимую область человеческой деятельности. В психолингвистике признано, что факторами, определяющими поведение участников речевой коммуникации, являются индивидуальные мотивы и цели. Однако мотивы по своей природе тесно связаны с ценностными ориентациями; что же касается целей, то понятие ценности нередко осмысливается через понятие цели.

Развивая содержательную и значимую идею обозначения ценностей как образующих “ось сознания” [5, с. 67], следует постулировать реальность *аксиологического поля коммуникации*, вокруг которого организуется восприятие субъектом мира и которое, как мы полагаем, и образует ценностное содержание речевой коммуникации. Аксиологическое поле позволяет коммуниканту (говорящему и реципиенту) иметь некоторую точку отсчета для конкретного оценивания тех или иных коммуникативных и некоммуникативных событий, выступая тем самым в качестве регуляторов поведения, в частности, коммуникативного поведения (выбор языковых средств, выбор референциальных объектов для вербализации, выбор стратегии и тактики вербального взаимодействия и др.).

Процесс коммуникации, в аспекте аксиологического поля коммуникации, можно рассматривать как совокупность апелляций к коллективным культурным когнитивным единицам, т. е. ментальным единицам, объединяющим в себе ценностное поле, понятийный и образный элементы. Для концепта, при всей его многомерности, характерен примат ценностного отношения к отражаемому объекту [3, с. 153]. Будучи многомерной ментальной единицей, детерминированной аксиологическим полем коммуникации, концепт обладает способностью быть опредмеченным в разнообразной языковой форме. Знания, зафиксированные в ценностно-мотивированных когнитивных единицах, имеют природу архетипов “коллективного бессознательного”. Исследование влияния данных архетипов на организацию дискурса может позволить устанавливать формы, в которых осуществляется влияние когнитивно-ценностных единиц на употребление ресурсов языка.

Аксиологическое поле коммуникации является одним из аспектов ценностной и языковой картины мира, в которых в концентрированной форме заданы сложившиеся в данной культуре нормы поведения, оценки, правила, идеалы. Элементы аксиологического поля коммуникации находят выражение в значениях слов, фразеологизмов, ассоциативном потенциале языковых единиц, в прецедентных текстах, речевой этикете. Единицей аксиологического поля коммуникации можно считать *аксиологему*, в которой в концентрированном виде представлены основания личности для выбора альтернативных способов действия, для отбора и оценки этих альтернатив. Опираясь на процедуры анализа, предложенные Э. Бенвенистом в отношении единиц языка, мы используем две взаимообусловленные операции, “от которых зависят все остальные: 1) сегментация и 2) субституция” [1, с. 129]. Сегментация, в нашем случае, и есть возможность вычленения из уровня высшего порядка уровня низшего, т. е. из аксиологического поля аксиологемы. Субституция есть же замещение одной аксиологемы другой. Так, например, аксиологема “норма поведения” выступает в качестве средства: а) экспликации ценности, б) коррекции поведения партнера по диалогу. Например:

— *Позвольте, вы ведь не урядник, не староста, — разве это ваше дело народ разгонять?* (А. Чехов)

— *В чужих людях живете, барышня... Хоть вы и барышня, а все же... как бы прислуга... Это не то, что у папаши с мамашей жить...* (А. Чехов)

В данных примерах с помощью аксиологемы “норма поведения” осуществляется экспликация ценности и одновременно коррекция поведения партнера по диалогу.

Можно заметить, что выделенные единицы etic-подхода находят свое проявление в эмических единицах. Так, в данных примерах ак-

сиологема “норма поведения” выражается определенными языковыми средствами: *“вы не урядник, не староста; Хоть вы и барышня, а все же... как бы прислуга; удачи вам, сыщики; А вы не ведьма, а еще следователь, какой адвокат”*, т. е. допускается подстановка определенного сегментированного элемента аксиологического поля.

Выделение новой единицы высшего уровня должно удовлетворять требованию осмысленности. “Осмысленность — это основное условие, которому должна удовлетворять любая единица любого уровня, чтобы приобрести лингвистический статус” [1, с. 132]. Аксиологема получает свой статус только для различения ценностей личности в пределах ее аксиологического поля. Иначе ценности перестали бы выполнять свои функции в речевой коммуникации. Все операции, которые следует проделывать в рамках высказывания, предполагают это условие. Преимущество этой “искусственной” языковой символики в том, что именно языковые знаковые единицы способны эффективно сохранять и актуализировать весь ценностный потенциал личности.

Интерпретация ценностно-семантических аспектов языковой личности страдает неким эгоцентрическим уклоном: при анализе ценностного фона семантики высказывания принимается во внимание ценностный базис говорящего, но игнорируется ценностный базис адресата (вероятного реципиента) дискурса как не влияющий на организацию ценностного базиса высказывания. Однако природа языка и речевой коммуникации принципиально интерактивна, и каждое высказывание адресовано, следовательно, его ценностный фон выстраивается на основании допущений, производимых говорящим относительно ценностного базиса адресата как вероятного реципиента и интерпретатора смысла высказывания.

Список литературы:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : УРСС, 2002.
2. Менцер П. Лекции Канта по этике [Электрон. ресурс]. Реж. дост.: http://www.gumer.info/bibliotik_buks/culture/gus_etika.
3. Сидорова Н. А. Аксиологическое поле как реальность речевой коммуникации // Materialy VII Miedzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji “Europejska nauka XXI wieku — 2011”. Volume 16. Folologiczne nauki. Przemysl : Nauka i studia. Str. 64–66.
4. Ядов В. А. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. М., 1994. Кн. 2. С. 111–150.

Сведения об авторе: Сидорова Наталья Анатольевна, д.ф.н., доцент кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ, Москва; email: natuzz@rambler.ru

THE SPEECH UTTERANCE IN THE CONTEXT OF VALUE DETERMINATE DISCOURSE

Natalia A. Sidorova

Doctor of Philosophy, Associate Professor of the English Department,
Military University, Moscow; email: natuzz@rambler.ru

Abstract

Studies speech communication proposed in the aspect of value determination of verbal communication: values are treated as regulatory and essential, determining factor of speech communication. The application of the value analysis algorithm for speech composition in a particular discourse provides the foundation of the personality to choose alternative modes of action based on addressing the utterances.

Key words: speech communication, values, speech utterance, algorithm of value analysis, discourse.

References:

1. Benvenist, E. (2002). *Obschaia lingvistika* [General linguistics]. M.: URSS.
2. Mentser, P. *Lektsii Kanta po etike* [Kant's lectures on ethics]. [electronic resource] — http://www.gumer.info/bibliotik_Buks/Culture/Gus_Etika/.
3. Sidorova, N. A. (2011). Axiologicheskoye pole kak realnost' recevoy kommunikatsii [Axiological field as the reality of speech communication]. *Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Evropejskaia nauka XXI veka — 2011"*. Vol. 16. P. 64–66.
4. Iadov, V. A. (1994). Sotsialnije identifikatsii lichnosti v usloviyakh bystrykh sotsialnykh peremen [Social identification in the context of rapid social changes]. *Sotsialnaya identifikatsiya lichnosti*, 2, 111–150.

Перифразирование как показатель авторского стиля в публицистических текстах

А. И. Снина

Волгоградская академия МВД России

Аннотация

Мыслительные модели (схемы) формируют восприятие и интерпретацию действительности. Реализация одних и тех же схем может происходить с использованием определенных способов вербального выражения (перифразирования). Будучи базовым когнитивным механизмом, перифразирование является способом иносказательной

передачи информации. Особенностью функционирования перифразирования в сфере массмедийной коммуникации является то, что автор не всегда применяет его как образный прием воздействия на адресата средствами языка современной английской публицистики. Частотное использование перифрастических выражений является следствием речемыслительной деятельности и формирует узнаваемость авторского стиля.

Ключевые слова: перифразирование, мыслительные модели, схема, авторский стиль, публицистический текст.

Иносказательное обозначение объектов / явлений действительности в современной коммуникации выступает в качестве средства создания привлекательного для читателя массмедийного пространства. Борьба за внимание массой аудитории ставит авторов публицистических текстов перед необходимостью создания особенной стилевой выразительности, направленной на новизну выражений и оригинальность повествования.

Нешаблонным способом передачи информации служит частотное использование перифрастических выражений в англоязычных публицистических текстах. Представители различных научных направлений видят в языковых явлениях отображение психических и когнитивных процессов.

В соответствии с когнитивной теорией Джорджа А. Келли, предполагается, что каждый человек познавателью конструирует окружающий мир, приписывает значения событиям [2, с. 240–241], используя “уникальный набор личностных конструкторов для интерпретации и предсказания событий” [3]. Каждому конструктору присущи зоны и фокус применимости [2, с. 249–250]. Ученые полагают, что человек обладает определенным набором мыслительных моделей / схем для анализа действительности, основанных на прошлом опыте. Схема определяется как “относительно устойчивое когнитивное образование, организующее опыт и поведение” [1]. Некоторые ученые приравнивают понятие “схема” введенному Дж. Келли термину “личностные конструкторы”. По его утверждениям, схемы отвечают за сортировку, интерпретацию и синтез информации.

Поскольку перифразирование представляет собой разновидность речемыслительной деятельности, мы предполагаем, что его можно рассматривать в качестве специфической схемы интерпретации событий. Анализируя перифразирование одного автора — Трейси Корриган (Tracy Corrigan, The Telegraph) в текстах публицистических статей, мы отметили некоторые совпадения в использовании перифрастических выражений для обозначения схожих схем. Так, для реализации схемы “противоестественное / необъяснимое состоя-

ние вещей” автор обращается к перифразированию с когнитивно-семантическими сдвигами, основанными на ассоциациях по сходству, смежности с магическими / волшебными процессами и явлениями. Например, статья, посвященная вопросу финансового состояния Греции, содержит перифрастическое выражение *The wizardry that cast a bad spell on Greece* [4, 17.02.2010]. В качестве перифразируемого компонента принимается схема “невозможность объективного установления причинно-следственной связи”, перифразирующим элементом выступает “магическое / волшебное воздействие”, неподдающееся логическому объяснению. Выбор лексемы *wizardry* (*a power or effect that appears magical by its capacity to transform*) [5] позволяет автору статьи указать читателю на то, что такого рода финансовая ситуация не могла произойти по объективным причинам. С помощью данной перифразы автор оказывает эмоциональное воздействие на читателя, намекая на нездоровое состояние экономики страны и подчеркивая свое отношение к этому, ввиду отсутствия логической основы для подобного положения финансовых дел.

Следующий пример также иллюстрирует использование схемы “противоестественное / необъяснимое состояние вещей”: *The Office for Budget Responsibility (OBR) has looked into its crystal ball, and delivered its verdict: the economy will continue to recover from recession, but at a slower pace than after the downturns of the Seventies, Eighties or Nineties* [4, 01.12.2010]. В перифрастической номинации *The Office for Budget Responsibility (OBR) has looked into its crystal ball* перифразируемым выступает “прогнозировать будущее, без опоры на факты”, а перифразирующим элементом — разновидность процесса прогнозирования с использованием магических приспособлений — *crystal ball*, подчеркивающих сомнительность выводов.

Активизируя схему “невозможность / нежелание выполнения действий”, автор прибегает к перифразированию с когнитивно-семантическими сдвигами, основанными на ассоциациях по сходству, смежности с временными / постоянными недостатками в развитии или функционировании органов человека. Так, перифрастическое выражение *willful blindness*, с уточняющей лексемой *willful* в предложении *But while bad decisions were made as a result of willful blindness, the protagonists of this modern drama were also unable, in the grand Aristotelian tradition, to perceive the full consequences of their actions, because they were not in full possession of the facts* [4, 17.02.2010], а также перифраза *tragically deaf ears*, с уточнением *tragically* в следующем примере: *...it turns out that in the run up to the financial crisis, he was desperately fighting for tighter global regulation, but his pleas fell on tragically deaf ears...* [4, 19.03.2010], указывают на определенные физические недостатки, которые, по мнению автора, позволяют намеренно не учитывать факты действительности.

Вышесказанное иллюстрирует предположение, что психические и когнитивные структуры, регулируя получение, отбор и переработку информации, организуют специфические мыслительные модели — схемы, которые оказывают влияние на способы передачи информации. Использование перифразирования для реализации схем создает узнаваемость авторского стиля.

Список литературы:

1. Когнитивная психотерапия [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: http://cognitive-therapy.ru/publ/stati/kognitivnye_struktury_i_processy/6-1-0-37. Загл. с экрана (дата обращения 04.2015).
2. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория исследования / пер. с англ. М. С. Жамкобян; под ред. В. С. Магуна. М. : Аспект пресс, 2000. 607 с.
3. Справочник практикующего врача [Электрон. текст. дан.]. Режим доступа: <http://vmedicine.net/psikhologiya/35-psikhologiya-baza/1805-glava-13-lichnost.html?showall=&start=4>. Загл. с экрана (дата обращения 04.2015).
4. The Telegraph [Electronic text data]. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/>. Title from screen (дата обращения 04.2015).
5. Thefreedictionary — Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus. The Free Dictionary [Electronic text data]. Mode of access: <http://thefreedictionary.com/>. Title from screen (дата обращения 04.2015).

Сведения об авторе: Анна Игоревна Сенина, к.ф.н., старший преподаватель кафедры иностранных языков, Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград; email: ursinus@yandex.ru

PERIPHRASING AS A MARKER OF AUTHOR'S STYLE IN MASS-MEDIA TEXTS

Anna I. Sinina

Senior lecturer, foreign languages department, Volgograd Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Volgograd; email: ursinus@yandex.ru

Abstract

The article deals with the mental models and schemes of information perception and processing. The schemes may have the same ways for presentation as periphrasing. Being the basic cognitive mechanism periphrase transmits the information in metaphorical way. Not only the intention gives periphrase but the author's mental models which can be the markers of author's style.

Key words: periphrasing, mental models, scheme, author's style, mass-media texts.

References:

1. *Kognitivnaja psikhoterapija* [Cognitive psychotherapy] Retrieved April, 2015 from http://cognitive-therapy.ru/publ/stati/kognitivnye_strukturny_i_processy/6-1-0-37
2. Pervin, L., Dzhon, O. (2000). *Psikhologija lichnosti: Teoija issledovanija* [Personality: Theory and Research]. M.: Aspekt press. 607 p.
3. *Spravochnik praktikujushhego vracha* [Practitioner Reference Book]. Retrieved April, 2015 from <http://vmedicine.net/psikhologiya/35-psikhologiya-baza/1805-glava-13-lichnost.html?showall=&start=4>
4. *The Telegraph*. Retrieved April, 2015 from <http://www.telegraph.co.uk/>
5. *Thefreedictionary*. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus. Retrieved April, 2015 from <http://thefreedictionary.com/>

Дейксис и маркеры интенциональности контекста

Г. П. Снигаренко
МГИМО МИД России

Аннотация

Предикативные отношения, выраженные интенциональными глаголами, отражают интенциональные отношения между лицом — субъектом и объектом, упоминаемым в высказывании. Причем субъектом интенционального отношения в художественном тексте часто выступает персонаж, чья субъективная точка зрения, чей “возможный мир” создаются автором произведения. В пределах одного текста может возникать субъектная множественность, реализуемая с помощью несобственно-прямой речи. Дейксис — это категория, связанная с ориентацией субъекта в мире. С одной стороны, дейктическое слово указывает на объект, а с другой стороны — на сам центр дейктической ориентации — субъект, чей мир описывается в тексте. Дейктическую нагрузку могут нести, наряду с такими словами, как *я / ты, здесь, сейчас*, также и определенный и неопределенный артикль, глагольное время и аспект, модальные глаголы. Места переключения на точку зрения, внутреннюю речь героя обозначаются дейктическими шифтерами — неопределенным артиклем, употреблением Past Perfect и Present Continuous. Именно в этот момент происходит переключение внимания читателя на позицию персонажа, вовлечение его в действие повествования.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, точка зрения субъекта, интенциональные слова, дейксис, дейктические шифтеры.

В отличие от классического логического суждения, предложение может реализовать по меньшей мере два типа интерпретации реальности: либо объективную, базирующуюся на реальности, либо субъективную, более или менее удаленную от нее.

В теории формальной логики Р. Монтегю [8] основой его концепции “возможных миров” является понимание значений (meanings) как функций двух аргументов — “возможного мира” и контекста употребления, а смыслов (senses) — как функций только одного аргумента, понимаемого как “возможный мир”. Второе важное положение “грамматики Р. Монтегю” заключается в том, что предикативное отношение — соотнесение предложения с внеязыковой действительностью — рассматривается как интенциональное отношение между лицом и объектом. Такие глаголы, как to see, to conceive, to worship, являются по Р. Монтегю интенциональными. Принципиальный вывод, который следует из этого, состоит в том, что предикативное отношение, выраженное такими глаголами, необходимо отражает интенциональное отношение между лицом — субъектом и объектом, упоминаемым в высказывании. Развивая логические исследования, И. Хайм [6] прямо связывает референтные свойства неопределенных номинативных групп с переключением на них фокуса внимания говорящего [6, с. 22], причем исследователь неоднократно ссылается на глаголы перцепции и мысленной презумпции.

В нашем исследовании некоторых литературных произведений и мы исходили из определения субъекта как лица, чья точка зрения о мире реализуется в высказывании, чье восприятие репрезентируется. Это может быть не только автор высказывания, но и вымышленный персонаж. В первом случае это прямая речь автора, а во втором — это может быть несобственно-прямая речь, внутренняя речь героя. В пределах одного текста может возникать субъектная множественность: персонаж произведения может выступать не только как объект описания (автором), но и как субъект мыслительной и эмоциональной деятельности персонажа, чье видение, восприятие событий в его мире актуализируется.

Одним из средств актуализации такого субъективированного описания событий, предметов в несобственно-прямой речи является неопределенный артикль. Особенно четко эта функция неопределенного артикля проявляется тогда, когда он используется с неисчисляемыми существительными, с существительными, обозначающими уникальные предметы, или же вообще с другими частями речи, или же в тех случаях, когда по всем традиционным правилам требуется определенный артикль. Именно в этих контекстах лучше всего видно

это свойство артикля — сигнализировать о том, что в данном случае необходимо подчеркнуть связь с лицом, с субъектом высказывания, отличным от автора, перевести высказывание в плоскость представлений, восприятий персонажа, героя. В этих случаях видна его интенциональная и дейктическая функция.

Важнейшим свойством дейксиса, по Лайонзу [7], является то, что он определяет структуру и интерпретацию высказываний в отношении места и времени произнесения, личности говорящего и слушающего и предметов и событий в самой ситуации высказывания. Средства языка, использующиеся как дейктические, заставляют слушателя, читателя активизировать свое внутреннее зрение или слух и почувствовать, воспринять то, на что направляет его внимание говорящий субъект.

В таких высказываниях неопределенный артикль реализует, актуализирует “мысленный дейксис”, дейксис *ad phantasma* (по Бюлеру): с одной стороны, он связан с существительным (и предметом), перед которым он стоит, а с другой стороны — с дейктическим центром, с субъектом речи, чье восприятие, мнение, воображение репрезентируется в высказывании.

Примеры визуальной перцепции:

- 1) The local *spy* — and there was one — might thus have deduced that these two were strangers, people of some taste... The eye un the telescope *might have glimpsed* a magenta skirt of an almost daring narrowness — and shortness, since two white ankles *could be seen* beneath the rich green coat and above the black boots that delicately trot the revetment... [4, p. 10].
- 2) In the meantime Boston suffered as the city's normal supplies were cut off. (p. 242)... On Tuesday afternoon, August 9, 1774 she went to Boston for the Ceremonial departure. As they drove along the dock *she* got her first *sight* of an occupied city. The tight ring of warships froze her blood [10, p. 244].
- 3) Lansen. *Leclerc had shown* him a photograph in London: a boyish thirty five, fair and good-looking [2, p. 6].

Замена неопределенного артикля в данных высказываниях на определенный сделала бы высказывание авторским, описания ситуаций выглядели бы как объективированные. Именно неопределенный артикль притягивает внимание читателя и обнаруживает тот факт, что описываемые предметы, качества воспринимаются персонажем. Использование неопределенного артикля в контекстах, которые в традиционном употреблении не позволяют этого, помогает переключить внимание читателя с восприятия авторской позиции на точку зрения его персонажа. Благодаря дейктическим свойствам артикля, читатель встает на точку зрения персонажа и следует за ним, воспринимая описываемое глазами персонажа, сопереживая вместе с ним.

Такие явления происходят не только в контекстах с неисчисляемыми существительными или другими частями речи (как в примерах 1, 3 и 4), но и с исчисляемыми существительными, как например, в примере 2 и следующем, в обычных условиях требующими притяжательного местоимения.

4) *Mac stepped stiffly forward his face black with anger. ... He turned a serious face to Jim and quoted 'Watch your step, baby' [9, p. 88].*

Вместе с тем многие авторы отмечают дейктические свойства категорий времени и аспекта. Например, Мэри Гэлбрейт прямо указывает, что определенная и неопределенная референция, глагольное время и аспект, модальность в предложении нужно понимать с точки зрения эпистемиологии субъективного персонажа, а не в отношении коммуникации между автором и читателем [5, с. 33]. Используя эти дейктические свойства, автор (писатель) вовлекает читателя в мир повествования, заставляя его следовать за героем, сопереживать ему.

В самом деле, употребление Past Perfect в следующем отрывке невозможно объяснить без ссылки на то, что именно для героя, а не автора происходит фиксация завершения долгого пути персонажей:

5) *And steep it was, with thickets and slipping sand, and another cache-net to negotiate, and Jeb's gloved hand waiting if he stumbled, but he didn't. Suddenly they had arrived [3, p. 29].*

Или же многократное употребление Present Continuous, которое в данном отрывке повествования служит маркером внутренней речи героя:

6) *I regret to inform you, Paul, that you will be totally incommunicado, save for operational purposes, throughout your mission, the laborious South African voice of Elliot, his self-designated field commander, is warning him [3, p. 2];*

и далее на следующей странице:

7) *'Can't have you wearing that, Paul darling, can we now?' a motherly woman his own age is saying to him a lifetime ago in the red-brick suburban villa near Heathrow airport where she and her sisterly colleague are dressing him for the part. '...'*

Sharing the joke, determined as ever to be a good chap by his own lights, he looks on while she writes *Paul* on an adhesive label and locks his gold watch away in a cash box with his wedding ring for what she calls *the duration*. [3, p. 3].

Автор многократно переключается с прямого авторского повествования на изложение событий с точки зрения своего героя и обратно, именно в этих "точках переключения" автор пользуется Past Perfect и Present Continuous, выделяя тем самым эмоциональную составляющую всего эпизода.

Данные наблюдения, по нашему мнению, имеют значение не только для герменевтики — полного и правильного толкования

художественного произведения, но и для понимания всего потенциала языковых единиц.

Список литературы:

1. Bühler K. Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena : Fischer, 1934.
2. le Carre J. The Looking Glass War. New York : Bantam, 1965.
3. le Carre J. A Delicate Truth. London : Penguin, 2014.
4. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. New York: Signet, 1969.
5. Galbraith M. Deictic Shift Theory and the Poetics of Involvement in Narrative / J.F. Duchan, G.A. Bruder, L.E. Hewitt (Eds.) // *Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective*. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1995. P. 19–59.
6. Heim I. R. The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases. M. A., Ludwig-Maximilians-Universität München, PhD, University of Massachusetts, 1982.
7. Lyons G. Language and Linguistics. An Introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 1981.
8. Montague R. Formal Philosophy. Sel. Papers. London : Yale, New Haven, 1974.
9. Steinbeck J. In Dubious Battle. London : New English Library, 1973.
10. Stone I. Those Who Love. New York : Signet, 1965.

Сведения об авторе: Галина Павловна Снигаренко, к.ф.н., доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России;
email: vsnigarenko@mail.ru

DEIXIS AND CONTEXT INTENSIONALITY MARKERS

Galina P. Snigarenko

Associate Professor, English Language Department of the School of International Relations of MGIMO University, Russia;
email: vsnigarenko@mail.ru

Abstract

The subject of intensional predication in a novel or story is a fictional entity, a character whose subjective point of view, whose 'possible world' or conscience is created by the author of a literary text. Multi-subjective texts can be realized through represented speech. Deixis — a tool of self-world orientation — is manifested in the use of the definite and indefinite articles, tense, aspect and modality which can carry a deictic meaning. Transposition into the character's vision and conscience is designated by deictic shifters. It is at the moment of such a shift that the reader's involvement in the story is effected.

References:

1. Bühler, K. (1934). *Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena: Fischer
2. le Carre, J. (1965). *The Looking Glass War*. New York: Bantam.
3. le Carre, J. (2014). *A Delicate Truth*. London: Penguin
4. Fowles, J. (1969). *The French Lieutenant's Woman*. New York: Signet.
5. Galbraith, M. (1995). Deictic Shift Theory and the Poetics of Involvement in Narrative. In J. F. Duchan, G. A. Bruder, L. E. Hewitt (Eds.). *Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective* (pp. 19–59). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
6. Heim, I. R. (1982). *The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases*. M. A., Ludwig-Maximilians-Universität München, PhD, University of Massachusetts.
7. Lyons, G. (1981). *Language and Linguistics. An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Montague, R. (1974). *Formal Philosophy. Sel. Papers*. London: Yale, New Haven.
9. Steinbeck, J. (1973). *In Dubious Battle*. London: New English Library.
10. Stone, I. (1965). *Those Who Love*. New York: Signet.

Способы вербализации лингвокультурного концепта Stiff Upper Lip

В. С. Соседова

МГИМО МИД России

Аннотация

Статья посвящена способам вербальной репрезентации лингвокультурного концепта Stiff Upper Lip. Лингвокультурный концепт Stiff Upper Lip является одним из ключевых для английского менталитета, его культурная значимость определяет широкий спектр способов выражения в английском языке. Цель статьи — продемонстрировать, с помощью каких английских слов и фразеологических единиц актуализируется изучаемый концепт. Статья подготовлена на материалах, полученных в результате анализа качественных английских словарей, а также примеров из английской художественной литературы и прессы, Британского национально-го корпуса. Существует не только большое количество лексем, которые можно объединить в группы *courage*, *determination*, *obstinacy*, *calm*, *restraint*, но также фразовые глаголы и богатое разнообразие фразеологических единиц, используемых для вербализации данного концепта. Наиболее многочисленную выборку составляют фразеологизмы, основанные на физическом опыте человека или включающие в свой состав сему “часть тела”, что обусловлено спецификой концепта SUL.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, вербальная презентация, фразеология, *stiff upper lip*.

Существует множество способов апелляции к любому лингвокультурному концепту при помощи языковых единиц различных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений [1, с. 78]. В статье мы рассмотрим способы вербализации лингвокультурного концепта *Stiff Upper Lip* (далее SUL).

В качестве имени концепта SUL в языке закрепилось выражение SUL. Прежде чем проанализировать ФЕ SUL как единую лексическую единицу, рассмотрим свободное словосочетание SUL, что позволит определить роль каждого элемента в значении всего выражения и понять, почему данное выражение используется для обозначения целого концепта.

Lip — 1. *either of the two soft edges at the opening of the mouth* [OALD]. Слово *lip* само по себе не дает ключа к значению всей единицы, однако интересно обратить внимание на другие фразеологизмы, в которых оно встречается. Среди них: *bite one's lip*; *curl one's lip*; *smack one's lips*; *purse one's lips*. Во всех приведенных сочетаниях губы задействованы в выражении эмоций: нервозность, презрение, удовольствие, обида. То есть когда человек испытывает различные эмоции, это часто выражается движениями губ, о чем также свидетельствуют исследования в области физиологии [3]. Фиксация данной информации во фразеологизмах свидетельствует о том, что носители языка знают об этой особенности человека на уровне бытового наблюдения. Можно предположить, что фразеологизм с элементом *lip* будет связан с выражением эмоций.

Upper — *higher than something else, especially one of two things that are a pair* [MED] — представляет собой сравнительную степень прилагательного *up* и имеет значение “выше, чем другой, особенно для парных объектов”. Слово *up* также составляет один из базовых общечеловеческих концептов и имеет положительную окраску: *вверхорошо* [2, с. 35].

Stiff — 1. *firm, does not bend easily. ...4. stiff behaviour is rather formal and not very friendly or relaxed* [COBUILD]. Значение данного слова строится вокруг идеи внутренней твердости, изначально о предметах, а затем и о характере человека. Именно элемент *stiff* во многом определяет значение всего выражения SUL. Наше предположение о связи фразеологизма с выражением эмоций оправдывается с той поправкой, что эмоции не выражаются, а, наоборот, скрываются.

Следующим шагом исследования является анализ SUL как ФЕ. В результате обобщения словарных дефиниций полученное определение звучит следующим образом: *remain calm, not to show feelings / emotions in a difficult or unpleasant situation*, то есть SUL — это

способность сохранять спокойствие, скрывать эмоции в сложной ситуации.

Далее мы определили лексическое окружение единицы SUL. Анализ корпуса английского языка *British National Corpus* позволил выявить сочетаемость единицы SUL с глаголами **keep, maintain, have, be, bite, wear**, однако последние три являются окказиональными. Обратим внимание на семантику глаголов *keep, maintain, have* — все они имеют значение “сохранять / поддерживать какое-либо состояние”, что подтверждает идею о контроле эмоций и способности сохранять спокойствие в сложной ситуации как о неотъемлемых характеристиках британского менталитета.

На основании анализа словарных дефиниций ФЕ SUL возможно выделить несколько ключевых компонентов значения: *calm, control, determination, courage*, которые входят в поле значения концепта SUL. Для нахождения более широкого спектра способов вербальной репрезентации концепта SUL был проведен поиск синонимов, в результате чего было обнаружено около пятидесяти единиц, которые были распределены на группы ***courage, determination, obstinacy, calm, restraint***:

Courage	Determination	Obstinacy	Calm	Restraint
boldness	firmness	obstinacy	patience	will power
backbone	perseverance	stubborn-	sangfroid	reserve
bravery	persistence	ness	calmness	restraint
bravado	purposefulness		coolness	stoicism
dauntless-	resoluteness		imperturbable	forbearance
ness	resolution		composure	self-control
fearlessness	spine		dispassion	self-posses-
fortitude	steadfastness		equanimity	sion
grit	tenacity		hard	
guts			immovable	
hardihood			nerveless	
nerve			nonchalant	
pluck			sedate	
spunk			unflappable	
valour			stiff	
			tranquil	
			unaffected	
			unexcitable	
			unmoved	
			unruffled	

Например:

*As for the Chancellor himself, Mr Parkinson said: 'I think he has both the **backbone** and the **brains** and the **determination** to see us through this **difficulty**.'* (BNC, A53 20)

Наряду с характеристикой *backbone* (твердость характера), автор также описывает канцлера как решительного, целеустремленного человека с головой на плечах. Отметим, что *determination* также входит в поле SUL, а сложность ситуации *difficulty* в представленном отрывке показана эксплицитно.

Наряду с отдельными лексемами, **фразовые глаголы** также могут служить средством вербальной репрезентации концепта SUL. В результате работы со словарями были выявлены следующие лексические единицы: *hold on*, *carry on* и *bottle up*.

Далее мы рассмотрим **фразеологические единицы** как способ вербальной репрезентации концепта SUL, что представляет особый интерес, поскольку именно во фразеологии представлено большое количество культурной информации, а широкий ряд выявленных фразеологизмов свидетельствует о культурной значимости изучаемого концепта. С помощью словарей было отобрано около сорока единиц, включающих в себя основные элементы значения, обнаруженные в ходе анализа ФЕ SUL.

Анализ синтаксической структуры фразеологизмов, синонимичных ФЕ SUL, показал, что подавляющее большинство составляют глагольные словосочетания структуры **V + N**, в то время как единица SUL принадлежит к именной группе. Данный факт можно объяснить тем, что на самом деле номинативное словосочетание SUL представляет собой **состояние** сдержанности и самоконтроля, т. е. его семантика является глагольной.

Следующим этапом исследования стала классификация фразеологизмов по элементам, входящим в их состав:

1. Группа ФЕ с элементом “часть тела и лица”:
 - а) **head**: *keep a cool head, keep your head*;
 - б) **face**: *put a brave / bold face/front on smth, poker face, face the music*;
 - в) **chin**: *keep one's chin up, take it on the chin*;
 - г) **hair**: *keep one's hair on*;
 - д) **pecker**: *keep your pecker up*;
 - е) **hand**: *take one's courage in both hands*.
2. Группа ФЕ, отражающих физический опыт взаимодействия человека с окружающей средой:
 - а) **bear**: *a cross to bear, bear the brunt of smth*;
 - б) **punches**: *roll with the punches*;
 - в) **grip**: *take a grip on / get the grips*;
 - г) **smile**: *come up smiling*;
 - д) **pull**: *pull yourself together*;

- е) **cool**: *keep your cool, keep a cool head, cool as cucumber, play it cool*;
 - ж) **cold**: *in cold blood*;
 - з) **rough / smooth**: *take the rough with the smooth*;
 - и) **bitter**: *till the bitter end*;
 - к) **pluck / screw**: *pluck up the courage, screw up the courage*.
3. Группа ФЕ с элементом “объекты и явления природы”:
 - а) **объекты природы**: *grasp the nettle, take the bull by the horn*;
 - б) **явления природы**: *weather/ride the storm*.
 4. Группа ФЕ с элементом “артефакт”:
 - а) **одежда**: *keep your shirt on*;
 - б) **оружие**: *stick to your guns, bite the bullet*;
 - в) **лекарство**: *take one's medicine*;
 - г) **изделия из различных материалов**: *as hard as nails, keep / hold your end up*.
 5. Группа ФЕ, отражающих ориентацию в пространстве: *stay the course / distance*.

Наиболее многочисленную группу составляют фразеологизмы, основанные на физическом опыте человека или включающие в свой состав сему “часть тела”. Это объясняется тем, что концепт SUL представляет собой характеристику человека, а внутреннее состояние часто имеет внешние проявления, которые получают языковые обозначения, а затем через механизмы метафоры или метонимии переносятся на выражение внутренних переживаний человека. Группа “объекты и явления природы”, напротив, представлена лишь тремя фразеологизмами, поскольку сохранение самообладания зависит от силы воли и характера самого человека, а не от окружающей среды.

Таким образом, лингвокультурный концепт SUL может быть вербализован с помощью непосредственно ФЕ SUL, ряда синонимичных лексем, которые, как правило, используются целыми кластерами, фразовых глаголов, а также широкого спектра фразеологических единиц, в большинстве своем связанных с физическими характеристиками и опытом человека.

Список литературы:

1. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж : ВГУ, 2001. С. 75–80.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Экман П., Фризен У. Узнай лжеца по выражению лица : пер. с англ. СПб. : Питер, 2012.
4. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/> (CALD)*

5. *Macmillan English Dictionary*. Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/> (MED)
6. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*(OALD)

Сведения об авторе: Соседова Варвара Сергеевна, преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России;
email: sosedovavarvara@gmail.com

LINGUOCULTURAL CONCEPT STIFF UPPER LIP: WAYS OF VERBALIZATION

Varvara Sergeevna Sosedova

Lecturer, MGIMO University; email: sosedovavarvara@gmail.com

Abstract

The article touches upon the means of verbalization of the linguocultural concept Stiff Upper Lip. Being one of the key concepts of English mentality, Stiff Upper Lip is represented in a number of ways in the English language. The main aim of the author is to demonstrate how the concept under study is verbalized at different language levels, namely lexical and phraseological. The article is based on data collected from quality English dictionaries, English fiction and press. There are about 50 different lexemes used for verbalizing concept Stiff Upper Lip which can be divided into the following groups: *courage, determination, obstinacy, calm, restraint*. Besides, there are phrasal verbs and phraseological units, with those based on physical experience or containing the component 'part of the body' being the most numerous.

Key words: linguoculturology, concept, verbal representation, phraseology, stiff upper lip.

References:

1. Karasik, V.I. & Slyshkin, G. G. (2001). *Lingvokul'turnyy kontsept kak edinita issledovaniya* [Linguocultural concept as a unit of study]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki*. Voronezh: VGU. P. 75–80.
2. Lakoff, D. & Dzhonson, M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. M.: Editorial URSS. 256 p.
3. Ekman, P. & Frizen, U. (2012). *Uznay lzhetsa po vyrazheniyu litsa* [Unmasking the Face]. SPb.: Piter.
4. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Mode of access: <http://dictionary.cambridge.org/> (CALD)
5. *Macmillan English Dictionary*. Mode of access: <http://www.macmillandictionary.com/> (MED)
6. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*(OALD).

“Фигуры любовной речи”

Н. А. Трофимова

Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”

Аннотация

Автор определяет специфику интимного общения влюбленных и рассматривает некоторые особенности его языкового кода: ласкательные имена, формула признания в любви. При анализе ласкательных семем обосновываются ценностные предпочтения социума, выделяются словообразовательные особенности вокативов. Синтаксические особенности речи влюбленных обусловлены целью эмоционального воздействия и представлены повторами, увеличивающими эмотивную плотность высказывания.

Ключевые слова: вокатив, диминутив, метафора, метонимия, речь влюбленных, деривация.

Интимное общение основано на романтических отношениях партнеров, предполагающих выражение трепетных чувств друг к другу. Как любой иной тип общения, интимное общение обладает специфическими признаками, к которым относятся среди прочих глорификация объекта любви, высокая степень синтонности и эмоциональности, достигаемых в первую очередь интимизированными вербальными знаками и спецификой их комбинации в диалоге. Гениально облекший внутреннюю дрожь влюбленного в слова Р. Барт писал о том, что у влюбленных “слова вместо пальцев и пальцы на конце слов” [2, с. 140]. Говорящий о любви “обнимает” партнера своими словами, гладит его, тихонько касается его ими.

Одним из наиболее важных признаков интимного общения является признание необыкновенной ценности объекта любви. Его “аксиологическая ядерность” (С. Г. Воркачев) приводит к необходимости подбора уникальных номинаций партнера по интимному общению, подчеркивающих его выделенность, выражающих ласку и сексуальную притягательность. Мы называем такие номинации ласкательными вокативами или ласкативами, в любовном дискурсе они функционируют как речевые афродизиаки: влюбленные наркотизируют себя, повторяя их, наслаждаясь их звучанием [3, с. 140].

Ласкативы выполняют оценочно-характеризующую функцию, выражая субъективно-положительное отношение говорящего к адресату. Лексико-семантические варианты ласкативов связаны между собой отношениями семантической деривации, самым частым

и традиционным преобразованием в рамках которой является метафорический перенос.

Наиболее популярной группой ласкативов-метафор являются зооморфизмы, выбор которых для “новонаречения” партнера носит, с одной стороны, фактофиксирующий параметрический характер (констатируется большой / маленький размер партнера, особенности телосложения и поведения, цвет волос или глаз и т. п.), а с другой стороны, дает партнеру субъективную эмоциональную (положительную) оценку. Субъективность оценки допускает возможное несовпадение основания положительного метафорического наименования партнера и архетипического представления людей о том или ином представителе животного мира. Выбор мотивационного признака не является существенным, он зависит от степени заметности и индивидуального восприятия этого признака влюбленными. Поэтому среди ласкательных фаунонимов встречаются слова, называющие небольших зверушек, птиц и насекомых, образ которых в сознании говорящего не идентифицируется с положительными аксиологическими и эмоциональными характеристиками (*Käfer, Frosch, Laus, Wurm, Motte, Cobra*). Использование их в речи влюбленных объясняется влиянием факторов ситуативного и контекстуального характера: внимание номинирующего концентрируется на определенной детали, которая в исходной ситуации привлекает наибольшее внимание или имеет основополагающее значение: например, природная беспокойность адресата (*Wurm, Motte*), ядовитая язвительность (*Cobra*) и др.

Кроме зоометафор, частный код влюбленных включает в качестве ласкативов слова-названия сладостей (*Honig, Leckerchen*), слова-названия эротически привлекательных частей тела (*Muschel, Öffchen, Packetchen*), имена мифологических героев, библейских и сказочных существ (*Aphrodite, Amor, Amazone, Zeus, Venus; Engel, Fee, Dornröschen, Elfe, Nixe*), слова-названия небесных светил (*Stern, Sonne*), слова-названия драгоценных камней и металлов, обозначения сокровища в целом (*Schatz, Rubin, Juwel*), слова-названия растений (от гиперонима *Blume (Blumlein)* до самых разнообразных гипонимов: *Butterblume, Gänseblümchen, Honigblume, Kirschblüte, Maiglöckchen, Kaktusblümchen, Rose*), слова-названия мягкого, приятного на ощупь материала или его элементов — ворсинок, ниточек, пуха (*Fussel, Fuzzi, Flauschi*) и др. Выбор ласкательного вокатива всегда индивидуален и ситуативен, он является знаком особенной интимности и эксклюзивности отношений.

Метафорические преобразования значения часто сопровождаются активными словообразовательными процессами, поскольку перенос наименования с предмета или животного на обозначение человека часто оказывается недостаточным для выражения интимного положительного отношения к субъекту оценки. В таких случаях эмоциональное воздействие метафоры усиливается “умножением”

положительно заряженных сем в ласкативе (*Mondscheinengel, Goldplätzelpärchen, Hasiputzi-schatzimausi, Leckersüßhönigkuchenmirabelle* и т. п.) и использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов *-chen, -lein, -i, -le / -li, -che / chi, -erl*, вносящих в семантическую структуру слова эмоциональную оценку положительного свойства: *Mausi, Tigerchen, Katerle, Hasilein, Hascherl*. Важно подчеркнуть, что наличие диминутивного суффикса не ограничивает семантику ласкательно-вокатива “уменьшением” размера партнера (*Tigerchen = ein kleiner Tiger*), в словах с диминутивными суффиксами реализуется скорее второе — ласкательное — значение, актуализируется эмотивное отношение говорящего к партнеру, выражается ласка, симпатия, адресат включается в личную сферу говорящего [1, с. 146].

Среди фаунонимов-комполит встречаются специфические вокативы, в основе которых лежит метонимический перенос — лексемы, называющие часть животного — его лапку, хвост, ухо или даже зуб: *Hasenpfötchen, Hasenöhrrchen, Hasen- / Mausezähnenchen, Mauseshwänzchen, Mauseherzchen, Mausefüßchen* и т. п. Трудно найти рациональное объяснение такому необычному выбору лексемы для называния любимого человека. Вероятно, одной из причин может быть отношение к женщине как к объекту защиты и заботы, маленькому беспомощному существу, вызывающему бесконечное умиление, при обращении к которому требуется крайняя диминутивность. В использовании таких вокативов проявляется та самая “бесконечная метонимия” нежности, когда “каждая часть тела любимого, даже до крайности неуловимая (чуть выщербленный зуб, прядь волос и пр.), вызывает изумление и обожание” [2, с. 172].

Созданный влюбленными частный код предполагает не только создание новых слов и значений, он пользуется и другими специфическими операторами, пытаясь найти вербальный эквивалент чувствам, аффектам, мыслям.

Самым важным выражением в “прямой речи любви” является тривиальная формула с предикатом, выраженным глаголом *lieben*, который связывает субъект аффекта с его объектом. Это самая обычная субъектно-объектная глагольная структура, но очевидно, что, хотя место субъекта и объекта в предложении может занять любая единица (*ich, du, Anna, mein Hund; mich, dich, mein Auto*), значение высказывания *ich liebe dich* совершенно меняется, если меняется один из элементов этого прототипа: *Du liebst Anna, Mein Hund liebt mein Auto*. Иначе говоря, “малейшее синтаксическое искажение разрушает этот блок; он находится как бы вне синтаксиса” [2, с. 410]. Из этого Р. Барт делает вывод, что фраза *ich liebe dich* — не фраза вовсе, а слово, неразложимая холофраза [2, с. 411]. Эта холофраза является магической формулой, повторяемой влюбленными много раз в ситуациях признания в любви, вызывающих у них сильный всплеск эмоций: *Barbara — ich — ich liebe*

Sie, ich liebe Sie — ich liebe dich, Barbara (Torwegge). Кластерное использование повтора призвано оказать влияние на собеседника, усилить значение произносимых слов, выводит на первый план эмоциональное состояние адресата — волнующую страсть.

Приведенное высказывание является, кроме того, примером специфического употребления местоимения в высказываниях признания в любви. Партнеры обращаются друг к другу на “Вы”, но особенно эмоционально заряженная ситуация ломает рамки строгого соблюдения норм вежливого общения, “перехлест” эмоций приводит говорящего к потере социальной ориентации, что выражается в так называемом прономинальном переходе — использовании местоимения *du* вместо местоимения *Sie*. Такой переход мгновенно меняет, интимизирует ситуацию общения, сокращает дистанцию между партнерами, сближает их.

Изложенные выше краткие наблюдения о некоторых элементах “вербальной любви” подтверждают наличие специфики языкового кода влюбленных, наполненного любовью и интимностью. Основанием для появления такого частного кода являются нежная романтичность и благоговение в отношении к партнеру, восхищение и самозабвенное любование партнером. Являясь своего рода золотыми ключами к миру, где существуют только двое и где всё пропитано неповторимой атмосферой и уникальными ритуалами, элементы частного языкового кода облекаются в необыкновенно трогательные формы, понятные и приятные близкому человеку, и неэлегантный на первый взгляд язык влюбленных (“телячьи” нежности) в определенных коммуникативных условиях становится очаровательным, игривым и оригинальным.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки славянской культуры, 1995. 767 с.
2. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М. : Ad Marginem, 1999. 215 с.
3. Schneider M. Liebe und Betrug: Die Sprachen des Verlangens. München ; Wien : Carl Hansen, 1992. 500 S.

Сведения об авторе: Нелли Аркадьевна Трофимова, д.ф.н., доцент, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”; email: nelart@mail.ru

“FIGURE OF LOVE SPEECH”

Dr. Nelly A. Trofimova

Associate Professor, Higher School of Economics, St. Petersburg;

email: nelart@mail.ru

Abstract

The author draws a linguistic view of the intimate communication of lovers, determines the specificity of this type of interpersonal communication and considers some features of the linguistic code of lovers: the group of pet names, the formula of love declarations. In the analysis of endearment sememe the author determines their semantic potency, proves value preferences of society in mutual renaming, highlights derivational features of vocatives. Syntactical features of speech lovers are conditioned by the aim of mutual emotional impact, they are syntactic repetitions, which increase the emotional density of the utterance.

Key words: vocative, diminutive, metaphor, metonymy, lovers talk, derivation.

References:

1. Apresian, Iu. D. (1995). *Izbrannye trudy* [Selected Works: Integral Description of Language and systematic Lexicography]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury. 767 p.
2. Bart, R. (1999). *Fragmenty rechi vliublennogo* [A Lover's Discourse: Fragments]. M.: Ad Marginem. 215 p.
3. Schneider M. (1992). *Liebe und Betrug: Die Sprachen des Verlangens*. München; Wien: Carl Hansen, 1992. 500 S.

Диалектизмы и просторечие в тексте художественного произведения: опыт предпереводческого анализа текста (на материале рассказов А. Оуэнс)

Я. В. Усачёва

Российский государственный
гуманитарный университет

Аннотация

Статья посвящена одной из важнейших проблем современной стилистики декодирования и переводоведения — проблеме отношения “норма — отклонение от нормы”. Материалом исследования являются рассказы яркой и самобытной шотландской писательницы Агнес Оуэнс (1926–2014). Предмет исследования — шотландские диалектизмы и наддиалектное просторечие в рамках начального этапа предпереводческого анализа художественного текста. При помощи метода сплошной выборки из трех рассказов А. Оуэнс были отобраны

примеры использования диалектизмов и просторечия, классифицированы и проанализированы их фонетические, грамматические и лексические особенности.

Ключевые слова: отклонения от литературной нормы, диалектизмы, просторечие, предпереводческий анализ текста, фонетические, грамматические и лексические особенности.

Современная Шотландия — “трехголосая страна”, где говорят и пишут на трех языках — английском, гэльском и шотландском (Scots). Стремление к достоверности повествования побуждает шотландских писателей использовать лексические, грамматические и фонетические модели, выходящие за пределы языковой нормы и характеризующие речь отдельных персонажей или самого автора. Так, Н. С. Автономова говорит о “провинциализации литературного канона” и отмечает важность изучения различных вариантов английского языка как форму противостояния глобальному английскому: “В центр внимания ставится при этом опыт любых меньшинств, реабилитирующий их творческие возможности, и соответственно — их способность к самовыражению, наряду с творением собственных идентичностей...”. [1, с. 615]

Проблема отношения “норма — отклонение от нормы” рассматривается стилистикой декодирования как изменение кода вследствие частичного нарушения наложенных на код ограничений, что, по мнению И. В. Арнольд, “позволяет передать стилистическую информацию, т.е. коннотации и иерархии смыслов”. [2, с. 98]

Необходимо разграничить релевантные для настоящего исследования понятия — “диалектизмы” и “просторечие”.

О. С. Ахманова предлагает два определения понятия “диалектизмы”. С одной стороны, это “диалектные слова, употребляющиеся в языке художественной литературы как средство стилизации слога” [3, с. 131]. С другой стороны, диалектизмы представляют собой “фонетические, грамматические и лексические особенности, свойственные тем или другим диалектам и вкрапливаемые в речь, в основном соответствующую нормам литературного языка”. [3, с. 131] В терминологии Л. Л. Нелюбина диалектизмы представляют собой “слова из разных диалектов, нередко используются в языке художественной литературы со стилистической целью (для создания местного колорита, для речевой характеристики персонажей)”. [4, с. 45]

Под просторечием О. С. Ахманова понимает “слова и выражения, обороты, формы словоизменения, не входящие в норму литературной речи” [2, с. 368], в литературных произведениях и разговорной речи просторечие допустимо для создания определенного колорита. Л. Л. Нелюбин ставит знак равенства между просторечьем и народ-

но-разговорной речью, определяя последнюю как форму языка, служащую “средством устного междиалектального общения” и возникающую “на базе одного или нескольких территориальных диалектов”. [4, с. 117]

И. С. Алексеева относит просторечие и диалекты к коллективным видам языковых отклонений от литературной нормы, которые могут функционировать как: 1) основное языковое средство текста — авторская речь и прямая речь персонажей; 2) речевая характеристика отдельных персонажей; 3) отдельные вкрапления для колорита. [5, с. 194]

Таким образом, диалектизмы и просторечие выходят за рамки литературного, нормированного языка. Если диалектизмы передают фонетические, лексические и грамматические особенности речи, характерные для населения определенной территории, и могут при определенных общественно-политических условиях развиваться в самостоятельный язык, то просторечие не имеет строгой территориальной фиксации, обслуживает лишь определённую группу общества (малограмотных людей с низким социальным статусом) и не может превратиться в новый язык.

Если мы рассматриваем художественный текст как опосредованное отображение концептуальной и языковой картин мира, то объектом интерпретации становится каждый значимый элемент. С точки зрения теории и практики, в предпереводческом анализе текста, т.е. анализе исходного текста, предшествующем собственно процессу перевода, можно выделить следующие уровни: см. таблица 1.

В рассказах Агнес Оуэнс “The Intruders” (“Незванные гости”), “The Collectors” (“Коллекционеры”) и “When Shankland Comes” (“Когда придет Шэнкленд”) из сборника 1996 г. “People Like That” (“Такие вот люди”) [6] повествование от лица автора ведется на литературном английском языке, тогда как диалогическая речь персонажей насыщена шотландскими диалектизмами и просторечными вариантами английского языка. Например, большая часть рассказа “Незванные гости” представляет собой диалог между нелегально живущими в пустом доме бродягой Джорджем и его женой Флорой, которые ссорятся из-за пропавшей старшей дочери Греты. Это ситуация вульгарного общения, полного раздражения, несдержанности и презрения друг к другу. Главные герои рассказа “Коллекционеры” — двое безработных, которые проникли в закрытый гольф-клуб, чтобы собрать потерянные мячи для дальнейшей перепродажи. Это ситуация неприязненного общения, при грубовато-фамильярном отношении друг к другу и к игрокам в гольф. Айви, героиня рассказа “Когда придет Шэнкленд”, работает уборщицей в деревенской гостинице и пабе. Она разговаривает на англо-шотландском диалекте дома со своим сыном-подростком, в бакалейной лавке с продавщицей, на работе с кухаркой, официанткой, барменом и завсегдатаями паба. Однако в общении

Таблица 1.

<i>Предпереводческий анализ текста</i>		
	<i>в теории</i>	<i>на практике</i>
<i>уровень 1</i> <i>сущность</i>	лингвистический анализ текста с т.з. подбора эквивалентов: фонетика → грамматика → лексика	прагма-когнитивный выяснение всей фоновой информации, которая непосредственно влияет на раскрытие замысла автора и служит его реализации
<i>уровень 2</i> <i>сущность</i>	прагматический определение замысла автора (производная его цели и намерения) и функции текста (возможное воздействие текста на читателя, функциональное соответствие оригинала и перевода)	прагматический принятие решения о том, переводить ли эту информацию, выносить в комментарии или прибегнуть к обобщению, передав лишь общий смысл
<i>уровень 3</i> <i>сущность</i>	прагма-когнитивный исследование всей фоновой информации текста (культурные реалии, традиции, картина мира и т.д.)	лингвистический вычленение фонетических, грамматических и лексических трудностей и последующий подбор эквивалентов

со священником, с управляющим и его женой, а также с владельцем гостиницы Айви практически не использует Scots.

Ярче всего диалектизмы и просторечие представлены на фонетическом уровне. Поэтому А. Оуэнс заменяет орфографию английских слов в соответствии с произношением шотландских диалектизмов и английского просторечия. (Здесь и далее в скобках указывается стандартная форма английского языка). Так, для английского просторечия характерна замена носовых сонантов — заднеязычного веллярного апикально-альвеолярным, например: *so methin'* (*something*), *bein'* (*being*), *takin'* (*taking*), *grimblin'* (*grumbling*), *smilin'* (*smiling*), *feelin's* (*feelings*). В отношении фонетических диалектизмов можно выделить следующие явления: 1) делабиализация лабиализованных гласных: *whit* (*what*), *wis* (*was*), *wid* (*would*); *nae* (*no*), *tae* (*to*), *sae* (*so*), *dae* (*do*),

intae (into); ye (you); maist (most), ain (own); mair (more); 2) монофтонгизация дифтонгов и дифтонгоидов: Ah (I), ma (my); mibby (maybe), chinge (change); auld (old), cauld (cold), gaun (going); oot (out), hoose (house), doon (down), noo (now), coo (cow), aboot (about), oors (ours); 3) апокопа конечного согласного: no' (not), o' (of), wi' (with), gie (give); hissel' (himself), yersel' (yourself), masel' (myself); 4) вокализация сонорного согласного [l]: a' (all), ba' (ball), ba's (balls), a'right (alright).

Среди грамматических особенностей речи персонажей можно выделить активно используемые отрицательные формы глаголов, образованные при помощи энклитики *-nae (n't): cannae (can't), isnae (isn't), wisnae (wasn't), werenaе (weren't), dinnae (don't), didnae (didn't), huvnae (haven't)*. Глагол “to give” имеет следующие формы: *gie — geid — gien*, а “to know” спрягается как *ken — kent — kenned*.

На лексическом уровне шотландские диалектизмы представлены небольшим количеством единиц, а именно: *bairn(ie) (child), dyke (a low stone wall used to separate fields form each other); scunner (to cause disgust); wee (small, little), fly (cunning), braw (lovely, fine, splendid, excellent); aye (always, constantly), fair/awfy (very); ben (in, within), frae/fae (from) forbye (besides, except)*.

Рассказы А. Оуэнс не переведены на русский язык, поэтому в нашей работе мы не говорили о вариантах перевода диалектизмов и просторечия, тем не менее, данные речевые особенности современной прозы нельзя не учитывать ни читателю, ни переводчику.

Проведенное исследование показало, что в контексте художественного произведения такие “субстандартные” языковые элементы, как диалектизмы и просторечие носят комплексный характер и имеют важное коннотативное значение для характеристики речевого поведения персонажей.

Список литературы:

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н. С. Автономова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Учебник для вузов. — 9-е изд. — М.: Флинта : Наука, 2009.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. — М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2010.
4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь [электронный ресурс] / Л. Л. Нелюбин. — 5-е изд. стереотип. — М.: Флинта : Наука, 2011.
5. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. уче. заведений. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр “Академия”, 2004.

6. Owens, Agnes (2011). *The Complete Short Stories*. Edinburgh: Birlinn Ltd.
7. Kirkpatrick, Betty (2006). *The Concise Dictionary of Scottish Words and Phrases*. Edinburgh: Crombie Jardine Publishing Ltd.

Сведения об авторе: Усачёва Яна Валерьевна, аспирант, старший преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет; email: verbamanent@yandex.ru

DIALECTISMS AND COLLOQUIAL LANGUAGE IN A LITERARY WORK: AN EXPERIENCE OF PRELIMINARY TRANSLATION ANALYSIS (BASED ON SHORT STORIES BY A. OWENS)

Yana V. Usacheva

Post-graduate student, senior teacher, Russian State University for the Humanities; email: verbamanent@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to one of the most significant issues of contemporary stylistics of decoding and translation studies, namely the problem of correlation between “the norm” and “the deviation from the norm”. The object of the research is short stories by a remarkable Scottish writer Agnes Owens (1926–2014). The subject-matter of the investigation comprises dialectisms (Scots) and colloquialisms (English) within the initial stage of a preliminary translation analysis of a literary text. By means of sample selection of dialectisms and colloquial language units from three short stories by A. Owens, we have analyzed and classified their phonetic, grammatical and lexical peculiarities.

Key words: violations form the norm, dialectisms, colloquial language, preliminary translation analysis, phonetic, grammatical and lexical peculiarities.

References:

1. Avtonomova N. S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii iazyka [Cognition and Translation: Practices of language philosophy] / N. S. Avtonomova. — M.: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2008.
2. Arnold I. V. Stilistika. Sovremennyi angliiskii iazyk. Uchebnik dlia vuzov. [Stylistics. Contemporary English] — 9-e izd. — M.: Flinta : Nauka, 2009.
3. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticeskikh terminov [A Dictionary of Linguistic Terms]. Izd. 5-e. — M.: Knizhnyi dom “LIBROKOM”, 2010.
4. Neljubin L. L. Tolkovyj perevodcheskij slovar' [jelektronnyj resurs] [A Glossary of Translation] / L. L. Neljubin. — 5-e izd. stereotip. — M.: Flinta : Nauka, 2011.
5. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie dlia stud. filol. i lingv. fak. vyssh. uche. zavedenii. [Introduction to translation Studies: a textbook for students of philological and linguistic departments of universities] — SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skii tsentr “Akademiiia”, 2004.

6. Owens, Agnes (2011). *The Complete Short Stories*. Edinburgh: Birlinn Ltd.
7. Kirkpatrick, Betty (2006). *The Concise Dictionary of Scottish Words and Phrases*. Edinburgh: Crombie Jardine Publishing Ltd.

Паралогические средства обратной связи в личностном аспекте диалога

Т. В. Федосеева

Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация

Обратная связь обеспечивает речевой коммуникации диалогический характер: в диалоге отправитель сообщения имеет возможность уточнять свое знание, корректировать передаваемое им сообщение и одновременно получает подтверждение своего права на личностную позицию в восприятии действительности. Препятствием на пути соучастного диалога становится обратная связь оценочного характера. Предотвратить ее помогает обращение реципиента к содержанию сообщения, представляющего в вербально закодированном виде интенции, чувства и мысли отправителя. Эффективным средством диалогической обратной связи является паралогика с ее косвенными способами передачи смыслов и фигуративным инструментарием творческого мышления.

Ключевые слова: обратная связь, соучастный диалог, личность, паралогика.

Настоящая статья посвящена понятию обратной связи и ее особенностям в соучастном диалоге, развивающем личность и сознание человека. В статье последовательно рассмотрены роль обратной связи в коммуникации, характеристики соучастного диалога, некоторые способы обратной связи, нивелирующие личность, гуманистические способы ответной реакции. Отдельное внимание уделено паралогикическим средствам выражения значения, природа которых позволяет поддерживать контакт в диалогической тональности.

Обратная связь является важным компонентом коммуникации, регулирующим ее развитие. Обратная связь является проводником информации об эффекте имевшего место воздействия и гарантирует стабильность системы через последующую нейтрализацию или усиление эффекта воздействия. Реципиент, обеспечивая обратную связь, создает условия для лучшего приспособления коммуникатором

своего сообщения к коммуникативной ситуации, повышает эффективность передачи информации и увеличивает вероятность соответствия между отправленным и принятым значением сообщения.

Особенностью коммуникации, в которой участвуют личности, является их способность действовать целенаправленным образом, что в комплексной проблеме обратной связи выделяет отдельный аспект — проблему выбора реципиентом способа и предмета обратной связи. Данная проблема обнаруживает свою остроту в исследованиях диалога как необходимого условия осознания человеком мира и себя в этом мире. Согласно М. М. Бахтину, в диалоге утверждается правда каждого сознания, приобретающего право голоса, один человек говорит другому “ты еси”, давая возможность нарушить любые навязанные закономерности. Этическое восприятие собеседника создает условия для эмоциональной открытости и доверия чужому взгляду на жизнь, чужому слову, которое может стать основой размышления, исследовательской рефлексии и критического анализа, творческого синтеза и более глубокого проникновения в объект познания [3].

Отправитель благодаря ответному слову реципиента получает подтверждение того, что его мысль услышана, приобретает возможность судить о характере восприятия переданного им сообщения, в том числе о признании другими участниками коммуникации его права на самостоятельность в восприятии действительности, права на собственную — личностную — позицию. Внимание реципиента к содержанию сообщения кажется очевидным условием успешной коммуникации, однако причиной коммуникативных неудач часто становится именно отсутствие уточнения содержания, замена его на выражение оценки, что имеет личностное значение. Последнее наблюдение соответствует утверждению П. Вацлавика, согласно которому трансляция сообщения происходит по двум каналам — содержания и экзистенциального взаимоотношения.

Обратная связь оценочного характера интерпретирует сообщение с ценностных позиций реципиента, что является препятствием на пути диалога. Данную проблему с позиций гуманистической психологии поднимает Т. Гордон [1], рассматривая неэффективные способы обратной связи. Используя их, реципиент сообщает о неспособности отправителя к самостоятельной мысли, об отсутствии у него права на самостоятельное мышление. Это такие формы речи, как приказ, предупреждение, угроза, морализация, призывы к здравому смыслу, советы, готовые решения и другие. Отправитель, получив такую обратную связь, готов скорректировать свое поведение, но для него ведущим фактором будет вызванное оценкой чувство унижения, ущерб самосознанию, самооценке, ощущение, что им манипулируют, что ему не доверяют, в его способности не верят. Оценочной обратной связи противопоставляется активное слушание, ставящее целью про-

верить, правильно ли понято сообщение, правильно ли реципиент идентифицировал ощущения, которые переданы словесными формулами. Такая форма обратной связи становится основой этического восприятия собеседника.

В осуществлении обратной связи, фокусирующейся на содержании сообщения, важное место принадлежит речевым средствам, обладающим диалогическим потенциалом. К таким относятся средства паралогики с ее косвенными способами передачи смыслов и фигуративным инструментарием творческого мышления. В их основе лежит использование позитивных аналогов логических ошибок и создание смысловых эффектов с помощью тропов (трансформаций значений) и фигур (трансформаций структур) [2]. Особенностью паралогического сообщения является то, что оно требует операций со словами с учетом их многозначности. Сообщение в таком случае происходит по “искусственным” законам, что в свою очередь предполагает присутствие личности того, кто преобразует язык и реализует заложенные в языке возможности. Многозначность паралогических средств обеспечивает возможность косвенной передачи смысла, открывает горизонты для творческого мышления, позволяет человеку встать на разные позиции в восприятии ситуации и, столкнувшись с разносторонней действительностью и осмыслив ее, сделать шаг в своем личностном развитии.

Анализ практического материала подтверждает диалогический потенциал паралогических средств. В рассматриваемой коммуникативной ситуации (фрагмент киноповести Г. Полонского “Доживем до понедельника”) учитель обеспечивает обратную связь на такое невербальное сообщение школьников, как демонстративное отсутствие на уроке. Ожидаемым эффектом обратно отправленного сообщения является возвращение школьников в класс, то есть корректировка своего поведения. Из двух возможных стратегий обратной связи — прямой, когда прямо называется желаемое действие: “Идите в класс”, и косвенной — учитель выбирает вторую, создавая речевыми способами условия (осознание ситуации с позиций разных контекстов, или, скажем, деятельности), в которых школьники смогут увидеть ошибочность своей позиции и самостоятельно принять решение о том, чтобы вернуться. Сначала учитель уточняет понимание ситуации школьниками, для чего использует метафору “бастуете”. Затем, получив согласие с таким обозначением ситуации, он называет существенные признаки взятого за основу метафоры образа, чтобы показать несоответствие совершаемых школьниками действий модели поведения в случае забастовки. В дальнейшем учитель стремится воздействовать на поведение, используя другие косвенные — паралогические — приемы. Он упоминает место, куда следует перенести разговор (школьная аудитория), говорит о времени, которое потрачено на разговор, и об эмоциональной оценке происходящего (“давайте

не удлинять плохое”), на социальные роли, соответственно которым право решения в организации деятельности принадлежит определенным людям, обязанность же остальных — подчиняться (“Демидова, ты комсорг”). По ходу коммуникации учитель предпринимает несколько попыток иначе назвать происходящие события и побудить школьников к возвращению в класс. Он использует понятия педагогического процесса (“сорвали урок”), ссылается на отношения слабого и сильного, в которых порядочным является забота о слабым (“сводит счеты с женщиной, у которой сдали нервы, непорядочно”). Все усилия учителя, направленные на возвращение учеников в класс, оказались тщетны, однако в случае с каждой репликой учителя школьники получают право на собственную позицию, право слова. Последнее предотвращает конфликт и конец коммуникации, оставляя каждому участнику шанс на личностное поведение.

Итак, паралогические средства коммуникации обладают свойствами, востребованными в диалогическом общении и при организации обратной связи в коммуникации, создающей условия для проявления личности как качества человека в его творческом и соучастном отношении к собеседнику. Открытость ответному слову, доверие ему, которое демонстрирует употребление паралогических средств, составляют необходимое условие для того, чтобы каждый из собеседников взглянул на предметную действительность с позиции друг друга и понял смысл его речевого и неречевого поведения.

Список литературы:

1. Гордон Т. Курс эффективного преподавателя. М. : Ломоносовъ, 2009. 432 с.
2. Ключев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) : учеб. пособие для вузов. М. : ПРИОР, 2001. 272 с.
3. Шамликашвили Ц. А., Никитина Е. С. Введение в диалогическую. М. : Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2001. 240 с.

Сведения об авторе: Федосеева Татьяна Владимировна, ст. преподаватель кафедры “Иностранные языки-2”, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, email: t.v.fedoseeva@yandex.ru

PARALOGICAL MEANS OF FEEDBACK CONNECTION IN A COLLABORATIVE DIALOGUE

Tatyana V. Fedoseeva

Senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, email: t.v.fedoseeva@yandex.ru

Abstract

Feedback is intended to ensure that verbal communication has a collaborative character. Thanks to it the speaker can monitor the meaning of the message which was perceived by the recipient and additionally appreciate the approval of the right to have an independent point of view. A possible obstacle in a collaborative dialogue is the feedback expressing the interpretation rather than understanding of the message. To avoid such an obstacle a collaborative oriented recipient should first concentrate on the content of the message which codes intentions, feelings and thoughts of the speaker. To do it in a not-dogmatic way the recipient may use creative means of paralogic.

Key words: feedback, collaborative dialogue, personality, paralogic.

References:

1. Gordon, T. (2009). *Kurs effektivnogo prepodavatel'ia* [Parent Effectiveness Training]. Moscow: Lomonosov.
2. Kliuev, E. V. (2001). *Ritorika (Inventsiia. Dispozitsiia. Elokutsiia)* [Rhetoric (Invention. Disposition. Elocution)]. Moscow: PRIOR.
3. Shamlikashvili, Ts. A., Nikitina, E. S. (2011). *Vvedenie v dialogiku* [Introduction to paralogic]. Moscow: Mezhsobremennnyi tsentr upravlencheskogo i politicheskogo konsul'tirovaniia.

Три вариации восприятия движения “мимо”

(на примерах значений приставки про- и 过)

Т. Цзинь

Российский университет дружбы народов

Аннотация

В статье на основе анализа значений приставки *про-* и его аналога в китайском языке *guo*⁴ выделяются три вариации восприятия движения “мимо”: 1) с точки зрения субъекта восприятия; 2) с точки зрения наблюдателя; 3) с точки зрения действующего лица. В первой вариации восприятие движения “мимо” подчеркивает скоротечность движения и часто сопряжено порождаемым движением звуком. Во второй — наблюдатель может фиксировать движение или “пропустить” что-то мимо внимания. В третьей — важную роль играет оценка роли ориентира. При оценке ориентира как целевого пункта движения — “мимо” означает “ошибку”. Все вариации актуальны в русском языковом сознании и находят отражение в применении

глаголов с приставкой *про-* для репрезентации пространственных и непространственных отношений, а в китайском — наблюдается реализация первых двух вариаций, а третья вариация с мотивом “ошибка” неактуальна.

Ключевые слова: мимо, субъект восприятия, наблюдатель, действующее лицо, оценка.

Самое сложное в изучении иностранных языков заключается, наверное, в том, что глубинные механизмы организации фрагментов действительности функционируют чаще всего на подсознательном уровне у носителей языка. Эти механизмы, как правило, не осознаются и потому не активизируются при изучении другого языка. В то же время эти механизмы на самом деле не столь кардинально отличаются, о чем свидетельствует результат сравнительного анализа значений приставки *про-* и ее китайского аналога 过 (*guo*⁴), который репрезентирует движение (аналог *пройти*) и выполняет грамматическую функцию: при присоединении к глаголам действия придает ему (действию) “результативность” (аналог приставки *про-*). За *про-* и 过 фиксируются несколько моделей перемещения в физическом пространстве, в том числе модель “мимо” (→), которая применяется и для метафорического конструирования непространственных отношений.

В модели перемещения “мимо” присутствуют две возможные позиции для восприятия события: статичная позиция (позиция ориентира, вне хода события) и динамичная позиция (позиция действующего лица, внутри хода события). Сходство в применении модели “мимо” в русском и китайском языковом сознании наблюдается в случаях восприятия ситуации со статичной позиции. Находясь на позиции неподвижного ориентира, человек осознает мимо проходящее событие и задействует при этом разные каналы восприятия. Восприятие может быть осуществлено с помощью слухового аппарата:

一辆汽车呼啸而过 буквально: один + счетное слово + машина + слово звукоподражания + служебное слово между наречием и глаголом + 过.

Подобный “звуковой эффект” ярко выражен в таких глаголах с приставкой *про-*, как *прогрохотать*, *прогромыхать*, *прогреметь*, *прожужжать*, *просвистеть*. М. А. Кронгауз обращает внимание на то, что “мотивирующие данный ряд глаголы обозначают только такой звук, который с необходимостью сопровождает движение... для этого глагольного ряда существуют достаточно сильные семантические ограничения на заполнение второй валентности *мимо* Y (в отличие от глаголов чистого движения, таких, как *пройти*, *пробежать*, *проскочить мимо чего-либо*)... употребление таких глаголов допустимо, если лицо, воспринимающее звук, совпадает с точкой пространства

или находится в той точке, мимо которой движется то, что этот звук порождает” [1, с. 169]. На наш взгляд, решающую роль в данном случае играет то, что мимо проходящее событие (движение) является для человека (субъекта восприятия) неожиданным, и к нему он не может заранее подготовиться и не может заранее сфокусировать внимание (главным образом, зрение) на передвижении. А для восприятия звука не требуется специальная подготовка, как для восприятия визуального ряда. Таким образом, звуковой эффект и скоротечность движения становятся логичными компонентами восприятия вне зависимости от того, на каком языке оно репрезентировано. И такое восприятие жестко привязано к реальному пространству.

В отличие от пассивного звукового восприятия мимо проходящего события, визуальное восприятие не обязательно привязано к пространству, иными словами, действие “смотреть” может быть метафорическим: человек воспринимает ход времени-события через его визуализацию. Если попытаемся классифицировать время-событие, воспринимаемое человеком как нечто, движущееся “мимо” и репрезентируемое с помощью *про-* и 过, то мы увидим, что речь идет: 1) о воспоминаниях и мыслях, внезапно появляющихся и воспринимающихся как визуальный ряд, проходящий перед глазами или в голове; 2) о временных промежутках, о временах года, о природных явлениях, протекающих своим естественным ходом вне зависимости от желания человека; 3) о нежелательных событиях. Общность времени-события, чей ход воспринимается как движение “мимо”, заключается в том, что человек выступает лишь как “наблюдатель”, он не может оказать на ход события никакого влияния, и время-событие, в свою очередь, не оказывает какого-либо влияния на человека-наблюдателя.

Однако отношение человека к ходу времени-события не ограничивается лишь “наблюдением”: человек может вмешаться и не дать чему-то дальнейшего хода. Самым наглядным примером такого отношения представляется глагол *пропустить* и его китайский аналог 放过 (放 *фан*⁴ — глагол, имеющий значение “дать свободу, пустить, снять ограничение”), когда человек выполняет функцию “контролера”. В этом случае “пропуск / не пропуск” является “преднамеренным и осознанным” действием со стороны человека. Но “пропуск” может быть и непреднамеренным, когда человек “пропускает” из-за отсутствия должного внимания. Данный метафорический сдвиг оказывается очень продуктивным для русского языка и образовательно значение “непреднамеренного пропуска” у множества глаголов: *проглядеть, прослушать, прозевать, проворонить, прошляпить, проспаться, прокараулить, просторожить*. В китайском языке такое разнообразие отсутствует, но “дефект” внимания человека репрезентируется очень образно: иероглиф 漏 *лоу*⁴ первоначально изображает дырявую крышу, через которую проникает дождь, в сочетании с 过

метафорически указывает на пропуск чего-то из-за недостаточной концентрации внимания.

При восприятии ситуации с динамической позиции человек выступает как участник инициированного им самим события. А. А. Зализняк при анализе целенаправленного движения “мимо” какого-то ориентира выделила *мимо 1* и *мимо 2*. Для *мимо 1* “ситуация концептуализуется как прохождение X-а через окрестность Y-а или возможно через сам Y, в *мимо 2*, наоборот, принципиальное значение имеет противопоставление Y-а и его окрестности: здесь важно то, что траектория X-а не проходит через сам Y”. Для *мимо 2* главным является то, что “X не вступает в контакт с Y-ом, а траектория X проходит близко от Y-а, уходит на задний план” [2, с. 121]. На наш взгляд, разница между *мимо 1* и *мимо 2* продиктована оценкой самого ориентира: для *мимо 1* ориентир рассматривается просто как некий промежуточный пункт, а для *мимо 2* ориентир носит дополнительный оценочный оттенок — отсутствует необходимость или желание вступить в контакт с этим ориентиром. И в этом плане в русском языковом сознании присутствует еще *мимо 3*, когда ориентир оценивается как “целевая точка”. При подобной оценке ориентира движение “мимо” означает “ошибку”: траектория не совпадает с той, которая достигла бы ориентира-цели. Воплощение такой оценки ориентира находим в глаголах *промахнуться*, *проиграть*, *пробросить*, *прогадать*, *просчитаться*, *проспорить*.

Для китайского 过 ситуация несколько иная.

Оценка ориентира *мимо 1* и *мимо 2* эксплицируется, как и в русском варианте, в основном за счет глагол-основы. Если глагол-основа означает стандартный способ движения, то, скорее всего, оценка ориентира нейтральная. Если глагол-основа означает нестандартный способ движения (например, 溜 *люй*¹ — скользить), то оценка ориентира со стороны движущегося лица — отрицательная, контакт с ориентиром нежелателен.

Нельзя сказать, что *мимо 3* совершенно чуждо для китайского языкового сознания. На самом деле иероглиф 错过⁴, означающий “ошибку, ошибиться” в современном языке, имеет также пространственное значение: линии (или траектории движения) не сходятся в одну точку. А 过 также имеет значение “вина, ошибка”, возникшее на основе представления о том, что движущееся лицо не остановилось в нужной точке, а прошло мимо. Комбинация двух иероглифов образует имя существительное 过错 — вина, ошибка. Если поменять их местами, то получается глагол с результативным элементом 错过, означающий, что траектория движения (жизненный путь) у кого-то не смогла пересечься с какой-то точкой (событием) в пространстве-времени.

Сходство с “мимо цели” в русском варианте, безусловно, есть, но оно лишь поверхностное. В случае 错过 речь идет не о целевой точке для локального действия-события, а о нужной точке пересечения

в масштабе жизненного пути: человек, идя по своему жизненному пути, не смог оказаться в желанном для него месте в нужное время.

Список литературы:

1. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М. : Языки русской культуры, 1998. 286 с.
2. Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе. М. : Языки славянской культуры, 2006. 640 с.

Сведение об авторе: Цзинь Тао, к.ф.н., доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; email: Jintao-m@yandex.ru

THREE VARIATIONS OF THE PERCEPTION OF MOVEMENT “PAST” (EXAMPLES OF VALUES OF THE PREFIXES ПРО- AND 过)

Tszin Tao

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; email: Jintao-m@yandex.ru

Abstract

This article revealed three variations of the perception of movement “past”: 1) from the point of view of the subject of perception; 2) from the point of view of the observer; 3) from the perspective of the acting person on the basis of the analysis of the meanings of the prefixes *про-* — in Russian and its counterpart “*guo*” — in the Chinese language. The first variation of the perception of movement “past” emphasizes the transience of movement and is often generated by the movement of sound. The second one can detect the motion or “miss” something overlooked. The third one plays an important role in the evaluation of the role of the landmark when a reference point is evaluated as the target point of the movement and “past” means “error”. All variations are in actual Russian language consciousness and are reflected in the use of verbs with the prefix *про-* for the representation of spatial and non-spatial relations. However, only the implementations of the first two variations are in Chinese language, but the third variation on the theme of “error” is irrelevant.

Keywords: past, the subject of perception, the observer, actor, evaluation.

References:

1. Krongauz, M. A. (1998). *Pristavki i glagoly v russkom iazyke: semanticheskaja grammatika* [Russian Prefixes and Verbs: Semantic Grammar]. M.: Iazyki russkoi kul'tury. 286 p.
2. Zalizniak, A. A. (2006). *Mnogoznachnost' v iazyke i sposoby ee predstavleniia* [Polysamy in a Language and Methods of its Representation]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury. 672 p.

Особенности дистрибуции и семантическое варьирование английских прилагательных вкусообозначения (*eatable*, *edible*, *palatable*, *savoury*)

О. В. Чалей

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Аннотация

Результаты проведенного дистрибутивного анализа позволили выдвинуть гипотезу о дифференциальных семантических признаках английских прилагательных вкусообозначения (*eatable*, *edible*, *palatable*, *savoury*). Слово ***eatable*** употребляется в контекстах, когда речь идет о вкусовых качествах и степени готовности продукта перед употреблением его в пищу. Единица ***edible*** используется, когда продукт можно употребить в пищу без опасности отравления. Согласно нашей гипотезе, прилагательное ***palatable*** акцентирует внимание на отношении реципиента к употребляемому им продукту. Единица ***savoury*** используется, когда вносится информация о вкусооценке по признаку аппетитности, ароматности блюда.

Ключевые слова: дистрибутивный анализ, семантика, дифференциальные семантические признаки, прилагательные вкусообозначения.

Многие исследователи утверждают, что значения синонимичных слов, имеющих одинаковые определения, являются тождественными. А. В. Куценко, основываясь на анализе словарных дефиниций, полагает, что “семантика прилагательных, имеющих значение вкуса (как основного), является схожей” [2, с. 87]. Исходя из этого, мы можем предположить, что существует возможность взаимозаменяемости прилагательных со схожей семантикой. Однако утверждение о синонимичности слов, даже если слова имеют одинаковое определение, не означает, что они тождественны.

Рассмотрим пример с прилагательным ***eatable***. *The prison food was eatable / Тюремная еда, пригодная к употреблению.* (Здесь и далее перевод наш. — О. Ч.) Данная денотативная ситуация допускает взаимозамену единицы ***eatable*** на прилагательное ***edible*** — *The prison food was edible.* Очевидно, что значения этих прилагательных не являются тождественными. Взаимозаменяемость предполагает различные возможности осмысления ситуаций. Хотя оба прилагательных означают, что эту тюремную пищу можно есть, слово ***edible*** вносит информацию о том, что пища пригодна для употребления и не вызовет отравления, в то время как ***eatable*** акцентирует внимание на вкусовых качествах и степени ее готовности к употреблению.

Представленные примеры слов со схожей семантикой свидетельствуют о существовании определенных различий между ними. Установление этих различий является актуальной задачей данного исследования. Для решения этой задачи был проведен дистрибутивный анализ языковых единиц, связанных с картиной восприятия вкусовых ощущений. Дистрибутивный анализ подразумевает “выяснение сочетательных способностей исследуемых слов, их способность встречаться вместе с другими единицами того же уровня в разных контекстных условиях с целью выявления синтагматических связей данных языковых единиц” [1, с. 44].

В основу нашей дистрибутивной классификации были положены объективно существующие различия в характере сочетаемости языковых форм английских прилагательных вкусообозначения (*eatable, edible, palatable, savoury*).

Результаты дистрибутивного анализа позволили утверждать, что прилагательное *eatable* сочетается:

- с существительными, обозначающими продукт / блюдо / — *eatable puddings / potatoes / strawberry cake / bread, rolls, pasta / beef / pork / duck, chicken*;
- со словом с собирательным значением “еда”, “пища” — *eatable food / meal*.

Рассмотрим пример употребления слова *eatable* в предложении. *My chicken was eatable, although a little drier than how I normally prepare it*. В данном контексте акцент делается на готовности цыпленка в пищу, хотя он получился не таким сочным, как обычно хозяйка предпочитает его готовить. Таким образом, слово *eatable* употребляется в контекстах, когда речь идет о степени готовности продукта перед употреблением в пищу.

Прилагательное *edible* сочетается с существительными, обозначающими:

- съедобные украшения для десертов / съедобные предметы — *edible egg colourings/paper / inks / silver foil/lipstick / toothpaste / cigarettes*;
- растения или части растений, годных для приготовления, — *edible flowers / weeds/thistle / seeds / leaves / mushrooms / fungi*.

В ходе дистрибутивного анализа было высказано предположение о том, что данное прилагательное используется, когда тот или иной предмет, вещество можно употребить в пищу, при этом опасность отравления отсутствует, и, если делается акцент на то, что данный объект можно употребить в пищу, в то время как он обычно несъедобен. Так, например, *Dyed Easter eggs can stay edible forty days without being refrigerated* / Крашеные пасхальные яйца могут оставаться съедобными сорок дней без хранения их в холодильнике. В этом предложении слово *edible* вносит информацию о том, что крашеные пасхальные яйца не испортятся и не вызовут отравления в течение сорока дней, даже если их не хранить в холодильнике.

В результате дистрибутивного анализа прилагательного *palatable* были получены следующие данные. Слово *palatable* сочетается с существительными, обозначающими продукты, которые готовы к употреблению: *palatable vegetables / bread / pork, poultry, cereals, tender caviar*.

Единица *palatable* наиболее тесно связана с картиной эстетического восприятия употребляемого в пищу продукта и используется с целью показать, насколько данный продукт приятен на вкус. *We found this wine had a smooth rounded flavour that was very palatable and very easy to drink / Нептерпкий насыщенный вкус вина, вызвавший приятные ощущения*. Таким образом, прилагательное *palatable* описывает субъективные вкусовые ощущения реципиента.

В ходе дистрибутивного анализа слова *savoury* было выявлено, что данная единица часто встречается в контексте, где речь идет о закусках, угощениях, десертах, кондитерских изделиях: *savoury dishes / snacks / treats*. Прилагательное *savoury* также сочетается с прилагательным *sweet* (сладкий), а также с существительными, обозначающими: “вкус” — *savoury taste / flavour*; “запах” — *savoury smell / odour / aroma*.

Рассмотрим следующий пример. *Adding sun-dried tomatoes as a garnish to the pizza gives a strong savoury taste / Вяленые помидоры придадут пицце ярко выраженный ароматный вкус*. Единица *savoury* акцентирует внимание на пикантных особенностях и оттенках вкуса — ароматности, аппетитности. В ходе анализа сочетательных особенностей слова *savoury* с приведенными группами единиц было высказано предположение о том, что данное прилагательное используется, когда вносится информация о вкусооценке по признаку аппетитности, ароматности, пряности.

Результаты проведенного дистрибутивного анализа позволили выдвинуть гипотезу о дифференциальных семантических признаках исследуемых слов — английских прилагательных вкусообозначения (*eatable, edible, palatable, savoury*).

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1991. 140 с.
2. Куценко А. В. Семантическая структура прилагательных-вкусообозначений и их лексическая сочетаемость в английском и русском языках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1979. 228 с.

Сведения об авторе: Чалей Ольга Валерьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия; email: ochaley@yandex.ru

DISTRIBUTION PECULARITIES AND SEMANTIC VARIATION OF ENGLISH ADJECTIVES FOR TASTE DESIGNATION (*EATABLE*, *EDIBLE*, *PALATABLE*, *SAVOURY*)

Olga V. Chaley

Senior Lecturer, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; email: ochaley@yandex.ru

Abstract

The results of distributive analysis enabled us to suggest a hypothesis on differential semantic features of English adjectives for taste designation (eatable, edible, palatable, savoury). *Eatable* is used in the contexts relating to tasty qualities of the product and degree of its preparedness for consumption. While analyzing semantics of the adjective *edible* we suggested that this lexical unit is used if any food product might be consumed without poisoning threat for the body. According to our hypothesis the adjective *palatable* focuses on the recipient's attitude to the food product. This word implies some information about tasty sensations of the recipient. Our study enabled to suggest that *savoury* might introduce some information about flavour value on appetizing and aroma qualities of any dish.

Key words: distributive analysis; distribution; semantics, differential semantic features; adjectives for taste designation.

References:

1. Arnold, I. V. (1991). *Osnovy nauchnyh issledovaniy v lingvistike* [Fundamentals of scientific studies in linguistic]: textbook. M.: High school. 140 p.
2. Kutsenko, A. V. (1979). *Semanticheskaya structura prilagatel'nyh-vkusooobnachenii and their leksicheskaya sochetaemost'* [Semantic structure of taste designated adjectives and their lexical collocation in English and Russian languages]: thesis Candidate of Phyl. Sciences: 10.02.04. M. 228 p.

Оценка как составляющая прагматикона языковой личности: триангуляционный подход

Е. Б. Чернышова

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета

Аннотация

В докладе рассматривается оценочный компонент русского языкового сознания, выявленный на материале Русского ассоциативного

словаря. Психолингвистический подход к оценке, предполагающий анализ ассоциативной структуры ядерных единиц и выявление оценочных связей ассоциатов и их стимулов, дает возможность говорить о яркой выраженности параметра оценочности. Таким образом, для более полного описания оценки как составляющей прагматикона языковой личности необходима исследовательская стратегия, позволяющая рассмотреть изучаемый предмет с нескольких возможных точек зрения. Такой исследовательской стратегией является триангуляция. Для исследования оценки как компонента языкового сознания эффективно применение методологической, концептуальной триангуляции и триангуляции данных.

Ключевые слова: языковая личность, ядерные оценочные единицы языкового сознания, триангуляция.

Высшим уровнем развития ЯЛ является мотивационный уровень, или прагматикон, который составляют прецедентные тексты, пресуппозиции, приемы аргументации, оценка.

В целях более полного описания оценки как составляющей прагматикона ЯЛ мы обратились к триангуляционной исследовательской стратегии, позволяющей рассмотреть изучаемый предмет с нескольких возможных точек зрения.

В социальной психологии триангуляция понимается как интегрирование информации из различных источников, собранной с помощью различных методов разными исследователями.

В процессе триангулирования данных мы использовали различные выборки (триангуляция участников), сравнивали данные ассоциативных словарей разных лет (временная триангуляция) и сопоставляли данные ассоциативных словарей и электронных баз ассоциативных реакций, которые были получены в ходе экспериментов в разных регионах России (пространственная триангуляция).

Методологическая триангуляция на этапе анализа данных позволяет расширить описание изучаемого объекта. В нашем исследовании мы применяли триангуляцию количественных и качественных методов анализа. В частности, осуществляли индексализацию ассоциативных полей ядерных слов языкового сознания по параметру оценочности, а затем для качественной интерпретации полученного параметрического описания применяли метод шкалирования.

В рамках данной статьи представим результаты анализа АП **ЧЕЛОВЕК** как самого частотного слова в ядре языкового сознания молодежи и школьников.

По материалам Русского ассоциативного словаря (РАС) [1] мы вычислили индекс оценочности (ИО) АП **ЧЕЛОВЕК** в языковом сознании молодежи. Данный индекс представляет собой отношение

количества ассоциатов, содержащих оценочные связи со стимулом, к общему количеству ассоциатов АП (см. таблицу). Далее нами был вычислен ИО ядра АП как отношение количества ядерных ассоциатов, содержащих оценочные связи со стимулом, к общему количеству ассоциатов в ядре АП (см. таблицу).

Такую же методику в рамках триангуляции данных мы применили к материалам АП **ЧЕЛОВЕК** из Ассоциативного словаря школьников [2].

Таблица 1.

Сравнительная таблица параметра оценочности АП **ЧЕЛОВЕК**

	Молодежь		Школьники	
	Численные значения параметра	Степень выраженности параметра	Численные значения параметра	Степень выраженности параметра
ИО АП	56,7%	значительная	35,6%	яркая
ИО ядра АП	49,5%	яркая	100%	абсолютная

Как видим, степень выраженности параметра оценочности ассоциативного поля **ЧЕЛОВЕК** в молодежной выборке выше, чем в школьной. При этом оценочность ядра АП школьников является абсолютной.

Перейдем к интерпретации полученных в результате анализа качественных данных с точки зрения концепции языкового сознания. Одним из базовых положений теории языкового сознания является утверждение о том, что ассоциации, составляющие АП слова-стимула, овнешняют образ сознания. Образ сознания (ОС) — это совокупность знаний о каком-либо объекте или явлении. К составляющим ОС относят: 1) биодинамическую ткань познавательного действия; 2) чувственную ткань; 3) личностный смысл; 4) значение.

Как видим, данные анализа позволяют описать одну из составляющих ОС ЯЛ — личностный смысл познаваемого объекта. Личностный смысл осуществляет связь индивидуального сознания человека с его бытием, формируется в ходе сопоставления чувственной ткани образа с целями субъекта сознания и выражается в оценочных суждениях о познанном объекте с помощью категорий: *плохо — хорошо, опасно — не опасно, красиво — уродливо, приятно — не приятно* и др.

По степени выраженности параметра оценочности АП определенного слова-стимула можно делать выводы о степени актуальности соответствующего образа в сознании носителей языка. Количественные и качественные данные говорят о высокой степени актуальности ОС, ассоциированного с языковым знаком *человек*. Кроме того, высокая степень выраженности параметра оценочности ядра или периферии АП свидетельствует о способе актуализации данного образа в процессе деятельности языковой личности. Высокая степень выраженности параметра оценочности ядра АП свидетельствует о преобладании ценностного освоения познаваемого объекта. Высокая степень оценочности периферии АП говорит о логико-понятийном освоении объекта носителем языка / культуры.

Наше исследование в целом позволяет утверждать, что все слова, входящие в ядро ЯС, имеют ту или иную степень оценочности, что свидетельствует об актуальности ценностных отношений в сознании ЯЛ.

Всякая ЯЛ обладает своей особой многогранной системой смыслов. Ее мотивы, цели, желания, иерархия ценностей являются наиболее труднодоступными для исследования, и их языковое выражение на данный момент изучено недостаточно. Как видится, развиваемый Московской психолингвистической школой триангуляционный подход к изучению языкового сознания и, в частности, к анализу ценностных отношений, отражаемых ЯЛ в процессе деятельности и общения, будет полезным в решении определенных исследовательских проблем.

Список литературы:

1. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции. М. : АСТ-Астрель, 2002. 784 с.
2. Сдобнова А. П. Ядро языкового сознания школьников: функционально-семантическая структура // Языковое сознание: парадигмы исследования. М. ; Калуга, 2007. С. 169–192.

Сведения об авторе: Елена Борисовна Чернышова, к.ф.н., доцент, Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета, г. Борисоглебск, Россия; email: elena-chernishova@yandex.ru

ASSESSMENT AS A PART OF PRAGMATIKON OF THE LINGUISTIC PERSONALITY: TRIANGULATION APPROACH

Elena B. Chernishova

Associate Professor, Borisoglebsk branch of Voronezh State University, Borisoglebsk, Russia; email: elena-chernishova@yandex.ru

Abstract

The report considers the evaluative component of Russian language consciousness, identified on the material of Russian associative dictionary. psycholinguistic approach to the assessment, involving the analysis of associative structures of core items and identifying the evaluative relationships and their associates incentives, gives an opportunity to talk about the bright expression of the evaluation parameter. Thus, for a more complete description of the evaluation as a part of the pragmatikon of linguistic personality it is necessary to apply a research strategy to look into the subject of a number of possible points of view. This research strategy is the triangulation. To study the evaluation as a component of linguistic consciousness we use the methodological, conceptual triangulation and data triangulation.

Key words: linguistic personality, core evaluative items of the linguistic consciousness, triangulation.

References:

1. Karaulov, Y. N., Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V., Sorokin, Y. A., Tarasov, E. F. (2002). *Russkii assotsiativnyi slovar'* [Russian Associative Dictionary. Vol. 1–2]. Vol. I. From stimulus to response. M.: AST-Astrel. 784 p.
2. Sdobnova, A. P. (2007). Jadro jazykovogo soznaniya shkol'nikov: funkcional'no-semanticeskaja struktura [The core of linguistic consciousness of schoolchildren: a functional-semantic structure]. *Jazykovoe soznanie: paradigmny issledovanija*. Moscow; Kaluga. P. 169–192.

Иллокутивный статус вопроса. Данные японского языка

С. В. Чиронов
МГИМО МИД России

Аннотация

В статье уточняются общие принципы построения типологии вопросительных высказываний по иллокутивным критериям — когнитивному статусу и презумпциям коммуникантов. На основе этого с опорой на корпусные данные японского языка выявляются некоторые важные закономерности в распределении способов маркирования вопросов различных типов в современном японском языке.

Ключевые слова: речевой акт, вопрос, японский язык, когнитивный статус, маркирование.

Включаемый “отцами-основателями” речеактовой теории [9; 11] в состав директивов (исходя из побудительного характера воздействия Говорящего на Адресата), позже выделяется в самостоятельный тип речевых актов: “эротетивы” Д. Вундерлиха [13], “рогативы” Дж. Лича [10], в отечественной лингвистике — “квеситивы” Г. Г. Почепцова [4], “интеррогативы” В. В. Богданова [5].

Повод к этому, помимо специфики взаимодействия Г и А (сугубо информационного), несомненно, дала и чрезвычайная сложность и вариативность поверхностных проявлений вопросительных высказываний в речи, которые давно обратили на себя внимание исследователей и послужили основой для ряда содержательных классификаций. Это и оппозиция общих / частных, диктальных / модальных вопросов у Ш. Балли [2], и функциональная “разбивка” у Д. Спербера и Д. Уилсон [12]. В нашей стране в последние годы систематизация вопросов разрабатывалась на прагматических [6], коммуникативных принципах [8], с точки зрения вежливости [3] и влияния на статус ответного высказывания.

Задачей увязать эти разнонаправленные идеи, найти своего рода переводной ключ между ними продиктована необходимость нашего исследования. Другая важная практическая цель — продвинуться в объяснении разнообразия вопросительных речений на японском языке. Как известно, в формировании вопросительной фразы на японском, помимо собственно предикации, участвуют несколько узлов: а) частицы-маркеры вопроса: *ka, kashira, kai, dai, jan*; б) иллокутивные наречия-интенсификаторы *moshikasite, hyotto-shite, hatashite, ittai, hontoo-ni*; в) служебные слова (субстантиваторы) *no, mono*; г) хеджи — выражения предположительности *daroo, janai*, отрицание; д) коммуникативные частицы *ne, na, yo*. Кроме того, в зависимости от регистра речи предикативная группа, в том числе в показателях предположительности, может оформляться показателем адрессива *-mas-, desu* (см. [1, т. 1, с. 456–460, т. 2 с. 126] и указанную там литературу). Окончательной ясности с функциональным статусом каждой из этих единиц, а также системного описания их возможных сочетаний в японистике пока нет.

Отправной точкой для нас стали критерии “классического” речевого акта вопроса в трактовке Дж. П. Сёрля: 1) Говорящий (Г) не знает ответа; 2) Г хочет знать ответ; 3) Адресат (А) знает ответ (презумпция Г); и 4) А захочет дать ответ (презумпция Г) [11, с. 66]. Нельзя не заметить, что эти критерии соблюдаются далеко не для всех вопросов. Например, первый не годится для риторического вопроса, ситуации экзамена; второй — для вопросов как косвенных речевых актов, вопросов-удивлений; третьему не удовлетворяют наводящие вопросы, ситуация “мозгового штурма”; последнее условие нарушается в ситуации допроса. Исчисление всех возможных сочетаний между зна-

чениями четырех критериев (выполняемых или нарушающихся) дает примерный набор типов вопросов, исходя из когнитивного статуса и базовых презумпций коммуникантов. При этом оказывается, что большинство из них уже имеют соответствия среди разл ичных видов вопроса, описанных в литературе.

Таблица 1. Возможные типы вопросов по иллюкутивному статусу

Вид вопроса	Г знает	А знает	Г хочет узнать	А готов сообщить
канонический вопрос	-	+	+	+
вопрос-инференция	(-/+)	+	+	+
скептический вопрос	(-)	+	+	+
вопрос-предложение / приглашение запрос совета / разрешения	-	+	+	+
этикетный вопрос [6]	-	+	-	+
допрос	-	+	+	-
вопрос-вызов [3]	(-)	(+)	-(/+)	-
вопрос-предположение	-	-	+	+
вопрос-беспокойство	(-)	(-)	(+)	+
проблемный вопрос [8]	-	-	+	(-)
вопросы к себе	-	-	+	-
вопрос-припоминание	(-)	-	+	-
вопрос-пожелание (<i>echoic question</i> [12]) гадание	-	-	(-)	(-)
вопрос-догадка	(+)	-	+	+
предупреждение (<i>не-вопрос</i> [8])	(+)	(-)	+	+
гипотеза (<i>не-ли-вопрос</i> [8])	(+/-)	(-)	+	+
наводящий (дидактический [6]) вопрос	+	(-)	-	+
вопрос-критика	(+)	(-)	(-)	(+)
вопрос-сомнение ([6])	(+)	(-)	(-)	(-)
вопрос-совет	(+)	(-)	(-)	(-)
вопрос-просьба	+	+	-	+
риторический вопрос	+	+	-	(+)
экзамен	+	?	-	(-)
загадка	+	?	-	+
вопрос-упрек	(+)	(+)	(-)	(-)
переспрос (удивление)	(+)	+	+	(-)
запрос подтверждения	+	+	+	+

Базируясь на этих предварительных теоретических посылках, мы проработали материал корпуса современного японского языка [14] на предмет различий в маркировании отдельных типов вопроса. На данном этапе мы в основном ограничились глаголом *paru* “становиться”, употребляемым в различных семантических типах предикатов.

Таблица 2. Маркирование типов вопросов в японском языке

(Вид вопроса)	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж
канонический вопрос	+		+	+	+	+	
вопрос-инференция	+			+		+	
скептический вопрос					+	+	
вопрос-предложение / приглашение запрос совета / разрешения	+	+			+		
этикетный вопрос (Л)	+		+	+		+	
допрос	+		+				+
вопрос-вызов (Б)	+		+	+	+	+	+
вопрос-предположение			+	+			+
вопрос-беспокойство				+	+		
проблемный вопрос	+	+		+	+	+	
вопросы к себе		+	+			+	
вопрос-припоминание	+			+		+	
вопрос-пожелание				+	+	+	
вопрос-догадка			+		+		+
предупреждение (не-вопрос)	+		+	+	+	+	
гипотеза (не-ли-вопрос)	+	+	+	+	+	+	
наводящий вопрос	+	+		+	+	+	+
вопрос-критика	+				+		
вопрос-сомнение	+		+		+		+
вопрос-совет			+	+			
вопрос-просьба	+			+	+	+	
риторический вопрос	+	+	+	+	+	+	
экзамен	+		+	+			+
загадка	+			+			+
вопрос-упрек	+	+	+	+	+	+	
переспрос (удивление)	+	+	+	+	+	+	
запрос подтверждения	+			+	+	+	

(Обозначения: А — опущение вопросительной частицы, Б — интенсификаторы, В — служебные слова, Г — вероятностные выражения, Д — отрицание, Е — коммуникативные частицы, Ж — ментальные предикаты)

Несомненно, описание вопросительных моделей японского языка на прагматических основаниях потребует более детальной обработки полученных данных. Но и уже в самом общем вид они содержат немало любопытных намеков. Так, заметен параллелизм между использованием коммуникативных частиц и вероятностных выражений, причем и тех, и других больше там, где пропозиция вопросительного высказывания известна А. Напротив, употребление ментальных предикатов и интенсификаторов раскоррелировано; притом если первые частотны в тех вопросах, где требуется активизировать умственную деятельность А (проверка эпистемического статуса А в экзамене и загадке, также вызов, наводящий вопрос), то вторые концентрируются на типах вопросов, где коммуниканты должны прийти к истине через совместное размышление, предполагающих участие самого Г (риторический вопрос, гипотеза, проблемный вопрос).

Лишь на те случаи, когда несоблюдение 4-го критерия по Сёрлю (готовность А дать ответ) вызвано не изначальным исключением А из акта вопрошания (как в вопросе к себе, упреке, риторическом вопросе), а его некооперабельной (антагонистичной или подневольной) позицией (допрос, вызов, критика), приходится такое своеобразное явление, как опущение вопросительных маркеров (ср. декларативный вопрос [3]).

Также выясняется, что значительная часть вопросов с употреблением служебных слов находится в дополнительном распределении с вопросами с отрицанием (связаны с оценочным компонентом). Притом там, где они совпадают, служебное слово (по нашим наблюдениям, усиливающее элемент запроса конкретной информации, — скорее, чем приглашения к размышлению, откуда выше их употребительность в случаях, когда Г искренне хочет узнать Р) только усиливает этот компонент.

Множество ценных сведений может быть получено при учете дополнительных факторов, например, последствий различения общего и специального вопроса. Остановиться подробнее на них нам не позволяет объем настоящей статьи.

В целом представленную выше модель следует признать более адекватной для описания вариативности японских выразительных выражений, нежели исследование их на основе иллокутивных глаголов [7]. Со временем такая работа, как можно полагать, позволит выйти на создание коммуникативного словаря японского языка.

Список литературы:

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. [В 2 кн.] М. : Наталис, 2008. Т. 1–2. 464 с.

2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд. иностр. лит., 1955. 416 с.
3. Беляева Е. И. Принцип вежливости в вопросительных речевых актах // Иностранные языки в школе. М., 1990. № 1. С. 43–47.
4. Богданов В. В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 25–37.
5. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М. : Высшая школа, 1981. 285 с.
6. Линдстрём Е. Н. Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели : дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 189 с.
7. Чиронов С. В. Иллокутивные глаголы-квестивы в японском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 11. Ч. 1. С. 203–211.
8. Шатуновский И. Б. Основные коммуникативные типы полных (общих) вопросов в русском языке // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001. С. 246–265.
9. Austin J. L. How to do things with words. Oxford : OUP, 1962. 244 p.
10. Leech Geoffrey N. Principles of Pragmatics. London & New York Walter de Gruyter, 1986.
11. Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge : CUP, 1969. 212 p.
12. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Wiley-Blackwell, 1986. 338 p.
13. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt : Suhrkamp, 1976.
14. http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата доступа 7.04.2015)

Сведения об авторе: Чиронов Сергей Владимирович, к.ф.н., доцент, зав. кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, МГИМО МИД России, Москва, Россия; email: s.chironov@inno.mgimo.ru

ILLOCUTIONARY STATUS OF QUESTIONS — JAPANESE DATA

Sergey V. Chironov

Head of dept. of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolean linguistics,
MGIMO University, Russia, PhD in linguistics;
email: s.chironov@inno.mgimo.ru

Abstract

This paper starts off by clarifying basic some principles for a typology of questions. Such a typology would reside on illocutionary criteria such as epistemic status and presuppositions of the speaker and the addressee. Then, on the basis of the corpus data of the Japanese language, we proceed to state several important patterns in the distribution of various marked forms of questions in modern Japanese.

Key words: speech act, question, Japanese language, epistemic status, marked forms.

References:

1. Alpatov, V. M., Arkad'ev, P. M. & Podlesskaja, V. I. (2008). *Teoreticheskaja grammatika japonskogo jazyka* [Theoretical grammar of Japanese]. Vol. 1–2. Moscow: Natalis.
2. Bally, C. (1955). *Obshchaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo iazyka* [Course de la linguistique generale et les problemes de la langue francaise]. Moscow: Izd. inostr. lit.
3. Beliaeva, E. I. (1990). Printsip vezhlivosti v voprositel'nykh rechevykh aktakh [Politeness principle in speech acts of questions]. *Inostrannye iazyki v shkole*, 1, 43–47.
4. Bogdanov, V. V. (1989). Klassifikacija rechevyh aktov [Speech act classification]. *Lichnostnye aspekty jazykovogo obshhenija*. Kalinin. P. 25–37.
5. Ivanova, I. P., Burlakova, V. V. & Pocheptsov, G. G. (1981). *Teoreticheskaja grammatika sovremennoogo angliiskogo iazyka* [Theoretical grammar of modern English]. Moscow: Vysshaja shkola.
6. Lindstrom, E. N. (2003). *Klassifikatsiia russkikh voprositel'nykh po forme vyskazyvaniia na baze pragmaticheskoi obosnovannoi universal'noi modeli* [A universal pragmatic model-based classification of Russian formal question sentences]: candidate dissertation. Petrozavodsk.
7. Chironov, S. V. (2014). Illokutivnye glagoly-kvestivy v iaponskom iazyke [Speech act verbs of questioning in Japanese]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11, part 1, 203–211.
8. Shatunovskii, I. B. (2001). Osnovnye kommunikativnye tipy polnykh (obshchikh) voprosov v russkom iazyke [Principal communicative types of general questions in Russian]. *Russkii iazyk: peresekaia granitsy*. Dubna. P. 246–265.
9. Austin, J. L. (1962). How to do things with words. Oxford, OUP.
10. Leech, Geoffrey N. (1986). Principles of Pragmatics. London & New York Walter de Gruyter.
11. Searle, J. (1969). Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: CUP.
12. Sperber, D. & Wilson, D. (1986). Relevance: Communication and Cognition. Wiley-Blackwell.
13. Wunderlich, D. (1976). Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt: Suhrkamp.
14. http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (Accessed 7.4.2015)

Дискурс как объект исследования в прагматике

В. М. Шевцова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Аннотация

На этапе становления прагматики ученые, описывая условия и правила успешной коммуникации, исследовали отдельные высказывания, речевые акты. С возникновением функционального подхода к языку лингвистов стало интересоваться целое речевое произведение, текст, взятый в событийном аспекте, — дискурс. Как сложное динамическое явление, с помощью которого происходит процесс порождения речевого произведения и его восприятия, дискурс затрагивает ментальные процессы участников коммуникации, поэтому не может рассматриваться в отрыве от когнитивной функции языка. Однако как коммуникативное событие, происходящее в определенном пространственно-временном социальном контексте, дискурс в первую очередь обращен к прагматической ситуации и изучается совместно с собственно прагматическими факторами языка, такими как коммуникативная ситуация, субъект и адресат речи, содержательная сторона текста, прагматическое значение языковых единиц. Очевидно, прагматика играет ключевую роль в современных исследованиях дискурса.

Ключевые слова: прагматика, речевое воздействие, коммуникативная ситуация, текст, дискурс, когнитивная функция языка.

Общепринятым в настоящее время является взгляд на прагматику как на систему средств и приемов, употребляемых автором высказывания для достижения своих целей, для речевого воздействия на сознание и состояние адресата, его поведения, изменения у него картины мира. Следствием такого взгляда стало выдвижение на первый план роли субъекта речи (адресанта), коммуникативной ситуации, а также фактора адресата, поскольку для успешного воздействия необходимо учитывать тип адресата.

На этапе становления прагматики ученые, описывая условия и правила успешной коммуникации, исследовали отдельные высказывания, речевые акты. В конце 70-х гг. прошлого века в связи с появлением функционального подхода к языку стали появляться работы, описывающие прагматические отношения в целом речевом произведении, завершенном лингвистическом продукте, — тексте.

Подчеркивая функциональную сущность текста, лингвисты определяли его как “результат речетворческого процесса” [2, с. 5], “порождение коммуникативно-познавательной деятельности, ее образ и продукт” [3, с. 70].

В начале 90-х гг. прошлого века термин *текст* стал стремительно вытесняться термином *дискурс*. Большая часть лингвистов рассматривает эти понятия дифференцированно: текст понимается как единица языка наивысшего уровня, а дискурс — как наблюдаемые проявления языка, текст, взятый в событийном аспекте, “речь, погруженную в жизнь” [1, с. 137], “функционирование языка в реальном времени” [4, с. 308]. Поскольку исследование дискурса представляется невозможным без учета целого ряда социальных, психологических, паралингвистических параметров, многие исследователи связывают дискурс с устной формой репрезентации речи — “listening a discourse and reading a text” [8, с. 225]. В отличие от текста или речи дискурс включает понятие сознания, то есть когнитивные механизмы деятельности. В отечественной лингвистике огромный вклад в исследование когнитивной стороны дискурса внесла Е. С. Кубрякова, с ее именем связано появление и формирование когнитивно-дискурсивной парадигмы знания. Она считала, что “дискурсивные характеристики следует считать структурными ограничениями, связанными с представлением результатов когниции в рамках речевой деятельности” [5, с. 238]. Поддерживают эту точку зрения и А. А. Кибрик, В. А. Плунгян, которые утверждают, что “дискурс — это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат” [4, с. 309]. То есть дискурс — это процессуальное, динамическое явление, посредством которого осуществляется одновременно и порождение текста, и его восприятие, поэтому оказывает непосредственное влияние на мыслительные процессы, постоянно изменяя и обновляя базу ментальных представлений.

Дискурс, следовательно, можно рассматривать как синтез и результат “выполнения языком двух важнейших функций — когнитивной и коммуникативной” [5, с. 518]. Исходя из постулата о сущности языка как средства для достижения определенных целей в процессе коммуникации, лежащего в основе работ по прагматике, на первый план выдвигается именно прагматико-когнитивный подход к исследованию дискурса, рассматривающий его как в терминах речевых актов и речевых событий, анализирующих при этом собственно языковые его свойства вместе с соответствующими экстралингвистическими аспектами с одной стороны, так и описание структур представления различных видов знания, определяющих речевые стратегии участников коммуникации в процессе их дискурсивной деятельности. На непосредственную связь прагматики с ментальными и социально-психологическими параметрами речи указывал и Т. А. ван Дейк,

который считал, что “the basic feature of pragmatic theory of natural language is the principle according to which the speaker somehow wants to change the system of hearer, i.e. his system of systems of knowledge, belief, intention, wants and evaluation” [7, с. 40–41].

Таким образом, предметом прагматики теперь является связный и функционирующий в реальном времени “текст в его динамике” [6, с. 332] — дискурс, который исследуется в триаде коммуникативного акта “автор — текст — адресат”. Представляется возможным выделить три аспекта описываемых прагматических отношений в дискурсе.

Первый аспект связан с фактором субъекта, автора текста, его социальным статусом, коммуникативным намерением автора, выбором предмета общения, планированием воздействия (интенциональный и модальный аспект прагматического воздействия). Дискурс представляет собой не просто вербальную манифестацию субъекта, но также является показателем того, как этот субъект мыслит, познает и сообщает об этом.

Второй связан с текстом как “снятым моментом процесса” [2, с. 9]. Здесь рассматривается собственно языковой инструментарий: содержательная сторона текста, его коммуникативная организация, прагматическое значение языковых единиц, связность и цельность текста, макро- и микростратегии говорящего (информационный, семантический, логический аспекты воздействия). Актуальным при прагматическом исследовании дискурса остается и анализ дейктических элементов (референция к говорящему), поскольку дискурс — это результат мыслительной и языковой обработки опыта, воплощенного в определенной точке времени, в определенной пространственно-временной парадигме. Поэтому распределение дейктических элементов в анализируемом языковом материале, выбор их говорящим задается целями и намерениями речевого акта, контекстом, ситуацией общения.

И, наконец, исследуется фактор адресата — это учет социальных данных, пресуппозиций адресата (психологический и социологический аспект). Поскольку дискурс является результатом взаимодействия с социумом, выявляется роль дискурса в формировании мнения адресата, а также в контроле над его мнением. Этот аспект направлен на раскрытие стратегий понимания дискурса в тех или иных условиях адресатом, анализе предполагаемой результативности воздействия, тем самым выясняется коммуникативная адекватность дискурса.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.

3. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М. : Наука, 1984. 268 с.
4. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М., 2010. С. 276–339.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М. : Наука, 1981. 360 с.
7. Dijk, T. A. van Pragmatics and Poetics // Pragmatics of Language and Literature. Amsterdam, 1976. P. 23–55.
8. Verdaansdonk H. Concepts of Acceptance and the Basis of a Theory of Texts // Pragmatics of Language and Literature / Ed. v. Dijk. Amsterdam, 1976. P. 179–225.

Сведения об авторе: Венера Мирсатовна Шевцова, к.ф.н., преподаватель английского языка механико-математического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; email: shevtsova.vm@gmail.com.

DISCOURSE AS AN OBJECT OF PRAGMATICS STUDIES

Venera M. Shevtsova

Candidate of philological sciences, Teacher of English,
Faculty of Mechanics and Mathematics, Lomonosov Moscow State
University, Russia; email: shevtsova.vm@gmail.com

Abstract

At the beginning of its development pragmatics as a branch of linguistics concerned with rules of successful communication studied separate statements and speech acts. With appearance of the functional approach to the language the linguists took interest in a complete speech, a text, considered in the event aspect — a discourse. As a complex dynamic phenomenon including the processes of speech generation and speech perception the discourse touches upon mental processes of communicators, that is why it is investigated within cognitive language paradigm. As a communicative event, taking place in a certain space-temporal social context, any discourse is analyzed together with its pragmatic factors, such as the given communicative situation, the speaker, the speech recipient(s), the text structure, pragmatic meaning of the language units. Thus, pragmatics plays an important role in modern discourse studies.

Key words: pragmatics, speech influence, communicative situation, discourse, text, cognitive function of language.

References:

1. Arutjunova, N. D. (1990). Discourse. *Linguistic Encyclopaedia*. M.: Sovetskaja jenciklopedija. Pp. 136–137.
2. Gal'perin I. R. (1981). *Text as an Object of Linguistic Studies*. M.: Nauka. 139 p.
3. Dridze, T. M. (1984). *Text Activity in the Structure of Social Communication*. M.: Nauka. 268 p.
4. Kibrik, A. A., Plungjan, V. A. (2010). Functionalism. *Fundamental Trends of Modern American Linguistics*. M. Pp. 276–339.
5. Kubrjakova, E. S. (2004). *Language and Knowledge: Towards Learning the Language. Parts of Speech with Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World*. RAN, In-t jazykoznanija. M: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 560 p.
6. Stepanov Ju. S. (1981). *Names, Predicates, Sentences: Grammar Semiological*. M.: Nauka. 360 p.
7. Dijk, T. A. van. (1976). Pragmatics and Poetics. *Pragmatics of Language and Literature*. Amsterdam. Pp. 23–55.
8. Verdaansdonk H. (1976). Concepts of Acceptance and the Basis of a Theory of Texts. *Pragmatics of Language and Literature* (Ed. v. Dijk). Amsterdam. Pp. 179–225.

Сценарии профессиональной и бытовой речевой коммуникации: корпусное исследование на материале повседневной речи жителей Санкт-Петербурга

Т. Ю. Шерстинова

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

Работа проведена на материале речевого корпуса “Один речевой день”, который на настоящий момент является наиболее крупным ресурсом повседневной русской речи, содержащим более 1000 часов звукозаписей, сделанных в условиях естественной коммуникации. Представлена методика формального описания коммуникативных макроэпизодов, на основании которого становится возможным поиск по корпусу определенных типов коммуникативных сценариев. Дана статистическая характеристика звукозаписей корпуса по таким параметрам, как тип коммуникации (профессиональная или бытовая), место коммуникации, социальные роли участников. Корпус

ОРД дает богатый материал для исследований в области прагматики, дискурсивного анализа, когнитивной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, антропологии.

Ключевые слова: русская речевая коммуникация, язык повседневного общения, корпусная лингвистика, коммуникативные сценарии, дискурсивный анализ, прагматика.

Необходимым условием для изучения языка повседневного общения, речевой коммуникации и устного дискурса является наличие репрезентативного исследовательского материала. На сегодняшний день наиболее представительным ресурсом звукозаписей русской повседневной коммуникации является речевой корпус под условным названием “Один речевой день” (ОРД корпус), разрабатываемый в Санкт-Петербургском государственном университете. При создании корпуса ставилась задача получения звукозаписей, выполненных в условиях естественной коммуникации. Для этого информанты-добровольцы — представители разных возрастных и профессиональных групп, мужчины и женщины — согласились прожить день с включенным диктофоном “на шее”, который записывал всю их речевую коммуникацию — профессиональную и бытовую [1]. В настоящее время корпус содержит более 1000 часов звукозаписей, полученных от 120 информантов; в записях также присутствует речь их коммуникантов (членов семьи, друзей, коллег). Эти звукозаписи выборочно расшифровываются для получения корпуса транскриптов, который подлежит дальнейшей лингвистической разметке. К апрелю 2015 г. общий объем расшифрованного материала составляет порядка 500 000 словоупотреблений. Работа над созданием корпуса (проведение новых записей, расшифровка, аннотирование) продолжается при поддержке гранта РНФ № 14–18–02070 “Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах”.

Исследование сценариев речевой коммуникации в ОРД выполняется в первую очередь на уровне *макроэпизодов*, которые являются основной единицей хранения данных в корпусе. Макроэпизод определяется как относительно крупный коммуникативный эпизод, характеризующийся единством локуса, участников и условий коммуникации — например, “дом — мать, отец и сын-школьник — утренние сборы на работу / в школу” или “офис — коллеги — рабочее совещание” [2].

Для систематизации речевого материала была разработана специальная разметка (аннотирование) макроэпизодов, в которой отражаются следующие условия коммуникации: 1) место коммуникации (дом, офис, учебное заведение, медицинское учреждение, кафе, магазин, транспорт и др.); 2) социальная роль говорящих (родственники:

“мать”, “отец”, “сын”, “дочь” и др., коллеги: “начальник”, “подчиненный”, “коллега”; друзья; клиенты; знакомые; посторонние и др. категории); 3) тип коммуникации (“бытовой разговор”, “профессиональная беседа”, “публичная речь”, “клиент-сервис”-общение, “обучение / инструктаж”), а также прочие условия коммуникации (например, телефонный разговор, застолье, разговор “на ходу”, общение с детьми и др.). Маркируются эпизоды, содержащие юмор, позитивные и негативные эмоции, конфликтные ситуации и другие особенности коммуникативной ситуации [2].

Такая система разметки позволяет проводить поиск конкретных эпизодов по заданным параметрам (например, найти все домашние “кухонные” разговоры, профессиональные и бытовые разговоры коллег, разговоры начальника с подчиненным, общение по типу “клиент-сервис” и т.д.) с тем, чтобы в дальнейшем исследовать их с лингвистической, прагматической, когнитивной, сценарной и пр. точек зрения.

Членение на макроэпизоды и их формальное аннотирование выполнено на настоящий момент для звукозаписей 76 информантов. В результате получено описание 1780 макроэпизодов, общей длительностью 470 часов. В следующей таблице приводится краткое формальное описание 7 макроэпизодов “речевого дня” информанта S45 (театральный режиссер). Для оптимизации поиска по корпусу текстовое описание условий коммуникации заменяется в базе нормализованными кодами.

Таблица 1

Инф.	Эпизод	Место	Действие	Собеседники	Длит.
S45	ordS45–30	уч. заведение	семинар по режиссуре	школьники	35
S45	ordS45–31	дом	разговор с женой	жена	6
S45	ordS45–32	дом	телефонный разговор	коллега	24
S45	ordS45–33	дом	ужин	жена, знакомая	20
S45	ordS45–34	театр	деловой разговор	коллеги	15
S45	ordS45–35	театр	бытовой разговор	коллеги	7
S45	ordS45–36	театр	чтение пьесы	актеры	18

Как и следовало ожидать, наибольший объем речевой коммуникации осуществляется дома или на работе, причем доли “домашних” и “офисных” разговоров в корпусе отличаются лишь на десятую долю

процента — 20,7% и 20,6%. Далее, 11,3% всех сценариев реализуются “под открытым небом”: на улице, во дворе, в парке, на природе. 9,3% речевой коммуникации записаны в учебных заведениях (школах, училищах, университетах); разговоры в пути (в общественном транспорте или за рулем автомобиля) составляют 7,9% речевого общения; в среднем 6,1% повседневной коммуникации осуществляется в жилых помещениях, не являющихся для информантов местом проживания (например, в гостях или на дому у клиентов), в разнообразных “пунктах обслуживания” (сервис-центры, мастерские, салоны связи и т. п.) — 5,3% всей коммуникации, в пунктах общественного питания (столовые, кафе, буфеты) — 4,8% и 4,6% — в магазинах и прочих торговых точках.

Профессиональная коммуникация представлена в корпусе 463 макроэпизодами (23,8% по отношению ко всем эпизодам), в то время как “бытовые разговоры” имеют место фактически в любых условиях и составляют 61,4% всей проанализированной повседневной коммуникации (1193 макроэпизода). Следует отметить относительно высокий процент эпизодов, которые могут быть охарактеризованы как общение по типу “клиент-сервис” (в магазинах, поликлиниках, библиотеках и т. п.) — 8,1%, а также эпизодов, связанных с обучением или инструктированием — 6,7%.

Участники каждого коммуникативного макроэпизода характеризуются посредством “социальной роли / ролей”, в которых они выступают в данном конкретном случае. На сегодняшний момент звукозаписи корпуса ОРД лучше представляют коммуникацию, связанную со следующими типами социальных ролей: “коллеги” (26,1% — более чем в четверти всех эпизодов информанты общались с коллегами и, следовательно, сами являлись коллегами); на втором месте по частоте идет “обслуживающий персонал” (9,7%), социальные роли “подруга” и “муж” встретились одинаковое количество раз и делят третью строчку общего рейтинга — по 8,4%. Далее идут “клиент” (7,3%), “преподаватель” (6,7%), “друг” (6,6%), “мать” (3,7%), “отец” (3,6%), разговор с самим собой (в отсутствие собеседников) (3,7%), “дочь” (3,4%), “сын” (2,3%), “хозяин” — при общении с домашними животными (2,6%) и др.

Следует отметить, что по всем основным участникам анализируемых макроэпизодов имеются и подробные социологические данные (пол, возраст, образование, социальное происхождение, профессиональная принадлежность и т. п.), что позволяет отфильтровывать сценарии речевой коммуникации и по этим параметрам.

Далее каждый расшифрованный макроэпизод членится на составляющие его микроэпизоды, дается их формальное описание, а также выполняется выборочное прагматическое аннотирование данных на уровне речевых актов. Таким образом, становится возможным

анализировать сценарии повседневной коммуникации и в динамическом аспекте.

Поскольку большинство информантов в течение записываемого речевого дня выступает в разных социальных ролях, на материале корпуса ОРД можно исследовать, как меняется стратегия поведения говорящих и лингвистические особенности их речи в зависимости от социальной роли и коммуникативного сценария. Например, информант S24 (жен., преподаватель, старш. возр. группа) записана в 12 разных социальных ролях, информант S35 (муж., инженер, старш. возр. группа) — в 10 разных ролях.

В заключение следует отметить, что корпус ОРД дает богатый материал для исследований в области прагматики, дискурсивного анализа, когнитивной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, антропологии, высоко его значение для решения прикладных лингвистических задач (синтеза и распознавания речи) и для задач обучения русскому языку как иностранному.

Список литературы:

1. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker's Day”: Creation Principles and Annotation / Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Stepanova S., Ryko A., Sherstinova T. // Lecture Notes in Computer Science. Vol. Text, Speech and Dialogue. 2009. № 5729/2009. P. 250–257.
2. Шерстинова Т. Ю. Коммуникативные макроэпизоды в корпусе повседневной русской речи “ОДИН РЕЧЕВОЙ ДЕНЬ”: принципы аннотирования и результаты статистической обработки // Труды Международной конференции “Корпусная лингвистика-2013”. СПб., 2013. С. 449–456.

Сведения об авторе: Татьяна Юрьевна Шерстинова, к.ф.н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; email: sherstinova@gmail.com

SCENARIOUS OF PROFESSIONAL AND INFORMAL INTERPERSONAL COMMUNICATION: THE CORPUS STUDY OF ST. PETERSBURG EVERYDAY SPEECH

Tatiana Y. Sherstinova

PhD, Senior Researcher, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; email: sherstinova@gmail.com

Abstract

The research is made on the base of the ORD corpus that is currently the largest collection of Russian everyday speech recordings. By end of

2014, the corpus counted more than 1000 hours of recordings made in real communication settings and this number keeps going up. In the paper, methodology for formal annotation of communicational macro episodes is described. The corpus annotation enables to search for particular types of communication scenarios in the ORD data. The paper presents a few interesting statistical characteristics of the ORD corpus, such as the ratio of professional communication vs. informal communication, distributions of the most frequent scenes of communication, and the social roles of participants. The ORD corpus provides rich authentic material for research in the field of pragmatics, discourse analysis, cognitive linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, anthropology and other disciplines.

Key words: Russian oral communication, everyday speech, corpus linguistics, communication scenarios, discourse analysis, pragmatics.

References:

1. Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Stepanova, S., Ryko, A. & Sherstinova, S. (2009). The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker's Day”: Creation Principles and Annotation. In *Lecture Notes in Computer Science*. Vol. Text, Speech and Dialogue, № 5729/2009. P. 250–257.
2. Sherstinova, T. Y. (2013). Kommunikativnye macroepisyody v korpuse povsednevnoj russkoj rechi “Odin rechevoy den”: principy annotirovaniya i rezul'taty statisticheskoy obrabotki [Communicative Macro Episodes in the ORD Corpus of Russian Everyday Communication: Annotation Principles and Some Statistics]. *Trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Korpusnaya linguistica-2013”*. St. Petersburg. P. 449–456.

Когнитивно-прагматический аспект заимствования англо-американских междометий славянскими языками

Т. М. Шкапенко

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Аннотация

Особенностью процесса языковой глобализации является заимствование из английского языка не только полноценных лексем, но и междометий. В статье на основе функционально-сопоставительного анализа культуроспецифичных англо-американских междометий делается вывод о характере когнитивных сдвигов, вызываемых ими в языковом сознании реципиентов. Коммерческое *вау!* и агентивное *йес!*

характеризуются как рефлекторные репрезентанты новой системы ценностей: индивидуалистического общества потребления. Внедрение этой системы на рефлективном уровне является особенно важным, так как составляет естественную основу для формирования правильных “основных” инстинктов и способно, войдя в состав первичных междометий, передаваться от поколения к поколению.

Ключевые слова: англо-американские заимствования, первичные междометия, англо-американские междометия, славянские языки.

Изучение заимствований в мировой лингвистике имеет давно устоявшуюся традицию, согласно которой все исследования сводятся, в основном, к мониторингу заимствованных слов, их классификации по определенным критериям, а также дискуссиям о степени допустимого “засорения” языков иностранными влияниями. С развитием когнитивной лингвистики исследования в данной области перешли от поверхностного, собственно лексического уровня, к глубинному уровню сознания, к анализу заимствуемых лингвоконцептов. “Главное отличие чужих концептов, по мнению В.И. Карасика, — это установление ценностных отношений, свойственных иной, в нашем случае английской либо американской, культуре” [2, с. 215].

Особый интерес с этой точки зрения представляет собой процесс усвоения всем “глобализирующимся” человечеством американских междометий. Парадоксально, но исконные первичные междометия, которые были произведены на свет нашим языковым предком в результате экстериоризации своих рефлекторных чувств: страха, удивления, радости, возмущения и т.п., оказались вдруг “тесными и неудобными” для их языковых потомков. В чем же причины вхождения англо-американских междометий в языковое сознание самых различных наций? Можно предположить, что это, во-первых, отсутствие в нашем национальном укладе жизни аналогичной симптоматичной ситуации, во-вторых, наличие лакуны в самой эмоционально-когнитивной сфере языкового коллектива, и, наконец, вхождение конкурентных аналогов исконно русских (славянских) междометий.

Начнем с междометия *Waw!*, вошедшего во все славянские, а, возможно, и во все языки мира без исключения. В 1999 году А. Вежбицка писала: “английские междометия *gee* и *wow* не имеют эквивалентов в польском языке..., и у польского эмигранта в англоговорящей стране нет способа угадать, что же они означают и как их следует употреблять” [1, с. 612]. Не прошло и 20 лет, как ученая может стать свидетельницей триумфального шествия *Waw!* по всем странам мира. Оказалось, что вовсе не нужны какие-либо инструкции, чтобы научить его употреблению.

Согласно различным словарям *wow* в среде своего естественного обитания используется с целью выражения удивления, восхищения, изумления, восторга и др.

1. *Wow, informal*, used when you think something is very impressive or surprising: *Wow! Look at that!* (LDCE).
2. *Wow, informal*: exclamation.
Expressing astonishment or admiration:
'Wow!' he cried enthusiastically (OED).

А. Вежицка предлагает следующую схему для семантики *wow*:

Я сейчас нечто знаю

Я бы не подумал, что буду знать это

Я думаю: это очень хорошо

(я бы не подумал, что так может быть)

Из-за этого я нечто чувствую [1, с. 614]

Таким образом, *wow* выражает сильное удивление чем-то очень хорошим, превосходящим все ожидания говорящего. Для выражения “удивления или восхищения” в русском и других славянских языках используется, прежде всего, междометие *Ax!* Примечательно, однако, что это междометие больше говорит о самом испытывающем эти чувства субъекте, нежели об объекте его восхищения. Как замечает А. Вежицка, *ach!*, *och!* “воспринимаются как “громкие” и риторические, как если бы говорящий пытался сделать общим достоянием свои эмоции и привлечь к ним внимание других людей” [там же, с. 642]. Вследствие этого она включает в их описание дополнительный семантический компонент: “я хочу, чтобы кто-то узнал об этом”. Действительно, славянским “охам” и “ахам” свойственна некоторая изящность и утонченность испытываемых чувств, что свидетельствует об их социокультурной и гендерной маркированности.

Более близки по своей семантике, принадлежности к разговорному стилю и синтаксической автономности русские междометия *Ogo!* и расширенное за счет десемантизированного местоимения *ты* междометия *ух*: *Ух ты!* В отличие от *ax!* они репрезентируют более естественные внутренние рефлексy, не требуют публики и не годятся для выражения каких-либо рафинированных чувств. Таким образом, все исконно русские междометия удивления или восхищения имеют определенные ограничения в сфере употребления и вследствие этого не могут служить в качестве универсального средства выражения этих эмотивных состояний.

Американское *Wau!* пришло в славянские языки через фильмы и рекламные ролики, кардинальным образом изменив характер взаимоотношений между субъектом и объектом восхищения. Если в славянских *ax!* и *ох!* субъект первичен, то в английском *Wau!* субъект подавлен превосходством объекта, что выражается в ключевой идее всего рекламного дискурса: “Ты этого достойна!”. Изумление качествами

объекта вызывает непреодолимое желание обладать им. Предложенная А. Вежбицкой схема *wow* дополняется компонентом: я хочу иметь это.

Именно вследствие наличия этого компонента *vau!* становится знаком огульного принятия обществом идеи потребления. И даже если мы сами далеко не все используем его в речи, это отнюдь не отменяет выполняемой им дидактической функции привития нации рефлекса потребления.

Особого внимания заслуживает также междометие *йес!*, которое уже столь уверенно чувствует себя в славянских языках, что И. Шаронов [3] даже причислил его к группе первообразных русских междометий. Пришедший к нам из фильма “Один дома” и ставший универсальным победный клик *йес!* передает чувство удовлетворения от некоей успешно решенной проблемы. Возникает вопрос: неужели в нашей прошлой, советской жизни не было аналогичных ситуаций? Безусловно, были. Как же мы выражали свое счастье и гордость по поводу своих свершений? В проведенном нами анкетировании с целью выявления русских аналогов варианта *йес!* большинство респондентов (37 из 50) предложили вариант *ура!*

Чтобы выяснить особенности восприятия и употребления американского *йес!*, мы предложили группе студентов-филологов выбрать тот возглас, который представляется более адекватным в описанных ситуациях: 1) Ура! 2) Йес! 3) оба варианта 4) ни один вариант 5) затрудняюсь в выборе.

Нами были получены следующие результаты:

1. — *Комиссия присудила мне первое место. Ура!* — 50
2. — *Мне выдали визу. Ура!* — 31, *Йес!* — 11, *Урра!*, *Йес!* — 8
3. — *Я сделал всех! Я-таки выиграл первый приз!* — *Йес!* — 43, *Йес! Ура!* — 7
4. — *Я подумал, что они все умрут от зависти.* — *Йес!* — 44; затрудняюсь в выборе — 6.
5. — *Мне удалось занять первое место.* — ни один вариант — 21; ура! — 14; затрудняюсь в выборе — 15.

Обращает на себя внимание, что при наличии практически одной и той же ситуации (первая, третья и пятая) выбор возгласов кардинально отличается. Агентивный синтаксис вместе с подчеркиванием факта своей победы и поражения других вызвал практически единоголосную реакцию *Йес!*, в то время как перенос внимания с себя на “комиссию” как субъекта действия вызвал противоположную реакцию: *Ура!* Примечательно также, что дативная конструкция *мне удалось*, полностью лишенная агентивности, не вызвала особой радости у студентов, лишь 14 решились сопроводить ее восклицанием *ура!* И никто не выбрал в этом случае междометия *Йес!*

Заслуживают внимания также ответы анкетированных на вопрос: — какую разницу вы чувствуете между употреблением *йес!* и *ура!* —

Йес! — когда я кому-то что-то доказал; когда я лучший; когда я одержал победу; когда я доказал, что я крутой и т.п. *Ура!* — когда я рад; когда вдруг не будет занятий; когда начались каникулы; когда мне подарили что-то желанное; когда со мной внезапно случилось что-то хорошее, или мне предстоит что-то хорошее.

Как видим, во всех этих попытках описать ситуацию для междометия *йес!*, во-первых, подчеркивается собственная агентивность, во-вторых, прослеживается некое противопоставление себя другим. В *ура!* радость не связана с собственными действиями восклицающего. Таким образом, в американском *йес!* действует приблизительно следующая схема: я сделал что-то сложное, важное и т.п., что доказывает мою собственную значимость и поднимает мое собственное эго. *Йес!* нельзя представить как “со мною случилось что-то хорошее”, эта ситуация релевантна для *ура!*, которое работает в ситуации “случилось что-то очень хорошее, я не думал, что это случится, поэтому я понимаю, что со мной произошло или произойдет что-то очень хорошее”. Даже в самом интонационном контуре этого протяжно йотируемого *Ййесс!* слышится некая эгоцентричная удовлетворенность тем, что я сделал это, что я доказал что-то себе и другим. Американское *йес!* соответствует духу эпохи, когда происходит сдвиг от массового восприятия действительности к индивидуальному, от бытия к действию.

Таким образом, эти не требующие особых интеллектуальных усилий в процессе заимствования *вау!* и *йес!* при ближайшем рассмотрении оказываются вполне самобытными и достаточно сложными по своим симптоматичным ситуациям. Это своего рода рефлекторные репрезентанты, односложные эмиссары ценностей звездно-полосатого мира. Их усвоение на уровне рефлексов представляется особо важным, так как служит естественной основой для формирования правильных “основных” инстинктов — индивидуалистической агентивности и инстинкта потребления, и способно, войдя в состав первичных междометий, передаваться от поколения к поколению.

Список литературы:

1. Вежбицкая А. Семантика междометий // Семантические универсали и описание языков. — М., 1999. — С. 611–647.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
3. Шаронов И. А. О новом подходе к классификации междометий. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/htmk/Sharonov.htm>. Дата обращения: 10.04.2015.

Список использованных словарей:

1. LDCEO — The Longman Dictionary of Contemporary English Online. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ldoceonline.com>.

2. OED — Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс] URL: www.oxforddictionaries.com.

Сведения об авторе: Шкапенко Татьяна Михайловна, к.ф.н., профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград; email: tshkapenko@kantiana.ru

COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECT OF ANGLO-AMERICAN LOAN INTERJECTIONS IN SLAVIC LANGUAGES

Tatiana M. Shkapenko

Associate Professor of Slavic Languages Department, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad; email: tshkapenko@kantiana.ru

Abstract

The specific feature of language globalization process is mass borrowing of American interjections by most nations. The article deals with the problem of their exposure on cognitive, axiological and behavioural structures of recipient Slavic language. The analysis of loan interjections allows us to come to the conclusion of significant shifts they brought to the above mentioned spheres. The commercial *wow!* and the agentive *yes!* can be characterized as reflex representatives of the new system of values: the values of individualistic consumer society. Implementation of this system at the level of reflexes is especially important, as it forms the natural foundation for correct “basic” instincts. Achieving the status of primary interjections this implementation can be also handed down from generation to generation.

Key words: loan words, loan interjections, American interjections, Slavic languages.

References:

1. Wierzbicka A. (1999). Semantika mezhdometija // Semanticheskie universalii i opisanie jazykov [Interjections Semantic // Semantic Universals and Language Description] — Moscow, 611–647.
2. Karasik V.I. (2002). Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language Circle: person, concepts, discourse] *Volgograd: Peremena*, 477.
3. LDCEO — The Longman Dictionary of Contemporary English Online. Retrieved from: <http://www.ldceonline.com/>
4. OED — Oxford English Dictionary. Retrieved from: www.oxforddictionaries.com.
5. Sharonov I.A. O novom podhode k klassifikacii mezhdometij [About New Approach to Classification of Interjections]. Retrieved from: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Sharonov.htm>

Секция 4
Проблемы
межкультурной
коммуникации

Этническая идентичность в комедии наблюдения (на материале англоязычных шоу 2005–2013 годов)

И. А. Алексеева

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко
(Украина)

Аннотация

Комедия наблюдения в исполнении актеров из иммигрантских семей является биографическим нарративом, где этническая идентичность — социальный конструкт и результат межкультурного общения — предстает как саморефлексия индивида в результате взаимодействия с мультикультурным окружением и оказывается относительной, ситуативной. Калейдоскопичность мультикультурного общества, межэтнические браки и, как следствие, возможность выбора группы для самоидентификации стирают базовые оппозиции, такие как, например, расовая. Человек склонен акцентировать одну грань идентичности и уклоняться от экспликации других, причем “выпячиванию” подлежит то, что повышает социальный статус. Гибкость самоидентификации влияет на выбор стратегии аккультурации: этнические группы могут быть склонны к ассимиляции, меняя свое поведение или даже имя, при этом “главенствующую” идентичность определяют текущие коммуникативные задачи. Тем не менее “жонглирование” идентичностями и, соответственно, поведенческими моделями и мировоззрениями, приписываемое “мультикультурным личностям”, оказывается в определенных контекстах затруднительным или даже невозможным.

Ключевые слова: этническая идентичность, национальная идентичность, идентификация, мультикультурализм, комедия наблюдения, аккультурация.

В современном обществе проблема идентичности приобретает особое значение, так как современный человек может “уподобляться” нескольким группам, поэтому становится важным различать этническую и национальную идентичности, так как самоидентификация индивидов как членов определенной нации может формироваться на сверхэтнической основе, предполагая самоидентификацию с политическим сообществом (nation-state) [2]. Этническая идентичность как социальный конструкт и продукт социального взаимодействия возникает в результате проекции индивидами на себя ожиданий и норм других индивидов [1, с. 101].

Материал исследования состоит из восьми шоу актера Рассела Питерса, сына индийских эмигрантов в Канаде, работающего в жанре

комедии наблюдения, суть которой состоит в рассказе о типичных эпизодах повседневной жизни.

Выступления обычно начинаются с выяснения этнической самоидентификации своих зрителей в форме вопроса к конкретному человеку (*What are you, sir?*) или обращения аудитории (*Where are the Polish people tonight? Any Arabs in the house tonight?*). Полученные ответы иногда неожиданны: зритель может попытаться подменить этническую идентичность национальной, пытаясь повысить свой социальный статус:

[your boyfriend's Indian?] No? Have you looked in the mirror?. What are you? South African. What part of South Africa? Cape Town. So your family's Indian from South Africa? Yeah. All of a sudden, huh?

Акцентирование этнической идентичности можно наблюдать на примере белых американцев, идентифицирующих себя с Ирландией:

In America everybody claims to be Irish. Every white person in America says they're Irish. I was in Boston. If you ever go to Boston, it'll freak you out. Everybody in Boston thinks they're Irish. I'm there and I'm like, 'What are you, man?' He goes, 'Fucking Irish!' I go, 'Oh, cool. What part?' 'Boston.' 'Your parents from Ireland?' 'Nah. Boston.' 'Grandparents?' 'Boston.' 'Great-grandparents?' 'Boston.'

Парадоксальность современного общества актер отмечает, говоря о сложности определить расовую принадлежность не только собеседника, но и самого себя:

I can't tell if you're black or not. It's not that easy any more you know. Back that day when you saw a white person you knew they were white immediately. But now you need to confirm... What are you, sir? Are you white? And even you hesitated! Like, 'Probably I am.'

В относительности характеристики “белый” и “черный” Питерс убедился в Ирландии, познакомившись с девушкой:

I walk into her work and I go, 'Hi. Is Katherine here?' This is how white they are. The lady goes, 'Just a second, love. Katherine! There's a black guy here lookin' for ya!' I'm like, 'Where? Where's the black guy?! Want to see the black guy in Ireland!' Turns out I'm the black guy in Ireland!

Внешность является основным параметром, который становится основой категоризации собеседника, однако она может быть обманчивой. Во Флориде Рассела Питерса из-за смуглой кожи принимали за латиноамериканца и предполагали у него знание испанского языка:

...when they see the brown skin, they just assume something's going on. When I told I don't speak Spanish, it was like, 'What kind of fucking Latino doesn't speak Spanish?'

Не ошибиться при соотнесении собеседника с этнической группой возможно, если учитывать регион, место коммуникации и его профессию:

I was in LA and I needed some yellow paint. I went to Home Depot. I walked in and there was some Mexican guy working inside — inside the Home Depot... I knew he was Mexican. First of all, it's LA. Secondly, his back was facing me. He was five feet 4 with a giant head. There was no neck. He turned round and his name was Juan. You know what I mean. Juan, and he had a little Mexican flag right there...

Речь собеседника также может служить подсказкой:

Indian people are fully aware of what their accent sounds like. We don't actually need you... to know exactly what it sounds like.

Неотъемлемой частью идентичности является имя. Рассел Питерс отмечает, что эмигранты из Индии часто готовы изменить все — вплоть до имени, стремясь ассимилировать:

I hate when an Indian guy has an Indian name and then tries to change it to a white-sounding name. You know, tries to fit in better, you know what I mean. But they pick up a name that isn't even close to their Indian name. Like, 'Hello, I'm Rajamar. You can call me Steve.'

Смена имени является проявлением стратегии ассимиляции, так же как и копирование стереотипного поведения большинства:

When my Dad moved to Canada, he didn't want just to live here, you know what I mean. He didn't wanna be just a guy who lived in Canada. He wanted to become a Canadian. And he thought there were things that you could do to become a Canadian. Like, you just do a couple of things and — bang! — overnight you're a Canadian...

Однако изменения в жизни эмигрантов не затрагивают традиционной модели семьи, строящейся по канонам родной культуры с присущей ей иерархией: вкусы и пристрастия подчинены вкусам главы семьи (*In an immigrant house there's no dinner for the adults and dinner for the children. Mom does not care what the fuck the kids like. Mom does not cook for the kids, Mom cooks for Dad. Whatever Dad likes is what you would eat for dinner*), а дети находятся на низшей ступени, и методы воспитания кардинально отличаются от принятых в стране эмиграции:

I remember hanging round this one little white boy Ryan when I was ten years old. I went to his house after school one day. His parents never beat him and they never even yelled at him. He could do anything he wanted and nothing was gonna happen to him. But he was an angry kid. He walked into his house after school and his mom was, 'Ryan, do clean your room.' 'Fuck you, bitch!' His mom goes, 'What am I gonna do with him?' I go, 'Ryan, you can't talk to your mom like that!' 'Yes, I can. She's a jackass!' 'Don't say that, man, she'll hit you!' 'No, she won't. She's not allowed to.' 'What the hell are you talking about, man?' 'My parents hit me.' 'Yeah, but next time they try it, you tell them to fuck off.' 'Are you sure?' 'Trust me. It works for me.' So I went home... for the last time. I walked into the house, my Dad goes, 'Russell, come and do the dishes.' 'Fuck you, Dad!' 'What the hell did you say to me? Do I look like Ryan's mom? Somebody gonna get hurt real bad...'

Семья закладывает основы мировоззрения и влияет на поведенческие модели, поэтому взрослые дети эмигрантов испытывают трудности при ассимиляции модели семьи:

I wanna be like a white parent. I love watching white people talk to their kids. White parents have this way of speaking to their children like they're humans. It's beautiful to watch, you know! But I can't be as lenient as a white parent, 'cos white parents, you take it a little too far, you know. You give your kids options!

Таким образом, комедия наблюдения позволяет актеру в развлекательной форме анализировать сложный в мультикультурном обществе феномен “этническая идентичность”.

Список литературы:

1. Евсеева Л. Н. Формирование национальной идентичности как следствие лингвистической стандартизации // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках “этнической ментальности”: сб. науч. статей. СПб.: Антология, 2013. С. 95–112.
2. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1181.html>

Сведения об авторе: Ирина Алексеевна Алексеева, к.ф.н., доцент, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Киев, Украина; email: irene.alexeyeva@gmail.com

ETHNIC IDENTITY IN OBSERVATIONAL COMEDY (BASED ON SHOWS PERFORMED FROM 2005 TO 2013)

Iryna A. Alyeksyeyeva

Associate Professor, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine;
email: irene.alexeyeva@gmail.com

Abstract

Observational comedy performed by standup comedians from immigrant families is a biographic narrative where ethnic identity, treated as social construct formed in cross-cultural communication, appears as product of self-reflection and other people's perception, i.e. it becomes relative and situational. Kaleidoscopic nature of multicultural society, numerous ethnically mixed marriages and, consequently, the possibility to choose a group for self-identification obliterate the basic oppositions, such as, for example, race. Modern people tend to stress one aspect of their identity and avoid explicating others. The preferred aspects of identity are those that add prestige and advance one on the social ladder. The flexibility of self-identification determines one's acculturation strategies: ethnic groups may be inclined to assimilate by changing their behaviour or even personal

names, the principal identity resulting from immediate communicative goals. Yet, some contexts reveal that to juggle identities, behaviours and worldviews — the ability ascribed to multicultural personalities — is challenging or even impossible.

Key words: ethnic identity, national identity, identification, multiculturalism, observational comedy, acculturation.

References:

1. Evseeva, L. N. (2013). Formirovanie natsional'noi identichnosti kak sledstvie lingvisticheskoi standartizatsii [Formation of national identity as a result of linguistic standardization] *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaja kul'turologija v poiskakh "etnicheskoi mental'nosti"*. St. Peterburg. P. 95–112.
2. Identichnost'. *Novaja filofskaia entsiklopediia* [New Encyclopaedia of Philosophy]. Retrieved from <http://iph.ras.ru/elib/1181.html>

Специфика функционирования общественно-политической фразеологии сквозь призму лингвокультурологического исследования

В. С. Арутюнян

Московский государственный машиностроительный университет

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования фразеологических единиц общественно-политической тематики во фразеологическом фонде американского варианта английского языка в призме лингвокультурологического исследования. Фразеологические единицы исследуемого сектора часто используются для манипуляции общественным сознанием. Сектор ФЕ, отображающий общественно-политические явления, крайне многогранен и обладает яркой метафоричностью образов. Фразеологизмы претерпевают как процессы появления и выпадения из узуса, так и процесс возвращения в язык в результате изменений политической ситуации в стране и в мире. Как известно, наибольшие перемены в языке происходят в моменты социальных и политических потрясений. Именно в такие периоды фразеологический фонд языка обогащается новыми фразеологизмами, отображающими ту или иную номинацию, характерную для исторического периода в жизни этноса. Практически все фразеологические единицы своей внутренней формой отражают

социокультурное своеобразие, вызванное условиями жизни и особенностями исторического развития общества в конкретный исторический период. Автором приводятся многочисленные примеры фразеологических единиц, иллюстрирующих специфику функционирования фразеологизмов указанной тематики во временной проекции.

Ключевые слова: фразеологическая единица, лингвокультурологическое исследование, общественно-политическая фразеология, реалия.

Фразеологические обороты, отображающие понятия, так или иначе связанные с общественно-политической жизнью общества, представляют собой один из богатейших пластов современной фразеологии. К ряду таких языковых знаков причисляются терминологические наименования явлений социальной и политической жизни, традиционные фразеологические единицы, используемые политиками, а также крылатые слова и выражения, принадлежащие тому или иному политическому деятелю. В данном исследовании рассматриваются преимущественно фразеологические выражения, отображающие ту или иную общественно-политическую реалию, характерную для американской политической жизни, в связи с крайней политизированностью американского общества.

Специфика общественно-политической фразеологии подразумевает знание автором уровня социального знания реципиента. И в этом ракурсе фразеологические единицы часто используются для манипуляции общественным сознанием.

Несомненно, одной из важных составляющих современного политического общения является его метафоричность. Многие метафоры часто повторяются, воспроизводятся в речи политиков, в средствах массовой информации, обретая форму фразеологизмов.

Ввиду особенности фразеологизмов, отображающих общественно-политический сектор бытия, связанной с актуальностью номинируемых реалий в тот или иной исторический период, часть фразеологических единиц рассматриваемого сектора со временем выпадают из узуса. Яркими примерами подобных единиц выступают выражения *great society* и *era of good feeling*.

ФЕ *great society* — “Великое общество” — номинирует политическую программу президента Линдона Джонсона, включавшую в себя “войну с бедностью”, развитие социального законодательства, программу “Medicare”, федеральную помощь образованию и культуре, создание Министерства жилищного строительства и городского развития. В условиях продолжавшейся войны во Вьетнаме ее удалось осуществить только частично. ФЕ *era of good feeling* — “Эра доброго согласия” — номинирует годы правления администрации президен-

та Джеймса Монро (1817–1825), характеризовавшиеся укреплением национального единства, полным прекращением непримиримой вражды между демократической и республиканской партиями и отсутствием политической оппозиции, главным образом, благодаря отсутствию организованности среди политических элементов. На самом деле, существовавшая тогда республиканская партия готовилась разделиться на “Adamites” и “Jaksonites”. Данное словосочетание появилось после дружеского приема, оказанного Монро бостонскими федералистами в июле 1817 года, когда в названии передовицы газеты “The Boston Centinel”, от 12 июля 1817 года, появился комментарий: “Monroe’s Administration, the era of good feeling, was not a period of complete peace in the politics of New York City. The tax-payers began to stir” [2, с. 37].

Ситуация с выпадением из узуса ряда фразеологических единиц компенсируется процессом возвращения в активное употребление других выражений, которые в период обострившихся политических противоречий получают “второе дыхание”. Ярчайшим примером такой фразеологической единицы выступает выражение *cold war*.

ФЕ *cold war* — “холодная война” — номинирует противостояние двух идеологических и политических систем и ассоциируется с двумя ядерными сверхдержавами — СССР и США. Явление, именуемое холодной войной, началось после Второй мировой войны и продолжалось четыре с лишним десятилетия. В 1992 году президенты Джордж Буш и Борис Ельцин официально объявили об окончании холодной войны. В последнее время, в связи с обострившимся напряжением между некоторыми европейскими государствами, США и Россией, выражение вновь прочно входит в обиход речи политиков и все чаще звучит с экранов телевизоров.

Помимо фразеологизмов, по тем или иным причинам выпавших из узуса или появившихся вновь, существует определенное количество фразеологических знаков, которые появились под влиянием сознательного конструирования. Так, например, ФЕ *better dead than red* является ярким примером формирования фразеологического выражения в сознании британской и американской наций, отягощенных антикоммунистическими настроениями, царившими в британо-американском обществе в конце 50-х годов XX века. Этимологическая составляющая данного выражения восходит к балладе прусского поэта XIX века Детлева фон Либиенкрона “Pidder Lüng”, в которой впервые появилось в форме *better dead than a slave*. Позже выражение видоизменилось, когда в 1930-е годы в штате Теннесси некий бизнесмен потребовал от рабочих своих фабрик во время утренней молитвы не размышлять об опасных левых идеях. Следующий этап функционирования в языке данного выражения приходится на времена нацистской Германии, когда выражение по-

явилось в обиходе как номинация отношения к тем представителям общества, которые в силу своей социальной или общественно-политической позиции не устраивали правящий режим, и видоизменилось в форму *better dead than a Slav*.

В общественно-политическом секторе присутствует некоторое количество устойчивых выражений, метафоризация которых произошла именно благодаря яркой личности обладателя имени, положенного в основу этих фразеологизмов.

Так, в частности, в американском варианте английского языка присутствует определенное количество ФЕ, номинирующих президентов США разных периодов. Деятельность президента Рональда Рейгана номинируется ФЕ *great communicator* — “великий мастер общения”, представляющее собой уважительное прозвище президента и отмечающее его мастерство общения с аудиторией. Также в языке функционировала ФЕ *teflon president* — часто употреблявшаяся характеристика президента Рейгана за его способность выходить сухим из воды и сохранять популярность, несмотря на просчеты в политике, неудачи и скандалы. ФЕ *first brother* — “первый брат”, саркастическое прозвище, которым средства массовой информации наградили президента Билли Картера по аналогии с понятием “первое семейство”. ФЕ *front porch* номинирует прозвище президента Рэндала Хармона (1959–1961), который во время предвыборной кампании включил имя своей жены в платежную ведомость, использовал свою прихожую в Мюнси в качестве районного офиса и подал заявку на 100 долларов оплаты якобы за ренту. Репутация президента не пережила своей скандальной славы, и в итоге Хармон прослужил только один срок. ФЕ *father Abraham* (“отец Авраам”) номинирует собой прозвище Авраама Линкольна.

Большое количество фразеологизмов посвящено теме выборов. ФЕ *Alice in Wonderland* — номинирует план развития экономики кандидата в президенты Билла Клинтона. Выражение принадлежит сенатору Полу Сарбансу, который 10 августа 1992 года впервые употребил его по отношению к предвыборным обещаниям будущего президента. Через два дня газета “The Washington Post” описала план расширения экономического роста путем понижения минимального уровня налогов, предложенный госсекретарем Джеком Кемпом этим же выражением. ФЕ *rubber chicken circuit* — “турне резиновой курицы” — сравнивает процесс предвыборной президентской кампании с поеданием “резиновой” курятины. Нескончаемая серия публичных обедов и ужинов является неизбежным элементом предвыборной кампании в США. На таких обедах неизменно подавалась жареная курица, которая в силу большого числа участников готовилась заранее и к обеду только разогревалась, отчего становилась “резиновой”.

Проведенное исследование фразеологических единиц общественно-политической тематики позволяет сделать следующие выводы:

- 1) сектор ФЕ, отображающий общественно-политические явления, крайне многогранен и обладает яркой метафоричностью образов;
- 2) ФЕ данного сектора претерпевают как процессы появления и выпадения из узуса, так и процесс возвращения в язык в результате изменений политической ситуации в стране и в мире;
- 3) специфика функционирования ФЕ изучаемого сектора определяется актуальностью тех или иных социально-политических реалий, отображающих жизнь общества в определенный исторический период.

Список литературы:

1. E. Coblem Brewer. Dictionary of Phrase and Fable. Worldsworth Editions Limited, 2006. 1180 p.
2. John Russel Bartlet Dictionary of Americanisms. A Glossary of Words and Phrases usually regarded as peculiar to the United States. Boston : Little, Brown & company, 1859. 524 p.

Сведения об авторе: Ванда Сергеевна Арутюнян, к.ф.н., доцент, Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ), Москва, Россия; email: wandaaru@mail.ru

PECULIARITIES OF SOCIO-POLITICAL PHRASEOLOGY FUNCTIONING IN THE CONTEXT OF LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS

Vanda S. Arutyunian

Ph.D, Associate Professor, Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI), Moscow, Russia; email: wandaaru@mail.ru

Abstract

The article deals with the peculiarities of socio-political phraseology functioning in American variant of English language in the context of linguoculturological analysis. The phraseological units of this sector are often used for manipulation of social consciousness. The socio-political phraseological units are very diversified and are characterized by a bright metaphorical image. The phraseology undergoes the process of appearance, disappearance and reappearance in the language as the result of social and political changes in the world. The greatest changes in phraseology happen in the periods of social and political convulsions. Namely in these periods the phraseology enriches by the new phraseological units, nominating the historical phenomena in people's life. Almost all phra-

seological units represent the socio-cultural peculiarities as the result of historical development of the society in different historical periods. The author illustrates the analysis by numerous examples of phraseological units in time projection.

Key words: phraseological unit, socio-political phraseology, linguoculturological analysis, realia.

References:

1. E. Coblem Brewer Dictionary of Phrase and Fable. (2006). Worldsworth Editions Limited. 1180 p.
2. John Russel Bartlet Dictionary of Americanisms. (1859). A Glossary of Words and Phrases usually regarded as peculiar to the United States. Boston: Little, Brown & company. 524 p.

Один речевой день англичанина в Петербурге: коммуникативные сценарии и их воплощение

Е. М. Баева

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

Объект исследования — речь студента-англичанина, владеющего русским языком и проживающего в Санкт-Петербурге. Материал — расшифровка речи информанта и его коммуникантов, записанная на диктофон в течение одного дня. Разговоры велись на русском и английском языках, в зависимости от коммуникативной ситуации, которые иллюстрируются в статье примерами диалогической речи. Анализ речевых и социолингвистических данных информанта и его коммуникантов, полученных в результате дополнительного анкетирования, позволяет выявить коммуникативные сценарии в речевых макроэпизодах, а также определить успешность / неуспешность коммуникации. В течение речевого дня были зафиксированы следующие типы сценариев: разговор с коллегой, работодателем, другом, приятелем, кондуктором, а также знакомство и успешное общение в большой компании на разные социально-бытовые темы, что говорит о высокой речевой компетенции информанта. Материал исследования, представленный в аудио- и текстовой версиях, может быть использован для преподавания русского языка как иностранного в рамках коммуникативного подхода.

Ключевые слова: коммуникативный сценарий, речевой акт, межкультурная коммуникация.

Материал и методика исследования

Уже более 7 лет в СПбГУ ведется работа над созданием Звукового корпуса русского языка “Один речевой день” (ОРД), который является уникальным источником для исследований живой речи.

Материал ОРД получен методом 24-часовой записи от информантов-волонтеров. “Диктофон на шее” фиксирует все речевые эпизоды

Речевой день SFor1 делится на 8 основных макроэпизодов.

№ эпизода	Тип коммуникации	Место коммуникации	Кол-во участников	Тема разговора	Язык
1.	М	Студенческое общежитие	1	Работа над диссертацией, комментарии о записи речевого дня	Англ.
2.	В	В машине по дороге на урок	2	Разговор с водителем о движении, о фильме, о погоде	Рус.
3.	У	Дома у учеников	3	Урок английского языка	Рус., англ.
4.	В	Дома у учеников, в машине	2	Разговор с водителем о случае с собакой и планах на будущую неделю	Рус.
5.	У	Дома у ученицы	2	Урок английского языка	Англ., рус.
6.	В	Транспорт	2	Разговор с кондуктором автобуса	Рус.
7.	Б	Магазин	7	Покупка продуктов для вечеринки; знакомство; общение с кассиром	Англ., рус.
8.	Б	В гостях у друга	более 10	Знакомство, small-talk, беседы на различные социально-бытовые темы	Англ., рус.

в течение дня — от разговоров за завтраком до деловых встреч и случайных обменов репликами. База данных ОРД включает звуковые файлы и текстовые расшифровки. Информантами проекта являются носители русского языка (от 18 до 77 лет), жители Санкт-Петербурга различных классов и профессий.

Интересно, однако, как в большом мегаполисе, каким является Петербург, проходит речевой день живущих в нем иностранцев — студентов, служащих, туристов. В рамках настоящего исследования была записана речь англичанина (SFor1), студента одного из петербургских вузов. В ходе эксперимента SFor1 заполнил “Анкету информанта” (возраст, профессия, род занятий, место рождения его и родителей, то же о других участниках коммуникации), “Дневник речевого дня” (время, место и участники коммуникации, описание ее содержания) и три психологических теста (Айзенка, Кеттела и FPI) на определение темперамента.

Коммуникативные сценарии

Всю речевую деятельность человека можно разделить на коммуникативные макроэпизоды, выделяемые в зависимости от места коммуникации, ее условий и участников. При аннотировании речевых макроэпизодов в составе ОРД были выделены следующие типы коммуникативных сценариев: П — публичная речь (лекции, презентации и т. п.); Д — деловой разговор или профессиональная беседа между коллегами; В — общение с внешними организациями, разговор “клиент — сервис”; У — обучение, инструктирование, практическое занятие, занятия с ребенком дома и пр.; Б — бытовой разговор в широком смысле. Дополнительно выделяется М — метакоммуникация, т. е. разговоры с самим собой [2, с. 451].

Примеры воплощения коммуникативных сценариев в речи SFor1

Для описания речи неносителей языка важно, где говорящий выучил данный язык — в школе или в языковой среде. SFor1 около 9 лет учил русский язык в школе, затем в университете в Англии и непосредственно в языковой среде в России. С точки зрения уровня владения иностранным языком [1, с. 12], он демонстрирует его знание на бытовом, содержательном и социальном уровнях.

Начало дня — утро в общежитии. Информант по-английски поясняет, что весь день будет записываться на диктофон, затем работает над диссертацией, преимущественно молча, комментируя только посторонние звуки из коридора (*you can hear some voices from the hallway*).

Второй речевой эпизод — общение по-русски с водителем, который отвозит SFor1 на урок в один из пригородов Санкт-Петербурга. Информант выступает в социальной роли коллеги; тон беседы — не-

принужденный, коммуникант — носитель языка — использует жаргонные слова, редуцированные формы. Обсуждают плотное движение, фильм “Ликвидация” и погоду. Разговор о движении можно считать успешным:

прости что опоздал //
в метро заблудился что ли?
не / я на автобусе приехал / были пробки //
а-а-а //
а сегодня пробки вообще плохие?
да не знаю / нормал вроде //
сколько баллов?
щас // авария там //
что / впереди?
ага //

Обсуждение фильма происходит менее успешно:

какой фильм?
это Ликвидация // про Одессу
это про вторую мировую? //
это фильм или сериал?
такой фильм // сериал //
это советские против фашистов / что ли?
ну типа да / против диверсантов //
а-а / диверсантов // это диверсанты?
нет / это фашисты //

За день SFor1 проводит два урока английского языка (для двух мальчиков и девочки-подростка). Уроки проходят преимущественно по-английски, однако иногда подключается русский: в начале, когда еще не начался учебный процесс, и для пояснения сложных моментов:

it snowed a lot last winter but this.? this winter.? ну? имеется в виду /
что прошлой зимой было много снега / а сейчас...
а! this winter is not snow // то есть она не снежная //

Коммуникацию во всех случаях можно считать успешной, даже если в начале микроэпизода происходит недопонимание:

Даня первый / я просто отнести. А вы когда родились?
в смысле / в каком году?
да //
в девяносто первом //
нет / я имею в виду...
а / какого числа // а... я... эээ дд... двенадцатое февраля //
февраля // О / вам повезло!
где-то месяц назад //
вам повезло! знаете / вы кто?
о / Джон Сатур?
нет / это я Джон Сеймур!

вы по-моему...
 вот смотрите когда я родился в июле
 я там последняя страница //
 да / по-моему / не знаю кто вы / этот вот / да / вы этот /
 февраль
 да / я с очками //

Разговор в транспорте сугубо информативен и состоит из короткого обмена репликами:

это Петроградская?

да да //

конечная? спасибо //

В разговоре в магазине (цель — купить напитки для вечеринки) участвует англоговорящий друг информанта (по-английски) и две покупательницы (по-русски), SFor1 является переводчиком между ними:

What do you call White Russian in Russian?

Эээ вайт раин probably I don't know //

Далее происходит знакомство, не имеющее продолжения: совершив покупки, SFor1 и его друг уходят из магазина. Они обсуждают грядущую вечеринку и микрофон на куртке информанта:

so I must say I'm doing this project for a friend...

is your friend CIA?

no / she's a teacher at филфак //

Последний коммуникативный эпизод дня — вечеринка — разбирается на множество микроэпизодов, размером порой в одну реплику. Количество коммуникантов постоянно меняется, SFor1 знает о них очень немного. В большинстве эпизодов речь ведется на английском как на *лингва франка*, что, как правило, обеспечивает успешную коммуникацию [1]. Русский язык используется в тех случаях, когда коммуникант не говорит по-английски или для подмены незнакомых понятий:

do you know where открывашка... ?

I don't know but Richard knows //

Обсуждаемые темы являются актуальными для молодежи: учеба в университете дома и за границей, поиск работы, любимая музыка, литература, походы в клуб, знакомства. SFor1 успешно использует функциональный язык, помогающий ему построить непринужденную беседу. Для успеха коммуникации иногда переходит на английский:

будешь скучать по Питеру?

ха //

нет?

это не вопрос //

I just asked if you are gonna miss...

а / буду ли я скучать! наверно / да // не знаю // здесь хорошо //
я сейчас скучаю по Англии / поэтому буду возвращаться //

Заключение

В течение речевого дня SFor1 был зафиксирован ряд коммуникативных сценариев: разговор с коллегой, работодателем, другом, приятелем, кондуктором, а также знакомство и успешное общение в большой компании на разные социально-бытовые темы, что говорит о высокой речевой компетенции информанта. Материал исследования, представленный в аудио- и текстовой версиях, может быть использован в практике преподавания РКИ в рамках коммуникативного подхода.

Список литературы:

1. Мустайоки А. Почему общение на лингва франка удается так хорошо? // Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации : сб. ст. / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 10–31.
2. Шерстинова Т. Ю. Коммуникативные макроэпизоды в корпусе повседневной русской речи “Один речевой день”: принципы аннотирования и результаты статистической обработки // Proceedings of the International Conference “CORPUS LINGUISTICS — 2013”. St. Petersburg, 2013. P. 449–456. — Труды Международной конференции “Корпусная лингвистика-2013”. Санкт-Петербург, 2013. С. 449–456.

Сведения об авторе: Баева Екатерина Михайловна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; email: kaverita@yandex.ru

ONE DAY OF SPEECH OF AN ENGLISHMAN IN ST PETERSBURG: COMMUNICATION SCENARIOS AND THEIR REALIZATION

Yekaterina M. Baeva

PhD, Associate Professor, the English Language Department, St. Petersburg State University, St Petersburg, Russia; email: kaverita@yandex.ru

Abstract

The object of the research is the speech of an Englishman, fluent both in Russian and in English, currently living in St Petersburg and studying at a university. The analyzed data is the transcribed audio recordings of everyday speech interactions of the informant with several communicants which have been obtained via continuous recording during a single day. Given the informant's fluency in Russian, it was possible to record speech in both languages, English as well as Russian, depending on the communicative situations. The informant was to fill in a questionnaire revealing some additional sociolinguistic information about himself and his communicants. That and the speech data were carefully analyzed in order to

define the communicative scenarios in various speech macroepisodes and the patterns of their realization.

Key words: communication scenario, speech acts, international communication.

References:

1. Mustaioki, A. (2011). Pochemu obshchenie na lingva franka udaetsia tak khorosho? [Why is it so easy to communicate in lingua franca?] *Iazyki sosedei: mosty ili bar'ery? Problemy dvuiazychnoi kommunikatsii*. St. Petersburg, the publishing house of the European University in St. Petersburg. P. 10–31.
2. Sherstinova, T. Yu. (2013). Kommunikativnye makroepizody v korpuse povsednevnoi russkoi rechi “Odin rechevoi den”: printsipy annotirovaniia i rezul'taty statisticheskoi obrabotki [Communicative macro episodes in the ORD corpus of Russian everyday communication: annotation principles and statistics]. *Proceedings of the International Conference “CORPUS LINGUISTICS — 2013”*. St. Petersburg. P. 449–456.

Особенности английского языка в Новой Зеландии

А. Р. Бекеева

Российский университет дружбы народов

Аннотация

Статья посвящена изучению национально-культурного своеобразия функционирования языковых единиц в новозеландском национальном варианте английского языка. Выбор такого подхода к исследуемому объекту мотивируется тем фактом, что особые социальные условия функционирования английского языка в Новой Зеландии обусловили специфику его бытования в качестве новозеландского национального варианта английского языка. Факторы социального порядка в значительной степени определили социолингвистический статус английского языка в Новой Зеландии. Прежде всего следует отметить, что до настоящего времени в отечественной лингвистике не проводилось комплексного исследования употребления языковых единиц в современном новозеландском национальном варианте английского языка. Статья способствует лучшему пониманию функционирования языковых единиц в новозеландском национальном варианте английского языка. Английский язык в Новой Зеландии описывается с точки зрения национально-культурной специфики

вербального и невербального коммуникативного поведения носителей новозеландского национального варианта английского языка.

Ключевые слова: новозеландский национальный вариант английского языка, Новая Зеландия, маори, социолингвистический статус, национальная литературная норма, национально-культурная специфика.

Социолингвистический статус английского языка в Новой Зеландии определяется как новозеландский национальный вариант английского языка, так как он является государственным языком страны, на нем говорит абсолютное число жителей государства, он обладает национальной литературной нормой, выполняет полный объем общественных функций, обладает национально-культурной спецификой [4, с. 150].

Новозеландскому национальному варианту английского языка присущи следующие типы языковой вариативности: а) фонетический; б) лексический [3, с. 125].

Новая Зеландия зарождалась как переселенческая колония британских колонизаторов, чья языковая политика была рассчитана на долгосрочный период [2, с. 81]. На становление английского языка в данной стране непрерывно оказывал воздействие межэтнический состав поселенцев из Англии, Австралии, США, Шотландии и Ирландии. Естественно, что иммигранты привносили в английский язык Новой Зеландии свои языковые особенности, например: озвончение [t] в интервокальной позиции узуально и в США, юго-восточных графствах Англии (Гемпшир, Дорсет); выпадение палатального аппроксиманта [j] (Y-dropping) в позиции после альвеолярных согласных в словах new [nju:] “новый”, dew [dju:] “роса”, tune [tju:n] “мелодия” также встречается и в США, и в диалектах Англии (северный Кент, северо-западный Ворвикшир, восточный Беркшир); замена [θ] на [f] и [r] на фонему [v] узуально и в юго-восточных графствах Англии (Кент, Эссекс, Бекингемшир, Суффолк, Норфолк, Оксфордшир, Хердфордшир); употребление первого компонента дифтонга [ai] более открытого характера и сужение фонемы [æ] до [e] являются одними из самых частотных в речи жителей Лондона, юго-восточных графств Англии (Корнуолл, Девон, Суффолк и северо-восточной Шотландии); функционирование гласного заднего ряда [ɑ] как гласный переднего ряда широкой разновидности [a] также отмечается в таких графствах Англии, как: Гемпшир, южный Суффолк, Бедфордшир, Дорсет, северо-западный Ворвикшир, Кембриджшир; противопоставление [hw] и [w] в словах whey [wei] “сыворожка” и way [wei] “путь”, while [wail] “промежуток времени” и wile [wail] “уловка” наблюдается и в Шотландии, Ирландии, Восточной Новой Англии на юге США, Канаде и севере Англии; вокализация [ɪ] наблюдается и в Нью-Йорке

и Филадельфии в США, лондонском диалекте и эстуарном диалекте юго-восточной Англии (Estuary English) [1, с. 10].

Наличие заимствований из языка маори является важной чертой национально-культурного своеобразия лексического фонда новозеландского национального варианта английского языка. Заимствования из языка маори используются для обозначения эндемичных растений, животных и рыб, например, *kiwi* “киви”, *kokako* “новозеландский скворец”, *kea* “попугай кеа”, *kakapo* “совиный попугай”, *tui* “новозеландский туи”, *weka* “лесной пастушок”, *takahe* “нелетающая птица пастушок такахе”, *hoiho* “желтоглазый пингвин хоихо”, *kakariki* “прыгающий попугай” — породы птиц; *hapuku* “морская рыба” [4, с. 200].

Список литературы:

1. Бекеева А. Р. Национально-культурное своеобразие функционирования фонетических единиц в новозеландском национальном варианте английского языка // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2012. № 2. С. 9–16.
2. Бекеева А. Р. История становления английского языка в Новой Зеландии // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2013. № 3. С. 81–87.
3. Бекеева А. Р. Национально-культурная специфика новозеландского национального варианта английского языка // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников. 2013. С. 125–131.
4. Бекеева А. Р. Национально-культурное своеобразие функционирования языковых единиц в новозеландском национальном варианте английского языка : дис. ... канд. филол. наук. М. : РУДН, 2012. 236 с.

Сведения об авторе: Анна Рапкатовна Бекеева, к.ф.н., старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Россия; email: annabeck@radio.fm

NEW ZEALAND ENGLISH NATIONAL AND CULTURAL FEATURES Anna R. Beckeeva

Senior Lecturer, PhD, Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia; email: annabeck@radio.fm

Abstract:

The article is devoted to the study of national and cultural features of New Zealand English. Extralinguistic factors led to the specificity of New Zealand English. It was largely determined by the sociolinguistic status of English in New Zealand. First of all it should be noted that comprehensive studies of

the use of language units in New Zealand English have not been conducted before. The article contributes to better understanding of the functioning of language units in New Zealand English. New Zealand English is described from the point of view of national and cultural features of verbal and non-verbal communicative behaviour of the native New Zealand English speakers.

Key words: New Zealand English, New Zealand, Maori, sociolinguistic status, national literary norm, national and cultural features.

References:

1. Bekeeva, A. R. (2012). Nacional'no-kul'turnoe svoeobrazie funkcionirovanija foneticheskikh edinic v novozelandskom nacional'nom variante anglijskogo jazyka [Phonetic peculiarities of New Zealand English]. *Vestnik RUDN. Serija: Voprosy obrazovanija. Jazyki i special'nost'*, 2, 9–16.
2. Bekeeva, A. R. (2013). Istorija stanovlenija anglijskogo jazyka v Novoj Zelandii [History of New Zealand English in the making]. *Vestnik RUDN. Serija: Lingvistika*, 3, 81–87.
3. Bekeeva, A. R. (2013). Nacional'no-kul'turnaja specifika novozelandskogo nacional'nogo varianta anglijskogo jazyka [National and cultural features of New Zealand English]. *Magija INNO: novye tehnologii v jazykovoj podgotovke specialistov-mezhdunarodnikov*. P. 125–131.
4. Bekeeva, A. R. (2012). Nacional'no-kul'turnoe svoeobrazie funkcionirovanija jazykovykh edinic v novozelandskom nacional'nom variante anglijskogo jazyka [National and cultural specific features of New Zealand English]. M. : RUDN. 236 p.

Межкультурная деловая коммуникация и проблемы формирования имиджа современного российского работника (на примере Европейского Севера России)

А. А. Богданова

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова, Архангельск

Аннотация

Инвестиционная политика в России позволяет многим иностранным компаниям открывать и развивать свой бизнес в этой стране. В то же время способность приспосабливаться к национальной специфике — основное условие успешности. Факторы внешней среды оказывают сильное давление на предприятия. Цель проведения исследования состояла в поиске наиболее эффективных вариантов

построения системы управления и организации ее функционирования и развития. В рамках данной научной работы автором было проведено социологическое исследование, которое позволило сформировать на основе предложенных личностных и профессиональных характеристик образ современного представителя Севера.

Ключевые слова: менталитет, стереотип, личные черты, профессиональные черты, обучение, Европейский Север России.

Инвестиционная политика в России позволяет многим иностранным компаниям открывать и развивать свой бизнес в этой стране. В то же время способность приспосабливаться к национальной специфике — основное условие успешности.

Факторы внешней среды оказывают сильное давление на предприятия. С каждым годом остается все меньше конкурентных преимуществ, которые предоставляет внешняя среда. Однако способность бороться с неблагоприятными факторами внешней среды создает устойчивые позиции для организации.

За последние годы в российском обществе проведены радикальные преобразования, которые привели к основательным изменениям в экономическом, политическом, социальном и культурном планах.

Российское общество проходит полосу глубоких перемен. Для переходного состояния характерно наличие элементов старого (прежних учреждений, законов, традиций, привычек и т.д.) и элементов нового (зарождающихся новых организаций, правовых норм, отношений и т.д.). Их взаимодействие противоречиво и порождает сложную, быстро меняющуюся ситуацию в общественно-политической жизни, поэтому возникла проблема вестернизации культуры.

Исследование проводилось на предмет выявления особенностей формирования управленческого мышления у менеджеров среднего и высшего звена, а также целесообразности применения управленческих методов на промышленных предприятиях. Для упрощения процесса исследования объектом были выбраны предприятия целлюлозно-бумажной промышленности города Архангельска и Архангельской области.

Были обследованы 615 человек в возрасте от 19 до 45 лет, учащиеся очного, очно-заочного и заочного отделения Высшей школы экономики и управления и работники целлюлозно-бумажной промышленности города Архангельска и Архангельской области в целях выявления у каждого из них стереотипа управления по основным позициям, характеризующим прибыльность фирмы.

Исследование проводилось методом опроса (анкетирования) на предмет выявления мифов менеджмента, которые оказывают влияние на управленцев высшего и среднего звена. После обработки ре-

зультатов необходимо было практически подтвердить существование и влияние мифа на промышленных предприятиях [1].

Цель проведения исследования состояла в поиске наиболее эффективных вариантов построения системы управления и организации ее функционирования и развития.

Лучший способ измерения результатов — соотнесение исходного уровня знаний и навыков с достигнутым, а достигнутого — с намеченным.

В ходе проведения эксперимента было необходимо выяснить, чему и в каком объеме надо учить сотрудников, подобрать тренера, а потом сравнить результат с полученным и оценить убытки от некомпетентности.

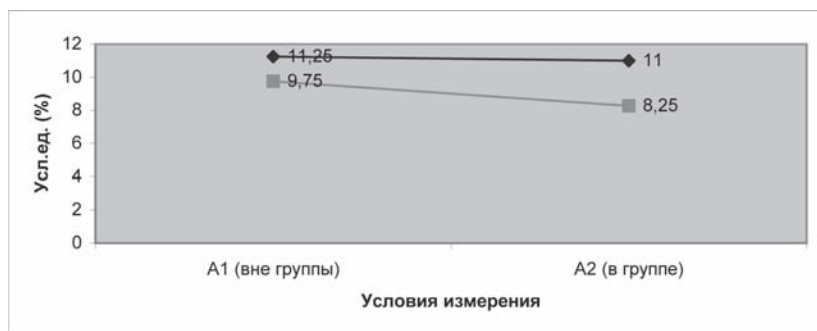

Рис. 1. Изменения средних величин эффективности работы менеджеров при переходе от индивидуальных замеров к групповым — замерам в отделах (программа российского адаптированного обучения — синяя линия, программа иностранного обучения — красная линия)

У одного испытуемого выше показатели по программе иностранного обучения, у четырех других — по программе российского адаптированного обучения. При измерении вне отделов индивидуальные кривые ближе друг к другу, при измерениях в отделах они расходятся (рис. 1).

Во втором, групповом, замере снижаются показатели и по работе с иностранным, и по работе с российским обучением, но все же работа с российским специалистом находится приблизительно на уровне первого замера, в то время как работа с иностранным — снижается под влиянием усталости в группе (рис. 1).

В рамках данной научной работы автором было проведено социологическое исследование, которое позволило сформировать на основе предложенных личностных и профессиональных характеристик образ современного представителя Севера.

Образ современного, по мнению большего числа респондентов, представителя Европейского Севера России является положительным как с точки зрения личных качеств, так и с профессиональной.

Это общительный, отзывчивый, душевный, открытый, прямой и эмоционально устойчивый человек. Холодность, недоступность и замкнутость были наименее популярными, что абсолютно опровергает сложившийся стереотип о жителях Севера.

С точки зрения профессиональных черт северянина охарактеризовали как физически сильного, выносливого, трудолюбивого, находчивого, способного к самообучению, умеющего работать в команде человека. Индивидуализм, по мнению опрашиваемых, менее присущ представителям северных территорий, что во многом является проблемой для современного работника — жителя северного региона, так как переход к рыночной экономике требует иного подхода в профессиональной деятельности.

Названные ранее личные качества, наиболее присущие жителям Севера, безусловно, являются основой для профессиональных характеристик и накладывают отпечаток на их качество. Так, общительность, отзывчивость и душевность помогают работе в команде и легкой адаптации к месту работы; цепкость ума позволяет находить простые решения в сложных ситуациях, создавать новые методы решения конкретных задач, выбирать адекватные средства достижения задач; самодисциплина помогает управлять временем, действовать по плану и делать работу в кратчайшие сроки; любовь к порядку влияет на последовательность в достижении целей и нежелание выполнять работу в сжатые сроки и на условиях, при которых качество пострадает [2].

Таким образом, согласно проведенному исследованию и анализу, автор считает, что наличие вышеперечисленных личных и профессиональных черт, характерных для представителей Севера, служит для создания новой парадигмы управления в сфере государственного управления северных регионов, создания эффективной структуры экономики и формирования оптимального рынка труда из собственных кадров региона и построения целесообразной социальной политики. Это приведет не только к повышению роли и статуса региона на международном и внутреннем рынках, позволит повысить качество производимой продукции и труда, но и создаст все условия для улучшения социально-экономических показателей региона.

Список литературы:

1. Богданова А. А. Влияние национального менталитета на управление организацией (на примере Архангельской области): Промышленное развитие России: проблемы, перспективы // Труды XII Международной конференции преподавателей, ученых, специалистов, аспирантов, студентов (21 ноября 2014 года). Нижний Новгород : Минский университет, 2014. С. 14–19.

2. Богданова А. А. Проблемы интеграции северо-запада России в систему мирохозяйственных связей Интернет [Электронный ресурс] // Сборник научно-практической конференции, Апатиты / Институт экономических проблем КНЦ РАН. — Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-161804.html>. Проверено 12.11.2014.

Сведения об авторе: Богданова Анна Анатольевна, к.э.н., доцент кафедры регионоведения и международных отношений Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия; email: annabogdanova@inbo.ru

CROSS-CULTURAL BUSINESS COMMUNICATION AND PROBLEMS OF FORMATION OF IMAGE OF THE MODERN RUSSIAN WORKER (ON THE EXAMPLE OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)

Anna A. Bogdanova

Docent Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia;
email: annabogdanova@inbo.ru

Abstract

The investment policy in Russia allows many foreign companies to open and develop the business in this country. In the same time, ability to adapt to national specifics — the main condition of success. Factors of environment render the strong pressure upon the enterprises. The purpose of carrying out research consisted in search of the most effective options of creation of a control system and the organization of its functioning and development. Within this scientific work as the author sociological research which allowed to create an image of the modern representative of the North on the basis of the offered personal and professional characteristics was conducted.

Keywords: mentality, stereotype, personal lines, professional lines, training, European North of Russia.

References:

1. Bogdanova, A. A. (2014). Vliianie natsional'nogo mentaliteta na upravlenie organizatsiei (na primere Arkhangel'skoi oblasti): Promyshlennoe razvitie Rossii: problemy, perspektivy [Influence of national mentality on management of the organization (on the example of the Arkhangelsk region): Industrial development of Russia: problems, prospects]. *Trudy XII Mezhdunarodnoi konferentsii prepodavatelei, uchenykh, spetsialistov, aspirantov, studentov (21 noiabria 2014 goda)*. Nizhnii Novgorod: Minskii universitet. P. 14–19.

2. Bogdanova, A. A. *Problemy integratsii severo-zapada Rossii v sistemu mirokhozai- aistvennykh sviazei Internet* [Problems of integration of the northwest of Russia into system of world economic communications Internet] [Electronic resource]. Access mode: <http://do.gendocs.ru/docs/index-161804.html>. Accessed 12.11.2014.

Степень передачи лингвокультурной категории “недосказанность (understatement)” при переводе на немецкий и русский языки

О. А. Бондарь

Нижевартовский экономико-правовой институт (филиал)
Тюменского государственного университета

Аннотация

Данная работа посвящена изучению лингвокультурной категории “недосказанность (understatement)” и ее передачи в других языках. Указанная категория, характерная для англоязычной культуры, может передавать целый спектр различных интенций — нейтрализация эмоций, внесение непринужденности в общение, контроль степени эмоционального воздействия на собеседника, смягчение категоричности или несогласия.

Интересным представляется отражение изучаемой категории в других лингвокультурах, в данном случае мы рассматриваем передачу категории “недосказанность (understatement)” в генетически родственной и дальнеродственной культурах — немецкой и русской. Существенную роль в этом играет сопоставительный анализ перевода на другие языки текстов, содержащих этнокультурные компоненты.

Ключевые слова: категория “недосказанность (understatement)”, межкультурная коммуникация, модальность, интенции, категоричность, перевод.

Для осуществления коммуникации в англоязычной культуре существенную роль играет модальная категория “недосказанность (understatement)”, цель которой снизить категоричность высказывания, нивелировать отрицательное воздействие на собеседника, скрыть как негативные, так и позитивные эмоции говорящего.

При передаче высказывания, содержащего в себе элемент *understatement*, необходимо сохранить модальность и иллокутивную силу данного высказывания, передать скрытые смысловые оттенки с одновременной максимальной адаптацией его содержания

для адресата. Для этого переводчик должен быть знаком с лингвокультурной спецификой переводимого языка, а также уметь адаптировать ее основные черты на другой язык, так, чтобы между собеседниками не возникало недоразумений и, как следствие, конфликтов [2, с. 156].

Принимая во внимание широту контактов между англо-, немецко- и русскоязычной культурами на современном этапе, представляется актуальным изучение особенностей коммуникации внутри данных этносоциумов и их межкультурных различий. Существенную роль для выявления данных расхождений играет сопоставительный анализ перевода на другие языки текстов, содержащих этнокультурные компоненты.

В данной работе нами используются примеры из художественной литературы современных англоязычных авторов и их опубликованные переводы на русский и немецкий языки.

Приведем пример, как нам кажется, успешной передачи категории “недосказанность (understatement)”. В качестве констатации факта неудачи и провала собеседника была произнесена фраза “*I’m afraid you’re way down*”. — “**Кажется**, для тебя все потеряно”. — “*Sie sind leider ganz tief nach unten gefallen*” [4; 3; 5], где говорящий попытался снизить резкость своего высказанного мнения за счет использования конструкции *I’m afraid*. В русском и немецком вариантах перевода эта интенция была сохранена с помощью употребления лексем *кажется* и *leider*. Продемонстрируем еще один пример удачной трансляции категории “недосказанность (understatement)” при переводе. Часто элементы указанной категории находят свое отражение в табуированном дискурсе [1, с. 14]. Так и следующее высказывание несет оттенок “запретной темы”: “*Sometimes I have private meetings at night*”. — “Иногда мне **нужно встретиться кое с кем наедине**”. — “*Es ist nur so, dass ich abends manchmal private Termine habe*” [4; 3; 5]. При этом в переводе на русский язык происходит грамматическая замена словосочетания *private meetings*, однако сохраняется элемент скрытности за счет неопределенного местоимения *кое с кем*. В немецком варианте используется эквивалент *private Termine*, также неясности и колебания добавляет элемент *nur so*.

Однако следующий случай может служить примером утраты элемента категории “недосказанность (understatement)” при переводе. На заседании акционеров принимается серьезное решение. Главная героиня категорически не согласна: “*I have to disagree with all of you*”. — “**Вынуждена не согласиться с вами**”. — “*Ich muss Ihnen allen widersprechen*” [4; 3; 5]. В русском переводе довольно удачно подобрано вариантное соответствие английского модального глагола *have* — *быть вынужденным*. В немецком варианте переводчик заменяет английский глагол более “сильным” модальным глаголом долженствования

tuss — *должен*, что вызывает в высказывании большую категоричность. Причем, при существующей семантической оппозиции *tuss* (*должен* — “сам так считаю”) и *soll* (*должен* — “по мнению других”), употребление глагола *müssen* еще больше смещает акцент в сторону более четкого выражения позиции. Также в русском языке переводчик подобрал вариантное соответствие английскому глаголу, выражающему отрицание *disagree* — *не согласиться*, однако немецкий переводчик использовал глагол *widersprechen* (*возражать*), и в данном случае утвердительная форма глагола придала высказыванию категоричности.

Однако опыт показывает, что, в сравнении с переводом на немецкий язык, русскоязычный вариант чаще теряет элемент недосказанности и смягчения ситуации. Так, например, оригинальное высказывание “*I don't think you should do this*” на русский язык переводчик передал как “**Не смей** этого делать” [4; 3]. Очевидно, что русскоязычный перевод звучит категоричнее и скорее выступает в роли приказа, нежели совета, за счет опущения элемента *I don't think* (досл. *я не думаю*), выражающего в исходном тексте гипотетичность высказывания адресанта, его сомнение. Следовательно, используя прием опущения, переводчику следует различать главную и второстепенную информацию. Так, опуская определенный элемент высказывания, переводчик может допустить смысловую ошибку, а также неправильно передать интенции адресанта и модальность всего высказывания.

Приведенные выше примеры показывают, что полная передача категории “недосказанность (*understatement*)” может свободно осуществляться переводчиком при нахождении удачных эквивалентов в переводном языке. Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что использование приемов опущения и антонимического перевода сопряжено с вероятностью утраты модальности или недосказанности, которые отправитель изначально вложил в высказывание, и, в свою очередь, добавлять высказыванию категоричность и императивность.

Список литературы:

1. Бондарь О. А., Новикова Л. В. Роль категории “недосказанность (*understatement*)” в табуированном дискурсе: лингвокультурный аспект (на примере британской, немецкой и русской лингвокультуры) // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего : сб. ст. и материалов Международной науч.-практ. конф. (г. Нижневартовск, 24–25 окт. 2013 г.). Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2014. С. 14–18.
2. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики : монография. М. : ФЛИНТА, 2013. 232 с.

3. Шелдон С. Тонкий расчет. М. : АСТ, 2011. 348 с.
4. Sheldon S. *The Best Laid Plans*. N. Y. : William Morrow, 1998. 358 p.
5. Sheldon S. *Zeit der Vergeltung*. München: Goldmann, 2000. 347 S.

Сведения об авторе: Ольга Александровна Бондарь, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации, Нижневартровский экономико-правовой институт (филиал) Тюменского государственного университета, г. Нижневартовск; email: bondar.ol@bk.ru

TRANSFERRING OF LINGUO-CULTURAL CATEGORY OF “UNDERSTATEMENT” IN ENGLISH-GERMAN AND ENGLISH-RUSSIAN TRANSLATION

Olga A. Bondar

Senior Lecturer, Foreign Language Department, Nizhnevartovsk Economic and Law Institute (Filial Office) of the Tyumen State University, Nizhnevartovsk; email: bondar.ol@bk.ru

Abstract

The article dwells upon the linguo-cultural category of “understatement” and its transferring into other languages. This category is specific for English-speaking culture and it can convey many intentions, for example it can conceal emotions, control the impact of the negative factors, lower the categoricity of the utterance etc. The author tries to analyze the reflection of “understatement” in two other cultures (German and Russian) using the means of translation.

Key words: “understatement”, cross-cultural communication, modality, intention of utterance, categoricity, translation.

References:

1. Bondar, O. A., Novikova, L. V. (2014). Rol kategorii “nedoskazannost (understatement)” v tabuirovannom diskurse: lingvokulturnyi aspekt (na primere britanskoi, nemetskoi i russkoi lingvokultur) [The role of the category of “understatement” in taboo discourse: linguocultural aspect (in case of British, German and Russian linguocultures)]. *Yugra, Sibir, Rossiia: politicheskie, ekonomicheskie, sotsiokulturnye aspekty proshlogo i nastoiashchego: International Conference (Russia, Nizhnevartovsk, October 24–25, 2013)*. Nizhnevartovsk: NVGU. P. 14–18.
2. Matveeva, G. G., Lenets, A. V. & Petrova, E. I. (2013). *Osnovy pragmalingvistiki: monografiia* [The basics of pragmalinguistics]. Moscow: FLINTA.
3. Sheldon, S. (2011). *Tonkii raschet* [The Best Laid Plans]. Moscow: AST.
4. Sheldon, S. (1998). *The Best Laid Plans*. NY: William Morrow.
5. Sheldon, S. (2000). *Zeit der Vergeltung* [The Best Laid Plans]. München: Goldmann.

Лексико-семантическая дивергенция как источник коммуникативных сбоев

О. И. Гладких

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Аннотация

Традиционно межкультурная коммуникация изучает проблемы общения между носителями разных языков. Однако трудности в общении обусловлены, прежде всего, культурными различиями, а это означает, что даже носители одного языка, принадлежащие разным культурным сообществам, не застрахованы от сбоев в коммуникации.

Одним из факторов, вызывающих проблемы в общении между представителями различных наций, является лексико-семантическая дивергенция, т. е. наличие у одной многозначной единицы одного инвариантного (общего с другими нациями) значения наряду с другими значениями, которые функционируют исключительно в определенном национальном варианте языка. Проблема недопонимания может усугубляться, если лексико-семантический дивергент строится на энантиосемии, т. е. поляризации значений, или если контекст не выявляет различия в смысле.

Лексико-семантическая дивергенция проявляется в стандарте и суб-стандарте; она может вызывать коммуникативные сбои в деловом общении, поскольку терминоединицы, как и общепотребительные слова, подвержены явлениям, вызванным асимметрией языкового знака.

Ключевые слова: коммуникативные сбои, лексико-семантическая дивергенция, лексико-семантический дивергент, национальный вариант английского языка.

В эпоху глобализации проблемы межкультурной коммуникации (МК) становятся все более **актуальными**. Как отмечают Г. А. Антипов и др., «язык... способствует тому, что культура может быть как средством общения, так и средством разобщения людей...» [1, с. 75]. Данная мысль справедлива и по отношению к носителям одного и того же языка, принадлежащим разным культурным сообществам.

Цель исследования — выявить лексико-семантические различия как причину коммуникативных неудач носителей разных национальных вариантов английского языка (НВАЯ).

Для достижения цели решены следующие **задачи**:

1. Из источников [2; 3; 4; 6–11] проведена выборка многозначных лексем, на основе которой сформирован корпус лексико-семантических дивергентов (ЛСД) объемом 9593 единицы в разных НВАЯ/

2. В этом корпусе выделены тематические группы, которые обуславливают наибольшую вероятность коммуникативных проблем.

Предметом исследования являются ЛСД как фактор помех в МК.

Культурный конфликт имеет место на разных уровнях, но “наиболее явственно он проявляется в лексике, так как именно эта часть языка имеет... прямой и непосредственный выход в реальный мир, во внеязыковую реальность” [5, с. 35].

Причиной коммуникативных сбоев такого рода служат несоответствия в плане содержания и / или выражения языковых единиц, составляющих национальные картины мира участников МК. Такие помехи возможны у носителей разновидностей одного полинационального языка, например, английского, а именно — его британского (BE), американского (AE), канадского (CanE), австралийского (AuE) и новозеландского (NZE) вариантов.

Различия в плане выражения и содержания вызваны национально специфической лексикой (*dinner-pail* (AE) — емкость для переноски пищи; *Z-car* (AuE) — государственное транспортное средство в Австралии); различия в плане выражения при сохранении плана содержания — существованием лексико-семантических аналогов (*leader* (BE) vs. *editorial* (AE) — передовая статья). Различия в плане содержания при сохранении плана выражения обусловлены лексико-семантическими дивергентными.

Под ЛСД понимаем единицы лексико-семантического уровня, которые кроме общеанглийского значения содержат в своей семантической структуре национально маркированные лексико-семантические варианты (ЛСВ).

Лексико-семантическая дивергенция характерна для языкового стандарта, субстандарта и даже терминосистем. ЛСД языкового стандарта имеют наибольшую частотность употребления благодаря тому, что они используются в повседневном общении. Например, ЛСД *banker*¹ объединяет общеанглийские значения (GE) “тот, кто занимается банковским делом” и “игрок, отвечающий за банк в разных играх”, которые противопоставлены значениям *banker*² “рыболовецкое судно в водах острова Ньюфаундленд”, “рыбак с острова Ньюфаундленд”, закрепленным за CanE, и ЛСВ “река во время половодья” в AuE.

В реальном общении с опорой на ситуацию, контекст и невербальные средства коммуникации такие расхождения не препятствуют пониманию. В противном случае возникают проблемы. Источником недоумения может служить и энантиосемия, т. е. поляризация значений дивергента. Так, у ЛСД *table* выявлены общеанглийские ЛСВ “вставлять в таблицу” и “ставить на стол” наряду с энантионимичными значениями “ставить на повестку дня” (BE) и “снимать с рассмотрения на неопределенный срок” (AE).

В языковом стандарте можно выделить пятьдесят пять тематических групп ЛСД, а именно: “действие”, “характеристики и качества”, “человек согласно разным характеристикам”, “спорт”, “абстрактные понятия” и др.

Анализ дивергенции в субстандарте НВАЯ указывает на возможность значительных коммуникативных сбоев. Субстандартная лексика не только таит в себе множество нюансов, которые неизвестны непосвященному, но и имеет свои особенности в различных подсистемах, таких как жаргон воров, студентов, не говоря уже о межвариантных семантических различиях.

Субстандарт насчитывает шесть тематических групп: “неуважительная характеристика человека”, “наркомания”, “соматизмы”, “сексуальные отношения”, “деньги”, “преступление”. В качестве примера приведем ЛСД *cow*, у которого наблюдается противопоставление BE vs. AuE — “неприятная женщина” и “неподатливый человек или вещь” соответственно.

Даже терминология обнаруживает немало семантических расхождений. Самые многочисленные тематические группы ЛСД терминосфер экономики и права — “лица по роду деятельности”, “ценные бумаги”, “юридические документы” и др. Источником проблем в МК может стать несовпадение ЛСВ термина *currency bond* “облигация, погашаемая в валюте страны, где она была выпущена” (BE) и “облигация, оплачиваемая в любой валюте” (AE).

В заключение можно сделать **вывод** о том, что семантическая дивергенция свойственна разным функциональным стилям и тематическим группам и служит значительной помехой в МК.

Список литературы:

1. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. Новосибирск : Наука, 1989. 194 с.
2. Жданова И. Ф., Вартумян Э. Л. Англо-русский экономический словарь: право и экономика. [3-е изд.]. М. : Рус. яз., 2000. 880 с.
3. Матюшенков В. С. Словарь английского сленга. Особенности употребления сленга в Северной Америке, Великобритании и Австралии. М. : Флинта, 2002. 176 с.
4. Пивовар А. Г. Англо-русский юридический словарь: право и экономика. М. : Экзамен, 2003. 864 с.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.
6. Ayto J., Simpson J. Oxford Dictionary of Modern Slang. Oxford University Press, 2005. 339 p.
7. Macquarie File Dictionary. [2nd ed.]. Milton, Australia, 1999. 140 p.
8. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. [11th ed.]. Springfield, Massachusetts, U. S. A., 2008. 1624 p.

9. Oxford Canadian Dictionary of Current English / K. Barber, H. Fitzgerald, T. Howell, R. Pontisso. Printed in Canada : Oxford University Press, 2005. 998 p.
10. The Little Book of Great Aussie Slang / [ed. by S. Plowman]. Printed in China : The Five Mile Press, 2003. 96 p.
11. Thorne T. The Dictionary of Contemporary Slang. New York : Pantheon Books, 1990. 583 p.

Сведения об авторе: Гладких Ольга Игоревна, к.ф.н., доц. кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым; email: sakhnova82@yahoo.com

LEXICO-SEMANTIC DIVERGENCE AS A SOURCE OF COMMUNICATIVE FAILURES

Olga I. Gladkikh

PhD, Reader of the Chair of the Theory of Language, Literature and Sociolinguistics, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, The Republic of Crimea; email: sakhnova82@yahoo.com

Abstract

Traditionally cross-cultural communication deals with problems in communication between native speakers of different languages. However, difficulties in communication are caused by cultural differences. It means that even native speakers of the same language who belong to different cultural communities face communication failures.

One of the factors that cause problems in communication between representatives of different nations is lexico-semantic divergence — coexistence within one polysemantic unit of one invariant (common for other nations) meaning along with other meanings that function within a particular national variety only. The problem of misunderstanding can become more serious if a lexico-semantic divergent is based on enantiosemy, or if the context does not reveal the difference in meaning.

Lexico-semantic divergence is observed both in the standard and substandard. It can lead to communicative failures in business communication as terminological units, like common words, experience the influence of phenomena caused by the asymmetry of a linguistic sign.

Key words: communicative failures, lexico-semantic divergence, lexico-semantic divergent, national variety of the English language.

References:

1. Antipov, G. A., Donskikh, O. A., Markovina, I. Iu. & Sorokin, Iu. A. (1989). *Tekst kak iavlenie kul'tury* [Text as a phenomenon of culture]. Novosibirsk: Nauka.

- Zhdanova, I. F., & Vartumian, E. L. (2000). *Anglo-russkii ekonomicheskii slovar': pravo i ekonomika* [English-Russian economic dictionary: law and economics]. (3rd ed.). Moscow: Russkii iazyk.
- Matiushenkov, V. S. (2002). *Slovar' angliiskogo slenga. Osobennosti upotrebleniia slenga v Severnoi Amerike, Velikobritanii i Avstralii* [Dictionary of the English slang. Peculiarities of using slang in North America, Great Britain and Australia]. Moscow: Flinta.
- Pivovar, A. G. (2003). *Anglo-russkii iuridicheskii slovar': pravo i ekonomika* [English-Russian law dictionary: law and economics]. Moscow: Ekzamen.
- Ter-Minasova, S. G. (2000). *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and cross-cultural communication]. Moscow: Slovo.
- Ayto, J. & Simpson, J. (Eds.). (2005). *Oxford dictionary of modern slang*. Oxford: Oxford University Press.
- Macquarie File Dictionary* (2nd ed.). (1999). Australia: Milton.
- Merriam-Webster's Collegiate Dictionary*. (11th ed.). (2008). Springfield, MA: Merriam-Webster.
- Barber, K., Fitzgerald, H., Howell, T. & Pontisso, R. (Eds.). (2005). *Oxford Canadian Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press.
- Plowman, S. (Ed.). (2003). *The Little Book of Great Aussie Slang*. China: The Five Mile Press.
- Thorne, T. (1990). *The Dictionary of Contemporary Slang*. New York: Pantheon Books.

Визуальная коммуникация в пространстве города (на примере Нижнего Новгорода)

Т. И. Глухова
НФ УРАО

Аннотация

Коммуникативная функция культуры является одной из наиболее важных во взаимодействии людей. Наиболее активной площадкой общественного взаимодействия людей является улица. Она дает человеку информацию на основе визуального знакомства с вывесками на домах, рекламными указателями, витринами магазинов. Информация, которую получает человек на основе внешнего знакомства с окружающей средой, помогает ему ориентироваться в социокультурном пространстве города.

В последние годы в стране происходит активное взаимодействие различных культур, которое проявляется в изменениях кодов коммуникации. В разговорный лексикон современного российского общест-

ва ежедневно входят слова иноязычного происхождения. Они находят отражение во внешнем облике города и влияют на восприятие людьми необходимой информации. В настоящее время на улицах города можно увидеть много слов иностранного происхождения, что свидетельствует о вовлеченности страны в модернизационные процессы.

Ключевые слова: Коммуникация, визуальная коммуникация, межкультурная коммуникация, культурные заимствования, информация.

Коммуникативная функция культуры — одна из важных во взаимодействии людей. Среди типов коммуникации визуальной принадлежит особое место, так как в настоящее время меняется способ восприятия мира. По утверждению С. Лаша, логика культуры постмодернизма означает вытеснение текста образом. А Ж. Бодрийяр считает, что в постсовременную эпоху доминирует знак, имитация, иллюзия [7, с. 11].

Визуальная коммуникация — это передача информации посредством воспроизведения предметов, графики и действий в рамках пространственного измерения, когда определенное сообщение направляется целевой аудитории. “Визуальная символика обеспечивает... многоканальность воздействия, к которой стремится коммуникатор” [5, с. 18]. Визуальные коммуникации часто относят к области графического дизайна, так как при создании образа в них используются графические материалы, приемы и техники. Например, в визуальном-графическом процессуальном типе визуальных коммуникаций элементами коммуникации будут пиктограмма, индекс и символ.

Интерпретацией визуальной информации занимается визуальная социология. Для нее существенны те визуальные данные, которые дают возможность глубокого, описательного или обобщающего познания мира, связанного с деятельностью человека [7, с. 30].

Городская среда в значительной степени наполнена элементами визуальной информации. Улица в городе является активной площадкой для коммуникативного взаимодействия с человеком. Когда он идет по городу, то вынужден обращать внимание не только на предметное окружение, но и на различные знаки, несущие визуальную информацию о товарах, услугах, месте пребывания и истории города. Информационными ресурсами являются витрины магазинов, вывески и реклама на домах, баннеры, памятные доски, таблички для смартфонов.

По центральным улицам больших городов можно судить об изменениях в культуре. Здесь находятся учреждения и организации, банки, театры и кинотеатры, музеи, выставочные залы, кафе и рестораны, разнообразные магазины. Поэтому улица может служить объектом для анализа социокультурных изменений на примере визуальной коммуникации.

В нашем исследовании систематизировалась информация, связанная с вывесками на домах центральной улицы города. Анализ выборки из 100 произвольно выбранных названий был проведен в 2004 г. и в 2014 г. В результате было выявлено, что 62 названия имеют иностранное происхождение (это количество осталось неизменным). При этом иностранных названий с аутентичным написанием было, соответственно, 17/20; иностранных названий, написанных русскими буквами, — 30/22; со словами “международного” лексикона — 13/13; со смешанным сочетанием слов — 2/10. Западная культура в названиях вывесок представлена достаточно разнообразно: американская, английская, французская, немецкая, итальянская. Вместе с тем можно заметить и элементы восточных культур — китайской и японской.

Иногда в витринах магазинов и кафе размещена уточняющая информация в виде рисунка, фотографии или текста, а также дается указание на интернет-ресурс. “Визуальные символы сами порождают контекст вокруг себя” [5, с. 15]. Многие витрины магазинов оформлены в соответствии с “международными стандартами” без соотношения с национальной принадлежностью. Хотя, с другой стороны, каждый может найти для себя возможность идентификации с любой культурой в городской среде.

Некоторые новшества в позиции торговых учреждений (магазин, салон, торговый центр, торговый дом) связаны с экономической стратификацией, что является также и отражением социального расслоения общества.

Анализ вывесок показывает, как каждый может найти необходимую информацию в окружающей среде. Знаки и символы помогают человеку определиться в идентификации с культурой, найти необходимый товар или услугу, организацию или учреждение, расширить свои представления о социокультурной жизни города. Город как целостная система постоянно вступает во взаимодействие с горожанами через посредство визуальной коммуникации. По различным признакам человек может найти сегменты разных культур. Их наличие отражает толерантность людей в отношении к поликультурализму в городской среде [2, с. 71–73].

“Визуальная символика выступает в роли объединителя... потому, что для нее не существенны различия в языке, которые важны для текстового сообщения. Для визуального символа более важно различие в культуре” [5, с. 15]. А с другой стороны, Г. Почепцов говорит о том, что люди мыслят одинаково, порождая одинаковые типы решений, которые затем с некоторыми вариациями визуализируются [5, с. 16]. Поэтому благодаря визуальной коммуникации они достаточно легко ориентируются в пространстве большого города, наполненного разнокультурной символикой.

По большому счету, “людей интересует не вообще значение знака, а лишь использование его в определенных целях... их мышление не является теоретическим и обобщающим, а только практическим и в конкретном контексте... Считывание знака является практической деятельностью в рамках задачи поиска дороги” [8, с. 81, 90]. Хотя нужно признать, что визуальное оформление города разнообразит социокультурную жизнь и имеет значение для восприятия его имиджа. “Современный человек живет в неоднородной городской среде... От структуры города, легкости его “прочтения” во многом зависят комфортность и раскованность его жителей” [1, с. 38]. Практической ориентации человека в окружающей среде служат вывески, реклама, плакаты, логотипы, граффити, разными способами проявляющие внешние существенные правила или ценности культуры [7, с. 39]. На основе визуального знакомства с символами человек получает нужную информацию для ориентации в пространстве города.

В последние годы в стране происходит активное взаимодействие различных культур. В разговорный лексикон современного русского общества ежедневно входят слова иноязычного происхождения, которые можно заметить на улицах города. Новые слова влияют на восприятие людьми необходимой информации. Сначала слова предлагаются человеку обществом как более или менее пустые сосуды, которые ему предстоит самостоятельно наполнить содержанием [4, с. 347]. Инокультурная лексика вошла в живую речь и стала положительно приниматься на психологическом уровне носителями русского языка [6, с. 104–105].

Новое средовое окружение формирует иное восприятие реальности, нормы поведения и отношений людей. Отличия в культуре разных групп населения города, отмеченные в вывесках, способствуют узнаванию разных культур и включению их в жизненный мир отдельного человека. То, что раньше способствовало различию людей, теперь помогает их объединению в большем целом, что свидетельствует о вовлеченности общества в модернизационные процессы. Городская среда становится разноплановой, различные социокультурные группы имеют в ней свой набор ценностей, стандартов деятельности и поведения. Символы служат маркерами для узнавания людей определенных культур в обществе [3, с. 105], и люди ведут активный поиск внешних признаков для получения информации и установления новых связей. Визуальной коммуникации в этом процессе принадлежит важное значение.

Список литературы:

1. Табидулина С. Психология городской среды. М., 2012.
2. Глухова Т. И. Поликультурализм в городской среде Нижнего Новгорода // Нижний Новгород в историко-культурной традиции России... Н. Новгород, 2005.

3. Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа. М., 1995.
4. Моль А. Социология культуры. М., 1973.
5. Почепцов Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М., 1999.
6. Сикевич З.В. Русские: образ народа (социологический очерк). СПб., 1996.
7. Штомпка П. Визуальная социология. М., 2007.
8. Sharrorck, W. W., Anderson D. Directional Hospital Signs as Sociological Data // Information Design Journal. 1979. № 1.

Сведения об авторе: Глухова Татьяна Ивановна, доцент, НФ УРАО; email: Tatiana-gluhova@yandex.ru

VISUAL COMMUNICATION IN URBAN SPACE (CASE STUDY OF NIZHNY NOVGOROD)

Tatiana I. Gluchova

Associate Professor, University of Russian Academy of Education Nizhny Novgorod Branch; email: Tatiana-gluhova@yandex.ru

Abstract

Communicative function of culture is one of the most important things in the interaction of people. A Street is the most active area of social interaction between people. It gives person information on the basis of visual acquaintance with the signs on the houses, advertising pointers, storefronts. The person gets information on the basis of familiarity with the environment. It helps him to navigate in the social and cultural space of the city.

Recently, our country interacts with different cultures, which is reflected in changes in the codes of communication. The colloquial vocabulary of modern Russian society includes a lot of borrowings. They are reflected in the appearance of the city and the impact on people's perception of the necessary information. At the present time you can see a lot of foreign words on the streets, indicating that the country is involved in the processes of modernization.

Key words: communication, visual communication, intercultural communication, cultural borrowing, information.

References:

1. Gabidulina, S. (2012). *Psikhologiya gorodskoi sredy* [Psikhologiya of an urban environment]. М.
2. Gluchova, T. I. (2005). Polikul'turalizm v gorodskoi srede Nizhnego Novgoroda [Polikul'turalizm in an urban environment of Nizhny Novgorod]. *Nizhnii Novgorod v istoriko-kul'turnoi traditsii Rossii...* N. Novgorod.

3. Ionin, L. G. (1995). *Osnovaniia sotsiokul'turnogo analiza* [Bases of the sociocultural analysis]. М.
4. Mol', A. (1973). *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of culture]. М.
5. Pochepstov, G. (1999). *Kommunikativnye tekhnologii dvadtsatogo veka* [Communicative technologies of the twentieth century]. М.
6. Sikevich, Z. V. (1996). *Russkie: obraz naroda (sotsiologicheskii ocherk)* [Russians: image of the people (sociological sketch)]. SPb.
7. Shtompka, P. (2007). *Vizual'naia sotsiologiya* [Visual sociology]. М.
8. Sharrorck, W. W. & Anderson, D. (1979). Directional Hospital Sings as Sociological Data. *Information Design Journal*, 1.

Особенности создания благоприятной языковой среды в ходе подготовки к Олимпийским играм в Пекине и в Сочи

М. Я. Голик

Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН

Аннотация

По числу представителей стран-участниц со всего мира Олимпийские игры являют собой наглядный пример масштабной межкультурной коммуникации на макроуровне. Таким образом, при подготовке к Играм наряду с созданием инфраструктуры, отвечающей всем требованиям Международного олимпийского комитета, немаловажным является создание благоприятной языковой среды для всех участников данного события.

Английский язык, будучи языком международного общения, в ходе подобных мероприятий выступает основным средством общения. Страны — организаторы Олимпийских игр, чей государственный язык отличен от английского, сталкиваются с определенной трудностью в создании подобной среды. Ярким примером являются Китай и Россия, которые, будучи организаторами Олимпийских игр в 2008 и 2014 г. соответственно, столкнулись с задачей преодоления языкового барьера. В статье анализируется совокупность мероприятий, направленных организаторами на решение данного вопроса: подготовка волонтеров и персонала Игр, разработка эмблемы, слогана на английском языке и др.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковой барьер, Олимпийские игры, язык международного общения.

По мере увеличения масштабов глобализации и неразрывно связанного с ней развития технологий, небывалый размах получило такое событие, как Олимпийские игры. В настоящее время данному мероприятию уделяется большое внимание, следовательно, право на его проведение, несомненно, является почетным и способным поднять престиж государства на мировом уровне.

Стремление стать страной — хозяйкой Олимпийских игр, а также участие в них представителей того или иного государства, как и принципиальное неучастие, бойкот данного спортивного события, являются отражением государственной политики, проводимой правительством того или иного государства в конкретный период времени. Следовательно, государство, удостоенное чести стать организатором данного мероприятия, старается сделать все возможное, чтобы Игры прошли на высшем уровне.

Существует ряд требований, определенных стандартов Международного олимпийского комитета (МОК), которыми необходимо руководствоваться организаторам во время подготовки к Играм. Наряду с созданием инфраструктуры, необходимой для проведения игр, немаловажным является создание благоприятной языковой среды для всех участников данного события. Именно лингвистическая составляющая организации Олимпийских игр находится в центре внимания данной статьи. По историческим причинам официальными языками МОК являются французский и английский. Последний, будучи языком международного общения, в ходе подобных мероприятий выступает основным средством общения. Страны — организаторы Олимпийских игр, чей государственный язык отличен от английского, сталкиваются с определенной трудностью в создании благоприятной лингвистической среды для всех участников данного мероприятия. В статье сопоставляются меры, направленные на преодоление языкового барьера такими странами, как Китай и Россия, которые удостоились чести проведения Олимпийских игр в 2008 и 2014 г. соответственно.

Перед оргкомитетами “Пекина 2008” и “Сочи 2014” встала нелегкая задача подготовки персонала, владеющего, как минимум, английским языком, для успешного проведения Игр. Помимо официальных сотрудников, в данном случае профессиональных переводчиков, в организации и проведении Олимпийских игр активное участие традиционно приняли волонтеры.

Общее число волонтеров, работавших на спортивных объектах Олимпийских и Паралимпийских игр в Пекине, составило 100 000 человек, из них более 5000 волонтеров оказывали лингвистические услуги, кроме того, еще 400 000 городских волонтеров оказывали информационную поддержку гостям столицы, и более одного миллиона волонтеров было задействовано в общественной сфере (школах, правительственных организациях, институтах и т.д.) для помощи

в организации Игр. От всех волонтеров изначально требовалось хотя бы минимальное знание английского языка, в преддверии Игр проводились активные тренинги, направленные на повышение уровня. Были разработаны “Учебник по разговорному английскому языку”, “Учебник для волонтеров Олимпийских игр в Пекине” на китайском и английском языках. Помимо этого для популяризации иностранных языков среди населения еще в 2002 г. в Пекине была запущена программа “Пекин говорит на иностранном языке” (“Beijing Speaks Foreign Language”), благодаря которой в 2005 году 30% населения Пекина уже изучали английский язык [4, с. 172].

В проведении Олимпийских и Паралимпийских игр в Сочи приняло участие 25 000 волонтеров со всей страны, из которых около 2000 человек были заняты в лингвистической сфере. Все волонтеры, принявшие участие в проведении Игр, прошли несколько этапов отбора, одним из важнейших критериев которого было знание иностранных языков. В преддверии Игр волонтеры посещали различные тренинги в 26 волонтерских центрах в 14 регионах страны, для них разрабатывались специальные пособия (англо-русский “Общий терминологический глоссарий XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр”, “Официальное пособие для подготовки переводчиков”), им, а также жителям Сочи предоставлялся бесплатный доступ к онлайн-ресурсам для изучения английского языка ведущих международных курсов и т.д.

В обеих странах к участию в Играх привлекались волонтеры-иностранцы, что также играло существенную роль в создании благоприятной международной атмосферы. Помимо английского языка, в случае необходимости, осуществлялась лингвистическая поддержка и на других языках.

Эмблема Игр является неотъемлемой частью данного мероприятия, она, как правило, состоит из названия города, в котором проходят Игры, на английском языке, года проведения Игр и изображения, которое должно быть простым, но при этом ярким и запоминающимся. Эмблемы Игр в Пекине и Сочи можно назвать поистине необычными и подчеркивающими национальную идентичность. Так, эмблема Игр в Сочи представляет собой интернет-адрес с российским доменом *Sochi2014.ru*, что, с одной стороны, подчеркивает место проведения Игр, а с другой — отвечает модным тенденциям, отражает “инновационную природу зимних Игр 2014 года” [2, с. 114], благодаря которой наблюдение за Олимпийскими играми было доступно во всем мире. В свою очередь пекинская эмблема являет собой образец каллиграфии, изображенной в виде китайской печати. На ней представлен устремленный к победе бегущий человек, вместе с тем данное изображение также напоминает китайский иероглиф 京, в переводе на русский обозначающий “столица”, что также акцентирует внимание на месте проведения

Игр. Кроме того, надпись “Beijing 2008” выполнена шрифтом, имитирующим надпись кистью, что отражает “уникальный шарм китайского каллиграфического искусства” [4, с. 173]. Слоган Олимпийских игр в Пекине “Один мир — одна мечта” (“One World — One Dream”) и Сочи “Жаркие. Зимние. Твои” (“Hot. Cool. Yours”) вполне соответствуют поднятю олимпийского духа среди все участников Игр.

Организаторы Игр как в Пекине, так и в Сочи позаботились о переводе на английский язык главных улиц, транспортных узлов и т.д. Объявление станций метро в Пекине, так же как и в автобусах и в электропоезде “Ласточка” в Сочи, производилось на двух языках.

Таким образом, все вышеупомянутые мероприятия способствовали успешному проведению Олимпийских игр в Пекине и в Сочи, оставив неизгладимое впечатление в памяти как участников, так и зрителей данного события мирового уровня.

Список литературы:

1. Factsheet. Sochi 2014 Facts & Figures. Update — February 2015.
2. International Olympic Committee. Marketing Report. Sochi 2014 URL: http://www.olympic.org/Documents/IOC_Marketing/Sochi_2014/LR_MktReport2014_all_Spreads.pdf
3. Preparation for the Games: New Beijing Great Olympics. Official Report of the Beijing 2008 Olympic Games. Vol. III.
4. The Language Situation in China. Vol. 1. 2006–2007, Walter de Gruyter GmbH, Berlin / Boston and The Commercial Press, Beijing, China, 2013.

Сведения об авторе: Мария Яковлевна Голик, аспирант Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, старший преподаватель кафедры дополнительного лингвистического образования Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК), Москва, Россия; email: mary.golik@gmail.com

PROCESS OF CREATION OF PLEASANT LANGUAGE ENVIRONMENT DURING THE OLYMPIC GAMES IN BEIJING AND SOCHI

Maria Ya. Golik

Postgraduate student at the Research Center on Ethnic and Language Relations in the Institute of Linguistics of the RAS; senior teacher at the Linguistics Department at MIIGAiK; email: mary.golik@gmail.com

Abstract

According to the number of the participants from numerous countries the Olympic Games can be described as an example of a large-scale in-

tercultural communication. Thus, the creation of a pleasant language environment for all the participants of this event is not less important than the development of the infrastructure meeting the requirements of the International Olympic Committee.

As the language of the international communication English tends to be the main means of communication during such events. The organizing countries, the state language of which is not English, face certain challenges during the creation of such atmosphere. China and Russia as the organizers of the Olympic Games of 2008 and 2014 respectfully are the perfect example of such countries. The article analyses the number of measures taken by the organizing countries for the solution of this problem including volunteer and staff training, emblem and motto formulation in English, etc.

Key words: intercultural communication, language barrier, the Olympic Games, language of international communication.

References:

1. Factsheet. Sochi 2014 Facts & Figures. Update — February 2015.
2. International Olympic Committee. Marketing Report. Sochi 2014 URL: http://www.olympic.org/Documents/IOC_Marketing/Sochi_2014/LR_MktReport2014_all_Spreads.pdf
3. Preparation for the Games: New Beijing Great Olympics. Official Report of the Beijing 2008 Olympic Games. Vol. III.
4. The Language Situation in China. Vol. 1. 2006–2007, Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston and The Commercial Press, Beijing, China, 2013.

Приметы и суеверия в обучении межкультурной коммуникации

В. Д. Грищенко

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

Аннотация

Культурная идентичность предполагает наличие у индивида качеств, характерных для его культурной группы, которые отчасти формируются приметами и суевериями, исторически сложившимися в этой группе. Знакомство учащихся с национальными приметами и суевериями представителей других стран и сравнение их с теми, которые существуют в собственной культуре, является неотъемлемой частью процесса обучения межкультурной коммуникации. Процесс

формирования межкультурной компетенции состоит из определенных стадий и включает в себя разнообразные методы и технологии обучения.

Ключевые слова: культурная идентичность, приметы, суеверия, модель обучения межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация — это явление, которое может изучаться бесконечно и которое будет постоянно пополняться новыми данными по всем категориям, аспектам, вопросам и проблемам. Это связано с тем, что, во-первых, процесс межкультурной коммуникации отражает все изменения, которые происходят на всех уровнях взаимодействия, как на межличностном, так и на межнациональном. Во-вторых, национальная культура не статична, а динамична, и влияет на все процессы, которые происходят в обществе, отображаясь, как в зеркале, в людях, в их характерах и поведении.

Человек всегда отождествляет себя с определенной культурной группой, разделяя ее идеи, ценности, стереотипы, предрассудки и т.д., т.е. он обладает определенным национальным менталитетом. Кроме того, каждый представитель этой культурной группы следует нормам, правилам и законам совместного существования и поведения, т.е. обладает национальным характером. Следовательно, каждый человек является носителем определенной культурной идентичности. Что же такое культурная идентичность? А. П. Садохин полагает, что “культурная идентичность — это принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующая ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом” [2, с. 65]. Понятие культурной идентичности и элементы, составляющие ее, рассматривали различные ученые: А. П. Садохин, С. Г. Тер-Минасова, Т. С. Самохина, О. А. Леонтович, Т. Г. Грушевицкая и др. Нам бы хотелось остановиться, пожалуй, на самой ее мистической стороне — суевериях и приметах.

Суеверия — это предрассудки, в силу которых многое из происходящего представляется проявлением сверхъестественных сил, предзнаменованием будущего [4, с. 1281]. Приметами, в свою очередь, являются предметы, явления или действия, которые предвещают, что в будущем может случиться что-то плохое или хорошее. Суеверия и приметы очень тесно связаны и отражают картину мира, национальный менталитет и национальный характер определенной культурной группы, которые закладываются и формируются еще в детстве.

С ранних лет люди, живущие в России, верят в различные приметы и суеверия. Например, нельзя здороваться “через порог” или передавать что-либо через порог. Это связано с тем, что еще в древней Руси было принято хоронить прах предков под порогом. Таким образом, порог

считался границей между двумя мирами: миром мертвых и миром живых. Считалось, что за порогом находится пристанище бесов, и эту границу надо строго соблюдать и не беспокоить ни мертвых, ни злых духов.

Другой пример: перед дальней дорогой необходимо присесть на минутку, затем сказать “с Богом” и только потом можно отправляться в путь. Это суеверие связано с языческой верой в то, что домашние духи не желают отпускать домочадцев, поэтому, присев, мы как бы обманываем домового, что никуда не уезжаем [5].

В основе русского суеверия лежит двоеверие — удивительное сочетание христианства и язычества [3, с. 171]. Например, в русских сказках, помолвившись святому образу, былинный богатырь вступает в схватку с Лешим, или Бабой-ягой, или Кощеем Бессмертным, которые пришли к нам из язычества. Отсюда русская иррациональность, стихийность, мистическое отношение к быту и природе.

Жители других стран тоже суеверны. Например, чтобы сберечь новорожденного от “сглаза”, иранцы окуривают дом едким дымом от сжигания ливы, веточек и семян куста гармалы. Звук лопающихся в огне семян символизирует избавление от дурного влияния “сглаза”. В Афганистане родители пишут на листе бумаги молитву, заворачивают ее в чистую ткань и вешают на шею ребенку как ожерелье. В Пуэрто-Рико новорожденному надевают на запястье амулет в виде черного старого кулака с выставленным большим пальцем с красной бусинкой наверху. Американцы пристегивают на одежду новорожденного булавку с голубой бусинкой. Мексиканцы вешают на шею ребенка красную ленточку с глазом оленя. В России не принято показывать младенца чужим людям до того, как он будет крещен на сороковой день после рождения. Можно приводить бесконечное количество примеров. Знания о суевериях и приметах, распространенных в различных культурах, расширяют кругозор, дают возможность правильно интерпретировать поведение представителей других культурных групп и самим выбирать модус поведения соответственно ситуации межкультурного взаимодействия. Именно для этого необходимо включать изучение суеверий и примет в обучение межкультурной коммуникации в целом и формирование межкультурной компетенции в частности.

Содержание обучения межкультурной коммуникации включает лингвистический и экстралингвистический аспекты, а также материал, включающий изучение культурной идентичности как своей, так и иной культурной. Очевидно, что суеверия и приметы, демонстрирующие проявление национального менталитета и национального характера и формирующие поведение носителя данной лингвокультуры, входят в группу учебного материала по изучению культурной идентичности.

Обучение межкультурной компетенции состоит из нескольких этапов: информационно-сравнительного, сравнительно-адаптационного и аппликационного [1, с. 106]. Каждый из этапов включает

определенный набор современных методов и технологий обучения. Ввиду того, что обучение межкультурной коммуникации носит междисциплинарный, интегративный характер, то для формирования межкультурной компетенции следует использовать синтез современных технологий обучения как межкультурной коммуникации, так и иностранному языку. Цель и содержание обучения определяют выбор методов, технологий и систему упражнений.

На информационно-сравнительном этапе обучения в целях знакомства с суевериями и приметами страны изучаемого языка можно использовать методы наблюдения, объяснения, ориентирования, критического анализа. Особенно интересен последний метод. В рамках критического метода можно применить метод кейсов с культурологическим комментарием со стороны преподавателя.

На сравнительно-адаптационном этапе обучения можно продолжать работу с кейсами по теме “Суеверия и приметы”, но предлагать студентам самим комментировать межкультурные конфликты и барьеры, указывая причины, пути их преодоления и выбор правильного поведения. На этом этапе можно предложить студентом провести интервью с представителями своей и иной культуры в целях выявления сходства и различий в суевериях и приметах и отношения к ним. В рамках метода моделирования можно использовать ситуативное моделирование, ролевые игры.

На аппликационном этапе обучения межкультурной коммуникации мы рекомендуем применять различные виды проектов, например, международные мультикультурные проекты. Работа над такими проектами начинается еще на информационно-сравнительном этапе и заканчивается на аппликационном, когда студенты представляют результаты своей проектной деятельности. На этом этапе следует активно использовать потенциал учебно-экскурсионных поездок, когда студенты получают задание собрать как можно больше информации о суевериях и приметах посещаемых ими стран и сделать к ним комментарии.

Таким образом, можно утверждать, что суеверия и приметы играют важную роль в обучении межкультурной коммуникации, так как, изучая их, студенты становятся культурно грамотными, понимают особенности поведения участников межкультурной коммуникации и выбирают правильный модус поведения, преодолевая межкультурные барьеры и помехи.

Список литературы:

1. Грищенко В. Д. Практико-ориентированная модель обучения межкультурной коммуникации в вузе // Вестник Брянского государственного университета: Общая педагогика. Профессиональная педагогика. Психология. Частные методики. 2013. № 1. С. 104–107.

2. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М. : Высш. шк., 2005. 310 с.
3. Сергеева А. В. Какие мы русские? (100 вопросов — 100 ответов). М. : Русский язык. Курсы, 2006. 336 с.
4. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М. : Сов. Энциклопедия, 1983. 1600 с.
5. Суеверия по-русски, или Чего нельзя делать в России [Электронный ресурс] // <https://news.mail.ru/society/13714691/> (Дата обращения: 17.02.15)

Сведения об авторе: Грищенко Вера Дмитриевна, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, г. Коломна, Россия; email: veragrishenko@rambler.ru

SUPERSTITIONS, OMENS AND SIGNS IN TEACHING OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Vera G. Grishenko

Senior Teacher, Moscow Region State Institute of Humanities and Social Studies, Kolomna, Russia; email: veragrishenko@rambler.ru

Abstract

Cultural identity presupposes that a human being obtains the characteristics of the cultural group he belongs to. Superstitions, omens and signs partly contribute to the development of the culturally bound personality. Teaching of cross-cultural communication can't but exist without getting to know aforementioned cultural phenomena and compare them with the like in the native culture. The process of teaching of cross-cultural communication consists of some stages which imply definite methods of teaching. The usage of superstitions, omens and signs in teaching of cross-cultural communication makes the learning process more exciting and fascinating.

Key words: cultural identity, superstitions, omens and signs, teaching of cross-cultural communication.

References:

1. Grishenko, V.D. (2013). Praktiko-orientirovannaia model' obucheniia mezhkul'turnoi kommunikatsii v vuze [The Practice-Based Model of Teaching Intercultural Communication]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta: Obshchaia pedagogika. Professional'naia pedagogika. Psikhologiya. Chastnye metodiki*, 1, 104–107.
2. Sadokhin, A. P. (2005). *Vvedenie v teoriu mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication]. М.: Vyssh. shk. 310 p.

3. Sergeeva, A. V. (2006). *Kakie my russkie? (100 voprosov — 100 otvetov)* [Who are we, Russians? (100 questions — 100 answers)]. M.: Russkii iazyk. Kursy. 336 p.
4. Prokhorov, A. M. (Ed.). (1983). *Sovetskii entsiklopedicheski slovar'* [Soviet Encyclopedia]. 2th ed. M.: Sov. entsiklopediia. 1600 p.
5. *Sueveriiia po-russki, ili chego nel'zia delat' v Rossii* [Russian Superstitions, or what you can't do in Russia.]. [Elektronnyi resurs] // <https://news.mail.ru/society/13714691/> (Accessed 17.02.15)

Кросс-культурные особенности корпоративного дискурса

Н. А. Гулевец

Севастопольский государственный университет

Аннотация

В статье анализируется теория культурных доминант Г. Хофстеде в целях определения особенностей языковой реализации ценностей национальных деловых культур. Рассмотренная классификация выделяет следующие параметры: 1) индивидуализм; 2) дистанция власти; 3) маскулинность; 4) избегание неопределенности; 5) прагматизм; 6) потворство желаниям и сдержанность. Анализ проводится на примере сопоставления текстов раздела “Карьера” корпоративных сайтов национальных представительств (США, Колумбия, Польша, Россия) крупной межнациональной компании. Опираясь на анализ результатов сопоставления текстов на английском, испанском, польском и русском языках, в статье сделан вывод о специфическом характере соответствующих национальных деловых культур. Совпадение отдельных характеристик деловых культур США, Колумбии, Польши и России позволяет говорить о существующих глобализационных процессах в мировой экономике. Существенные расхождения при сравнении национальных деловых культур в различных моделях указывают на направления для дальнейших лингвистических исследований в данной области.

Ключевые слова: классификация Г. Хофстеде, корпоративный сайт, национальная деловая культура, карьера, языковая реализация.

Глобализационные процессы мировой экономики являются причиной создания транснациональных компаний, чья деятельность распространяется на множество стран и континентов. При этом важно помнить, что на каком бы языке ни происходило общение между

сотрудниками международной компании, необходимо осознавать то, что представления, нормы и ценности, которыми они руководствуются в профессиональной деятельности, являются культурно обусловленными.

Анализ текстового материала раздела “Карьера” корпоративных сайтов национальных представительств компании “Макдоналдс” в США, России, Польше и Колумбии проводится на основе модели, разработанной Гертом Хофстеде в рамках теории кросс-культурной коммуникации для описания национальных деловых культур [5], и ставит цель проследить влияние критериев культуры на формирование текста одного из разделов национального корпоративного сайта.

Приведенный ниже график (см. табл. 1) наглядно демонстрирует различия национальных культур согласно специфике ценностных ориентиров общества, выделенных Г. Хофстеде.

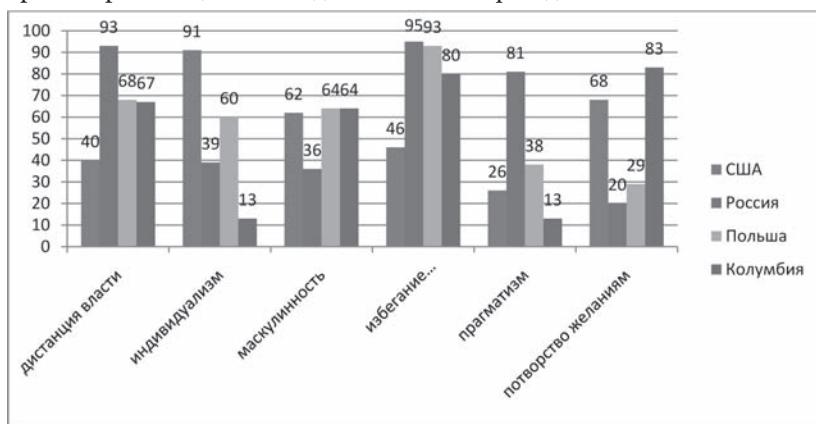

Таблица 1. Критерии культуры Г. Хофстеде

Ведущий показатель американской культуры — маскулинность, то есть основные принципы трудовой деятельности — это “Победитель получает все” и “Живи, чтобы работать” в целях (денежного) вознаграждения. Американцы свободно говорят о своих успехах и достижениях (*Whatever you're looking for, McDonald's can help you make your own way, with challenging careers, quality benefits and the best opportunities around* [3]), а также всегда видят возможность стать лучше.

Польский показатель маскулинности также высок, что стимулирует карьерный рост (*Ścieżka kariery zawsze jest przed Tobą otwarta* [4]), а об успехах говорят по-американски открыто и с гордостью за полученный результат.

Влияние американской модели прослеживается в языковом материале российского сайта. Однако, несмотря на множество примеров,

иллюстрирующих стремление к карьерному росту или ожидание справедливого вознаграждения, Россия остается нацией, для которой, согласно Хофстеде, в большей мере характерна забота о ближнем: *Мы ставим посетителей и их впечатления от посещения наших ресторанов во главу угла всей нашей работы* [1].

Ведущий признак колумбийской культуры — один из самых высоких в мире уровней коллективизма. Это выражается в принадлежности к внутренней группе, где первостепенным фактором становится верность этой группе. С первых слов определяется важность принадлежности (*Trabaja con nosotros. Forma parte de nuestro equipo* [2]), а конкуренция направлена в сторону представителей других групп.

Низкий показатель индивидуализма также у России, что в языковом материале подтверждается частым использованием местоимения “мы” в утверждениях: *Однажды вместе с подругой мы решили попробовать пройти собеседование в компании “Макдоналдс”* [1]. Противоположность — американская культура, в которой данный показатель крайне высок, что обретает ясный словесный облик в формулировке на странице сайта: *Personality counts, so let yours shine* [3].

Высокий показатель критерия “Дистанция власти” польской и колумбийской культуры говорит о том, что Польша — иерархическое общество, где каждый имеет свое место, а подчиненные ожидают указаний к действию. Для Колумбии неравенство — это факт, жизненная реальность, которая принимается всеми.

Принцип всеобщей свободы и справедливости — одна из основ американского общества. Это ведет к тому, что иерархия утверждается лишь для удобства отношений, а руководители открыты и доступны для общения. Работники самостоятельны, инициативны и не имеют стеснения при обращении к начальству в целях получения информации.

В России власть традиционно отделена от общества, что подтверждается крайне высоким значением критерия “Дистанция власти”. Однако американская модель взаимоотношений здесь также оказывает влияние, и акценты на российском сайте несколько смещаются: *Меня впечатляет то, что директор и новичок могут иногда запросто стоять плечом к плечу и на равных выполнять одни и те же действия. Разница лишь в принятии решений* [1].

Избегание неопределенности — один из основных признаков культуры России, который передает степень ощущения опасности в неопределенных ситуациях. Высокий показатель данного критерия приводит к склонности к детальному планированию и инструктажу. Детальное планирование также характерно для колумбийцев, для польской культуры правила просто эмоционально необходимы, а американцы, напротив, не нуждаются в большом списке правил (*We believe in flexible schedules that fit into the way you live your life and can help you reach your goals* [3]).

Россия, в отличие от США, Польши и Колумбии, имеет высокий уровень прагматизма, что отражается в большой склонности к экономии (Компания “Макдоналдс” предлагает возможность выбрать ресторан, который расположен рядом с вашим местом жительства или местом учебы. Такая возможность экономит время и средства на проезд [1]), бережливости и настойчивости в достижении целей (Мы гордимся нашей дружной командой, которая заслужила эту победу по праву [1]).

Исследование Г. Хофстеде свидетельствует, что сдержанность — одно из основных свойств культуры России; проведение свободного времени не акцентируется, удовлетворение желаний должно контролироваться. В результате из шести приведенных на сайте интервью работников только в одном упоминается пример проведения досуга.

На американском сайте о свободном времени говорится трижды в шести интервью, а на колумбийском способы проведения досуга включены в основной текст (*Piensa en aquella materia / deporte que te resultó más interesante y por qué; más aburrido / divertido y por qué...* [2]). Показатель данного критерия для Польши достаточно низок, однако на сайте в двух интервью из трех дается развернутое описание способов проведения свободного времени или увлечений. Несмотря на стремление следовать американской модели, низкий показатель национального признака реализуется посредством возвращения к описанию трудовых обязательств: *Najważniejsze cechy menadżera to profesjonalizm w podejściu do wykonywanych zadań, obowiązkowość, pracowitość* [4].

Проведенное исследование позволяет говорить о формировании текста корпоративного сайта в соответствии с национальными культурными ценностями. Для американской деловой культуры — это построение карьеры, получение награды за достижения и успехи, высокий уровень потворства желаниям. Российская деловая культура характеризуется необходимостью следования правилам, что подразумевает включение подробной фоновой информации по каждому пункту. Польский сайт делает акцент на внутренней необходимости человека быть занятым и много работать. Деловая культура Колумбии основывается на стремлении принадлежать определенному сообществу и утверждении его важности и статуса среди прочих сообществ.

Однако современная корпоративная национальная культура неизбежно подвергается глобализационным процессам. Так, под влиянием американской культуры происходит смещение в реализации российских критериев “Маскулинность” и “Дистанция власти”, а также польского критерия “Потворство желаниям” в сторону американской модели.

Список литературы:

1. Работа в Макдоналдс Россия. URL: <http://rabotavmcdonalds.ru/about/> (дата обращения 28.11.2014).

2. Empleos McDonald's Colombia. URL: <http://www.mcdonalds.com.co/> (дата обращения 27.11.2014).
3. McDonald's Careers USA. URL: <http://www.mcdonalds.com/us/en/careers.html> (дата обращения 28.11.2014).
4. Praca w McDonald's Polska. URL: <http://mcdonaldspraca.com.pl> (дата обращения 28.11.2014).
5. The Hofstede Center. National Culture. URL: <http://geert-hofstede.com/national-culture.html> (дата обращения 10.12.2014).

Сведения об авторе: Наталья Александровна Гулевец, к.ф.н., доцент кафедры теории и практики перевода, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия; email: ngulivets@gmail.com

CROSS-CULTURAL CHARACTERISTICS OF CORPORATE DISCOURSE

Natalya A. Gulevets

Associate Professor, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia;
email: ngulivets@gmail.com.

Abstract

The article analyzes Geert Hofstede's theory of cultural dimensions and aims to outline the characteristics of language realization of the values of national business cultures. Hofstede's classification proposes the following indices: 1) individualism; 2) power distance; 3) masculinity; 4) uncertainty avoidance; 5) pragmatism; 6) indulgence. The analysis is based on the comparison of the texts offered in the "Career" section of four corporate sites that represent national branches (the USA, Colombia, Poland, and Russia) of a large multinational company. Having compared and analyzed the English, Spanish, Polish, and Russian versions of the site, the author draws the details and specific features of the corresponding national business cultures. Certain similar characteristics mentioned in the analysis testify to existing globalizing processes in the world economy. Essential distinctions specify the directions of further research.

Key words: Geert Hofstede's classification, corporate site, national business culture, career, language realization.

References:

1. Rabota v Makdonalds Rossiia [McDonald's Careers Russia]. URL: <http://www.rabotavmcdonalds.ru/about/> (Accessed 28.11.2014).
2. Empleos McDonald's Colombia. URL: <http://www.mcdonalds.com.co/> (Accessed 27.11.2014).
3. McDonald's Careers USA. URL: <http://www.mcdonalds.com/us/en/careers.html> (Accessed 28.11.2014).

4. Praca w McDonald's Polska. URL: <http://mcdonaldspraca.com.pl> (Accessed 28.11.2014).
5. The Hofstede Center. National Culture. URL: <http://geert-hofstede.com/national-culture.html> (Accessed 10.12.2014).

Особенности аспектов гражданственности в Нидерландах

С. Р. Дворецкая

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Гражданское общество и основные аспекты гражданственности имеют значительные отличия в каждой стране. В Нидерландах “гражданский” означает, прежде всего, городское самосознание. Основными направлениями городской гражданской мысли были польза, надежность, ответственность, экономическая компетенция и прагматичное комбинирование личных и коллективных интересов. Гражданское общество отделено от сферы формальной политики. Открытый характер формы гражданства и слабая позиция дворянства, крестьян и других групп позаботились о том, что не возникло сильного расщепления на классы. Политическая элита всегда готова к компромиссу. Если проблемы не могут быть решены без конфликтных последствий, они откладываются или передаются в другие инстанции. Также в Нидерландах часто применяется такая модель поведения, как терпимость.

Ключевые слова: гражданское общество, форма гражданственности, политическая элита, городское население, терпимость.

Существуют разное понимание перевода словосочетаний “*Bürgergesellschaft*” и “*Zivilgesellschaft*”. В Нидерландах слово *burgerlijk* (гражданский, мещанский, обывательский) имеет отрицательный подтекст, как установил Хуцинда в своем труде “Духовные особенности Нидерландов” в 1935 году: “Любое предприятие, например, ресторан, содержащее в названии данное слово, имеет все шансы обанкротиться” [2, с. 230]. Но несмотря на это, для нидерландского общества с момента получения независимости характерно активное гражданское общество.

В нидерландской истории понятие “гражданин” указывает в первую очередь не на государство, а на город. Первоначально это было юридическое выражение, и оно имело значение “городские граждане”.

В разных областях Нидерландов “гражданский” означает, прежде всего, городское самосознание. Гражданское сознание, которое развилось в Нидерландах в эпоху позднего Средневековья, было продуктом относительно маленького городского сообщества. Сельское хозяйство было сильно подчинено коммерческим интересам получения прибыли. Крестьяне производили продукцию для рынка, занимались торговлей и рано начали относиться к гражданскому населению. Доминирование гражданской культуры усиливалось слабой позицией аристократии в Голландии. Не было крупных земельных владений, это также касается территорий низин, отвоєванных у моря, которые требовали интенсивного водного баланса для постоянной обработки земли.

Важным аспектом гражданственности была готовность оплачивать городские налоги, вносить вклад в работу коллективных организаций и в защиту государства. Основными направлениями городской гражданской мысли были польза, надежность, ответственность, экономическая компетенция и прагматичное комбинирование личных и коллективных интересов. В течение XVIII века эти качества становились моральными понятиями, моралью правильной жизни, причем такие качества, как активная вовлеченность в городское сообщество, участие, кредитоспособность, приличие (умение вести себя), честь, надежность и уважение существующих манер поведения, выходили на первое место.

Гражданское общество, образовавшееся во второй половине XVIII века, было отделено от сферы формальной политики. Оно предоставило возможность интеллектуалам средних слоев общества различных религиозных направлений принять участие в дебатах, в результате чего образовалась новая форма общественности. Открытый характер формы гражданственности и слабая позиция дворянства, крестьян и других групп позаботились о том, что не возникло сильного расслоения на классы. Нидерландское общество XIX века можно было бы скорее обозначить неформальным сословным обществом. Мягко классифицирующие отличительные критерии, такие как благосостояние, статус профессии, стиль жизни и презентабельность, определяли место каждого отдельного человека в обществе [3, с. 323].

Даже индустриализация и возникновение рабочего класса не сделали нидерландское общество классовым. Индустриализация в Нидерландах, так же как и в Германии, происходила по европейским меркам относительно поздно, но, в отличие от Германии, в Нидерландах она своим следствием имела не ярко выраженный переворот в общественных отношениях. Городской характер нидерландского общества был сохранен. Кроме того, индустриализация не так глубоко, как в Германии, проникла в экономические отношения: основополагающими направлениями остались торговля и сфера услуг. Развитие профсоюзов и социалистической партии первоначально проходило в Нидерландах не от лица индустриальных рабочих, а исходя из инте-

ресов ремесленников, таких, например, как шлифовальщики алмазов, производители сигарет и портовые служащие.

Для Нидерландов характерна постоянная смена коалиций, в которой ни одна партия не могла добиться большинства. Этот факт принуждал политическую элиту всегда быть готовой к компромиссу. При нахождении компромиссов всегда учитывалась позиция оппозиции. Если же проблемы действительно не могут быть решены без конфликтных последствий, они в большинстве случаев откладываются или передаются в другие инстанции. Наряду с решением актуальных вопросов путем принятия законов, такая данность, как терпимость, является часто применяемой моделью поведения, как, например, в случае с легкими наркотиками, эвтаназией или абортами, до тех пор, пока решение этой проблемы медленно не придет к консенсусу, который станет базой для принятия закона. Принятие решений часто передается в руки судов. При помощи показательных судов часто именно судья определяет границы общего законодательства и политики терпимости. Судебные решения не только определяют допуск или недопуск, большей частью судопроизводство становится отправной точкой для дальнейших законодательных процессов.

Список литературы:

1. Delsen L. The German and Dutch Economies: who follows whom? / L. Delsen, E. de Jong. Heidelberg : PRESS, 1998.
2. Hildermeier M., Kocka J., Conrad Ch. Europäische Zivilgesellschaft in Ost und West. Frankfurt ; New York : Campus, 2000.
3. Velde H te. Bürgertum und Bürgerlichkeit in den Niederlanden des 19. 20. Jahrhundert — Zugleich ein Beitrag zur politischen Kultur des Landes. Jahrbuch Zentrum für Niederlande Studien. 1998. № 7. P. 161–176; № 8. P. 230–378.
4. Visser J., Hemerijck A. Ein holländischer Wunder? Reform des Sozialstaates und Beschäftigungswachstum in den Niederlanden. Frankfurt / Main : Campus Verlag GmbH, 1988.

Сведения об авторе: Дворецкая Светлана Руслановна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений подготовки, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова; email: svetlanaa.dvoretzkaya@gmail.com

PARTICULARLY OF THE ASPECTS OF CITIZENSHIP IN THE NETHERLANDS

Svetlana R. Dvoretzkaya

Department of English for Humanities, NARFU named after
M. V. Lomonosov; email: svetlanaa.dvoretzkaya@gmail.com

Abstract

Civil society and the basic aspects of citizenship have significant differences in each country. In the Netherlands, “civil” means, above all, urban identity. The main areas of the urban civil thought were profit, dependability, responsibility, economic competence and pragmatic combination of personal and collective interests. Civil society was separated from the sphere of formal politics. The open nature of forms of citizenship and the weak position of the nobility, peasants and other groups have made that there were no strong separation into classes. The political elite is always ready to compromise. If the problem can not be solved without conflict consequences, they are deposited or transferred to other institutions. Also in the Netherlands, is often used this pattern of tolerance.

Key words: civil society, a form of citizenship, the political elite, the urban population, tolerance.

References:

1. Delsen, L. (1998). The German and Dutch Economies: who follows whom? Heidelberg: PRESS, 1998.
2. Hildermeier, M., Kocka, J. & Conrad, Ch. (2000). Europäische Zivilgesellschaft in Ost und West. Frankfurt / New York: Campus.
3. Velde, H te. (1998). Bürgertum und Bürgerlichkeit in den Niederlanden des 19. 20. Jahrhundert — Zugleich ein Beitrag zur politischen Kultur des Landes. Jahrbuch Zentrum für Niederlande Studien. 1998. № 7. P. 161–176; № 8. P. 230–378.
4. Visser, J., Hemerijck, A. (1988). Ein holländischer Wunder? Reform des Sozialstaates und Beschäftigungswachstum in den Niederlanden. Frankfurt / Main: Campus Verlag GmbH.

Профессионально-ориентированная технология обучения межкультурной коммуникации

Т. А. Дмитренко

Московский педагогический государственный университет

Аннотация

Автором анализируются некоторые актуальные проблемы, связанные с повышением качества профессиональной подготовки будущих специалистов в области языкового образования.

Автор придаёт большое значение новым технологиям преподавания иностранного языка, которые способствуют эффективной коммуникации между специалистами в условиях поликультурной среды.

Рассматриваются особенности формирования иноязычных компетенций студентов в новых условиях, когда основным компонентом иноязычного образования становится межкультурная составляющая.

В статье анализируются факторы, обуславливающие актуальность и неизбежность обращения к межкультурным идеям в сфере языкового образования современного специалиста. Повышенное внимание уделяется описанию специфических признаков обучения иностранному языку, строящегося по межкультурным основаниям.

Обосновывается необходимость и доказывается объективный характер преобразования лингвообразовательной парадигмы — с коммуникативной на межкультурную.

Особое внимание уделяется профессионально-ориентированной технологии обучения межкультурной коммуникации. Автором рассматривается проблема развития у будущих специалистов профессиональной культуры речи и воспитания толерантности.

Ключевые слова: языковая подготовка, межкультурная коммуникация, межкультурный подход, новые технологии обучения, вербальные и невербальные средства, конфликт культур.

В условиях расширяющейся глобализации современного мира развиваются процессы взаимопроникновения и взаимообогащения культур, а также их конфронтации. Расширение общественно-политических, социально-экономических и культурных связей между странами и народами обусловило востребованность в профессионалах по межкультурной коммуникации.

Главными признаками профессионального владения иностранным языком являются:

- непринуждённость, беглость устной иноязычной речи, автоматический поиск и выбор лексических единиц, адекватных целям, условиям и ситуации общения;
- психологическая раскованность, отсутствие ошибкобоязни и языковых барьеров, скорость устной речи от 160 до 180 слов в минуту;
- наличие только ситуативно обусловленных хезитационных пауз;
- грамотная иноязычная письменная речь, уместное использование этикетных формул;
- 100% понимание звучащей иноязычной речи даже при помехах и др. [1, с. 59].

Парадоксально, но факт, но каждый участник межкультурных контактов быстро осознаёт, что одного владения иностранным языком явно недостаточно для межкультурного взаимопонимания. Чем лучше новоприезжий владеет английским, тем больше от него ожидают знания правил приличия в США, не принимая во внимание, что

культура и этикет той страны, из которой он прибыл, были совсем другими на протяжении всей его жизни.

Таким образом, чтобы правильно говорить по-английски, нужно знать не только язык, но и поведенческие нормы носителей языка, т.е. требуется знание всего комплекса форм поведения, психологии, культуры своих партнёров по общению, чтобы предусмотреть возможности неверного понимания и избежать его. Будущий специалист в сфере межкультурных коммуникаций должен на профессиональном уровне знать особенности культуры своих потенциальных партнёров по коммуникации и адекватно реагировать на их культурно обусловленные коммуникативные действия и поступки.

Целью высшего профессионального образования является формирование конкурентоспособных специалистов, свободно владеющих своей профессией на уровне международных стандартов, что предполагает компетентность в сфере межличностных контактов представителей различных языков и культур, знание особенностей их поведения в различных коммуникативных ситуациях, а также обладание высоким уровнем владения межкультурной компетенцией.

Сегодня в системе высшего профессионального образования реализуется компетентностный подход, суть которого заключается в обеспечении студентов комплексом ключевых и профессиональных компетенций, необходимых для профессионального становления будущих специалистов. В подготовке выпускников вузов к работе в глобальном экономическом, политическом, научном и образовательном пространстве, способность к межкультурному общению становится ценным качеством, создающим острую конкуренцию на рынке труда. Очевидно, что необходимо использовать рациональные способы научной организации труда, которые обеспечат подготовку конкурентоспособного специалиста за минимальное время с наименьшей затратой сил и средств как преподавателя, так и студентов.

Как представляется, успешность процесса обучения находится в зависимости не только от содержания и от организации учебного материала, которая способствует или мешает реализовать поставленные цели, но и от технологий обучения. Используемые преподавателем профессионально-ориентированные технологии обучения должны отвечать современным тенденциям, характеризующим процесс интенсификации и оптимизации обучения в системе высшего языкового образования и позволять создавать потенциально более высокую возможность переноса знаний и опыта деятельности из учебной ситуации, обеспечить творческую учебную среду, способствующую формированию направленности на творческую профессиональную деятельность.

Теория овладения иностранным языком ориентируется на активную деятельность учащегося по овладению языком. Она вписывается

в идеи так называемого развивающего образования, так как способствует развитию мышления, воспитанию личности, её приобщению к мировым культурным ценностям. Сегодня преподаватель вынужден творчески пересматривать учебный материал, перекомпоновывать его, облекать в иные формы для презентации и использовать авторские разработки, а также применять профессионально-ориентированные технологии обучения, которые повышают мотивацию в обучении иностранным языкам и более эффективно формируют межкультурную компетенцию у студентов, расширяя границы учебного времени, развивая самостоятельность учащихся. Кроме того новые технологии обучения иноязычному общению обеспечивают процесс становления и развития личности, способной эффективно участвовать в межкультурной коммуникации.

Эффективность процесса обучения межкультурной коммуникации существенно повышается за счёт применения активных форм ведения урока. Опора при этом на эмоции учащихся позволяет существенно активизировать учебную деятельность студентов и интенсифицировать образовательный процесс. Это, в свою очередь, помогает раскрытию резервов памяти, снятию чувства усталости посредством положительных эмоций и переживаний и возрастанию интеллектуальной активности личности обучающегося, так как новый учебный материал изучается на творческом уровне. Кроме того, в этом случае преодолеваются трудности общения, ведь в комфортной обстановке при создании педагогом благоприятных психолого-педагогических условий для обучения легче схватывается вводимый учебный материал.

Процесс обучения межкультурной коммуникации с использованием активных форм обучения выражается в методически рациональной организации занятия, при котором каждая минута учебного времени используется продуктивно для достижения поставленных целей; в мотивированной коммуникативной деятельности обучающихся, создании коммуникативного комфорта на занятии. Это также находит своё отражение в разнообразии приемов и форм работы, используемых с учетом индивидуальных особенностей обучающихся, вида деятельности, характера материала и уровня владения им, методически целесообразным сочетанием средств на занятии. Широкое использование современных технических средств, органически включаемых в процесс обучения в тех случаях, когда они могут дать максимальный эффект по сравнению с «нетехническими средствами» как нельзя лучше способствует интенсификации и индивидуализации процесса обучения [2, с. 23].

В новой системе подготовки будущих специалистов в сфере межкультурных коммуникаций в ходе формирования межкультурной компетенции у студентов языковых факультетов создаётся модель

культуры народа страны изучаемого ими языка. Этому способствует моделирование на занятии культурного пространства в целях формирования межкультурной компетенции. Ведь, для адекватного межкультурного общения предполагается развитое умение гибко использовать разнообразные стратегии для установления контакта с представителями иных культур, что позволяет эффективно устранять как недопонимание, так и конфликтные ситуации, вызванные межкультурными различиями.

Профессионально-ориентированные технологии обучения позволяют приобрести опыт межкультурного общения в процессе моделирования культурного пространства на занятии. Усвоению новых знаний, формированию навыков и умений поведения в инокультурной среде способствуют практико-ориентированные коммуникативные задания, нацеленные на формирование интеллектуальной гибкости и толерантности по отношению к иноязычной культуре и ее носителям. Такие задания провоцируют эмоциональную реакцию студентов, так как они начинают воспринимать происходящее в двойной перспективе и потому их использование вызывает у них особый интерес.

Профессионально-ориентированные технологии обучения иностранному языку позволяют сделать аудиторные занятия, максимально “насыщенными” по содержанию в соответствии с требованиями учебной программы и вызывать высокую познавательную и практическую активность студентов. Это происходит за счет оптимального сочетания учебного материала, излагаемого педагогом, с самостоятельным поиском студентов, выполнением творческих заданий, решением проблемных и коммуникативно-познавательных задач, рационального чередования различных видов деятельности студентов в течение занятия, осуществления гибкого контроля знаний и умений студентов, а также скрытого контроля в ходе проведения ролевых и деловых игр.

Специалист по межкультурной коммуникации должен уметь улавливать настроение и психическое состояние своего партнёра, при этом, не фиксируя на этом своего внимания. Дело в том, что умение наблюдать не является самоцелью в межкультурной коммуникации, оно реализуется исключительно для того, чтобы предупредить нежелательные сценарии развития межкультурного взаимодействия путём принятия упреждающих мер для повышения результативности переговорного процесса.

Использование в ответе в процессе межкультурного взаимодействия вместо “нет” уклончивое типа “надо подумать” свидетельствует о высоком профессионализме специалиста по межкультурной коммуникации, оно вызывает уважение со стороны партнера и повышает авторитет в сообществе профессионалов. Как известно, у дипломатов передаётся поучительная шутка относительно умения сказать “нет”

своему партнеру по межкультурной коммуникации: если дипломат говорит “да”, то это скорее означает “может быть”, если дипломат говорит “может быть”, то это скорее означает “нет”, если дипломат говорит “нет”, то это уже не дипломат. В каждой культуре даже шутят по-разному. Умение понимать молчание партнёра по межкультурной коммуникации, как жест или позу, является также одним из компонентов профессиональной компетенции. Например, американцы не выносят длительных пауз и всегда пытаются заполнить их говорением, а японцы и китайцы часто используют в разговоре молчание, особенно при неопределённом статусе участников разговора,

Для подготовки человека к межкультурному взаимодействию нужно развить у него межкультурную чуткость. В связи с этим, курс речевого этикета является неотъемлемой частью педагогической подготовки будущего специалиста, поскольку студенты осваивают нормы межличностного общения не только в процессе знакомства с тем, каких норм следует придерживаться, но, главным образом, в ходе выполнения этих норм по примеру и под руководством преподавателя. При пользовании языком другого народа важно знать правила речевого поведения, т.к. в каждой стране есть свои неписанные законы ситуативного применения языковых единиц.

Важной частью речевого этикета народа страны изучаемого языка являются действующие в национальном общении коммуникативные табу, т.е. запреты на употребление определенных выражений или трагивание определенных тем в тех или иных коммуникативных ситуациях. Во всех европейских странах существуют табу на вопросы, касающиеся доходов, зарплаты, источников существования собеседника. В Америке и Европе существует табу на обсуждение дома за столом проблем политики и религии. У французов нельзя спрашивать о зарплате, но можно спросить о том, сколько они платят налогов: расскажут охотно, так как все считают, что платят слишком много. В Англии нельзя оказывать коммуникативного давления на собеседника, навязывать своего мнения, вмешиваться в разговор и перебивать, а также критиковать.

Незнание или невыполнение правил местного речевого этикета, неправильное понимание речевых действий собеседников, может привести к серьезным недоразумениям и даже конфликтам. Необходимость изучения ментальности носителей языка также имеет огромное практическое значение. Зная о различиях в менталитете, можно избежать многие конфликты, а также ближе подойти к поставленной цели адекватного владения иностранным языком и достижения взаимопонимания с представителями другой культуры.

Ярким примером того, как язык соотносится со структурой мышления и способом познания внешнего мира у разных народов, является понятие времени. “*Время — деньги*” — типичное словосочетание

для англоязычных культур, тогда как южная Европа не оценит этого понятия. В слово “пунктуальность” также вкладывается разный смысл. Для немца это означает быть на встрече точно в назначенное время, для японца — за десять минут до встречи, для итальянца — задержаться минут на двадцать. Для русского человека естественно опоздание порой на полчаса, для англичанина — это немыслимое неуважение.

Зная и понимая сходства и различия между культурами родной страны и страны изучаемого языка, имея представления друг о друге, традиционно существующие у носителей обеих культур, часто проявляющихся в форме национальных стереотипов, позволит изучающим иностранный язык: адекватно выбирать манеру поведения в процессе межкультурного общения, критически оценивать ситуацию общения, достойно и уважительно относиться к иному национальному этикету и особенностям национального характера.

Научить людей общаться как устно, так и письменно, — трудная задача, осложненная ещё и тем, что общение это не просто вербальный процесс. Его эффективность зависит от множества факторов: знания языка, условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), глубоких фоновых знаний, которые известны всем представителям данной языковой общности и т.д.

Сегодня всё более отчётливо прорисовывается такая тенденция в обучении иностранному языку как соизучение языка и культуры, причём с переносом акцента на культуру. Перенос акцента в преподавании иностранного языка на культуру явился следствием создания единого социокультурного пространства Европы, требующего не только знать язык, но и воспринимать иную культуру и взаимодействовать с ней. Принцип интеркультурной направленности обучения иностранному языку является вкладом в процесс социализации учащихся. Сравнение, анализ фактов, феноменов, принадлежащих разным культурам, должны быть основными процедурами приобщения учащихся к новой культурной реальности.

Профессионально-ориентированное обучение межкультурной коммуникации предполагает создание обстановки реального общения на занятиях, а также активное использование иностранного языка в живых естественных ситуациях, которые легко могут быть созданы в учебном процессе. Например, ведение бесед и дискуссий на изучаемом языке во время занятий, а также использование современных подходов к обучению языка с помощью компьютерных программ, которые служат в качестве источника лингвистической информации, либо выступают в роли партнёра — собеседника в учебном диалоге на языке или содержат графические средства для моделирования микромиров культурологического плана.

Насущная потребность в подготовке студентов к эффективным межкультурным контактам на уровне повседневного межличностного общения предполагает дополнения знания иностранного языка знанием особенностей культуры, знанием *природы межкультурного непонимания*, наличием практических навыков и умений в поведении, которые в совокупности позволяют свободно понимать представителей других культур.

Список литературы:

1. Барышников Н. В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации. Учебник М. : ИНФРА-М, 2013. — 368с.
2. Дмитренко Т. А. Профессионально-ориентированные технологии обучения иностранным языкам. Монография. М.: МПГУ, 2009. — 502 с.

Сведения об авторе: Дмитренко Татьяна Алексеевна, д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет, академик Международной академии наук педагогического образования, Москва, Россия; email: dmit.t.a@mail.ru

PROFESSIONAL-FOCUSED TECHNOLOGY IN INTERCULTURAL COMMUNICATION TEACHING

Tatiana A. Dmitrenko

Doctor in Pedagogics, Professor, Professor of Moscow pedagogical state University of the Foreign Languages Department, Academician of International Teacher's Training Academy of Science, Moscow, Russia; email: dmit.t.a@mail.ru

Abstract

The author examines some actual problems connected with the quality improvement of vocational training of the future specialists in the field of language education.

The author highlights the role of new technologies in teaching foreign languages, which facilitate an effective communication of specialists of various spheres in multicultural environment.

Peculiarities of forming students' foreign language competences in a new situation when cross-cultural component is becoming the principal part of foreign language education are considered.

In the article the author analyses the factors that contribute to the relevance and necessity of cross-cultural ideas in the field of modern language education specialist. Particular attention is given to the description of specific features of teaching foreign languages built on intercultural basis.

The article proves the necessity and the objective nature of transformation of the linguistic and educational paradigm — from communicative to intercultural.

The author considers the problem of development by future specialists of the professional and speech culture and tolerant education. The special attention is paid to the professional-focused technology in intercultural communication teaching.

Key words: foreign language training, intercultural communication, intercultural approach, new teaching technologies, verbal and non-verbal means, conflict of cultures.

References:

1. Baryshnikov N. V. (2013) *Osnovy professional'noi mezhhkul'turnoi kommunikatsii*. [Foundations of professional intercultural communication]. М.:INFRA-M, — 368 p.
2. Dmitrenko T. A. (2009) *Professional'no-orientirovannye tekhnologii obucheniia ino-strannym iazykam* [Professional-focused technologies in Foreign languages teaching]. Monograph. М.: МРГУ, — 502 p.

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов

С. В. Еловская

Мичуринский государственный аграрный университет

Аннотация

Стремительное развитие коммуникации внесло изменения в современное общество, в котором межкультурная коммуникативная компетенция играет важную роль. Целью данной статьи является анализ сущности и структуры межкультурной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов. Выявляются основные личностные качества студентов, необходимые для межкультурной коммуникации, рассматривается связь между межкультурной коммуникативной компетенцией и иноязычной коммуникативной компетенцией, выделяются структурные компоненты межкультурной коммуникативной компетенции, предлагается ее определение. Использование на занятиях ролевых игр, тренингов, междисциплинарных проектов способствует повышению уровня сформированности межкультурной коммуникативной компетенции. Необходимым является использование аутентичных текстов, в том

числе аудиозаписей, различных письменных документов, а также визуальных, таких как карты, фотографии и мультфильмы. Обосновывается, что формирование межкультурной коммуникативной компетентности в условиях вузовского образования повышает общую культуру студентов, их конкурентоспособность на международном рынке труда.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, межкультурная коммуникативная компетенция, межкультурная коммуникация, личностные качества, ролевая игра, междисциплинарный проект.

В связи с созданием единого европейского культурного и образовательного пространства особый теоретический и практический интерес представляют вопросы межкультурного взаимодействия. При этом овладение иностранным языком рассматривается как возможность развития личности посредством взаимодействия с другой культурой. В языковом образовании происходит становление новой межкультурной парадигмы, в рамках которой возникает необходимость не только грамотно использовать языковые средства иностранного языка, но и понимать иную культуру, сравнивая ее с родной. Поэтому овладение искусством межкультурной коммуникации обретает все большую актуальность и значимость.

Одним из условий реализации межкультурного подхода является принцип опоры на родную культуру при изучении иностранного языка, так как студентам и преподавателям постоянно приходится не только интерпретировать чужую культуру, но и представлять свою собственную культуру. Именно поэтому в концепции иноязычного образования, концепции развития индивидуальности в диалоге культур овладение чужой культурой должно способствовать повышению статуса обучающихся как субъектов родной культуры.

В контексте обсуждаемой проблемы важно отметить, что, выполняя любое задание, связанное с исследованием другой культуры, студенты обязательно связывают изученный материал с реалиями, имеющими место в российской культуре. В ходе аудиторных и внеаудиторных занятий происходит диалог культур, в результате которого у студентов формируется межкультурная компетенция, помогающая решать возникающие проблемы, неизбежные в реальной межкультурной коммуникации. Обучение языкам и культуре в нашей стране сопряжено с определенными трудностями, так как обучаемые не всегда вступают в реальную межкультурную коммуникацию. Создаваемые в рамках учебного процесса языковые и культурные ситуации не могут быть приравнены к межкультурным явлениям, так как порождаются носителями одной и той же культуры.

Эффективное межкультурное общение является одновременно условием и продуктом функционирования межкультурной коммуникативной компетентности личности, которая для достижения взаимопонимания с представителями других коммуникативных сообществ и культур, а также для достижения поставленных целей общения использует на практике знания культурных правил и категорий, обуславливающих успешность межкультурного взаимодействия. Таким образом, межкультурная коммуникативная компетентность позволяет человеку в процессе межкультурного общения выбирать нужные языковые и речевые средства в соответствии с социокультурным контекстом, использовать социолингвистические средства, избирать стратегии и тактики общения, приемлемые для достижения поставленных целей, что повышает эффективность межкультурного взаимодействия.

Межкультурная коммуникативная компетентность является сложным многокомпонентным и многоуровневым образованием, позволяющим личности постоянно совершенствовать свои умения и способности в целях все более продуктивного участия в межкультурном общении на основе углубленного понимания речи и поведения партнера по общению в процессе выполнения профессиональной деятельности. Уровневый характер межкультурной коммуникативной компетентности может быть представлен как комплексная реализация компетенций различного уровня в условиях межкультурного общения. Межкультурная коммуникативная компетенция включает социокультурную и социолингвистическую компетенции. Между компонентами межкультурной коммуникативной компетенции существует определенная взаимосвязь и взаимозависимость. Например, социокультурная компетенция взаимосвязана с лингвистической компетенцией. Отметим, что формирование межкультурной коммуникативной компетенции осуществляется одновременно с формированием профессиональной коммуникативной компетенцией.

Важным результатом формирования межкультурной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза является формирование у обучающихся следующих качеств и свойств личности: способности к непрерывному образованию, межкультурной адаптации, способности к рефлексии, толерантности, эмпатии.

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции осуществляется в рамках взаимодействия традиционных и инновационных форм, средств, методов и технологий обучения студентов неязыковых вузов иностранному языку. Например, на занятиях по иностранному языку используются инновационные педагогические технологии, интерактивные методы, различные формы активной лекции и семинаров. Инновационная деятельность дает возможность

максимального развития творческих способностей студентов. Для повышения творческого потенциала каждого студента необходимо использовать на занятиях проектную технологию, технологии проблемного и деятельностного обучения, способствующие активному участию студентов в учебном процессе, созданию мотивации успеха, атмосферы сопереживания и сотрудничества, организации совместной творческой деятельности в процессе освоения инновационных технологий.

Современная образовательная технология формирования межкультурной коммуникативной компетенции предполагает использование на аудиторных и внеаудиторных занятиях тренингов межличностного общения, ролевых и деловых игр, проектной деятельности. Тренинг как один из методов обучения межкультурной коммуникации [1, с. 251] развивает умение слушать собеседника, строить эффективную модель взаимоотношений с партнерами по коммуникации, преодолевать привычки и манеры поведения, осложняющие общение; определяет уровень и степень адаптации личности к новой социокультурной среде, а также позволяет сопоставлять особенности “своей” и “чужой” культуры. В результате проведения ролевых и деловых игр студент осознает себя представителем конкретной культуры, выводит на уровень сознания нормы, ценности и правила поведения, соответствующие данной культуре. Междисциплинарные проекты способствуют расширению профессионального кругозора, приобретению углубленных междисциплинарных знаний, развитию эрудиции. Ориентация на создание определенного материального конечного продукта делает учебно-воспитательную деятельность студентов значимой и продуктивной, обеспечивает контакт с реальной действительностью, готовит к будущей профессиональной деятельности и совместной научно-исследовательской работе с зарубежными партнерами (например, междисциплинарный проект “Английский сад”).

Таким образом, межкультурная коммуникативная компетенция студента неязыкового вуза представляет собой интегральное качество, характеризующее его профессионально важные знания и коммуникативные умения, обеспечивающие эффективное взаимодействие в условиях межкультурного профессионального общения; а также умения наблюдать и усваивать значимые культурные явления в процессе общения. Межкультурная коммуникативная компетенция создает основу для профессиональной мобильности, приобщает студентов к стандартам мировых достижений, увеличивает возможности профессиональной самореализации на основе коммуникативности и толерантности. На основе разнообразных форм, методов и приемов обучения иностранному языку происхо-

дит моделирование социокультурного пространства, формирование представлений студентов неязыковых вузов об окружающем мире и определение своего места в нем.

Список литературы:

1. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Альфа-М., 2013. С. 288.

Сведения об авторе: Еловская Светлана Владимировна, д.п.н., профессор, профессор кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Мичуринский государственный аграрный университет, Россия; email: elovskayasv@mail.ru

FORMING OF INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS

Svetlana V. Elovskaya

Doctor of science, professor, Chair of Foreign Languages and Teaching Methods, Michurinsk State Agrarian University; email: elovskayasv@mail.ru

Abstract

The rapid development of communication has changed the human society in which intercultural communication competence becomes a necessary ability for people to interact effectively in order to develop a productive life. The article mainly focuses on the essence and structure of the intercultural communicative competence of students. It reveals the basic personal features required for successful intercultural communication. The article studies the interrelation between the intercultural communicative competence and the foreign language communicative competence, singles out the constituent parts of the intercultural communicative competence of students and puts forward its definition. Role-play is a very useful technique in language teaching. It is necessary to use authentic texts, including audio recordings and a variety of written documents and visuals such as maps, photographs, diagrams and cartoons. We argue that the formation of intercultural communicative competence in undergraduate education increases the overall culture of students and their competitiveness in the international labor market.

Key words: teaching foreign languages, intercultural communicative competence, intercultural communication, personal features, role-play, interdisciplinary project.

References:

1. Sadokhin, A. P. (2013). *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Cross-cultural Communication]. M.: Al'fa-M. P. 288.

Фрейм как когнитивная основа межкультурной коммуникации: проблема аналогичности и тождественности

О. А. Жарина

Южный федеральный университет

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению фреймов с позиций современной когнитивной лингвистики применительно к процессу межкультурной коммуникации. Результаты исследований показывают, что в процессе межкультурной коммуникации необходимо учитывать возможность несовпадения когнитивных пространств собеседников и различия в их картинах мира и культурных кодах, что является необходимым условием успешной коммуникации. Разграничиваются следующие понятия: когнитивная среда, когнитивное пространство и когнитивная база. Для полного понимания того или иного фрейма необходимо знание экстралингвистических факторов, которые, в свою очередь, являются частью структуры фрейма. Компоненты фрейма имеют индексальное значение и соотносятся с ценностной системой определенной культуры. В статье раскрывается проблема существования аналогичных, но нетождественных фреймов, и ее влияние на процесс межкультурной коммуникации. Приводятся случаи сбоя в коммуникации и пути его преодоления.

Ключевые слова: когнитивная база, когнитивное пространство, фреймы аналогичные, фреймы тождественные, сбой в коммуникации.

Любая коммуникация представляет собой речемыслительную деятельность, в процессе которой происходит кодирование адресатом и декодирование адресантом информации. При этом коммуникация может считаться успешной лишь в том случае, когда когнитивные среды коммуникантов совпадают. В нашем понимании когнитивная среда включает в себя два компонента: когнитивное пространство и когнитивную базу. В рамках рассматриваемого нами подхода к когнитивному пространству относим фоновые знания, характерные для конкретной языковой личности, а к когнитивной базе — часть когнитивной среды, которая является общей для всего языкового сообщества [1, с. 18].

Фреймы относятся к когнитивной базе, то есть универсальны для всего языкового сообщества, говорящего на определенном языке.

Однако в процессе межкультурной коммуникации необходимо учитывать возможность несовпадения когнитивных пространств собеседников и различия в их картинах мира и культурных кодах. Культурным кодом является некая система образов, функционирующая в качестве системы знаков. Любая часть реального мира, имеющая конкретно-чувственную наглядность, может выступать в качестве когнитивной основы для создания культурного кода.

Фреймы обладают критической важностью для создания успешности межкультурного общения. Под фреймом нами понимается ядерный компонент и все ассоциации, связанные с ним [3]. Данные ассоциации, в свою очередь, выстраиваются иерархически, представляя собой слоты, или уровни: ядро, центральный (базовый) уровень, периферия.

Невозможно отрицать, что фреймы являются важным звеном и неотъемлемой частью культурного кода, так как именно они дают возможность представить лексическое значение слова не как простой набор семантических признаков, а как идеальную картину любого объекта, явления или ситуации. Для полного понимания того или иного фрейма необходимо знание экстралингвистических факторов, которые входят в структуру фрейма. Компоненты фрейма имеют индексальное значение и отсылают к системе ценностей определенной культуры.

Иногда в межкультурной коммуникации возможен сбой, вызванный тем, что фреймы, аналогичные в двух разных языках, то есть фреймы, ядерный компонент которых совпадает, не являются тождественными, то есть структура этих фреймов не совпадает и наблюдаются случаи, когда объем фрейма в английском языке не равен объему аналогичного фрейма в русском. Например: *When I left the skating rink I felt sort of hungry, so I went in this drugstore (аптека) and had a Swiss cheese sandwich and a malted* [6, с. 45]... / *Мне захотелось есть, когда я вышел с катка, и я забежал в буфет, съел бутерброд с сыром и выпил молока* [4, с. 49]... Дословный же перевод данного предложения вызовет удивление у любого носителя русского языка, и таким образом при восприятии данной информации происходит сбой в коммуникации, так как фрейм “drugstore” не является тождественным фрейму “аптека”. Американское слово drugstore — это аптекарский магазин, в котором наряду с лекарствами продаются также туалетные и канцелярские принадлежности, кофе, легкие закуски, косметика и так далее. Таким образом, при совпадении ядерного компонента (Цель назначения) — магазин с лекарствами, несовпадения наблюдаются на базовом уровне (Атрибуты).

Говоря о нетождественных фреймах, можно также привести такой пример: *She was all angles and bones; she was nearsighted; she*

squinted; her hand was wide as a bed slat (планка кровати) and twice as hard [5, с. 5]. / *Вся из углов и костей, близорукая и косила; и рука у нее была широкая, как лопата, и очень тяжелая* [2, с. 6]. Рука героини в дословном переводе сравнивается с планкой кровати, и следует признать, что русскоязычный реципиент посчитает такое сравнение тяжелым для понимания, так как, во-первых, в русском языке для заполнения структуры фрейма “широкий” мы бы не воспользовались подобным сравнением, поскольку в ассоциативный ряд носителя русского языка оно не входит. Во-вторых, из-за отсутствия фоновых знаний об исходной локальной культуре (то есть в данном случае о виде кроватей в южных штатах Америки, где происходит действие романа).

Однако следует отметить, что иногда фреймы в русском и английском языках могут быть полностью тождественны, то есть иметь полностью совпадающую структуру. Например: *We got to the Edmont Hotel, and I checked in. ... The bellboy that showed me to the room was this very old guy around sixty-five. ... Anyway, what a gorgeous job for a guy around sixty-five years old. Carrying people's suitcases and waiting around for a tip* [6, с. 67]. Рассматривая данный пример, мы можем утверждать, что фрейм “hotel” тождествен фрейму “отель”, так как их ядерная структура является идентичной. При восприятии данной информации собой в межкультурной коммуникации не происходит, так как в структуре фрейма, как в английском, так и в русском языках, входят следующие понятия: *номер, коридорный, чемоданы, чаевые* и т.д. Для восприятия фрейма “hotel” используются общежизненные знания и, как в англоговорящих, так и в русскоговорящих странах, описываемая в примере ситуация совпадает.

Таким образом, фрейм как когнитивная основа высказывания является элементом, на который следует обращать особое внимание в процессе межкультурной коммуникации, так как в различных языках аналогичные, на первый взгляд, фреймы могут оказаться не тождественными и в этом случае информация может быть воспринята неверно, а коммуникация оказаться неэффективной.

Список литературы:

1. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М. : Наука, 1991. 239 с.
2. Ли Х. Убить пересмешника. М. : АСТ, 2009.
3. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс. 256 с.
4. Селинджэр Дж. Д. Над пропастью во ржи. М. : Эксмо, 2009.
5. Lee H. To kill a mockingbird. Grand Central Publishing, 1988.
6. Salinger J. D. The Catcher in the Rye. Little, Brown and company, 1999. 242 p.

Сведения об авторе: Ольга Александровна Жарина, к.ф.н., доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; email: undina79@list.ru

**FRAME AS A COGNITIVE BASIS
OF INTERCULTURAL COMMUNICATION:
THE PROBLEM OF ANALOGY AND IDENTITY**

Olga A. Zharina

Associate Professor, the Department of Intercultural Communication and Foreign Language Teaching, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; email: undina79@list.ru

Abstract

The article is devoted to the frame consideration from the view of modern Cognitive Linguistics applied to the process of intercultural communication. The research results have shown that while communication it's necessary to take into account the difference in communicants' cognitive spaces, linguistic world-images and cultural codes that is an essential part of an effective communication process. The following concepts are defined: cognitive environment, cognitive space and cognitive base. To fully understand any frame is to know all extralinguistic factors which are the components of a frame structure. Frame components have an indexline meaning and refer to the national system of cultural values. The problem of analogous and identic frame existence and its influence on the communication process is revealed in the article. The article is provided with the cases of communication failure and the ways of their elimination.

Key words: cognitive base, cognitive space, analogous frames, identic frames, communication failure.

References:

1. Kubrjakova, E. S. (1991). *Chelovecheskij faktor v jazyke. Jazyk i porozhdenie rechi* [Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи]. М.: Nauka. 239 p.
2. Li, Kh. (2009). *Ubit' peresmeshnika* [To kill a mockingbird]. М.: AST. 395 p.
3. Maslova, V. A. (2008). *Kognitivnaja lingvistika* [Когнитивная лингвистика]. Minsk: TetraSistems. 256 p.
4. Selindzher, Dzh. D. (2009). *Nad propast'iu vo rzhi* [The Catcher in the Rye]. EKSMO. 336 p.
5. Lee, H. (1988). *To kill a mockingbird*. Grand Central Publishing. 384 p.
6. Salinger, J. D. (1999). *The Catcher in the Rye*. Little, Brown and Company. 224 p.

“Положительная тенденция” американизации языка

Д. П. Желязкова

Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
(Болгария)

Аннотация

Глобализация, инспирированная грандиозным развивающимся информационным обществом, приводит к отмиранию национального суверенитета и присвоению языкового пространства так называемыми “американизмами”. В процессе овладения иностранным языком, в частности болгарского литературного языка болгарами и иностранцами, наблюдается кросс-культурное движение к защите западной цивилизации, вызванное институционализированной национальной языковой политикой.

Понимание коммуникационных моделей общества включает знания о лингвокультурном представлении, паралингвистических особенностях, культурной символике и пр.

Ключевые слова: языковое пространство, кросс-культурное движение к защите западной цивилизации, коммуникационные модели.

В последние несколько лет в мире наступают драматические изменения. Глобальное распространение информационного пространства — “настоящая новая информационная революция” [3, с. 112]. Это четвертая революция в истории человечества. *Первая* связана с созданием письменных знаков. *Вторая* связывается с появлением написанной книги в Китае. *Третья* вызвана изобретенной Гутенбергом печатной прессой.

И за словом “информация” прячется именно коммуникация, а не знание. Смотря на современных политиков, брокеров, журналистов и их аудиторию, нетрудно заметить: более информированный человек не тот, кто знает больше, а тот, кто участвует в большем количестве коммуникаций [6, с. 1]. Данный общий социальный процесс описывается понятием *глобализация*. Дискуссии относительно глобализации часто ставят вопрос, приводит ли приобщение в мировой экономике к нанесению урона государственному суверенитету, к идее об “американизации мира” [4, с. 3]. Отсюда логически возникает неосновательный страх о национальной идентичности, национальном достоинстве, вместе с которыми важное место занимает и вопрос о языке. Описанная социальная обстановка и возникший вопрос о национальной идентичности и сохранении национального языка

как ее части и ее проявлении — вопрос, который волнует не только болгарское общество. И иностранцы, которые работают в болгарской языковой среде, и болгары сталкиваются с одним реальным пространством в массмедиа, на улице, в рекламах, которое охвачено **американизмами**. Социолингвисты предпочитают называть эту лексику более точным термином — **интернационализмы** [2, с. 77].

Восприятие американизмов, а также и их грамматических форм было объектом исследования в специальном эксперименте, проведенном с болгарскими и иностранцами, изучающими болгарский язык. Болгары разделены на две группы: всего 20 человек, из которых 9 работают (трое шоферов, трое продавщиков, трое врачей), а остальные 11 — студенты и учащиеся. Все участники работают и учатся в Пловдиве. В группе иностранцев тоже 20 человек, трое из которых работающие турки (один имеет двойное гражданство), а остальные — студенты, 14 греков и 3 китайца (одна китайка — ученица Английской гимназии в том же городе). Текст эксперимента включал словарный диктант (14 слов) и запись слова в форме определенности и в форме множественного числа. Подбор слов сосредоточен на степени их распространенности, на их лексических особенностях и на их упорядочивании в грамматической системе болгарского языка. Слова разделены на глаголы и на существительные имена, соответственно: *кеширам, ънгрейдвам, ъндейтвам, и феърплеи, кетъринг, хепънинг, румсървис, хендсфри, айпад, айпод, айфон, блутут, еърбег, спийдбол*. Большинство реалий актуализовано и в Официальном орфографическом словаре БАН [5], но *айпад* оказалось совсем новым словом, не имеющим аналогов в существующих словарях новейших слов и значений.

О *аэрбеге* ясно, что не существует ни в словаре 2010 года, ни в Официальном словаре 2012 года. А каждая современная машина не лишена этой необходимой воздушной подушки. То есть ежедневная встреча в машине с *air bag* не является основанием включить слово в нормативный словарь. Его присутствие в специальном эксперименте продиктовано распространенностью слова в буднях, особенностями его орфографии по аналогии с английским языком. Шоферы написали в ответах *аиърбаг* (ответили, что так написано на руле машины!), болгарские ученики пишут *ейърбаг*. А иностранцы не знают, каково именно значение, но дают перевод второй части: греки, которые обучались приблизительно 120 учебных часов в Институте для иностранных студентов, знают, как переводится вторая часть, а китайцы не знают ни смысла, ни орфографии. Продавцы, которые каждый день продают такую технику, знали и показали мне, рекламировали каждый продукт бренда “Эппл” в отдельности. Не поколебались уравнивать семантически оба слова — апгрейдовать и апдейтовать, при этом основали, что не занимаются ни хардвером, ни софтвером...

Наряду со знакомыми реалиями в списке слов присутствует и одно не столь знакомое: *спийдбол*, о котором сразу же появился перевод “быстрый мяч”, но никто из анкетированных не предложил верного ответа. Ученики знают семантику слов *кейтеринг*, *хэппенинг* и *рум-сервис*, но не знают *кэшировать*. В отношении орфографии заданных слов существует массовая путаница.

Выводы, которые можно сделать из проведенного эксперимента, следующие:

1. И болгары, и иностранцы трудно произносят и усваивают неместные американизмы. Ошибочно пишут их (особенно в случаях написания слитно, полуслитно и раздельно). Поэтому отдается предпочтение формам в подлиннике в болгарских текстах.
2. Не все реалии (особенно в отношении новых технологий) присутствуют в Официальном орфографическом словаре болгарского языка. Это дополнительно усложняет орфографию, а также и употребление форм соответствующих американизмов.
3. Отсутствие последовательности при употреблении американизмов приводит к нарушению норм и исконно болгарских слов. Часто в прессе и в интернет-публикациях присутствуют ошибочно использованные формы, такие как: *штатские доллары* или *штатские долларов...*
4. Иностранец не знает семантику большей части данной лексики — скорее всего, он знает смысловые компоненты слова из английского языка. Часто одно слово связывают с другим, не имея какой бы то ни было связи между ними (так, китаец связывает *айфон* с *аэропланом*). Американизмы забавны и создают ощущение знания языка, которому обучается иностранец.

Культурные реальности в сильной степени зависимы от своего выражения, описания, интерпретации. Это нормально, культурный мир — артефактуальный, виртуальный, он крепится на ментальных формах и знаковых системах, на закодированных и интерпретированных обычаях, нравах и ритуалах [7, с. 12]. Итак, группа американцев, изучающих болгарский язык, возражают во время преподавания диалога между друзьями (парень и девушка): “О, как ты поправились!” Данная реплика парня — скандальная для американцев Техаса: если они употребят ее, друзья будут сторониться их.

Во время усвоения языка иностранцами надо взять во внимание и разные факторы, определяющие интерференцию при обучении иностранному языку. При употреблении вежливых форм греками надо учесть факт, что английские “please” и “thank you” ошибочно принимаются как эквивалент греческого “се паракало”, так как английская вежливость требует употребления “thank you” во всех случаях выражения вежливости. А греки выражают ее интонацией или жестом. Потому

англичане принимают греков за невежливых, не зная структуру акта общения в греческом языке и в греческой традиции [1, с. 34].

В современном глобальном мире свободное передвижение людей, трудового потенциала и капиталов приводит к успешной реализации, что невозможно без знания одного или нескольких языков. Таким образом лучше понимают другие культурные стереотипы. В 1950-е годы некоторые сделали попытку превратиться в русских, а до этого была попытка превращения в немцев. Как говорит проф. Виденов, “мы не стали ни немцами, ни русскими, да и американцами не станем” [2, с. 162].

Список литературы:

1. Балтова-Илиева Пенка. Современный болгарский язык и вопросы межъязыковых контактов. София : Издательство им. Климента Охридского, 1990. 34 с.
2. Виденов М., Виденов М. Язык и общественное мнение. София : Академическое издательство им. Проф. Марина Дринова, 1999. 162 с.
3. Друкер П. Управление — проблемы XX века. София : Классика и стиль, 2005. 112 с.
4. Семов М. Глобализация и национальная судьба. София : Македония пресс, 2004. 3 с.
5. Словарь 2012: Официальный орфографический словарь болгарского языка. София : Просвета, 2012.
6. 27 February 2011 <<http://www.soc.pu.ru:8101/persons/dvi/home.html>>
7. 3 February 2015 <<http://www.gherdjikov.com/kulturna-otnositelnost-i-kros-kulturen-opit>>

Сведения об авторе: Димитрия Петрова Желязкова, аспирант, преподаватель болгарского языка как иностранного, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария; email: erje33@hotmail.com

“THE POSITIVE TENDENCY” TO AMERICANIZATION IN THE LANGUAGE

Dimitriya Petrova Zhelyazkova

Professor of Bulgarian as a foreign language, post-graduate, Plovdiv university “Paisii Hilendarski”, Plovdiv, Bulgaria; email: erje33@hotmail.com

Abstract

Globalization, inspired by the fast developing information society superimposes passing of national sovereignty and invasion of the linguistic space by the so called “Americanisms”. In the process of foreign language learning, in particular learning Bulgarian literary language by Bulgarians

and foreigners, cross-cultural movement to the western civilization may be noted, which is triggered by the institutionalized national language policy. Understanding of communication models in the society requires knowledge of the linguistic-cultural notions and paralinguistic peculiarities, cultural symbolism etc.

Key words: the linguistic space, cross-cultural movement to the western civilization, communication models.

References:

1. Baltova-Ilieva, Penka. (1990). *Modern Bulgarian Language and Problems of Interlinguistic Contacts*; Sofia: University Press "Kliment Ohridski". 34 p.
2. Videnov, M. (1995). *Language Culture of Bulgarians*. Sofia: Joint Edition by Anibus and Bulgarian Writers Union. 162 p.
3. Drucker, P. (2005). *Management Challenges for the 21st Century*. Sofia: Classics and Stile. 112 p.
4. Semov, M. (2004). *Globalization and national destiny*. Sofia: Macedonia Press1. 3 p.
5. Dictionary. (2012). *Official Spelling Dictionary of Bulgarian language*. Sofia: Prosveta.
6. 27 February 2011 <<http://www.soc.pu.ru:8101/persons/dvi/home.html>>
7. 3 February 2015 <<http://www.gherdjikov.com/kulturna-otnositelnost-i-kros-kulturen-opit>>

UNDERSTATEMENT как ключ к пониманию британской лингвокультуры

В. Г. Иванова

МГИМО МИД России

Аннотация

В статье анализируется значимость такого этноспецифического явления британской лингвокультуры, отражающего особенности англосаксонского менталитета, как *understatement*; на основе его вербальной репрезентации выявляются его прагматические функции и доказывается необходимость глубокого проникновения в сущность данного явления для понимания интенций говорящего и ведения успешной межкультурной коммуникации. В ходе исследования автор приходит к выводу, что *understatement* призван реализовывать такие ключевые ценности англосаксонской коммуникативной культуры, как вежливость и дистанцированность, которые способствуют снятию категоричности и созданию атмосферы для гармоничного и бесконфликтного общения собеседников.

Ключевые слова: understatement, культура, этноспецифический, вежливость, дистанцированность, межкультурная коммуникация, менталитет.

Исследование лингвокультурных, лингвоспецифичных концептов представляется перспективным, активно развивающимся направлением лингвистики, позволяющим выявить этноспецифические особенности той или иной культуры и получающим все большее освещение в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. В частности, концептуальный анализ *understatement* и *privacy* был произведен профессором А. А. Джюевой [1; 2] и автором данной статьи [4; 5]. Однако не менее актуальным представляется знание коммуникативных стратегий поведения, на которых основан данный концепт. В связи с этим в настоящей статье мы рассмотрим *understatement* с позиций прагмалингвистики, а точнее проследим взаимосвязь данного явления с принципами вежливости и основными правилами британского коммуникативного поведения.

Как справедливо отмечают А. А. Джюева и В. С. Соседова, категория вежливости, будучи ключом к успешной коммуникации, является универсальной, однако есть существенные различия в том, каким образом она выражается в разных языках и как интерпретируются собеседниками те или иные формулы языкового поведения [3].

Именно принцип вежливости, получающий вербальную экспликацию в *understatement*, отражающий коммуникативные нормы и этнокультурные установки британцев, может служить источником непонимания или неправильной интерпретации представителями других культур.

Understatement как способ смягчения высказывания несет в себе скрытый, имплицитный смысл и подразумевает количественное или качественное преуменьшение истинных свойств объекта оценки. При этом коммуниканту необходимо самостоятельно восстанавливать, восполнять и интерпретировать скрытые интенции адресанта.

Как известно, большой вклад в изучение явных и скрытых целей высказываний адресанта, а также иллюкативной силы адресанта на адресата внесли работы П. Грайса, разработавшего *принцип кооперации* [8], и Дж. Лича, сформулировавшего принципы межперсонального воздействия [9].

Так, согласно П. Грайсу, *принцип кооперации* включает в себя четыре максимы: максима количества (необходимо передавать точный объем информации, не больше и не меньше), максима качества (информация должна быть правдивой), максима отношения (нельзя отклоняться от темы) и максима способа (необходимо избегать двусмысленности и недосказанности) [8, с. 47].

Представляется, что *understatement*, как справедливо отмечается Л. В. Новиковой и О. А. Бондарь [6], противоречит как минимум двум из четырех максим *принципа кооперации*, предложенного П. Грайсом, а именно *максиме способа*, которая исключает двусмысленность и неясность в сообщении, и *максиме качества*, так как высказывание, содержащее в себе элемент недосказанности, нельзя назвать в полной мере правдивым. Думается, что *understatement* может нарушать также и максимум количества, так как подразумевает некоторую степень сокрытия, умалчивания информации, и максимуму отношения, так как одним из способов выражения *understatement* может быть уклонение от ответа или темы разговора. Иными словами, *understatement* может потенциально в зависимости от контекста нарушать все максимумы принципа кооперации П. Грайса.

В то же время *understatement* как феномен британской лингвокультуры находит свое воплощение в ряде постулатов *принципа вежливости* Дж. Лича, которые включают *максиму такта* (следует минимизировать затраты слушающего и увеличить его выгоду); *максиму великодушия* (необходимо минимизировать выгоду говорящего); *максиму одобрения* (стоит уменьшить порицание слушающего и увеличить его похвалу); *максиму скромности* (необходимо меньше хвалить и больше порицать говорящего); *максиму согласия* (следует уменьшить разногласия между говорящим и слушающим); *максиму симпатии* (необходимо минимизировать антипатию и увеличить симпатию между говорящим и слушающим) [9, с. 132].

Соблюдение принципа вежливости часто приводит к тому, что часть мысли договаривается про себя, а не вслух, и говорящий сознательно обращается к неоднозначному способу выражения. Эта коммуникативная особенность проявляется в существенных и регулярных расхождениях между семантическим и прагматическим значением и в практике общения приводит к противоречию между тем, что говорится, и тем, что реально подразумевается.

Так, например, высказывание “*I hear what you say*” является иллюстрацией нарушения максимы качества П. Грайса с одной стороны и демонстрацией максимы согласия и одобрения Дж. Лича с другой стороны. Соблюдая принципы вежливости, адресант вуалирует истинное прагматическое значение высказывания нейтральной семантикой. При этом на самом деле говорящий настроен куда более радикально и категорично (*I disagree and do not want to discuss it further*).

Кроме того, нарушение максимы качества П. Грайса может актуализироваться параллельно с соблюдением максимы такта Дж. Лича. Например, если англичанин говорит “*that’s very interesting*”, не стоит обольщаться и принимать это высказывание за чистую монету, так как на самом деле в зависимости от контекста может подразумеваться совершенно обратное: “*that is clearly nonsense*” или “*You are boring me to*

death". Точно таким же образом реакция *"quite good"* может намекать на *"a bit disappointing"*; *"I'll bear it in mind"* имплицировать *"I've forgotten it already"*; *"I might join you later"* означать *"I'm not leaving the house today unless it's on fire"*.

Часто *understatement* помимо максимы такта соотносится также с максимами великодушия, одобрения и согласия, которые предполагают минимизацию выгоды говорящего и уменьшение разногласий между адресантом и адресатом. Так, фраза *"I'm sure it's my fault"* или *"No, no, honestly, my fault"* имплицировать *"It's your fault/ It was exceedingly your fault and we both know it"*; *"No harm done"* может предполагать *"You have caused complete and utter chaos"*. Как мы видим, говорящий берет всю вину на себя, пытаясь, таким образом, минимизировать степень "неудобства" адресата и исключить создание конфликтной ситуации.

Кроме того, типичным проявлением регулярных расхождений между семантическим и прагматическим значением высказывания наблюдается при выражении несогласия с собеседником. Даже если мысли и идеи коммуниканта кажутся англоговорящему абсурдными, он никогда вам не признается в этом, а лишь в обтекаемой, завуалированной форме скажет: *"That is a very brave proposal"* (думая на самом деле *"You are insane"*), *"That's certainly one way of looking at it"* (полагая *"That's certainly the wrong way of looking at it"*), *"I only have a few minor comments"* (может означать *"Please rewrite completely"*), *"Could we consider some other options?"* (подразумеваемая *"I don't like your idea"*). Как видно, данные реплики противоречат максиме качества П. Грайса, однако демонстрируют постулаты такта, согласия и одобрения Дж. Лича и коррелируют с такими стратегиями негативной вежливости П. Брауна и С. Левинсона, как "выражайтесь косвенно", "будьте уклончивы", "предоставляйте слушающему выбор" [7].

Однако наиболее ярко *understatement* отражает так называемый принцип Полианны, выдвинутый Дж. Личем [9], суть которого состоит в предпочтении коммуникантов передавать и получать положительную, нежели отрицательную информацию. Иными словами, при невозможности избежать передачи кому-либо неприятной информации говорящий пытается завуалировать и смягчить ее. Например, такие фразы как *"It's fine / I'm sure it'll be fine"* могут обозначать нечто кардинально противоположное: *"It really could not possibly get any worse, but no doubt it will do / I fully expect the situation to deteriorate rapidly"*.

Итак, анализ материала показал, что функциональная неоднородность и многогранность *understatement*, способного выполнять целый спектр прагматических функций, делает невозможным рассмотрение данного явления в рамках лишь одной из классификаций коммуникативных постулатов прагмалингвистики. Именно совокупность различных факторов социального контекста предопределяет приоритетность и релевантность тех или иных принципов и постулатов

общения. Однако при всем разнообразии прагматических функций *understatement*, основной иллокутивной целью последнего является снятие категоричности, смягчение высказывания для поддержания гармоничного, бесконфликтного общения, сохранения “лица” и достижения компромисса.

Список литературы:

1. Джиоева А. А. Английский менталитет сквозь призму языка: концепт “Understatement” // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006, № 3. С. 45–55.
2. Джиоева А. А. Английский менталитет сквозь призму языка: концепт “PRIVACY” // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006, № 1. С. 41–59.
3. Джиоева А. А., Соседова В. С. Конструэнты категории вежливости в английском языке: STIFF UPPER LIP // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. Сборник памяти Джеффри Лича, 2014, № 4. С. 84–99.
4. Иванова В. Г. Концепт “understatement”: когнитивно-ассоциативный анализ // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. Краснодар : КубГАУ, 2013. № 08(092). С. 799–828. — IDA [article ID]: 0921308054. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2013/08/pdf/54.pdf>, 1,875 у.п.л.
5. Иванова В. Г. Концепт “Understatement” в свете номинативно-когнитивного анализа // Экономические и гуманитарные исследования регионов. Ростов-на-Дону, 2013. № 6. С. 65–75.
6. Новикова Л. В., Бондарь О. А. Коммуникативные постулаты прагматической лингвистики через призму категории “недосказанность (UNDERSTATEMENT)” // Вестник НВГУ. 2013. № 2. С. 13–18.
7. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : CUP, 1987. 345 p.
8. Grice P. Logic and Conversation / P. Cole, J. Morgan (eds.) // Syntax and Semantics. V. 3: Speech Acts. N. Y., 1975. С. 47.
9. Leech G. N. Principles of pragmatics. London, N. Y. : Longman, 1983. 273 p.
10. Translation table explaining the truth behind British politeness becomes internet hit [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/newsttopics/howaboutthat/10280244/Translation-table-explaining-the-truth-behind-British-politeness-becomes-internet-hit.html?fb>

Сведения об авторе: Виктория Геннадьевна Иванова, преподаватель кафедры английского языка № 1, МГИМО МИД России; email: vikakalisheva@rambler.ru

UNDERSTATEMENT AS A KEY TO UNDERSTANDING BRITISH LINGUACULTURE

Victoria G. Ivanova

Lecturer, MGIMO University; email: vikakalisheva@rambler.ru

Abstract

The article analyses the importance of such ethno-specific phenomenon of British lingua-culture, reflecting the peculiarities of the Anglo-Saxon mentality, as understatement. Its pragmatic functions are revealed on the basis of its verbal representation, and the necessity of deep penetration into the essence of this phenomenon for understanding the intentions of the speaker and carrying out a successful intercultural communication is proved. In the process of investigation the author comes to the conclusion that understatement is aimed at realizing such core values of Anglo-Saxon communicative culture as politeness and distancing which contribute to mitigation and the creation of harmonious and conflict-free communication of interlocutors.

Key words: understatement, culture, ethno-specific, politeness, distancing, cross-cultural communication, mentality.

References:

1. Dzhioeva, A. A. (2006). Anglijskij mentalitet skvoz' prizmu jazyka: koncept "Understatement" [English Mentality through the Prism of Language: Concept "Understatement"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija*, 3, 45–55.
2. Dzhioeva, A. A. (2006). Anglijskij mentalitet skvoz' prizmu jazyka: koncept "PRIVACY" [English Mentality through the Prism of Language: Concept "PRIVACY"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija*, 1, 41–59.
3. Dzhioeva, A. A. & Sosedova, V. S. (2014). Konstrujenty kategorii vezhlivosti v anglijskom jazyke: STIFF UPPER LIP [The Constituents of the Category of Politeness in the English Language: STIFF UPPER LIP]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodovju Serija Lingvistika. Sbornik pamjati Dzheffri Licha*, 4, 84–99.
4. Ivanova, V. G. (2013). Koncept "understatement": kognitivno-associativnyj analiz [Concept "Understatement": cognitive-associative analysis]. *Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyj zhurnal KubGAU)* [Electronic resource]. Krasnodar: KubGAU, 08(092), P. 799–828. — IDA [articleID]:0921308054. Available at: <http://ej.kubagro.ru/2013/08/pdf/54.pdf>, 1,875 u.p.l.
5. Ivanova, V. G. (2013). Koncept "Understatement" v svete nominativno-kognitivno-go analiza [The Concept "UNDERSTATEMENT" in Light of nominative-cognitive Analysis]. *Jekonomicheskie i gumanitarnye issledovanija regionov. Rostov-na-Donu*, 6, 65–75.

6. Novikova, L. V. & Bondar', O. A. (2013). Kommunikativnye postulyaty pragmalingvistiki cherez prizmu kategorii "nedoskazannost' (UNDERSTATEMENT)" [Communication Postulates of Pragmalinguistics Seen through the Category of Understatement]. *Vestnik NVGU*, 2, 13–18.
7. Brown, P. & Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: CUP. 345 p.
8. Grice, P. (1975). Logic and Conversation. (P. Cole & J. Morgan, eds.). *Syntax and Semantics. V. 3: Speech Acts*. N. Y. P. 47.
9. Leech, G. N. (1983). *Principles of pragmatics*. London, N. Y.: Longman. 273 p.
10. Translation table explaining the truth behind British politeness becomes internet hit [Electronic resource] Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/newsttopics/howaboutthat/10280244/Translation-table-explaining-the-truth-behind-British-politeness-becomes-internet-hit.html?fb>

Использование манипулятивных стратегий в деловом презентационном дискурсе

Ю. Е. Иванова

Московский городской
педагогический университет

Аннотация

Актуальность проблемы определяется той ролью, которую играет в современной деловой жизни потребность использования в речах бизнесменов средств воздействия для убеждения других действовать или думать каким-либо образом. Недостаточно просто проинформировать покупателей о новом товаре или услуге, необходимо создать привлекательный образ. Привлекательность можно представить визуально, а можно, в целях оказания желаемого воздействия, использовать единицы языка и речи. Зачастую понятие "убеждение" ставится в один ряд с понятием "манипуляция". Особенность манипулятивного воздействия состоит в том, что манипулятор старается скрыть свои намерения, для него характерна искусность и ловкость в осуществлении воздействия на адресата, а также создание у него иллюзии принятия самостоятельности решения. В основе процесса манипулирования лежит воздействие на эмоции. Широкий арсенал манипулятивных стратегий и тактик, применяемых в сфере деловых презентаций, позволяет бизнесменам успешно реализовать задуманные цели и воздействовать на аудиторию.

Ю. Е. Иванова

Ключевые слова: манипулятивное воздействие, стратегии и тактики, риторические приемы, деловой презентационный дискурс.

Данная статья посвящена описанию феномена манипуляции в деловом презентационном дискурсе. Бурное развитие технологий, активное воздействие информацией на людей и жесткая конкуренция заставляют бизнесменов изменить свое коммуникативное поведение для того, чтобы обеспечить успешность воплощения своих целей. Уже недостаточно просто проинформировать покупателей о новом товаре или услуге, необходимо убедить клиентов купить этот товар или воспользоваться услугой. Как справедливо отмечает А. В. Олянич: “Мир стал ярче, иллюстративнее, демонстративнее, на его просторах возникла реальная опасность затеряться и не получить от него того, что задумала конкретная личность. В то же время возникли колоссальные возможности заявить о себе и добиться реализации своих потребностей, “упаковав” намерения в привлекательный образ” [4, с. 8]. Именно “привлекательный образ” чаще всего используется в бизнес-презентациях. Привлекательность можно представить визуально, а можно, в целях оказания желаемого воздействия, использовать единицы языка и речи. Важным для нас является проследить, как человек использует язык для создания речевого произведения с тем, чтобы оказать воздействие на других людей, так как “воздействуя, говорящий осуществляет определенную коррекцию ценностей у объекта речевого воздействия” [2, с. 38]. Здесь кроется манипулятивная природа воздействия. Авторитетный специалист по проблемам психологии манипуляции Е. Л. Доценко понимает под манипуляцией “вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями” [1, с. 58].

Отечественный ученый О. Л. Михалева выделяет следующие стратегии, используемые для оказания воздействия: стратегия на понижение, на повышение и стратегия театральности, каждая из которых реализуется благодаря актуализации определенного набора тактик [3, с. 54–83]. Степень успешности манипуляции зависит от того, насколько широк арсенал используемых манипулятором средств психологического воздействия и насколько манипулятор гибок в их использовании.

Представляется интересным проанализировать выступление бизнесмена на предмет использования манипулятивных стратегий и тактик для достижения своих целей. Обратимся к выступлению Гордона Гекко в фильме “Wall Street: Money Never Sleeps”. Недавно вышедший из тюрьмы после восьми лет заключения финансовый магнат, потерявший все свое состояние, теперь пишет книги и выступает с лекциями, его задача — продать свою книгу.

В начале речи г-н Г. Гекко прибегает к стратегии театральности, которая реализуется посредством тактик размежевания и информирования. Он обращается к слушателям, употребляя местоимение *you* (вы), тем самым дистанцируясь от них и называя своих слушателей обманутым поколением, у которого нет дохода, работы и капитала. Для усиления эффекта пренебрежения оратор использует лексему *to screw*, которая имеет отрицательное значение, а сфера ее употребления — разговорный стиль. Вместо нейтрального слова “обмануть”, в английском варианте *to treat smb. unfair* [6, p. 1274], оратор намеренно идет на снижение.

You are all pretty much screwed. You do not know it yet, but you are the ninja generation. No income, no job, no assets [5]. Одновременно с манипулированием оратор использует ряд риторических техник для воздействия на слушателей. Формат “загадка-разгадка” призван заинтриговать аудиторию, заставив их задуматься о том, что последует дальше. Список из трех компонентов, придающий особую значимость словам, — один из самых распространенных приемов, который создает впечатление завершенности и содержится во многих знаменитых изречениях.

Далее оратор меняет свою тактику на кооперацию, используя прием “свой / чужой”. Разделение на “своих” и “других” уже подразумевает манипуляцию: *We are all drinking the same Kool-Aid* [5]. Для единения с аудиторией он употребляет личное местоимение *we* и использует метафору, чтобы эмоциональнее выразить, как безоговорочно в экономических вопросах народ в США доверяет своему правительству.

Как опытный оратор, г-н Гекко осознает: чтобы эффективно манипулировать людьми, необходимо максимально учитывать фактор адреса. Неслучайно он ссылается в речи на общие для большинства людей ценности и интересы: *We all know the prices of houses in America always go up* [5]. Более того, оратор очень искусно и наглядно рисует образы, зная, что они обладают сильным потенциалом психологического воздействия, “механизм которого основан на ассоциации между образом и релевантной ему потребностью или мотивационной установкой” [1, с. 157].

Чтобы аудитория поверила оратору, он информирует ее о том, как крупные банкиры зарабатывают деньги, обманывая людей. Здесь реализуется стратегия “игры на понижение”, стремление развенчать позиции соперника, через использование следующих тактик: *I honestly think there's may be only 75 people in the world that know what they are* [5], — тактика иронизирования над своими оппонентами.

So he starts leveraging his interests up to 40, 50 to one. With your money. Not his, Yours! Because he could. You're supposed to be borrowing, not

them! [5] — тактика анализ-“минус”, которая предполагает, что предложенные факты вызовут у слушателей отрицательное отношение к описываемому.

Last year ladies and gentlemen 40% of all corporate profits came from financial services. Not production, not anything remotely to do with needs of the American public [5], — тактика обвинения оппонентов. Выступающий не употребляет конкретных имен, а тяготеет к обобщенным и неопределенным номинациям, в результате чего оппоненты предстают как некая абстрактная сила.

Нарисовав довольно тревожную картину состояния дел в экономике и дискредитировав противников, оратор представляет себя в привлекательном виде — стратегия на повышение: *Now I have been considered a pretty smart guy when it comes to finance. Maybe I was in prison too long, but sometimes it is the only place to stay sane, looking out from the bars and say: Hey, is everyone out there nuts?* [5]. Даже факт отбывания срока в тюрьме за мошенничество с ценными бумагами г-н Гекко преподносит как положительный. Он единственный сохранил способность здраво мыслить: *I hate to tell you this, but it is a bankrupt business model. It won't work. It is systemic, malignant and its global. Like cancer, it is disease* [5]. Оратор использует триаду и сравнение для большей убедительности своих слов. *And we got to fight it back. How are we going to do that? I'll tell you* [5]. В заключении речи он включает слушателей в свою личную сферу, создавая семантическое поле “свои” и предлагая выход из сложившихся проблем.

Широкий спектр тактик и самоподача бизнесмена позволяют ему достигнуть желаемой цели. Таким образом, деловой презентационный дискурс — еще одна сфера, где активно реализуется манипулятивное воздействие.

Список литературы:

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита // URL: http://www.koob.ru/docenko_e/psihologia_manipulacii (дата обращения 20.09.2013).
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 3-е, стер. М. : Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
3. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2005. 320 с.
4. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография. М. : Гнозис. 2007. 407 с.
5. Gordon Gekko “Money never sleeps” // URL: http://www.youtube.com/watch?v=5EAA37N_zw (дата обращения 15.04.2015).
6. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition, Oxford, 2002. 1692 p.

Сведения об авторе: Иванова Юлия Евгеньевна, к.ф.н., доцент,
Московский городской педагогический университет, Москва;
email: i_je@mail.ru

MANIPULATIVE STRATEGIES IN BUSINESS PRESENTATION DISCOURSE

Yulia E. Ivanova

Associate Professor, Moscow City Teacher-training University;
email: i_je@mail.ru

Abstract

It is of vital importance for business people nowadays to use impact techniques in business presentations to persuade their listeners to act or think in a certain way. It is not enough simply to inform customers about a new product or service, you must create an attractive image. This attractiveness can be represented visually and can, in order to provide the desired effect, use a unit of language and speech. The term “persuasion” is frequently and closely associated with the term “manipulation”. The basic feature of manipulative influence is that the manipulator tries to hide his intentions; it is characterized by subtlety and agility in the implementation of the impact on the recipient as well as the creation of his illusions to make independent solutions. At the heart of the process is the impact on the emotions. A wide range of manipulative strategies and tactics used in business presentations, allows businessmen to implement successfully their plans and goals to affect the listeners.

Key words: Manipulative influence, strategies and tactics, rhetorical devices, business presentation discourse.

References:

1. Docenko, E. L. *Psikhologiya manipulacii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of Manipulation: The Phenomena, Mechanisms and Defence] // URL: http://www.koob.ru/docenko_e/psihologia_manipulacii (data obrashcheniya 20.09.2013).
2. Issers, O. S. (2003). *Kommunikativnye strategii i taktiki russokoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of the Russian Language]. 3rd ed. M.: Editorial URSS. 284 p.
3. Mikhaleva, O. L. (2005). *Politicheskii diskurs kak sfera realizacii manipuliyativnogo vozdeistviya* [Political Discourse as the Scope of Implementation of the Manipulative Impact]. Irkutsk: Izd-vo IGU. 320 p.
4. Olanich, A. V. (2007). *Prezentacionnaya teoriya diskursa* [Presentation and Discourse Theory]. M.: Gnozis. 407 p.
5. Gordon, Gekko, “*Money never sleeps*”. URL: http://www.youtube.com/watch?v=5eEAA37N_zw (data obrashcheniya 15.04.2015).
6. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. (2002). International Student Edition, Oxford. 1692 p.

Влияние учебников английского языка на мировоззренческие и межкультурные представления

Е. В. Карпец

Саратовский государственный университет

Аннотация

Исполняя роль репрезентатора культуры других стран, учебник английского языка оказывает серьезное влияние на мировоззренческие и кросс-культурные представления: способствует формированию культурной картины мира, трансформирует отношение к миру иной культуры, усиливает процессы самоидентификации. Для подтверждения данного предположения автор исследования применяет разные подходы. В процессе анализа современных учебников английского языка, а также анкетирования студентов, были определены функции, реализуемые данными учебниками. Некоторые из этих функций наиболее интересны в контексте формирования кросс-культурных представлений. Анкетирование выявило, что учебник способствует возникновению определенных образов иной культуры, причем представления студентов примерно идентичны: все они обращают внимание прежде всего на национально-специфические компоненты. Причем студенты выражают собственное отношение к явлениям иной культуры, сравнивают их с похожими аспектами родной культуры. Количественный и качественный анализ социокультурного содержания ряда современных учебников позволил составить ассоциативный ряд, возникающий при работе с данными учебниками, который свидетельствует о том, что формирование культурной картины мира имеет место. Несмотря на разнородность составляющих ее элементов, данная картина представляет собой определенную целостность.

Ключевые слова: английский язык, учебники английского языка, культурная картина мира, мир иной культуры, функции учебника.

В современном мультикультурном мире любой язык и более всего английский используется в приложении к иноязычной культуре. Способность английского языка описывать разнообразные культуры мира отображается в языковых учебниках последнего десятилетия. Следовательно, можно предположить, что современные учебники английского языка оказывают влияние на мировоззренческие и кросс-культурные представления тех, кто ими пользуется, являются важным звеном в формировании культурной картины мира. Для под-

тверждения данного предположения были применены разные подходы, один из которых — функциональный.

Анализ современных учебников английского языка выявил ряд реализуемых ими функций. Некоторые из них интересны в контексте формирования кросс-культурных представлений, например, функция разграничения и интеграции человеческих групп. При освоении новой культуры происходит идентификация собственной. При работе над текстом “Gateway to the Global Village” [1, с. 47] изучающие учебник узнают, что в Лондоне проживает большое сообщество представителей Индии. Находясь в данном районе, можно попробовать индийскую еду, почувствовать ароматы специй, увидеть женщин в сари, послушать индийскую музыку. Студенты соотносят полученную информацию с собственной культурой и озвучивают тот факт, что в России индийцы — редкое явление. Однако часто встречаются представители Армении, Грузии, Азербайджана, слышен их язык, есть возможность попробовать их национальную еду.

В процессе коммуникации с иной культурой обнаруживается не только национально-специфическое, но и общее — культурные универсалии. Читая текст о том, что в Великобритании проводятся многочисленные соревнования по настольным играм (текст “Power Play” [2, с. 9]), студенты начинают обсуждение о том, что в России существует множество шахматных клубов, где можно научиться играть в эту игру или улучшить свои навыки, а соревнования по шашкам, шахматам, нардам — повсеместное явление.

Учебник вырабатывает определенное отношение к явлениям другой культуры, так как они оцениваются с позиции собственной, в чем проявляется его аксиологическая функция. Оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Работая над текстом “Living in the Big Apple” [1, с. 41], студентка так прокомментировала полученную информацию: “It was unbelievable to learn that unemployed people can live quite well in New York and do not display self-pity. They can get financial support, food stamps; they can sell things, find good food and free shower. In our country the unemployed do not have enough support” (“Я очень удивилась, когда узнала, что безработные могут жить довольно хорошо в этом городе (Нью-Йорке) и не показывают жалости к себе. Они могут получать финансовую помощь, талоны на питание. Они что-нибудь продают, а также находят места, где можно хорошо поесть и принять душ. В нашей стране безработные не получают достаточной поддержки”).

Следовательно, у изучающих учебник складываются определенные образы-представления о мире иноязычной культуры, формируется отношение к явлениям этого мира, происходят процессы самоидентификации.

Метод анкетирования также помог подтвердить факт влияния учебников на формирование культурной картины мира. Студентам было предложено проанализировать социокультурное содержание нескольких текстов учебника “Fast Track to FCE” и затем ответить на вопрос: “What have you learnt about another culture?” (“Что нового Вы узнали об иной культуре?”). Свои мысли участники анкетирования могли передавать в любой письменной форме.

Выявлено, что ответы студентов были примерно идентичны: они выделяли явления, отличающиеся от их собственной культуры. Причем давалась оценка данным явлениям и проводилось сравнение с родной культурой, хотя этого и не требовалось. Обнаружено, что у студентов формируются определенные образы иной культуры. Например, представления о британцах и их образе жизни можно передать в вербализованном виде так: британцев отличает сдержанность и организованность; они гордятся субъектами своей культуры, бережно относятся к своему духовному наследию; в качестве времяпровождения британцы выбирают активные, иногда рискованные, виды деятельности, такие как банджи-джампинг, кейвинг, стрельба из лука и др., одновременно не отказываясь от настольных игр, требующих умственного напряжения.

Количественный и качественный анализ социокультурного содержания ряда современных учебников, например, “English Unlimited B2” [3], помог построить ассоциативный ряд, возникающий при изучении данного учебника (здесь представлена только часть этого ряда, в полном ряде — 21 страна):

- Индия: индуистский фестиваль весны Холи, математик Рамануджан Сриниваса, язык хинди и бенгали, люди в сельской местности уважают и боятся врачей, но верят в традиционные методы исцеления от болезней.
- Япония: чайные традиции, легенда о чайном мастере Рикю и военном лидере Тоетоми Хидеоши, статуя “последнего истинного самурая” Сайго Такамори, храм Сенсоджи, театр Кабуки, магазин игрушек Хакухинкан (Токио), сад камней Риоанджи, Золотой павильон Кинкакудзи (Киото), Будда, Зениарай Бентен (Храм Отмыкания Денег) (Камакура), риоканы (традиционные отели).
- Польша: город Величка, соляные шахты, легенда о соляной шахте и женьитбе краковского князя Болеслава на венгерской принцессе Кинге, пятнадцатиметровая пальма Йоанны Райковской “Привет с Иерусалимской авеню”, экстравагантные свадьбы.
- Великобритания: скульптура Ангел в Гейтсхеде, Ночь Гая Фокса, автор детективов об инспекторе Джоне Ребусе Иан Ранкин, картина Уильяма Фредерика Йеймса “Когда ты в последний раз видел своего отца?”, Мэри Шелли “Франкенштейн”, Самюэль Тэйлор Кольридж “Кубла Хан”, BBC.

- Китай: Запретный город, Храм Неба, национальный стадион Птичье Гнездо, Великая китайская стена.
- Россия: первая женщина-космонавт Валентина Терешкова, президент Владимир Путин, Санкт-Петербург.

Ясно, что формирующаяся культурная картина мира не может быть полной, поскольку содержание учебника затрагивает только отдельные культурные аспекты. Тем не менее она представляет собой определенную целостность. Социокультурное содержание учебника влияет на логику соединения разнородных элементов в эту целостность, отбор и систематизацию культурных элементов.

Итак, содержание современных учебников английского языка оказывает серьезное влияние на мировоззренческие и межкультурные представления: способствует формированию культурной картины мира, трансформирует отношение к миру иной культуры, усиливает процессы самоидентификации.

Список литературы:

1. Fast Track to FCE: Coursebook / A. Stanton, M. Stephens. Edinburgh Gate ; Harlow : Pearson Education Limited, 2010. 210 p.
2. Fast Track to FCE: Exam Practice Workbook / J. Allemano, M. Stephens. Harlow : Pearson Education Limited, 2010. 113 p.
3. English Unlimited B2 : Upper Intermediate Coursebook with e-Portfolio / A. Tilbury, L. Hendra, D. Rea, T. Clementson. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 160 p.

Сведения об авторе: Елена Витальевна Карпец, доцент, Саратовский государственный университет; email: elenakarpets24@mail.ru

THE INFLUENCE OF ENGLISH LANGUAGE TEXTBOOKS ON SELF-DEFINITION AND CROSS-CULTURAL VISION OF THEIR USERS

Elena V. Karpets

Associate Professor, Saratov State University; email: elenakarpets24@mail.ru

Abstract

Representing other cultures, a foreign language textbook has a considerable influence on cross-cultural vision of those who use it. It facilitates forming a culture world view, changes attitude towards the world of another culture, stimulates processes of self-definition. To justify the suggestion various approaches have been taken. While studying the present day English language textbooks and processing the results of the questionnaire completed by the students a number of functions performed by the textbooks were revealed. Some of them are of a particular interest in terms of

forming cross-cultural vision. The questionnaire led to the conclusion that the work on a textbook contributes to building up images of this or that culture. It should be noted that the students' images were nearly identical. They all pointed out national specific components of another culture. It is worth mentioning that the students willingly expressed their attitude towards the aspects of another culture, compared them to the similar ones of their own culture. The quantitative and qualitative analysis of the textbook contents allowed making an array of associations that are evoked while using the textbooks. The associations confirm the fact the culture world view is formed. Moreover, its heterogeneous elements come together to make a whole.

Key words: the English language, English language textbooks, culture world view, the world of another culture, textbook functions.

References:

1. Stanton, A. & Stephens, M. (2010). *Fast Track to FCE: Coursebook*. Edinburgh Gate; Harlow: Pearson Education Limited.
2. Allemano, J. & Stephens, M. (2010). *Fast Track to FCE: Exam Practice Workbook*. Harlow: Pearson Education Limited.
3. Tilbury, A., Hendra, L., Rea, D. & Clementson, T. (2011). *English Unlimited B2 : Upper Intermediate Coursebook with e-Portfolio*. Cambridge : Cambridge University Press.

Кросс-культурная значимость лингвистической коннотации

Н. Н. Кислицына

Таврическая академия Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского

Аннотация

Появление новых терминов и понятий обуславливает необходимость их сопряжения с уже устоявшимися определениями. К таким понятиям можно отнести “кросс-культурный”, “интеркультурный”, “транскультурный”, с одной стороны, а, с другой стороны, понятия “значимость” и “коннотация”. Коннотация представляет собой маргинальное, метафорическое, переносное значение слова, содержащее оценочную информацию. Факторы, влияющие на формирование коннотативного значения, определяются социокультурным фоном. Их наличие может служить основой сравнения разных языков, а вот

составляющие этих факторов часто приводят к расхождению коннотаций у слов-эквивалентов. Сравнение коннотативных значений таких слов является необходимым условием для определения значимости языковой единицы. Поэтому изучение коннотативного значения, ограниченное рамками одного языка, недостаточно, ибо не позволяет в полной мере выявить и обозначить весь диапазон свойств значения слова.

Ключевые слова: коннотативное значение, значимость языковой единицы, кросс-культурный подход, сопоставительное изучение языков.

Терминологический аппарат современной лингвистики постоянно обогащается новыми словами, которые, проходя теоретическую и практическую апробацию, либо бесследно исчезают, либо получают междисциплинарное распространение. Нередко становление отдельных терминов является косвенным доказательством формирования новых парадигм знания, возникновения новых подходов к изучению различных явлений. Так, последнее десятилетие наблюдается значительный рост частотности употребления терминов “кросс-культурный”, “интеркультурный” и “транскультурный”. Прежде чем предположить наше понимание кросс-культурной значимости лингвистической коннотации, хотелось бы делимитировать приведенные выше термины, определить их пределы и степень прозрачности границ их содержания.

Внутренняя форма термина “кросс-культурный” может быть проинтерпретирована как “существующий на пересечении культур”. Этимология слова *пересечение* восходит к праславянскому *sěkti, что в числе прочих имело значения “насечь”, “высечь”, “отрубить”, “убивать”, а также “битва”, “война” [10, с. 159–160], что недвусмысленно намекает на поле боя. Превратится ли область кросс-культурного взаимодействия в поле боя или стол переговоров, увенчавшихся успехом, во многом зависит от готовности сторон услышать и понять друг друга, правильно истолковать действия и намерения оппонента.

Параллельно термину cross-cultural, заимствованному из английского языка, употребляется его русскоязычный эквивалент — “межкультурный”. Существует мнение, что слово “межкультурный” имеет более узкое значение и предполагает изучение взаимодействия и сравнение *двух* культур. Этим, возможно, обуславливается частотность употребления таких коллокаций, как “*межкультурный диалог*”, “*межкультурный диссонанс*”, содержащих морфему “ди” (от греческого *-di* — два), сигнифицирующую необходимость присутствия двух составляющих. Однако фактическое употребление многих подобных слов свидетельствует о тенденции расширения их значения. Так, само

слово “диалог”, согласно существующим толкованиям, предполагает участие в процессе “двух или нескольких лиц” [4, с. 397]. Определяя суть понятия “диалог”, Э. Чернокожева рассуждает: “...основа каждого диалога определяется следующими условиями: 1) наличие двух или более сторон, т. е. определенное количество различий; 2) взаимный обмен информацией <...>; 3) готовность понять информацию, либо точку зрения другой стороны; 4) разработка совместного языка <...>; 5) попытка увидеть себя со стороны” [9, с. 105–109]. В нашей работе примем в качестве условия следующее: межкультурная коммуникация предполагает участие двух и более несхожих в культурном плане сторон; в случае, если требуется намеренно подчеркнуть значительное количество участников, следует говорить о поликультурной коммуникации (полилоге — соответственно).

Цель проведения кросс-культурных исследований заключается в изучении многообразных показателей, их сравнении и систематизации. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, полноценное кросс-культурное взаимодействие осуществляется при условии учета менталитета, традиций, стереотипных представлений, норм поведения, свойственных всем контактирующим сторонам [6]. Термином, близким по смыслу слову “кросс-культурный”, является слово “интеркультурный”. В некоторых контекстах они даже взаимозаменяются авторами, а слово *intercultural* часто переводят на русский язык не его морфологической передачей, а как “межкультурный”, т. е. аналогично переводу *cross-cultural*.

Немецкий писатель, поэт и переводчик Хольгер Швенке, рассуждая о необходимости учета “традиций, нравов, обычаев и моральных норм людей разных культур”, проживающих на территории Германии, отметил “постепенное продвижение от ‘мульти’ через ‘интер’ к ‘транс’, что имеет прямое отношение к степени сознательного обращения с содержащимися в них нюансами” [11]. По его мнению, смысл этих нюансов можно выразить следующим образом: “Мультикультурный” соответствует пассивной толерантности, которая, в конечном итоге, может привести к возникновению параллельных обществ. ‘Интеркультурный’ может означать весьма конструктивный диалог между культурами. И, наконец, ‘транскультурный’ — это то, что даже к реальному культурному взаимобмену привести может” [11]. Начальная составная часть сложных слов *транс-* имеет следующие значения: 1) движение через пространство, пересечение его; 2) находящийся за пределами чего-либо [8]. Если проанализировать контексты, содержащие слова с компонентом *транс-*, то мы увидим, что все эти “перемещения через значительные пространства” имеют своей целью не столько “пересечь”, сколько “соединить, установить контакт”: “Предлагаемый трансконтинентальный мост должен соединить более чем 40 стран с населением 2,2 млрд чел. разных наций, национальностей, этнических групп, верований, религий, находящихся на разных этапах

экономического и культурного развития, проживающих на территории в 39,7 млн кв. км» [7]. Таким образом, термин “транскультурный” предполагает существование налаженного диалога культур.

Завершая анализ соотносящихся терминов, приходим к следующим выводам: мультикультурный — подчеркивает наличие множества культур, но никак не характеризует стиль их отношений (возможно их параллельное существование); кросс-культурный — выделяет особую зону пересечения разных культур; интеркультурный — акцентирует внимание на необходимости взаимодействия представителей разных культур; транскультурный — свидетельствует о предпринятых попытках осуществления взаимовыгодного сотрудничества.

Так в чем же заключается кросс-культурная значимость лингвистической коннотации? Оставив в стороне рассмотрение причин терминологической неопределенности, которая существует вокруг коннотации (так, например, в грамматике Пор-Рояля употребляется омонимичный термин “коннотация” [1, с. 31]), попытаемся дать общее определение, которое было бы созвучно взглядам Л. Блумфильда на коннотацию в рамках его бихевиористского подхода к концепции значения и идеям ельсмеровской коннотативной семиотики. Итак, коннотация представляет собой маргинальное, метафорическое, переносное значение слова, содержащее оценочную информацию и зависящее от социокультурных факторов, доминирующих в определенном лингвосоциуме. Существование коннотации как лингвистической универсалии связано также с когнитивными особенностями *Homo sapiens*: “Избирательность человеческого сознания влечет за собой дифференциацию коннотаций в разных языках у лексем-эквивалентов: *turkey* ‘индюк; индейка’ — ‘тупица, ничтожество; медлительный человек, тюфяк’ — в английском языке, но ‘надменный, гордый человек’ — в русском языке” [2, с. 82–83].

Коннотативное значение содержит в себе элементы смысла, содержащие “признаки, функционально значимые для соответствующей культуры” [3, с. 10], и несет информацию относительно некоторого явления или предмета, сформированную и закрепленную в сознании определенного лингвосоциума и отсутствующую в сознании иного лингвосоциума. Сравнение такой информации является необходимым условием для определения значимости языковой единицы, так как, по словам Ф. де Соссюра, содержание слова “определяется как следует лишь при поддержке того, что существует вне его. Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще, главным образом, значимостью” [5, с. 148]. Таким образом, кросс-культурная значимость лингвистической коннотации заключается в том, что в зоне пересечения различных культур фрагмент с коннотативно нагруженными языковыми единицами создает серьезные коммуникативные помехи. Для устранения этих помех необходимо

использовать фильтры в виде своеобразных рекомендаций, задающих высокую степень “чувствительности” для выявленных зон напряжения и учитывающих особенности национального менталитета, стереотипы, зафиксированные в значении слова.

Список литературы:

1. Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 128 с.
2. Кислицына Н. Н. Когнитивные основы коннотации // Германістика у XXI столітті: когнітивна, соціо- та прагмалінгвістика. ІІ. Харків : ХНУ, 2012. С. 82–83.
3. Пименова М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М. В. Пименовой. 2004. Вып. 4. Кемерово. 208 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. I. А — Й. 1985. 696 с.
5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 695 с.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово, 2008. 624 с.
7. Титаренко М. Л. “Трансконтинентальный мост АЗИЯ — ЕВРОПА” и перспективы российско-китайского сотрудничества // Обозреватель. Внешняя политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.nasledie.ru/oboz/N04_99/4_05.HTM (Дата обращения 05.04.15).
8. Толковый словарь русского языка : более 40 000 слов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tolkru.com/page/trans____.php (Дата обращения 05.04.15).
9. Чернокожева Э. Межкультурный диалог: концепты и практические шаги // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. Вып. 1. С. 105–109.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз., 2001. Т. 2. Панцирь — Ящур. 560 с.
11. Швенке Х. Мультикультурный, интеркультурный, транскультурный — культурный? // Студия : Независимый русско-немецкий литературный журнал. 2010. № 14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/studio/2010/14/sh22.html> (Дата обращения 04.04.2015).

Сведения об авторе: Наталья Николаевна Кислицына, к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия; email: nkislitsyn@rambler.ru

CROSS-CULTURAL SIGNIFICANCE OF THE LINGUISTIC CONNOTATION

Natalia N. Kislitsyna

Associate Professor, Taurida Academy of Vernadsky Crimean Federal University, the Department of Foreign Languages for Science Faculties, Simferopol, Russia; email: nkislitsyn@rambler.ru

Abstract

Constant appearance of new terms requires their adaptation to the well-established terminological system, on the one hand, and, on the other, proper interpretation, taking into consideration their multidisciplinary nature. The linguistic significance of the notions cross-cultural, intercultural and transcultural might be considered in the light of the concept connotation. This marginal, metaphoric, transferred meaning of the word depends on social, cultural factors which dominate in a particular linguistic society. The study of the connotative meaning is mostly beneficial when it is carried out on the material of several languages and has a comparative-contrastive nature: this approach helps to reveal the “hidden” shades of meaning not only in the foreign languages, but also in the native ones.

Key words: connotative meaning, significance of the language unit, cross-cultural approach, comparative / contrastive study of languages.

References:

1. Arnauld, A. & Lancelot, C. (1991). *Vseobshchaia ratsional'naia grammatika (Grammatika Por-Roialia)* [Port-Royal Grammar]. Leningrad: Leningrad University Press. 128 p.
2. Kislitsyna, N. N. (2012). Kognitivnye osnovy konnotatsii [Cognitive basics of connotation]. *Germanistika u XXI stolitti: kognitivna, sotsio- ta pragmalingvistika. II*. Kharkiv: KhNU. P. 82–83.
3. Pimeniva, M. V. (2004). Predislovie [Foreword]. *Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku* (M. V. Pimenova, ed.). 4th ed. Kemerovo. 208 p.
4. AS USSR, Institute of Russian Language; A. P. Evgeneva (Ed.). (1985–1988). *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian Language]. Vol. 1–4. (3th ed.). M.: Russian Language. V. I. A — Ы. (1985). 696 p.
5. Sossiur, Ferdinand de. (1977). *Trudy po iazykoznaniuu* [Works on Linguistics]. M.: Progress. 695 p.
6. Ter-Minasova, S. G. (2008). *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and intercultural communication]: (Study guide). M.: Slovo. 624 p.
7. Titarenko, M. L. “Transkontinental'nyi most AZIIa — EVROPA” i perspektivy rossiisko-kitaiskogo sotrudnichestva [“Transcontinental bridge Asia — Europe” and perspectives of Russian and Chinese cooperation]. *Obozrevatel'. Vneshniaia politika* [Electronic resource]. — mode of access: http://old.nasledie.ru/oboz/N04_99/4_05.HTM (Accessed 05.04.15).

8. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka : bolee 40 000 slov* [Usage dictionary of Russian language: more than 40 000 words]. [Electronic resource]. — mode of access: http://tolkru.com/page/trans____.php. (Accessed 05.04.15).
9. Chernokozheva, A. (2009). Mezhtkul'turnyi dialog: kontsepty i prakticheskie shagi [Intercultural Dialog: concepts and practical steps]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, 1, 105–109.
10. Chernykh, P. Y. (2001). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Vol. 1–2. (4th ed.). M.: Russian language. V. 2: Пандирь — Ящур. 560 p.
11. Schwenke, Holger. (2010). Mul'tikul'turnyi, interkul'turnyi, transkul'tur-nyi — kul'turnyi? [Multicultural, intercultural, transcultural, — cultural?]. *Studia*, 14. [Electronic resource]. Mode of access: <http://magazines.russ.ru/studio/2010/14/sh22.html> (Accessed 04.04.2015).

О роли культурного контекста в развитии навыков межкультурной коммуникации

В. Ш. Курмакаева
МГИМО МИД России

Аннотация:

Данная статья посвящена проблеме повышения эффективности развития навыка межкультурной коммуникации на занятиях английским языком. Актуальность проблемы связана с тем, что попытки развитие этого навыка и включения элементов обучения межкультурной коммуникации в процесс обучения иностранному языку зачастую предпринимаются исключительно на лингвистическом уровне, без учёта широкого культурного контекста, что не даёт желаемого результата. В статье приводятся основные проблемы русскоговорящего студента при освоении этого навыка и даются рекомендации по их решению.

Ключевые слова: Межкультурная коммуникация, высокий/низкий контекст, ситуационный фрейм, культура, межкультурная чувствительность, аргументация, неформальная логика, симулятивные игры, рефрейминг.

Межкультурная коммуникация (МК) — понятие, ставшее привычным в любом обсуждении преподавания иностранных языков. Сложно найти человека, связанного с преподаванием, который будет отрицать важность этого понятия для процесса преподавания и его эффективности. Так или иначе, преподаватели стараются учитывать различные осо-

бенности МК в своей работе и включать её элементы в учебный процесс, однако, нельзя сказать, что все задачи и вопросы в этой области решены.

На наш взгляд есть некоторые особенности и различия англоязычной и русскоязычной коммуникации, которые до сих пор либо полностью игнорируются в преподавании английского языка, либо учитываются недостаточно. В частности, это связано с тем, что такие особенности не являются чисто лингвистическими, а включают в себя и культурные и психологические аспекты.

Так, например, есть культурные особенности, которые, как правило, не позволяют русскоговорящему студенту, изучающему английский язык, участвовать в коммуникации на английском языке так, чтобы звучать аутентично. Под аутентичностью мы понимаем не столько богатый словарный запас и хорошее произношение, сколько знание некоторых кодов этой коммуникации, которое и делает её успешной или, как минимум, адекватной. Такие коды бывают как экстралингвистические, так и лингвистические. К первым относятся культурные особенности коммуникации и контекст. И вот для того, чтобы производить в иноязычной коммуникации не произвольное, а именно то впечатление, которого хочет говорящий, необходимо понимать культурные реалии на довольно глубоком уровне; понимать, что вербальная коммуникация — это лишь видимая вершина очень большого культурного айсберга.

Культура определяет, что мы выделяем в контексте, осознанно или нет, и что игнорируем. Все уровни коммуникации, включая язык, определяются контекстом. Об этом, в частности, писал антрополог Эдвард Холл в своих книгах *Beyond Culture* и *The Silent Language*, в которых он исследовал различные особенности культур, влияющие на МК. И вот, с одной стороны, вроде бы очевидно, что необходимо изучать чужую культуру для того, чтобы адекватно участвовать в коммуникации на языке её носителей, но, на самом деле, так же важно, если не ещё более важно, знать и понимать свою собственную культуру, потому что, как утверждал Холл, культура скрывает больше, чем открывает, и, как ни странно, наиболее эффективно она скрывает это от своих носителей.

Так, нам представляется полезным использование модели межкультурной чувствительности Милтона Беннета, показывающей развитие МК от этноцентризма к этнорелятивизму, т.е. от более жёсткого восприятия, а иногда и неприятия, чужой культуры в сторону более гибкого отношения к культурным отличиям вплоть до их включения в свой собственный опыт. Такое развитие проходит, по Милтону, через 6 стадий (3 этноцентрических и 3 этнорелятивистских): отрицание, защита, минимизация, принятие, адаптация и интеграция. Понимание участником коммуникации, на какой стадии находится он сам, повышает эффективность развития им навыка МК. Эта модель также объясняет, почему включение элементов МК в обучение иностранному

языку часто не приносит желаемых результатов — обучаемый иногда просто психологически не готов к восприятию такой информации.

Если говорить конкретно про особенности англоговорящей и русскоговорящей культур, то, согласно Холлу, они относятся к разным типам, которые он назвал культурой высокого контекста (ВК) и культурой низкого контекста (НК). Коммуникация или сообщение ВК, которые характерны для русскоговорящего социума, отличаются тем, что только малая часть передаваемой информации содержится в эксплицитной, собственно, языковой части сообщения. Коммуникация или сообщение НК, характерные для англоговорящего социума, напротив, стремятся к передаче как можно большего количества информации в эксплицитной части сообщения. Все уровни коммуникации определяются контекстом. Контекст формируется как внутри участников коммуникации, так и в окружающем их мире. Внутренняя часть контекста формируется в мозге как результат предыдущего опыта контекстуализации и работы нервной системы. Внешняя часть контекста включает все особенности и параметры среды, в которой происходит коммуникация. Значение, таким образом, появляется на стыке новой ситуации коммуникации и готовности воспринять её реципиентом, заданной его собственным опытом.

Минимальной значимой единицей культуры Холл считал ситуационный фрейм. Само понятие ситуационного фрейма, согласно Холлу, стремится, скорее, в сторону высокого контекста. Это означает, что для того, чтобы коммуникативный акт состоялся, необходимо, чтобы его участники примерно одинаково считывали контекст ситуации; одного уровня слов недостаточно. Как нам кажется, такой подход к коммуникации, с одной стороны, очень близок к фреймовой теории значения в лингвистике, а, с другой, даёт выход в экстралингвистические области, что предоставляет большую свободу интерпретации и освоения коммуникативного навыка.

Надо отметить, что это понятие очень тесно пересекается с идеями и понятиями фреймовой семантики Ч. Филлмора, который сначала рассматривал фрейм исключительно лингвистически как систему выбора языковых средств (слов, грамматических правил и языковых категорий), но затем стал толковать их шире, как когнитивные структуры знания. В современной когнитивистике фрейм трактуется по-разному, но, так или иначе, это понятие связывает значение слова и коммуникативную ситуацию, то есть показывает механизм актуализации лингвистического значения в культурном контексте.

Если описывать трудности русскоязычного участника англоязычной коммуникации с точки зрения ВК vs НК, то можно выделить следующие:

- Недооценка “формы” и переоценка “содержания” (в действительности, это означает, что человек не справляется с передачей сооб-

щения, поскольку, считая, что у него есть некое сверхценное содержание, которое в любом случае дойдёт до реципиента именно в силу своей безусловной ценности, вне зависимости от выбранного способа доставки, он пренебрегает простейшими правилами презентации этого содержания; на поверку зачастую оказывается, что именно “форма” выявляет слабые стороны “содержания” и является, таким образом, отличным тестом его качества);

- Пренебрежение языком политкорректности и лексическая экономия в ущерб нормам вежливости в английском;
- Избыточное использование отрицательных структур и императивов;
- Недооценка действительного залога и, соответственно, неоправданное использования страдательного залога;
- Нечувствительность к категории модальности, проявляющаяся в использовании жёстких лексем и структур;
- Излишняя категоричность и незнакомство с основами аргументации и неформальной логики.

Для решения всех этих коммуникативных задач необходимо как можно более активно использовать на занятии симулятивные игровые форматы, уделяя особое внимание структуре и форме высказывания и упражнениям на перефразирование и положительный рефрейминг высказывания. Особенно хорошо для этих целей подходят дебаты, например, в формате британской модели парламентских дебатов. Огромным плюсом этого формата является подробная разработка правил их проведения, описание ролей всех участников, что позволяет им всем активно участвовать в дискуссии, а впоследствии тщательно разобрать все допущенные ошибки и наметить направления развития навыков каждого отдельного участника.

Список литературы:

1. Edward T. Hall. *Beyond Culture*. New York: Anchor Books Editions, 1977, 1989. 298 p.
2. Edward T. Hall. *The Silent Language*. New York: Anchor Books Editions, 1973, 1990. 209 p.
3. Линн Виссон. Русские проблемы в английской речи: Слова и фразы в контексте двух культур. Москва: Издательство “Р.Валент”, 2003 г. 192 с.
4. Milton J. Bennett. *Basic Concepts of Intercultural Communication: Paradigms, Principles, & Practices*. Second Edition. Boston: Intercultural Press, 2013. 348 p.

Сведения об авторе: Валерия Шамильевна Курмакаева, доцент, кафедра английского языка №1, факультет международных отношений, МГИМО МИД России, Москва; email: val108@yandex.ru

ON CULTURAL CONTEXT IN ACQUIRING INTERCULTURAL COMMUNICATION SKILLS

Valeria Sh. Kurmakaeva

Associate Professor, Moscow Institute of International Relations, Moscow, Russia; email: val108@yandex.ru

Abstract:

The article focuses on how to develop and master intercultural communication skills in English classes. What makes the problem topical is that all effort to develop the skills and teach and practice intercultural communication in foreign languages classes is largely purely linguistic and ignores a broader cultural context, which fails to yield the result needed. The article highlights a Russian student's major difficulties in acquiring the skills and makes suggestions how to deal with them.

Key words: Intercultural communication, high/low context, situational frame, culture, intercultural sensitivity, argumentation, informal logic, simulations, reframing.

References:

1. Edward T. Hall. *Beyond Culture*. New York: Anchor Books Editions, 1977, 1989. 298 p.
2. Edward T. Hall. *The Silent Language*. New York: Anchor Books Editions, 1973, 1990. 209 p.
3. Lynn Visson. *Where Russians Go Wrong in Spoken English: Words and Expressions in the Context of Two Cultures*. Moscow: R.Valent, 2003. 192 p.
4. Milton J. Bennett. *Basic Concepts of Intercultural Communication: Paradigms, Principles, & Practices*. Second Edition. Boston: Intercultural Press, 2013. 348 p.

Названия городов США как зеркало глобализации

А. Э. Левицкий

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Аннотация

На карте США — страны, населенной представителями разных этнокультурных образований, имеется значительное количество топонимов, маркирующих связь разными странами. Среди них номинации на английском, немецком, французском, итальянском, ис-

панском, славянских и других языках. Выделено четыре стратегии использования иноязычных имен собственных в качестве американских топонимов: 1) большинство переселенцев способствовали называнию населенного пункта СВОИМ именем; 2) жители выбрали некую ЧУЖУЮ номинацию, наиболее полно отражающую их идеологические, политические, социальные или индивидуально-личностные устремления; 3) номинация связана со страной, с которой имелись наиболее тесные торгово-экономические контакты; 4) судьбу номинации решали голосованием или бросали жребий. Наиболее популярны топонимы, заимствованные из Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании, ряда других европейских и азиатских стран. В названиях некоторых населенных пунктов США присутствуют этнонимы, что свидетельствует о контактах между представителями разных народов, об активности процесса межкультурной коммуникации в Северной Америке.

Ключевые слова: топонимы, межкультурная коммуникация, стратегии номинации, глобализация, города США.

Последнее десятилетие отмечено широким интересом к проблематике межкультурной коммуникации как одной из важных составляющих лингвокультурологии, которая изучает язык (см. [4]) как феномен культуры. Язык рассматривается как инструмент проникновения в ментальность, а следовательно, и ключ к этнической, культурной и социальной группам, к которым принадлежит индивид. Язык не просто отражает духовный Мир Человека и Культуры, но активно участвует в их формировании. Таким образом, язык, культура и социум одновременно, но с разных позиций способны влиять на мышление и мировосприятие, характерное для этноса. Таким образом, взаимосвязь языка и культуры, равно как и языка и социума, не вызывает сомнения в современной лингвистической парадигме в межкультурном аспекте (см., напр., [1; 3; 5; 7]).

Основой предпринятого нами анализа номинаций городов США в контексте глобализации явился подход, согласно которому имя собственное, в частности, топоним — это способ представления ономастического знания. Возникновение и функционирование топонима трактуется, таким образом, как акт вербализации мысли и обобщенное отражение действительности [8, с. 40]. Иными словами, доказывается мысль об отсутствии абсолютно немотивированных имен собственных [6, с. 98]. Важно, “какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире” [2, с. 498]. Номинации населенных пунктов в пространстве США фиксируют результаты когнитивной переработки информации социумом. Они отражают сознание лингвосоциума, его идеологию, философию и, в конечном

счете, культуру. Однако связь здесь не односторонняя, имена собственные и, в частности, топонимы выступают также движущей силой формирования целостности лингвокультуры, ее базовых признаков, являясь ориентирами для человека в восприятии мира.

Названия городов в пространстве США отражают связи государства и его граждан с более чем 30 странами мира, выступая маркером взаимодействия представителей разных этносов. Появление новых топонимов с иностранными корнями на карте США вписывается в действие ключевых стратегий номинации населенных пунктов, особенно активизировавшихся во время Почтовой реформы второй половины XIX века. В то время остро встала необходимость “пере-назвать” многочисленные населенные пункты из-за совпадений на территории одного штата, что усложняло работу почты.

Согласно первой из выделенных нами стратегий номинации, носители определенной культуры способствовали называнию населенного пункта СВОИМ именем. К примеру, уважаемый горожанин Питер Дименс назвал *Saint Petersburg (Florida)* в честь столицы Российской империи, где прожил половину жизни. А *Moscow (Pennsylvania)* появился из-за того, что большое количество выходцев из России настаивали на этом названии.

Согласно второй стратегии, сами жители населенного пункта выбирали некую ЧУЖУЮ для них номинацию, которая наиболее полно отражала их идеологические, политические, социальные или индивидуально-личностные устремления. Так, восхищенные героической обороной Малахова кургана в Крымской войне американцы решили назвать свой город *Malakoff (Texas)*, проявляя свою сопричастность с подвигом русских солдат. Жители же *Moscow (Maine)* до сих пор гордятся подвигом москвичей в войне 1812 году.

В результате действия третьей модели номинация связана со страной, с которой имелись наиболее тесные торгово-экономические контакты. Так, из-за тесных контактов с русскими купцами и большого к ним уважения появился *Sebastopol (Texas)*.

Имели место также случаи, когда судьбу номинации решали голосованием или всё определял слепой жребий, как произошло с *Moscow (Michigan)*.

Напоминают о глобализации следующие американские топонимы: *London, Manchester, Cambridge, Oxford, Swansea, Aberdeen, Glasgow, Madrid, Granada, Memphis, Palmyra, Athens, Troy, Sparta, Lisbon, Geneva, Stockholm, Amsterdam, Prague, Vienna, Warsaw, Belgrade, Delhi, Manila, Johannesburg, Damascus, Cairo, Nazareth, Moscow, Saint Petersburg, Riga, Odessa, Sebastopol* и многие другие. Этой же цели служит добавление перед названием города *New* (новый), что по сути доказывает, с одной стороны, определенное родство между двумя городами, а с другой — свидетельствует о стремлении американцев сделать свой город лучше:

ср. *York — New York; Orleans — New Orleans; London — New London; Prague — New Prague; Florence — New Florence; Berlin — New Berlin; Troy — New Troy* или даже “улучшить” целую страну (*New Sweden, New Germany, New Holland*).

Отмечена также и группа номинаций наиболее значимых и знаковых мест Всемирной истории (*Kremlin, Versailles, Westminster, Hyde Park, Chelsea*), местностей или административных единиц (*Transylvania, Normandy, Riviera, Westphalia, Yorkshire, Cashmere*), рек (*Volga, Danube, Avon, Jordan*), озер (*Ladoga, Balaton*), гор (*Ararat, Etna, Vesuvius*), островов (*Isle of Wright, Java, Corsica, Cecilia*) в названиях городов США.

Обобщения могут быть настолько значительными, что город может вмещать название целой страны (*Lebanon, Russia, Angola, Peru, Panama, Mexico, China, Denmark, Holland, Poland, Norway, Scotland, Jamaica, Wales, Finland, Cuba, Haity, Malta, Egypt, Cypress, Italy, Ireland, Belgium*) или обширной территории (*Iberia, Scandinavia, Palestine*), доводя “глобализацию” до всемирного (*Earth*) и вселенского масштаба (*Altair*).

Итак, предложен новый ракурс рассмотрения территориально-пространства США как основы реализации глобализационных тенденций. Антропоцентрический подход позволил раскрыть его с позиций лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Кроме того, представляется возможным по-новому подойти к анализу концептуализации мира в аспекте межкультурной коммуникации.

Список литературы:

1. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие. 4-е изд. М. : Издательский центр “Академия”, 2007. 336 с.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
3. Леонтович О.А. Введению в межкультурную коммуникацию. М. : Гнозис, 2007. 368 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2004. 208 с.
5. Молчанова Г. Г. Методы исследования в межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. М. : Изд-во МГУ. С. 7–24.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 366 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. М. : АСТ : Астрель : Хранитель, 2007. 286 с.
8. Щербак А. С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. 197 с.

Сведения об авторе: Андрей Эдуардович Левицкий, д.ф.н., профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; email: andrelev@list.ru

NAMES OF THE US CITIES THROUGH THE PRISM OF GLOBALIZATION

Andrei E. Levitsky

Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
email: andrelev@list.ru

Abstract

The names of cities and towns in the map of the USA — the country inhabited by people with different ethnocultural backgrounds — reflect connections with different countries throughout the whole world. Four strategies of using the foreign proper names as American toponyms have been singled out. They appeared when 1) the new settlers gave the name pertaining to their former country; 2) people chose a foreign name to meet their ideological, political, social and personal aspirations; 3) the name was related to the country with had close commercial contacts; 4) casting a ballot or taking a lot was introduced. Words borrowed from English, German, French, Italian, Spanish, Slavic, and other languages proved their popularity. References to ethnic groups in the names of towns testify to the contacts between representatives of different nations in the process of every-day inter-cultural communication on American soil.

Key words: toponyms, intercultural communication, designation strategies, globalization, US cities.

References:

1. Grishaeva, L. I. & Curikova, L. V. (2007). *Vvedenie v teoriju mezhkul'turnoj kommunikacii* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication]. M.: Izdatel'skij centr "Akademija".
2. Kubrjakova, E. S. (2004). *Jazyk i znanie* [Language and Knowledge]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
3. Leontovich, O. A. (2007). *Vvedeniju v mezhkul'turnuju kommunikaciju* [Introduction to Intercultural Communication]. M.: Gnozis.
4. Maslova, V. A. (2004). *Lingvokul'turologija* [Linguoculturology]. M.: Akademija.
5. Molchanova, G. G. (2011). *Metody issledovanija v mezhkul'turnoj kommunikacii: simvol kak kognitivnaja pamjat' kul'tury* [Methods of Investigation in Intercultural Communication: Symbol as the Cognitive Memory of Culture]. *Vestnik MGU. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 1, 7–24.
6. Superanskaja, A. V. (1973). *Obshhaja teorija imeni sobstvennogo* [General Theory of a Personal Name]. M.: Nauka.

7. Ter-Minasova, S. G. (2007). *Vojna i mir jazykov i kul'tur: voprosy teorii i praktiki* [War and Peace of Languages and Cultures: Problems of Theory and Practice]. M.: AST: Astrel': Hranitel'.
8. Shcherbak, A. S. (2008). *Regional'naja onomastika v kognitivnom aspekte* [Regional Onomastics in Cognitive Aspect]. Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina.

Национальная идентичность Китая: что нужно знать о ней для успешной межкультурной коммуникации

М. П. Лымарь

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Аннотация

В условиях заметного расширения российско-китайского сотрудничества актуальным является рассмотрение особенностей взаимодействия и общения с представителями китайского народа, как в международном формате, так и на уровне межличностного общения. В статье вводится понятие национальной идентичности Китая и обозначается важность ее понимания для успешного диалога с жителями Поднебесной. Также выявляются основные факторы ее формирования: географические, религиозные и языковые. Особое внимание уделяется влиянию этических норм конфуцианства на поведение этнических китайцев при взаимодействии с внешним миром. Автор раскрывает сформированные указанными факторами сложившиеся особенности, такие как принцип группового поведения, неагрессивный национализм, мощная историческая память, стабильность установленного порядка, принцип равновесия и гармонии, срединность, принцип единения без унификации, принцип непротиворечивого совмещения и другие.

Ключевые слова: Китай, национальная идентичность, ментальность, культура, коммуникация.

Обращение к внутренним социокультурным характеристикам китайской ментальности, в особенности к сформированной тысячелетиями китайской национальной идентичности, видится автору ключевым моментом для осуществления продуктивного диалога представителей данной нации с людьми различных профессий, связанных с межкультурным общением.

Под “национальной идентичностью” автор понимает культурную норму, отражающую эмоциональные и аффективные ориентации индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе [3, с. 42]. Ядро национальной идентичности составляет национальная культура.

Основные типы национальных культур описывает концепция культурных измерений Г. Хофстеде [4, с. 243], который выделяет определенные стереотипы и черты национальной ментальности, общие для тех, кто говорил на одном языке и жил вместе в одно и то же время [5, с. 87]. По данным критериям китайской культуре присущи:

- коллективизм: лояльность по отношению к “Мы-группе”; превалирование интересов общества над интересами индивида; преимушественное проживание семьями.
- феминность: эмоциональные связи между людьми, забота о других членах общества, чувства солидарности и скромности;
- большая дистанция власти: высокая степень готовности общества принимать неравенство распределения власти;
- высокая степень избегания неопределенности, которая представляет повышенный стресс для индивидов; люди не склонны к принятию быстрых изменений.

Указав общие моменты, выделим частные особенности китайской национальной идентичности, сформированные географическими, историческими, религиозно-этическими и другими факторами, на которые укажем лишь вскользь.

География. Согласно традиционным представлениям китайцев само Небо отделило их земли от остального мира естественными преградами: пустынями, горами, морями. Это естественное отделение детерминировало различия в нравственной природе народов, населявших территорию Китая.

Религия и этика. **Конфуцианство** рассматривает семью как прообраз всей общественной организации. Игнорирование семейной иерархии служит причиной беспорядка, преступности и недостаточной общественной ответственности во многих западных странах, где в основном придерживаются равных взаимоотношений. **Буддийский** вариант мироустройства мало пересматривает идею отцовской власти. Люди живут в условиях жесткой иерархии, однако социальная мобильность все же существует, так как некоторые монархи выходят из низших слоев общества. Школа **легистов** высмеивала конфуцианские рассуждения о семейном долге, справедливости, любви, называя их “игрой в слова”. Легисты исходили из того, что человек от природы зол. Для обуздания звериного начала Шан Ян и его последователи вводили превентивные наказания и принцип коллективной ответственности. Они сыграли значительную роль в практике государственного управления. Основной идеей **даосизма** явилось создание

утопического мира, где все живущие равны между собой, процесс развития есть поворот назад — к природе.

Язык — неотъемлемый элемент разума китайца. В основе языковых структур лежат структуры социокультурные. Основная графическая единица китайского письма — иероглиф, который есть картинка явления / предмета. Такова изначальная этимология его появления. Главная особенность иероглифического письма — в обратном воздействии материальной формы (иероглифов) на идеальное содержание (китайскую мысль).

“Я” китайца проявляется также в невербальном общении. Например, обычай приветствовать сложением обеих рук перед грудью символизирует нежелание нанести первый удар, или раскрытая ладонь одной руки и обхваченный ею сжатый кулак другой отражают два противоположных начала китайской натурфилософии “инь” и “ян” [2, с. 59].

Указав на основные факторы, выделим сформированные на сегодняшний день ее особенности.

Особенности национальной идентичности Китая

- Консервативный и замкнутый характер менталитета китайского народа, сформированный историческим и географическим факторами, который обеспечивает независимость, устойчивость и непрерывность самостоятельного развития китайской культуры.
- Единство, отказ от личной свободы на благо общего дела и групповое поведение как залог коллективного процветания и развития. Единство национальной идеи.
- Неагрессивный национализм и интровертная цементирующая функция национальной идентичности Китая, повышающая сплоченность китайцев, проживающих в стране, и глобальной китайской общины в целом.
- Ретроспективный даосский вектор [1, с. 187], мощная историческая память и уважение к старшим поколениям.
- Конкретность и фиксированная образность мышления.
- Стремление к гармонии и стабильности установленного порядка.
- Сформированные традициями и различными учениями внимание китайского руководства к внутренним делам подчиненных.
- Достижение равновесия между всеми слоями общества, внутренним и внешним миром, сформированное различными религиями, этиками и учениями.
- Принцип непротиворечивого совмещения, который также коренится в одновременном существовании нескольких религиозных учений на протяжении многих сотен лет.
- Принцип “срединности”. В национальном менталитете и современной политике государства он наглядно прослеживается в нескольких аспектах. Это идея соответствия получаемых результатов средним хозяйственным условиям страны, средним доходам, средним распространенным привычкам населения. Это курс на

формирование среднего класса. Этот подчинение разноплановых регионов единому центру.

- Концепция “Поднебесной”, под которой мыслился не только Китай, но и весь мир, состоящий из китайской культуры и варварской периферии, причем “внешнее” становится частью “китайского мира”, как только вступает в контакт с “внутренним”. Концепция берет начало из даосской школы.
- Конфуцианский акцент на гармонии / равновесии между всеми слоями общества, внутренним и внешним миром, также обществом и природой при сохранении их множественности и многообразия.
- Конфуцианское “единение без унификации”, принцип взаимодействия с другими народами, согласно которому Китай стремится укреплять мир, гармонию и сотрудничество с другими странами (единение) без перехода на союзнические позиции и признания чужих ценностей (унификации).

От ориентации в этих константах во многом будет зависеть успешность коммуникативного процесса и решения вопросов на уровнях повседневного и делового общения.

Список литературы:

1. Алимов И. А., Ермаков М. Е., Мартынов А. С. Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая. М.: Муравей, 1998. С. 187.
2. Барский К., Палецкий Д. Китайская грамота мимики и жестов // Азия и Африка сегодня. 1994. № 4. С. 59.
3. Ван Цюн. Влияние социокультурных особенностей и национальной идентичности Китая на Российско-Китайские отношения : канд. дисс. М., 2007. С. 42.
4. Грушевицкая Т. Г. Категоризация культуры по Г. Хофстеде: концепция ментальных программ. М.: ЮНИТА-ДАНА, 2003. С. 243.
5. Ишутина Ю. А. К вопросу о формировании этнической идентичности китайцев // Россия и АТР, 2006 г., № 3. С. 67.
6. Кочетков В. В. Социология культуры. М.: Социум, 2000. С. 87.

Сведения об авторе: Лымарь Марина Павловна, преподаватель кафедры “Иностранные языки — 1”, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; email: lymarm@mail.ru

CHINA'S NATIONAL IDENTITY: WHAT YOU NEED TO KNOW ABOUT IT FOR SUCCESSFUL INTERCULTURAL COMMUNICATION

Marina P. Lymar

Lecturer of “Foreign languages — 1”, Financial University under the Government of the Russian Federation; email: lymarm@mail.ru

Abstract

In the context of a significant expansion of Russian-Chinese cooperation, it is relevant to consider the features of the interaction and communication with representatives of the Chinese people, both in the international format, and at the level of interpersonal communication. We introduce the concept of China's national identity and denote the importance of its understanding for successful dialogue with residents of Middle Kingdom. We also identify the main factors of its formation: geographical, religious and linguistic. Particular attention is paid to the influence of Confucianism on the ethical behavior of ethnic Chinese in the interaction with the outside world. The author reveals formed by these factors existing features, such as the principle of group behavior, non-aggressive nationalism, a powerful historical memory, the stability of the established order, the principle of balance and harmony, the median, the principle of unity without unification, the principle of consistent alignment and others.

Key words: China, national identity, mentality, culture, communication.

References:

1. Alimov, I. A., Ermakov, M. E., Martynov, A. S. (1998). *Sredinnoe gosudarstvo. Vvedenie v tradicionnuju kul'turu Kitaja* [Middle Kingdom. Introduction to Chinese traditional culture]. P. 187.
2. Barskij, K., Paleckij, D. (1994). Kitajskaja gramota mimiki i zhestov [Chinese puzzle facial expressions and gestures]. *Azija i Afrika segodnja*, 4, 59.
3. Van Cjun. (2007). *Vlijanie sociokul'turnyh osobennostej i nacional'noj identichnosti Kitaja na Rossijsko-Kitajskie otnoshenija* [The influence of socio-cultural characteristics and national identity of China on Chinese-Russian relations.] P. 42.
4. Grushevickaja, T. G. (2003). *Kategorizacija kul'tury po G. Hofstede: koncepcija mental'nyh programm* [Categorization by G. Hofstede culture: the concept of mental programs]. P. 243–250.
5. Kochetkov, V. V. (2000). *Sociologija kul'tury* [Sociology of Culture]. P. 87.

Старая, добрая ...незнакомая Англия

Е. В. Маринина

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Аннотация

В настоящее время в теории и практике преподавания иностранных языков не вызывает сомнений принцип параллельного изучения языков и культур. В связи с этим особый интерес представляет

анализ того, насколько адекватно формируются в процессе изучения иностранного языка и “Мира изучаемого языка” образ страны, представление о ее культуре и менталитете ее жителей. Статья посвящена сопоставлению результатов опроса жителей Великобритании, который назывался “12 Icons of England”, и результатов опроса российских студентов, изучающих английский язык на разных уровнях. Как выяснилось, тот образ Великобритании и представление о ее культуре, которые существуют в сознании носителей русского языка, существенно отличаются от культурных образов, которые ассоциируются в сознании носителей языка с их страной. Все эти вопросы могут быть плодотворно изучены в рамках новой гуманитарной дисциплины имагологии.

Ключевые слова: имагология, национальный стереотип, культурный образ.

В течение последних десятилетий большое количество работ как отечественных, так и зарубежных исследователей в области лингвистики и лингвокультурологии было посвящено изучению особенностей восприятия друг друга людьми, принадлежащими к различным национальностям и культурам, иными словами, национальным стереотипам.

В начале 2000-х годов стали появляться работы по изучению так называемых культурных образов разных стран [2; 4]. Нужно отметить, что это словосочетание, заимствованное из английского языка (“a cultural image”), еще не стало термином в собственном смысле этого слова, так как не получило однозначного толкования. В настоящем исследовании под культурным образом понимаются те реалии культуры страны, т. е. события, персоналии, названия произведений литературы и искусства, детали повседневной жизни и т. п., которые в сознании носителей языка и людей, принадлежащих к другим культурам, наиболее часто ассоциируются с этой страной.

В последнее время изучение культурных образов ведется в рамках новой научной дисциплины имагологии. Это “научная дисциплина, имеющая предметом изучения образы ‘других’, ‘чужих’ наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта” [3, с. 31]. Как правило, в этих работах материалом исследования становятся литературные произведения и фольклор.

Однако у этой дисциплины есть чрезвычайно важный прагматический аспект, а именно изучение формирования представлений о разных странах в текстах учебных материалов по иностранным языкам.

Отправной точкой данного исследования стала публикация результатов обширного опроса, проведенного в Великобритании. Задачей этого опроса, который назывался “Icons of England”, было

определение того, “какие символы отражают английский дух страны и нации” [1, с. 9], иными словами, описать тот образ Англии, который существует сегодня в сознании ее жителей.

Результаты этого опроса оказались неожиданными и заставили задуматься над вопросом: насколько тот образ страны, который формируется у студентов, изучающих английский язык, соответствует тому, что думают о своей стране британцы.

В целях определения того, что для российских студентов является культурными образами Великобритании, был проведен письменный опрос, в котором приняли участие студенты, изучающие английский язык на разных уровнях и в рамках разных программ. Респондентам предлагалось назвать 12 самых устойчивых ассоциаций, связанных с Великобританией.

Для российских студентов самыми значимыми образами Великобритании оказались: Биг-Бен; королева Елизавета II; лондонский двухэтажный автобус; английский чай; Оксфорд; Лондон; “Битлз”; Шекспир; принцесса Диана; Тауэр; Шерлок Холмс; Кембридж.

Как можно заметить, этот выбор вполне предсказуем и, по всей вероятности, обусловлен сведениями о стране изучаемого языка, полученными еще в школе. Не набрали необходимого количества голосов, но были упомянуты опрашиваемыми еще 158 частотных ассоциаций, связанных с Англией.

Результаты опроса российских студентов разительно отличаются от тех культурных образов Британии, которые сами носители языка называют самыми частотными.

В список культурных образов страны, составленный на основе исследования *Icons of England*, вошли:

Стоунхендж — известное во всем мире каменное мегалитическое сооружение в графстве Уилтшир (Англия).

Кукольное шоу “Панч и Джуди”. Истоки это театра можно проследить в итальянской комедии дель арте. Но в течение нескольких столетий Панч и Джуди считались олицетворением английского национального характера, а представления до сих пор неизменно привлекают многочисленных зрителей.

Пароход “Эмпайр Уиндраш”. На этом корабле 8 июня 1948 г. в Англию прибыла самая большая группа иммигрантов с Ямайки. Это событие считается началом массовой иммиграции в Великобританию. Тот факт, что это событие упомянуто среди первых, показывает изменение этнического состава жителей Соединенного Королевства, неотъемлемой частью которого стало “поколение Уиндраш”.

Портрет Генриха VIII кисти Г. Гольбейна. Интересно, что участники опроса назвали не короля Генриха VIII (который упоминался и российскими респондентами), а именно этот портрет, на котором Генрих представлен в расцвете сил и своего могущества.

Чашка чая. Этот элемент списка, пожалуй, не требует пространственных объяснений, так как это один из самых частотных культурных стереотипов об Англии.

Кубок Английской футбольной ассоциации. Самый популярный и старейший футбольный кубковый турнир. Хотя, на первый взгляд, ассоциация Англии с футболом абсолютно очевидна, тем не менее этот культурный образ не является частотным для российских студентов, изучающих английский язык.

Знаменитая книга Льюиса Кэрролла **“Приключения Алисы в Стране Чудес”**. Это произведение оказало огромное влияние на всю мировую литературу и искусство, в том числе и на очень популярный сейчас жанр фэнтези.

В списке культурных образов Англии, составленном по результатам опроса российских студентов, упомянут лондонский двухэтажный автобус, но англичане назвали его конкретную разновидность **рутмастер**. Именно этот автобус использовался в Лондоне почти пятьдесят лет и за это время стал неотъемлемой частью столицы Великобритании.

Особое место в списке занимает так называемая **Библия короля Якова**. Это, бесспорно, шедевр переводческого искусства, одна из первых попыток не только канонически верного, но и научного перевода священного текста. Этот не только перевод, который на протяжении столетий был основным текстом, используемым всеми членами англиканской церкви во время церковной и домашней молитвы, но и литературный шедевр, так как переводчики огромное внимание уделяли красоте слога и ритмических конструкций. Библия короля Якова оказала во многом определяющее воздействие на английский язык и культуру.

Скульптура “Ангел Севера”, совершенно не известная российским респондентам. Это современная стальная скульптура находится в Гейтсхеде, на севере Англии. Ее автор — знаменитый модернист Энтони Гормили. Это самое большое скульптурное изображение ангела в мире (высота — 20 метров, размах крыльев — 54 метра, вес — 208 тонн) сейчас считается одним из самых известных произведений мирового искусства.

Истребитель “Спитфайр”, символ битвы за Британию во время Второй мировой войны. Считается одним из самых лучших самолетов в истории мировой авиации.

Гимн “Иерусалим”. Эта песня была написана на стихи одного из поэтов-романтиков Уильяма Блейка. Больше ста лет это стихотворение было почти забыто. Однако во время Первой мировой войны британское правительство решило поднять боевой дух британских солдат и издать сборник патриотической поэзии. Туда и вошло это стихотворение. В 1916 году его положил на музыку Хьюберт Пэрри.

Очень быстро оно получило широкую известность и практически стало неофициальным гимном Великобритании.

Как можно видеть, большая часть культурных образов страны, выбранных британцами, к сожалению, либо вообще не известна российским студентам, либо не несет для них почти никакой информации. Это дает повод для пересмотра содержания курсов в рамках дисциплины “Мир изучаемого языка” для того, чтобы они давали более адекватное представление о культуре и менталитете носителей английского языка.

Список литературы:

1. Макоуни С. Файф-о-клок на траве. М. : Эксмо ; СПб. : Мидград, 2011.
2. Мирошниченко М. Г., Чибисова О. В. Культурный образ Японии в межкультурной коммуникации // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 33.
3. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. Выпуск 4. С. 31–39.
4. Царева Марина Александровна. Культурный образ в межкультурной коммуникации : дис. ... канд. культурологии. Хабаровск, 2006.

Сведения об авторе: Елена Викторовна Маринина, к.ф.н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; email: emarinina1@yandex.ru

MERRY, OLD ...UNKNOWN ENGLAND

Elena V. Marinina

Associate Professor, Lomonosov Moscow State University;
email: emarinina1@yandex.ru

Abstract

It is now generally assumed in the theory and practice of FLT that teaching foreign languages cannot be separated from teaching their cultures. Here a question is bound to arise. How adequate and true to life are the cultural images of the country whose language we teach that our students can get from the courses of foreign languages and cultural studies? This paper is devoted to the analysis of the results of the survey “Icons of England” which was carried out in Britain and the answers given to the same questions by Russian students of English. It has turned out that the image of Britain that Russian speakers have is drastically different from those cultural images that are important for English people. It may be rather promising to investigate all these problems within the framework of a new humanitarian discipline, imagology.

Key words: imagology, national stereotypes, cultural images.

References:

1. Macouni, S. (2011). *Faif-o-klok na trave/Adventures on the High Teas*. M.: Eksmo; SPb.: Midgrad.
2. Miroshnichenko, M. G. & Chibisova, O. V. (2012). *Kul'turnyi obraz Iaponii v mezhkul'turnoi kommunikatsii/Cultural Image of Japan in Intercultural Communication*. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia*, 5. P. 33.
3. Papilova, E. V. (2011). *Imagologiya kak gumanitarnaia distsiplina/Imagology as a humanitarian discipline*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, 4, 31–39.
4. Tsareva Marina Aleksandrovna. (2006). *Kul'turnyi obraz v mezhkul'turnoi kommunikatsii/Cultural Image in Intercultural Communication*. Dis.na soiskanie uchenoi stepeni kandidata kul'turologii. Khabarovsk.

Интервью как технология становления профессионально-творческой компетентности специалиста в межкультурной коммуникации

Н. В. Маханькова

Удмуртский государственный университет
г. Ижевск

Аннотация

В докладе рассматриваются новые тенденции иноязычного образования, результаты реализации компетентностного подхода в межкультурной коммуникации. Предлагаются педагогические условия успешного внедрения игрового моделирования в иноязычное образование. Доказывается эффективность внедрения интервью как педагогической технологии, обладающей особой структурой (цель, задачи, принципы, содержание, алгоритм проведения, результат, практические рекомендации, методы, условия), направленной на становление профессионально-творческой компетентности студентов. Представлена классификация стилей, видов и типов интервью в научной литературе, излагаются практические рекомендации для кандидата и интервьюера, способствующие успешности прохождения процедуры собеседования при трудоустройстве.

Ключевые слова: профессионально-творческая компетентность, педагогическая технология интервью-собеседования при трудоустройстве, ситуации-ловушки и стратегии выхода из них.

Современный этап развития политической, экономической, социальной, культурно-образовательной сферы российского государства в условиях тесного международного сотрудничества обозначает в качестве приоритетной иноязычную подготовку выпускника вуза. Исключительное внимание уделяется качеству иноязычного профессионального образования, которое видится в подготовке специалиста, владеющего несколькими иностранными языками, способного выступать в роли посредника между культурами, проявляющего на практике компетенции в сфере социально-профессиональной коммуникации, творческого и критического анализа, коллективного взаимодействия в многокультурном мире. Изменения стандартов иноязычной подготовки в высшей школе, отображенных в ФГОС ВПО, активизировали поиск инновационных средств повышения качества иноязычного профессионального образования [2].

Современные требования к уровню владения профессионально-творческой компетентностью (ПТК) инициируют внедрение в практику образовательного процесса наукоемких и практикоориентированных сквозных технологий. Полагаем, что такой сквозной технологией может стать интервью.

Рассматривая интервью как главный жанр жизни и человеческого общения, нельзя не отметить, что за последнее время оно стало актуальным явлением в профессиональной жизни человека разных сфер коммуникации. В узком смысле интервью — жанр публицистики, беседа журналиста с одним или несколькими лицами по актуальным вопросам, предназначенная для печати. Имея непосредственное отношение к журналистике, метод интервью черпает знания из психологии, социологии, управления, экономики, политики, права, массовой культуры, лингвистики и межкультурной коммуникации и др. Появляются работы, посвященные таким аспектам, как: идейно-тематическая составляющая творческой деятельности журналиста, этические проблемы, нравственные принципы журналистики, технологии журналистского творчества, теория креативного интервью, речевые стратегии и тактики.

Функциональный потенциал жанра интервью чрезвычайно велик. В зависимости от целей можно выделить следующие виды интервью как метода получения сведений: информационное, оперативное, блиц-опрос (опрос на улице, *street talk*, *vox pop*), интервью-расследование, интервью-портрет (“профиль”), креативное интервью [4].

Анализируя поведенческие стилистические приемы ведения интервью, определяют следующие *стили* (конфронтационный, элитарный, партнерский); *виды* (научное, журналистское, социальное) и *типы* (формальное — неформальное, индивидуальное — групповое,

фокусированное — нефокусированное, очное — заочное и др.) интервью. Предметом особого научного интереса является *интервью-собеседование при трудоустройстве*, под которым понимаются переговоры о потенциальном сотрудничестве в целях выявления мотивации, личностных и профессиональных качеств кандидата.

Научная новизна исследования заключается в интегративном подходе к становлению ПТК специалистов в межкультурной коммуникации (МК). Интервью рассматривается как педагогическая технология, обладающая особой структурой (цель, задачи, принципы, содержание, алгоритм проведения, результат, методы, условия), направленная на становление ПТК специалиста в межкультурной коммуникации.

Игровое моделирование (ИМ) функционирует как один из способов создания активной обучающей среды, *инструмент* развития мышления студентов в процессе изучения ими содержания учебных дисциплин, разновидность *игрового метода* по развитию критического мышления обучающихся, универсальное *средство активизации* учебно-познавательной деятельности обучающихся, *форма* имитационного моделирования условий профессиональной деятельности специалистов по МК.

При определении этапов внедрения ИМ учитывались методологические подходы (личностно-ориентированный, контекстный, интегративный, компетентностный), которые реализуют ведущую стратегию обучения — становление ПТК студентов, определяют учебные стратегии, выявляют принципы внедрения ИМ, обуславливают этапы игровой деятельности (введение в игру, разделение на группы, погружение в игру, изучение и анализ ситуации и проблемы, поиск вариантов решений, общая дискуссия, подведение итогов игры, рефлексия, выгрузка из игры) [5].

Введение разнообразных стилей, видов, типов интервью в иноязычное образование следует осуществлять посредством выполнения учебно-творческих заданий (УТД) согласно следующей логике: учебное → журналистское → научное → социальное. Первый блок УТД предполагает чтение, обсуждение, последующий анализ, интерпретацию образа интервью в художественной литературе (на примере рассказов М. Твена, С. Ликока и др.).

Второй блок УТД посвящен анализу типологии вопросов, структуры и этапов интервью. В качестве примера предлагается известная анкета французского писателя, новеллиста и критика XIX в. М. Пруста; интервью В. Познера с Л. Улицкой. Далее студенты выбирают героя из великих интервью журнала “Rolling Stone — 40 лет” или политическое интервью.

Третий блок УТД раскрывает секреты успешного интервью. Материалом для анализа являются видеолекции российского писателя, драматурга, телеведущего А. Максимова “Самые главные ошибки об-

щения”, “Как разговаривать собеседника?”. Перед просмотром лекций студентам предлагается ответить на ряд вопросов и обсудить ответы в малых группах: что такое хорошее интервью? Как правильно к нему подготовиться? и др. Во время лекций студенты вносят коррективы в свои записи (+ – ?), а после просмотра лекций в группах анализируют, как поменялось их мнение.

Четвертый блок УГД — работа с видеокейсом “Интервью с соискателем” — раскрывает: ловушки и провокации на собеседовании, стрессовое интервью, контакт, условия успешного прохождения и проведения интервью [1, с. 6].

Особое внимание студентов обращается на выбор корректных *коммуникативных стратегий собеседования* при трудоустройстве [3]: стратегия *намек* (тактика регуляции значимости высказывания, минимизация значимости, снижение определенности, отрицание как намек, скрытое и двойное отрицание, прямое отрицание); стратегия *уклонения* (тактика уклонения от ответственности, смягчения посредством вопросов, смягчения утверждений посредством представления суждения как личного мнения, представления суждения как обобщения, смягчения прямых побудительных высказываний, смягчения побуждений, представленных в форме вопроса); стратегия *поддержки собеседника* (тактика усиления значимости, интенсификации, развернутой оценки и повтора, подчеркнутого преувеличения значимости).

Опыт внедрения интервью в иноязычное образование позволяет судить о большой педагогической эффективности данной технологии, способствующей становлению ПТК как интегративного свойства личности, включающего систему специальных знаний, умений, мотивов и совокупность профессионально важных качеств, обеспечивающих готовность к осуществлению профессиональной творческой деятельности, отражающей бинарную сущность педагогического процесса.

Список литературы:

1. Беззубцев С. А. Интервью с соискателем. Учебный видеокейс. СПб. : Решение: учебное видео, 2011. 40 с.
2. Голубкова О. Н., Утехина А. Н., Маханькова Н. В. и др. Повышение качества иноязычного образования в Удмуртской Республике: концепция и опыт реализации : коллективная монография. Ижевск : Удмуртский университет, 2013. 90 с.
3. Кузьменкова Ю. Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде : курс лекций // English. 2005. № 17–24.
4. Лукина М. М. Технология интервью. М. : Аспект Пресс, 2003. 191 с.
5. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии : учеб. пособие для студ. вузов. М. : Академия, 2009. 192 с.

Сведения об авторе: Наталья Владимировна Маханькова, к.п.н., доцент Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия; email: emilywill@yandex.ru

INTERVIEW TECHNOLOGY FOR PROFESSIONAL CREATIVE COMPETENCE DEVELOPMENT OF SPECIALISTS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Natalia V. Makhankova

Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia;
email: emilywill@yandex.ru

Abstract

The paper deals with new tendencies and aims of foreign language education, the results of competence approach in intercultural communication. The article discusses pedagogical conditions of effective usage of game modeling for students' professional creative competence development. Interview is considered as an efficient pedagogical technology, possessing special structure (aims, tasks, principles, content, stages, steps, interview procedure, advantages, results, methods, conditions). Interview technology (employment interview in particular) can be productively used for students' professional creative competence development. The article proposes different interview classification according to the scientific literature. Practical guidelines for the interviewer and interviewee (including communicative strategies of effective employment interview) are presented in the paper.

Key words: Professional creative competence, employment interview, pedagogical technology, situation pitfalls, strategies of avoiding interview pitfalls.

References:

1. Bezzubtsev, S.A. (2011). *Interv'iu s soiskatelem. Uchebnyi video-keis* [Employment Interview. Training Video Case]. St Petersburg: Solution: training video. 40 p.
2. Golubkova, O.N., Utekhina, A.N. & Makhankova, N.V. at al. (2013). *Povyshenie kachestva inoazychnogo obrazovaniia v Udmurtskoi Respublike: kontseptsii i opyt realizatsii* [Foreign Language Education in Udmurt Republic]. Izhevsk: Udmurt State University. 90 p.
3. Kuzmenkova, Y.B. (2005). *Strategii rechevogo povedeniia v angloiazychnoi srede* [Strategies of Speech Behavior in English Speaking Environment]. *English*, 17–24.
4. Lukina, M.M. (2003). *Tekhnologiii interv'iu* [Interview Technology]. M.: Aspect Press. 191 p.
5. Panfilova, A.P. (2009). *Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii* [Innovative Pedagogical Technologies]. [Handbook for Students]. M.: Academy. 192 p.

Стратегии социального взаимодействия в межкультурной коммуникации

К. А. Мележик

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Аннотация

Межкультурная коммуникация (МК) характеризуется интернациональным составом ее участников, предполагающим использование контактного английского лингва франка (АЛФ) как инструмента распространения информации. Для анализа АЛФ МК, отражающей любые специализированные домены современного социально-культурного разнообразия, предлагается понятие “предметно-ориентированного английского лингва франка” (ПОАЛФ).

В сообществах, где постоянно задействованы представители различных исходных языков, ПОАЛФ выполняет функцию контактного языка коммуникативной практики — это ПОАЛФ коммуникации. В сообществах представителей одного исходного языка, например в образовании, он служит инструментом интернационализации для последующих контактов с представителями других исходных языков.

Социальное взаимодействие на ПОАЛФ коммуникации изучается на материале контекстов, где участвуют 144 европейских и русскоязычных пользователя ПОАЛФ. В условиях регулярного общения на ПОАЛФ русскоязычные информанты отличаются экстравертными коммуникативными стратегиями, регулирующими межкультурное взаимодействие в конкретной организации. На периферии интернациональных контекстов МК информантов носит интровертный характер, направленный на поддержание внутренней совместимости с иностранными коммуникантами.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, предметно-ориентированный язык, английский лингва франка.

Платформой концептуального переосмысления АЛФ служит понимание современного этапа глобализации как совокупности процессов, в ходе которых мир оказывается все более взаимосвязанным в условиях интенсификации и акселерации взаимодействия языков, культур и социумов. Основным инструментом и основным языковым каналом этих процессов взаимодействия служит самый распространенный, контактный английский язык (АЯ), представляющий собой основу всей инфраструктуры глобализации.

Экспансия процессов глобализации раскрывает несостоятельность традиционного подхода, который предполагает разделение

политических, экономических культурных факторов по внутренним и внешним, локальным и глобальным признакам [4, с. 2].

Специфику делового взаимодействия определяют ключевые характеристики организационной структуры: формальные или конвенциональные ограничения контактов между участниками общения, т. е. соблюдение социальных норм, следование регламентации целей, мотивов общения и способов осуществления контактов, соблюдение формально-ролевых принципов взаимодействия в соответствии с иерархичностью построения организации [1, с. 15–16].

Фактически АЛФ представляет собой язык, ориентированный на определенную предметную область. Он предназначен для выполнения функций, связанных с обменом любой специальной информацией: в бизнесе, по месту работы, в организационной и профессиональной сфере, в коммуникации, отражающей любые специализированные домены социально-культурного разнообразия современного общества. Для обозначения контактного АЯ межнациональной коммуникации, отражающей любые специализированные домены социально-культурного разнообразия современного общества, мы далее будем использовать номинацию “предметно-ориентированный английский лингва франка (ПОАЛФ)”.

В нашем исследовании мы выдвигаем положение о том, что ПОАЛФ — это контактный АЯ межнациональной коммуникации любого сообщества, предметная ориентация которого может определяться как специализированная область социально-культурного, экономического, политического и т. п. разнообразия современного общества. Прагматический аспект ПОАЛФ заключается в том, что он выполняет две основные функции:

1. В сообществах, где постоянно задействованы представители различных исходных языков, он выполняет функцию контактного языка коммуникативной практики — это **ПОАЛФ коммуникации**.
2. В сообществах, включающих представителей одного исходного языка, он выполняет функцию инструмента интернационализации в ситуациях возможных контактов с представителями других исходных языков — это **ПОАЛФ интернационализации**.

Институциональная, деловая коммуникация представляет собой необходимый элемент коммуникационного процесса создания и реализации информации и особый вид деятельности, который, по утверждению М. Г. Шилиной, становится новой предметной областью, равнозначной экономической, политической и культурной областям, что определяет существенный потенциал и перспективы развития данного вида деятельности [2, с. 38].

Те же факторы определяют выбор ПОАЛФ как контактного языка деловой коммуникации в российских организациях, постоянно сотрудничающих с иностранными партнерами. Особенности стратегий

социального взаимодействия пользователей ПОАЛФ коммуникации изучались на материале экспериментов, проведенных с двумя группами сотрудников международных организаций, использующих АЯ в профессиональной коммуникации. Среди них 73 русскоязычных информанта и 71 иностранный специалист.

Опрос информантов проводился в процессе выполнения 10 серий интервью, осуществленных за период с сентября 2012 г. по сентябрь 2014 г.

Как показывают результаты эксперимента, эффективность коммуникации на ПОАЛФ зависит от способности информантов поддерживать языковое взаимодействие с англоязычными партнерами. В условиях интернациональной организации эта способность осложняется культурным аспектом коммуникации, структура которого включает три составляющих: 1) стереотипы национальной культуры коммуникации; 2) стереотипы коммуникативной культуры организации; 3) стереотипы коммуникативной культуры отдельных участников.

На функционально-прагматическом уровне культурные стереотипы представлены вербальными и невербальными коммуникативными стратегиями, которые, в свою очередь, базируются на культурно-прагматических стереотипах русскоязычной коммуникации.

Треть всех информантов имеют регулярные англоязычные контакты: они охотно вступают в разговор и способны его продолжить с помощью вербальных и невербальных сигналов, не боятся делать какие-либо языковые ошибки и исправляют свои некорректные высказывания, наблюдают за речевым поведением собеседника, регулируют темп речи.

Около половины информантов имеют ограниченные англоязычные контакты, и только 2/3 из них охотно вступают в разговор и не боятся делать какие-либо языковые ошибки.

Случайные англоязычные контакты имеют около четверти информантов, которые менее охотно вступают в разговор, боятся делать языковые ошибки, стараются угадать общий смысл того, о чем говорит собеседник, опираясь на знакомые слова, словосочетания.

Среди общих для многих информантов стратегий регулирования следует выделить стратегию согласования темы высказывания и стратегию компенсации. Стратегия согласования реализуется: а) в виде обращений к собеседнику для подтверждения или пояснения смысла; б) в виде собственных усилий распознавания вербальной информации; в) в виде обмена вербальными и невербальными сигналами.

Компенсация понимания и производства речи осуществляется с помощью таких культурно обоснованных приемов, как стратегии уклонения, повторения, побуждения других участников к восполнению недостаточной информации. Коммуникативное поведение русскоязычных информантов, имеющих возможность регулярного

общения в интернациональных контекстах, носит экстравертный характер и направлено на поддержание внешней совместимости и согласованности взаимодействия в условиях конкретной организации. Коммуникативное поведение информантов, не имеющих возможности регулярного общения в интернациональных контекстах, носит интровертный характер и направлено на поддержание внутренней совместимости и согласованности своего взаимодействия с интернациональными участниками делового общения.

Список литературы:

1. Панфилова А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. СПб. : Знание, ИВЭСЭП, 2001. 496 с.
2. Шилина М. Г. Интернет-коммуникация как фактор трансформации информационной сферы : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Специальность 10.01.10 — журналистика. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2012. 45 с.
3. The great globalization debate: An introduction / D. Held, A. McGrew (eds.) // The global transformations reader: An introduction to the globalization debate (2nd edn). Oxford : Polity, 2003. P. 1–50.

Сведения об авторе: Карина Алексеевна Мележик, к.ф.н., доцент, зав. каф. иностранных языков социально-экономических факультетов, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия; email: melezhhik.karina@yandex.ua

THE STRATEGIES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN DOMAIN-ORIENTED ENGLISH LINGUA FRANCA

Karina A. Melezhhik

Associate Professor, the Head of Foreign Languages Department for Social and Economic Studies, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; email: melezhhik.karina@yandex.ua

Abstract

European intercultural communication (IC) is known for its international membership and the common contact language — English lingua franca (ELF). For analysis of ELF employed in all specialized domains of European social and cultural diversity, a new notion is suggested — Domain-oriented English Lingua Franca (DOELF).

In communities of practice, composed of different mother tongue speakers, the generally accepted contact language is DOELF of communication (DOELFC). In communities where people speak the same mother tongue (e. g. schools) it performs the function of a potential tool of internationalization for would-be IC with speakers of other mother tongues.

Social interaction in DOELFC is studied basing on the IC contexts where 144 European and Russian DOELFC users participate. It is argued that Russian users having regular contacts with foreign counterparts demonstrate extravert communicative strategies aimed at coordination of intercultural cooperation within their organizations. Their coworkers having random contacts with foreigners demonstrate introvert communicative behaviour aimed at maintaining compatibility in domain-oriented IC.

Key words: intercultural communication, domain-oriented language, English lingua franca.

References:

1. Panfilova, A. P. (2001). *Delovaia kommunikatsiia v professional'noi deiatel'nosti* [Business communication in professional interaction]. SPb.: Znanie. 496 p.
2. Shilina, M. G. (2012). *Internet-kommunikatsiia kak faktor transformatsii informatsionnoi sfery* [Internet communication as a factor of transformation of information sphere]. Abstract of the PhD dissertation. SPb.: Saint Petersburg university. 45 p.
3. Held, D. & McGrew, A. (eds.). (2003). The great globalization debate: An introduction. *The global transformations reader: An introduction to the globalization debate*. (2nd ed.). Oxford: Polity. P. 1–50.

Особенности реализации коммуникативной компетенции

Т. Н. Омеляненко

Московский государственный машиностроительный
университет
(МАМИ)

Аннотация

В данной статье коммуникативная компетентность рассматривается в двух ракурсах: как необходимое условие успешного международного общения и как ключевой момент в разработке стратегии обучения иностранному языку. Коммуникативная компетентность определяется как необходимый и достаточный объем знаний в области иностранного языка, культуры, этикета и национальных особенностей, которым должны обладать участники коммуникации. Поскольку успех межкультурной коммуникации зависит не только от лингвистических, но и от экстралингвистических факторов, в статье анализируются этнокультурные, ментальные и языковые особенности интернационального общения. Доказывается правоту

существования такого понятия, как “национальный характер”, подтвержденного наличием различных источников, а также иллюстрируются особенности национальных характеров на примере русских и американцев. Автором приводятся примеры объективизации этнокультурной картины мира лингвистическими средствами на разных уровнях языка. В статье также представлена типология коммуникативных ситуаций, наиболее характерных для межкультурного общения.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, языковая объективизация, коммуникативные ситуации.

Для полноценной межкультурной коммуникации совершенно недостаточно только знать иностранный язык. Мы — разные: видим, слышим, любим и ненавидим по-разному, у нас разные представления о мире и людях, разные системы ценностей, нормы поведения, то есть разные культуры [2, с. 49]. Незнание или игнорирование этих различий может привести к непониманию или к серьезным конфликтам между коммуникантами.

Рождаясь в определенной национальной культуре, мы не осознаем этого до тех пор, пока не столкнемся с носителем другой культуры и с необходимостью ее изучения. Овладение иностранным языком и культурой происходит через призму родного языка, и две языковые картины мира, накладываясь друг на друга, обнаруживают сходства и различия, которые облегчают или усложняют изучение иностранного языка.

Ключевым моментом в разработке стратегии обучения иностранному языку являются именно различия, так как они — главный источник языковых и культурологических ошибок. Так, переходя на английский язык, люди, говорящие на родственных языках, ошибаются в одних и тех же местах. Например, у представителей славянских стран это артикли, сложная система времен, многочисленные постпозиционные предлоги и наречия, меняющие значения глагола. Китайцы, в языке которых не существует различия между единственным и множественным числом, нет спряжения глаголов, говоря по-английски, путаются в этих грамматических категориях. А для испанцев трудность представляют английские отрицания *no* и *not* [1, с. 9].

Пожалуй, самая большая трудность для иностранца — это уловить, как меняется речь носителя чужого языка в его общении с представителями различных социальных слоев общества: членами семьи, начальством, деловыми партнерами, близкими друзьями. Очень распространенное явление среди иностранцев в общении с носителями языка — это стремление блеснуть жаргонными или простонародными словами и фразами. Так, человек, произносящий по-английски

I gonna (вместо *I'm going to*) или *I wanna* (вместо *I want to*), рискует показаться не знатоком английской разговорной речи, а человеком из низов общества.

Все многообразие ситуаций общения можно свести к нескольким типам, требующим определенного культурного фона и определенного уровня владения иностранным языком, т. е. определенной коммуникативной компетенции, объем и выбор языковых средств которой напрямую зависят от цели коммуникации, участников, ситуации общения, национального характера.

Особенно явно национальный характер ощущается во время пребывания в чужой этнической среде. Мы чувствуем себя *другими* по образу жизни, быту, поведению и даже внешности. Рассмотрим наиболее существенные различия в культуре, ментальности и национальном характере на примере взаимодействия американских и русских участников коммуникации.

В индивидуалистической культуре западного мира человек, оказавшийся в трудном положении, должен сам преодолевать свои трудности и решать свои проблемы, а перекладывать их на других не принято, даже бестактно. Предложение помощи может быть расценено как признание слабости или неспособности справиться с проблемой. Русские же, наоборот, предпочитают обращаться за помощью даже к незнакомым людям и с готовностью и благодарностью примут ее. В случае отказа могут обидеться, посчитав человека черствым, незывчивым.

Оптимизм и доброжелательность являются отличительными чертами американского национального характера. У американцев не принято ходить с унылым видом, жаловаться, выглядеть удрученным. Трудности — не повод для отчаяния, это — вызов, который нужно принять.

Свое оптимистическое, позитивное отношение к жизни американцы стараются закрепить в языке. Если человек едва не отправился на тот свет, то он прошел сквозь “жизнеутверждающее испытание” (*a life-affirming experience*). Если после интервью работодатель отказал вам, у вас “не сложилось полного взаимопонимания” (*failure to achieve mutual understanding*), а любое массовое увольнение называют “оптимизацией штатов” (*rationalizing of the work force*).

Пессимизм, а порой безысходность русских, их стремление видеть источники своих несчастий во внешнем мире, отражается в языке в виде большого количества таких слов, как *тоска, скука, уныние, ностальгия, меланхолия, подавленность, безысходность, обреченность*, большинство из которых не имеют адекватных эквивалентов в английском языке. Мы охотно делимся своими неприятностями с окружающими, а вызванное сочувствие не только не обижает, но даже успокаивает.

Сочувствие и сострадание тоже выражается по-разному. В Америке плохую новость всегда стремятся сообщить как можно скорее, чтобы человек сразу начал решать свои проблемы. Русское отношение к плохим вестям — полная противоположность: плохую новость стараются сказать как можно позже из соображений сочувствия, чтобы не травмировать человека.

США — яркий пример культуры, носители которой убеждены, что судьба человека подвластна его воле. Американское отношение к судьбе — антипод духу фатализма в России, который отражает исконную веру народа в непредсказуемость людского бытия, неотвратимость того, что написано на роду.

Американский английский изобилует конструкциями, в которых подчеркнута выражен активный деятель. Структура же русского языка тяготеет к безличности и неопределенности, и поэтому в нем так много пассивных конструкций. Например, “Мне скучно” соответствует английскому *I am bored*, а “Ей холодно” — *She is cold*. При переводе на английский лучше использовать личные обороты вместо безличных, а активные конструкции вместо пассивных, если известно, кто совершает действие.

Успешность межкультурной коммуникации напрямую зависит от коммуникативной компетенции участников, т. е. от уровня владения иностранным языком и знакомства с культурой данной страны. Необходимый и достаточный объем этих знаний не одинаков для разных целей и разных ситуаций общения.

Во всем многообразии ситуаций общения можно выделить следующие коммуникативные цели: 1) туризм; 2) выезд на постоянное место жительства или в длительную командировку); 3) прикладные цели: а) научные и профессиональные; б) переводческие.

1. Коммуникативная компетенция туриста включает страноведческие сведения, основные национальные и культурные особенности посещаемой страны, искусство. Достаточный языковой уровень — *Pre-intermediate, Intermediate, general English*.
2. Для тех, кто выезжает на место жительства или в длительную командировку, информации иная: государственное устройство, юридические вопросы, социально-бытовой сектор, образование, медицина, страхование, прецизионная информация, современные реалии, этикет и правила поведения. Уровень языка — не ниже *Intermediate, general English*, максимальная ситуационная направленность.
3. а) Для научных и профессиональных работников, ученых обязательно знание профессиональной терминологической лексики, прецизионной информации, речевого этикета, навыков переписки. Уровень языка *Intermediate, Upper-Intermediate, LSP*.

б) Для всех видов профессионального перевода требуется максимальное проникновение в быт, политику, культуру, национальный характер и менталитет другого народа, знание теории и техники перевода.

Конечно, конкретные цели и параметры коммуникации, социальный статус ее участников и конкретные ситуации общения определяют более точный набор необходимой и достаточной информации и языкового уровня, и вряд ли объем, длительность и характер подготовки к межкультурной коммуникации будет совпадать в разных случаях. Ясно только одно: нельзя учить межкультурной коммуникации вообще, этот процесс должен быть четко спланирован и ориентирован на конкретные цели и ситуации, которые и определяют содержание обучения.

Список литературы:

1. Виссон Линн. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М. : Р. Валент, 2005. С. 9.
2. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М. : АСТ, 2007. С. 49.

Сведения об авторе: Татьяна Николаевна Омеляненко, к.ф.н., доцент, Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ), Москва, Россия; email: omelia-post@mail.ru

PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE COMPETENCE REALISATION

Tatiana T. Omelyanenko

PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State University of Mechanical Engineering; email: omelia-post@mail.ru

Abstract

Communicative competence is regarded in two aspects: as a necessary means of successful international communication and as a key factor in the strategy of foreign language teaching. The communicative competence is defined as a necessary and sufficient background comprising the foreign languages, the cultures, the etiquettes and national peculiarities of communicators. As the success of cross-cultural communication depends not only on linguistic but also on extra-linguistic factors the article analyses ethno-cultural, mental, and linguistic aspects of international communication. The concept of “national character” is considered, and specific national characteristics of Russians and Americans are illustrated. The author gives examples of objectivating ethno-cultural world-image through linguistic means at different language levels. A typology of common communicative situations is presented.

Key words: communicative competence, linguistic objectivation, communicative situation typology.

References:

1. Visson, Lynn. (2005). *Russkie problemy v anglijskoj rechi. Slova ifrazy v kontekste dvuh kul'tur* [Russian Problems in English Speech]. M.: R. Valent. P. 9.
2. Ter-Minasova, S. G. (2007). *Vojna i mir jazykov i kul'tur* [War and peace of Languages and Cultures]. Izd-vo AST, P. 49.

Идиомы иностранного языка и их влияние на межкультурную коммуникацию (на примере нидерландского языка)

Л. П. Павлова

курсы иностранных языков “Мегаполис”

Аннотация

Одна из важнейших целей изучения иностранного языка — возможность общаться с людьми других национальностей. В статье анализируется проблема тождественности нидерландских и русских идиом, обладающих культурной и особой национальной коннотацией. Успех коммуникации во многом зависит от того, как говорящий использует свои знания о другой культуре. Неправильное понимание значения идиомы приводит к серьезным ошибкам в межкультурной коммуникации. Среди нидерландских идиом есть схожие с русскими по своей внутренней форме и компонентному составу. Их можно назвать “ложными друзьями”. Также есть идиомы, которые возникли в двух сопоставляемых языках из одного источника, имеют одинаковое значение, но несколько отличаются по своему компонентному составу. Работа с этимологией идиом может помочь расширить знания в области культуры и избежать ошибки в употреблении.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, межкультурная коммуникация, фразеологизмы, “ложные друзья”.

Вопрос подготовки студентов к межкультурной коммуникации и формирование у них коммуникативной компетенции занимает в настоящее время центральное место в обучении иностранным языкам. Студенты должны освоить новые для них нормы построения фразы, произнесения незнакомых звуков и познакомиться через язык, главным образом через его лексический состав, с “чужим” видением окружающего нас мира.

Особое место в формировании наивной картины любого языка играет фразеология, которая всегда имеет национальное своеобразие. Существующие универсальные понятия получают во фразеологии специфически национальное выражение. В ряде случаев, встретив в тексте незнакомую иностранную идиому, мы догадываемся, о чем может идти речь. Восприятие идиом идет через понимание образной основы фразеологической единицы (ФЕ), близкой к внутренней форме идиомы родного языка. Например, ФЕ **“water naar de zee dragen”** (букв. носить воду к морю) имеет значение “совершать бесполезное действие”. Схожие ФЕ существуют и в других языках. В этих идиомах национально обусловленным является выбор предмета, который везут туда, где подобных предметов и так много: самовары в Туле, уголь в Ньюкасле, совы в Афинах.

В ряде случаев мы правильно поймем ФЕ, исходя из понятной внутренней формы, даже если у нас нет параллельных ФЕ. Например, нидерландские ФЕ **“op iemands bord(je) leggen”** (букв. положить на чью-то тарелку), имеющая значение “сделать другого человека ответственным за решение проблемы”, т. е. “переложить на чужие плечи”; или **“weten hoe het vork in de steel zit”** (букв. знать, как вилы сидят на черенке), в которой своеобразной подсказкой к пониманию значения “хорошо что-то знать” является не только глагол **“weten”** (знать), но и понятная нам внутренняя форма идиомы.

Но таких точек совпадения в двух языках мало. Описанное выше правильное понимание иностранной идиомы происходит не так часто. Восприятие “чужой” картины мира идет через призму картины, существующей в родном языке. Следует согласиться с мнением М. Л. Ковшовой, что для правильной интерпретации идиомы, преодоления возможной семантической неопределенности необходимо не только знание языка, но и “культурная компетенция” [1, с. 145]. Иностранную ФЕ, внутренняя форма которой кажется знакомой, а компонентный состав понятным, студент воспринимает согласно логике родного языка. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова, “родная культура представляется единственно правильной” [3, с. 69]. Поэтому, не задумываясь, студент дает свой перевод идиомы, который часто бывает полностью или частично ошибочным. Именно в группе иноязычных фразеологизмов с понятными лексическими компонентами и находятся идиомы, которые можно считать “ложными друзьями” человека, изучающего иностранный язык.

Эти “ложные друзья” оказывают свое влияние на межкультурную коммуникацию и при восприятии речи на иностранном языке, и при их дальнейшем употреблении.

Ошибочное восприятие студентами иностранных ФЕ носит различный характер.

Среди нидерландских ФЕ есть такие идиомы, которые, при (почти) полном совпадении образной основы и компонентного состава,

отличаются своей семантикой от русских. Это было выявлено при сопоставлении их значения в русском и нидерландском фразеологических словарях. Например, нидерландская ФЕ **“een streep onder iets zetten”** (букв. поставить черту под чем-то) на первый взгляд полностью совпадает с русской “подвести черту”. Сравнение же их семантики выявило существующие различия. Русская ФЕ имеет значение “подытожить результаты чего-либо (например, собрания); прекратить что-либо”, значение нидерландской ФЕ несколько отлично — “что-то должно остаться в прошлом, быть забыто, чтобы человек мог обратиться к будущему”. Эта нидерландская ФЕ часто употребляется в тех случаях, когда речь идет об отношениях между людьми.

Другая фразеологическая пара — **“zijn schouders onder iets zetten”** (букв. подставить плечи подо что-то) и “подставить плечо”. В нидерландском языке указанная ФЕ имеет значение “начать напряженно работать над чем-то”. В то время как русская идиома содержит в себе ярко выраженную коннотацию “дружеская помощь” и означает “помочь, дружески поддержать, выручить кого-то, взять на себя часть его трудностей”. Эту ФЕ скорее следует соотнести с русской “взвалить на свои плечи”.

Подобное расхождение в семантике может быть у идиом двух языков, если они расходятся в своем компонентном составе, но имеют схожую образную основу. Это демонстрирует фразеологическая пара **“het voortouw nemen”** (букв. взять канат, привязанный к носу корабля, чтобы перетащить его) и русской ФЕ “взять на буксир”. Первая имеет значение “взять инициативу в свои руки”, вторая — “помогать отстающему человеку”.

Приведенные примеры показывают, что ошибочное восприятие ФЕ через призму родного языка может привести к сбоям в межкультурной коммуникации.

Подобные ошибки могут появиться и в тех случаях, когда у иностранных ФЕ частично совпадает компонентный состав с ФЕ русского языка. Опираясь на значение известных слов и образы, существующие в родном языке, студент самостоятельно выстраивает значение таких ФЕ. Например, нидерландскую ФЕ **“met zijn neus in de wind lopen”** (букв. идти с носом по ветру) он соотносит с русской “держат нос по ветру”. К такому выводу его подталкивают слова “нос” и “ветер” в нидерландской ФЕ. В действительности она имеет значение “быть высокомерным” и больше совпадает с русской “задирать нос”.

Отрицательно повлиять на межкультурную коммуникацию могут и идиомы, не имеющие соответствий с русскими ни в компонентном составе, ни по внутренней форме. В этом случае студенты могут не понять, что имеют дело с ФЕ и перевести ее дословно. Подобных идиом много, например, **“met de deur in huis vallen”** (букв. ввалиться в дом вместе с дверью) или **“van wal steken”** (букв. оттолкнуться от берега). Обе ФЕ относятся к семантическому полю “говорить”.

Неправильно понятые ФЕ иностранного языка мешают межкультурной коммуникации, что первоначально происходит при их восприятии, а затем и при употреблении в речи.

Следует назвать еще одну группу “ложных друзей” среди нидерландских ФЕ. Эти ФЕ, существующие в двух языках и появившиеся из общего источника, могут иметь некоторое несовпадение внешней формы при совпадении значения. Примеры подобного рода можно привести из различных частей нидерландской фразеологической картины мира. Например, “морские” ФЕ, связанные с профессиональной деятельностью человека на море, библеизмы [3] и т.д. Без труда понимая их значения, студент не обращает внимания на различия в компонентном составе. Но при употреблении этих ФЕ в речи он опирается только на родной язык и поэтому может внести изменения в их грамматический строй, опустить или добавить слова. Студент может не заметить, что в нидерландском языке танцуют под чьи-то дудки, а не под дудку (“**naar iemands pijpen dansen**”); держат на пульсе палец, а не руку (“**de vinger aan de pols houden**”); ставят над “i” точки, а не точку (“**de puntjes op de “i” zetten**”). Это не мешает межкультурному общению, но может вызвать некое раздражение у носителя языка. На подобные отличия у ФЕ нужно обращать внимание студентов.

Помочь правильно употреблять идиому может объяснение ее этимологии. Например, понять, почему нидерландская ФЕ “**een wassen neus**” (букв. нос из воска) имеет значение “обман”, можно, только зная, что это относится к истории театра. Понимая, какую информацию о культуре народа, говорящего на данном языке, содержит каждая идиома, студент будет более результативно участвовать в межкультурной коммуникации.

Список литературы:

1. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. М. : Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2013.
2. Павлова Л. П. Библеизмы в нидерландском языке // Славянская фразеология и Библия, Griefswald. S. Peterburg — Ruzomberok, 2013.
3. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М. : Слово, 2008.

Сведения об авторе: Павлова Людмила Панасовна, к.ф.н., курсы иностранных языков “Мегаполис”; email: pavlova-l@nm.ru

IDIOMS OF A FOREIGN LANGUAGE AND THEIR INFLUENCE ON CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Luidmila P. Pavlova

PhD in Philology, “Megapolis” Language Courses (Moscow);
email: pavlova-l@nm.ru

Abstract

The most important aim of learning foreign languages is communication with people of different nationalities. This article deals with the analysis of the relations between Dutch and Russian idioms, which have always cultural and national connotation. The success of the process of communication much depends how the speaker uses his background knowledge about the culture of another nation. If a student doesn't understand the meaning of a foreign idiom and uses it he can make serious mistakes in the cross-cultural communication. There are a lot of Dutch idioms which inner form and words composition resemble Russian. But in fact they have another meaning. They are "false friends" to a student. The student must be prepared for it. There are also idioms in two compared languages from the same source, and they have the same meaning, but some differences in their form. In this case it is necessary for a student to work regularly at etymology of idioms in order to receive the cultural knowledge and to avoid a mistake in the use of an idiom.

Key words: cross-cultural communication, idioms, "false friends".

References:

1. Kovshova, M. L. (2013). *Lingvokul'turologicheskii metod vo fra-zeologii: Kody kul'tury* [Linguacultural method in phraseology]. M.: LIBROKOM.
2. Pavlova, L. P. (2013). Bibleizmy v niderlandskom iazyke [Biblical expressions in the Dutch]. *Slavic phraseology and the Bible, Griefswald*. S. Peterburg — Ruzomberok.
3. Ter-Minasova, S. G. (2008). *Voina i mir iazykov i kul'tur* [The war and the peace of languages and cultures]. M.: Slovo.

Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации

Н. И. Пушина

Удмуртский государственный университет
г. Ижевск

Аннотация

В работе рассматриваются коммуникативные неудачи в сфере межкультурной коммуникации, занимающей особое место в современном коммуникационном пространстве и охватывающей все формы общения между людьми из различных социокультурных групп, между культурами, расами, этническими группами, религиями и субкультурами. Подчеркивается тот факт, что в каждой куль-

туре имеются свои нормы и правила поведения, свой дискурсивный стиль — “манера речи” носителей языковой культуры, конвенции общения, обуславливающие принятые и допустимые формы выражения определенных социально значимых смыслов. Межкультурная коммуникация в ряде случаев отмечена коммуникативными неудачами — различного рода дискомфортом, возникающим в процессе естественного диалогического общения. При осуществлении коммуникативного намерения коммуницирующих сторон в межкультурной коммуникации необходимо знание особенностей взаимодействующих культур, владение языком коммуникации, транспонируемого в сферу речевых актов, обнаруживающих различия в их осуществлении и оформлении, обусловленные различиями в культуре, в культурных традициях, в менталитете.

Ключевые слова: коммуникация, межкультурная коммуникация, коммуникативные неудачи, дискурсивный стиль, культура, язык, речевые акты.

В современном коммуникационном пространстве, включающем разные типы коммуникаций, межкультурная коммуникация (МК) занимает особое место. Ставшая повседневной реальностью, МК представляет собой возможность общения с представителями разных культур на основе диалога, установления контактов, стремления понять друг друга. В каждой культуре имеются свои нормы и правила поведения, свой дискурсивный стиль — “манера речи” (ведения дискурса) носителей языковой культуры, конвенции общения, обуславливающие принятые и допустимые формы выражения определенных социально значимых смыслов. Способы кодирования этих смыслов (не только языковые) так же, как и сами смыслы, могут существенно различаться в разных культурах, что создает проблемы в межкультурном общении.

Базу кодовых знаний коммуникантов составляют языковые знания, определяя то, каким образом, с помощью каких средств они должны или могут оформлять свое коммуникативное намерение в определенной ситуации общения [2]. Тем не менее МК во множестве случаев отмечена коммуникативными (речевыми) ошибками, нарушениями, отклонениями, сбиться, неудачами, провалами, недоразумениями, дефектами, конфликтами и т.д. — различного рода дискомфортом, возникающим в процессе естественного диалогического общения, — рассматриваемыми в сфере речевой конфликтологии. Наиболее емким среди отмеченных терминов в силу широты охватываемого явления оказывается термин “коммуникативная неудача” — любое непонимание партнерами по коммуникации друг друга, любой нежелательный, эмоциональный эффект, случаи несовпадения коммуникативных намерений говорящего и их прочтения слушающим.

В процесс межкультурного взаимодействия его участники часто вступают с разными коммуникативными ожиданиями, детерминированными социальным и дискурсивным опытом своей родной культуры, а также стереотипами в отношении инокультурных партнеров по коммуникации [2]. Так, в книге Билла Брайсона “Notes from a Small Island” отмечается немало неприятных моментов для автора в общении и с хозяйкой, и с постояльцами небольшой гостиницы в Дувре. Однако автор получил весьма язвительное замечание по поводу целесообразности его приезда в Британию, коль скоро в Америке есть все и даже кукурузные хлопья:

‘And what about cornflakes?’

‘I beg your pardon?’

‘Do you have cornflakes in America?’

‘Well, actually, they’re American, too.’

‘Never’

‘Fancy! So what brings you to Britain then if you have cornflakes already?’ [6].

Исследователями в сфере речевой конфликтологии приводится немало факторов, внимание к которым способно минимизировать конфликтность общения, в частности ситуативные, контекстуальные, продуктивные и рецептивные факторы, нарушение этических норм, усечение предложения, недоговоренность и т.д. [4]. Однако применительно к МК в качестве исходного требования следует отметить обладание коммуницирующими сторонами знанием особенностей взаимодействующих культур, владение языком коммуникации, транспонируемого в сферу речевых актов, таких как утверждение, просьба, вопрос, приказ, выражение благодарности, извинение и т.д., поскольку культурная и этнокультурная вариативность находит множественные выражения именно в сфере речевых актов [3]. Так, например, исследователи большое внимание уделяют речевому акту “совет”, широко распространенному в русском языке и русскоязычном речевом общении, что, очевидно, обусловлено коллективистским “другоцентрическим” русским языковым сознанием и общностью традиционной русской культуры [3].

Для англоязычной культуры, индивидуалистской в своей основе, данный речевой акт менее характерен, поскольку непрошенный совет означает вторжение в личное пространство Англичане и американцы предпочитают выбирать косвенную форму совета, избегая употребления императивных конструкций — *If I were you I’d...*; форму вопроса — *Have you thought of trying?;* а также утверждения — *I usually do it like this...*, позволяющие партнеру по коммуникации сделать собственный вывод о целесообразности поступить так, как в таких случаях обычно поступает говорящий [3].

Русские гораздо чаще используют прямые формы выражения совета — императивную конструкцию, глагол “советовать”. Такое

культурное различие в англоязычной культуре обусловлено широко распространенным в речевых актах приемом недосказа или уменьшения [5].

Помимо совета, особой культурной специфичностью обладают такие директивные акты, как просьба и приказ, реализуемые побудительными высказываниями. В англоязычном сообществе наиболее частотным средством для выражения побуждения являются косвенные формы побуждения — вопросительные предложения типа *will you, would you, could you, how about, why don't we, I was wondering if I could...* и т.д. В русскоязычном дискурсе преобладают прямые директивные высказывания с глаголами в форме повелительного наклонения [3].

Отмечаются различия и в вопросительных речевых актах, в частности тех, которые выходят за рамки этически некорректных вопросов. Например, когда женщину спрашивают о ее возрасте. В англоязычной культуре принято говорить: *A woman is as old as she looks* — Женщине столько лет, на сколько она выглядит. Следует иметь в виду и табуированные вопросы.

При осуществлении вопросительного речевого акта коммуникативная неудача может быть связана с семантической ошибкой, при которой одно знаменательное слово заменяется в тексте другим, близким по звучанию, но с иным смыслом — малапропизмом — *caff (кафе) — calf (теленка)*.

Отмеченные здесь различия в осуществлении и оформлении некоторых речевых актов обусловлены не только различиями в культуре, в культурных традициях, но и в менталитете. Однако соблюдение хорошо известных принципов — принципа кооперации Г.П. Грайса, характеризующего порядок совместного оперирования информацией в структуре коммуникативного акта, и принципа вежливости Дж. Лича, соблюдение которого создает среду позитивного взаимодействия, обеспечивает благоприятный фон для реализации коммуникативных стратегий максимами такта, одобрения, согласия, симпатии и т.д. [1; 7], — способно привести к выработке умений переключаться в МК с кода одной культуры на код другой культуры, минимизируя коммуникативные неудачи и конфликтные коммуникативные ситуации.

Список литературы:

1. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.
2. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М. : Издательский центр “Академия”, 2006. 336 с.
3. Козлова Л. А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего. Барнаул : АлтГПА, 2009. 189 с.
4. Мельничук Н. В. Конфликтность общения и причины коммуникативных неудач // Теория и практика языковой коммуникации.

Уфа : Уфимский государственный авиационный технический университет, 2014. С. 186–188.

5. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М. : РИПОЛ классик, 2008. 432 с.
6. Bryson B. Notes from a Small Island. L. : Black Swan, 1998. 352 p.
7. Leech J. Principles of Pragmatics. J. Leech. Longman, 1983. 250 p.
8. Mikes G. How to Be an Alien. L. : Penguin Books Ltd., 1966. 88 p.

Сведения об авторе: Наталья Иосифовна Пушина, д.ф.н., профессор, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия; email: pushinanatalia@yandex.ru

COMMUNICATIVE FAILURES IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Natalia I. Pushina

Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia;
email: pushinanatalia@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to communicative failures in the sphere of intercultural communication which embraces all forms of communication between people from different socio-cultural groups, between cultures, races, ethnic groups, religions and subcultures. There is stressed the fact that any culture has its norms and rules of behaviour, its discourse style — “manner of speech” of its representatives, speech conventions upon which the admitted forms of socio-important meanings depend. Intercultural communication is often marked by communicative failures — a certain discomfort which appears in a dialogue. In the process of communicative intentions in intercultural communication it is necessary to have the knowledge of cultural peculiarities and communication language transferred into the sphere of speech acts which show the differences in their realization and form, caused by culture differences, cultural traditions and mentality.

Key words: communication, intercultural communication, communicative failures, discourse style, culture, language, speech acts.

References:

1. Grice, H. P. (1985). *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and conversation]. *Novoe v zarubezhnoi lin-gvistike*. M.: Progress. P. 217–237.
2. Grishaeva, L. I. & Tsuricova, L. V. (2006). *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Introduction to Intercultural Communication Theory]. M.: Publishing Centre “Academia”. 336 p.

3. Kozlova, L. A. (2009). *Etnokul'turnyi potentsial grammaticheskogo stroia iazyka i ego realizatsiia v grammatike govoriashchego* [Ethno-cultural Potential of Grammar and Its Realization in Speaker's Grammar]. Barnaul: AltGPA. 189 p.
4. Melnitchuk, N. V. (2014). *Konfliktnost' obshcheniia i prichiny kommunikativnykh neudach* [Communication Conflictology and the Reasons of Speech Failures]. *Teoriia i praktika iazykovoi kommunikatsii*. Ufa: Ufa State Aviation Technical University. P. 186–188.
5. Fox, K. (2008). *Nabliudaia za anglichanami. Skrytye pravila povedeniia* [Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour]. L.: Hodder. 424 p.
6. Bryson, B. (1998). *Notes from a Small Island*. L.: Black Swan. 352 p.
7. Leech, J. (1983). *Principles of Pragmatics*. Longman. 250 p.
8. Mikes, G. (1996). *How to Be an Alien*. L.: Penguin Books Ltd. 88 p.

Межкультурный диалог как ключевой фактор профессиональной подготовки политологов-международников

Н. А. Рябенко

МГИМО МИД России

Аннотация

В статье рассматриваются возможности использования интерактивных технологий (имитационные, деловые, ролевые игры) в целях эффективного формирования коммуникативной компетентности специалистов политологов-международников в рамках контекстного обучения, реализуемого посредством интерактивных игровых технологий. Автор рассматривает понятия “диалог”, “межкультурный диалог” и “межкультурная коммуникация” как образовательные технологии в рамках интеграции будущих политологов-международников в международное политико-экономическое сообщество, а также как приоритетное направление в международном взаимодействии и фактор продвижения политики “мягкой силы”. Автор рассматривает термин “коммуникативная компетенция”, анализирует основные коммуникативные компетенции МГИМО МИД России в связи с подготовкой будущих политологов-международников к профессиональной иноязычной коммуникации средствами интерактивных технологий. Автор анализирует поэтапное применение игровых технологий в учебном процессе. Отмечается необходимость приблизить вузовскую подготовку по иностранному языку к реальным профессиональным нуждам, чтобы обеспечить должный уровень владения языком, а также дать возможность выпускникам конкурировать на рынке труда.

Н. А. Рябенко

Ключевые слова: политолог-международник, межкультурная коммуникация, компетенция, контекстно-знаковое обучение, игровые технологии.

На сегодняшний день в условиях быстро глобализующегося мира возрастает значимость профессионально ориентированного общения на иностранном языке с представителями других культур. Иностранный язык является необходимым инструментом для ведения диалога на международной арене не только в политической сфере, но и в экономической, и социокультурной. Система образования в высшей школе в свою очередь должна ориентироваться на потребности мирового сообщества и осуществлять подготовку конкурентоспособных кадров, способных достойно представлять свою страну на международной арене в рамках межкультурного диалога. Для данной работы актуально определить понятия “диалог” и “межкультурный диалог”. Толковый словарь русского языка определяет термин “диалог” как “переговоры, контакты между двумя странами, сторонами” [3, с. 287]. В свою очередь С. Н. Лютова понимает диалог как беседу между двумя оппонентами, являющуюся основной формой коммуникации при ответах на вопросы. М. В. Силантьева трактует “межкультурный диалог” как ключевой фактор международного сотрудничества в условиях глобализации и как средство продвижения политики “мягкой силы”. Академик А. В. Торкунов определяет “мягкую силу” как “способность государства привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов” [2, с. 85].

Учитывая важность и многообразие коммуникативных процессов, происходящих в политико-экономическом сообществе, дисциплина “иностраный язык” занимает центральное место, а формирование коммуникативной компетенции является ключевым аспектом профессиональной подготовки.

В первую очередь здесь необходимо рассмотреть понятие “коммуникативная компетенция”. Проблемы коммуникации были изучены в работах отечественных ученых, таких как: А. А. Вербицкий, Е. И. Пассов, А. А. Леонтьев. В современной педагогической литературе представлено много различных определений понятия “коммуникативная компетенция” (И. А. Зимняя, Н. И. Гез, А. В. Хуторской, В. В. Краевский). В широком смысле “коммуникативная компетенция” — это умение взаимодействовать с окружающими, осуществление общения в рамках совместной деятельности, а также принятие на себя определенных социальных ролей. И. А. Зимняя трактует коммуникативную компетенцию как “способность сред-

ствами иностранного языка осуществлять речевую деятельность, реализуя коммуникативное речевое поведение на основе известных фонологических, лексических, грамматических, социолингвистических и страноведческих знаний, умений и навыков в соответствии с ситуациями общения в соответствии с определенной сферой общения” [1, с. 219].

Учитывая важность формирования коммуникативной компетенции, возникает потребность обеспечить педагогические условия для развития профессионально ориентированного коммуникативного компонента у будущих специалистов международных отношений, другими словами, учащиеся должны начать выполнять профессионально подобную деятельность в процессе обучения. Согласно теории деятельности А. Н. Леонтьева, человек способен присвоить социальный опыт только в процессе самой деятельности. В связи с этим особую актуальность здесь приобретает теория контекстного обучения, автором которой является А. А. Вербицкий, позволяющая в учебном процессе приблизить учебную деятельность к будущей профессиональной посредством активных методов обучения. Ключевым аспектом теории является то, что студент получает целостное представление о будущей деятельности, что значительно упрощает его переход и адаптацию к реальным профессиональным обязанностям. А. А. Вербицкий отмечает, что контекстное обучение позволяет в учебном процессе моделировать содержание будущей деятельности специалистов. Выполняя квазипрофессиональную деятельность (А. А. Вербицкий), студенты переходят от учебной деятельности к профессионально ориентированной, научаясь выполнять реальные задачи. Теория контекстного обучения реализуется через применение активных методов обучения, в частности через игровые технологии. Игровые технологии — это игры, основанные на групповом взаимодействии диалогического или полилогического характера, направленные на разрешение конкретной заданной проблемы.

Поле применения интерактивных технологий в учебном процессе очень широко. В первую очередь интерактивные технологии, включающие в себя деловые, ролевые, имитационные игры, дискуссии и дебаты, применяются для повышения качества учебного процесса. Во-первых, они могут быть эффективны на разных этапах обучения иностранному языку, причем на каждом новом этапе обучающиеся будут решать новую задачу, используя новые лингвистические средства, приобретенные механизмы разрешения языковых трудностей, учитывая меняющиеся типы общения и коммуникативные цели, социальный контекст. Во-вторых, интерактивные технологии, в частности ролевые задания, могут успешно использоваться в качестве средств оценивания коммуникативной компетенции на разных уровнях владения языком (на разных курсах), что позволяет поэтапно

замерять прирост лексико-грамматических средств, расширение синонимического ряда, функционального словаря, необходимого для ведения беседы согласно нормам, принятым в культуре изучаемого языка, а также умение логично и связно строить аргументативное высказывание на заданную тематику. В-третьих, игровые интерактивные технологии позволяют студентам еще на стадии обучения в вузе применять свои знания и коммуникативные умения, общаясь со сверстниками из других учебных заведений и из других стран в рамках проводимых деловых и ролевых игр и попробовать себя в процессе обсуждения проблем и выработки решений в ситуациях, приближенных к будущим профессиональным. Например, в МГИМО МИД России на протяжении нескольких лет проводится международная деловая игра “Модель ООН”, вовлекающая большое количество участников из разных вузов и стран. Данная деловая игра является ярким примером того, как посредством интерактивных игровых технологий можно развивать лингвистическую и межкультурную компетенции. Студенты имеют возможность проявить себя как часть группы, так и индивидуально. Игра проводится на иностранном языке, преимущественно на английском, участники проигрывают роли политических деятелей разных стран, что способствует более глубокому изучению культуры другой страны, а также воспитывает уважение и интерес к культурному многообразию.

Список литературы:

1. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. М. : Русский язык, 1989. 223 с.
2. Торкунов А. В. Образование как инструмент “мягкой силы” во внешней политике России // Вестник МГИМО–Университета. 2012. № 4. С. 85–93.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд. Москва, 1999. 944 с.

Сведения об авторе: Наталья Леонидовна Рябенко, старший преподаватель кафедры английского языка № 7 МГИМО МИД России; email: nlr0506@mail.ru

CROSS CULTURAL DIALOGUE AS A KEY FACTOR IN PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS MAJORING IN POLITICAL SCIENCE

Natalia L. Ryabenko

Senior Lecturer at the School of Political Affairs, MGIMO University;
email: nlr0506@mail.ru

Abstract

The article considers the main areas of professional activity of political scientists in the sphere of international relations, as well as the significance of professional language training as an essential part of vocational training. The author analyzes the terms “dialogue”, “competence” and “cross-cultural communication” and discusses the use of role-plays and simulations in order to form effectively communicative competence of students majoring in political science on different levels of educational process. The article focuses on the main communicative competences of future political scientists, which provide effective communication in professional discourse. The author gives a brief review of the term “context” and Context Education Theory. In conclusion, the author emphasizes the importance of making learning relevant to the experience of learners and their work context.

Key words: role-play, simulation, cross-cultural communication, context education theory, political science student, communicative competence.

References:

1. Zimnjaja, I. A. (1989). *Psihologija obuchenija nerodnomu jazyku* [The Psychology of teaching foreign language]. M.: Russkij jazyk. 223 p.
2. Torkunov, A. V. (2012). *Obrazovanie kak instrument “mjagkoj sily” vo vneshnej politike Rossii* [Education as an instrument of “soft power” in the foreign policy of Russia]. *Vestnik MGIMO–Universiteta*, 4, 85–93.
3. Ozhegov, S. I. & Shvedova, N. Ju. (1999). *Tolkovyj slovar’ russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language by Ozhegov and Shvedova]. 4th ed. Rossijskaja Akademija nauk, institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Moskva. 944 p.

Как перезимовать лето?

Т. В. Седова

Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова”

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о едином механизме формирования картины мира у разных народов. В связи с этим изучается влияние экстралингвистических и лингвистических факторов на формирование картины мира у русского и испанского народов. В частности, различие в природно-климатических условиях Испании и России позволяет испанскому и русскому народам диаметрально по-разному выстраивать значимость и важность влияния различных времен года

на трудовую и хозяйственную жизнь. Для этого сопоставляются два глагола русского и испанского языков: зимовать и *veranear*, а также их отглагольные существительные. В связи с узусным использованием *casa veraneo* выносятся вопрос о лексической или синтаксической природе данного словообразования. Обращается внимание и на иллокутивный потенциал лексико-семантической конструкции “Перезимуем?”. А также на испанский вариант, необходимый для корректной и полновесной межкультурной коммуникации, перевода лексемы “дачники”.

Ключевые слова: картина мира, семантический анализ, сема, иллокуция, отглагольное существительное.

Мы же из разных миров, у нас дело к зиме, а у вас к лету...
Да и вообще, Австралия так далеко...

Екатерина Вильмонт.

Проверим на вшивость господина адвоката

Каково оно, лето, в Севилье? Любой скажет, что жаркое. А насколько жаркое? Солнце, подобно Терминатору, выжигает всё и вся, нет ни капли дождя, температура днем в июне колеблется около 30 градусов по Цельсию, в июле она поднимается и достигает 33–35 градусов, а вот уже в августе — 34–37 градусов.

Народная артистка СССР Елена Васильевна Образцова вспоминает, что когда они с режиссером Франко Дзефирелли экранизировали в Испании оперу Пьетро Масканьи “Сельская честь” (*Cavalleria Rusticana*), в перерывах между съемками ей и Монсеррат Кабалье приходилось передвигаться по Севилье очень медленно, буквально гусиным шагом, и не размахивать при ходьбе руками, избегая лишних движений, чтобы горячий, раскаленный поток воздуха не опалил лицо. Такова Севилья. Испания.

А какая она, зима, в Сибири? Средние температуры января колеблются от –16 градусов на юге Западной Сибири до –48 градусов на востоке Якутии. На востоке Якутии находится полюс холода Северного полушария (абсолютный минимум).

Понятно, что между условиями жизни населения Севильи и Сибири есть “большая разница”. Условия проживания, осуществление трудовой деятельности диаметрально противоположны. Та реальность, в которой существуют жители Севильи и жители Сибири, выстраивается в определенные координаты универсального восприятия, в определенный образ, определенную картину мира. Такая картина мира складывалась на протяжении веков как на генетическом, так и на филогенезном уровне. Представьте поколения и поколения сибиряков, не выезжавших дальше своей местности, своего селения. Даже обра-

зованным людям, не бывавшим за рубежом, в других странах, странно, и диковинно, и почти непостижимо то, что летом где-то можно умирать от жары, а зимой не задумываться о том, как согреться. И такая картина мира понемногу входит в мысли и чувства и овладевает сознанием, и постепенно находит выражение в языке, или языковом сознании народа. Как писал Вильгельм фон Гумбольдт, “каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг” [2, с. 360]. И происходит это потому, что “в каждом языке оказывается заложенным свое мировоззрение” [2, с. 360].

Рассмотрим, какое место в круге, который описывает русский язык, занимает лексема “зимовать”. Ядерной семой лексемы будет “проводить где-то холодное время года, зиму”. Безусловно, зимует человек. *Как он перезимует? Как Украине перезимовать?* Зимуют войска, когда действующий состав размещают на зимних квартирах: *Монгольское войско перезимовало в Крыму, одновременно разорив большинство городов и поселений на полуострове, весной того же года отправилось на соединение с основными силами Чингиз-Хана — в Центральную Азию.* Зимуют птицы, рыбы и животные: *Оседлых птиц, то есть тех, которые остаются зимовать, в наших краях не так уж и много, где-то около семидесяти видов. Есть “зимующие птицы”, которые живут с нами летом и остаются жить рядом с нами и зимой.* Зимуют и растения, выдерживая сильные морозы, при этом оставаясь в грунте. В русской картине мира зимовать могут и суда. *Корабли зимовали в кронштадтских гаванях или у причалов ленинградских заводов.*

Отглагольное существительное от “зимовать” — “зимование”. *Булгаков сообщил экипажам, что уговоры Блистательной Порты будут продолжены, но все-таки советовал готовиться к зимованию в Буюк-Дерс.* На наш взгляд, лексема “зимовка” стала дублетно замещать и вытеснять в русском языке “зимование” в его единственном значении “провести зиму” и выстроило свою прочную позицию в значении “место, где можно провести холодное время года”. Сравним два примера: *Нашим розводам стоит помнить, что мы находимся в зоне рискованного земледелия и зимовка может принести достаточно сюрпризов, но не стоит расстраиваться, если даже роза плохо перезимовала.* — *Что бы ты посоветовал человеку, который впервые поедет на зимовку или в отпуск на Бали?* Но русского человека в современном мире стал интересовать еще один вопрос: как перезимовать лето? И, по сути, получается то, о чем писал еще Вильгельм фон Гумбольдт: “Некоторые народы будто бы удовлетворяются той картиной мира, которую создает для них родной язык, и только стараются внести в нее больше света, связности и равновесия. Другие же, беспрестанно углубляя мысль, считают невозможным выразить ее в когда-либо в достаточной мере, найти подходящее для нее выражение

и пренебрегают поэтому совершенством формы” [4, с. 378–379]. Как видим, наши соотечественники пренебрегают словоформой “зимовать”, где корнем выступает “-зим-”, то есть “зима” — “самое холодное, самое лютое время года, характеризующееся низкими температурными показателями”. И условия существования ставят перед русскими задачу провести где-то лето, которое в течение последних трех–четырёх лет становится нестерпимо жарким из-за раскаленного асфальта в мегаполисах и горящих лесов и, как следствие, смога, — в сельской местности. И в картину мира русского человека встраивается, несмотря на пренебрежение морфологией, лексема “перезимовать” с синтаксической связью с лексемой “лето”, что, по сути, оксюморон “перезимовать лето” выводит почти в общеупотребительное поле.

В испанском языке существует глагол *veranear*, образованный так же, как русский глагол “перезимовать” от существительного “зима”, но только от существительного *verano* — “лето”. В испанском языке ядерной семьей глагола будет не только “провести где-то лето”, а “провести его там, где человек обычно не проживает, т. е. вне зоны его постоянного местоживания”. *Historias para no veranear: el paro y los intereses siguen subiendo*. Важно, что, как и в русском языке, время года, на которое рассчитан глагол *veranear*, — это лето. Тогда встает вопрос, что у испанцев можно считать летним сезоном и что такое лето для латиноамериканцев? Некоторые из школьного курса географии помнят, а некоторые, уже повзрослевшие люди, благодаря накопленному жизненному опыту знают, что календарное лето в Латинской Америке начинается тогда, когда у нас, европейцев, календарная зима. Европейцы зимуют, а латиноамериканцы *veranean*. Но существительное *veraneante*, которое чаще всего переводят как “отдыхающий / отдыхающая”, утрачивает за собой “ничегонеделанья” сему темпорального показателя — “ничегонеделанье во время лета, отпуска или каникул”, которые, по логике жизни, должны приходиться на летнее, самое горячее и жаркое время года для Испании и Латинской Америки. *¿Dónde veranean los políticos españoles? La razón, que Zapatero prefiere no tener un sitio fijo donde veranear todos los años*.

В испанском языке *veraneo* — проведение отпуска или каникул вне места, в котором постоянно проживает отдыхающий. Как видим, все три лексемы имеют обязательно сему “иное временное пребывание” и обязательную связанную с первой и опирающуюся на нее сему “движения”, безусловно, латентно выраженную. Сравните, в русском языке “отдыхающий” может отдыхать и у себя дома, а вот испанец или латиноамериканец могут *veranear*, только отъехав от своего постоянного места жительства. *El pueblo se llena de veraneantes en agosto*. Это еще раз подчеркивает правильность позиции Вильгельма фон Гумбольдта: “Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира; до известной

степени так дело и обстоит, поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений определенной части человечества”. [3, с. 80]. Вот, к примеру, пьесу Максима Горького “Дачники” корректно переводят “Los veraneantes”.

Каким же должно быть место, локус, где комфортнее всего было бы проводить отпуск или каникулы? Для испанской языковой картины — это *una casa de veraneo que no tiene que ser grande. Simplemente nos tiene que proporcionar el espacio suficiente para dormir, bañarnos y comer*. Для русского человека такое место — это не что иное, как дача. И хотя традиционно учебники испанского языка “дачу” дают словосочетанием “casa de campo” (дом в сельской местности, дом в поле), то подобно тому, как в русском языке выкристаллизовалось “перезимовать лето”, так и в испанском утвердилось “casa veraneo” — дача, летний домик. *Busco viviendas en alquiler al mejor precio. — Tenemos 31 viviendas en alquiler para tu búsqueda casa veraneo, con precios desde 400*. Но возникает вопрос, возможно ли новое лексическое образование, оформленное сращением двух самостоятельных существительных casa и veraneo, считать новой лексемой языка, обогащающей и дополняющей картину мира “испанского потребителя”? И в связи с сосуществованием casa veraneo и casa de veraneo встает вопрос, затронутый Ниной Давидовной Арутюновой в монографии “Проблемы морфологии и словообразования”. К примеру, Хулио Касарес называет образования типа casa veraneo сдвоенными выражениями (locuciones geminadas) [1, с. 113], при этом он их еще не причисляет к словам, но подчеркивает их лексический характер.

В современном испанском языке формальным конкретным показателем грамматической оформленности имени существительного является способ образования множественного числа. Если в словосочетании происходит раздельное флектирование компонентов, то в сложном слове флексия множественного числа — общая у обоих компонентов. Но в сочетании casa veraneo изменение окончания происходит только у первого существительного casa, второй компонент остается неизменяемым. Однако это вряд ли дает возможность утверждать, что второй компонент навсегда останется неизменной, никаким образом не оформленной основой существительного, вступающей в словосложение. Исторически формирование некоторых сложных существительных в испанском языке шло именно по линии переноса окончания -s с первого компонента на второй, поскольку грамматическая оформленность сложного существительного в испанском языке достигается путем флектирования второго, а не первого компонента. Например, так произошло с las bocas de calle > las bocas — calles > las bocacalles [1, с. 115]. На этом основании можно сделать вывод о том, что в современном испанском языке пока образование типа la casa veraneo является не сложным словом, а устойчивым

словосочетанием определительного типа, между членами которого отсутствует согласование в роде и числе. Но с другой стороны, второе существительное адъективируется лишь частично, по морфологическим признакам оно не сближается с именем прилагательным. И чем меньше степень адъективации второго компонента, если сравнить словосочетания *la casa veraneo* и *la casa rosa — el sueter rosa*, то тем более устойчивым оно является. Если разделять такое мнение и соглашаться с такой позицией, то можно сделать вывод о том, что преждевременно относить *la casa veraneo* к вновь образованным лексическим единицам испанского современного языка, но к разряду определенных устойчивых словосочетаний его отнести вполне уместно. Издалека к нам пришла идиома “показать, где раки зимуют”. Причем в двух разновидностях — пословичном “*Я тебе покажу, где раки зимуют!*” и поговорочном “*где раки зимуют*”. Русский человек продолжает так говорить и в XXI веке, наделяя фразу иллюкуцией угрозы или запугивания. Но уже мало кто помнит, а тем более знает, где же зимуют эти самые раки и тем более этимологию данной поговорки. А крепостной быт XVII–XVIII веков позволял барину провинившегося холопа послать в сентябре — ноябре на ловлю раков, зимовавших в реках в норках. Почти всегда такие принудительные экспедиции по ловле раков в осенне-зимнее время заканчивались тяжелым и продолжительным недомоганием и часто даже смертью добытчика раков. Так бытие с зимованием раков и их зимней ловлей формирует представление нерусского человека о мире, быте, истории и даже сегодняшнем дне русского человека. А у русского, например, как у такого, как Марина Цветаева, культурный смысл “смерть” объективирован ядерными номинативными доминантами “лед”, “зимовье”, “снег”, содержащими семы “нахождение ‘под’”, “отсутствие света”, “отсутствие тепла” [5, с. 42]. И отметим последнее, на наш взгляд, самое интересное и необычное, хотя и не зафиксированное в современных словарях, — новое значение лексемы “зимовать”. Лексема “зимовать” все больше стала употребляться метафорически, то есть в значении “справиться с временными трудностями”. Как зима — явление временное, преходящее, то и трудности — тоже временны. Они пройдут. Духовное развитие и эмоциональное состояние человека напрямую отражается в языке и показывается через язык. Поэтому Митя Фомин в своей песне “Перезимуем” поет: *Я напеваю, я точно знаю. И пусть придут холода, а мы их перезимуем, перезимуем, перезимуем, перезимуем...*

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования: На материале испанского языка. М. : Языки славянских культур, 2007. 288 с.

2. Гумбольдт Вильгельм. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 400 с.
3. Гумбольдт Вильгельм. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 452 с.
4. Гумбольдт Вильгельм. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 452 с.
5. Четверикова О. В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: автореф. дис. ... д.ф.н. Тверь, 2013. 52 с.

Сведения об авторе: Седова Татьяна Викторовна, к.ф.н., доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия; email: paratania@mail.ru

HOW TO PASS THE SUMMER TIME?

Tatiana V. Sedova

Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; email: paratania@mail.ru

Abstract

The article is about the single mechanism for formation of different world view. In this regard, the influence of extra-linguistic and linguistic factors on formation of world view of Russian and Spanish peoples are studied. In particular, the difference in the climatic conditions of Russia and Spain allow Spanish and Russian peoples acknowledge diametrically differently the significance and importance of the effect of different seasons on the economic life. For this purpose two verbs: to winter and veranear as well as their verbal nouns are analyzed. In this connection, linguistic nature of such formation as casa veraneo is discussed. The illocutionary potential of the lexical and semantic structure “Will get through the winter?” is also under focus as well as Spanish variant necessary for correct and broad intercultural communication of the word “cottagers”.

Key words: picture of the world, semantic analysis, seme, illocution, verbal noun.

References:

1. Arutiunova, N. D. (2007). *Problemy morfologii i slovoobrazovaniia: Na materiale ispanskogo iazyka* [Problems of morphology and word formation: On material of Spanish]. Moscow: Iazyki slavia. 288 p.
2. Gumbol'dt, Vil'gel'm. (1984). *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu* [Select works on linguistics]. Moscow: Progress. 400 p.

3. Gumbołdt, Viłgel'm. (1985). O razlichii stroeniiia chelovecheskikh iazykov i ego vliianii na dukhovnoe razvitie chelovechestva [About distinction of a structure of human languages and its influence on spiritual development of humanity]. *Iazyk i filosofiiia kul'tury*. Moscow: Progress. 452 p.
4. Gumbołdt, Viłgel'm. (1985). Kharakter iazyka i kharakter naroda [Character of language and character of the people]. *Iazyk i filosofiiia kul'tury*. Moscow: Progress. 452 p.
5. Chetverikova, O. V. (2013). *Znaki avtorstva kak sredstva verbal'noi manifestatsii smyslovoi sfery tvorcheskoi iazykovoi lichnosti* [Signs of authorship as facilities of verbal manifestation of semantic sphere of creative language personality]: avtoref. diss. ... d.f.n. Tver. 52 p.

О проблеме разграничения понятий “билингвизм” и “диглоссия” в ситуации языковой дисбалансировки в техасском территориальном варианте американского английского

Т. В. Скроб

Национально-исследовательский Саратовский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению социально-коммуникативной системы техасского территориального варианта американского английского, обусловленной особенностями языковых ресурсов данного общества и реализующейся в ситуации билингвизма (в условиях совокупности разных языков) или диглоссии (в условиях сочетания литературного языка и варианта). Как в условиях билингвизма, так и в условиях диглоссии составляющие социально-коммуникативной системы (различные языки или разновидности одного и того же языка) функционально дополняют друг друга. В связи с этим в ходе изучения теорий А. Ч. Фергюсона, В. А. Виноградова и Дж. Фишмана была разработана классификация, которая позволяет рассмотреть соотношения языков и их вариантов как в рамках билингвальной, так и диглосной ситуации с учетом особенностей каждого из подходов, а также дано собственное понимание этих явлений. В статическом и динамическом аспектах билингвизм и диглоссия отражают сложившуюся языковую ситуацию в США.

Ключевые слова: билингвизм, диглоссия, языковая ситуация, территориальный вариант, переключение языкового кода.

Представляемая исследовательская работа посвящена рассмотрению социально-коммуникативной системы, обусловленной особенностями языковых ресурсов данного общества. Все социально-коммуникативные системы похожи независимо от того, в какой языковой ситуации они реализуются: в ситуации билингвизма (в условиях совокупности разных языков) или диглоссии (в условиях сочетания литературного языка и варианта). Как в условиях билингвизма, так и в условиях диглоссии составляющие социально-коммуникативной системы (различные языки или разновидности одного и того же языка) функционально дополняют друг друга. В связи с этим в работе были рассмотрены понятия “билингвизм” и “диглоссия” и дано собственное понимание этих явлений.

Впервые понятие “диглоссия” было введено А. Ч. Фергюсоном в 1959 г. В настоящей работе понятие “диглоссия” применяется в той же трактовке, в которой его использовал Фергюсон: “Диглоссия (от греч. di- — дважды и glossa — язык) — одновременное сосуществование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах...” [1].

В ходе изучения теорий А. Ч. Фергюсона, В. А. Виноградова и Дж. Фишмана, а также на основе собственного исследовательского материала нами была произведена классификация, которая представлена в виде таблиц, позволяющих рассмотреть соотношения языков и их вариантов как в рамках билингвальной, так и диглоссной ситуациях с учетом особенностей каждого из подходов. А. Ч. Фергюсон в своих работах функционально разграничивал билингвизм и диглоссию (см. табл. 1). В условиях билингвизма используемые языки функционально равноправны, а при диглоссии один язык он назвал H-языком (high), который является “высоким” (использующийся в религиозной, книжно-письменной, научной, образовательной сферах общения), а второй он назвал L-языком (low), который является “низким” и используется при повседневном, бытовом общении. При

Таблица 1. Теория разграничения билингвизма и диглоссии Ч. А. Фергюсона

Ситуация билингвизма		Ситуация диглоссии	
Функционально равноправные языки	Американский вариант английского языка	Американский вариант английского языка (H-язык)	“Высокий” и “низкий” языки, используются в разных сферах общения
	Мексиканский вариант испанского языка	Мексиканский вариант испанского языка (L-язык)	

этом Н-язык коммуникантами воспринимается как престижный и не является родным для носителей L-языка, Н-язык изучается ими в учебных заведениях (школах, колледжах, институтах).

Теорию А. Ч. Фергюсона поддерживал В. А. Виноградов, который относил к компонентам диглоссии не только разные формы существования одного языка (литературный язык — диалект, примерами которых могут быть классический арабский язык и местные арабские диалекты в странах Магриба), разные стили языка (например, книжный — разговорный), но и разные языки (например, французский и русский в дворянском обществе России XVIII в.). В. А. Виноградов разграничивает явление диглоссии и билингвизма путем выявления у коммуникантов осознанной оценки своих идиомов по шкале “высокий — низкий” [3] (см. табл. 2).

Таблица 2. Теория разграничения билингвизма и диглоссии
В. А. Виноградова

Ситуация диглоссии		Ситуация диглоссии		Ситуация билингвизма	
Разные формы существования одного языка	Литературная норма американского варианта английского языка	Разные языки	Американский вариант английского языка (Н-язык)	Осознанная оценка у коммуникантов своих идиомов по шкале “высокий — низкий”	Американский вариант английского языка (Н-язык)
	Техасский территориальный вариант американского английского		Мексиканский вариант испанского языка (L-язык)		Мексиканский вариант испанского языка (L-язык)

Идеи А. Ч. Фергюсона также получили свое развитие в работах Дж. Фишмана, рассмотревшего в 1967 г. понятие “диглоссии” в ситуации взаимосуществования неродственных языков / вариантов языков. В такой ситуации на одной территории одновременно используются две языковые разновидности, образуя языковой континуум [2].

Ниже представлена таблица 3, отражающая сложившуюся ситуацию в условиях языковой дисбалансировки в штате Техас, США, которая основывается на теории Дж. Фишмана:

Билингвизм и диглоссия также могут быть рассмотрены с динамической и статической точек зрения. При статическом подходе выявляются соотношения между взаимодействующими и сосуществующими языками, их разновидностями в социально-историческом контексте, распределения сфер общения между ними, их роли в жизни общества, социальных функций. Динамический подход выявляет

Таблица 3. Теория определения диглоссии Дж. Фишмана

Ситуация диглоссии		Результат межъязыкового контактирования
Неродственные языки / варианты языков	Американский вариант английского языка	Спанглиш
	Мексиканский вариант испанского языка	

механизм взаимодействия составляющих социально-коммуникативной системы (различных языков / вариантов языка) под влиянием социальных факторов.

В ходе исследования, рассматривая билингвизм в статическом аспекте, стало очевидным доминирующее положение литературного американского английского (Standard American English) в штате Техас, США и маргинальная роль испанского языка. Описывая ситуацию диглоссии в Техасе, нами отмечен доминирующий статус американского английского в отношении другого сосуществующего с ним варианта, получившего название спанглиш (Spanglish). При этом была отмечена прямая зависимость диглоссии от возрастного состава коммуникантов, а также социально-экономических характеристик. Так, наблюдается бóльшая ориентация на спанглиш у детей информантов более низкого социального статуса [4].

Итак, билингвизм нами понимается как употребление двух языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией в пределах определенной социальной общности, а диглоссия — как одновременное существование в обществе двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах и предполагающее обязательную сознательную оценку говорящими своих идиомов по шкале “высокий — низкий”.

Наши наблюдения за функционированием нескольких территориальных вариантов (а не только диалектов и социолектов) в рамках одного национального варианта позволяют утверждать, что существует новый вариант диглоссии, который отмечается во многих языках мира. Например, литературная норма британского английского и формирование и функционирование его нового регионального произносительного стандарта, который получил название Estuary English¹, то же наблюдается во французском языке Франции (см. наличие у него соответствующих региональных вариантов), аналогичная

¹ В самом названии определяется регион, в котором функционирует эта разновидность языка — устье реки Темзы (включая Лондон) и весь прилегающий к нему регион.

Таблица 4. Классификация, отражающая сложившуюся ситуацию диглоссии

Ситуация традиционной диглоссии (литературная норма — диалект / социолект)		Ситуация новой диглоссии (литературная норма — территориальный вариант)	
Британский английский	Литературная норма	Британский английский	Литературная норма
	Диалект / социолект <i>Mockney (Мокни) лондонский рабочий класс</i> <i>Loaf of Bread = Head (Голова).</i>		Территориальный вариант <i>Estuary English (английский устья р. Темзы)</i> <i>Произнесение [u] вместо [ɪ] в таких словах, как hill [hiu] и silk [siuk]: something [θ] — [f]</i>
Американский английский	Литературная норма	Американский английский	Литературная норма
	Диалект / социолект <i>Black English (афро-американский английский, ААЕ)</i> <i>/ð/ вместо [d] (this становится [dis])</i> <i>to muscle = to attack (нападать)</i>		Территориальный вариант <i>Texan English (мехасский английский)</i> <i>ya'll = you (ты, вы, Вы)</i>
Испанский язык	Литературная норма	Испанский язык	Литературная норма
	Диалект / социолект <i>Lunfardo (Лунфардо) язык улицы, воровской</i> <i>rubia = biaru (блондинка)</i>		Территориальный вариант <i>Mexican Spanish (мексиканский испанский)</i> <i>konna = conyo (приятель)</i> <i>muchas gracias = much's gras's</i>

территориальная вариативность в немецком языке в Германии и испанском как на территории Испании, так и на территории Латинской Америки, например, в Мексике.

В связи с этим нами была предложена новая классификация, отражающая описанную сложившуюся ситуацию новой диглоссии (см. табл. 4):

Как уже упоминалось, билингвизм в динамическом аспекте представляет собой механизм “переключения кода” (code switching) — переключение, при котором в процессе коммуникации участник коммуникативного акта использует различные подсистемы языка поочередно. Так, в территориальном варианте техасского английского коммуниканты используют мексиканский вариант испанского языка, сменяя его на спанглиш и наоборот.

Таким образом, как показало проведенное исследование, билингвизм и диглоссия в статическом и динамическом аспектах отражают сложившуюся неустойчивую языковую ситуацию в США. В межъязыковых и межвариантных отношениях отражаются и другие черты языковой ситуации: тесная взаимосвязь социальной дифференциации языка с его территориальной дифференциацией, дисбалансировка языковой ситуации в связи с такими факторами, как миграция, социально-демографические процессы, урбанизация.

Список литературы:

1. Ferguson Ch. Diglossia // Word, 159. 1959. V. 15, № 4. P. 325–340.
2. Fishman J. The sociology of language. Rowley, MA : Newbury House, 1972. P. 251.
3. Виноградов В. А. Диглоссия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990.
4. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М. : Наука, 1983. 307 с.

Сведения об авторе: Татьяна Владимировна Скроб, преподаватель, Национально-исследовательский Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; email: skrobtv@yahoo.com

ON THE PROBLEM OF “BILINGUALISM” AND “DIGLOSSIA” DIFFERENTIATION IN THE LANGUAGE DISBALANCED SITUATION IN TEXAN TERRITORIAL VARIANT OF AMERICAN ENGLISH

Tatyana V. Skrob

Teacher, Saratov State National Research University named after N. G. Chernyshevsky; email: skrobtv@yahoo.com

Abstract

The article studies socio-communicative system of the Texan territorial variant of American English, determined by peculiarities of linguistic resources of particular speech community and realised in the

situation of bilingualism (when different languages are combined) or diglossia (when a literary language and a variant are combined). Both in the situations of bilingualism and diglossia constituents of socio-communicative system (different languages or varieties of one language) functionally supplement each other. Therefore having studied theories of Ch. A. Ferguson, V. A. Vinogradov and J. Fishman some classification has been worked out which helps to study the relations between languages and their variants both in the situation of bilingualism and diglossia with consideration for peculiarities of each approach. Thereby our own understanding of these phenomena is offered. In static and dynamic aspects bilingualism and diglossia present the developed linguistic situation in the USA.

Key words: bilingualism, diglossia, linguistic situation, territorial variant, code switching.

References:

1. Ferguson, Ch. (1959). *Diglossia*, "Word", 159, v. 15, № 4. P. 325–340.
2. Fishman, J. (1972). *The sociology of language*. Rowley, MA: Newbury House. 251 p.
3. Vinogradov, V. A. (1990). Diglossia [Diglossia]. *Lingvisticheskiĭ entsiklopediche-skiĭ slovar'* (Yartseva, V. N., ed.). M.: Soviet. Encyclopedia. 685 p.
4. Shveitser, A. D. (1983). *Sotsial'naiia differentsiatsiia angliiskogo iazyka v SShA* [Social differentiation of the English language in the USA]. M.: Science. 307 p.

Этнокультурные стереотипы в немецком контексте

О. А. Степаненко

Курганский государственный университет

Аннотация

Под этническим стереотипом понимается, как правило, обобщенное представление о физическом, нравственном и умственном облике представителей различных этнических групп. В основе подразделения этнокультурных стереотипов на автостереотипы (суждения о себе) и гетеростереотипы (суждения о других) лежит архетипическая оппозиция "свой" — "чужой". Стереотипам присуща как глубинная, так и поверхностная оценка, последняя допускает позитив в отношении "чужих" и негатив в отношении "своих". В силу глобальных изменений в современном мире многие этнокультурные стереотипы претерпевают изменения.

Ключевые слова: этнокультурный стереотип, лингвокультура, автостереотип, гетеростереотип, “свой” — “чужой”.

О, Запад есть и есть Восток — им вместе не сойтись...
Пока не станет Страшный суд мешать с землею высь.
Но Запада нет и Востока нет — границы, родов, племен —
В краю, где двое мужчин сошлись, из разных придя сторон.
Р. Киплинг

Глубокие по своему смыслу слова замечательного английского писателя Редьярда Киплинга, приведенные в качестве эпиграфа, в полной мере созвучны с эмоциональной и смысловой наполненностью событий, имевших место ранее и происходящих в наши дни в Германии. Их пророческий смысл — в контексте взаимоотношений между восточными и западными немцами — имплицитно, на наш взгляд, целую гамму чувств: недопонимание, взаимные обиды, надежды и разочарования, отчуждение и новые надежды на взаимопонимание.

В связи с тем, что этнокультурные стереотипы не только вызывают эмоции и постоянно воспроизводятся, но и содействуют созданию национальной идентичности, трудно переоценить их важность именно для немцев, постоянно находящихся в поиске национальной идентичности.

Цель данной работы — интегрировать результаты исследования немецких этнокультурных стереотипов. При этом мы опираемся на авторитетные наблюдения, прежде всего, представителей немецкой лингвокультуры, изучающих данный феномен “изнутри”, среди них: Ганс-Дитер Гельферт, Маттиас Матуссек, Герман Баузингер, Ута Квацхофф, Хорст-Дитер Шлоссер.

Практический материал исследования включает этнические анекдоты, художественные и публицистические произведения современных немецких авторов: В. Бирмана, Ф. Брауна, Д. Грюнбейна, Х. Кенигсдорф, К. Вольф, И. Шульце, Р. Кунце, Р. Шнейдера, Ф. Т. Груба, М. Матуссека, Г.-Д. Гельферта, К. Хюбнера и других. Особый интерес для нас представляет информация на порталах немецких газет и журналов и в блогах. Убедительны устные интервью с представителями различных поколений, включая так называемое “третье поколение Восточной Германии”, в силу богатой палитры их “живых” чувств, ощущений, взглядов и мнений.

Интегральное описание языковых явлений, репрезентирующих ментальный мир носителей языка в различных временных координатах, может, на наш взгляд, обеспечить наиболее полное описание объекта исследования и проследить эволюцию взаимоотношений восточных и западных немцев. Этнокультурные стереотипы

анализируются с помощью эксплицитных и имплицитных методов исследования. Первые предполагают изучение результатов опросов относительно “своих” и “чужих”, анализ устных интервью. В качестве имплицитных методов используются методы контекстуального и дискурсивного анализа.

Своеобразными индикаторами изменений в самосознании этноса являются анализируемые в рамках данной темы этнокультурные автостереотипы, суждения о себе и “своих”, и гетеростереотипы, суждения о “чужих”. Они базируются на архетипической оппозиции “свой” — “чужой”, которая предполагает четкое противопоставление “своих” и “чужих”. Однако специфика данной оппозиции в немецком лингвокультурном пространстве такова, что речь может идти, с нашей точки зрения, о “синтез-оппозиции” (термин В.В. Красных относительно языка и культуры) “свой” — “чужой”, представляющей собой некий “сплав”: одновременно и “свой”, и “чужой”.

Важно отметить следующие моменты:

1. Суждения о себе и “своих”, как правило, имеют положительную коннотацию, суждения о “чужих” — отрицательную коннотацию.
2. Эмоциональный диапазон возникающих в сознании образов “своих” и “чужих” может включать иные вариации взаимоотношений: позитив в отношении “чужих” и негатив в отношении “своих”.
3. Один и тот же психологический комплекс применительно к “своим” и “чужим” получает принципиально различное название: в смысловой структуре преобладает соответственно положительная или отрицательная коннотация.
4. Этнокультурные стереотипы содействуют созданию национальной идентичности и выступают важнейшей составляющей национального характера.

Спустя почти четверть века после объединения Восточной и Западной Германии (3 октября 1990 года) проблемы внутреннего разобщения остаются важнейшим элементом немецкой социальной и политической реальности.

Создается впечатление, что многие западные немцы продолжают мыслить категориями “холодной войны”, обвиняя восточных немцев во всех неудачах и негативных явлениях общественного развития в Германии. Можно ли в таком случае говорить о позитивных трансформациях в контексте германо-германских отношений? Живы ли в сегодняшней реальности остатки прежнего образа “чужих” среди “своих”? В какой мере актуальны “расщепленные” автостереотипы восточных и западных немцев?

Ответы на эти вопросы необходимы, несмотря на сложную парадигму отношений между восточными и западными немцами. Само время диктует необходимость нового осмысления давно известной и от этого не ставшей менее актуальной проблемы.

Итак, объект нашего исследования — этнокультурные авто- и гетеростереотипы в интракультурном или “внутреннем” аспекте, которые рассматриваются как форма этнического сознания, как обобщенное представление о типичных чертах и моделях поведения, характеризующих восточных и западных немцев.

В качестве исходных параметров стереотипов рассматриваем следующие: их необходимость в обыденной жизни, гибкость в смене перспектив, отрицающее (агрессивное) и утверждающее (безобидное) содержание. Добавим, что этнокультурный стереотип характеризуется, кроме того, не только устойчивостью в отражении черт той или иной этнической группы, но и повышенной эмоциональностью, которая, в свою очередь, имплицитно определяет определенную долю субъективности.

Для выявления авто- и гетеростереотипов, характеризующих взаимоотношения между восточными и западными немцами, обратимся к конкретным результатам опроса, проведенного в декабре 2012 года (Allensbacher Archiv, ifD — Umfrage 10098, 10.2012).

В качестве наиболее часто функционирующих автостереотипов с положительной коннотацией отмечены следующие: экономный (sparsam), изобретательный (erfinderisch), скромный (bescheiden), готовый помочь (hilfsbereit), интересующийся политикой (politisch interessiert, прилежный (fleissig), честный (ehrlich). Автостереотипы с отрицательной коннотацией: недовольный (unzufrieden), недоверчивый (misstrauisch), жадный до денег (sind aufs Geld aus), поверхностный (oberflächlich), бюрократичный (bürokratisch), высокомерный (arrogant).

Интересно отметить следующую тенденцию: западные немцы оказались более самокритичными: их автостереотипы с положительной коннотацией составляют 17,1%, с отрицательной коннотацией — 21,4%; у восточных немцев соответственно — 47,1% и 12,3%.

Если обратиться к гетеростереотипам, т. е. взаимным представлениям немцев друг о друге, то в 1996 году западных немцев считали “холодными, расчетливыми, ненадежными, заикленными, сложными” (kalt, berechnend, unzuverlässig, versponnen, kompliziert). Восточные немцы слыли: старомодными, неадекватными, наивными, сентиментальными (altmodisch, unreflektiert, naiv, gefühlsduselig).

В 2012 году относительно западных немцев их восточные сограждане отмечают следующие качества: (в порядке убывания): “заносчивость, “заикленность” на деньгах, бюрократизм, поверхностность, недоверчивость, недовольство”. Несколько иная картина предстает относительно восточных немцев, которым свойственно: “недовольство, недоверчивость, жадность, поверхностность, бюрократизм и высокомерие”.

Следует заметить, что в последнее время звучат оптимистичные голоса ученых, политиков, экономистов, уверенных в позитивных изменениях менталитета немцев.

Важная и весьма обнадеживающая мысль была высказана модератором и редактором газеты “Die Welt” — К. Кр. Мальцаном: “Мы различны и становимся все более похожими друг на друга” (Wir sind verschieden und werden uns immer ähnlicher).

В словах: “Die Wahrheit liegt irgendwo zwischen Ost und West...” заключен глубокий смысл. Они призывают, на наш взгляд, восточных и западных немцев услышать друг друга, проявить взаимную толерантность не только ради себя, но, прежде всего, ради своих детей и общего единого — в истинном смысле этого слова — будущего.

Таким образом, обладая всеми свойствами социального стереотипа, этнокультурный стереотип отличается своим содержанием. Его динамическая природа объясняется динамикой, пронизывающей все сферы жизни этноса. Если стереотип появляется в силу определенных факторов, то почему бы в условиях изменения этих факторов не измениться и самому стереотипу? Перефразируя слова В. В. Красных, считаем возможным говорить не о мифе, а о реальности, в которой “чужой” среди “своих” становится “своим”, несмотря на остатки образов недалекого, но уже необратимого прошлого.

Сведения об авторе: Ольга Александровна, к.ф.н., доцент кафедры Курганского государственного университета, г. Курган, Россия; email: olgastepanenko@list.ru

ETHNIC STEREOTYPES IN THE GERMAN CONTEXT

Olga A. Stepanenko

Candidate of philological science, Assistant Professor, Kurgan State University, Kurgan, Russia; email: olgastepanenko@list.ru

Abstract

Under ethnic stereotypes we mean a general idea of the physical, moral and intellectual form of different ethnic groups. There are autostereotypes (judgments about oneself) and heterostereotypes (judgments of others), based on the archetypal opposition “own” — “alien”. Both deep and superficial evaluations are inherent in these stereotypes. In the latter case the question is that something may be positive in relation to “aliens” and negative in relation to “one’s own”. Due to global changes in the world today many ethnic-cultural stereotypes are changing.

Key words: ethno-cultural stereotype, lingvokulturah, autostereotype, heterostereotype, “own” — “alien”.

Особенности коммуникации в конфликтном педагогическом дискурсе

(по данным кросс-культурного
психолингвистического эксперимента)

А. Г. Фомин

Кемеровский государственный университет

Аннотация

Вербальная коммуникация является не только средством получения и обмена информацией, но и несет важнейшую функцию установления социальных связей и отношений. Несмотря на то, что педагогическая коммуникация характеризуется вертикальным распределением ролей, вербальное выражение несогласия не является запрещенной нормой общения в диаде “преподаватель — студент”. Эмпирические данные исследования позволяют говорить о том, что коммуникативная конвенциональность с ориентацией на достижение компромисса в конфликтной ситуации общения в большей степени свойственна американской коммуникативной культуре и реализуется в виде коммуникативных стратегий конструктивного характера (коммуникативной стратегии кооперации) либо позиции нейтралитета (коммуникативной стратегии дистанцирования).

Ключевые слова: лингвокультура, вербальная коммуникация, педагогический дискурс, конфликтная ситуация общения, коммуникативная стратегия.

Коммуникация в той или иной форме присутствует в каждой сфере человеческой деятельности. Жизнь современного общества невозможно представить без коммуникации. Изучению различных аспектов коммуникации, ее видов и форм посвящено много работ, коммуникация выступает объектом междисциплинарных исследований. Огромный интерес к изучению отдельных аспектов коммуникации способствовал формированию самостоятельных научных направлений, одним из которых является межкультурная коммуникация.

Проведенное экспериментальное исследование речевого ситуативного поведения российских и американских студентов, относящееся к данному научному направлению, включало изучение вербальной коммуникации не только как средства получения и обмена информацией, но и как источника информации о существующих социальных связях и отношениях. Целью исследования являлось

выявление и сравнение коммуникативных стратегий поведения российских и американских студентов в конфликтных ситуациях общения в профессиональном педагогическом дискурсе. Эксперимент был проведен в университете г. Лок-Хейвен, США и высших образовательных государственных учреждениях г. Кемерово. В эксперименте участвовали 248 американских и 250 российских студентов. Средний возраст респондентов составляет 20 лет. Респондентам были предложены наиболее типичные речевые ситуативные модели конфликтных ситуаций, релевантные для обеих лингвокультур в профессиональном педагогическом дискурсе [1].

Анализ экспериментальных данных позволил сделать следующие выводы.

Педагогической коммуникации свойственно вертикальное распределение ролей, однако данная иерархия коммуникативных ролей не исключает возможности возникновения конфликтных ситуаций в диаде “учитель — обучающийся”. Для выражения реакции на конфронтационные коммуникативные модели российские студенты используют стратегию нейтралитета, при провокации конфликта преподавателем превалируют реакции с использованием стратегии конфронтации. У американских студентов явным лидером выбора стратегии поведения в конфликтном сценарии являются стратегии дистанцирования (активно-нейтральной и пассивно-нейтральной позиции), а также стратегии кооперации. Если причиной конфликта является провокация преподавателя, то позицию конфронтации выбрали лишь 17% респондентов, что подтверждает тезис о том, что в рамках американской коммуникативной культуры проявления конфронтационных стратегий коммуникации нежелательны.

Безусловный приоритет при выборе метода несогласия американскими респондентами имеет стратегия кооперации (более 83% респондентов). Физические проявления несогласия (бросить учебу, игнорировать занятия, угрожать физически) абсолютно неприемлемы для американцев, что полностью подтверждает выбор конструктивной стратегии общения в рамках принципа позитивизма, свойственного американской культуре.

Анализ вербальных реакций российских респондентов на вступление в коммуникативный конфликт показал, что большая часть предпочитает избегать вступления в конфронтационную коммуникацию, если она направлена не на говорящего. При выборе вербальных реакций на конфронтационную речевую ситуативную модель в педагогическом общении конструктивная стратегия коммуникации имеет явный приоритет. Важно отметить, что независимо от того, что ожидается в ответ от преподавателя или студента, наблюдается сохранение коммуникации в рамках конструктивной модели общения. Вербальные реакции, ожидаемые со стороны преподава-

теля в конфронтационной ситуации, не обладают манипуляционной нагрузкой, как можно было бы ожидать в неравных статусных отношениях. Соответственно, можно сделать вывод о том, что несмотря на наличие вертикальных коммуникативных отношений, вышестоящий (в данном случае преподаватель) не стремится реализовать свое превосходство, скорее, наоборот, с помощью различных грамматических конструкций он старается продемонстрировать уважение к личности студента и его автономии. Анализ вербальных реакций американских студентов в ситуациях конфронтации в педагогическом общении показывает, что большинство респондентов придерживается конструктивной модели общения или сохраняет нейтралитет, однако при угрозе своему личностному достоинству или провокации на конфликт доля конфронтационных реакций резко возрастает.

Особенностями русской интерпретации принципа вежливости в педагогической профессиональной коммуникации является нежелательность, но допустимость вербальной конфронтационной коммуникации, несмотря на вертикальный статус собеседников. Анализ предложенных коммуникативных ситуаций в диаде “преподаватель — студент” показал, что безусловным нарушением принципа вежливости и этикета большинством американских респондентов расценивается как вербальная конфронтация (спор) и манера преподавателя вести беседу в безличном официальном тоне, препятствующей, по мнению американцев, установлению атмосферы понимания и благожелательности. Следует отметить, что большинство коммуникативных ситуаций вне учебного пространства и времени расцениваются негативно и воспринимаются как нарушение принципа приватности.

Доминантными ролями в образе преподавателя в сознании российских респондентов представляются роли наставника, эксперта и источника знаний. Важно отметить, что базовыми чертами, приписываемыми данному образу, будут профессионализм, хорошие практические навыки и чувство юмора. Причем практические навыки ценятся выше, чем хорошая теоретическая подготовка, в этом можно видеть изменяющееся отношение к вопросам практики и теории у современной российской молодежи, в отличие от приоритетов теоретической подготовки во времена советского режима.

Подавляющее большинство американских студентов видят в преподавателе прежде всего источник знаний, наставника и вышестоящего человека. Наименее привлекательной для образа преподавателя является роль родителя, которой в процессе общения свойственно поучение, навязывание мнения и другие проявления коммуникативного давления. Наиболее важными качествами, которыми должен обладать преподаватель, по мнению американских студентов, являются

профессионализм, практические навыки, чувство юмора. Выделение базовых частей образа преподавателя дает возможность определить степень допустимой дистанцированности и приватности, характерной для американского восприятия, и напрямую определяет особенности коммуникации в профессиональном педагогическом общении.

Список литературы:

1. Фомин А. Г., Певнева И. В. Дискурсивные исследования в психолингвистическом аспекте. Ч. 1. Речевое поведение как объект психолингвистики: опыт кросс-культурных исследований. Кемерово : Офсет, 2013. 181 с.

Сведения об авторе: Фомин Андрей Геннадьевич, д.ф.н., профессор, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия; email: andfomin67@mail.ru

COMMUNICATION CHARACTERISTICS IN CONFLICT PEDAGOGICAL DISCOURSE (CROSSCULTURAL PSYCHOLINGUISTIC STYDY)

Andrey G. Fomin

Professor, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia;
email: andfomin67@mail.ru

Abstract

Apart from being a means of acquiring and exchanging information, verbal communication performs a most important function of establishing social contacts and relations. Despite the fact that pedagogical communication is characterized by the vertical distribution of roles, verbal expression of disagreement is not forbidden in 'teacher — student' communication. Empiric research data suggest that the communicative conventionality oriented at compromise is more characteristic for the American communicative culture and is realized in the form of constructive communicative strategies (the strategy of cooperation) or neutral attitude (the strategy of distancing).

Key words: Linguoculture, verbal communication, pedagogical discourse, communication in conflict situation, communicative strategy.

References:

1. Fomin, A. G. & Pevneva, I. V. (2013). *Diskursivnye issledovaniia v psikho-lingvisticheskom aspekte. Ch. 1. Rechevoe povedenie kak ob'ekt psikholingvistiki: opyt kross-kul'turnykh issledovaniy* [Psycholinguistic discourse investigations. P. 1 Speech behavior as an object under psycholinguistic study]. Kemerovo: Ofset. 181 p.

Неологизмы как источник знаний о новой культурной реальности и их роль в образовательном процессе (на материале немецкого языка)

Н. В. Фурашова

Минский государственный лингвистический университет

Аннотация

Немецкий язык, как и многие другие, переживает сегодня век неологизации — активного обогащения словарного состава новыми единицами. Для изучающих немецкий язык как иностранный неологизмы, с одной стороны, представляют собой бесценный источник информации о новых реалиях социокультурной жизни Германии. С другой стороны, они влекут за собой определенные проблемы для образовательного процесса. Одна из них связана с неприятием культурой-реципиентом явлений из культуры-источника и, как следствие, игнорированием неологизмов, именующих соответствующие явления. Объяснением такого подхода является стремление преподавателей “оградить изучающих немецких язык молодых людей от тлетворного влияния Запада”. Аргументы в пользу противоположной точки зрения: такой подход представляет собой необоснованное препарирование действительности и языка в ходе преподавания; незнание новой реальности общества изучаемого языка и несформированность отношения к явлениям, не имеющим соответствия и даже противоречащим представлениям в родной культуре, может привести к межкультурным конфликтам.

Ключевые слова: неологизм, культура-источник, культура-реципиент, образовательный процесс, межкультурный конфликт.

Немецкий язык, как и многие другие, переживает сегодня век неологизации — активного обогащения словарного состава новыми единицами. Количество неологизмов, появившихся в немецком языке за последние 25 лет, составляет по данным словаря неологизмов Института немецкого языка в г. Мангейме [1] более 1650 единиц. Кроме этого, в словаре есть раздел, в который включены так называемые скрытые неологизмы — лексемы или сочетания, которые по каким-либо причинам не выделены в отдельную словарную статью, но встречаются в дефинициях других неологизмов. В данном разделе насчитывается более четырех тысяч новых номинативных единиц.

Исследованный корпус новых слов содержит единицы, фиксирующие новшества во всех сферах жизни современного немецкоязычного социума: общество, политика, экономика, защита окружающей среды, информационные технологии, средства массовой информации и др. Нельзя не отметить большую долю заимствований, в первую очередь, из английского языка, но также и из других — итальянский, арабский, китайский, французский, японский, что является следствием активных межкультурных контактов и в целом глобализации. Можно затронуть здесь проблемы, вытекающие из массового заимствования англицизмов, для изучающих немецкий как иностранный и не владеющих английским языком. Но если согласиться с тем, что английский язык сегодня — это *lingua franca*, который обязаны знать все, тогда можно смириться с этим в надежде, что современная молодежь способна справиться с данной проблемой. В конечном итоге, англицизмы проникают и в родной язык студентов, что облегчает их освоение и в изучаемом иностранном языке.

Ценность неологизмов для образовательного процесса заключается в том, что они представляют собой источник информации о жизни современного немецкоязычного общества. Это то, что определяется как познавательная функция языка. Так, например, следующие неологизмы “повествуют” об интересных новых объектах и явлениях общественно-культурной жизни:

- *Inklusionsklasse* — “класс, в котором здоровые дети и дети-инвалиды обучаются вместе”;
- *Strickgraffito* — “связанные на спицах или крючком изделия, которые размещаются активистами ночью на разных предметах или деревьях с целью сделать общественные места более красивыми”;
- *Helikoptereltern* — “родители, чрезмерно опекающие своих детей”;
- *Pop-up-Restaurant* — “ресторан, который временно открывается в нетрадиционном месте (на природе, в пустующем сарае, фабричном помещении и т. п.).”

Как только новшества в жизни страны изучаемого языка вступают в конфликт с ценностями родной культуры студентов и — что следует особо подчеркнуть — преподавателей, то они сразу вызывают неприятие и даже протест со стороны последних и из образовательного процесса исключаются. В качестве примера можно привести:

- номинации новой культуры погребения: *Baumbestattung* — “погребение праха умершего в биоурне в радиусе дерева на специально отведенном для этого участке в лесу или на кладбище”; *Diamantbestattung* — “использование части праха умершего для изготовления бриллианта и захоронение оставшейся части в урне”; *Friedwald* — “специально отведенное место в лесу, где прах умерших погребается в биоурне у ствола дерева” и др.;

- новые формы совместного проживания: *Verpartnerung* — “регистраемый в загсе однополый брак”; *Regenbogenfamilie* — “семья из однополых партнеров и их детей”; *Komutter* — букв.: “со-мама”; *Kovater* — букв.: “со-папа”; *Koeltern* — букв.: “со-родители” — номинации небологических матерей, отцов, родителей в однополых браках.

Разное отношение к неологизмам объясняется тем, что лексические единицы являются не просто элементами лексической системы языка, а очень тесно связаны с концептуальными структурами, стоящими за ними. Общепризнано, что познание мира человеком с помощью органов чувств, в ходе непосредственного взаимодействия с ним не может быть “беспристрастным”, оно всегда эмоционально, сопровождается определенным отношением к объектам и явлениям этого мира. Это же можно утверждать и в отношении познания действительности через язык, через лексические единицы, что демонстрируют приведенные выше неологизмы и проблемы, с которыми нам пришлось столкнуться в практике преподавания немецкого языка как иностранного.

С одной стороны, аргументы против включения неологизмов, о которых шла речь выше, в образовательный процесс принять можно. Согласно положению об ориентирующей функции языка, указанные выше лексические единицы, не имея негативного оценочного компонента в культуре-источнике, сообщают молодым людям, например, об однополых браках как о “нормальном”, признанном обществом явлении. Это может их заинтересовать, как и все новое, привлечь и, в крайнем случае, соответствующим образом “сориентировать”.

С другой стороны, узнать что-либо новое не означает автоматически признать и принять это новое. Задача преподавателя в такой ситуации заключается, на наш взгляд, в том, чтобы помочь молодым людям сформировать свое отношение к подобным явлениям, утвердиться в своей позиции и — что не менее важно — сформировать толерантное отношение к ним, без которого межкультурная коммуникация невозможна.

Желание преподавателей исключать такие “чужеродные” лексические единицы из учебного материала можно рассматривать как препарирование преподаваемого языка и соответственно картины мира соответствующего социума. Если к тому же учесть индивидуальность каждого преподавателя, то субъективность в подходе к содержанию учебного материала еще больше возрастает. Единица, которая одним кажется абсолютно приемлемой, другими будет подвергнута осуждению. Таким может оказаться, например, приведенный выше неологизм *Helikoptereltern* — одни осуждают чрезмерную опеку детей родителями, другие, напротив, относятся к ней положительно, так как она мотивирована современным обществом, в котором, с одной

стороны, дети подвержены большому количеству опасных соблазнов и угроз (наркотики, насилие и т. п.). С другой стороны, современное немецкое общество характеризуется как *Leistungsgesellschaft* — общество, в котором все направлено на достижение успеха, в котором ценность человека определяется тем, чего он добился в жизни. Родители, проявляющие такую заботу о своих детях, движимы стремлением подготовить их к жизни в данном обществе, что заслуживает положительной оценки.

Может быть, более убедительным в данном контексте станет следующее явление в жизни немецкого общества и ряд номинаций для него. Речь идет о младенцах, от которых мамы отказываются после их рождения. Не подвергая это явление только осуждению и порицанию, государство старается помочь как мамам, так и младенцам, чтобы предотвратить трагические случаи, например, убийства младенцев или другие способы избавиться от них. Для этого в медицинских и социальных учреждениях были оборудованы специальные места, где за окном с непрозрачным стеклом стояли обогреваемые “постельки”, в которых мамы могли оставлять своих младенцев. Отсюда ряд наименований для этого явления: *Babyfenster* — “окно для младенцев”, *Babyklappe* — “створка, которую надо открыть, чтобы положить за нее младенца”, *Babykorb* — “корзинка для младенца”.

Неологизм *anonyme Geburt* — “анонимные роды в больнице, когда мама дает согласие на усыновление ребенка кем-либо” — отражает новые условия, созданные для женщин, не желающих по какой-либо причине сохранить своего ребенка. Когда мамы “подкладывали” детей в описанные выше окна, дети впоследствии имели “неизвестное происхождение”, что было расценено в обществе как нарушение прав ребенка. Забота о будущем таких детей и их правах мотивировала создание новых условий для женщин, не желающих сохранить своего ребенка: *vertrauliche Geburt* — “конфиденциальные роды в больнице, когда мама обязана оставить свои данные, которые хранятся в тайне до достижения ребенком 16-летнего возраста и которые он вправе узнать, чтобы не быть ‘без роду, без племени’”. Данный закон был принят в мае 2014 года.

Данные неологизмы отражают ряд мер государства и правительства Германии, направленных на то, чтобы предотвратить негативные явления в жизни общества, и демонстрирующих заботу государства о членах общества, что заслуживает только положительной оценки и, следовательно, права быть включенными в качестве страноведческой информации в образовательный процесс. Однако этого права они — как и многие другие подобного рода — лишаются, поскольку представляют явления, подлежащие морально-этическому осуждению в родной культуре студентов как нечто нейтральное и разрушают таким образом наши морально-этические устои.

Обозначив проблему, которая и среди исследователей языка на-верняка вызовет раскол мнений, приведем в завершение последний аргумент. Исключение неологизмов, о которых шла речь выше, из образовательного процесса приводит к тому, что, оказавшись в ситуации межкультурного общения и все-таки столкнувшись с соответствующими явлениями, студенты реагируют на них негативно, что может привести к межкультурным конфликтам. В связи с этим позволим себе в заключение сослаться на высказывание одного из докладчиков пленарного заседания: мы должны готовить студентов не к нашему прошлому, а к их будущему.

Список литературы:

1. Neologismenwörterbuch [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.owid.de/wb/neo/start.html>. — Дата доступа: 04.09.2014.

Сведения об авторе: Фурашова Наталья Владимировна, к.ф.н., доцент, зав. кафедрой лексикологии немецкого языка, Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь; email: nata.fur@gmail.com

NEOLOGISMS AS THE SOURCE OF KNOWLEDGE OF NEW CULTURAL REALITY AND THEIR ROLE IN EDUCATIONAL PROCESS (ON GERMAN MATERIAL)

Natalya V. Furashova

PhD in Linguistics, Associate Professor, Head of the Department of German Lexicology, Minsk state linguistic university, Minsk, Belarus; email: nata.fur@gmail.com

Abstract

German, as well as many others, endures a century of a neologization today — active enrichment of dictionary structure by new units. For learning German as foreign neologisms, on the one hand, represent an invaluable source of information on new realities of sociocultural life of Germany. On the other hand, they involve certain problems for educational process. One of them is connected with rejection by recipient culture of the phenomena from source culture and, as a result, ignoring of the neologisms naming the corresponding phenomena. An explanation of such approach is the aspiration of teachers “to protect young people learning German language from noxious influence of the West”. Arguments in favor of the opposite point of view: such approach represents unreasonable preparation of reality and language; ignorance of new reality of society of the learned language and not created relation to the phenomena which don't have compliance and to the even contradicting representations in native culture, can lead to the cross-cultural conflicts.

Key words: neologism, source culture, recipient culture, educational process, cross-cultural conflict.

References:

1. Neologism dictionary [digital resource]. — access mode: <http://www.owid.de/wb/neo/start.html>. — Accessed 04.09.2014.

Русский императив глазами иностранца: сложности и пути их решения

Ч. Челоне

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительного анализа трех авторитетных работ по грамматике русского языка, используемых при обучении русскому языку иностранцев, в частности, итальянцев, в отношении интерпретации и объяснения императива глаголов совершенного и несовершенного вида. Выбор предмета анализа обусловлен тем, что овладение семантикой и функционированием в речи форм повелительного наклонения глагола представляет большую сложность при изучении русского языка как иностранного. Данная трудность объясняется тем, что в итальянском языке, и не только, отсутствует противопоставление глагольных форм совершенного и несовершенного вида.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика РКИ, повелительное наклонение глагола, императив, несовершенный вид глагола, совершенный вид глагола.

Grammatica russa. Morfologia: teoria ed esercizi

Первое учебное пособие, проанализированное нами, — “Grammatica russa: Morfologia, teoria ed esercizi” — используется в университетах Италии как грамматическая поддержка при изучении русского языка. В главе, посвященной императиву, читаем: “Посредством СВ выражается совет, приказ, просьба. Посредством НСВ выражается побуждение к выполнению действия или продолжение действия, уже начавшегося и упоминающегося, приглашение, пожелание, рекомендательный совет” [2, с. 524]. Даже носителю русского языка, и уж тем более неопытному читателю-иностранцу, очевидна неясность при-

веденной формулировки. Для подтверждения неочевидности этого толкования приведем некоторые примеры из учебного пособия и предложим читателю самостоятельно определить значение императива: *Переходя улицу, посмотри сначала налево, потом направо!*; *Послушай меня, извинись перед отцом!*; *Отвезите меня на вокзал!*; *Сядь и читай!*; *Спите с открытым окном!* [2, с. 524]. Как видим, для определения семантических различий между видовыми формами глаголов повелительного наклонения, использованными в этих фразах, объяснения, данного авторами учебного пособия, явно недостаточно.

Глагольный вид в русском языке: значение и употребление

В этом учебном пособии, как нам кажется, применяется более эффективный метод объяснения темы императива. В предисловии к главе, посвященной повелительному наклонению глаголов, содержится важное замечание, что в ней прежде всего будут рассмотрены такие речевые ситуации, в которых следует использовать исключительно СВ или НСВ, и только потом будут представлены случаи, допускающие конкуренцию, т. е. параллельное употребление видов. Однако в тексте главы установка на четкое разграничение названных случаев употребления видов реализуется далеко не всегда. Следующий шаг объяснения — использование императивных глаголов с отрицанием. Нам кажется, что в такой последовательности нарушена логика, поскольку автор еще не завершил объяснение использования СВ и НСВ императива в утвердительных предложениях. Вопрос об отрицательных конструкциях требует отдельного, специального рассмотрения, поскольку отрицательные конструкции подчиняются своим правилам. Третий раздел главы, названный “Взаимозамена видов в императиве” [1, с. 157], начинается с весьма неоднозначной формулировки: “В утвердительных предложениях возникает возможность замены формы СВ на форму НСВ” [1, с. 157]. Это заявление подразумевает, что употребление в утвердительных предложениях СВ императива более распространено, чем использование НСВ, или вообще является единственной нормой и что только в некоторых случаях форма СВ императива заменяется формой НСВ. Между тем ранее об этом не было сказано ни слова.

Виды глагола в русской речи

В пособии К. А. Соколовской тема императива раскрывается по-другому по сравнению с предыдущим пособием. С общей точки зрения, структура глав ясна и логична, использованные автором схемы облегчают понимание содержания. Однако если сначала изложение учебного материала производит впечатление точного и целенаправленного, то с развитием темы возрастает избыточность текста и материал становится менее понятным. Например, в главе рассматривается “ситуация параллельного употребления видов императива”

[3, с. 204] и приводятся примеры, однако из них только первый является точной иллюстрацией конкуренции видов: 1. У нас хорошая гостиница. Оставайтесь у нас. 2. У нас хорошая гостиница. Оставьте у нас. Остальные примеры только путают иностранного читателя: 3. Может, пора уезжать? — Нет еще, у вас много работы. Лучше оставайтесь (ИМП св-совет) до вечера. 4. Куда вы в такой дождь?! Оставайтесь (ИМП нсв-совет) до завтра [3, с. 205].

Наше предложение: употребление формы СВ / НСВ императива

Мы предлагаем вариант того, как, на наш взгляд, эффективно и ясно можно представить тему повелительного наклонения иностранным студентам. За основу мы взяли теоретический и практический материал всех трех учебников, проанализированных нами выше, проработали его, переоформили в схемы и таблицы, чтобы все было логично и удобно для ознакомления.

Императив в утвердительных предложениях

Самый важный критерий при выборе вида императива — это многократность или однократность действия, выраженного императивом, т. е. повторяющиеся и неповторяющиеся действия. Первые передаются императивом НСВ, вторые передаются, главным образом, императивом СВ, но бывают случаи, когда они передаются императивом НВ или когда возможна конкуренция видов императива, т. е. возможно их параллельное употребление. В этом случае в одном

Том 1 | Секция 4

Параллельное употребление СВ и НСВ (Б.2)

- Подтверждение согласия или разрешения совершить действие (Б.2.1)
- В случае повторения императива (Б.2.2)

и том же предложении можно использовать СВ или НВ глагола — при употреблении той или иной формы глагола значение предложения не сильно меняется, но бывает, что само предложение может приобрести разные смысловые оттенки.

А) Многократные действия — императив НСВ

Всегда употребляем форму НВ императива, когда выражаем многократность действия. Обычно это касается таких случаев, когда говорится об *общих советах, привычках* или когда отвечаем на вопрос “Что делать для того, чтобы...?": *Регулярно делайте утреннюю гимнастику; Чтобы хорошо спать, открывай форточку перед сном.*

- При присутствии **наречий, обозначающих частоту** (*часто, каждый день, по средам, регулярно...*), всегда необходимо употреблять императив НВ!

Б) Однократные действия — императив СВ и НСВ

Б.1) Однократные действия выражаются в утвердительных предложениях с помощью императива СВ (они обретают форму ПРОСЬБЫ): *Сегодня холодно, надень шапку!; Позвони сестре! Она ждет твоего звонка!*

Б.2) Иногда возникает возможность замены формы СВ на форму НВ (параллельное употребление). Использование формы НВ в утвердительном предложении однократного значения допустимо, когда требуемый результат уже известен из контекста и не является ремой сообщения:

- **Б.2.1. Подтверждение согласия или разрешение совершить действие**
Подтвердить согласие или разрешение совершить действие, когда значение “Действуйте, пожалуйста! Я не возражаю”: *Можно от Вас позвонить? — Звоните, конечно.*
- **Б.2.2. В случае повторения императива**
При повторении. Чтобы выразить подбадривание, настойчивость в побуждении к действию: *Включи, пожалуйста, свет. Уже темно (СВ). Ну, что же ты медлишь, включай! (НС).*
 - Указанное употребление формы НВ императива не является строгой нормой, а представляет лишь довольно устойчивую тенденцию. Поэтому в случаях затруднений можно рекомендовать студентам использовать форму СВ.

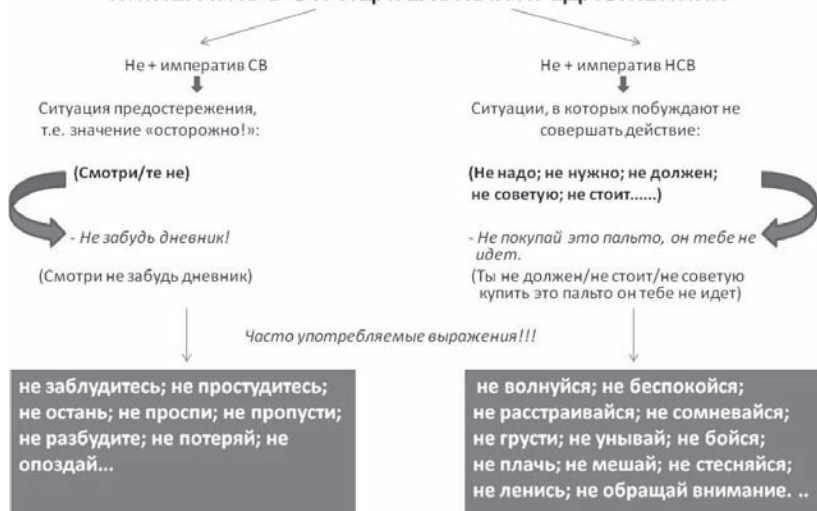
Б.3) Еще бывают случаи, когда только форма императива НВ допустима:

- **Б.3.1. Ситуация вежливого приглашения** (любезного приглашения) передается рядом слов в форме императива НСВ: *проходите; раздевайтесь; знакомьтесь; усаживайтесь поудобнее; угощайтесь...* Эти слова обычно адресованы гостям: *Здравствуйте, Иван Петрович! Рады вас видеть! Проходите, раздевайтесь.*

- **Б.3.2.** Когда контекст указывает на длительно-процессное действие, тогда императив, побуждающий совершать действие в процессе, передается НВ: *Антон старался вспомнить фамилию ученого.* — *Нет, не помню.* — *Вспоминайте, вспоминайте!* — *настаивал Королев.*
 - Обратите внимание, что иногда в ситуациях середины действия употребляют сравнительные наречия: *потихше; внимательнее; помедленнее.*
 - Всегда с наречием “пока” используется НВ глагола: *Дети, пока будете гулять в парке, любуйтесь цветами.*
- **Б.3.3.** В некоторых ситуациях определенное действие всегда естественно ожидается, так что, используя императив, мы лишь напоминаем, приглашаем к совершению уже известного из контекста действия; в таких ситуациях естественна именно форма НВ: *Вы приготовились к ответу? Хорошо, подумайте еще немного. Теперь готовы? Идите к столу, отвечайте!* После ответа ученика преподаватель может сказать: *“Хорошо, садись!”* В этих случаях говорящий не сообщает о том, что именно надо сделать, он разрешает произвести естественно ожидаемое действие.
 - В этих случаях можно заменить императив инфинитива несовершенного вида словами “сейчас можно + инфинитив”: *сейчас можно садиться; сейчас можно платить; сейчас можно отвечать.*

Императив в отрицательных предложениях

ИМПЕРАТИВ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

В данной работе мы пытались выделить самые сложные моменты при преподавании темы повелительного наклонения иностранцам и предложить наш собственный вариант представления данной темы. В ходе нашего исследования мы обратили внимание на то, что в учебных пособиях по русскому языку для иностранцев вопрос использования видов императива рассмотрен не полностью, приведенные примеры не всегда ясны и допускают иное толкование, а предписания по выбору видовой формы глагола отражают, как правило, конкретную коммуникативную ситуацию и не могут претендовать на статус общих правил. Ценность пособий могла бы быть выше при более эффективной организации материала, использовании наглядных схем и таблиц. Авторы некоторых книг по методике РКИ не всегда учитывают, что их адресат не является носителем русского языка, а значит, требуется особый подход к преподнесению дидактического материала. Кроме того, важно минимизировать материал, чтобы не перегружать обучаемых лишней или малозначимой информацией.

Список литературы

1. Гуревич В. В. Глагольный вид в русском языке: значение и употребление. М. : Флинта : Наука, 2008. С. 221.
2. Чевезе К., Добровольская Ю., Маньянини Э. Grammatica russa — Morfologia: teoria ed esercizi. NOEPLI, 2007. С. 705. Эта книга используется в университетах Италии как грамматическая поддержка при изучении русского языка.
3. Соколовская К. А. Виды глагола в русской речи : учеб. пособие. М. : Русский язык Медиа, 2008. С. 285.

Сведения об авторе: Челоне Чинция, магистрант II курса, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия; email: cencious86@yahoo.it

STUDYING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE — THE IMPERATIVE TENSE

Celone Cinzia,

Student at the “Perm’ State University”, Russia; email: cencious86@yahoo.it

Abstract

In our work we present the results of a comparative analysis of three well-known Russian grammar books used to teach foreigners, as well as Russian students, Russian language. In particular, we investigated how the Imperative tense is approached and explained in all of them (theoretical and practical part). The aim of this analysis is to identify the virtues and vices of these three paths in order to develop the best approach to this

matter — how a lesson on the Imperative tense should be. We chose this subject because it represents one of the most difficult aspects of the Russian language to learn and assimilate for Italian students, and not only, studying Russian. In addition to the literature, we based our work on our professional and academic experience.

Key words: Russian as a foreign language, imperative tense, perfective aspect, imperfective aspect.

References:

1. Gurevich, V. V. (2008). *Glagoľnyi vid v ruskom iazyke: znachenie i upotreblenie* [Verbal aspects in the Russian language: meaning and use]. Moscow: Flinta: Science. P. 221.
2. Cevese, C., Dobrovol'skaja, J., Magnanini, E. (2007). *Grammatica russa — Morfologia: teoria ed esercizi*. HOEPLI. P. 705.
3. Sokolovskaia, K. A. (2008). *Vidy glagola v russkoi rechi: uchebnoe posobie* [Verbal aspects in the Russia speech]. Moscow: Russian Language Media. P. 285.

Научное издание

**Магия ИННО:
новое в исследовании языка
и методике его преподавания**

Материалы Второй научно-практической конференции

(Москва, 24–25 апреля 2015 г.)

Том 1
Секции 1–4

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 1.12.2015. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 42. Уч.-изд. л. 37,88. Тираж 330 экз. Заказ

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76